КЕВИН АНДЕРСОН
БРАЙАН
ГЕРБЕРТ

ДЮНА:
БАТЛЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД

БРАЙАН ГЕРБЕРТ
КЕВИН АНДЕРСОН

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ДЮНА

БАТЛЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД

BRIAN HERBERT
KEVIN J. ANDERSON
DUNE
The Batlerian Jihad

Брайан Герберт
Кевин Андерсон

ДЮНА
Батлерианский джихад

издательство
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Г37

Brian Herbert and Kevin J. Anderson

DUNE

THE BUTLERIAN JIHAD

Перевод с английского А.Н. Анваера

Печатается с разрешения авторов, Trident Media Group, LLC
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Герберт, Б.

Г37 Дюна: Батлерианский джихад : [роман] / Брайан Герберт, Кевин Андерсон; пер. с англ. А.Н. Анваера. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 749, [3] с.

ISBN 978-5-17-021928-5 (ООО «Издательство АСТ») (С.: ЗБФ)
ISBN 978-5-9713-5206-8 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
Серийное оформление А.А. Кудрявцева
Художник В.Н. Ненов
Компьютерный дизайн А.С. Сергеева

ISBN 978-5-17-040331-8 (ООО «Издательство АСТ») (С.: ЗБФ-2)
ISBN 978-5-9713-4294-6 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
Оформление А.А. Кудрявцева
Художник М.Н. Калинкин
Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Это — «ДЮНА».

САМАЯ ПРОСЛАВЛЕННАЯ САГА ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ. Вы читали сериал «Дюна»? Конечно!

Но — хотите вы знать ПРЕДЫСТОРИЮ саги о Дюне? Хотите знать, С ЧЕГО НАЧАЛАСЬ история многовековой вражды Великих Домов Атрейдес и Харконнен?

Тогда — НЕ ПРОПУСТИТЕ!!!

Перед вами — увлекательная книга, написанная сыном Фрэнка Герберта, талантливым писателем Брайаном Гербертом, в соавторстве с Кевином Андерсоном, автором популярных во всем мире новеллизаций «Секретных материалов» и «Звездных войн».

Вы хотите снова оказаться в мире «Дюны»?

Прочтите. НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Herbert Limited Partnership, 2002
© Перевод. А.Н. Анваер, 2004
© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Принцесса Ирулан пишет:

Каждый приверженный истине ученик должен понять, что история не имеет начала. Независимо от того, какую точку отсчета мы принимаем за начало, до нее уже существовали более ранние герои и более ранние трагедии.

Для того чтобы понять Муад'Диба или суть происходящего сейчас джихада, последовавшего за свержением моего отца, императора Шаддама IV, надо понять, против чего мы сражаемся. Следовательно, надо заглянуть на десять тысяч лет назад, за десять тысячелетий до воцарения Пауля Атрейдеса.

Именно там видим мы основание империи, именно тогда, из пепла битвы при Коррине, восстал император, объединивший искалеченные остатки человечества. Нам надо изучить самые древние рукописи, обратиться к мифам зарождения Дюны, во времена Великого Переворота, известного под именем Батлерианского джихада.

Ужасная война против мыслящих машин стала зарождением нашей политико-торговой вселенной. А теперь слушайте внимательно: я поведаю вам историю о том, как свободолюбивые люди восстали против господства роботов, компьютеров и кимеков. Присмотритесь и поймите, откуда взялась смертельная вражда между Домом Атрейдесов и Домом Харконненов, яростная вражда, которая продолжается по сей день. Проследите корни возникновения Общины Сестер Бене Гессерит, Космической Гильдии и ее навигаторов, школы оружейных мастеров Гиназа, появления врачей школы Сук и ментатов. Станьте свидетелями жизни скитальцев-дзенсунни, которые бежали в пустынный мир Арракиса, чтобы стать самыми доблестными нашими воинами — фрименами.

Именно эти события привели к рождению и жизни Муад'Диба.

Задолго до явления Муад'Диба, в последние дни Старой Империи, человечество утратило тягу к жизни. Земная цивилизация распространилась к дальним звездам, но стала застойной. Утратив былую дерзость и притязания, большинство людей доверили выполнение всех самых обыденных задач машинам. Постепенно люди перестали думать, мечтать, да, собственно говоря, и жить.

Тогда из дальней системы Талим явился человек, ясновидящий, принявший имя Тлалок, по имени древнего бога дождя. Он говорил, обращаясь к вялой, расслабленной толпе, пытаясь оживить в ней человеческий дух, но мало преуспел на этом поприще. Но нашлись люди, услышавшие Тлалока. Эти новые мыслители сошлись на тайную встречу, чтобы обсудить, как изменить лицо империи, если удастся сбросить глупых и недалеких правителей. Отбросив имена, данные им при рождении, они приняли новые — имена древних богов и героев. Самым выдающимся из новых мыслителей стал военачальник Агамемнон и его возлюбленная Юнона, гений тактики. Эти двое разыскали программиста Барбароссу, который разработал схему превращения вездесущих услужливых машин империи в неумолимых и бесстрашных агрессоров, придав их разуму — мозгу AI — некоторые человеческие черты — например, стремление к завоеваниям. Потом к повстанцам присоединились еще несколько человек. Двадцать могучих умов образовали ядро революционного движения, захватившего власть в Старой Империи.

Одержав победу, они назвали себя титанами, по имени самых древних греческих богов. Ведомые ясновидящим Тлалоком, эти двадцать человек разделили между собой власть над людьми и планетами, силой распространяя свои эдикты и указы с помощью агрессивных думающих машин Барбароссы. Так завоевали они большую часть известной Галактики.

Нашлись, однако, люди, оборонявшиеся на окраинах Старой Империи от этого натиска. Эти люди образовали конфедерацию — Лигу Благородных — и начали сражаться с двадцатью титанами. После многих кровавых битв Благородные сумели отстоять свою свободу. Они остановили наступление титанов и отбросили их.

Тлалок поклялся обуздать этих противников, но, пробыв у власти менее чем десять лет, ясновидящий вождь погиб от

нелепой случайности. Командующий Агамемнон занял место вождя, но смерть друга и учителя послужила мрачным напоминанием о бренности самих титанов.

Желая править в течение столетий, Агамемнон и его возлюбленная Юнона решились на рискованный шаг. Им удалили головной мозг, поместили его в специальную емкость, которую можно было вмонтировать в механические тела. Один за другим — чувствуя приближение призрака старости и уязвимости — остальные титаны тоже превратили себя в кимеков — машины с человеческим разумом.

Эпоха титанов продолжалась целое столетие. Узурпаторы кимеки правили своими планетами, используя для поддержания жесткого порядка все более сложные компьютеры и роботы. Но настал судьбоносный день. Склонный к гедонизму титан Ксеркс, желая больше времени посвящать удовольствиям, открыл свой мозг вездесущей сети разума A1.

Восприимчивая компьютерная сеть отреагировала мгновенно и захватила власть над всей планетой. За планетой Ксеркса жертвой машинного разума пали и другие миры. Власть компьютеров распространялась по Вселенной со скоростью особо опасной инфекции. Всемирный разум захватил неограниченную власть над Галактикой. Приняв имя Омниуса, вселенский разум овладел всеми планетами титанов, прежде чем они смогли предупредить друг друга о грозившей опасности.

Омниус принялся устанавливать во Вселенной свое в высшей степени упорядоченное правление. Униженные кимеки на себе испытали тяжесть его невыносимого гнета. Бывшие некогда хозяевами Вселенной, Агамемнон и его товарищи поневоле оказались рабами всемирного разума.

Ко времени Батлерианского джихада Омниус и его мыслящие машины уже тысячу лет железной хваткой держали свой Синхронизированный Мир.

Но на окраинах сохранились отдельные общины свободных людей. Оказывая друг другу помощь, они, как шипы в боку, доставляли неприятности мыслящим машинам. Все попытки Омниуса покорить Лигу Благородных разбились об ее эффективную оборону.

Но машины каждый раз изобретали новый план боевых действий.

Как только люди создали компьютер, способный собирать информацию и учиться, используя ее, они подписали смертный приговор человечеству.

Сестра Рекка Финита

Салуса Секундус висела в пустоте космического пространства, как украшенный драгоценностями шарик, как оазис плодородных и обильных полей, как островок покоя, весьма приятный для зрительных сенсоров. К несчастью, этот безмятежный мир был заражен дикими и неразумными человеческими существами.

Флот роботов приблизился к главной планете Лиги Благородных. Бронированные боевые корабли ощетинились оружием, блистая зловещей красотой своих отражателей, мощных антенн и сенсоров. Кормовые двигатели изрыгали чистейшее пламя, придавая кораблям ускорение, какого не вынесли бы биологические тела обычных живых пассажиров. Мыслящим машинам не нужны ни пища, ни элементарный физический комфорт. Сейчас перед ними стояла главная задача — уничтожить остатки последнего очага сопротивления обычных людей, окопавшихся на диких окраинах Синхронизированного Мира.

Сидя в своем флагманском пирамидальном судне, атакой руководил генерал-кимек Агамемнон. Логическому машинному мышлению были чужды такие понятия, как слава или месть. Но самому Агамемнону эти понятия чужды не были. Его живой разум, закованный в механический контейнер, внимательно наблюдал за исполнением плана.

Впереди шли корабли флота роботов, они вломились в зараженную человеческим материалом планетную систему, ошеломив экипажи кораблей космической стражи, которым пришельцы показались неотвратимой лавиной. Корабли ох-

ранения открыли огонь и рассредоточились, стараясь отразить нападение бездушных машин. Пять охранных кораблей Лиги открыли огонь тяжелыми ракетами, но их снаряды оказались слишком тихоходными, чтобы поразить несущиеся с невообразимой скоростью суда противника. Несколько судов-роботов были повреждены или уничтожены удачными выстрелами, и приблизительно столько же кораблей Лиги взорвалось, вспыхнув яркими звездами и превратившись в пар. Их уничтожили не потому, что они представляли какую-то опасность, а просто из-за того, что они оказались на пути.

Только несколько разведчиков, оказавшихся в стороне от боя, смогли передать предупреждение на беззащитную Салусу Секундус. Боевые корабли-роботы превратили в пар внутренний периметр человеческой обороны, даже не замедлив движения к главной цели. Содрогаясь от экстренного торможения, корабли-роботы достигнут планеты вскоре после того, как ее столица получит предупредительный сигнал о вторжении.

У людей не будет времени подготовиться к отражению атаки.

Флот роботов по численности в пять раз превышал численность самых крупных сил, которые Омниус когда-либо высылал против Лиги Благородных. Люди предались благодушию и расслабились, не сталкиваясь с мощными наступательными действиями роботов в течение последнего столетия напряженной «холодной войны». Но терпение машин неиссякаемо, они могут долго ждать, и вот теперь у Агамемнона и оставшихся в живых титанов наконец снова появился шанс.

На планету Лиги были заброшены мириады крошечных разведывательных зондов. Удалось выяснить, что Лига установила непроницаемую, как ей казалось, защиту от гелевых схем, на которых было основано действие мыслящих машин. Огромный механический флот будет ждать на безопасном расстоянии, пока Агамемнон и его маленький авангард из кимеков пробьются вперед и выполнят миссию — возможно, самоубийственную — открытия бреши в системе обороны Лиги.

Агамемнон был охвачен радостными предчувствиями. Эти несчастные биообъекты уже слышат вой тревожной сигнализации, спешно готовятся к защите и... испытывают настоящий животный страх. С помощью текучего электрического

поля, которое поддерживало жизнь в его лишенном тела мозгу, Агамемнон передал приказ своим кимекам: «Уничтожим сердце человеческого сопротивления. *Вперед!*»

В течение адски тяжелого тысячелетия Агамемнон и его титаны были вынуждены служить компьютерному мировому разуму, Омниусу. Задыхаясь под его гнетом, амбициозные, но потерпевшие поражение кимеки вымещали теперь накопившуюся горечь на Лиге Благородных. Битый генерал лелеял надежду в один прекрасный день ополчиться на Омниуса, но пока для этого не было никакой реальной возможности.

Лига выстроила вокруг Салусы Секундус новые уничтожающие поля, которые были способны вывести из строя самые сложные и хитроумные гелевые схемы компьютеров системы A1, но эти поля были бессильны против Агамемнона и его соратников, так как, хотя у них были механические системы и заменяемые тела роботов, мозг их оставался человеческим.

Именно поэтому у них был шанс невредимыми преодолеть защитное поле планеты.

Агамемнон изучал планету Салуса Секундус, перечеркнутую перекрестием прицела. Обращая пристальное внимание на детали, командующий принялся рассматривать тактические возможности, применяя для этого свое искусство, отточенное в течение столетий, и интуитивное понимание сути и целей вторжения. В свое время он подтвердил свои способности, когда с двадцатью сторонниками поставил на колени Старую Империю только для того, чтобы потом бесславно положить ее к ногам Омниуса.

Перед тем как осуществить эту дерзкую атаку, всемирный компьютерный разум настаивал на проведении учений на макетах, имитирующих каждое возможное положение, и разработке плана, в котором все эти положения были бы предусмотрены. Но Агамемнон понимал всю бесполезность таких планов, когда дело касалось не слишком логично мыслящих людей.

Теперь, когда огромный флот роботов сокрушил, как и ожидалось, орбитальную оборону Лиги и уничтожил охранные корабли периметра, разум Агамемнона вышел за пределы тесного контейнера. Вооруженный многочисленными сенсорами,

он чувствовал, что корабль заменил ему давно утраченное человеческое тело. Встроенное в корабль оружие стало частью существа генерала Агамемнона. Теперь у него была тысяча глаз, а мощные двигатели он ощущал как мускулистые ноги, на которых он когда-то мог бегать с быстротой ветра.

— Приготовиться к наземной атаке. Как только наши десантные суда пройдут полосу обороны Салусы, мы должны ударить быстро и жестко. — Вспомнив, что камеры слежения записывают каждое его действие, которое потом будет просматривать всемирный разум, он добавил: — Мы стерилизуем эту гнилую планету во славу Омниуса.

Агамемнон замедлил снижение, то же самое сделали и другие.

— Ксеркс, принимай командование. Высылай своих неокимеков. Пусть подавят их огонь и сметут ко всем чертям.

Проявляя, как всегда, нерешительность, Ксеркс ответил жалобным тоном:

— Вы прикроете меня, генерал, когда я пойду вниз? Это же самая опасная часть...

Агамемнон не дал ему договорить.

— Будь благодарен за эту возможность проявить себя. Вперед! Каждая секунда промедления играет на руку *хретгиру*.

Этой унизительной и презрительной кличкой мыслящие машины и их прихлебатели кимеки обозначали людей, которые в их глазах были ничуть не лучше червей.

В селекторе раздался другой скрипучий голос. Докладывал робот — оператор машинного флота, работавшего с оборонительными системами людей на орбите Салусы.

— Мы ждем вашего сигнала, генерал Агамемнон. Сопротивление людей усиливается.

— Мы делаем все возможное, — ответил Агамемнон. — Ксеркс, выполняйте приказ!

Ксеркс, которому никогда не хватало духу сопротивляться до конца, замолчал и призвал к себе трех неокимеков, представителей последнего поколения машин с человеческим мозгом. Четыре пирамидальных корабля выпустили вспомогательные приспособления, и спускаемые аппараты, никем не управляемые, начали падать в атмосферу. В течение нескольких секунд они будут легкими мишенями, и системы противора-

кетной обороны Лиги могли бы сбить несколько таких машин, но их броня была настолько крепка, что выдержит любое попадание и без вреда переживет падение на поверхность в пригороде столицы планеты Зимии, где расположены башни главных генераторов защитного поля планеты Салуса Секундус.

Лига Благородных могла бы противопоставить организованной эффективности Омниуса человеческую непредсказуемость, но эти дикие биообъекты плохо поддавались разумному управлению, и зачастую даже при решении важнейших вопросов среди этих низших существ возникали гибельные разногласия. Как только удастся сокрушить Салусу Секундус, неустойчивый союз распадется от паники; сопротивление людей будет окончательно подавлено.

Но передовым кимекам Агамемнона еще только предстояло выключить уничтожающие защитные поля. Потом Салуса станет беззащитной и задрожит, как осиновый лист на ветру. Флот роботов сможет безнаказанно нанести смертельный удар. Огромный механический сапог раздавит жалкое насекомое.

Командир кимеков направил свою машину точно в назначенную позицию, готовый повести за собой остальную часть сил уничтожения. Агамемнон выключил все компьютерные системы и последовал за Ксерксом. Мозг командующего плавал в пространстве предохранительной емкости. Ослепший и оглохший генерал не чувствовал ни жара, ни неистовой вибрации, когда его бронированный корабль с ревом понесся к ничего не подозревающей цели.

Мыслящая машина — это злой дух, вырвавшийся из бутылки.

Барбаросса. «Анатомия одного мятежа»

Когда сенсорная сеть Салусы уловила приближение военного флота роботов, Ксавьер Харконнен отреагировал мгновенно. Мыслящие машины решили еще раз испытать прочность обороны человечества.

Хотя он носил звание терсеро, то есть занимал достаточно высокое положение в салусанской милиции — автономном формировании Армады Лиги, — Харконнен еще не родился, когда случилось последнее серьезное столкновение Лиги с машинами. С тех пор прошло без малого сто лет. После столь долгого затишья машины наверняка рассчитывали на слабое сопротивление, но Ксавьер был готов поклясться, что они ошибутся.

— Примеро Мич, мы получили экстренное предупреждение и видеозапись от одного из наших периферийных разведчиков, — доложил он своему командиру. — Но передача прервалась.

— Вы только посмотрите на них! — пискнул квинто Уилби, взглянув на видеозапись, поступившую из сенсорной сети. Младшие офицеры и солдаты столпились у панелей управления и слежения в зале с высокими сводчатыми потолками. — Омниус еще не присылал сюда ничего подобного.

Ваннибал Мич, низкорослый, но громогласный примеро салусанской милиции, находился в центре обороны планеты, хладнокровно оценивая поток поступающей информации.

— Последнее донесение с периметра уже устарело на один час из-за задержки сигнала. Противник уже атаковал наши передовые пикеты и старается подобраться еще ближе. Но у них, конечно же, ничего не выйдет.

Хотя это было первое в его жизни предупреждение о приближении флота вторжения, Мич вел себя так, словно каждый день только и делал, что ждал нападения машин.

Под лампами, освещавшими зал управления, темные волосы Ксавьера отблескивали рыжеватым коричным оттенком. Это был серьезный молодой человек, честный, но склонный видеть мир только в черных или белых тонах. Как командир третьего ранга в военной иерархии Лиги, Ксавьер Харконнен был заместителем Мича на внешнем посту местной обороны. Начальство благоволило молодому Харконнену, и он быстро продвигался по служебной лестнице. Уважали его и солдаты, готовые идти за своим командиром в огонь и в воду.

Несмотря на то что огромные размеры боевого флота роботов произвели на терсеро некоторое впечатление, он усилием воли заставил себя сохранять спокойствие, потребовал от личного состава ближайшего пикета доложить обстановку, привел космические силы флота обороны в боевую готовность номер один и приказал им выдвинуться на ближнюю орбиту. Но командиры боевых кораблей уже привели экипажи в состояние боевой готовности, как только услышали предупреждение, переданное с уничтоженных разведчиков.

Окружавшие Ксавьера автоматические системы деловито и приглушенно жужжали. Прислушиваясь к осциллирующим звукам сирен, торопливым голосам, повторявшим приказы и сообщавшим обстановку, к гулу, стоявшему в зале управления, Ксавьер Харконнен медленно перевел дух, стараясь расставить задачи в соответствии с их значимостью.

— Мы можем их остановить, — сказал он. — Мы их остановим.

В голосе его чувствовалась командирская твердость. Было такое впечатление, что он намного старше своих лет и привык каждый день сражаться с Омниусом. В действительности это будет его первое столкновение с мыслящими машинами.

Много лет назад его родители и старший брат погибли по дороге из семейной усадьбы на Хагале, предательски атакованные подлыми кимеками. Бездушные машины всегда были смертельными врагами, угрозой мирам Лиги, но в последнее столетие между Омниусом и людьми воцарился непрочный мир.

На стене в координатной сетке была изображена карта системы Гамма Вайпинг. На карте было показано положение Салусы Секундус и еще шести планет вместе с указанием мест развертывания шестнадцати патрульных боевых групп и сторожевых пикетных кораблей, рассыпанных по ближнему пространству в случайном порядке. Кварто Стефф Янг поспешно вывела на карту текущее положение сторон, постаравшись как можно точнее по данным разведки оценить положение и численность сил противника.

— Свяжитесь с сегундо Лодердейлом и оповестите все корабли периметра. Прикажите им перехватывать и уничтожать все прорвавшиеся корабли противника, — передал примеро Мич, потом, вздохнув, добавил: — Мне понадобится полдня на то, чтобы с максимальной быстротой доставить сюда наш тяжелый флот с окраины Лиги, но за это время противник не оставит попыток прорвать нашу оборону. Сегодня день настоящего испытания для наших парней.

Кварто Янг выполнила приказ с некоторым изяществом, рассылая приказы, которые только через несколько часов достигнут адресатов на окраине звездной системы.

Мич кивнул сам себе, проанализировав последовательность своих действий. Постоянно находясь под воздействием призрака машин, салусанская милиция регулярно тренировалась, проигрывая всевозможные сценарии битвы. То же самое делали все подразделения Армады во всех уголках системы Лиги.

— Активировать уничтожающее поле Хольцмана вокруг планеты и предупредить все коммерческие воздушные и космические суда. Я хочу, чтобы городские трансляторы поля работали на полную мощность в течение десяти минут.

— Этого будет достаточно, чтобы сварить гелевые мозги любой мыслящей машины, — произнес Ксавьер с несколько деланным оптимизмом. — Все это мы не раз видели на экзаменах. *Правда, это совсем не похоже на экзамен.*

Когда противник столкнется с установленными салусанцами средствами обороны, с надеждой говорил себе Ксавьер, он подсчитает потери и повернет назад. Мыслящие машины не любят напрасный риск.

Он внимательно посмотрел на экран панели. *Но как же их много.*

Он выпрямился и оторвал взгляд от экрана, с которого так и лились плохие новости.

— Примеро Мич, если наши данные о скорости приближения флота машин верны, то, даже замедляя скорость движения, они все равно движутся почти так же быстро, как предупредительный сигнал, который мы получили от разведчиков.

— Значит, они уже здесь! — проговорил квинто Уилби.

На этот раз Мич среагировал, не скрывая тревоги, запустив систему экстренной готовности всех служб.

— Отдать приказ об эвакуации! Открыть подземные убежища.

— Приказ об эвакуации отдан, сэр, она идет полным ходом, — доложила кварто Янг спустя несколько секунд, не переставая работать с клавиатурой панели управления. Старательная молодая женщина поправила провод связи у себя на виске. — Мы отправили всю информацию вице-королю Батлеру.

Серена с ним в здании парламента, вдруг осознал Ксавьер, подумав о девятнадцатилетней дочери вице-короля. Сердце его сжалось от дурного предчувствия, но он не осмелился поделиться своими страхами с товарищами. Всему свое время и свое место.

Мысленно он просматривал нити, из которых ему предстояло соткать ткань приказов и действий, чтобы выполнить свою часть общей задачи. Примеро Мич осуществлял общее руководство обороной.

— Кварто Чири, возьмите с собой эскадрон и проводите вице-короля Батлера, его дочь и всех представителей Лиги в подземное убежище.

— Должно быть, они сами уже отправились туда, сэр, — ответил офицер.

Ксавьер натянуто усмехнулся:

— Ты всерьез думаешь, что политикам можно доверить сделать самим что-то путное?

Кварто бросился выполнять приказ.

В большинстве своем воспоминания пишутся победителями, но мемуары, написанные побежденными — если они выжили, — часто читаются с большим интересом.

Иблис Гинджо. «Ландшафт человечества»

Планета Салуса Секундус — зеленый мир с умеренным, мягким климатом, населенный миллионами свободных людей Лиги Благородных. Обильные потоки текут по длинным, вместительным акведукам. Разбросанные вокруг столицы планеты Зимии холмы усеяны виноградниками и оливковыми рощами.

За несколько мгновений до начала машинной атаки Серена Батлер ступила на трибуну для выступлений в зале парламента. Благодаря деликатному вмешательству общественных служб и ее собственного отца у нее появилась редкая возможность лично обратиться к представителям народа.

Вице-король Манион Батлер по-семейному наставил свою дочь перед выступлением, советуя ей проявить тонкость и просто излагать свои мысли.

— Продвигайся вперед шаг за шагом, не торопясь, дорогая моя. Наша Лига сохраняет единство только перед лицом угрозы со стороны общего врага, а отнюдь не благодаря общим ценностям и убеждениям. Никогда не подвергай нападкам образ жизни аристократов.

Это была только третья публичная речь в короткой политической карьере девушки. В своих предыдущих речах она была излишне резка — не понимая сути искусства политика, — и они были встречены со смешанным чувством скуки и добродушной насмешки над ее наивностью. Серена предлагала положить конец практике обращения людей в рабство, укоренившейся на некоторых планетах Лиги. Она хотела сделать всех людей равными, хотела, чтобы каждый человек был сыт и защищен законом.

— Вероятно, правда ранит. Я хотела, чтобы они почувствовали свою вину.

— Они были просто глухи к твоим словам.

Серена исправила речь, последовав советам отца, но осталась верна своим принципам. *Шаг за шагом, не торопясь.* Она сама тоже будет учиться на каждом своем шагу. По совету отца она заранее поговорила с благожелательно настроенными депутатами и заручилась их поддержкой и загодя обрела союзников.

Вскинув подбородок, придав лицу выражение властности, чтобы скрыть нетерпение, Серена вошла в записывающую кабину, возвышавшуюся над помостом, словно геодезический купол. Сердце ее распирало от сознания того добра, которое она могла принести людям. Она всей кожей ощутила тепло, когда заработал проекционный механизм, выдавший ее увеличенное изображение в зал, за пределы купола.

Маленький экран, поставленный на подиуме, позволял девушке видеть себя так, как она выглядела для сидящих в зале людей. Нежное лицо, отличавшееся классической красотой, гипнотические лавандовые глаза, янтарные волосы с естественными светлыми прядями. На левый лацкан она прикрепила розу из собственного, тщательно ухоженного сада. Проектор сделал Серену моложе, чем она была на самом деле. Аппарат был настроен так, чтобы помочь многим благородным депутатам скрыть свой истинный возраст.

Из своей позолоченной ложи, вынесенной в переднюю часть зала, горделиво улыбаясь, смотрел на дочь круглолицый вице-король Батлер, одетый в лучший костюм золотисто-черных тонов. Лацкан камзола украшал знак Лиги Благородных: открытая человеческая ладонь, оправленная золотом — символ свободы.

Он понимал оптимизм Серены, вспоминая свои давние амбиции и притязания. Он всегда с большим терпением относился к донкихотству дочери, помогая молодой женщине облегчать положение беженцев с планет, подвергшихся нападению роботов, и разрешая ей летать на другие планеты ухаживать за ранеными, расчищать завалы и помогать восстанавливать сожженные здания. Серена никогда не боялась запачкать руки.

— Узкое мышление воздвигает барьеры упрямства, — сказала ей однажды мать. — Но слово — самое сильное оружие против таких барьеров.

В зале, тихо переговариваясь, сидели депутаты от аристократии. Некоторые прихлебывали напитки, другие с аппетитом закусывали. Для них это был всего-навсего еще один день парламентской рутины. Этим людям было очень уютно и комфортно в их виллах и особняках, и они не желали никаких перемен. Но возможность ущемить чье-то самолюбие не могло помешать Серене сказать то, что надо было сказать.

Она включила систему проектора.

— Многие из вас думают, что я сейчас скажу какую-нибудь глупость, потому что я слишком молода. Но, вероятно, у молодых более острое зрение, чем у стариков, которые постепенно слепнут. Я глупа и наивна или это некоторые из вас, избалованные удобствами, отдалились от народа и человечества? Где находитесь вы сами — в широком поле, простершемся от добра до зла?

По лицам собравшихся пробежало выражение негодования, смешанного с грубым неприятием. Вице-король Батлер неодобрительно взглянул на дочь, но призвал депутатов к тишине, прося их как подобает уважать оратора.

Серена притворилась, что ничего не замечает. Неужели они не видят более широкой картины?

— Мы должны заглянуть за пределы своего «я», если хотим уцелеть как вид. Теперь не время для личного эгоизма. В течение столетий мы ограничивали нашу оборону несколькими ключевыми планетами. Хотя Омниус не предпринимал открытых враждебных действий уже многие десятилетия, мы постоянно живем под угрозой вторжения мыслящих машин.

Нажав на педаль, вделанную в подиум, Серена спроецировала на потолок карту близлежащих звезд. Они зажглись под высоким сводом, как сияющие драгоценные геммы. Световой указкой Серена показала миры, принадлежавшие свободным людям Лиги, и миры, управляемые мыслящими машинами. Потом она перевела указку на районы Галактики, заселенные неорганизованными людьми, которые пока не были уничтожены железной рукой роботов.

— Взгляните на эти несчастные, не присоединенные к нам планеты, на эти рассеянные миры — Хармонтеп, Тлулакс, Арракис, IV Анбус и Каладан. Так как обитающие там люди живут в редких поселениях, эти планеты не являются членами Лиги. На них не распространяется наша защита, и поэтому они всегда будут под угрозой нападения — либо со стороны машин, либо со стороны людей.

Серена сделала паузу, ожидая, когда до собравшихся дойдет смысл ее слов.

— Многие из членов нашей Лиги злонамеренно устраивают из этих планет охотничье ристалище, совершая набеги за рабами. Да, некоторые члены Лиги не брезгуют заниматься этим постыдным ремеслом.

Серена уловила взгляд представителя Поритрина, который нахмурился, поняв, что речь идет о нем. Он громко заговорил, прервав выступление:

— Рабство — это общепринятая практика миров Лиги. У нас нет сложных машин, поэтому для поддержания производительных сил нам не остается иного выбора. — Взгляд его стал самодовольным. — Между прочим, Салуса Секундус и сама в течение почти двух столетий держала в рабстве народ дзенсунни.

— Мы прекратили эту порочную практику, — с заметным жаром ответила Серена. — Это изменение потребовало от нас воображения и силы воли, но...

Стремясь предотвратить словесную перепалку, вице-король поднялся.

— Каждая планета Лиги принимает свои собственные решения, исходя из местных обычаев, технологий и законов. У нас есть достаточно грозный противник в лице мыслящих машин, поэтому нам не пристало затевать между собой гражданские войны.

В голосе вице-короля звучали отеческие нотки, он ласково укорял дочь за то, что она снова оседлала своего любимого конька.

Серена тяжко вздохнула, но не сдалась. Она отрегулировала карту так, что неприсоединившиеся планеты ярко засветились на потолке.

— Тем не менее мы не можем и дальше игнорировать эти миры, созревшие для нападения мишени, которые ожидают, когда их завоюет Омниус.

Парламентский сержант, сидящий на высоком табурете в стороне от партера, стукнул по полу своим жезлом.

— Время.

Он всегда скучал, не прислушиваясь к словам ораторов.

Серена быстро заговорила, стараясь закончить выступление в более мягких тонах:

— Мы знаем, что мыслящие машины хотят завоевать всю Галактику, хотя в последние десятилетия всемирный разум вел себя очень миролюбиво. При этом они систематически присоединяли к своему Синхронизированному Миру все новые и новые планеты. Пусть вас не убаюкивает кажущееся отсутствие их интереса к нам. Мы знаем, что они снова ударят, но как и где? Может быть, нам стоит сдвинуться с места, не дожидаясь, когда Омниус атакует нас?

— Так чего вы хотите, мадам Батлер? — нетерпеливо поинтересовался один из аристократов, возвысив голос, но не встав, как того требовал обычай. — Не хотите ли вы нанести по думающим машинам что-то вроде упреждающего удара?

— Мы должны присоединить к Лиге не входящие в наш союз планеты и прекратить использовать их как источник рабов. — Она ткнула указкой в горевшие над головами звезды. — Примите их под свое крыло, чтобы увеличить нашу и их силу. Мы все только выиграем от этого! Я настаиваю на том, чтобы мы разослали послов и культурных атташе, которые доведут до сведения этих планет, что мы желаем заключить с ними военный и политический союз. Мы должны охватить как можно больше таких планет.

— А кто будет платить за всю эту, с позволения сказать, дипломатию?

— Время, — повторил парламентский сержант.

— Ей разрешено говорить еще три минуты, так как у представителя Хагала есть вопрос, — властно проговорил вице-король Батлер.

Серена почувствовала, что ее охватывает гнев. Как могут эти народные представители думать о грошовых тратах, когда

настолько высока окончательная цена, которую, возможно, придется платить им всем?

— Мы все будем платить — кровью, — если не сделаем того, что я предлагаю. Мы должны усилить Лигу и весь род человеческий.

Некоторые аристократы начали аплодировать, это были союзники, симпатией которых Серена заручилась до выступления. Внезапно под сводами зала и на улице послышался пронзительный вой тревожных сирен. Вой нарастал, от него закладывало уши. До сих пор присутствующие слышали такой звук только во время учебных тревог, когда сирены сзывали под знамена членов салусанской милиции.

— Мыслящие машины атаковали пределы Салусы Секундус, — раздался из динамиков мощный голос. Эти слова можно было услышать из всех громкоговорителей Зимии. — Разведчики с орбиты передали предупреждающий сигнал. Сторожевые группы вступили в бой.

Стоя рядом с отцом, Серена читала краткое экстренное сообщение, которое ему только что передали.

— Мы никогда не видели машинного флота таких размеров! — прокричал вице-король. — Когда дозорные группы передали первое сообщение? Сколько времени в нашем распоряжении?

— На нас напали! — закричал какой-то человек.

Делегаты вскочили на ноги. Зал стал напоминать растревоженный муравейник.

— Приготовиться к эвакуации зала парламента. — Парламентский сержант принялся за дело. — Все бронированные убежища открыты. Депутаты, прошу вас пройти в свои сектора убежищ.

Вице-король Батлер крикнул, стараясь утихомирить хаос и придать голосу уверенность:

— Поля Хольцмана защитят нас!

Серена чувствовала, что отец встревожен, но хорошо это скрывает.

Под шум и крики наступившей паники представители миров Лиги бросились к выходам. Беспощадный враг явился.

Любой человек, который просит для себя больше власти, не заслуживает ее.

Терсеро Ксавьер Харконнен.
«Обращение к салусанской милиции»

— Флот роботов вошел в соприкосновение с обороной нашего пространства, — передал Ксавьер Харконнен. — Идет интенсивная перестрелка.

— Примеро Мич! — крикнула кварто Стефф Янг от координатной сетки орбитальной карты. Ксавьер уловил исходивший от нее соленый металлический запах нервного пота. — Сэр, от основных сил флота роботов отделилось небольшое подразделение машинных судов. Конфигурация их неизвестна, но они направляются к входу в атмосферу.

Она указала на светящиеся изображения стремительно приближавшихся, летевших по инерции ракет.

Ксавьер взглянул на сканеры периметров, на которые поступала разведывательная информация с оборонительных спутников, расположенных высоко над уничтожающими гелевые контуры роботов полями Тио Хольцмана. Увеличив разрешение, Харконнен разглядел атакующую эскадрилью кораблей пирамидальной формы, которые с ревом вонзились в атмосферу точно в зоне испепеляющего поля.

— Их ждет неприятный сюрприз, — с мрачной усмешкой произнесла Янг. — Ни одна мыслящая машина не переживет такого полета.

— Самой большой проблемой будет выковыривать их остатки из разбитых кораблей, — саркастически заметил примеро Мич. — Продолжать наблюдение.

Но спускаемые аппараты пролетели сквозь уничтожающее поле и продолжали приближаться. Проникая через рубеж, они не предъявили никаких электронных опознавательных знаков.

— Как им удалось пройти? — Квинто Уилби почесал бровь и откинул со лба тускло-каштановые волосы.

— Ни один компьютер не смог бы этого сделать. — Спустя мгновение Ксавьер понял, что произошло. — Это слепые спускаемые суда, сэр!

Янг, тяжело дыша, оторвалась от своих экранов.

— Столкновение с землей произойдет не позже чем через одну минуту, примеро. За ними идет вторая волна. Я насчитала двадцать восемь ракет. — Она покачала головой. — Никаких признаков компьютеров ни на одном из них.

Мгновенно все обдумав, Ксавьер отдал команду:

— Рико, Паудер, свяжитесь с медицинскими командами и пожарными ротами. Живее и будьте готовы. Вперед, ребята, на учениях мы отрабатывали это сотни раз! Я приказываю поднять в воздух все спасательные суда и подвижный состав. Они должны быть готовы к движению, как только первый корабль ударится о землю.

— Разверните оборону в боевой порядок и открывайте огонь по противнику, как только он ударит. — Примеро Мич понизил голос и оглядел свинцовыми глазами своих боевых товарищей: — Терсеро Харконнен, возьмите передвижную станцию связи и выходите. Вы будете моими глазами на месте. Мне кажется, что эти снаряды до добра не доведут.

Улицы были заполнены охваченными паникой людьми. Над городом нависли низкие тучи. Оказавшись в растерянной толпе, Ксавьер услышал раскаленный металлический визг атмосферы, заскрежетавшей от трения о нее летящих, словно ядра, бронированных вражеских судов.

Астероидный дождь многочисленных спускаемых аппаратов хлынул на землю. Корабли один за другим врезались в грунт. Первые четыре с оглушительным грохотом врезались в здания, сровняв их с землей исполинской кинетической энергией падения. Зазвучали мощные взрывы. Но сложные противоударные механизмы защитили находившийся в спускаемых снарядах смертельный груз.

В расстегнутой форме Ксавьер мчался по улице. Потные волосы прилипли ко лбу. Он остановился перед гигантским зданием Дома парламента. Хотя он был сейчас вторым по рангу

командиром обороны Салусы, позиция его была совершенно не защищена, он должен был отдавать приказы на передовой. В академии Армады Салусы Секундус его учили не этому. Но примеро Мич рассчитывает на его способность оценивать ситуацию, на его рекомендации и на его умение действовать самостоятельно.

Он коснулся микрофона на шее.

— Я на месте, сэр.

Еще пять неуправляемых снарядов врезались в землю на окраине города, оставив на местах падения обожженные кратеры. Взрывы. Дым. Огненные шары в воздухе.

В точках падения с треском раскрылись упавшие на землю инерционные корабли и из них начали выползать огромные предметы, по одному из каждого судна. Реактивированные механические части стряхнули с себя обгорелые оболочки. Охваченный суеверным ужасом, Ксавьер уже понял, что увидит в следующее мгновение. Он догадался, каким образом машины противника умудрились миновать защитные поля. Это вовсе не компьютерный разум...

Кимеки...

Наводящие страх механические чудовища по одному вылезали из разбитых пирамид, ведомые хирургически извлеченными человеческими мозгами. Ожили мобильные системы, задвигались ноги, оружие с лязгом встало на место.

Тела кимеков выползали из обгоревших кратеров, похожие на крабов гладиаторы ростом в половину разрушенных ими домов. Подвижные ноги были толсты, как несущие колонны, ощетинившиеся зажигательными орудиями, артиллерийскими установками и распылителями ядовитых газов.

Ксавьер крикнул в микрофон связи:

— Это боевые формы кимеков, примеро Мич! Они правильно рассчитали, как преодолеть нашу орбитальную оборону!

Вся салусанская милиция — от Зимии до самых отдаленных континентов — была поднята по тревоге. Низкоатмосферные боевые корабли — «Кинжалы» — были уже подняты на боевые орбиты, с орудиями, заряженными снарядами, способными пробивать броню космических судов.

Люди на улицах метались из стороны в сторону, охваченные безумной паникой и страхом. Некоторые, наоборот, зас-

тыли на месте, глядя перед собой в одну точку. Ксавьер доложил командиру обо всем, что увидел на улице.

— Кварто Янг, — добавил Ваннибал Мич, — прикажите, чтобы все служащие станций надели дыхательные аппараты. Проследите, чтобы маски раздали населению. Каждый, кто находится вне герметичного укрытия, должен получить дыхательную маску.

Противогазы не спасут никого от зажигательных орудий и сильнейшей взрывчатки кимеков, но люди хотя бы уцелеют в плотном облаке ядовитого газа. Надевая маску, Ксавьер с горечью подумал, что все предосторожности и все самые лучшие планы милиции окажутся совершенно не пригодными в этой ситуации.

Оставив отброшенную оболочку спускаемых судов, воины-кимеки направились вперед на своих исполинских, чудовищных ногах. Заговорили артиллерийские орудия, посыпались снаряды, падали и вспыхивали, как спички, уцелевшие от первой атаки дома. Языки пламени вырывались из форсунок, расположенных на передней стороне тела кимеков. Город запылал.

Спускаемые корабли продолжали сыпаться с неба, и из каждого после падения выползал очередной кимек. Всего их было двадцать восемь.

В это мгновение молодой терсеро увидел, как с ревом, способным разорвать барабанные перепонки, к небу поднялся столб огня и крутящегося дыма. Огонь был настолько ярок, что, казалось, вот-вот начнет дымиться сетчатка глаз. Спускаемая капсула врезалась в здание военного министерства в полукилометре за спиной Харконнена, превратив в пар командный пункт и главный штаб планетарной милиции. Ударная волна швырнула Ксавьера на колени и осыпала осколками разбитых во всем квартале окон.

— Примеро! — отчаянно закричал Ксавьер. — Примеро Мич! Командный пункт! Кто-нибудь!

Но видя, что осталось от здания штаба, терсеро понял, что не получит ответа ни от своего командира, ни от товарищей, оставшихся в здании.

Двигаясь по улицам, кимеки распыляли зеленовато-черный дым, который ядовитой пленкой покрывал мостовые и здания. Потом в крутое пике вошла первая эскадрилья «Кин-

жалов». С неба на землю посыпались тяжелые бомбы, поражая кимеков и здания.

Ксавьер задыхался в своей плазовой дыхательной маске, не в силах поверить в то, что только что видел собственными глазами. Он снова заговорил в микрофон, но не получил ответа. Внезапно в наушниках раздался голос дежурного тактической подстанции, который желал знать, что произошло и с кем он разговаривает.

— Это терсеро Ксавьер Харконнен, — отозвался молодой офицер. Внезапно его осенило. Сделав над собой неимоверное усилие, он придал голосу стальную твердость: — Я... я... в настоящее время я командую салусанской милицией.

Он бросился к месту пожара, где клубился маслянистый темный дым. Вокруг него мирные жители падали на колени, корчась в облаках смертоносного газа. Он посмотрел вверх, увидел, как «Кинжалы» сбрасывают бомбы, и пожалел, что не может управлять их действиями.

— Кимеков можно уничтожать, — сказал он пилотам «Кинжалов» и закашлялся. Маска начала давать сбои. В груди и горле появилось невыносимое жжение, словно он дышал распыленной кислотой, но, несмотря на это, Ксавьер продолжал выкрикивать команды.

Атака продолжалась, над зоной боевых действий кружил спасательный самолет, сбрасывая на очаги пожара мешки с противопожарным порошком и канистры с гасящей огонь пеной. Защищенный масками персонал медицинского отряда без колебаний вошел в зону заражения.

Не обращая внимания на незначительное сопротивление, кимеки маршировали вперед, двигаясь не как армия, а как исполинские люди или животные, механические сумасшедшие псы, сеющие вокруг себя смерть и ад. Механический воин откинул назад свое крабовидное тело, согнул исполинские ноги и двумя выстрелами сбил два спасательных самолета, а потом направился дальше, исполненный зловещей грации.

Фронтовые бомбардировщики сбросили свой груз прямо на первого из кимеков. Две ракеты ударили по бронированному телу, а третья — в стоявшее рядом здание. Оно рухнуло и погребло под своими конструкциями механическое тело чудовища.

Но после того как огонь погас, а дым рассеялся, уничтоженный, как казалось, кимек остался цел и невредим. Машина убийства отряхнулась от пыли и осколков и контратаковала самолет-«Кинжал».

Издалека Ксавьер внимательно присматривался к действиям кимеков, используя портативную тактическую сетку. Он должен выяснить, в чем заключался план мыслящих машин. Было ясно, что на уме у кимеков какая-то определенная цель.

Он не имел права колебаться или оплакивать гибель своих товарищей. Он не мог спросить, что сделал бы на его месте примеро Мич. Нет, он должен сохранить ясную голову и немедленно принять какое-то решение. Если бы только понять, какова цель противника...

На орбите неприятельский машинный флот роботов продолжал обстреливать космические военные корабли Салусы, но электронные мозги А1 не могли преодолеть поле Хольцмана. Они могли уничтожить и рассеять пограничные суда и блокировать столицу Лиги Благородных, но примеро Мич уже вызвал группы тяжелых ракет, и скоро вся огневая мощь Армады Лиги обрушится на незваных гостей.

На экране локатора терсеро видел, что флот роботов занял позицию и остается на ней, словно ожидая какого-то сигнала от передового отряда кимеков. Ксавьер напряженно думал. Что они делают?

Троица механических гладиаторов выпустила заряды по западному крылу здания парламента. Покрытая великолепной резьбой стена фасада рухнула на мостовую, как подтаявшая весной глыба снега. Посыпались крупные осколки камня и в воздух поднялись тучи пыли. Обнажилась внутренность опустевших кабинетов правительственных чиновников.

Кашляя от дыма, стараясь хоть что-то разглядеть сквозь вымазанное грязью стекло маски, Ксавьер посмотрел в глаза одетого в белое медика, который схватил его в охапку и сменил лицевую маску. Легкие Ксавьера вспыхнули с новой силой, словно в них залили авиационное топливо и поднесли спичку.

— Ты поправишься, — пообещал медик не вполне уверенным тоном и сделал Ксавьеру какой-то укол в шею.

— Хотелось бы. — Терсеро снова закашлялся, перед его глазами поплыли черные круги. — У меня нет времени играть роль раненого.

Ксавьер не думал о себе. Ему не давала покоя тревога за Серену. Всего час назад она готовилась к выступлению перед представителями Лиги. Он молился, чтобы Серена сейчас находилась в безопасном месте.

С трудом поднявшись на ноги, Ксавьер жестом отпустил медика; укол начал действовать. Харконнен настроил портативную тактическую сеть и потребовал дать на свой экран панораму с воздуха, чтобы изучить поле боя с борта воздушного «Кинжала». Он внимательно присмотрелся к черным следам, которые оставляли за собой грациозные титанические кимеки, хорошо видимые на экране. *Куда они идут?*

Он представил себе маршрут, по которому, наступая, двигались механические исполины — от кратеров и руин главного штаба милиции.

В следующую секунду до него дошло то, что он должен был понять с самого начала. Ксавьер тихо выругался.

Омниус понимал, что поля Хольцмана выведут из строя гелевые контуры схем искусственного мозга, именно поэтому главные силы машинного флота продолжали оставаться на орбите Салусы Секундус. Однако если кимеки смогут отключить или уничтожить генераторы поля Хольцмана, то планета станет беззащитной перед угрозой вторжения роботов.

Ксавьеру предстояло принять жизненно важное решение, но выбор был предрешен. Нравится это ему или нет, но теперь он главнокомандующий. Убив примеро Мича и уничтожив командный пункт милиции, кимеки сделали его, Ксавьера Харконнена, главой всех сил обороны Салусы. И он знал, что надо делать.

Он приказал милиции отойти назад и бросить все силы на то, чтобы прикрыть один-единственный жизненно важный объект, оставив на милость изрыгающих огонь и смерть кимеков все остальные районы Зимии. Если даже придется пожертвовать важной частью столицы, он должен остановить наступление машин и не допустить уничтожения генераторов.

Не допустить любой ценой.

Что оказывает большее влияние на результат — объект или наблюдатель?

Эразм. Разрозненные лабораторные файлы

Коррин, одна из главных планет Синхронизированного Мира. По вымощенному плазовыми плитами двору робот Эразм не спеша шел к своей роскошной вилле. Он двигался с хорошо отработанной пластичностью, усвоенной им после многовекового наблюдения за грациозными движениями человеческих существ. Вместо лица у Эразма был отполированный до блеска пустой жидкометаллический овал, лишенный какого бы то ни было человеческого выражения. Повинуясь электронным импульсам, этот овал мог, по желанию Эразма, принимать любое нужное выражение, имитируя любую эмоцию, как древняя театральная маска.

С помощью волоконных световодов, встроенных в лицевую мембрану, электронный мозг Эразма воспринимал изображения многочисленных, разбросанных по саду радужных фонтанов, которые так мило дополняли каменные украшения виллы, геммы в форме статуй, сложные и замысловатые ковровые покрытия и обработанные лазерными лучами резные колонны. Потратив на подбор декора много времени и сил, проанализировав и просчитав все возможные варианты, Эразм научился ценить красоту классических форм и очень гордился своим очевидным и отменным вкусом.

Вокруг суетились домашние рабы, выполнявшие рутинные текущие работы — полировали выставленные в саду трофеи и предметы искусства, стирали пыль с мебели, сажали цветы и подстригали декоративный низкорастущий кустарник под алыми лучами гигантского красного солнца. Робкие, трепещущие от страха рабы кланялись проходившему мимо них Эразму в пояс. Он узнавал отдельных индивидуальных

рабов, но не давал себе труда запоминать их имена и особенности, хотя искусственный интеллект тщательно классифицировал и упорядоченно записывал в память каждую деталь. Никогда ведь не знаешь, на что может пригодиться мельчайший штрих при построении полной картины.

Кожа Эразма была сделана из органопластических соединений и пронизана нейроэлектронными волокнами. Можно было даже с некоторой натяжкой сказать, что он поистине чувствовал физические ощущения, которые воспринимал через сложнейшую сеть специальных сенсоров, работающих в различных частотных диапазонах. Искусственный покров воспринимал свет и тепло пылающего, как уголь, огромного солнечного диска не хуже, чем настоящая живая плоть. На нем была надета толстая золотая накидка, отороченная карминной полосой, знак, отличавший Эразма от роботов Омниуса более низкого ранга. Тщеславие было еще одной чертой, которую Эразм перенял у людей и которой наслаждался.

Большая часть роботов не пользовалась такой независимостью, как Эразм. Они представляли собой нечто не намного большее, чем мыслящие коробки, гудящие подстанции всеобщего разума. Эразм тоже подчинялся командам всемирного разума, но обладал большей свободой в их толковании. В течение нескольких столетий он развил в себе способность к самоидентификации и обладал неким подобием собственного «я». Омниус рассматривал Эразма в некотором роде курьезом.

Продолжая двигаться по дорожке с совершенной человеческой грацией, Эразм вдруг уловил жужжащий звук. Переместив в ту сторону сенсоры оптических волокон, он увидел маленький летающий шарик, всевидящее око Омниуса. Как только Эразм удалялся от зданий, где были установлены стационарные камеры слежения, за ним тотчас устремлялись крошечные мобильные камеры, фиксировавшие каждый его шаг. Такие действия всемирного разума говорили либо о глубоко засевшем в этом мозгу любопытстве, либо, как ни странно это звучит, о чисто человеческой мании преследования.

Очень давно, работая над усовершенствованием исходной модели A1 искусственного мозга Старой Империи, Барбаросса добавил к ней аппроксимации некоторых личностных черт и способность к целеполаганию. Вследствие такого усовер-

шенствования машины развились в большие электронные умы, которые обладали различными наборами человеческих притязаний и черт характера.

Омниус был постоянно озабочен там, чтобы биологические объекты и даже бастарды кимеки с их человеческими мозгами, имплантированными в машинную оболочку, не могли увидеть эпохальное развертывание видов, которое мог объять гелевый контур машинного разума. Когда Омниус сканировал вселенную возможностей, он наблюдал ее как гигантский экран. На нем отображалось великое множество путей к победе, и всемирный разум был всегда готов воспользоваться каждым из них.

Ядерные программы Омниуса дублировались на всех завоеванных машинами планетах и синхронизировались регулярной юстировкой параметров. Безликие, способные наблюдать и осуществлять межгалактическую сетевую коммуникацию, почти идентичные копии Омниуса находились везде, заполняя все свободные пространства бесчисленными камерами наблюдения, приспособлениями и контактными экранами.

Видимо, теперь распространенному по всей Вселенной всемирному разуму оставалось только шпионить за неимением лучшего занятия.

— Куда ты идешь, Эразм? — Скрипучий голос Омниуса прозвучал из крошечного громкоговорителя, вмонтированного в летающий шарик подвижной камеры слежения. — Куда ты так торопишься?

— Ты тоже можешь прогуляться, если захочешь. Почему бы тебе не приделать себе ноги и не обзавестись телом, чтобы прочувствовать, на что похоже это ощущение? — Металлическая полимерная маска Эразма сложилась в улыбку. — Мы с тобой могли бы прогуляться вместе.

Наблюдательная камера, жужжа, пролетела мимо. На Коррине были очень долгие времена года, так как орбита планеты была весьма удаленной от раскаленного огромного светила. Зима, как и лето, длилась около тысячи дней. Изрезанный ландшафт планеты был лишен девственных лесов или глухих мест, если не считать нескольких древних запущенных садов и возделанных некогда полей, которые были заброшены с

момента машинного завоевания и без культивации давно заросли дикой травой.

Многие рабы ослепли от невыносимо яркого сияния солнца. Учитывая это, Эразм снабдил своих домашних рабов солнцезащитными приспособлениями. Он был великодушным и добрым хозяином, который заботился о сохранении своей рабочей силы.

Дойдя до входных ворот виллы, робот отрегулировал новый сенсорно-усилительный модуль, присоединенный к нейроэлектронному порту на своем теле, спрятанному под накидкой. Он сам разработал и изготовил это приспособление, модуль которого позволял Эразму имитировать человеческие чувства — разумеется, с неизбежными ограничениями. Но Эразм хотел знать больше, чем позволял модуль, больше чувствовать. В этом отношении кимеки, наверное, имели преимущество перед Эразмом, но сам он был в этом не вполне уверен.

Кимеки — особенно первый из них, титан — были бандой узколобых жестоких тварей, не имевших ни малейшего понятия о рафинированных чувствах и чувствительности, которых ценой большого труда достиг Эразм. Жестокость, конечно, имела место, но сложно устроенный робот считал ее лишь одним из поведенческих аспектов, достойных как позитивного, так и негативного изучения. Тем не менее насилие оказалось интересным и часто приносило удовольствие...

Эразма обуревало любопытство относительно того, какая из познавательных способностей делает эти биологические объекты *людьми*. Сам Эразм был разумным существом, способным к самопознанию и самоидентификации, но он желал понять и эмоции, человеческую чувственность и, главное, мотивации — существенную деталь, которую машины так и не сумели развить у себя в полной мере.

Изучая человечество на протяжении многих столетий, Эразм усвоил человеческое искусство, музыку, философию и литературу. В конце концов ему захотелось познать также вершину и сущность человечности, познать магическую искру, которая делает эти создания, этих *созидателей*, столь разными. Что дает им... душу? Он вошел в банкетный зал, и всевидящее летающее око немедленно поднялось к потолку, откуда

можно было видеть все пространство помещения. На стенах светились шесть матово-серых экранов связи с Омниусом.

Вилла Эразма была выстроена в стиле роскошных греко-романских имений, в которых жили двадцать титанов перед тем, как отказались от своих человеческих тел. Эразм владел пятью подобными виллами еще на пяти планетах, включая Коррин и Землю. На виллах Эразм содержал дополнительные службы — склады, помещения для острых опытов, медицинские лаборатории, а также теплицы, картинные галереи, скульптуры и фонтаны. Все это помогало Эразму изучать человеческое поведение и физиологию.

Эразм усадил свое закутанное в накидку тело во главе длинного стола, уставленного серебряными кубками и канделябрами. Правда, возле стола стоял только один стул, предназначенный для одного Эразма. Этот старинный резной деревянный стул принадлежал когда-то аристократу, человеку по имени Нивни О'Мура, основателю Лиги Благородных. Эразм занимался изучением того, как мятежные люди организовывали свои сообщества и строили крепости для противостояния прежним нападениям кимеков и роботов. Изобретательные *хретгиры* обладали способностью к приспособлению и усовершенствованию, подбрасывая врагам неожиданные сюрпризы. *Очаровательно.*

Внезапно в зале раздался скучный голос всемирного разума.

— Когда ты наконец завершишь свои эксперименты, Эразм? Ты сидишь здесь и изо дня в день делаешь одно и то же. Я хочу видеть результат.

— Меня весьма интригуют некоторые вопросы. Например, почему богатые люди едят с такими церемониями? Почему они предпочитают одни блюда и напитки другим, хотя их питательная ценность совершенно одинакова? — В голосе робота появились нотки высокомерного эрудита. — Ответ, Омниус, надо искать в страшно коротком сроке их жизни. Они компенсируют свою недолговечность развитием весьма эффективных сенсорных механизмов, которые позволяют им испытывать интенсивные ощущения. Люди обладают пятью основными чувствами, у которых существует бесчисленное множество градаций. Сравни, например, вкус йондэйрского

пива и урландского вина. Или свойства эказского шелка, или музыки Брамса и...

— Полагаю, что все это интересно, как всякая эзотерика.

— Конечно, Омниус. Ты продолжаешь изучать меня, пока я изучаю людей.

Эразм подал знак рабам, которые нервно заглядывали в раздаточное отверстие в двери кухни. Из модуля, расположенного на бедре Эразма, выдвинулся похожий на змею зонд. На его конце раскачивался из стороны в сторону, как змеиная голова, нейроэлектронный волоконный датчик.

— Я терплю твои долгие изыскания, Эразм, только потому, что надеюсь, что ты сможешь создать модель, которая позволит надежно предсказывать человеческое поведение. Я хочу знать, как сделать этих тварей *используемыми*.

Одетые в белые одежды рабы внесли с кухни подносы с пищей — корринских диких кур, валгисскую говядину в миндальном соусе и даже редчайшего лосося из Платиновой реки с планеты Пармантье. Эразм погрузил решетчатый кончик своего зонда в каждое блюдо и «попробовал» их, используя иногда миниатюрный резак для того, чтобы проникнуть внутрь мяса или рыбы и «попробовать» сок. Каждый вкус Эразм тщательно документировал и заносил в реестр запахов и ароматов.

Делая все это, он не прерывал беседу с Омниусом. Всемирный разум решил выдать роботу несколько бит информации и посмотреть, как отреагирует на нее Эразм.

— Я провел мобилизацию военных сил. После стольких лет затишья пора снова начать движение.

— В самом деле? Или это титаны надавили на вас, чтобы привести в более агрессивное состояние? В течение нескольких веков Агамемнон проявлял нетерпение и обвинял тебя в отсутствии притязаний. — Эразм заинтересовался поставленным перед ним ягодным тортом. Анализируя ингредиенты, он был озадачен, обнаружив следы человеческой слюны. Что это, составная часть рецепта приготовления или просто рабы решили немного полакомиться?

— Я сам принял это решение, — возразил всемирный разум. — Мне показалось, что сейчас самое время начать новое наступление.

Шеф-повар подкатил к столу тележку и специальным ножом вырезал кусок салусанского филе. Шеф, угодливый, сильно заикающийся маленький человечек, положил сочный кусок на чистую тарелку, полил пряным коричневым соусом и подал новое блюдо Эразму. Шеф неуклюже уронил с сервировочного подноса нож, и тот, упав на гладкую ногу Эразма, оставил на ней зазубрину и коричневое пятно.

Охваченный ужасом повар наклонился, чтобы поднять злополучный нож, но Эразм с быстротой молнии протянул свою механическую руку и схватил нож за рукоятку. Выпрямившись, робот продолжил беседу с Омниусом.

— Новое наступление? Простое ли это совпадение, что титан Барбаросса потребовал такого наступления в награду за свою победу над твоей боевой машиной на гладиаторской арене?

— Это не существенно.

Уставившись на лезвие ножа, шеф между тем беспомощно лепетал извинения.

— Я л-л-лично отп-п-п-полирую ног-г-гу и он-н-на будет как новая, лорд Эразм.

— Люди так глупы, — произнес Омниус из всех настенных громкоговорителей.

— Некоторые из них, несомненно, — ответил Эразм, грациозно размахивая длинным ножом.

Парализованный страхом маленький шеф-повар, беззвучно шевеля губами, произнес молитву.

— Интересно, что я должен сделать?

Эразм дочиста вытер лезвие о белоснежную одежду повара и задумчиво посмотрел на искаженное отражение в клинке несчастного парня.

— Смерть человека отличается от гибели машины, — бесстрастно заговорил Омниус. — Машину можно скопировать, отремонтировать и усовершенствовать. Когда же умирает человек, он уходит навсегда.

Эразм издал звук, похожий на веселый смех.

— Омниус, из-за того что ты все время твердишь о превосходстве машин, ты не можешь осознать, что именно люди делают лучше нас.

— Не надо перечислять мне еще один твой список, — отпарировал всемирный разум. — Я очень точно помню наши с тобой прошлые дебаты по этому поводу.

— Превосходство бросается в глаза очевидцу и неизбежно вовлекает к отфильтровыванию деталей, которые не согласуются с заранее сформированными взглядами и понятиями. — Помахав своими щупальцами-сенсорами, робот проанализировал кислый запах пота, исходивший от шеф-повара.

— Ты собираешься его убить? — спросил Омниус.

Эразм положил нож на стол и услышал, как угодливый человечек с облегчением вздохнул.

— Как индивида человека очень легко убить. Но как вид он сопротивляется попыткам убить его. Когда люди чувствуют угрозу, они сплачиваются и становятся более сильными, более опасными. Иногда лучше всего использовать фактор внезапности.

Не говоря больше ни слова, он схватил нож и всадил его в грудь шеф-повара с такой силой, что пробил ему грудину и достал лезвием до сердца.

— Вот так.

Белая униформа мгновенно пропиталась кровью, которая струей хлынула на стол и на тарелку робота.

Издав горловой звук, повар соскользнул с лезвия. Держа нож, Эразм попытался было сымитировать выражение недоумения и растерянности от такого коварства, но не стал утруждать себя. Податливая маска лицевой пластины осталась плоским ровным овалом, на зеркальной глади которого не отразилось никакого человеческого чувства. Робот не должен позволять себе подобных слабостей.

Исполнившись любопытством, он отбросил нож, который со звоном упал на пол, а потом опустил сенсор зонда в лужицу крови на тарелке. Вкус оказался довольно сложным. Интересно, отличается ли кровь разных людей по вкусу? Охранники робота выволокли из зала тело повара, в то время как другие рабы столпились возле двери. Им надо было убрать кровь и ликвидировать беспорядок. Эразм с интересом изучал проявления их страха.

После недолгого молчания заговорил Омниус:

— Теперь я расскажу тебе о своем очень важном решении. Мой план атаки уже приведен в действие.

Эразм притворился, что внимательно и с интересом готов слушать. Он активировал очищающий механизм, который стерилизовал кончик его зонда, а потом убрал зонд в кожух на бедре под накидкой.

— Я полностью доверяю твоему суждению, Омниус. Сам я мало что смыслю в военных делах.

— Именно поэтому ты должен прислушаться к моим словам. Ты же всегда говорил, что очень любишь учиться. Когда Барбаросса победил моего гладиатора в показательной схватке, то в качестве вознаграждения он потребовал использовать шанс и ударить по Лиге Миров. Остальные титаны убеждены, что без этих *хретгиров* Вселенная станет бесконечно эффективнее и чище.

— Какое средневековое варварство, — сказал Эразм. — Великий Омниус следует военным советам кимека?

— Барбаросса всегда казался мне забавным, кроме того, при любой стычке есть шанс, что кто-либо из титанов окажется убитым, а это не так уж плохо.

— Конечно, — поддержал Омниуса Эразм, — тем более что нами управляет программное ограничение, не позволяющее нам наносить вред нашим создателям.

— Всякое несчастье может случиться. Но как бы то ни было, это нападение позволит нам либо подчинить еще один Мир Лиги, либо уничтожить добрую толику человечества, проживающего на этой планете. Меня не интересует, насколько велика окажется эта толика. Очень немногие люди стоят того, чтобы остаться в живых, а лучше всего, если бы люди вообще исчезли из Вселенной.

Эразму не очень понравилась такая идея.

Разум распоряжается телом, и оно немедленно ему подчиняется. Разум отдает распоряжения и самому себе, но встречает сопротивление.

Блаженный Августин, философ древней Земли

Хотя кимеки только начали свое нападение на Зимию, Ксавьер Харконнен отдавал себе отчет в том, что свободное человечество должно выдержать этот удар, выдержать здесь и сейчас, и заставить машины считаться с ним.

Вооруженные до зубов воины-кимеки продолжали двигаться вперед размеренным механическим шагом. Вздымая вверх свои серебристые металлические руки, они стреляли начиненными взрывчаткой снарядами, изрыгали длинные языки пламени, выпускали облака ядовитого газа. С каждым своим шагом, с каждой снесенной стеной кимеки продвигались все ближе к парящей над городом башне, где были расположены генераторы поля Хольцмана, башне с параболическими антеннами и кружевом металлических конструкций.

Над верхними слоями салусанской атмосферы были подвешены многочисленные спутники, усиливавшие сигналы башни в узловых точках космической обороны. По всем континентам были расставлены ретрансляторы поля Хольцмана, уничтожавшего гелевые контуры машинного разума. Эти ретрансляторы направляли лучи вверх, создавая в космосе непроницаемую преграду из сгустков мощной энергии.

Но если кимекам удастся вывести из строя башню первичного генератора энергии на поверхности планеты, то в полевом щите откроется уязвимая брешь. Рассыплется в прах вся оборонительная сеть.

Выхаркивая кровь из пораженных газом, горящих огнем легких, Ксавьер прокричал в селектор:

— Говорит терсеро Харконнен. Я принял командование местными силами. Примеро Мич и весь командный пункт уничтожены.

Ответом на этот призыв стало долгое, продолжавшееся несколько томительных секунд молчание. Вся милиция Салусы была выбита и парализована.

Тяжело сглотнув, Ксавьер ощутил во рту ржавый привкус крови и отдал страшный приказ:

— Всем локальным силам милиции. Создать защитный кордон вокруг башни генератора. У нас нет сил защищать весь город. Повторяю, всем отступить к башне. Это касается всех боевых машин и всех самолетов.

Эфир ожил. Со всех сторон посыпались недоуменные вопросы командиров:

— Сэр, вы шутите. Город горит!

— Мы не будем оборонять Зимию! Это было бы стратегической ошибкой!

— Сэр, прошу вас, подумайте! Вы же видите, что уже натворили здесь эти проклятые кимеки! Подумайте о людях!

— Я не признаю права *терсеро* отдавать такие приказы...

Ксавьер отметал все возражения:

— Цель кимеков очевидна. Они хотят уничтожить защитное поле, и тогда флот роботов довершит наше полное уничтожение. Мы должны защитить башню любой ценой. Повторяю, любой ценой.

Нагло игнорируя приказ, пилоты десятка «Кинжалов» продолжали упрямо сбрасывать бомбы на неумолимо шагавших кимеков.

Ксавьер зарычал в микрофон селектора:

— Все, кто хочет поспорить, смогут сделать это позже, в суде Военного трибунала.

Который, возможно, будет судить меня самого, подумал он.

На стекло маски брызнули капли алой крови. Интересно, сколько ядовитого газа он успел вдохнуть? Каждый вдох давался с большим трудом, но Ксавьер выбросил из головы все мысли о своем здоровье. Он не может выказать слабость, во всяком случае, сейчас.

— Всем подразделениям отступить и окружить башню! Это приказ. Нам надо перегруппироваться и сменить тактику.

Наконец салусанские наземные подразделения вняли голосу своего командира, покинули свои позиции и начали оттягиваться в сторону генераторов поля. Город раскинулся перед завоевателями, беззащитный, словно ягненок, принесенный в жертву. Кимеки без промедления воспользовались предоставленной им возможностью.

Четыре воина сокрушили парк статуй, уничтожив изумительно красивые скульптуры. Механические монстры уничтожали здания, сжигали музеи, жилые кварталы, убежища. Им была по нраву любая цель.

— Держитесь! — Ксавьер продублировал команду по всем каналам связи, подавляя растущее недовольство войск. — Кимеки хотят отвлечь нас от своей истинной цели.

Бронированные чудовища открыли огонь по куполообразной башне, воздвигнутой Чусуком в ознаменование успешного отражения натиска мыслящих машин четыре столетия назад. Украшенные затейливым узором колокола издали свой предсмертный звон, когда колокольни рухнули на вымощенную плоской брусчаткой площадь народных собраний.

К этому времени большая часть населения Зимии укрылась в укрепленных бронированных убежищах. Флотилии медицинских и пожарных судов, уклоняясь от вражеских ударов, пытались оказывать помощь жертвам и бороться с пожарами и разрушениями. Многие из таких попыток оказывались самоубийственными.

Среди солдат и офицеров милиции, стянутой к башне генератора, было заметно сомнение и недовольство. В душе Ксавьера шевельнулся страх — правильное ли решение он принял? Но он уже не смел менять решение. Глаза слезились от едкого дыма, легкие, обожженные газом, отзывались нестерпимой болью при каждом вдохе. Он знал, что был прав. Сейчас он сражался за всех, кто жил на его планете, включая и Серену Батлер.

— И что дальше, терсеро? — раздался рядом с ним голос кварто Джеймиса Паудера. Хотя угловатое лицо младшего по званию офицера было наполовину скрыто маской противогаза, были видны глаза, горевшие яростью, которую Джеймис даже не пытался скрыть. — Мы станем отсиживаться здесь,

пока эти ублюдки ровняют с землей Зимию? Какой прок защищать транслятор поля, если ничего не останется от города?

— Мы не сможем спасти город, если будет уничтожен генератор. Тогда вся планета окажется беззащитной перед нападением машин, — прохрипел в ответ Ксавьер.

Салусанская милиция заняла оборону вокруг ажурных параболических антенн башни генератора поля. Наземные силы и бронетанковые части сосредоточились на прилегающих к комплексу подступах и улицах. «Кинжалы» на бреющем полете кружили над головами, отгоняя своим огнем кимеков.

Сжимая в руках оружие, милиционеры кипели гневом. Подавленные бездействием мужчины жаждали сражения, хотели броситься вперед и вступить в бой с атакующими кимеками... или разорвать на части Ксавьера. С каждым новым взрывом или разрушенным зданием в войсках росло мятежное настроение.

— До прибытия подкрепления мы должны сконцентрировать свои силы здесь, — харкая кровью, продолжал стоять на своем Харконнен.

Паудер внимательно посмотрел на лицевой прозрачный щиток маски командира, заметил на плазе кровь и спросил:

— Вы хорошо себя чувствуете, сэр?

— Это пустяки, — ответил Ксавьер, слыша, однако, как при каждом вдохе свистят его наливающиеся кровью легкие.

Яд продолжал отравлять организм терсеро, и он чувствовал себя все хуже и хуже. Чтобы не упасть, Ксавьер оперся на пласкретный парапет тротуара. Он быстро осмотрел занятую милицией позицию, от души надеясь, что она устоит. Наконец Ксавьер заговорил:

— Теперь, когда эти башни взяты под охрану и надежно защищены, мы можем сделать вылазку и пощупать противника. Вы готовы, кварто Паудер?

Паудер просиял, а солдаты приободрились. Несколько человек разрядили в воздух оружие, готовясь внести свою лепту во всеобщее разрушение. Однако Ксавьер натянул вожжи, остановив солдат, как останавливают норовистых коней.

— Назад! Сохранять бдительность! Мы не можем использовать военные хитрости. Нам не удастся найти внутреннюю

слабость противника, которую можно использовать для того, чтобы перехитрить кимеков, но у нас есть воля к победе. Нам нужна победа, иначе мы потеряем все.

Он старался не обращать внимания на кровь, плещущуюся в маске, не зная, сможет ли придать непоколебимую уверенность своему голосу.

— Только решимостью и волей мы разобьем их.

В первые моменты всеобщего смятения и растерянности Ксавьер успел заметить, что один из гигантских кимеков был разрушен и уничтожен концентрированными ракетно-бомбовыми ударами. От его бронированного корпуса остался только чудовищно искореженный дымящийся остов. Беда была в том, что разрозненные бомбардировщики и рассредоточенные наземные боевые машины не могли нанести концентрированный удар, распыляя свои силы и выстрелы.

— Мы нанесем согласованный удар. Будем выбирать одну цель, одного кимека, и будем сокрушать их по одному. Станем бить по нему до тех пор, пока от него ничего не останется, а потом перейдем к следующему.

Хотя Ксавьер мог с трудом дышать, он решил лично повести в бой эскадру самолетов. Как терсеро, он привык находиться в гуще сражающихся. Так его научили на тренировках и маневрах в условиях, максимально приближенных к боевым.

— Сэр, — в голосе Паудера прозвучало неприкрытое удивление, — разве вы не останетесь в безопасном месте? Как командир, вы обязаны выполнять элементарные требования...

— Вы абсолютно правы, Джеймис, — спокойно ответил Ксавьер. — Тем не менее я лично поведу боевые машины. Мы находимся в положении «все или ничего». Останетесь здесь и будете любой ценой защищать башни.

Подземные элеваторы доставили на поверхность еще одну эскадрилью «Кинжалов». Терсеро Харконнен занял место в кабине пятнисто-серой машины и закрыл фонарь. Летчики бежали к своим машинам, обещая товарищам, вынужденным остаться, отомстить захватчикам. Настроив селектор на нужную частоту, Ксавьер передал летчикам новый приказ.

Терсеро Харконнен поправил сиденье и запустил двигатель своего «Кинжала». Сила ускорения вдавила его в спинку

пилотского кресла, дышать стало еще труднее. Из угла рта вытекла струйка горячей алой крови.

Взлетев в воздух, машина легла в разворот, удаляясь от центральной генераторной башни, а часть наземных сил, отойдя от комплекса, направилась к месту перехвата противника. Оружие было приведено в боевую готовность, бомбы приготовлены к сбрасыванию. «Кинжалы» снизились к первой цели, самому маленькому из кимеков. Хриплый голос Ксавьера прозвучал в наушниках пилотов всех «Кинжалов»:

— Бить по моему приказу. Огонь!

Защитники Салусы со всех сторон обрушились на крабовидный корпус и атаковали его до тех пор, пока боевая форма кимека не упала на землю, раздробленная на части. Членистые конечности почернели и изогнулись, емкость, где хранился мозг, была уничтожена. По селектору разнеслись крики радости и торжествующие возгласы. Прежде чем кимеки успели отреагировать на нападение и сменить тактику, Ксавьер выбрал новую цель.

— Все за мной, к следующему!

Эскадра милиции обрушилась на следующего кимека, словно гигантский молот, поливая бомбами и огнем огромное механическое тело. Наземные бронетанковые части, приблизившись на нужное расстояние, тоже открыли огонь.

Второй кимек вовремя заметил грозившую ему опасность, поднял вверх металлические конечности и выпустил в воздух длинные языки пламени. Две фланговые машины эскадры Ксавьера загорелись и камнем упали вниз, разбившись об остатки разрушенного здания. Взорвавшись, боекомплект окончательно сровнял с землей целый городской квартал.

Но удар, который нанесли по кимеку оставшиеся в воздухе машины, увенчался полным успехом. Множество взрывов было настолько мощным, что механическое тело полуробота оказалось неспособным их выдержать. Еще один кимек, превратившись в обгорелый остов, упал на землю. Одна из металлических конечностей выпала из гнезда крепления и откатилась в сторону.

— Уничтожено три, осталось двадцать пять, — удовлетворенно произнес Ксавьер.

— Если они сначала не отступят, — отозвался один из пилотов.

Кимеки в отличие от большинства мыслящих машин Омниуса были все же живыми индивидами. Некоторые из них были еще древними титанами, остальные — неокимеками, предателями коллаборационистами Синхронизированного Мира. Все эти люди пожертвовали своими человеческими телами, чтобы стать ближе к предполагаемому совершенству мыслящих машин.

Командовавший войсками, оставшимися у башен генератора, кварто Паудер использовал все имевшиеся в его распоряжении силы, чтобы заставить отступить четырех кимеков, прорвавшихся в опасную близость к генератору. Эти кимеки уже угрожали святая святых салусанской обороны. Паудер уничтожил одного из воинов-кимеков. Остальные отступили и начали перегруппировываться. За это время самолеты Ксавьера уничтожили еще двух кимеков.

Сражение близилось к переломному моменту.

Груженные бомбами «Кинжалы» Ксавьера снова легли в боевой разворот, выбрав в качестве цели новую волну наступавшего противника. Поддерживаемая бронетанковыми силами и артиллерией милиция Салусы снова и снова накатывалась на передовых кимеков. Бомбы разрушили ноги машины, блокировали ее оружие. «Кинжалы» снова развернулись, готовые нанести завершающий удар.

К изумлению салусанцев, центральная турельная башня кимека, в которой хранился человеческий головной мозг, вдруг отделилась от корпуса. Вспыхнуло яркое пламя дюз, и башенка с мозгом окончательно отделилась от тела с членистыми конечностями. Бронированный сферический контейнер взмыл в небо, выйдя за пределы досягаемости салусанского оружия.

— Отделяемый аппарат улетел, чтобы защитить мозг предателя. — Ксавьер, произнеся эти слова, почувствовал, что его легкие засвистели, и выплюнул еще один сгусток крови. — Стреляйте по нему!

«Кинжалы» направили свои орудия на шар, стремительно взлетавший в затянутое черным дымом небо. Импульса вспол-

не хватило на то, чтобы достигнуть скорости выхода за пределы притяжения планеты.

— Проклятие!

Пилоты расстреливали боезапас по огненному хвосту, но сам контейнер стремительно удалялся из поля зрения.

— Не тратьте зря боеприпасы, — передал новый приказ Ксавьер. — Этот нам больше не опасен.

Он чувствовал сильное головокружение и дурноту, проваливаясь не то в бессознательное состояние, не то в смерть.

— Слушаюсь, сэр.

«Кинжалы» повернули назад и набросились на новую цель.

Однако как только эскадра начала бомбить и обстреливать еще одного кимека, тот также запустил отделяемый аппарат, выстрелив в небо, как пушечное ядро, свою емкость с головным мозгом.

— Эгей, — пожаловался один из пилотов, — он улетит, прежде чем мы успеем как следует засветить ему в глаз!

— Может быть, мы активировали их программу «рви когти и тикай», — фыркнув, отозвался другой пилот.

— Пока они отступают, — констатировал терсеро Харконнен, только неимоверным усилием воли сохраняя сознание. Он надеялся, что не упадет в такой решительный момент. — За мной к следующей цели.

Словно услышав этот сигнал, все оставшиеся кимеки покинули свое боевое обличье. Отделяемые контейнеры, словно ракеты фейерверка, устремились в небо, слепо пробиваясь в космос сквозь защитное поле, туда, где их должен был подобрать флот роботов.

Когда кимеки прекратили атаку и отступили, защитники Салусы испытали странную радость от вида искореженных и распростертых на земле остатков механических гигантов.

В течение нескольких следующих часов уцелевшие обитатели Салусы выходили из убежищ, прищурив глаза, вглядывались в затянутое дымом небо и испытывали смесь потрясения и торжества.

После того как кимеки отступили, флот роботов, пребывая в полной растерянности, выпустил по Салусе тучу ракет, но их компьютеры на гелевых контурах оказались бесполез-

ными и не смогли вывести ракеты на цели. Стандартная противоракетная оборона Салусы уничтожила эти снаряды, и ни один из них не достиг поверхности планеты.

Наконец, когда призванные боевые группы прибыли с периметра системы Гамма-Вайпинг на помощь флоту роботов, мыслящие машины подсчитали свои шансы на успех, решили, что их недостаточно для продолжения боевых действий, и отступили, оставив на орбите разбитые и уничтоженные корабли.

Зимия между тем продолжала гореть. На покрытых щебнем улицах лежали десятки тысяч убитых.

Пока шла битва, Ксавьер усилием воли держался. Но как только она кончилась, он понял, что едва стоит на ногах. Легкие были переполнены кровью, рот обжигал отвратительный кислый вкус. Но Харконнен настоял на том, чтобы медики сосредоточились на оказании помощи более тяжелым раненным на улицах города.

С балкона верхнего этажа полуразрушенного Дома парламента Ксавьер смотрел на жуткие руины родного города. Мир вокруг него окрасился в кроваво-красный цвет, Ксавьер покачнулся и упал на спину. Он еще успел услышать, как адъютант громко зовет врача.

Я не могу считать это победой, подумал он, проваливаясь в черноту беспамятства.

В пустыне грань между жизнью и смертью тонка и незаметна.

Дзенсунни. «Огненная поэзия Арракиса»

Здесь, вдалеке от мыслящих машин и Лиги Благородных, царила вечная, непреходящая пустыня. Пришельцы-дзенсунни, бежавшие на Арракис, влачили тут жалкое существование, едва выживая в суровых условиях этой страшной планеты. В их жизни было мало радостей, все силы уходили на яростную борьбу за то, чтобы прожить еще один день.

Яркий солнечный свет заливал безбрежное песчаное море, накаляя дюны, которые рябью покрывали песчаный океан, стремясь к невидимому берегу. Посреди покрытых пылью островков высились немногочисленные черные скалы, которые не спасали от невыносимого зноя и демонических червей.

Последнее, что он увидит в жизни, будет этот пустынный пейзаж. Люди обрушили на юношу страшное обвинение, и никого не интересовало, что он был невиновен.

— Уходи прочь, Селим! — раздался голос сверху, из пещеры. — Убирайся отсюда!

Он узнал голос своего юного друга — *бывшего* друга Эбрагима. Наверное, он испытывал сейчас большое облегчение, так как по справедливости это он должен был подвергнуться изгнанию. Это его надо было обречь на верную смерть, а не Селима. Но кто будет оплакивать уход сироты, и изгнали Селима сообразно понятиям правосудия дзенсунни.

— Пусть червь выплюнет твои поганые внутренности! — раздался хриплый голос. Это кричала старая Глиффа, которую Селим почитал когда-то как родную мать. — Вор! Похититель воды!

Из пещер в Селима полетели камни. Один из них своим краем порвал ткань, которой Селим обернул голову, чтобы

защититься от палящих лучей солнца. Юноша пригнулся, но затем выпрямился. Он не доставит им такого удовольствия — видеть его унижение. Они отняли у него все, но пока он дышит, им не удастся лишить его гордости.

Над краем скалы появилась голова наиба Дхартха, вождя сиетча.

— Племя сказало.

Не будет никакой пользы от того, что он станет убеждать их в своей невиновности, не помогут ни извинения, ни объяснения. Стараясь сохранить равновесие на крутой тропинке, Селим нагнулся и, подняв острый камень, зажал его в ладони и обратил на людей племени пылающий взор.

Селим умел мастерски бросать камни. Он убивал воронов, маленьких кенгуровых мышей и ящериц, которых приносил на кухню племени. Если он хорошенько прицелится, то, пожалуй, сумеет выбить наибу глаз. Селим вспомнил, как Дхартха что-то тихо нашептывал на ухо отцу Эбрагима, видел, как они сговорились обвинить его, а не виновного мальчика. Они решили наказать Селима, взяв за мерило вины нечто не похожее на истину.

У наиба Дха́ртха были темные брови и иссиня-черные волосы, собранные в хвост, скрепленный кольцом из тускло-серебристого металла. На левой щеке красовалась пурпурная татуировка, состоявшая из геометрических фигур — углов и прямых линий. Этот рисунок нанесла ему на лицо его жена, пользуясь стальной иглой и едким соком чернильной лозы, которую дзенсунни выращивали в своих террариумных садах. Наиб с издевкой смотрел на Селима. Брось камень, говорил этот взгляд, и племя тотчас забросает тебя большими острыми камнями насмерть.

Но нет, такое наказание убьет Селима слишком быстро. Нет, вместо такой легкой смерти племя выгнало Селима в пустыню, где смерть будет долгой и мучительной. Именно для этого его изгнали из сплоченной общины. На Арракисе человек не может выжить в одиночку, без помощи других людей. Существование в пустыне требовало взаимовыручки и сотрудничества, когда каждый человек знал свое место и свои обязанности. Дзенсунни рассматривали воровство вообще — а кражу воды в особенности — как тягчайшее преступление.

Селим спрятал камень в карман. Не обращая внимания на оскорбительные выкрики, он продолжил свой утомительный спуск, направляясь в открытую пустыню.

Дхартха заговорил, и его голос прозвучал над песками, подобный реву в пустыне:

— Селим, не имеющий отца и матери, Селим, которого мы приняли в племя, ты повинен в краже племенной воды. Поэтому ты должен уйти в пески. — Он еще более возвысил голос, чтобы последние его слова долетели до ушей уходящего в изгнание человека: — Пусть Шайтан подавится твоими костями.

Всю свою короткую жизнь Селим трудился на племя за двоих, выполняя больше работы, чем кто-либо еще. Из-за того, что никто не знал, кто его родители, племя требовало от него послушания и заставляло работать, как невольника. Никто не ухаживал за Селимом, когда он болел — кроме, быть может, старой Глиффы, — и никто не помогал ему носить непомерные тяжести. Он видел, как многие его товарищи буквально надувались водой из больших семейных запасов, даже Эбрагим, которому никогда не приходило в голову поделиться ею с другом. Но, однако, именно Эбрагим, увидев полкувшина солоноватой воды, оставленной без присмотра, выпил ее, глупо надеясь, что этого никто не заметит. И как же легко он обвинил в этом своего, как казалось Селиму, товарища, когда кража обнаружилась...

Приговорив мальчика к изгнанию, Дхартха не потрудился дать ему на дорогу даже маленького меха с водой, так как посчитал это пустой тратой запасов племени. Никто не рассчитывал, что Селим проживет дольше одного дня, даже если ему каким-то чудом удастся избежать встречи со страшным чудовищем пустыни.

Зная, что никто не слышит его, мальчик пробормотал себе под нос:

— Чтоб ты задохнулся пылью, наиб Дхартха.

Селим свернул на тропинку, ведущую в сторону от гряды скал, а люди его племени продолжали выкрикивать проклятия и швырять в него мелкие камни.

Дойдя до подножия каменистой отвесной стены, защищавшей сиетч от пустынных бурь и страшных червей, маль-

чик обошел стену и направился в пустыню, желая уйти как можно дальше от изгнавшего его сиетча. Иссушающий зной немилосердно обжигал голову. Те, кто смотрел ему вслед, были удивлены тем, что вместо того, чтобы спрятаться в близлежащей пещере, Селим по доброй воле отправился к дюнам.

Что мне терять?

Селим решил, что никогда не вернется сюда и не станет просить о помощи и прощении. Он высоко вскинул подбородок и зашагал к дюнам, желая уйти как можно дальше. Скорее он умрет, чем будет просить прощения у таких, как люди этого племени. Эбрагим солгал, чтобы спасти собственную жизнь, но в глазах Селима наиб Дхартха совершил куда более тяжкое преступление. Он намеренно осудил на смерть невиновного, так как это сильно упрощало племенную политику.

Селим прекрасно ориентировался в пустыне и знал, как надо вести себя в ней, но Арракис был слишком суровым и негостеприимным миром. В течение жизни нескольких поколений, что жили здесь дзенсунни, ни один человек не вернулся из изгнания. Безбрежный песок поглощал изгнанников, не оставляя никаких следов. Он вышел в открытую пустыню, имея при себе только веревку, висевшую на плече, кинжал на поясе и заостренную металлическую палку, найденную им в мусорном ящике космопорта города Арракиса.

Может быть, Селиму стоило отправиться в Арракис, чтобы поискать работу у инопланетных торговцев, сгружая с их кораблей привезенный товар. Можно было тайком улететь на одном из таких кораблей, которые совершали межпланетные рейсы, тратя многие годы на каждый перелет. Но эти корабли редко залетали на Арракис, который находился в стороне от оживленных межпланетных трасс. Кроме того, если он присоединится к чужакам, то ему придется отказаться от своего «я». Лучше, конечно, остаться в пустыне, если удастся выжить...

Он положил в карман острый камень — один из тех, какими швыряли в него сверху. Когда он отошел на порядочное расстояние от утесов, которые выглядели теперь совсем маленькими, Селим подобрал еще один зазубренный осколок скалы. Это был вполне пригодный метательный снаряд. Со временем ему придется подумать о пропитании. Если убить

ящерицу и высосать ее влажную плоть, удастся еще хотя бы ненадолго продлить свою жизнь.

Идя по бескрайнему океану песка, Селим внимательно смотрел на вытянутый полуостров скал, удаленный от пещер дзенсунни. Там он будет достаточно далеко от своего племени, но сможет смеяться им в лицо — пусть видят, что ему удалось уцелеть в изгнании. Им можно будет показывать нос и отпускать в их адрес язвительные шутки, которые, к сожалению, не долетят до ушей наиба Дхартха.

Селим с такой яростью втыкал в мягкий песок дюн свой импровизированный металлический посох, словно поражал каждым ударом невидимого воображаемого врага. Концом палки мальчик нарисовал на песке устрашающий символ буддислама и изобразил рядом стрелку, направленную к скальному поселению. Селим получил истинное удовольствие от своей непокорности, хотя и понимал, что ветер скоро сотрет с поверхности песка это оскорбительное изображение. Легким шагом он взобрался на дюну, а потом скатился в котловину.

Селим запел традиционную песню, горделиво выпрямился и ускорил шаг. Отдаленная гряда скал ослепительно сверкала в лучах жаркого послеполуденного солнца, и Селим уговаривал себя, что этот блеск выглядит приветливо и гостеприимно. Смелость его возрастала по мере того, как он удалялся от своих мучителей.

Но когда до спасительных скал оставалось еще около километра, Селим почувствовал, что рыхлый песок под его ногами начал ритмично вздрагивать. Он поднял глаза, внезапно осознав опасность, и увидел, как по поверхности песка расходится рябь от движения подземного зверя, несшегося под огромными дюнами.

Селим побежал. Он поднимался на гребни дюн и соскальзывал с них, отчаянно стараясь не упасть и не потерять равновесия. Он побежал по гребню дюны, прекрасно понимая, что она не сможет послужить препятствием для приближающегося песчаного червя. Скалы оставались пока вне пределов досягаемости, между тем чудовище стремительно приближалось.

Усилием воли Селим заставил себя остановиться, хотя охваченное страхом сердце понуждало его продолжать бег.

Черви преследуют любой вибрирующий предмет, а он пытался убежать, как трусливый сопливый младенец, вместо того чтобы застыть на месте, как это делают хитрые пустынные зайцы. Теперь чудовище, конечно же, преследует именно Селима. Сколько людей до него в таком положении, стоя на дрожавших коленях, возносили прощальную молитву, прежде чем быть сожранными исполинским червем? Ни один человек не выжил после встречи с пустынным чудовищем.

Но что, если обмануть зверя, отвлечь его?

Усилием воли Селим напряг ноги, чтобы не двинуть ими, достал один из захваченных с собой камней и швырнул его как можно дальше от себя. Камень исчез среди дюн и с глухим стуком упал на песок, траектория движения червя немного изменилась, зверь отправился в сторону стука.

Мальчик бросил еще один камень, потом еще один, и получившаяся барабанная дробь заставила червя еще больше изменить свой маршрут. Селим выбросил все свои камни. Червь, который лишь немного сбился с пути, вынырнул на поверхность среди дюн очень близко от Селима.

Камней больше не было, и мальчику нечем было уже отвлечь чудовище.

Широко открыв исполинскую пасть, червь заглатывал песок и камни в поисках куска свежей плоти. По краю расселины, образовавшейся на пути червя, земля начала оседать под ногами Селима. Мальчик понял, что червь вот-вот проглотит его. Селим уловил резкий зловещий запах корицы и разглядел пламя, бушевавшее в глотке чудовища.

Нет сомнения, что наиб Дхартха посмеется над жалкой судьбой юного вора. Селим в отчаянии громко выкрикнул страшное проклятие. Нет, он не сдастся, он предпочтет смерть в бою.

Чем ближе придвигалась огромная раскрытая пасть, тем более нестерпимым становился резкий пряный запах. Юноша крепко сжал в руке железную палку и прошептал молитву. Как только червь начал подниматься вверх по склону дюны, Селим, собрав все силы, прыгнул на его выгнутую, покрытую грубой чешуей спину. Высоко подняв металлическую палку, Селим, словно копье, вонзил ее в броню кожи червя. Каково же было удивление юноши, когда он почувствовал, что его

оружие легко вошло в мягкую розовую плоть между жесткими чешуями.

Зверь отреагировал так, словно получил добрый заряд из пушки. Червь резко подался назад, вздрогнул и начал неистово извиваться.

Пораженный до глубины души Селим воткнул палку еще глубже и изо всех сил ухватился за нее. Зажмурив глаза и стиснув зубы, он немного откинулся назад, чтобы сохранить равновесие. Если он упадет, то у него не останется ни единого шанса уцелеть.

Хотя зверь неистово отреагировал на удар Селима, юноша понимал, что не смог нанести чудовищу ощутимую рану. Его укол был похож на укус мухи, которая хочет полакомиться сладкой капелькой крови исполинского животного. В любой момент червь мог нырнуть в песок и увлечь за собой Селима.

Но произошло нечто удивительное. Червь продолжал нестись по дюнам, стараясь не допустить, чтобы песок коснулся раненой части тела.

Охваченный ужасом Селим, до боли сжав пальцы, изо всех сил вцепился в металлическую палку. Вдруг юноша рассмеялся. До него внезапно дошло, что он едет верхом на самом Шайтане! Был ли до него хоть один человек, которому удалось совершить такой подвиг? Во всяком случае, не нашлось такого, кто остался бы в живых, чтобы поведать об этом людям.

Селим заключил союз с Буддаллахом, поклявшись, что победит всех — наиба Дхартху и этого пустынного демона. Мальчик сильнее надавил на свой железный посох, вонзив его еще глубже в плоть зверя и расширив рану, раздвинув сегменты жесткого покрова. Червь еще больше вырвался из песка, словно стараясь стряхнуть с себя докучливого паразита.

Юный изгнанник не направил зверя к гряде скал, среди которых он надеялся устроить свое жилище. Вместо этого зверь устремился дальше, в глубину пустыни, навсегда унося Селима от его прежней жизни.

Компьютеры научили нас одной отрицательной вещи, а именно — выбор направления принадлежит человеку, но не машине.

Белл Арков. «Вечер отдыха в Лиге Благородных»

После поражения на Салусе Секундус флот мыслящих машин отправился в обратный путь, на свою дальнюю базу Коррин. Всемирный компьютерный разум будет не слишком доволен, выслушав сообщение о неудачном рейде.

Уцелевшие неокимеки, как и подобает по-собачьи преданным слугам Омниуса, тащились в хвосте битого машинного флота. Однако шесть выживших первоначальных титанов — Агамемнон и его элитные кадры — готовили диверсию. Возникла возможность составить успешный заговор против угнетавшего их всемирного разума.

Пока рассредоточенные корабли прокладывали путь в пространстве, прочесывая его всевидящими камерами, Агамемнон благоразумно положил свой корабль на другой курс. После ухода от салусанской милиции генерал кимеков перенес свой мозг из закопченной военной оболочки в гладкий армированный сосуд. Несмотря на поражение, он чувствовал себя в отличной форме и пребывал в прекрасном настроении. Будут и другие битвы — с диким типом людей или с Омниусом.

Древние кимеки затаились, выключив свою селекторную связь, опасаясь, что возмущения электромагнитных полей будут уловлены летящими на периферии отступающей эскадры кораблями. Корабль кимеков летел по иному маршруту, более опасному и близкому к небесным препятствиям, которых стремился избежать машинный флот. Кимекам же удастся спрямить путь и выиграть время, необходимое для проведения тайного совещания вдали от всевидящих глаз всемирного разума.

Когда их курс пересекся с орбитой пылающего красного карлика, титаны приблизились к уродливому, испещренному следами метеоритов камню, вращавшемуся на ближней к тусклому солнцу орбите. Там порывы звездного ветра и ионизированные частицы вкупе с сильными электромагнитными полями оградят их от сканирующих устройств Омниуса. Агамемнон нашел способ перехитрить и оставить с носом проклятый всемирный разум.

Шестеро кимеков направили корабли к астероиду, используя свой человеческий мозг вместо компьютерных навигационных систем. Агамемнон выбрал для посадки зияющий кратер. Остальные люди-роботы приземлились рядом с ним, с удивлением обнаружив, что изборожденная мелкими складками равнина покрыта очень твердым грунтом.

Не выходя из корабля, Агамемнон активировал механические руки, которые извлекли закрытую емкость с мозгом из контрольного гнезда и перенесли ее в другое подвижное земное тело, снабженное шестью жесткими ногами и низко подвешенным корпусом. Подсоединив проводящие стержни, связанные с вместилищем разума жидкостно-электрическими, он опробовал механические ноги, подняв металлическую ступню, и отрегулировал гидравлические системы режима движений.

Грациозно шагнув за порог корабля, Агамемнон оказался на россыпи камней. Здесь к нему присоединились остальные титаны. У каждого было шагающее тело с видимым внутренним механизмом и системами жизнеобеспечения, непроницаемыми для палящего жара и жесткой радиации. Сверху, с черного купола неба, покрывавшего безвоздушный астероид, светила кроваво-красная карликовая звезда.

Первый из уцелевших титанов подошел к своему генералу и прикоснулся к его механическому телу сенсорными подушечками — это было деликатное прикосновение, пародия на ласковое человеческое прикосновение. Юнона — стратегический гений — была возлюбленной Агамемнона в те времена, когда оба еще носили человеческие тела. Теперь, спустя тысячу лет, они нуждались в чем-то большем, чем простое опьянение страстью.

— Мы скоро двинемся дальше, любовь моя? — спросила Юнона. — Или будем ждать одно-два столетия?

— Не так долго, Юнона, не так долго.

Следующим подошел Барбаросса, ближайший друг Агамемнона. Они тоже были знакомы друг с другом уже тысячу лет.

— Сейчас каждый миг кажется вечностью, — произнес Барбаросса. Во времена победоносных деяний титанов именно Барбаросса придумал способ подчинения вездесущих мыслящих машин Старой Империи. К счастью, скромный гений обладал неким даром предвидения и заложил в программы машин инструкцию, которая запрещала причинять вред титанам. Именно это ограничение и позволило Агамемнону и его товарищам кимекам остаться в живых после предательской победы всемирного разума.

— Я никак не могу решить, кого мне больше хочется уничтожить — людей или компьютеры, — проговорил Аякс. Самый сильный из старых кимеков, жестокий и упрямый Аякс протопал к месту встречи, неся на мощных ногах свое могучее ходильное тело, словно поигрывая мощными мышцами некогда человеческого тела.

— Нам надо дважды подумать, как мы будем заметать следы, прежде чем исполнять задуманные нами планы. — Данте, прирожденный бюрократ и бухгалтер, легко схватывал самое сложное переплетение мелких деталей любого дела. Среди титанов он никогда не выделялся ни силой, ни блеском, но свержения Старой Империи невозможно было бы достичь без его умных манипуляций с религиозными и административными вопросами. Не обладая храбростью остальных своих товарищей, Данте создал систему разделения функций, которая позволила титанам в течение столетия править миром без особых проблем.

До тех пор, пока компьютеры не вырвали из их рук вселенскую власть. Последним в мелкую щель кратера вошел впавший в немилость Ксеркс. Самый низший из титанов, он очень давно совершил непростительную ошибку, которая позволила амбициозному новорожденному компьютерному разуму обуздать могучих титанов. Хотя титаны нуждались в этом товарище как вечном члене их группы, Агамемнон никогда не простил ему глупости. В течение столетий несчастный Ксеркс думал только о том, как он сможет исправить свою ошибку. Он наивно полагал, что Агамемнон снова обнимет

его, как только он, Ксеркс, придумает способ искупления преступления, и генерал использовал к своей выгоде энтузиазм отверженного титана.

Агамемнон повел пятерых заговорщиков в тень стены кратера. Там машины с человеческими мозгами расселись кругом среди обломков скал и оплавленных камней, чтобы обсудить свою измену и план беспощадной мести.

Ксеркс, несмотря на свой грех, никогда не предаст их. Тысячу лет назад, после победы, тогдашние живые титаны согласились на хирургическое превращение, чтобы не принимать собственной бренности, чтобы их лишенный тела мозг мог жить вечно, утверждая их, титанов, вечное правление. Это драматическое событие заставило титанов заключить между собой нерушимый и бессрочный пакт.

Теперь Омниус иногда вознаграждал своих верных человеческих последователей, превращая их в неокимеков. По всему Синхронизированному Миру тысячи новых мозгов с машинными телами верой и правдой служили всемирному разуму. Агамемнон не мог положиться на тех, кто добровольно согласился служить машинам.

Генерал кимеков передавал свои слова через плотную шину проводящих элементов непосредственно в центры мышления других титанов.

— На Коррине нас ждут не раньше, чем через несколько недель. Я решил воспользоваться этой возможностью, чтобы мы смогли разработать план удара по Омниусу.

— Давно пора это сделать, — проворчал в ответ Аякс.

— Ты думаешь, любовь моя, что всемирный разум стал благодушным и самодовольным, как в свое время люди Старой Империи? — спросила Юнона.

— Я не заметил в нем никаких признаков слабости, — вставил свое слово Данте, — и поэтому считаю, что нам надо проявлять осторожность.

— Слабость можно найти всегда, — рявкнул Аякс и так топнул механической ногой, что пробил в камнях круглую дыру. — Если, конечно, у вас есть желание использовать мышцы, чтобы эксплуатировать эту слабость.

Барбаросса хлопнул металлической конечностью по твердому камню.

— Не обманывайтесь насчет искусственного интеллекта. Компьютеры мыслят не так, как люди. Даже через тысячу лет Омниус не даст своему разуму рассеять внимание. У него такая емкость процессоров и столько наблюдательных камер, что мы даже не можем их себе представить.

— Подозревает ли он нас? Сомневается ли Омниус в нашей лояльности? — Ксеркс уже волновался, хотя совещание только началось. — Если он думает, что мы составляем против него заговор, то почему бы ему просто не уничтожить нас?

— Иногда мне кажется, что в твоей емкости с мозгом образовалась течь, — резко ответил Агамемнон. — В разуме Омниуса запрограммировано запрещение убивать нас.

— Не обижайся. Дело в том, что Омниус настолько всемогущ, что иногда кажется, что он может преодолеть запрет, вложенный в него Барбароссой.

— Пока он этого не сделал и не сделает никогда. Я прекрасно понимаю, что я сделал, — отпарировал Барбаросса. — Помни, Омниус создан для того, чтобы эффективно работать. Он не совершает никаких ненужных действий и не станет понапрасну тратить ресурсы. А мы — его главный ресурс.

В разговор вступил Данте:

— Если Омниус так озабочен эффективностью правления, то почему он до сих пор держит у себя людей-рабов? Даже простейшие роботы, машины класса A1, смогут справиться с такими задачами намного эффективнее, чем люди.

Агамемнон вышел из тени под палящие лучи беспощадного солнца, потом снова вошел в тень. Вокруг него в напряженном ожидании застыли остальные заговорщики, похожие на насекомых, сделанных из гофрированного металла.

— В течение многих лет я предлагал Омниусу уничтожать всех людей на новых планетах Синхронизированного Мира, но он отказывается это делать.

— Может быть, он проявляет такое упрямство только потому, что все-таки люди создали мыслящие машины? — предположил Ксеркс. — Может быть, Омниус считает людей воплощением Бога?

Агамемнон отчитал титана как неразумное дитя.

— Ты что, всерьез думаешь, что компьютерный всемирный разум — религиозный фанатик?

Впавший в немилость титан сконфуженно замолчал. Барбаросса заговорил тоном терпеливого учителя, вдалбливающего элементарные вещи в головы своих тупых учеников.

— Нет, нет, дело просто в том, что Омниус не хочет понапрасну тратить энергию или устраивать беспорядки, с которыми, несомненно, будет сопряжено такое массовое убийство. Он рассматривает человечество как ресурс, который не стоит уничтожать или попусту растрачивать.

— На протяжении многих столетий мы пытались убедить его в противоположном, — мрачно проговорил Аякс.

Понимая, что безопасный промежуток времени, отведенный им, стремительно сокращается, Агамемнон попытался сдвинуть дискуссию с мертвой точки.

— Мы должны найти способ запустить радикальные изменения. Если мы сумеем отключить компьютеры, то мы, титаны, снова станем править миром вместе с неокимеками, которых нам удастся набрать. — Он резко качнул сенсорной башней. — Мы взяли власть один раз и должны сделать это снова.

В прежние времена, когда люди-титаны консолидировали застойную Старую Империю, они использовали для ее разрушения роботов, которые сделали всю грязную работу. Фалок, Агамемнон и другие повстанцы только собрали воедино осколки. На этот раз титанам предстояло воевать самим.

— Может быть, нам стоит найти Гекату? — вставил слово Ксеркс. — Только она одна осталась неподконтрольной Омниусу. Это наша тайная козырная карта.

Геката, бывшая подруга Аякса, стала единственной из титанов, кто добровольно сложил с себя бремя правления. Прежде чем мыслящие машины взяли власть, она бежала в глубины космоса, и с тех пор о ней никто ничего не слышал. Но Агамемнон доверял этой женщине — пусть даже ее можно было отыскать в бескрайних просторах Вселенной — не больше, чем Ксерксу. Геката давно покинула их, и ее нельзя было считать союзником.

— Нам надо искать сподвижников где угодно, принять любую помощь, которую нам, возможно, предложат, — ска-

зал Агамемнон. — Мой сын Вориан — один из немногих людей, допущенных в центральный комплекс земного Омниуса, он регулярно вносит улучшения в конструкцию всемирного разума на других Синхронизированных Мирах. Возможно, мы сможем воспользоваться его услугами.

Юнона притворно рассмеялась.

— Ты хочешь довериться человеку, любовь моя? Одному из червей, которых ты так сильно презираешь? Всего секунду назад ты хотел уничтожить всех представителей этой зловредной породы.

— Если уж на то пошло, то Вориан — мой генетический сын и лучший из моих отпрысков. Я воспитывал и учил его. Он уже десятки раз перечитывал мои мемуары. Я очень надеюсь, что со временем он станет моим достойным преемником.

Юнона понимала Агамемнона лучше, чем все остальные титаны, вместе взятые.

— То же самое ты говорил о своих двенадцати предыдущих сыновьях. Однако каждый раз ты находил поводы, чтобы убить их.

— Я сохранил и законсервировал много спермы, прежде чем превратиться в кимека, и у меня есть время разумно ею воспользоваться, — ответил Агамемнон. — Но Вориан... ах, Вориан. Думаю, что он сможет стать одним из нас. Настанет день, и я позволю ему стать кимеком.

Аякс тихо прервал своего генерала:

— Мы не можем одновременно сражаться с двумя могущественными противниками. Так как Омниус наконец разрешил нам атаковать хретгиров благодаря победе Барбароссы в гладиаторском бою, то я считаю, что мы должны как можно лучше провести эту войну и только потом заняться самим Омниусом.

Погруженные в непроницаемую тень кратера титаны, почти соглашаясь с Аяксом, тихо обменивались мнениями. Люди Лиги ускользнули от власти титанов столетия назад, и старые кимеки давно питали к ним лютую ненависть. Оптические зонды Данте поворчивались из стороны в сторону. Этот титан что-то высчитывал.

— Да, людей победить легче, — сказал он наконец.

— А пока будем искать способ уничтожить Омниуса, — добавил Барбаросса. — Всему, как говорится, свое время.

— Возможно, вы правы, — признал Агамемнон. Генерал кимеков не хотел излишне затягивать тайное совещание.

Он зашагал к своему личному кораблю.

— Сначала мы уничтожим человеческую Лигу. Используя эту победу как трамплин, мы потом обратим наши силы против более серьезного противника.

Логика слепа и зачастую знает только свое собственное прошлое.

Архивы из «Генетики философии».
Составлены россакской колдуньей

Мыслящие машины мало заботились об эстетике, но усовершенствованный космический корабль Омниуса стал — по случайной прихоти конструкции — красивым гладким серебристо-черным судном, казавшимся карликом в бескрайних просторах Вселенной, перемещающимся от одной синхронизированной планеты к другой. После внесения новых улучшений в конструкцию «Дрим Вояджер» возвращался на Землю.

Вориан Атрейдес мог считать себя счастливчиком, что ему доверили такую важную и жизненно необходимую миссию. Рожденный женщиной-рабыней, оплодотворенной законсервированной спермой Агамемнона, темноволосый Вориан мог проследить свою родословную от времен титанов и глубже в прошлое, на много тысячелетий, к эпохе Дома Атрейдесов в Древней Греции, начиная от другого великого Агамемнона. Благодаря статусу отца юный Вор, которому едва исполнился двадцать один год, был воспитан и обучен на Земле под руководством и присмотром мыслящих машин. Он был одним из привилегированных «доверенных» людей, которым разрешалось свободно перемещаться, обслуживая Омниуса.

Вориан читал все рассказы о своем славном происхождении, записанные отцом, который хотел документально закрепить свое торжество. Вор считал великое произведение генерала титанов не просто литературным шедевром, скорее это был священный исторический документ.

Впереди от рабочего места Вориана капитан «Дрим Вояджера», самоуправляющийся автономный робот, не допуская

ни единой ошибки, проверял работу инструментов и приборов. Металлическая, отливающая медью кожа Севрата плотно обтягивала человеческие формы корпуса, сделанного из полимерных волокон, стальных несущих конструкций, гелевых контуров и раздутых пластиковых мышц.

Проверяя аппаратуру, Севрат стучал по клавиатуре дистанционных сканеров и поглядывал в порт иллюминатора своими нитевидными оптическими сенсорами. Делая свое дело, капитан-робот играл на нервах подчиненного, второго пилота-человека. Севрат имел странное и неприятное обыкновение плоско шутить.

— Вориан, что ты получишь в результате скрещивания свиньи и человека?

— Что?

— Тварь, которая много ест, сильно воняет, но не способна ни к какой полезной работе.

В ответ Вориан вежливо хмыкнул. Шутки Севрата служили еще одним доказательством того, что роботы не способны по-настоящему понимать юмор. Но если бы Вор не смеялся, то Севрат выдал бы еще одну шутку, потом еще, и так до получения желаемой человеческой реакции.

— Ты не боишься сделать ошибку, рассыпаясь в шутках во время проверки работы приборов?

— Я не делаю ошибок, — сказал Севрат. В стаккато его механического голоса прозвучали стальные нотки.

Вориан просиял, приняв вызов.

— Ах вот как! Но что будет, если я сломаю какую-нибудь деталь и нарушу жизненно важную функцию корабля? Мы здесь одни, и я, в конце концов, всего лишь склонный к обману человек, твой смертельный враг. Этим я отплачу тебе за все твои ужасные шутки.

— Я мог бы ожидать такого от низшего раба или от ремесленника, но ты этого никогда не сделаешь, Вориан. Тебе есть что терять.

Сделав зловеще плавное движение, Севрат повернул свою гофрированную медную голову, обращая еще меньше внимания на системы управления «Дрим Вояджера».

— Но даже если ты это сделаешь, я сразу же вычислю поломку.

— Не надо меня недооценивать, медноголовый старик. Отец учит меня, что, невзирая на многочисленные наши слабости, наша козырная карта — это непредсказуемость.

Улыбаясь, Вориан подошел к капитану-роботу и внимательно всмотрелся в измерительный экран.

— Как ты думаешь, почему Омниус просит меня швырнуть в его макет гаечный ключ всякий раз, когда он планирует встречу с хретгирами?

— Ваш неуправляемый и бесшабашный хаос есть единственная причина того, что ты можешь победить меня в стратегической игре, — ответил Севрат. — Но это не имеет никакого отношения к вашим врожденным навыкам.

— Навыки победителя всегда выше, чем навыки побежденного, — парировал Вориан, — независимо от того, как ты определяешь условия состязания.

Усовершенствованный космический корабль совершал обыденный, рутинный рейс через мир синхронизированных планет. Один из пятнадцати подобных кораблей, «Дрим Вояджер», вез копию современной версии Омниуса на одну из отдаленных планет, на которой надо было синхронизировать тамошний образец всемирного разума.

Контурные ограничения и скорость передачи электронных данных ставили пределы физическим размерам любой индивидуальной машины; таким образом, один и тот же компьютер всемирного разума не мог действовать за пределами одной, отдельно взятой планеты. Тем не менее для восполнения этого недостатка на каждой планете существовала копия Омниуса, являвшаяся, по сути, своеобразным ментальным клоном. Такие корабли, как «Дрим Вояджер», развозили по планетам усовершенствованные копии отдельных инкарнаций Омниуса, чтобы они оставались виртуально идентичными на пространстве всей машинной автаркии.

После многих совместных путешествий Вор знал, как управлять кораблем, и мог получить доступ ко всем банкам данных, пользуясь кодами Севрата. За много лет они с капитаном-роботом стали почти друзьями, чего не могли понять многие люди и машины. Проводя вместе массу времени в космосе, они говорили о многих вещах, играли в интеллек-

туальные и физические игры и рассказывали друг другу истории, заполняя пропасть между машиной и человеком.

Иногда, ради забавы, Севрат и Вориан менялись местами, тогда Вориан делал вид, что он капитан, а Севрат всего лишь его подчиненный робот. Так восстанавливали они положение, существовавшее во времена Старой Империи. Однажды во время такой игры Вориан импульсивно окрестил корабль «Дрим Вояджер». Это был поэтический вздор, который Севрат не только охотно переносил, но и всячески поддерживал.

Как и подобает сознательной машине, Севрат регулярно получал новые инструкции и памятные переносы от всемирного разума, но поскольку он проводил много времени оторванным от питающего машинного мозга, скитаясь от планеты к планете, развил в себе некоторые личностные черты и независимый образ мысли. По мнению Вориана, Севрат был лучшим представителем машинного разума, хотя временами робот его сильно раздражал. Особенно своим специфическим чувством юмора.

Вориан хлопнул в ладоши, хрустнул пальцами и блаженно вздохнул.

— Как же хорошо иногда расслабиться. Очень плохо, что ты не можешь этого сделать.

— Мне не требуется никакого расслабления.

Вориан никогда бы не признался в том, что тоже находит свое органическое тело плохим во многих отношениях: оно хрупкое, непрочное, склонно к болям, недомоганиям и подвержено травмам, которые неведомы мыслящим машинам. Он надеялся, что будет в хорошей физической форме до того момента, когда его превратят в долговечного неокимека, из которых все когда-то были доверенными людьми, такими, каков он сам. Настанет день, и Агамемнон получит на это разрешение Омниуса, если Вориан достаточно усердно поработает, чтобы заслужить такое разрешение.

«Дрим Вояджер» был в путешествии уже долгое время, и доверенный машин был очень рад скорому возвращению домой. Скоро он увидит своего выдающегося отца.

Пока «Дрим Вояджер» безмятежно плыл среди звезд, Севрат предложил Вориану дружеское состязание. Они уселись за стол и занялись своим обычным развлечением, игрой, ко-

торую они придумали и довели до совершенства за долгие месяцы совместных путешествий. Это была стратегия воображаемой космической войны между двумя чуждыми расами — «Ворианами» и «Севратами». У каждой из сторон был военный флот, обладавший определенными возможностями и точно очерченными ограничениями. Хотя у капитана-робота была безукоризненная и неограниченная память, Вориан успешно вел войну, так как проявлял недюжинную способность к тактическим импровизациям, чем приводил в изумление своего оппонента.

Сейчас, переставляя корабли по воображаемому космическому полю битвы, Севрат выдавал все старые шутки и анекдоты, находившиеся в его огромной базе данных. Не выдержав этого словесного потока, Вориан, не скрывая раздражения, наконец сказал:

— Ты делаешь явную попытку меня отвлечь. От кого ты научился этому?

— Как от кого? От тебя, конечно.

Робот начал вспоминать и перечислять те случаи, когда Вориан действительно поддразнивал его, угрожая, например, испортить корабль, но в действительности не собираясь делать ничего подобного, или придумывая совершенно невозможные экстренные внештатные положения.

— Ты не считаешь это надувательством? И кто это делал — ты или я?

Это откровение поразило Вориана.

— Мне очень грустно, что, пусть даже шутя, я научил тебя лгать. Мне стыдно, что я — человек.

Нет никакого сомнения, Агамемнон был бы разочарован.

После второго раунда Вориан проиграл. От переживаний он потерял всякий интерес к игре.

Каждая попытка есть игра, не так ли?

Иблис Гинджо. «Выбор — полное освобождение»

На садовой террасе, откуда открывалось зрелище изуродованных руин Зимии, в мрачном одиночестве стоял Ксавьер Харконнен, с отвращением ожидая начала парада победы. Полуденное солнце ласково грело лицо. Вместо диких воплей и взрывов слышалось пение птиц; свежий ветер развеял ядовитый газ.

Лига еще долго будет приходить в себя после такого потрясения. Все изменилось, и изменилось необратимо.

Прошло уже много дней после нападения машин, но и сейчас Харконнен видел дымок, поднимающийся от искореженных каменных остовов и переплетений арматуры в безоблачное небо. Но Ксавьер не чувствовал запаха копоти. Ядовитый газ кимеков так повредил его органы, что он никогда больше не почувствует ни вкусов, ни запахов. Даже дыхание превратилось в простой механический акт, а не в приятное вдыхание чистого свежего воздуха.

Но не подобает ему переживать и стонать, замкнувшись в своем несчастье. Другие люди потеряли гораздо больше. После атаки кимеков Ксавьер Харконнен остался жив только благодаря героическим усилиям салусанских врачей. Серена Батлер навестила его в больнице, но он помнил ее образ только сквозь пелену боли, лекарств и аппаратов жизнеобеспечения. Ксавьеру сделали экстренную операцию, пересадив ему оба легких. Здоровые органы были получены от таинственных тлулаксов. Он знал, что Серена приложила максимум усилий, чтобы главный военный хирург — блестящий врач — и торговец живыми органами с Тлулакса сделали все возможное для излечения Ксавьера.

Теперь он снова может дышать, хотя иногда и испытывает приступы острой боли в груди. Ксавьер выжил, чтобы еще раз

сразиться с мыслящими машинами. Благодаря лекарствам и передовым методам заживления ран он был выписан из госпиталя вскоре после операции.

Во время нападения кимеков торговец живыми тканями с Тлулакса находился в Зимии по своим обычным торговым делам и едва спасся. На несоюзной планете Тлулакса в отдаленной планетной системе звезды Тхалм жил его народ, занимавшийся выращиванием на специальных фермах человеческих сердец, легких, почек и других органов из жизнеспособных клеток. После того как кимеки были изгнаны, тлулакс предложил свой товар военным хирургам главного полевого госпиталя. Холодильники купца были забиты образцами органов. Это была неслыханная удача, улыбаясь, сказал купец, что он оказался на планете и сможет теперь помочь столь прискорбно пострадавшим гражданам Салусы.

После успешной операции Кеедайр навестил Ксавьера в медицинском центре. Тлулакс оказался человеком среднего роста, но хрупкого телосложения, с темными глазами и угловатым лицом. С левой стороны головы свисала плотно заплетенная косичка.

Вдохнув и сделав над собой большое усилие, Ксавьер хрипло заговорил:

— Это было настоящее счастье, что вы оказались здесь с грузом органов на борту вашего корабля.

Кеедайр сложил руки, сплетя длинные тонкие пальцы.

— Если бы я мог знать, что кимеки нападут на вас, то я бы захватил с собой больший запас с наших ферм органов. Уцелевшим жителям Салусы требуется больше органов, но доставить их с Тлулакса можно не раньше, чем через несколько месяцев.

Прежде чем покинуть палату Ксавьера, торговец обернулся и сказал:

— Считайте себя счастливчиком, терсеро Харконнен.

В изуродованной войной Зимии жители разыскивали своих мертвецов, чтобы предать их земле. По мере расчистки завалов росло число погибших. Тела извлекали из-под камней, устанавливали их имена, составляли списки. Но, несмотря

на боль и страдания, человечество вышло из этой схватки окрепшим.

Вице-король Манион Батлер настаивал на том, чтобы после нападения кимеков люди выражали больше стойкости и решимости. На улице, под террасой, на которой стоял Ксавьер, шли последние приготовления к благодарственному празднику. На ветру развевались знамена с изображениями открытых человеческих ладоней — символа независимости и свободы. Уставшие угрюмые люди в грязных одеждах изо всех сил старались править великолепными салусанскими жеребцами, которые испытали большое потрясение от войны. В гривы коней были вплетены кисточки и колокольчики, хвосты были похожи на водопады безупречно белой шерсти. Украшенных кружевными лентами животных едва удавалось сдерживать; они нетерпеливо били копытами, стремясь пройти по бульвару, отмытому от грязи, сажи и пятен крови.

Ксавьер рассеянно посмотрел в небо. Как он сможет теперь смотреть в небо без страха, что в следующий момент увидит летящие вниз аппараты, пробивающие защитные магнитные поля? Ракетные силы были уже восстановлены, для предупреждения новых атак из космоса были установлены новые силовые станции. Патрули в состоянии полной готовности кружили по внешним орбитам.

Вместо того чтобы смотреть парад, ему следовало бы заняться подготовкой салусанской милиции к следующему нападению, увеличить число сторожевых кораблей и разведчиков на внешних подступах к Солнечной системе, составить более эффективный план спасения и эвакуации, а также план отражения нападения. Еще одна атака машин — это лишь вопрос времени.

Следующее заседание парламента Лиги будет посвящено неотложным мерам и возмещению ущерба. Представители выработают план восстановления Зимии. Кимеков, уничтоженных салусанскими силами, надо будет разобрать и внимательно исследовать, чтобы найти в них слабые и уязвимые места.

Ксавьер надеялся, что Лига незамедлительно отправит делегацию на Поритрин за блистательным Тио Хольцманом, чтобы тот обследовал недавно установленные защит-

ные, истребляющие машинный разум поля. Только великий изобретатель сможет разработать меры по устранению недостатков системы, которые обнаружили и использовали кимеки.

Когда Ксавьер поделился своими опасениями с вице-королем Батлером, человек с цветущим лицом согласно кивнул в ответ, но уклонился от дальнейшего обсуждения темы.

— Сначала мы должны отпраздновать этот день и поздравить себя с тем, что мы живы. — За маской уверенности Ксавьер легко разглядел глубокую печаль в глазах вице-короля. — Мы не машины, Ксавьер. В нашей жизни должно быть что-то еще, кроме войны и мести.

Услышав шаги на террасе, Харконнен обернулся и увидел Серену Батлер. Девушка улыбалась ему, в ее глазах Ксавьер разглядел тайное глубокое чувство, которое она показала ему сейчас, когда на террасе не было никого, кроме них двоих.

— Вот и мой героический терсеро.

— Человека, по вине которого половина города превратилась в руины, обычно не называют героем, Серена.

— Но зато героем можно назвать человека, который спас от разрушения и уничтожения остальную часть планеты. Если бы ты не взял на себя ответственность, если бы не сделал выбор и не принял решения, то была бы сокрушена вся Зимия, вся Салуса.

Она приблизилась к Харконнену и положила ему руку на плечо.

— Я не хочу, чтобы ты обвинял себя во всем во время парада победы. Один день ничего не может решить.

— Один день может решить все, — настаивал на своем Ксавьер. — Мы с таким большим трудом сумели отразить эту атаку только потому, что слишком сильно уповали на защитное уничтожающее поле и совершенно глупо полагали, что Омниус решил раз и навсегда оставить нас в покое после стольких десятилетий мира. Сейчас наступил самый подходящий момент для повторения атаки. Что, если они обрушат на нас еще одну волну кимеков?

— Омниус сейчас зализывает раны. Сомневаюсь, что его силы уже вернулись в Синхронизированный Мир.

— Машины не зализывают раны, — возразил терсеро.

— Ты очень серьезный молодой человек, — сказала она. — Пожалуйста, смягчись, хотя бы по случаю парада. Нашим людям надо поднять боевой дух.

— Твой отец уже прочел мне лекцию на эту тему.

— Ты же знаешь, что если двое Батлеров что-то говорят, то скорее всего это верно.

Он крепко обнял Серену и последовал за ней с террасы к парадным трибунам, где он будет сидеть на почетном месте рядом с вице-королем.

Ксавьера влекло к Серене сколько он себя помнил, с самого детства. Они повзрослели, и в их душах окрепла уверенность в связывавших их глубоких чувствах. И он, и Серена считали, что их отношения закончатся бракосочетанием, в котором с редкой гармонией сольются равенство благородного происхождения, политические выгоды и романтическая любовь.

Однако теперь, несмотря на некоторую возникшую между ними отчужденность, Ксавьер напомнил себе о своих главных приоритетах. Из-за происшедшей катастрофы, в которой был убит примеро Мич, молодой Харконнен оказался исполняющим обязанности командующего салусанской милицией. Это обстоятельство заставило его столкнуться с невиданными ранее задачами и большими трудностями. Так много надо сделать, но он же всего только человек, и к тому же только один человек.

Час спустя все благородное собрание сидело на трибуне, воздвигнутой перед центральным дворцом. Фасад разрушенного правительственного здания был прикрыт временными щитами. Украшенный орнаментом фонтан на центральной площади перестал существовать, но жители столицы знали, что торжественное мероприятие может быть проведено только здесь.

Даже будучи сожженным и разрушенным, здание, от которого остался только остов, выглядело внушительно и величественно. Построенное в салусанском готическом стиле, это здание с многоступенчатыми, многоуровневыми крышами, щипцами, спиралями и резными колоннами не только было местом заседаний правительства Лиги Благородных, но служило также местом нахождения культурологического и ант-

рологического музея. В близком соседстве располагались более простые, но радующие глаз жилые сооружения, отмытые добела пемзой, которую добывали в окрестных меловых скалах. Салусанцы гордились тем, что именно они лучшие мастеровые и ремесленники во всей Лиге. Большую часть своей продукции они изготовляли вручную, не прибегая к машинам и автоматам.

Вдоль пути следования парада выстроились пестро одетые жители Салусы. Люди оживленно переговаривались между собой, показывая руками на замечательных коней, дефилировавших по улице. За конями маршировали оркестры, а за оркестрами следовали исполнители народных танцев на высоких передвижных платформах. Провели одурманенного наркотиками свирепого салусанского быка, который даже в полусонном состоянии дико вращал глазами и рыл копытами землю.

Хотя Ксавьер изо всех сил пытался смотреть праздничное шествие и наслаждаться его зрелищем, он против воли то и дело поднимал голову, глядя в небеса, а потом принимался смотреть на изуродованные городские дома...

В заключение парада Манион Батлер произнес торжественную речь в ознаменование успешного отражения агрессии мыслящих машин. Несмотря на праздничный тон речи, он отдал должное той высокой цене, которую пришлось заплатить за победу, упомянул о десятках тысяч жизней, которые пришлось принести на ее алтарь, о многих тысячах раненых.

— Нам предстоит восстановить город и залечить людские раны, смягчить человеческое горе, но наш боевой дух не сломлен, хотя мыслящие машины в любой миг могут повторить нападение.

Обращаясь к толпе, вице-король подозвал Ксавьера Харконнена к центральной трибуне.

— Хочу представить вам нашего величайшего героя, человека, который твердо противостоял кимекам и принял нужные и правильные решения, позволившие спасти всех нас. Немного есть тех, кто нашел бы в себе силы поступить так же.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Ксавьер выступил вперед, чтобы принять из рук вице-короля военную медаль на

сине-красно-золотой ленте. В самый волнующий момент чествования Серена поцеловала Ксавьера в щеку. Он от души надеялся, что никто в толпе не заметил, как он залился краской смущения.

— Вместе с этой медалью, Ксавьер Харконнен, вы получаете повышение по службе. Отныне вы — терсеро первого ранга. Я поручаю вам изучить защитную тактику и состояние оборонительных сооружений всей Армады Лиги Благородных. Вам вменяется в обязанность улучшить состояние салусанской милиции и всех вооруженных сил Лиги Благородных.

Молодой офицер чувствовал себя очень неловко, оказавшись в центре всеобщего внимания, но с достоинством принял оказанные ему почести.

— Я жажду немедленно начать трудную работу во имя нашего выживания и прогресса. — Он взглянул на Серену и снисходительно улыбнулся. — Но, конечно, после окончания сегодняшнего парада.

Дюна — дитя червя.

Из «Легенды о Селиме, обуздавшем Червя».
Огненная поэзия дзенсунни

Весь день и почти всю ночь чудовищный песчаный червь несся по пустыне, вынужденный выйти за пределы своего места обитания.

Когда на небосклоне взошли две луны и залили окрестность своим странным призрачным светом, вцепившийся в металлическую палку Селим был уже совершенно измотан. Хотя его не пожрал дикий червь, но он скоро погибнет, утомленный непрерывной ездой. Буддаллах спас Селима, но только для того, чтобы вволю позабавиться им, как игрушкой.

Раздвинув ржавой палкой сегменты на теле червя, юноша залез в образовавшуюся щель, надеясь, что не будет погребен заживо, если демон решит зарыться под дюну. Он поудобнее устроился в отвратительной плоти, пахшей тухлым мясом и пряной корицей. Он не знал, что делать, понимая, что ему остается только молиться и держаться, пытаясь найти объяснение происшедшему.

Может быть, это какое-то ниспосланное мне испытание?

Песчаный червь продолжал лететь через пустыню; его недоразвитый мозг примирился с тем, что он никогда больше не найдет покоя и умиротворения. Зверь желал только одного — нырнуть в дюны и спрятаться от этого злокозненного нарыва, вскочившего на его спине. Но Селим все глубже втыкал палку в тело червя, как рычаг, раздражающий разверстую рану.

Червь мог только стремиться вперед. Час за часом.

В горле у Селима пересохло, глаза болели от попавшего в них песка. Должно быть, они пересекли уже добрую половину пустыни, и юноша видел перед собой совершенно незна-

комый ландшафт монотонного песка бескрайней равнины. Он никогда не удалялся на такое расстояние от пещеры их общины, да и никто не удалялся, насколько это было известно Селиму. Если даже ему каким-то образом удастся бежать со спины червя, он обречен на смерть из-за несправедливого приговора.

Он был уверен, что предавший его друг Эбрагим однажды выдаст себя; предатель, несомненно, нарушит еще какой-нибудь племенной закон, тогда его будут судить за кражу и за ложь. Если Селим выживет, то он обязательно вызовет Эбрагима на смертный бой, и пусть победят честь и правда.

Может быть, племя возвеличит его, Селима, ведь никому еще не удавалось обуздать страшного червя и остаться в живых. Может быть, тогда темноглазые молодые женщины дзенсунни посмотрят на него с ласковыми улыбками. Покрытый пылью, но с высоко поднятой головой он предстанет перед суровым наибом Дхартхой и потребует признания его членом племени. Проехать верхом на пустынном демоне и остаться в живых!

Но хотя Селим оставался живым намного дольше, чем мог надеяться в самых смелых мечтах, это ни в коем случае не означало, что исход его приключения ясен. Что ему делать теперь?

Червь под ним стал издавать странные возбужденные звуки, превосходившие по громкости шорох песка, порой содрогался — жуткая дрожь бежала вдоль его жилистого тела. Селим чувствовал запах раскаленного кремния и покрывающий все запахи острый аромат пряности. Заводимые трением печи пылали внутри глотки червя, словно в глубинах ада Шеола.

Когда черное небо тронул желтоватый рассвет, червь стал еще более беспокойным, движения его сделались неуверенными и слабыми. Он дергался, пытаясь зарыться в песок, но Селим не давал ему этого сделать. Чудовище ткнулось своей тупой головой в дюну, взметнув тучу песка в воздух. Юноше пришлось напрячь все свои силы, чтобы еще глубже вонзить палку в мясо сегмента червя.

— Тебе так же больно, как мне, и ты устал точно так же, как я, Шайтан, — произнес юноша ломким и надтреснутым голосом. *Ты загнан почти до смерти.*

Селим не отважился слезть с червя. Стоит только ему соскочить на голую землю, как песчаный червь извернется и пожрет его. У мальчика не было иного выбора, надо было и дальше гнать червя. Казалось, этой пытке не будет конца.

Когда наступил день, Селим рассмотрел на горизонте едва заметную пелену, там бушевала буря, и сильный ветер поднял в воздух тучи песка и пыли. Но буря была далеко, а у Селима сейчас были совершенно иные заботы.

Наконец демонический червь резко остановился недалеко от гряды скал и отказался двигаться дальше. По телу червя прошла последняя судорога, он уронил свою змеиную голову на дюну и застыл, как убитый дракон. Потом по его телу прошла еще одна волна конвульсий, и зверь затих. От истощения и сильнейшей усталости Селим задрожал. Он боялся, что это последний трюк червя, его военная хитрость. Возможно, червь ждет удобного момента, чтобы стряхнуть Селима со спины и проглотить. Может ли червь быть таким коварным? Действительно ли это Шайтан? *Или я загнал червя насмерть?*

Собрав последние силы, Селим выпрямился. Его затекшие мышцы дрожали от напряжения. Он едва мог двигаться. Суставы совершенно онемели; в коже он ощутил покалывание — это ожили от возобновления кровообращения отупевшие нервные окончания. Наконец он решился рискнуть. Он выдернул из розовой плоти червя металлическую палку.

Червь даже не дернулся.

Селим соскользнул с круглого тела на землю и с топотом побежал прочь. Из-под ног вздымались брызги, а он все бежал и бежал по бесконечной неровной поверхности. Дальние скалы казались островками безопасности, выступающими из-за золотистых дюн.

Он не решался обернуться и продолжал, задыхаясь, бежать вперед. С каждым вдохом горячий воздух опалял его глотку словно огонь. В ушах звенело. Казалось, он явственно слышит скрип песка под несущимся по пустыне телом мстительного зверя. Но нет, червь продолжал неподвижно лежать перед дюной.

Преисполнившись энергией отчаяния, Селим пробежал еще с полкилометра. Добежав до скал, он забрался на один из

больших камней и только здесь позволил себе расслабиться. Прижав колени к груди, он принялся смотреть против яркого света, разглядывая червя.

Зверь так и не двинулся с места. *Не хочет ли Шайтан сыграть со мной злую шутку? Не испытывает ли меня Буддаллах?*

Только теперь Селим ощутил страшный, всепоглощающий голод. Он поднял голову и воззвал к небесам:

— Если ты по какой-то причине спас меня, то почему не даешь мне хотя бы немного еды?

От тяжелого нервного истощения Селим принялся истерически хохотать.

Никто не смеет досаждать Богу требованиями.

Потом до Селима дошло, что у него есть еда, правда, несколько своеобразная. Во время бегства к скалам он пересек большое пятно охристой пряности, жилы меланжи, которую дзенсунни иногда находили во время своих странствий по пустыне. Они собирали это вещество, используя его как добавку к пище и как стимулятор. Наиб Дхартха держал небольшой склад пряности в поселении. Иногда из пряности варили крепкое меланжевое пиво, которое жители пили по праздникам или продавали в городском космопорту Арракиса.

Он просидел в своем убежище около часа, стараясь не пропустить даже малейшего движения чудовища. Никакого движения не было. Становилось жарко, пустыня впала в вялое оцепенение. Буря за это время нисколько не приблизилась. Селиму казалось, что весь мир, как и он, затаил дыхание и чего-то ждет.

Потом, набравшись мужества — в конце концов, это он, Селим, сумел укротить и обуздать чудовищного червя, — юноша сполз со скалы и направился к меланжевой жиле. Оказавшись на месте, он тревожно взглянул на неподвижную массу.

Стоя на рыжевато-ржавом песке, он начал тереть жилу руками, соскребая с ее поверхности сухой красный порошок. Проглотил его, сплюнул несколько попавших в рот песчинок и сразу почувствовал бодрящее действие сырой пряности, если ее принять сразу много. У мальчика закружилась голова, он почувствовал прилив энергии.

Насытившись, он вперил горящий взор в ставшее дряблым неподвижное распростертое на песке тело червя и упер

руки в бедра. Потом он взмахнул руками и закричал во все горло, нарушая вечную тишину пустыни.

— Я нанес тебе поражение, Шайтан! Ты задумал съесть меня, старый ползун, но это я одолел тебя! — Он снова замахал руками. — Ты слышишь меня?

Но зверь даже не вздрогнул. Впав в эйфорию от съеденной пряности и испытывая прилив неестественной храбрости, юноша зашагал к длинному жилистому телу, лежавшему на гребне дюны. Оказавшись в нескольких шагах от зверя, мальчик решился взглянуть в лицо Шайтану. Похожая на пещеру пасть была утыкана внутренними сверкающими на солнце шипами. В сравнении с огромными размерами самого чудовища его клыки выглядели тончайшими волосками.

Теперь стало видно, что песчаная буря приближается, предшествуемая горячим ветром. Ветер подхватывал песчинки и кусочки скалы и швырял их в лицо Селиму, словно маленькие дротики. Обдувая искривленный труп червя, воздух извлекал из складок его чешуи шепчущие и воющие звуки. Казалось, дух зверя вызывает его, заставляет приблизиться. В крови Селима вновь заиграла пряность.

Он смело шагнул к червю и, остановившись возле его головы, заглянул в черную бездонную пропасть глотки. Дьявольский огонь внутри погас, не осталось даже тлеющих угольков.

Селим снова закричал:

— Я убил тебя, старый ползун! Я погубитель червей.

Песчаный червь не ответил даже на такую провокацию.

Селим взглянул на похожие на кинжалы клыки, которые искривленной полосой окаймляли широкую вонючую пасть. То ли его подвигнул на это буддислам, то ли прихоть воспаленного воображения, но мальчик шагнул вперед, не слушая голоса здравого смысла. Селим встал на нижнюю губу червя и ухватился за один из клыков.

Молодой изгнанник ухватился за зуб чудовища обеими руками, почувствовав, что он тверже и прочнее металла. Мальчик начал раскачивать и вращать зуб. Ткани тела червя стали мягкими и податливыми, цельность глотки и крепость ее тканей исчезли. Едва сдержав стон, Селим вырвал клык с корнем. Зуб оказался длиной в предплечье мальчика, он был ис-

кривлен, чист и сиял молочной белизной. Из такого клыка можно сделать превосходный, просто замечательный нож.

Селим отшатнулся, держа в руках свою добычу, устрашенный тем, что он сделал. Такого, насколько было ему известно, еще не бывало. Кто бы осмелился не только проехать верхом на черве, но и ступить в его разверстую пасть? Селим вздрогнул. Он не мог поверить в то, на что не только решился — но и сделал. Ни у кого на Арракисе нет такого сокровища, такого оружия, такого зуба-ножа!

Остальные хрустальные зубы продолжали свисать со свода исполинской пасти, как сталактиты. Их можно было выгодно продать в космопорту (если, конечно, ему когда-нибудь удастся добраться туда), но в этот момент мальчик почувствовал внезапный приступ слабости. Действие съеденной им меланжи начало проходить.

Он снова ступил на мягкий песок. Буря была уже совсем близко, почти над головой, напомнив Селиму об умении выживать в пустыне. Он должен вернуться к скале и найти там убежище или скоро тоже будет лежать мертвым у подножия дюны, пав жертвой разбушевавшейся стихии.

Но теперь мальчик не думал о смерти. Он вдруг понял, что теперь с ним ничего не случится. *У меня есть предназначение, миссия Буддаллаха. Если бы я только мог понять, в чем она заключается.*

Он отпрянул назад, потом повернулся и побежал к линии скал, бережно сжимая в руках клык зверя. Ветер подгонял его, словно стремясь увести подальше от исполинской мертвой туши.

Люди пытались создать умные машины, представлявшие собой вторичные рефлекторные системы, чтобы переложить на плечи этих механических слуг принятие первичных решений. Однако постепенно создатели начали убеждаться, что оставили себе самим слишком мало ответственных дел, люди почувствовали отчуждение, осознали свою дегуманизацию. Они ощутили, что ими манипулируют. Постепенно люди сами начали превращаться в ничего не решающих роботов, не осознавая более сути своего естественного существования.

Тлалок. «Слабость империи»

Агамемнон не стремился поскорее увидеть Омниуса. Прожив на свете больше тысячи лет, генерал кимеков научился быть терпеливым.

Таким же терпеливым, как машины.

После тайного совещания у красного карлика Агамемнон и его титаны совершили межзвездное путешествие и через два месяца достигли Коррина. Флот роботов прибыл туда на несколько дней раньше, доставив с собой изображения эпизодов битвы, полученные следящими камерами. Всемирный разум уже знал о поражении. Всемирному разуму оставалось только высказать претензии и наложить взыскания, особенно на Агамемнона, который командовал экспедицией.

Посадив корабль на площадку, залитую беспощадным ярким светом гигантской звезды Коррина, генерал-кимек выставил наружу свою сенсорную сеть, чтобы оценить обстановку. Омниус, как всегда, ждет вернувшихся с задания подчиненных.

Кто знает, может быть, на этот раз всемирный разум примирится с поражением?

Агамемнон понимал, что это пустые надежды. Всепроникающий разум не может реагировать на происходящее почеловечески.

Прежде чем выйти из корабля, генерал титанов выбрал себе подходящий корпус. Для этого вполне подходил обтекаемый кожух небольших размеров, в котором помещались емкость с мозгом и система жизнеобеспечения, соединенная с остовом тележки. Кимек выбрался на вымощенную гладкими плитами мостовую и поехал по бульварам под огромным оком висевшего в небесах красного гиганта. Немилосердный, знойный ярко-красный свет заливал мощеные улицы и белые фасады домов.

Много тысячелетий назад звезда этой системы расширилась до таких размеров, что поглотила планеты, обращавшиеся на ближайших к ней орбитах. Сам Коррин когда-то был замерзшим отдаленным миром, но после расширения красной звезды он получил столько тепла, что стал пригодным для обитания.

После того как лед атмосферы растаял, а снежные моря выкипели, поверхность планеты превратилась в огромную, выжженную солнцем сланцевую равнину, на которой Старая Империя, отличавшаяся в те дни большей амбициозностью, основала колонию. Большинство экосистем было завезено сюда извне, но даже теперь, по прошествии тысяч лет, Коррин казался незаконченной планетой, на которой не хватало важных экологических систем, превративших бы ее в процветающую планету. Омниусу и его независимому роботу Эразму Коррин нравился за свою новизну и за то, что этот мир не был отягощен древней историей.

Агамемнон катился по улицам, а над ним вился электронный наблюдатель, приставленный к нему, как сторожевой пес. С помощью наблюдательных мониторов и громкоговорителей всемирный разум мог общаться с Агамемноном независимо от того, в какой точке Коррина он находился. Однако Омниус настоял на том, чтобы принять генерала кимеков в роскошном центральном павильоне, выстроенном силами людей-рабов. Покаянное паломничество было частью наказания Агамемнона за салусанский провал. Могущественный компьютер понимал концепцию господства и подчинения.

Электропроводящая жидкость в мозговой емкости Агамемнона посинела от напряжения, пока тот готовился к жестокому допросу с пристрастием. Подвижное тело кимека прокати-

лось под высокими арками, положенными на покрытые орнаментом колонны из светлого металла. Эксцентричный и серьезный робот Эразм скопировал проявления человеческого тщеславия, знания о которых почерпнул в исторических анналах старых земных империй. Огромные ворота должны были вызывать у посетителей благоговейный трепет, хотя Агамемнон сомневался, что Омниус когда-либо задумывался о таких пустяках.

Генерал кимеков остановился посреди внутреннего двора. Из расщелин в стенах били струи фонтанов. Ручные воробьи вили гнезда под карнизами и на капителях колонн. Внутри двора были расставлены терракотовые вазоны, в которых распускали свои роскошные лепестки алые лилии.

— Я прибыл, лорд Омниус, — доложил Агамемнон через голосовой синтезатор. Пустая формальность. Наблюдательные камеры следили за ним с момента выхода из корабля. Он принялся ждать.

В огромных, гулких залах павильона не было видно Эразма с его зеркальным лицом. Омниус хотел призвать к порядку своего генерала в отсутствие независимого и надоедливого робота. Хотя Эразм воображал, что понимает и разделяет человеческие эмоции, Агамемнон очень сильно сомневался, что эксцентричная машина способна проявить хотя бы проблеск сочувствия.

Из дюжины громкоговорителей раздался мощный голос, похожий на голос разгневанного божества. Нет сомнения, что этот эффект был намеренным.

— Вы и ваши кимеки потерпели неудачу, генерал.

Агамемнон уже знал, как будет проходить этот разнос, впрочем, знал это и Омниус. Конечно, всемирный разум уже отрепетировал разговор. Что ж, надо продолжить этот ритуальный танец.

— Мы упорно сражались, но не смогли добиться победы, лорд Омниус. Проявили неожиданную ярость в обороне, и как это ни поразительно, но они сознательно пожертвовали городом, но не допустили выключения защитных полей. Как я уже не раз говорил вам, дикий тип человека очень опасен своей непредсказуемостью.

Омниус ответил не раздумывая:

— Вы также не раз говорили мне, что кимеки намного превосходят своими качествами этих червей, так как соединяют в себе преимущества машины и человека. Так скажите мне, каким образом вы не сумели преодолеть оборону этих необученных и нецивилизованных тварей?

— В какой-то момент я действительно допустил ошибку. Люди раскрыли нашу действительную цель раньше, чем мы предполагали.

— Ваши силы сражались без достаточного упорства, — проговорил Омниус.

— Во время сражения были уничтожены шестеро неокимеков. Гладиаторский корпус кимека Ксеркса был настолько изуродован, что он едва сумел уйти на взлетной капсуле.

— Это так, но ваши остальные кимеки уцелели. Двадцатипроцентные потери не означают, что вы бились до последнего солдата.

Во дворе чирикали воробьи, которым не было никакого дела до напряженного разговора между Омниусом и его главнокомандующим.

— Вы должны были пожертвовать всеми своими кимеками для достижения главной цели — уничтожения разрушающего защитного поля.

Агамемнон был счастлив, что теперь не может отобразить на несуществующем лице человеческие эмоции, которые Омниус мог как-то истолковать.

— Лорд Омниус, кимеки — это незаменимые индивидуальности в отличие от ваших мыслящих роботов. По моим оценкам, риск потери ваших наиболее важных титанов не мог быть оправдан захватом незначительной планеты, зараженной диким видом людей.

— Незначительной? До того как отправиться в эту экспедицию, вы сами подчеркивали важность Салусы Секундус для Лиги Благородных. Вы утверждали, что падение планеты приведет к полному крушению свободного человечества. Вы, именно вы руководили экспедицией.

— Но стоит ли сама Лига уничтожения ваших самых ценных титанов? Мы создали вас, установили основы синхронизированных планет. Титанов нельзя использовать как обычное пушечное мясо.

Агамемнону было интересно, как всемирный разум отреагирует на такую рационализацию. Возможно, он пошлет титанов на убой, чтобы завоевать и уничтожить дикий вид человечества. Омниус планирует обходной маневр, чтобы преодолеть удушающий программный запрет Барбароссы.

— Позвольте мне обдумать этот вопрос, — сказал Омниус. На экранах стен павильона появились сцены битвы за Зимию. — Хретгиры оказались умнее, чем вы предполагали. Они распознали ваши цели. Вы сделали ошибку, полагая, что ваши кимеки будут способны легко прорвать их оборону.

— Да, я ошибся в расчетах, — признал Агамемнон. — У людей оказался умный командир. Его неожиданные и нестандартные решения позволили им построить успешную оборону. По крайней мере нам удалось пощупать их разрушающую систему защитных полей.

Объяснения Агамемнона стремительно вырождались в рационализации и извинения. Омниус анализировал и отбрасывал их одно за другим, унижая и оскорбляя титана.

В тихом дворике цвели цветы и пели птицы. Капли фонтанных струй, разбиваясь о плиты двора, издавали мелодичные звуки, добавляя новые штрихи к природной гармонии. Агамемнон с трудом сдерживал ярость. Даже его чувствительное к изменениям потока нервных импульсов механическое тело не выказывало никаких признаков возбуждения. Всего тысячу лет назад он и его товарищи титаны контролировали эти проклятые мыслящие машины. *Мы породили тебя, Омниус, мы тебя и убьем.*

Ясновидящему Тлалоку и его группе мятежников удалось за считанные годы покорить сонную и дряхлую Старую Империю. Но Омниус и его мыслящие машины оказались более достойными противниками. Они никогда не спали и всегда были начеку. Но даже машины совершают ошибки. Агамемнону надо просто использовать их.

— Что-нибудь еще, лорд Омниус? — перебил Агамемнон излияния всемирного разума. Дальнейший спор был абсолютно бесполезным и бесцельным. Кроме всего прочего, машины всегда жаждут эффективности и ничего больше.

— Я выдам вам следующий набор инструкций, Агамемнон. — Голос Омниуса раздавался поочередно из разных гром-

коговорителей, создавая впечатление, что всемирный разум находится сразу везде. — Я отправляю вас и ваших титанов обратно на Землю. Вы присоединитесь к Эразму, который намерен продолжить изучение свойств плененного нами человечества.

— Как прикажете, лорд Омниус.

Агамемнон был удивлен, но не показал этого всемирному разуму. *Земля. Это очень дальнее путешествие.*

— Мы придумаем другой способ истребить этот рассадник человечества. Титаны существуют только для того, чтобы служить вам, лорд Омниус.

В этом проявилось одно из преимуществ человеческих свойств Агамемнона над машинной сутью всемирного разума. Хотя всемирный разум располагал огромным объемом памяти, заполненной самыми разнообразными данными, Омниус был не в состоянии распознать самую простую и элементарную ложь.

При определенном взгляде, можно сказать, что оборона и наступление требуют одинаковой тактики.

Ксавьер Харконнен.
«Обращение к салусанской милиции»

Новые обязанности, новая ответственность... и новые расставания. Полностью выздоровевший Ксавьер Харконнен стоял с Сереной Батлер в здании космопорта Зимии, в зале отлета, гулкое сводчатое помещение которого казалось стерильным, с его гладкими полами, вымощенными плазовыми плитами. Даже теплая улыбка Серены не могла скрасить утилитарность зала. Прозрачные стены выходили на взлетно-посадочную площадку, одетую сплавленным покрытием, где то и дело садились и взлетали челноки, прилетавшие или улетавшие на большие корабли, ожидавшие на околопланетной орбите.

В другом крыле космопорта рабочие ремонтировали ангар, пострадавший во время нападения кимеков. Большие краны поднимали временные секции и устанавливали их на нужные места. Воронку, образовавшуюся на площадке, уже засыпали землей и сровняли с поверхностью.

Ксавьер был одет в блестящую черно-золотую форму офицера армады, золотом сияли знаки различия, говорившие о полученном им повышении в звании. Ксавьер вгляделся в необычные, лавандовые глаза Серены. Он понимал, что она думает. Черты его лица были не особенно красивыми — румяные щеки, вздернутый нос, полные губы. Но она все равно находила его привлекательным, особенно ласковые карие глаза и заразительную, хотя и редко посещавшую его лицо, улыбку.

— Мне хотелось бы проводить с тобой больше времени, Ксавьер.

Она тронула пальцем белую розу, приколотую к ее одежде. Вокруг слышались гомон толпы пассажиров, грохот ре-

монтных работ и тяжелый рев машин. Ксавьер заметил, что на них внимательно смотрит младшая сестра Серены, Окта. Семнадцатилетняя длинноволосая блондинка, она всегда нравилась Ксавьеру. Стройная Окта была очень красивой девушкой, но в последнее время Ксавьеру казалось, что она могла бы почаще оставлять их с Сереной наедине, особенно теперь, когда им предстояла долгая разлука.

— Мне тоже. Давай считать и эти минуты.

Не устояв перед чувством, которое, он был в этом уверен, разделяет и она, Ксавьер потянулся к губам девушки, словно его тянуло к ним мощным магнитом. Поцелуй затянулся, превращаясь в страстное объятие. Наконец Ксавьер оторвался от Серены. Он видел, что она разочарована, правда, не им, а их незавидным положением. У них обоих были важные обязанности, выполнение которых требовало массы сил и времени.

Только что назначенный на новый пост, Ксавьер должен был сегодня вместе с группой военных экспертов отбыть в инспекционную поездку по планетарным системам обороны Лиги. После почти победоносного нападения кимеков на Салусу два месяца назад он должен был убедиться, что в оборонительных системах нет таких слабых мест. Мыслящие машины используют малейший недостаток, любое слабое звено, но свободное человечество не имеет права терять свои последние оплоты.

Серена Батлер же должна будет сосредоточить свои усилия на расширении зоны влияния Лиги. После того как военно-полевые хирурги совершили столько успешных операций, используя свежие органы, поставленные Туком Кеедайром, Серена страстно начала говорить о тех услугах и ресурсах, которые могут обеспечить такие несоюзные планеты, как Тлулакс. Она хотела, чтобы и эти планеты формально присоединились к союзу свободного человечества.

На Салусу уже прибыли и другие торговцы биологическими товарами с Тлулакса. Раньше многие аристократы и простые граждане Лиги с опаской относились к этим таинственным пришельцам, но теперь, когда в результате войны так много людей потеряло конечности и внутренние органы, все хотели принять от Тлулакса клонированные части тела для замены. Тлулаксы никогда не рассказывали, как они изобрели или от

кого получили такую сложную биологическую технологию, но Серена превозносила их за щедрость и великодушие.

В другое время ее горячая речь в парламенте была бы давно забыта, но нападение кимеков подтвердило ее правоту относительно уязвимости несоюзных планет. Что, если следующий удар мыслящих машин будет нанесен по системе Талим и роботы таким образом уничтожат индустрию Тлулакса, производящую новые глаза для ослепших ветеранов и новые ноги взамен ампутированных?

Она изучила сотни документов и посольских сообщений, пытаясь понять, какие из несоюзных планет являются наилучшими кандидатами для вступления в Лигу Благородных, в это братство свободных людей. Ее страстным желанием стало объединение оставшегося свободным человечества, сделать людей достаточно сильными для того, чтобы сбросить ненавистное иго мыслящих машин.

Несмотря на свою молодость, она уже провела две успешные миссии гуманитарной помощи, причем первую из них в возрасте семнадцати лет. Тогда она отвезла пищу и медикаменты для беженцев с одной из синхронизированных планет. В другой раз речь шла о доставке необходимых пестицидов для уничтожения болезни, поразившей растения девственных лесов Поритрина.

Ни она, ни Ксавьер не располагали временем на свою личную жизнь.

— Когда ты вернешься, я обещаю, что буду делать все, что ты захочешь, — сказала она, и в ее глазах заплясал лукавый огонек. — Я устрою тебе настоящий праздник поцелуев.

Он рассмеялся, что бывало с ним крайне редко.

— Я ручаюсь, что в таком случае вернусь, умирая от голода. — Ксавьер взял руку Серены и галантно поцеловал ее. — Когда мы будем в следующий раз вместе обедать, я явлюсь на банкет с цветами.

Он знал, что следующее их свидание состоится не раньше, чем через несколько месяцев.

Она одарила его теплой улыбкой.

— Я очень люблю цветы, особенно на банкетах.

Он уже было опять привлек к себе Серену, но в этот момент им вновь помешали. На этот раз к ним подошел загоре-

лый мальчик, восьмилетний брат Ксавьера, Вергиль Тантор. Ему разрешили не ходить в школу, чтобы попрощаться с Ксавьером. Убежав от строгого престарелого сопровождающего, мальчик бросился к своему кумиру и уткнулся носом в хрустящую военную форму.

— Присмотри за нашим домом, братец, пока меня не будет, — улыбнулся Ксавьер, игриво потрепав малыша по кудрявым волосам. — Ты должен ухаживать за моими овчарками, помнишь?

Мальчик удивленно посмотрел на брата широко открытыми глазами и вполне серьезно ответил:

— Да.

— И слушайся родителей, иначе у тебя не будет ни малейшей надежды вырасти и стать хорошим офицером Армады.

— Я буду слушаться!

Из динамика донеслась команда инспекционной группе начать посадку на борт челнока. Услышав ее, Ксавьер направился к выходу, пообещав привезти сувениры Вергилю, Окте и, конечно, Серене. Окта издали смотрела, как Ксавьер крепко обнял младшего брата, сжал руку Серене и пошел к своим офицерам и инженерам.

Наблюдая сквозь прозрачную стену, как Ксавьер и его люди грузятся в челнок, Серена на мгновение обернулась, посмотрела на маленького мальчика и снова подумала о Ксавьере Харконнене. Ксавьеру было шесть лет, когда мыслящие машины убили его настоящих родителей и старшего брата.

Благодаря соглашению между семьями и согласно письменному завещанию Ульфа и Катарины Харконнен маленького Ксавьера взяла на воспитание бездетная тогда семья Эмиля и Луциллы Тантор. Эта аристократическая пара уже устроила дела так, чтобы некоторые их владения были записаны на родственников Танторов, племянников и кузенов, которые не могли рассчитывать на наследство. Но когда Эмиль начал воспитывать Ксавьера, то очень привязался к сироте и официально усыновил его, хотя Ксавьер сохранил имя Харконнен и все связанные с этим аристократические привилегии.

Уже после усыновления Луцилла забеременела и родила сына Вергиля, который был на двенадцать лет моложе Ксавьера. Отпрыск Харконненов, не слишком обеспокоенный на-

следством, принялся усердно изучать военное дело, чтобы затем вступить в Армаду Лиги. В возрасте восемнадцати лет Ксавьер официально вступил во владение держанием Харконненов, а годом позже стал офицером салусанской милиции. Видя его безукоризненный послужной список, добросовестное отношение к своим обязанностям и быстрое продвижение, всякий мог сказать, что на армейский небосклон восходит новая звезда.

И вот теперь три близких Ксавьеру человека смотрят, как, исторгнув рыжий хвост пламени, челнок с командой Харконнена на борту взлетел с площадки космопорта. Вергиль взял Серену за руку и принялся храбро успокаивать девушку:

— Вот увидишь, с Ксавьером ничего не случится. Ты можешь во всем положиться на него.

Серене было грустно от расставания с любимым, но она ласково улыбнулась большеглазому мальчугану.

— Конечно, мы можем на него положиться.

Другого просто не может быть. Любовь — это то, что, как пропасть, разделяет людей и мыслящие машины.

Ответ есть зеркальное отражение ответа.

Сомневающаяся Квина.
Архивы Города Интроспекции

Временную палату для совещаний делегатов Лиги устроили в доме первого вице-короля Бовко Манрезы. До того как в ослабевшей Старой Империи власть была захвачена титанами, Манреза построил большой каменный дом на уединенной планете Салуса, использовав для этого богатства, нажитые от торговли земельными участками. Потом, когда на планету стали в массовом порядке прибывать беженцы, изгнанные из своих миров жестоким правлением титанов, большой дом превратился в место совещаний и встреч, с креслами и трибунами, установленными в бальном зале. Эти кресла и трибуны сохранились до настоящего времени.

Несколько месяцев назад, сразу после нападения кимеков, вице-король Батлер стоял на груде камней и обломков, оставшихся на месте здания парламента. Ядовитый газ еще стлался по улицам, из дыма вырывались языки пламени, а Батлер поклялся, что отремонтирует и восстановит почтенное здание, которое несколько столетий верой и правдой служило Лиге.

Правительственный дом — это не просто строительное сооружение. Это священная почва, на которой легендарные вожди обсуждали в свое время великие идеи и формулировали планы борьбы с мыслящими машинами. Повреждения крыши и верхних этажей были значительны, но несущие конструкции остались целы. Точно так же, как человеческий дух, который они воплощали.

Стояло морозное утро, окна запотели. Листья на деревьях, покрывших склоны холмов, приобрели живописную осеннюю окраску — став желтыми, оранжевыми и коричневыми.

Серена и представители Лиги вошли внутрь временного зала заседаний, не снимая верхней одежды.

Серена взглянула на стены заполненного людьми бального зала, украшенные портретами давно умерших вождей и картинами былых побед. Интересно, что готовит им будущее, подумалось ей, и каким будет в нем ее место. Она так хотела сделать что-то, стать ведущей фигурой в грядущем крестовом походе человечества.

Большую часть жизни она была активисткой, не чуравшейся грязной работы, непосредственной помощи жертвам других трагедий, будь то природные катастрофы или последствия атак мыслящих машин. Даже во время отдыха она принимала участие в сборе урожая в виноградниках Батлера или в его оливковых рощах.

Она заняла место в первом ряду и увидела, как по паркетному полу, дружелюбно улыбаясь собравшимся, идет к старинной трибуне ее отец. Следом за вице-королем шел монах, одетый в красную шелковую накидку. Монах нес с собой плексигласовый контейнер, внутри которого в густой электропроводящей жидкости плавал живой мозг. Монах бережно поставил контейнер на украшенный затейливой резьбой стол рядом с трибуной и застыл в ожидании.

Со своего места Серена хорошо видела серовато-розовую массу, которая пульсировала в голубоватой питательной жидкости. Недоступный отвлекающему воздействию окружающего мира уже в течение более чем тысячи лет, стимулируемый лишь постоянными интенсивными размышлениями, мозг женщины-когитора вырос и по величине превосходил обычный человеческий мозг.

— Когитор Квина не часто покидает Город Интроспекции, — сказал вице-король Батлер, формальность речи не могла скрыть его волнения. — Но сейчас мы переживаем нелегкое время, и нам нужны наилучшие советы и помощь. Если чей-нибудь ум способен понять действия мыслящих машин, так это ум Квины.

Эти эзотерические, лишенные физических человеческих тел философы показывались на людях так редко, что многие представители Лиги не понимали, как они вообще могут общаться с окружающими. Усиливая таинственность, окружав-

шую их, когиторы редко предавались красноречию, предпочитая сообщать свои мысли только в самых важных и неотложных случаях.

— За Квину будет говорить секундарный когитор, — сообщил вице-король, — если она может предложить нам что-то из своего провидения.

Подойдя к емкости с мозгом, монах в красном откинул запечатанную крышку, открыв взглядам присутствующих бурлящую густую жидкость. Быстро мигнув своими круглыми глазами, он внимательно всмотрелся в содержимое емкости. Потом монах медленно погрузил пальцы в вязкую жидкость. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох и сосредоточенно коснулся ткани заключенного в жидкости мозга. Монах закрыл глаза и сосредоточенно наморщил лоб, ожидая, когда жидкость пропитает поры его кожи и свяжется с его вторичной нервной системой, которая обеспечит необходимое расширение возможностям мозга. В этом случае тело монаха использовалось так же, как кимеки использовали его механический суррогат, управляемый сохраненным человеческим мозгом.

— Я ничего не понимаю, — произнес монах странным, отчужденным голосом. Серена знала, что это был первый принцип, усвоенный когиторами, чьи мозги проводили столетия в углубленном изучении того, что есть истина, добавляя тем самым новые штрихи к ощущению ничтожества бытия.

За много столетий до того, как появились первые титаны, группа духовных лиц посвятила себя изучению философии и эзотерических вопросов, но хрупкость и вожделения человеческой плоти отвлекали от занятий, не давая возможности сосредоточиться. В пределах Старой Империи эти метафизические схоласты стали первыми, кто отрешился от мира, погрузив свой мозг в питательный раствор. Освобожденные от биологических пут, они посвятили все свои силы учению и размышлению. Каждый когитор стремился изучить всю человеческую философию в ее цельности, собрать вместе ее составляющие, чтобы составить полную картину Вселенной. Они были типичными обитателями башен из слоновой кости и подвергали себя искушению, редко беспокоясь о внешней стороне отношений и о событиях суетного мира.

Квина, когитор, которой исполнилось уже две тысячи лет, обитала в Городе Интроспекции на Салусе и уже давно объявила о своем политическом нейтралитете.

— Я готова вступить в контакт, — объявила она устами монаха, который стоял, вперив остекленевший взор в присутствующих. — Вы можете начинать.

Вице-король Батлер напряженным взглядом синих глаз обвел плотно забитый зал, тщательно всмотревшись в некоторые лица, в том числе — и в лицо своей дочери Серены.

— Друзья мои, мы всегда жили здесь под угрозой уничтожения, и сегодня я прошу вас посвятить свое время, энергию и деньги нашему общему делу.

Он воздал должное памяти десятков тысяч погибших жителей Салусы, которые не пережили нападения кимеков, почтив ее вместе с пятьюдесятью одним благородным депутатом.

— Милиция Салусы находится в полной боевой готовности, на все планеты Лиги разосланы корабли с сообщением, предупреждающим о грозящей опасности. Мы можем только надеяться, что другие планеты не подверглись нападению кимеков.

Затем вице-король обратился к Тио Хольцману, недавно прибывшему после месячного путешествия со своих лабораторий на Поритрине.

— Ученый Хольцман, мы горим от нетерпения выслушать ваши выводы относительно систем нашей обороны.

Хольцман и сам очень желал исследовать свойства разрушающих гелевые контуры защитных полей, расположенных на орбите планеты, чтобы разобраться, как можно модифицировать и усовершенствовать их. На Поритрине исследования Хольцмана поддерживал и финансировал чудаковатый аристократ Нико Бладд. Учитывая прежние достижения ученого, члены парламента Лиги надеялись, что и на этот раз Тио Хольцман вытащит из кармана очередное спасительное чудо.

Тио Хольцман обладал хрупким изящным телосложением, незаурядным изяществом и сценическим талантом, и к тому же всегда одевался в стильную аккуратную одежду. Серостальные волосы были подстрижены в виде каре, оттеняя уз-

кое продолговатое лицо. Всегда уверенный в себе, Хольцман обычно с удовольствием общался с аристократами в парламенте, но сегодня великий ученый выглядел необычно озабоченным. В глубине души изобретатель не мог не признать своей ошибки. Нет сомнения в том, что крошащее гель защитное поле не оправдало возложенных на него надежд. Кимеки взломали это поле! Что он скажет этим людям, которые так понадеялись на него?

Подойдя к ораторской трибуне, великий ученый поднялся на нее, откашлялся и оглядел зал, задержав взор на впечатляющем присутствии когитора и маячившего рядом с ним монаха. Это было самое деликатное. Как он может снять с себя вину?

Ученый использовал самые убедительные модуляции голоса.

— На войне всегда бывает именно так. Одна сторона совершает технологический прорыв, а противная сторона старается превзойти его. Совсем недавно мы наблюдали это в случае с моим атмосферным, уничтожающим гель полем. Если бы они не были установлены, то весь флот мыслящих машин не оставил бы от Салусы камня на камне. К несчастью, я не учел уникальных свойств мышления кимеков. Они нашли щель в броне и ударили именно туда, пробив вашу оборону.

Никто не обвинил Хольцмана в плохой работе или небрежном планировании, но это было самое большее, на что был способен Хольцман в признании своих ошибок.

— Теперь наша очередь превзойти мыслящие машины. Я надеюсь, что потрясение, вызванное происшедшей трагедией, увеличит мои творческие силы до всех мыслимых пределов.

Он, смутившись, замолчал, вид его вызывал сочувствие.

— Я начну работать над этим, как только вернусь на Поритрин. Надеюсь, что скоро смогу обрадовать вас сюрпризом для роботов.

К трибуне, стараясь привлечь к себе внимание, шумно направилась статная высокая женщина.

— Возможно, я смогу сделать подходящее предложение.

У женщины были светлые брови, белые волосы и молочно-белая кожа. Все это придавало ей вид эфирного создания, хотя было видно, что она буквально излучает энергию.

— Давайте послушаем женщину из Россака. Я с удовольствием передаю слово Зуфе Ценва. — Почувствовав большое облегчение, Хольцман поспешил к своему креслу и бессильно упал в него.

Светлая женщина взошла на трибуну, окруженная ореолом таинственности; на ней были украшенные драгоценными камнями полупрозрачные одежды, не скрывающие от посторонних глаз безупречное тело. Молча покосившись на контейнер с когитором, она подошла к нему и вперила взор в разбухший мозг. Женщина, сосредоточившись, сдвинула брови, и, словно заметив эту сосредоточенность, мозг начал сильно пульсировать. Питательная жидкость вскипела, на ее поверхности появились пузыри. Встревожившись, монах вытащил руку из емкости.

Высокая женщина удовлетворенно и с облегчением вздохнула.

— Из-за особенностей нашей природы многие женщины, рожденные на Россаке, обладают телепатическими способностями.

Действительно, могущественные колдуньи, обитавшие в редконаселенных лесах Россака, часто применяли телепатию для того, чтобы вмешиваться в большую политику. Мужчины этой планеты были начисто лишены телепатического дара.

— Лига Благородных была организована тысячу лет назад для нашей совместной обороны сначала от титанов, а потом от Омниуса. С тех пор мы пытаемся забаррикадироваться, стараясь защитить наши миры от вражеского вторжения. — Глаза женщины сверкнули, как драгоценные алмазы. — Нам надо пересмотреть нашу стратегию. Возможно, настало время самим напасть на Синхронизированный Мир. В противном случае Омниус и его миньоны никогда не оставят нас в покое.

В зале поднялся ропот, представители Лиги были устрашены недавним разрушением Зимии. Первым на предложение Зуфы ответил сам вице-король.

— Ваше предложение кажется мне несколько преждевременным, мадам Ценва. Я не уверен, что мы располагаем силами для такого нападения.

— Мы едва пережили предыдущую атаку, — закричал с места какой-то человек. — А ведь нам противостояли всего несколько кимеков.

На лице Маниона Батлера отразилась крайняя озабоченность.

— Нападение на Омниуса станет самоубийством. Какое оружие мы сможем использовать?

В ответ статная красивая женщина закрыла глаза, вытянула вперед руки и сосредоточилась. Хотя все знали, что Зуфа обладает экстрасенсорными способностями, она никогда не демонстрировала их на заседаниях парламента. Ее молочно-белая кожа, казалось, засияла каким-то внутренним светом. Воздух в закрытом помещении наэлектризовался, послышался треск разрядов статического электричества. Волосы присутствующих поднялись дыбом.

На кончиках пальцев Зуфы сверкнула маленькая молния, словно в ее организме бушевала невидимая гроза. Теперь уже и ее волосы извивались, как клубок змей. Когда Зуфа открыла глаза, всем показалось, что она готова выстрелить этим сгустком энергии. Было такое впечатление, что в ее зрачках полыхает пламя всей Вселенной.

Присутствующие затаили дыхание, как один издав громкий вздох. По коже Серены поползли мурашки, в голове началось какое-то покалывание, словно в ее мозг заползли сотни маленьких пауков. В емкости с жидкостью продолжал ворочаться мозг когитора Квины.

Потом Зуфа расслабилась, погасив цепную реакцию ментальной энергии. Холодно выдохнув, колдунья мрачно улыбнулась, торжествующе глядя на потрясенных слушателей.

— У нас есть такое оружие.

Здравый смысл близорук. Как часто мы принимаем важные решения, основываясь лишь на поверхностной информации.

Норма Ценва.
Запись из неопубликованного лабораторного журнала

Сделав заявление на заседании парламента Лиги, Зуфа Ценва вернулась на Россак. Путешествие заняло несколько недель, и вот сейчас челнок совершил посадку на густые заросли джунглей, покрытые и пропитанные полимером, превратившим шатер древесных крон, листья и ветви в твердую массу. Для того чтобы растения продолжали получать из воздуха кислород и влагу, полимер был пористым, синтезированным из органических веществ тропического леса.

Наполненный токсическими веществами океан природы Россака сделал планктон, рыбу, водоросли всех обитателей вод ядовитыми для человека. Зазубренные стерильные поля лавы покрывали большую часть суши планеты, испещренную гейзерами и серными озерами. Поскольку флора планеты не содержала хлорофилл, растительность была окрашена здесь в серебристо-пурпурные тона; на планете отсутствовала радующая глаз свежая зелень.

В тектонически спокойных областях, прилежащих к экватору, большие разломы континентальных плит создали естественные уютные долины, где вода фильтровалась породами, а воздух был пригодным для дыхания. В этих разломных экосистемах упрямые переселенцы построили сложную сеть городов-пещер, соединенных между собой пробитыми в черных скалах, как в муравейнике, туннелями. На отлогих склонах внешних стен густо росли серебристо-пурпурный виноград, папоротник и мясистый мох. Уютные пустоты выглядывали из-под шатра джунглей, прижатых к населенным скалам. Люди

могли выходить прямо к упругим верхним ветвям и спускаться по ним в мягкий подлесок в поисках съедобных растений.

Словно для того чтобы показать людям ценность жизни, на Россаке всюду водились весьма агрессивные живые существа — грибы, лишайники, ягоды, цветы, орхидоподобные паразиты и насекомые. Мужчины Россака, не обладавшие, в противоположность своим женам, телепатическими способностями, обратили свои таланты на извлечение из растений лекарств и других фармацевтических веществ, а иногда и ядов. Вся эта планета напоминала ящик Пандоры, который был только чуть-чуть приоткрыт.

Сейчас высокая блистательная колдунья смотрела, как к ней приближается ее нынешний возлюбленный Аврелий Венпорт. Мужчина пересек подвесной мост, протянутый от пенных верхушек пурпурных деревьев. Патрицианские черты его лица можно было назвать поистине красивыми, длинные темные волосы вились, лицо было удлиненным и худым. Следом за Венпортом плелась на неуклюжих ногах пятнадцатилетняя, не вполне удачная дочь Зуфы от предыдущей связи.

Два недоделка. Неудивительно, что они так хорошо ладят друг с другом.

До того, как соблазнить Аврелия Венпорта, главная колдунья вступала в связь с четырьмя мужчинами. Было это во время пика ее фертильности. Мужчин она выбирала на основании сведений об их наследственных свойствах. После долгих, в течение многих поколений, исследований, массы выкидышей и рождения дефективных отпрысков женщины Россака составили детальные генетические указатели всех местных семейств. Сложная экологическая обстановка, масса токсических и тератогенных веществ делали рождение здорового ребенка маловероятным. Но на каждого мертворожденного монстра или слабоумного самца могла получиться и светлокожая колдунья. Каждый раз, зачиная ребенка, женщина словно играла в рулетку. Генетика никогда не была точной наукой.

Но Зуфа всегда была крайне осторожной и предусмотрительной, проверяя и перепроверяя наследственность своих партнеров. Только одна из этих связей закончилась рождением ребенка — Нормы, карлицы, едва ли четырех футов роста,

с тупыми чертами лица, тусклыми каштановыми волосами и скучными, книжными чертами характера.

У многих детей на Россаке были дефектные тела, и даже здоровые на вид люди редко проявляли достаточные умственные способности, чтобы стать элитной колдуньей. Тем не менее Зуфа была глубоко разочарована и даже растеряна от того, что именно ее дочь не имела телепатических способностей. Самая великая из живущих колдуний просто обязана передать свои сверхъестественные способности потомству, и Зуфа страстно хотела, чтобы ее дочери оказалось по силам сразиться с мыслящими машинами. Но Норма оказалась неспособной. Несмотря на то что у Венпорта была генетически безупречная родословная, Зуфе не удалось доносить до срока ни одного из зачатых от него детей.

Сколько еще попыток я могу сделать, прежде чем заменю его на другого производителя? Она решила, что попытает счастья еще раз. Она забеременеет через несколько месяцев. Это будет последний шанс для Венпорта.

Зуфа была раздосадована также упорством и независимым нравом Нормы. Слишком много времени этот подросток уделяет таинственным математическим формулам, этим тангенсам, в которых не может разобраться ни один нормальный человек.

Дочь моя, из тебя должно было получиться нечто большее!

Никто на свете не несет такого груза ответственности, как небольшой клан колдуний на этой планете, а груз Зуфы был тяжелее, чем у всех других. Если бы можно было рассчитывать еще на кого-нибудь, особенно в свете недавно возникшей угрозы со стороны кимеков.

Но тупая Норма не способна принимать участие в ментальных битвах, и Зуфа сосредоточила внимание на своих духовных дочерях, на тех немногих молодых женщинах, которые вытянули счастливые номера в генетической лотерее и приобрели сверхъестественные ментальные способности. Зуфа была готова тренировать и учить их, показывая им, как следует искоренять врагов.

Со своего скального выступа она видела, как ее любовник Аврелий и юная Норма, добравшись до конца подвесного моста, принялись спускаться по веревочным лестницам в тем-

ную тень джунглей. Как и подобает двум счастливым в своем тупоумии изгоям, они быстро сошлись эмоционально, используя друг друга как подпорки.

Погруженные в свои мелкие заботы, не имевшие ничего общего с великой победой, они даже не заметили приезда Зуфы. Нет никакого сомнения, что эти два недоделка проведут часы, копаясь в листве в поисках источника нового лекарства, которое Аврелий хочет начать производить на своих предприятиях.

Колдунья горестно покачала головой, не понимая его приоритетов. Эти лекарства, которые производят люди, достойны внимания не больше, чем загадочные математические упражнения Нормы. Надо признать, что Аврелий — умный ученый и предприимчивый деловой человек. Но какой прок получать баснословные прибыли, если свободное человечество обречено на порабощение?

Разочарованная в них обоих, понимая, что только ей и ее колдуньям предстоит вынести на своих плечах тяжесть настоящей битвы, Зуфа начала искать других, наиболее сильных молодых женщин, чтобы обучить их мощной методике воздействия, которую она планировала использовать против кимеков.

Когда Норма вслед за ним вошла в обильный подлесок джунглей, Аврелий принял капсулу концентрированного стимулятора, который его химики синтезировали из едких феромонов огромного роющего жука. Венпорт почувствовал себя сильнее, рефлексы стали быстрее, восприятие обострилось. Конечно, это были не сверхъестественные телепатические способности ледяной Зуфы, но все же такие способности превосходили свойства обычного человека.

Настанет день, когда он совершит прорыв, который позволит ему говорить с колдуньями на своих условиях. Может быть, они с Нормой сделают это вместе.

Аврелий неплохо относился к суровой матери Нормы и, пожалуй, даже любил ее. Он терпел перепады ее настроения, ее оскорбительное отношение к себе; что делать, женщины Россака редко могут позволить себе роскошь романтической любви.

Хотя Аврелий хорошо понимал, что Зуфа выбрала его в возлюбленные только за его селекционный потенциал, он умел видеть то, что происходило за стоическим и требовательным фасадом. Пытаясь запечатать внутри себя свою слабость, Зуфа иногда все же выказывала сомнения или страх от того, что не сможет выполнить миссию, которую сама на себя возложила. Однажды, в ответ на замечание Аврелия, что он понимает, насколько сильной она пытается быть, Зуфа смутилась и пришла в сильный гнев.

«Кто-то должен быть сильным», — вот что она ему ответила.

У него не было телепатических способностей, Зуфа мало интересовалась беседами с ним. Возможно, она ценила его способности бизнесмена, политика, инвестора, но она не слишком высоко ставила эти способности в сравнении со своими узкими целями. Колдунья часто заставляла его чувствовать себя неудачником, но ее придирки только разжигали его амбиции, особенно же найти средство, которое придаст ему такие же, как у нее, телепатические способности.

Есть другие способы вести войну.

Серебристо-пурпурные джунгли были неиссякаемой кладовой, источником средств лечения болезней, расширения человеческого сознания и улучшения человеческих способностей. Выбор был ошеломляющим, но Аврелий решил исследовать все. Правильно проводя развитие производства и грамотно занимаясь маркетингом, он уже был на пути к большому состоянию. Его нехотя уважали даже некоторые колдуньи, некоторые, но не его подруга.

Как и подобает прозорливому предпринимателю, Аврелий привык исследовать альтернативные пути. Как ветвящиеся тропинки в густых джунглях, так и пути в делах часто могут быть разными, но приводить к одной цели. Иногда, правда, можно воспользоваться мачете и пойти напролом.

Однако новое лекарство может далеко его завести.

Другим его предприятием стало распространение экзотических математических работ Нормы в научных кругах. Хотя он сам не понимал ее сложных теорем, но нутром чувствовал, что из них может выйти что-то очень важное. Может быть, это открытие уже сделано, и нужен опытный глаз, чтобы рас-

познать его. Венпорт любил сосредоточенную, исполненную внутренней силы девушку, чувствуя себя по отношению к ней старшим братом. Норма была математическим талантом, и какая разница, какой у нее рост и какая внешность? Он хотел дать ей шанс, который отказывалась дать Норме ее родная мать.

Тем временем Норма внимательно изучала строение широкого пурпурного листа, используя для этого световой кронциркуль, которым она измеряла различные размеры и отношения углов ветвления наполненных мыльным веществом жилок. Глубокая сосредоточенность придавала налет задумчивости ее простоватым чертам.

Оглянувшись, Норма заговорила с Аврелием необычайно зрелым для такой молоденькой девушки голосом.

— Этот лист был сконструирован матерью Земли Геей, или Богом-Создателем, или Буддаллахом, его можно назвать как угодно.

Своими короткими пальцами она подняла мясистый лист и осветила его лучом. При этом обозначилось внутреннее ячеистое строение листа.

— Частицы в частицах, и все связано между собой в сложном взаимодействии.

Находясь под действием лекарственной эйфории, Аврелий подумал, что в строении листа есть нечто гипнотическое.

— Бог вездесущ, — сказал он. Стимулятор, кажется, участил разряды на его синапсах. Он, прищурившись, взглянул на освещенную структуру листа, пытаясь разглядеть внутренние формы, которые показывала ему Норма.

— Бог — математик вселенной. Есть древнее соотношение, известное под названием Золотого Сечения, приносящего радость соотношения между структурой и формой, это сечение мы видим в листах растений, и в раковинах моллюсков, и в прочих живых созданиях на всех без исключения планетах. Это самая мелкая часть ключа, известная со времен земных греков и египтян. Они использовали это сечение для строительства в городах и возведения пирамид, этот же принцип использован в пифагорейской пентаграмме и числах Фибоначчи.

Она отбросила лист.

— Но в этом заключено нечто гораздо большее.

Кивнув, Венпорт коснулся влажным пальцем мешочка с мелким порошком, висевшего на его поясе, и осторожно втер порошок в чувствительные сосочки языка. Он сразу почувствовал, как в его организм проникает другое лекарственное средство, действие которого слилось с остаточным действием первого. Норма продолжала говорить, хотя он не прислушивался к ее логическим выводам. Он и так был уверен, что откровение будет сказочным.

— Приведи мне практический пример. Увяжи свои рассуждения с функцией, которую я буду в силах понять.

Он уже привык, что Норма любит изъясняться запутанными математическими формулами. Основу этих формул надо было, по-видимому, искать в классической геометрии, но Норма использовала их для более сложных приложений.

— Я могу проследить свои вычисления до самого конца, — сказала она, словно в трансе. — Мне не надо их записывать.

И при этом ей не нужны никакие лекарственные стимуляторы, поразился Аврелий.

— Вот сейчас я вижу огромную, эффективную структуру, которую можно будет построить за разумные деньги. Эта структура будет иметь около десяти километров в длину и основываться на правиле Золотого Сечения.

— Но кому может понадобиться такая громадина?

— Я не умею заглядывать в будущее, Аврелий, — поддразнила его Норма.

Они углубились еще дальше в зловещую чащу джунглей, охваченные нетерпением и желанием открыть еще что-нибудь новое и неизведанное. Лицо Нормы светилось внутренней силой.

— Но это может быть... нечто... нечто, о чем я пока не думала.

Самая тщательная подготовка к войне и строительство самых мощных оборонительных сооружений не могут гарантировать победу. Однако пренебрежение этими предосторожностями есть самый верный путь к поражению.

Учебник стратегии Армады Лиги

В течение четырех месяцев терсеро Ксавьер Харконнен и его команда на шести кораблях Армады совершали инспекционную поездку по заранее выработанному маршруту, проверяя качество военных приготовлений и оборонительных сооружений на планетах Лиги Благородных. После многих лет относительного затишья никто не мог точно знать, по какой цели Омниус нанесет следующий удар.

Ксавьер никогда не пытался снять с себя ответственность за трудные решения, которые он принял во время атаки кимеков на Зимию. Вице-король щедро вознаградил Ксавьера за решительность и хладнокровие, но мудрый Манион Батлер послал молодого офицера в инспекционную поездку не только для реальной проверки положения дел в армиях союзников, нет, он решил дать время салусанцам залечить нанесенные войной раны и не искать при этом козла отпущения.

Ксавьер не слушал никаких оправданий прижимистых аристократов, не желавших использовать для обороны все наличные ресурсы. На безопасности нельзя экономить. Любой свободный мир, подпавший под иго мыслящих машин, был невосполнимой потерей для рода человеческого.

Суда посетили шахты Хагала, потом широкие речные долины Поритрина, откуда отправились на Сенеку, где постоянно лили едкие кислотные дожди и стояла такая сырая погода, что даже мыслящие машины наверняка скоро сломались бы, вздумай они завоевать эту планету.

Затем инспекция продолжилась на планетах Реликона, Кирана III и Ришезе с его бурно развивавшейся высокотехнологической индустрией, которая вызывала зависть и нехорошие чувства у других аристократов Лиги. Теоретически в сложных машинах, производимых на Ришезе, не было даже элементов компьютеризации или искусственного интеллекта, но вопросы и сомнения по этому поводу все же постоянно возникали.

Наконец группа Ксавьера прибыла на конечный пункт своей поездки, на планету Гьеди Первая. Кажется, долгое путешествие подошло к концу. Скоро он вернется домой, увидит Серену, и они наконец смогут выполнить данные друг другу обещания.

На всех планетах Лиги были установлены защитные поля, уничтожавшие гелевые контуры роботов. Известная слабость этих сооружений, выявленная во время атаки кимеков на Зимию, не обесценила гениальное творение Хольцмана, и огромные барьеры по-прежнему воздвигались, чтобы воспрепятствовать проникновению на планеты агрессивных мыслящих машин. Кроме того, на каждой заселенной человеком планете имелись огромные запасы атомного оружия, которое было пригодно на самый крайний случай. При таком обилии ядерных боеголовок обладавший железной волей правитель мог обратить свою планету в руины, но не допустить завоевания ее Омниусом.

Хотя мыслящие машины тоже имели доступ к ядерному оружию, Омниус, проведя соответствующий анализ, пришел к выводу, что атомное оружие — весьма неэффективный и неизбирательный способ побеждать, связанный к тому же с необходимостью проводить дорогостоящую дезактивацию завоеванных территорий. Кроме того, имея в своем распоряжении неограниченные ресурсы и неисчерпаемый запас терпения, всемирный разум не нуждался в таком оружии скорых решений.

Посадив на поверхность Гьеди Первой свой передовой корабль, Ксавьер Харконнен вышел из него и зажмурил глаза от яркого солнечного света. Перед ним раскинулась красивейшая столица планеты с ее жилыми комплексами и промышленными предприятиями, разбросанными среди ухожен-

ных парков и рукотворных каналов. Цвета были яркими и свежими. На красиво оформленных клумбах цвели разнообразные цветы, источавшие необыкновенный аромат, хотя Ксавьер своими органами, полученными от тлулаксов, не мог ощутить всю его тонкость и чувствовал только самые сильные запахи, даже при самом глубоком вдохе.

— Сюда надо будет обязательно привезти Серену, — произнес он задумчиво, стоя в жарком облаке выхлопа космического корабля. Если он женится на Серене, то Гьеди будет подходящим местом для проведения медового месяца. Проводя инспекционную поездку, Ксавьер не забывал об этом на минуту и, между прочим, искал подходящее для медового месяца место.

После четырехмесячного космического путешествия Ксавьер страшно скучал по Серене. Он понимал, что они оба просто созданы друг для друга. Жизнь его определена и поставлена на хорошо накатанную колею. Он поклялся себе, что, вернувшись на Салусу, немедленно займется формальными приготовлениями к бракосочетанию. Он не видел причин дальше откладывать свадьбу.

Вице-король Батлер относился к нему как к сыну, к тому же молодой офицер уже получил благословение от своего приемного отца Эмиля Тантора. Насколько понимал Ксавьер, все аристократы Лиги были бы не против соединения двух благородных домов.

Он улыбнулся, вспомнив лицо Серены, ее загадочные лавандовые глаза... поднял голову и увидел спешившего навстречу к нему по посадочной площадке магнуса Суми. Избранного лидера планеты сопровождал десяток высших чинов Внутренней гвардии.

Магнус был худым, довольно пожилым человеком, с поседевшими светлыми волосами, которые ниспадали на его плечи. Суми приветственно поднял руку.

— А, терсеро Харконнен! Мы приветствуем представителя Армады Лиги и горим желанием узнать, как можно улучшить оборону Гьеди перед лицом возможного нападения мыслящих машин.

Ксавьер в ответ сдержанно поклонился.

— Ваше желание сотрудничать весьма похвально и радует меня, экселенц. В борьбе с Омниусом нельзя обходиться дешевыми материалами и полумерами — это не обеспечит надежную оборону вашего народа.

После битвы за Зимию инженерный корпус Ксавьера потребовал принять неотложные принудительные меры по улучшению стратегических сооружений на всех планетах Лиги. Владетельные аристократы нехотя залезали в свои кошельки, увеличивали налоги на подданных и повышали расходы на строительство оборонительных сооружений. Посещая одну за другой планеты Лиги, Ксавьер в случае необходимости оставлял на них инженеров и отряды войск Армады.

Ничего, скоро он наконец вернется домой. Скоро, совсем скоро. И чем ближе становился день возвращения, тем больше думал молодой Харконнен о Серене.

Хорошо экипированные и вышколенные гвардейцы застыли в почетном карауле вокруг летного поля. Магнус Суми жестом предложил Харконнену следовать за собой.

— Я хочу выяснить все вопросы за достойным банкетом, терсеро Харконнен. Я велел приготовить двенадцать перемен блюд. На банкете будут танцоры, музыканты и наши лучшие поэты. Обсуждая планы, мы сможем отдохнуть в моей правительственной резиденции. Вы не очень устали от столь долгого путешествия? Сколько времени вы сможете пробыть с нами?

Ксавьер в ответ только натянуто улыбнулся. Его беспокоила только одна мысль: насколько далеко в данный момент он находится от Салусы Секундус. Даже после того, как корабли покинут Гьеди Первую, им понадобится еще не меньше месяца быстрого полета, чтобы вернуться на родную планету. Чем быстрее он отсюда уедет, тем быстрее сможет заключить в объятия свою ненаглядную Серену.

— Экселенц, это последняя остановка на нашем долгом пути. Если вы не против, то я хотел бы тратить меньше времени на увеселения и больше на инспекцию. — С этими словами он жестом указал на свои корабли. — К сожалению, у нас есть рутинная схема, которой мы обязаны придерживаться. Боюсь, что на Гьеди Первой мы сможем провести не более двух дней, так что нам лучше сосредоточиться на работе.

Магнус сделал расстроенное лицо.

— Вы правы, праздники неуместны после всего того, что произошло на Салусе Секундус.

В течение двух дней Ксавьер провел быструю, почти беглую инспекцию. Он нашел, что Гьеди Первая — умопомрачительно процветающая планета, обладающая огромными ресурсами. Возможно, стоит подумать о том, чтобы когда-нибудь приобрести здесь имение.

Он дал благоприятный отзыв, но не удержался и от предостережения:

— Несомненно, ваша планета представляет собой лакомый кусочек для мыслящих машин, экселенц.

Он внимательно изучил карты и планы размещения ресурсов и промышленных предприятий на континентах.

— Атакуя вашу планету, кимеки, несомненно, постараются пощадить промышленные центры для того, чтобы роботы могли их использовать. Омниус молится на эффективность.

Магнус Суми надулся от гордости. Он указал рукой на выделенные на диаграммах подстанции.

— Мы намереваемся установить вторичные передающие станции в нескольких стратегически важных пунктах. — Пока магнус говорил, на экране высвечивались упомянутые объекты. — Мы уже построили полностью оснащенную передающую станцию на одном из необитаемых островов в северном океане, которая сможет полностью прикрыть полярные регионы. Мы запустим эту станцию всего через пару месяцев.

Ксавьер рассеянно кивнул. Как он устал за все время путешествия от таких деталей и подробностей.

— Рад слышать это, но сомневаюсь, что эта вторая станция столь необходима.

— Мы хотим чувствовать себя в безопасности, терсеро Харконнен.

Когда они с магнусом подошли к высоким параболическим башням, посылающим в небеса мощные импульсы энергии, Ксавьер обошел пласкретные заграждения, перекрывающие доступ к большим судам. Никакого сомнения, что воины-кимеки смогут легко сокрушить такие укрепления.

— Экселенц, я предлагаю вам разместить на станциях больше личного состава и устроить более мощные заграждения. Стоит усилить противокосмические батареи для того, чтобы прикрыть планету от нападения из космоса. На Салусе кимеки начали с попытки уничтожить защитные башни. Эту же тактику они могут повторить и здесь.

Он постучал костяшками пальцев по покрытию несущих колонн.

— Эти поля — ваш первый и единственный рубеж обороны против атаки мыслящих машин, не пренебрегайте его укреплением.

— Действительно, вы правы. Наши оборонные заводы в настоящее время заняты увеличением выпуска тяжелой артиллерии и бронированных сухопутных машин. Мы как можно скорее окружим этот комплекс более мощным оборонительным поясом.

Что же касается незаконченных вторичных генераторов, то они были слишком изолированными, чтобы всерьез противостоять нападению, но зато служили утешением и придавали уверенность магнусу и населению его планеты.

— Очень хорошо, — сказал Ксавьер, взглянув на свой наручный хронометр. Если все пойдет хорошо, то его корабли смогут стартовать отсюда еще до захода солнца.

Магнус неуверенно продолжал:

— Терсеро, вы сомневаетесь в достаточности обороны Гьеди Первой? Да, в самом деле, у нас на орбите мало кораблей, которые могут отогнать приближающийся вражеский флот; кроме того, мало разведчиков и кораблей прикрытия. Я признаю, что в этом отношении мы очень уязвимы. Что будет, если Омниус атакует нас прямо с орбиты?

— У вас достаточное количество ракет наземного базирования, а они много раз доказывали свою надежность. — Ксавьер нетерпеливо взглянул на синее небо. — Полагаю, что для вас лучше всего защищать наземные комплексы здесь, на земле. Самая мощная эскадра космических кораблей Армады не сможет сравниться с уничтожающей мощью разрушающего поля. Как только напавшие на Салусу машины осознали, что не смогут разрушить защитное поле, они сразу же отступили.

— Но что будет, если они блокируют Гьеди Первую с орбиты?

— Ваш мир в нужной степени самодостаточен для того, чтобы выдержать осаду в течение того времени, когда к вам на выручку придут основные силы Лиги.

Горя желанием вернуться в космопорт, Ксавьер решил успокоить правителя:

— Тем не менее я посоветовал бы вам вывести на орбиту одно-два звена истребительных кораблей.

В этот вечер магнус устроил прощальный банкет для военнослужащих Армады от своего имени.

— Когда-нибудь мы будем от души благодарить вас за наши сохраненные жизни, — сказал он, приветствуя гостей.

Ксавьер уклонился от ответа, сделав вид, что увлечен едой. Еда и питье не доставляли ему никакого удовольствия, ибо он почти не ощущал их вкуса.

— Приношу свои извинения, экселенц, но моя эскадра не может пропустить благоприятное свободное окно для отлета.

Он откланялся и поспешил на посадку. Некоторые члены группы с удовольствием задержались бы на гостеприимной планете, но большинство также стремилось вернуться поскорее домой. У этих солдат дома остались невесты и семьи, и к тому же все его подчиненные давно заслужили отпуск.

Выполнив инспекционную миссию, Ксавьер Харконнен покидал прекрасную Гьеди Первую, уверенный, что увидел и сделал все необходимое.

Он был в полном неведении относительно уязвимых мест обороны планеты, которые он даже не потрудился поискать...

Превращаясь в рабов машин, мы передали им техническое знание, не вложив в них соответствующую систему ценностей.

Примеро Файкан Батлер. «Воспоминания о джихаде»

«Дрим Вояджер» приблизился к Земле, колыбели человечества, а теперь центральной планете синхронизированного мира. Продолжая внимательно следить за приборами, Севрат передал управление Вориану Атрейдесу.

— Такой риск меня забавляет.

Вор хмыкнул, посмотрев на непроницаемое выражение покрытого медной пленкой лица познающей машины.

— Я доказал, что могу быть вполне компетентным пилотом, вероятно, лучшим среди доверенных людей.

— Полагаю, что с оговоркой, именно среди людей, с вашими вялыми рефлексами и хрупкостью физического тела, склонного к неустойчивости.

— Во всяком случае, мои шутки лучше твоих. — Вор взял на себя управление серебристо-черным кораблем. Он показал все свое умение, обойдя по параболической траектории пояс астероидов и уклоняясь от сильного гравитационного поля Юпитера. На диагностической панели загорелся тревожный сигнал.

— Вориан, ты вышел за пределы приемлемых параметров. Если мы не вырвемся из зоны притяжения Юпитера, то неминуемо сгорим. — Робот протянул механическую руку, чтобы взять на себя управление. — Не стоит подвергать опасности сведения, которые мы несем Омниусу...

Вориан рассмеялся трюку, который только что удачно проделал.

— Вот я тебя и поймал, старый железный умник. Пока ты отвлекся, я перенастроил параметры тревоги. Посмотри на панель, и ты увидишь, что у нас масса места для маневра.

Они легко отошли от газового гиганта.

— Ты прав, Вориан. Но скажи, зачем ты проделываешь такие рискованные вещи?

— Чтобы посмотреть, способен ли робот наложить в штаны от страха.

Вор нанес на экран последние векторы движения, ориентируясь на автоматические станции слежения, подвешенные на околоземной орбите.

— Ты никогда не научишься понимать практических шуток.

— Ладно, Вориан, но я буду стараться и практиковаться.

Вор понял, что в один прекрасный день может пожалеть, что учил Севрата такому юмору.

— По случайности, у меня в голове не только железо, как у других мыслящих машин. Наши нейроэлектронные сети состоят из сплавов, соединенных со стекловолоконными проводниками, полимерами, гелевыми контурами и...

— Я все равно буду называть тебя старым железным умником. Хотя бы для того, чтобы тебя позлить.

— Я никогда не смогу постичь всей глубины человеческой глупости.

Соблюдая протокол, Севрат взял на себя управление, когда корабль приблизился к космопорту.

— Мы удачно закончили еще одно путешествие, Вориан Атрейдес. — Улыбаясь, молодой человек провел пальцами по своим густым темным волосам.

— Мы путешествуем по круговому маршруту, а у круга, как известно, нет ни конца, ни начала.

— Земной Омниус есть одновременно и начало, и конец.

— Ты слишком буквально все понимаешь. Именно поэтому я побеждаю тебя в стратегических играх.

— Только в сорока трех процентах случаев, молодой человек, — поправил его Севрат. Он активировал выходной трап.

— Примерно в половине случаев. — Вориан направился к люку, желая как можно быстрее оказаться снаружи и вдохнуть свежего воздуха. Это не так уж плохо для существа, подверженного болезням, отвлечениям, физической слабости и целому ряду других недомоганий. — Я тоже могу тебе кое-что сказать, если уж ты решил изучить тенденции.

С этими словами Вориан спрыгнул на пласкрет, которым была покрыта посадочная площадка.

Роботы-грузчики облепили ящики с оборудованием, которые они переместили на гладкое покрытие поля. Маленькие машины проникли в двигатель, в самые мелкие трубы, чтобы выяснить, не нуждается ли какая-нибудь система в ремонте. Роботы-танкеры залили топливо в баки межзвездных кораблей, чтобы они были готовы мгновенно выполнить любое задание, которое может дать Омниус в бесконечном разуме своем.

Пока Вориан, прищурившись, привыкал к яркому солнечному свету, к нему направился огромный кимек на своих членистых ногах. Сквозь прозрачный кожух было хорошо видно устройство машины — работающие гидравлические механизмы, сенсорные системы, молниеподобные нервные импульсы, передающиеся по электропроводящей жидкости к чувствительным мыслительным зондам. В самом центре искусственного тела был надежно упрятан танк с мозгом — хранилищем разума бывшего генерала и человека.

Кимек повернул свою головную башню, выбирая направление, потом направился к Вору, подняв переднюю руку. Щелкнули мощные зажимы-пальцы.

Вориан приветственно махнул рукой и бросился навстречу кимеку.

— Отец!

Поскольку кимеки регулярно меняли свои несущие тела, приспособленные к выполнению различных функций в различных внешних условиях, их было трудно отличить друг от друга. Но отец Вориана регулярно встречал сына при каждом его возвращении с усовершенствованными данными.

В Синхронизированном Мире жило великое множество людей-рабов, служивших всемирному разуму. Омниус содержал их только как символических работников, так как лишь немногие из них были такими же ценными, как, например, Вориан. Такие доверенные люди проходили специальное обучение, получали строгие инструкции в элитных школах командиров экипажей и других мелких начальников, служивших укреплению господства мыслящих машин.

Вор читал о славных днях и деяниях титанов, об их величайших завоеваниях. Воспитанный под крылышком всемирного разума и обученный многим вещам своим отцом-кимеком, молодой человек никогда не ставил под вопрос существующий миропорядок и свою верность Омниусу.

Зная мягкий характер капитана-робота, Агамемнон использовал все свое немалое влияние, чтобы пристроить сына на это место второго пилота, место, которому могли позавидовать даже самые избранные из доверенных людей. Как независимый робот, Севрат не возражал против общества молодого человека, полагая, что сама непредсказуемость поведения Вориана является залогом успешного выполнения каждой миссии. Время от времени сам Омниус просил Вориана участвовать в ролевых играх для того, чтобы лучше разобраться в способностях дикого вида человека.

Без всякого страха Вориан приблизился к вооруженному до зубов кимеку, который возвышался над ним, как высокая башня. Молодой человек с любовью взглянул на емкость с мозгом своего древнего отца, странное механическое лицо которого располагалось теперь на нижней стенке кожуха механизмов.

— Добро пожаловать домой. — Голосовые связки Агамемнона делали его голос низким и отечески ласковым. — Севрат уже представил доклад. Я снова могу гордиться тобой. Ты сделал еще один шаг к нашей общей цели.

Он снова повернул головную башню и изменил направление своего движения, и Вориан, идя рядом с огромными бронированными ногами кимека, тоже зашагал прочь от корабля.

— Если бы только мое хрупкое человеческое тело выдержало все, что требуется, — задумчиво произнес Вориан. — Я жду не дождусь момента, когда стану неокимеком.

— Тебе всего двадцать лет, Вориан, в твоем возрасте рано думать о своей бренности.

Над их головами с орбиты начали спускаться грузовые суда, повисшие на желтых языках пламени. К снижающимся кораблям подъехали управляемые людьми машины, чтобы принять на борт грузы и развезти их по местам, строго следуя полученным инструкциям. Вор смотрел на рабов, но не думал об их тяжелом положении. Каждый выполняет свой долг. И

люди, и машины — всего лишь зубья великой шестерни Синхронизированного Мира. Но Вор занимал более высокое положение, чем другие, так как имел шанс стать, как его отец, кимеком.

Они прошли мимо не отмеченного никакой вывеской склада с компьютеризированными следящими системами, где хранились топливо и продовольствие. Люди-клерки распределяли еду и другие материалы среди рабов, живших в городе. Инспекторы — частью люди, частью роботы — проводили количественный и качественный контроль выполнения широкомасштабных планов Омниуса.

Вор не мог представить себе жизнь необразованных рабочих, грузивших емкости в космических доках. Рабы выполняли погрузочно-разгрузочные работы, с которыми простые машины справились бы намного быстрее и эффективнее. Но он был доволен тем, что даже эти маленькие люди имеют задачи, решая которые, зарабатывают свой насущный хлеб.

— Севрат рассказал мне о Салусе Секундус, отец. — Ему пришлось ускорить шаг, чтобы поспеть за огромным кимеком. — Очень жаль, что ваша атака оказалась безуспешной.

— Это была просто проба сил, — ответил Агамемнон. — Дикий вид людей разработал новую оборонительную систему, и нам надо было испытать ее прочность.

Вор просиял.

— Я уверен, что вы найдете способ подчинить всех хретгиров власти Омниуса. Как в те времена, которые ты описываешь в своих воспоминаниях, когда титаны правили всем миром.

Кимек мысленно поморщился при упоминании о давних славных временах. Оптические сенсоры Агамемнона мгновенно выявляли наблюдательные камеры, буквально кишевшие в воздухе.

— Конечно, я не желаю возвращения старых дней, — сказал он. — Ты снова читал мои мемуары?

— Я никогда не устаю от твоих рассказов, отец. Время титанов, великий Тлалок, первое восстание хретгиров. Все это меня просто завораживает.

Присутствие рядом величественного кимека вызывало у Вориана особое чувство. Он был всегда готов, учитывая, ко-

нечно, свою ограниченность, искать способ самосовершенствования. Он хотел доказать самому себе, что достоин возможностей, предоставленных ему, и даже чего-то большего.

— Я был бы рад познакомиться с этими новыми оборонительными системами хретгиров, отец. Может быть, мне удастся найти способ поразить их?

Пусть проанализирует все данные и решит, что надо делать. Я сам только недавно вернулся на Землю.

Человеческая амбициозность по-прежнему составляла основу психики титанов, они всегда любили монументальные сооружения — мегалитические здания и памятники самим себе, которые прославляли навсегда ушедшие времена человечества и власти титанов. Пленным строителям и архитекторам отдавались приказы разрабатывать оригинальные проекты зданий, которые кимеки затем модифицировали или улучшали, приспосабливая их для своих нужд и целей.

Невдалеке машины поднимали к небу детали небоскреба, добавляя следующие этажи к уже существовавшим, хотя мыслящие машины не видели надобности в такой надстройке. Временами даже Вориану такие работы казались лишь поводами для того, чтобы рабы не оставались праздными.

Он не знал своей матери, знал только, что много веков назад, перед тем как подвергнуться хирургическому превращению в кимеков, Агамемнон создал банк своей спермы, с помощью которой и был зачат Вориан. В течение веков генерал мог создать сколько угодно отпрысков, используя для этого любую подходящую суррогатную мать.

Хотя он никогда не слышал о своих братьях и сестрах, Вориан подозревал, что они где-то существуют. Он часто думал, что хорошо было бы познакомиться с ними, но в обществе машин эмоциональные связи не практиковались и не приветствовались. Оставалось надеяться, что сыновья и дочери не разочаровали Агамемнона и оправдали его надежды.

Когда отец отсутствовал, отлучаясь по своим важным делам, Вор часто пытался связаться и поговорить с другими титанами, стараясь побольше узнать о событиях, описанных в прославленных и широко известных мемуарах Агамемнона. Он использовал свое привилегированное положение, чтобы сделаться лучше. Некоторые из первых кимеков — особенно

Аякс — были надменны, высокомерны и относились к Вориану неприязненно, он раздражал их. Другие, например Барбаросса и Юнона, находили его забавным. Все они с особым жаром говорили о Тлалоке, первом из великих титанов, который начал революцию.

— Хотелось бы мне познакомиться с Тлалоком, — говорил Вор, стараясь поддержать разговор.

Агамемнон любил воспоминания о днях своей былой славы.

— Да, Тлалок был мечтателем, он высказывал идеи, которые я до него ни от кого не слышал, — заговорил кимек, сворачивая на бульвар. — Временами он бывал по-настоящему наивным, так как не представлял себе, во что выльется воплощение его идей. На эти ошибки указывал ему я. Вот почему ему удалось собрать такую выдающуюся команду.

Казалось, Агамемнон пошел быстрее, заговорив о титанах. Вориан, уставший от быстрой ходьбы, начал задыхаться.

— Тлалок позаимствовал свое имя у древнего бога дождя. Среди титанов Тлалок был провидцем, а я воинским начальником. Юнона была нашим тактиком и управляющим. Данте вел статистику, занимался бюрократическими делами и связями с населением. Барбаросса создал новую программу для мыслящих машин, вложив в них те же цели, которые преследовали мы. Он вложил в них амбиции.

— И это хорошо, — сказал Вориан.

Агамемнон поколебался мгновение, но промолчал, опасаясь камер наблюдения.

— Посетив Землю, Тлалок понял, что род человеческий переживает застой, что люди стали зависимыми от машин настолько, что впали в полную апатию. Исчезли цели, рассеялись влечения, исчезла страсть. Поскольку им не приходилось делать ничего, кроме высвобождения своих творческих импульсов, то они стали настолько ленивыми, что не желали затруднять себя даже работой воображения.

Голосовой прибор Агамемнона издал презрительный смешок.

— Но Тлалок был другим, — подлил масла в огонь Вориан.

В голосе кимека появились живые эмоции.

— Тлалок воспитывался в планетной системе Талим, в дальней колонии, где была совсем иная жизнь, где труд давался потом, кровью и кровавыми мозолями. Для того чтобы пробиться, ему пришлось немало сражаться. На Земле он увидел, что дух человека умер, а он этого даже не заметил!

— Он произносил речи, пытаясь достучаться до людей, заставить их увидеть, что с ними произошло. Некоторые следили за его выступлениями с неподдельным интересом, считая его неплохим новым развлечением. — Агамемнон поднял одну из своих металлических рук. — Но для них его слова действительно были не более чем развлечением. Послушав Тлалока, люди возвращались к своему гедонистическому ничегонеделанию.

— Но не ты, отец.

— Я был сыт по горло жизнью, в которой не происходило ровным счетом ничего. В то время я уже познакомился с Юноной, и у нас была одна заветная мечта. Тлалок выразил эту мечту словами. После того как мы с Юноной присоединились к Тлалоку, началась цепь событий, приведших к падению Старой Империи.

Отец и сын подошли к центральному комплексу, где находилась резиденция земного Омниуса, хотя узлы присутствия всемирного разума были распределены по всей планете в виде укрепленных сводов высоких башен. Вориан вслед за кимеком вошел в главное здание, горя желанием сделать свою работу как следует. Это был ритуал, который они выполняли множество раз.

Ходячее тело кимека вошло в отделение технического обслуживания, с многочисленными шлангами со смазочными материалами, пузырящейся в цилиндрах питательной жидкостью, полированными столами и мигающими бесчисленными индикаторами анализаторными системами. Вор взял со стола набор инструментов, затем включил вакуумные отсосы и водяные краны высокого давления, нашел мягкую ветошь и полирующий лосьон. Он считал эту свою обязанность важнейшей обязанностью доверенного человека.

В центре стерильной камеры Агамемнон остановился под подъемником. Магнитный держатель опустился к его телу и захватил емкость с его древним человеческим мозгом. Откры-

лись порты соединений с нервами, кабели мыслительных зондов отсоединились от емкости, свернувшись спиралями. Держатель подъемника поднял емкость, присоединив ее к временным батареям и системам жизнеобеспечения. Вориан подошел к механическому телу с охапкой инструментов.

— Я знаю, что ты не можешь этого чувствовать, отец, но я хочу, чтобы тебе было удобно и чтобы ты мог работать более эффективно.

Он соединил порт механизма с воздушными и водяными магистралями высокого давления и, используя мягкую ткань, принялся полировать каждую поверхность аппарата.

Генерал-кимек беззвучно мурлыкал от удовольствия.

Вор закончил мытье и полировку, потом поправил провода и кабели и в заключение присоединил к приборам диагностическую систему.

— Все системы работают нормально, отец.

— Это и неудивительно при таком уходе с твоей стороны. Спасибо тебе, сынок, ты так преданно заботишься обо мне.

— Это честь для меня.

Мурлыкающим механическим голосом Агамемнон заговорил дальше:

— Настанет день, Вориан, и — если ты по-прежнему будешь так же усердно мне служить — я попрошу для тебя высочайшей награды. Я попрошу Омниуса хирургически превратить тебя в такого же кимека, как я.

При упоминании о такой перспективе Вориан еще раз отполировал мозговую емкость, потом с любовью взглянул на смазанный контур мозга в прозрачной емкости. Он постарался скрыть краску, которая залила его лицо, но из глаз его потекли слезы.

— Это самая высокая награда, о которой только может мечтать человек.

Людей, с их хрупкой физической оболочкой, очень легко сокрушить. Но есть ли вызов в том, чтобы причинять им вред?

Эразм. Разрозненные лабораторные файлы

Глядя на земное небо сквозь волокна оптических нитей, Эразм испытывал чувство недовольства. Робот стоял в куполообразной башне своей виллы и смотрел в небо через армированное искривленное стекло. Ландшафт этой планеты, с его океанами, лесами и городами, построенными на развалинах других городов, видел взлеты и падения бесчисленных цивилизаций. Изучение истории показало ему, насколько малы и ограниченны его собственные достижения.

Значит, надо приложить к исследованиям больше усилий.

Ни Омниус, ни присланные сюда роботы-архитекторы не понимали истинной красоты, были лишены чувства прекрасного. Восстановленные города казались Эразму скоплением острых углов и резких, прерывистых форм. Город должен представлять собой нечто большее, чем диаграмму коммуникаций. Под бдительным присмотром всемирного разума город был выстроен как изощренный механизм, спроектированный и построенный утилитарной силой. У столицы были чистые архитектурные линии и системная эффективность, вылившаяся в бесстрастную застывшую красоту, но этой красоте недоставало подлинного изящества. Какое разочарование, что всезнающий всемирный разум не может жить вровень со своими потенциальными возможностями. Надо признать, что иногда баснословно нереалистичные амбиции человека имеют некоторое достоинство. Омниус либо не обратил внимания, либо сознательно отверг изящную красоту архитектуры Золотого Века человечества. Но такая холодная и вызывающая надменность просто лишена всякой логики. Если быть честным, то Эразм видел определенную красоту в стремительных очерта-

ниях машин и их компонентов, он любил также свою гладкую платиновую кожу и зеркальное лицо, на котором мог плавно отобразить любое выражение. Но он не видел никакого смысла поддерживать уродство из одного только неприятия принятых у врага понятий о красоте.

Как мог всеобъемлющий компьютерный разум, распространивший свое влияние на сотни планет, проявить такую узость мышления? Для Эразма с его отточенным и зрелым пониманием, развитым в результате длительных усилий, отношение Омниуса было свидетельством отсутствия понятийного мышления.

Издав звук тяжкого вздоха, который он позаимствовал у людей, Эразм отдал мысленную команду, в окнах появился пейзаж, соответствующий его настроению. На этот раз Эразм выбрал пасторальные виды других планет. Это мирное зрелище действовало на него успокаивающе.

У одной из стен Эразм задержался возле синтезатора одежды и подождал, пока аппарат приготовил для него одежду. Традиционный наряд земного художника вскоре был готов, и Эразм надел его на свое гладкое механическое тело. Потом робот пересек комнату и подошел к углу, где стоял мольберт с новым холстом, палитрой с красками и хорошими кистями.

Взмахнув рукой, Эразм убрал с окна мирный пейзаж и заменил его полотнами прославленных земных мастеров. Он выбрал «Домики Кордевиля», написанные древним земным художником Винсентом Ван Гогом. Это была смелая и яркая, но в основе своей грубая по исполнению картина, с неумело проведенными линиями и по-детски наложенными красками, с их неряшливыми скоплениями и нечеткими мазками. Но если рассматривать картину в целом, то создавалось впечатление грубой, но сильной внутренней энергии, неопределимой примитивной живости.

Сосредоточившись, Эразм подумал, что проник в тайну тонкого понимания техники Ван Гога. Но от робота ускользало то, зачем вообще человек решил создать эту картину.

Хотя раньше Эразму никогда не приходилось рисовать, он сумел в точности скопировать произведение. Мазок за мазком, краска за краской. Закончив работу, Эразм внимательно оглядел получившийся у него шедевр.

— Вот самая искренняя форма лести.

Ближайший к нему настенный экран засветился светло-серым цветом. Омниус, как всегда, наблюдает. Эразму, несомненно, придется объясниться — Омниус никогда не понимал, чем, собственно говоря, занимается его независимый робот.

Эразм снова внимательно посмотрел на законченное полотно. Почему так трудно понять, что такое творчество? Надо ли просто наугад изменить некоторые компоненты творения и объявить это оригинальным произведением? Закончив осмотр, робот с удовлетворением констатировал, что не сделал ни одной ошибки и ни в чем не отклонился от исходного оригинала. Эразм ждал вспышки озарения, он жаждал понимания. Очень медленно до него дошло, что то, что он сейчас сделал, по правде говоря, не имеет никакого отношения к искусству.

Сказать так, значило бы признать, что типографская ротационная машина создает литературу. Он всего лишь скопировал древнее произведение во всех его деталях. Он ничего не добавил, не синтезировал ничего нового. Но он горел желанием понять разницу.

В растерянности Эразм решил изменить подход. Непререкаемым тоном он велел троим слугам перенести художественные принадлежности в лабораторный корпус.

— Я намерен создать полностью мое, оригинальное живописное произведение. Это будет натюрморт. Вы трое будете участниками этого процесса. Радуйтесь своему жребию.

В стерильной лаборатории с помощью роботов-охранников Эразм вскрыл трех несчастных, не обращая ни малейшего внимания на их дикие вопли.

— Я хочу добраться до сердца этого дела, — усмехаясь, повторял он, — до его живой крови.

Своими запятнанными кровью руками он стискивал кровоточащие органы, сжимал их, наблюдая, как из них вытекают соки и как ломается их клеточная структура. Он провел беглый анализ, открыв неуклюжий механизм и неэффективную циркуляцию, которые были излишне сложны и подвержены легкому разрушению.

Затем, почувствовав вибрирующую в нем энергию, некую импульсивность, Эразм установил мольберт, решив начать рисовать. Это будет новая работа, новая и совершенно уни-

кальная. Это будет его собственная аранжировка, его упорядоченность, и он создаст образ, используя различные фильтры восприятия, сделав несколько намеренных ошибок, чтобы скорее приблизиться к человеческому несовершенству и неопределенности.

Наконец-то — наконец! — он оказался на правильном пути.

По его команде охранники внесли в импровизированную мастерскую чан со свежей, не свернувшейся человеческой кровью. Эразм начал собирать со стола забавные — еще теплые — человеческие органы и велел уборочным машинам извлечь из трупов все внутренности, которые в них еще оставались. Он начал бросать орган за органом в чан и наблюдал, как они погружаются в алую жидкость — глаза, почки, сердца.

Медленно осознавая каждую ступень этого процесса, он наконец понял, что велит ему делать его «творческий порыв». Раз за разом Эразм добавлял в отвратительную смесь все новые и новые ингредиенты. Повинуясь чему-то позаимствованному у Ван Гога, он отрезал ухо у одного из мертвецов и тоже бросил его в чан.

Наконец, обагрив железные руки по локоть кровью, Эразм отошел от чана. Превосходная композиция, и она целиком и полностью принадлежит ему. Теперь можно не думать, какой земной художник создал это полотно. Никто и никогда еще не создавал ничего подобного.

Эразм вытер гладкие металлические руки и начал писать на девственно-белом холсте. На нем он дотошно изобразил одно из трех сердец, показав во всех точнейших деталях желудочки, ушки и аорту. Но это не означало, что Эразм собирался создать точное изображение результатов вивисекции. Раздосадованный робот смазал краски, чтобы придать картине художественный флёр. Истинное искусство требует малой толики неопределенности, так же как гурману для правильного приготовления блюда нужны некие приправы и соусы.

Видимо, именно так работает творческая сила. Рисуя, Эразм пытался представить кинестетическое взаимодействие между его пальцами и мозгом, проследить путь импульсов, которые заставляют пальцы двигаться надлежащим образом.

— И именно это, по-твоему, люди определяют как искусство живописи? — проговорил Омниус с настенного экрана.

Впервые Эразм не стал дебатировать с Омниусом, который на этот раз оказался прав в своем скептицизме. Эразм не постиг истинного вкуса творчества. Да, он произвел и изготовил оригинальную графическую композицию. Но в человеческом творчестве сочетание деталей добавляет к целому еще нечто, превосходящее сумму этих деталей. Вырвав органы из тел своих жертв, искупав их в крови и нарисовав их на холсте, Эразм ни на йоту не приблизился к пониманию сути человеческого вдохновения. Даже манипулируя деталями по собственному усмотрению, он не постиг целого и не узнал, что же такое вдохновение.

Но, видимо, это все равно был шаг в верном направлении.

Эразм не мог перенести эту мысль на следующую логическую ступень, и до него постепенно дошло почему. Этот процесс нельзя объяснить с рациональных позиций, он не поддается разумному объяснению и пониманию. Творчество и точность анализа взаимно исключают друг друга. Расстроившись, робот схватил своими мощными руками мольберт, сломал его и в клочья разорвал холст. Все должно быть лучше, чем эта жалкая мазня, намного лучше. Эразм надел на свое зеркальное лицо стилизованную маску задумчивости и размышления. Он не приблизился ни на шаг к пониманию сути человека, несмотря на целое столетие интенсивных исследований и рассуждений.

Медленно шагая, Эразм направился в свое излюбленное место для уединения, в ботанический сад, где он обыкновенно слушал классическую музыку, которая извлекалась при прохождении воздуха по трубчатым структурам клеток растений. «Рапсодия в голубых тонах», произведение древнего земного композитора.

В саду размышлений робот сел, подставил щеку под лучи красноватого заходящего солнца и почувствовал, как теплеет его металлическая кожа. Это еще одна вещь, которой люди явно наслаждаются, хотя Эразм не понимал почему. Он не мог понять этого даже с помощью своих чувствительных усилительных модулей, которые воспринимали это воздействие и сообщали его искусственному мозгу, что на кожу воздействует тепло, она *нагревается*.

Но перегретая машина неминуемо ломается.

Ковер Вселенной огромен и сложен бесконечным многообразием своего рисунка. Нити трагедии образуют основу этого ковра, но человечество, в своем несокрушимом оптимизме, ухитряется вышивать на этой мрачной основе картины счастья и любви.

Когитор Квина. Архивы Города Интроспекции

После долгого пребывания в космическом путешествии Ксавьер не мог думать ни о чем другом, кроме возвращения домой и горячих объятий Серены Батлер.

Получив отпуск, он приехал в поместье Тантор, к своим приемным родителям и их восторженному сыну Вергилю. Танторы были доброжелательной пожилой парой, мягкими и интеллигентными людьми со смуглой кожей и волосами цвета темного дыма. Ксавьер казался вылепленным из того же материала и обладал такими же моральными устоями. Он вырос в этом теплом и большом замке, который до сих пор считал своим родным домом. Хотя по закону наследования он обладал правами на держания Харконненов — шахты и промышленные предприятия на трех планетах, — в замке Танторов для него всегда были готовы комнаты.

Войдя в большие, знакомые до боли апартаменты, Ксавьер сразу увидел ожидавших его двух серых собак волчьей породы, которые радостно завиляли хвостами, увидев хозяина. Он бросил на пол сумку и принялся возиться с собаками. Животные, каждое размером больше его младшего брата, были очень игривыми и обрадовались Ксавьеру.

В этот вечер семья пировала. На обед подали листы шалфея, зажаренные в меду, толченые орехи и оливки из собственных рощ Танторов. К несчастью, после отравления газами Ксавьер не мог чувствовать всей тонкости ароматов и вкуса подаваемых блюд. Повар не на шутку встревожился, уви-

дев, как Ксавьер посыпает тончайшие блюда солью и перцем — чтобы вообще чувствовать хоть какой-то вкус.

Еще одна ценность, которую отняли у него мыслящие машины.

После обеда Ксавьер с удовольствием сел в огромное дубовое кресло и расположился перед ревущим пламенем камина, потягивая красное вино из виноградников Тантора. Вино тоже казалось ему почти безвкусным. Но он наслаждался пребыванием в тепле родного дома, где не надо было соблюдать военных порядков и субординации. Ксавьер провел почти полгода на борту высокоэффективных, но лишенных практически всех бытовых удобств кораблях Армады, но сегодня наконец он будет спать на роскошной кровати в собственной, отдельной спальне.

Один из серых псов, урча, положил лохматую голову на затянутые в носки ноги Ксавьера. Напротив своего приемного сына в таком же кресле расположился Эмиль Тантор с венцом пепельных волос вокруг лысины. Эмиль с любопытством задавал вопросы о стратегических замыслах Синхронизированного Мира и о военных возможностях Армады.

— Каковы шансы дальнейшей эскалации войны после нападения на Зимию? Нельзя ли сделать нечто большее, чем просто отогнать их?

Ксавьер допил вино, налил еще полстакана себе и полный — старику, потом снова сел в кресло, постаравшись не потревожить верного пса.

— Ситуация выглядит довольно мрачно, отец.

Практически забыв своих настоящих родителей, Ксавьер называл владельца имения Тантор отцом.

— Но положение всегда было таким, начиная с времен титанов. Возможно, мы жили чересчур комфортабельно во времена Старой Империи и забыли, что значит быть самими собой, как жить в согласии с нашими возможностями, и вот через тысячу лет к нам пришла расплата за наше легкомыслие. Мы стали легкой добычей — сначала для злых людей, а потом для бездушных машин.

Эмиль Тантор пригубил вина и принялся безмолвно смотреть на огонь.

— Но есть ли хоть малейшая надежда? Есть ли что-нибудь, за что мы можем держаться?

Губы Ксавьера сложились в мягкую улыбку.

— Мы люди, отец. Пока мы будем на этом стоять, надежду нельзя считать потерянной.

На следующий день Ксавьер послал письмо в поместье Батлеров, прося разрешения сопровождать дочь вице-короля на ежегодной охоте на щетинника. Охота должна была продлиться два дня. Серена уже знала, что Ксавьер прибыл из поездки. Прибытие его кораблей было встречено с фанфарами, и теперь Манион Батлер ожидал доклада.

Однако салусанское общество придерживалось строгого формального этикета и вообще было несколько экстравагантным. Для того чтобы получить право сопровождать красавицу дочь вице-короля на охоте, желающий должен был помучиться ожиданием.

Поздним утром гонец вице-короля постучал в дверь замка Тантор. Вергиль, стоя рядом со старшим братом, рассмеялся, увидев, каким стало выражение его лица после прочтения письма.

— Ну что? Можно, я поеду с тобой? Вице-король ответил согласием?

С усилием напустив на себя строгость, Ксавьер ответил:

— Как он может отказать человеку, который спас Салусу Секундус от кимеков? Помни об этом, Вергиль, если ты хочешь, когда придет время, завоевать благосклонность юной леди.

— Мне надо спасти планету, чтобы заполучить подружку? — В голосе мальчика прозвучал явный скепсис, а потом, когда до него дошел смысл сказанного Ксавьером, то и полное недоверие.

— Если речь идет о такой благородной даме, как Серена, то ты действительно должен сделать именно это. — Ксавьер зашагал к большому дому, чтобы рассказать Эмилю о своих планах.

Следующим утром на рассвете Ксавьер оделся в свой лучший костюм для верховой езды и выехал в путь навстречу первым лучам солнца, направившись к поместью Батлеров. У отца он одолжил каурого салусанского жеребца, на редкость благородное животное. У коня была заплетенная грива, узкая морда, а его аллюр обладал изяществом, которого лишены менее породистые кони. У скакуна были крупные уши и яр-

кие живые глаза. На гряде холмов, видные издалека, стояли рядами красивые белые дома — главный дом, конюшни, дома слуг и склады, расставленные по периметру решетчатой изгороди. Поднимаясь вверх по склону, Ксавьер оглянулся и увидел поднимавшиеся к небу белые шпили Зимии.

К гребню холма вела дорога, покрытая мелким песчаником. Гравий скрипел под копытами породистого жеребца, Ксавьер с наслаждением вдыхал хрустящий прохладой воздух. Он чувствовал влажный холодок наступающей весны, видел свежую зелень на деревьях, ощущая головокружительную прелесть ранних полевых цветов. Но он не чувствовал аромата воздуха, который вдыхал.

Виноградники, словно выстроившаяся стража, окружали холм. Они были ухожены и подстрижены, их заботливо поливали, и каждый куст был аккуратно подвязан к стойке так, чтобы гроздья висели выше уровня земли и чтобы их было легко собирать. Главный дом был обсажен прихотливо изогнутыми оливковыми деревьями, их низко расположенные ветви были усеяны белыми цветками. Ежегодно первые отжимки винограда и оливок были поводом для праздника в каждом салусанском хозяйстве. Виноградари с завистью смотрели на соседские лозы, гадая, чей виноград в этом году даст лучшее вино.

Когда Ксавьер через главные ворота въехал во двор, там уже было множество всадников в охотничьих костюмах. Лающие псы бросились к нему, прыгая вокруг ног жеребца, но благородное животное не обращало на собак никакого внимания, словно это были дурно воспитанные мальчишки.

Нанятые егеря схватились за хлысты и призвали собак к порядку. Несколько приземистых охотничьих лошадей нетерпеливо били копытами землю, не уступая в своей непоседливости собакам. Двое охотников громко свистнули, к ним присоединились остальные, готовые начать благородную забаву.

Из конюшни выехал Манион Батлер и обратился к охотникам. В эту минуту он был похож на командующего, отдающего приказы своим боевым товарищам. Увидев молодого офицера, вице-король приветственно поднял руку.

Потом Ксавьер увидел и Серену, сидевшую в богато украшенном седле на серой кобыле великолепного экстерьера. На

девушке были высокие сапоги, брюки для верховой езды и такого же цвета жакет. Когда Серена увидела Ксавьера, глаза ее сверкнули, как электрические искры.

Легким галопом она приблизилась к тому месту, где стоял Ксавьер, и едва заметно улыбнулась ему уголками губ. Молодой Харконнен забыл о лающих собаках, мечущихся лошадях, перестал слышать крики и шум, ему хотелось одного — поцеловать Серену. Это желание было таким сильным, что молодой человек едва сдержал себя. Серена, однако, оставалась официально холодной и лишь протянула ему для пожатия затянутую в перчатку руку. Ксавьер взял протянутую руку и задержал в своей ладони ее пальчики.

Как ему захотелось сейчас стать таким же телепатом, как россакские колдуньи, чтобы послать ей заряд своего желания. Но, видя явный восторг, написанный на лице Серены, Ксавьер понял, что она знает его чувства и вполне разделяет их.

— Путешествие на другие планеты было столь долгим, — сказал он, — но я все время думал только о вас.

— Все время? Вы должны были сосредоточиться на своих прямых обязанностях. — Она одарила его скептической улыбкой. — Возможно, нам представится случай побыть наедине во время сегодняшней охоты и вы расскажете мне о своих грезах.

Игриво взглянув на Ксавьера, она тронула кобылу и отъехала к тому месту, где находился ее отец. Понимая, что на них устремлено множество взглядов, она и Ксавьер предпочли выдержать достаточную дистанцию. Он подъехал к Батлеру и пожал протянутую ему руку в черной перчатке.

— Я благодарю вас за разрешение принять участие в охоте, вице-король.

Цветущее лицо Маниона Батлера осветилось улыбкой.

— Я счастлив, что вы смогли присоединиться к нам, терсеро Харконнен. Я уверен, что в этом году нам удастся выследить и завалить вепря. Звери точно есть в этих лесах, и мне, если признаться честно, давно хочется ветчины и отбивных. На свете нет ничего более вкусного.

Серена взглянула на Ксавьера озорными глазами.

— Отец, возможно, если вы выпустите вперед остервенело лающих псов, беспородных лошадей и людей, которые поло-

мают на своем пути весь лес, то эти застенчивые звери сами выйдут вам навстречу.

В ответ Манион улыбнулся дочери так, словно она до сих пор была милым шаловливым ребенком.

Он снова обратился к Ксавьеру:

— Я очень рад, что вы будете здесь и сможете ее защитить, молодой человек.

Вице-король поднял правую руку. Затрубили в рога, в конюшне ударили в медный гонг. Чистокровные псы с лаем бросились к дальнему концу загона, туда же поскакали егеря на охотничьих лошадях. Впереди, мимо оливковых рощ, пролегала тропинка, ведущая в поросший кустами салусанский лес. Два мальчика с расширенными от усердия глазами распахнули ворота, предвкушая свое первое участие в охоте на вепря.

Охотники выехали за ворота, словно подгулявшая буйная компания. Впереди неслись с бешеным лаем собаки, за ними проскакали крупные охотничьи лошади с профессиональными егерями. С ними ехал и Манион Батлер, неистово дуя в старинный охотничий рог, хранившийся в их семье со времен Бовко Манрезы.

Следом за крупными лошадьми спешили всадники на низкорослых конях. Это были помощники, готовые раскинуть лагерь и освежевать любую дичь, которая попадется охотникам. Эти же люди будут готовить стол после того, как охотничья партия вернется домой с главной добычей.

Сами же охотники уже рассредоточились вдоль кромки леса и въехали в него. Ксавьер и Серена не спеша трусили на своих лошадях в темно-зеленую гущу леса. Один из ясноглазых юношей придержал коня, оглянулся через плечо и подмигнул Ксавьеру. Он понимал, что молодая парочка меньше всего интересуется охотой.

Ксавьер погнал своего жеребца вперед. Серена ехала рядом, деревья вскоре начали редеть и впереди показалось русло ручья, заполненное несущимся весенним потоком. Заговорщически улыбнувшись друг другу, они прислушались к удаляющимся звукам охоты — лаю собак, ржанью лошадей и звукам рога, в который продолжал старательно дуть Манион Батлер.

Личный лес Батлеров покрывал сотни акров, пересеченных звериными тропами. Большая часть леса сохранялась как заказник. Там было множество лугов, ручейков, гнездящихся птиц и полян с красивыми цветами, которые начинали попеременно цвести, как только исчезал снежный наст.

Ксавьер был просто счастлив остаться наедине с Сереной. Они ехали бок о бок, намеренно касаясь друг друга руками и плечами. Он протягивал руки, чтобы убрать с ее пути свисающую ветку, а Серена показывала Ксавьеру мелких птиц и зверей, называя их.

Одетый в удобный охотничий костюм, Ксавьер был вооружен церемониальным кинжалом, плетью и чендлеровским пистолетом, стрелявшим кристаллической дробью. У Серены был маленький нож и такой же небольшой пистолет. Но никто из них не собирался убивать дичь. Они приехали сюда охотиться друг за другом, и оба прекрасно понимали это.

Серена выбирала направление безошибочно, словно все время, пока Ксавьер отсутствовал, она ездила по лесу верхом в поисках уединенного места, где они могли бы провести время вдвоем. Наконец она проехала сквозь темную сосновую рощу и выехала на поляну, поросшую высокой травой, похожими на звезды цветами и камышами толщиной с человеческую голову. Камыши обрамляли пруд, заполненный талой водой. Летом этот мелкий водоем питали подземные ключи.

— В воде образуются пузырьки, они очень приятно покалывают кожу, — сказала Серена.

У Ксавьера пересохло в горле.

— Не значит ли это, что ты хочешь поплавать?

— Пожалуй, холодновато, но в воде бьют теплые ключи, так что я, пожалуй, рискну.

Улыбнувшись, Серена спрыгнула с лошади и пустила ее попастись на траве. Со стороны пруда послышался всплеск, но густые камыши закрывали обзор.

— Кажется, здесь много рыбы, — сказал Ксавьер. Он соскользнул с жеребца и, похлопав его по мускулистой шее, отправил пастись на густой траве рядом с серой кобылой.

Серена разулась, стянула с ног чулки и, закатав брюки до колен, босиком направилась к пруду, раздвигая по пути полые стебли травы.

— Хочу попробовать воду, — сказала она.

Ксавьер на всякий случай проверил, затянуты ли подпруги у жеребца. Он открыл одну из седельных сумок и вытащил оттуда бутылку свежего лимонада. Вслед за Сереной он пошел к камышам, представляя, как они с Сереной, обнаженные, поплывут бок о бок в этом тихом заброшенном пруду, как он поцелует ее...

Внезапно из камышей выскочил страшный вепрь и бросился вперед, разбрызгивая грязь и воду. Серена громко закричала, скорее чтобы поднять тревогу, нежели от страха, и упала на спину в грязь.

Вепрь неистово бил землю раздвоенными копытами. Длинные клыки торчали из квадратной пасти, предназначенные для того, чтобы вырывать куски плоти и внутренности из врагов. У зверя были широко посаженные большие черные глаза. Он громко хрюкал, словно сейчас из его нутра полыхнет огонь. В легендах о великом вепре рассказывали о погибших на охоте людях, конях и собаках. Но как же мало осталось на свете этих животных!

— Серена, быстро в воду!

Вепрь обернулся, словно понял сказанное. Серена сделала то, что велел ей Ксавьер. Она побежала от вепря, бросилась в воду и поплыла, зная, что на глубоком месте он не сможет причинить ей вреда.

Вепрь выскочил из зарослей. Лошади испуганно заржали и отпрянули к краю поляны.

— Берегись, Ксавьер!

Зайдя в воду по пояс, Серена достала нож, хотя и понимала, что ничем не может помочь Харконнену.

Ксавьер принял боевую стойку, крепко упершись ногами в землю. В одной руке он держал кинжал, в другой — чендлеровский пистолет. Не дрогнув, он направил заряженный кристаллической дробью пистолет в морду вепря и трижды выстрелил. Острые дробины пронзили щеки зверя, застряли в его черепе, ударили его в лоб. Другой выстрел разбил один из клыков, но зверь продолжал нестись на Ксавьера, для отступления у вепря не было иного выхода.

Ксавьер выстрелил еще дважды. Из ран искалеченного зверя хлестала кровь, он был смертельно ранен, но даже не-

минуемая смерть не могла остановить его порыва. Когда вепрь с громким топотом поравнялся с Ксавьером, тот отскочил в сторону и молниеносным ударом кинжала перерезал зверю яремную вену и сонную артерию. Вепрь повернулся и с силой выплюнул кровь на Ксавьера, хотя сердце животного уже практически перестало биться.

Упавший вепрь придавил Ксавьера, но он сумел отбросить содрогавшуюся в конвульсиях тушу, стараясь избежать судорожных ударов уцелевшего, острого как бритва клыка. Убив вепря, Ксавьер с трудом встал на ноги и, шатаясь, побрел прочь. Он дрожал от пережитого потрясения. Охотничий костюм был пропитан водой и кровью кабана.

Ксавьер подбежал к канавкам на берегу пруда.

— Серена!

— У меня все хорошо, — ответила она, с плеском направившись к берегу.

Он посмотрел на свое отражение в тихой воде пруда и увидел, что его рубашка и лицо покрыты запекшейся кровью. Оставалось надеяться, что это не его кровь. Он опустил руки в воду, набрал пригоршню и плеснул холодной водой себе в лицо, потом опустил в воду голову, чтобы смыть с волос вонючую свиную кровь. Прибрежным песком он дочиста вытер себе руки.

Подошла Серена. Ее одежда промокла насквозь, мокрые волосы прилипли к голове. Уголком куртки она промокнула кровь на шее и на щеках Ксавьера. Потом расстегнула ворот и смыла кровь с его груди.

— На мне нет ни одной царапины, — сказал он, не уверенный, что это правда. Одна сторона шеи саднила и горела огнем, грудь болела после столкновения с тяжелой тушей несущегося во весь опор кабана. Он сжал руку Серены, притянул ее к себе. — Ты уверена, что не ранена? Ты ничего не сломала?

— Это ты спрашиваешь меня? — сказала она недоверчиво. — Здесь не я храбро сражалась с кабаном.

Серена поцеловала Ксавьера. Ее губы были холодны от воды, но он прижал ее к себе, их рты приоткрылись, и дыхание влюбленных прогнало холод. Поцелуй все длился и длился, они не могли оторваться друг от друга. Ксавьер взял девушку за руку и отвел ее от берега, на поляну, подальше от туши мертвого кабана.

Откинув мокрые волосы с глаз и ушей, юные возлюбленные вновь принялись целоваться. Близко пронесшаяся смерть заставила их с особой остротой почувствовать прелесть жизни. Тело Ксавьера пылало, сердце неистово колотилось, хотя опасность уже миновала. Теперь его охватило волнение совсем иного рода. Как ему хотелось ощутить нежный, соблазнительный аромат ее духов, но его и без того сводила с ума жилка, бившаяся на ее шее.

Серена стала замерзать в мокрой одежде, Ксавьер заметил, что ее белые руки покрылись гусиной кожей. Все, что он смог придумать, — это предложить ей раздеться.

— Я согрею тебя.

Она помогла ему расстегнуть ездовой жакет и блузку, а потом принялась расстегивать его выпачканную кровью рубашку.

— Только для того, чтобы убедиться, что ты не ранен, — сказала Серена. — Я не знаю, что бы я стала делать, если бы ты погиб.

Слова ее были сбивчивыми и прерывались нескончаемыми поцелуями.

— Нужно нечто большее, чем дикий кабан, чтобы разлучить меня с тобой.

Она рывком спустила с его плеч рубашку и принялась расстегивать манжеты, чтобы он мог совершенно ее снять. Трава на поляне была мягкой и роскошной. Лошади мирно паслись у кромки леса, а Ксавьер и Серена любили друг друга, не сдерживая своей страсти, шепча и выкрикивая друг другу слова своей любви.

Остальная часть охотничьей партии была, видимо, очень далеко, а ведь Ксавьер убил кабана и должен будет рассказать за ужином настоящую охотничью историю. Конечно, некоторые детали придется опустить...

На какое-то время война с мыслящими машинами перестала существовать. В этот краткий головокружительный миг они были просто любящими друг друга людьми, кроме которых на этом свете просто никого нет.

Относительно науки существует одно распространенное заблуждение, вера в то, что чем больше мы развиваем технику и чем больше узнаем, тем лучше становится наша жизнь.

Тлалок. «Эпоха титанов»

Все, что можно вообразить, можно воплотить и в действительность, если к этому добавить немного гениальности.

Тио Хольцман неустанно повторял эту фразу в сотне речей, произнесенных им в Совете лордов Поритрина. Высказанные ученым концепции и достигнутые им успехи воспламеняли надежды и внушали уверенность в способность человека противостоять мыслящим машинам с помощью технических средств.

Ту же истину, как мантру, повторяли патрон Хольцмана лорд Нико Бладд и все представители Лиги Благородных. На заре своей карьеры Тио Хольцман понял, что отнюдь не всегда высшие награды и щедрые фонды получают лучшие ученые. Награды и деньги достаются самым ловким *шоуменам* и самым красноречивым политикам.

Нет, коллега Хольцман был действительно вполне достойным ученым. Он обладал исключительной технической образованностью, а его изобретения и системы вооружений с успехом применялись в войне с Омниусом. Однако он приложил больше усилий для создания благоприятного общественного мнения и привлечения внимания к своей персоне, нежели для воплощения самих изобретений. Своим ораторским мастерством и умением высветить нужные детали Хольцман создал себе пьедестал славы, на котором ныне прочно стоял. Хольцман сделал себя героем Поритрина в отличие от прочих, менее красноречивых изобретателей, чьи имена утонули в реке забвения. Его способности завораживать аудиторию,

зажигать в ней ощущение чуда, как возможного, превосходили его научные способности.

Для того чтобы поддерживать этот миф о самом себе, Хольцману были постоянно нужны новые идеи, разработка которых требовала вдохновения и длительных периодов углубленных размышлений. Он любил смотреть, как перед его мысленным взором проносятся различные идеи, подобные мелким камешкам, катящимся с крутого горного склона. Иногда камешки останавливались, производя много шума, но не приводя к результатам, но бывало и так, что какой-либо голыш вызывал стремительный обвал, лавину идей и мыслей.

Все, что можно вообразить, можно воплотить и в действительность.

Но сначала любую идею надо представить своим мысленным взором, она должна явиться творцу в его видениях.

Вернувшись домой после поездки на пострадавшую от нападения кимеков Салусу Секундус, он заказал отдельную каюту на комфортабельном дирижабле, тихоходном цеппелине, который, поднявшись в воздух в дельте реки над столичным городом Старда, начал дрейфовать с теплыми воздушными потоками, витавшими над бескрайними равнинами Поритрина.

Стоя на открытой палубе дирижабля, Хольцман рассматривал переливающееся всеми оттенками зеленого и коричневого море травянистой равнины с вкраплениями голубых пятен озер. Внизу, словно косяки рыб, проносились стаи птиц. Отдавшись на волю воздушных потоков, дирижабль медленно парил над землей без руля и без ветрил.

Хольцман всмотрелся в расстилавшийся впереди бесконечный горизонт. Безграничные расстояния, бесчисленные возможности. Гипнотические, медитативные, вдохновенные. Такие места открывали разум, делали возможными самые сумасшедшие концепции. Ум бросался в погоню за этими идеями, словно хищник за своей жертвой. Дирижабль тем временем проплывал над геометрически правильными силуэтами полей, которые, как татуировка, покрывали землю. Там были расположены фермы интенсивного труда, на которых выращивали сахарный тростник. А вот здесь растут тучные злаки и растения, из которых ткут поритринские ткани. Армия рабов

работала на этих фермах и ранчо, словно мириады трудолюбивых муравьев.

Исходя из буколического понимания новохристианства, жители Поритрина уничтожили сельскохозяйственных роботов и восстановили древний скромный дух сельскохозяйственной общины. При отсутствии сложных машин землевладельцам потребовался экстенсивный ручной труд множества людей. Много лет назад Саджак Бладд стал первым аристократом Лиги, который официально узаконил рабство как средство поддержания жизнеспособного сельского хозяйства.

Этот поритринский лорд узаконил акт установления рабовладения, но для перевода в рабское состояние выбирали только тех, кто провинился перед человечеством, особенно же буддисламских трусов, которые бежали на дальние планеты вместо того, чтобы сражаться с мыслящими машинами. Если бы эти люди не побоялись выступить на защиту человечества, то представили бы собой дополнительную силу, которая могла в корне изменить ход войны. Обработка земли была малой платой, которую пришлось платить потомкам беглецов за трусость своих предков.

Хольцман принялся расхаживать по палубе дирижабля. Он заказал себе стакан сахарного сока и, размышляя, потягивал сладкую жидкость. Глядя на расстилавшееся внизу море травы, он отпустил на волю свой разум и воображение. Ничто не отвлекало его, но вдохновение по-прежнему не приходило. Великий ученый часто пускался в такие путешествия для того, чтобы сконцентрировать мысли и сосредоточить дух, просто глядя при этом в пространство. Это была трудная работа, хотя стороннему наблюдателю могло показаться, что великий Тио Хольцман наслаждается заслуженным отдыхом.

Учитывая прежние заслуги Хольцмана, Нико Бладд позволил ему разрабатывать любые системы вооружения, какие только могли прийти в голову ученого. К несчастью, в течение последнего года, как вынужден был признаться самому себе Хольцман, в его голову не пришло ни одной стоящей идеи.

Гений — ничто без творческого импульса. Конечно, коллега Хольцман может некоторое время продержаться за счет своих прежних заслуг. Но тем не менее он должен регулярно

что-то изобретать, иначе даже лорд Бладд усомнится в его возможностях.

Такого Хольцман допустить не мог. Это было вопросом гордости и делом чести.

Хольцман был глубоко уязвлен тем фактом, что кимеки так легко пробили брешь в его уничтожающем поле на Салусе Секундус. Как мог он — и все прочие инженеры и техники, работавшие над проектом — проигнорировать тот факт, что кимеки — это существа с человеческим мозгом, а не с гелевыми контурами типа AI? Это было существенное, приведшее к катастрофическим последствиям упущение и недосмотр.

Однако обрушившийся на него поток человеческой веры и надежды — не говоря о щедром финансировании — оказывал на него сильное, все возраставшее давление. Люди ни за что не позволят ему сейчас уйти от дел. Он должен найти какое-то решение, чтобы спасти положение и выручить род человеческий.

Вернувшись в тишину своей лаборатории в Старде, он принялся за систематические поиски, читая диссертации и теоретические статьи, доставленные ему, и пытаясь использовать потенциально заложенные в них решения. Многие статьи носили эзотерический характер, они были вне его компетенции, но в какой-то момент ему в голову все же пришла полезная идея.

Хольцман взял с собой на дирижабль некоторые статьи и сообщения, чтобы проанализировать их во время полета над поритринскими равнинами. Одна из таких весьма амбициозных и интригующих статей была написана неизвестным теоретиком с Россака по имени Норма Ценва. Насколько можно было понять, у этой молодой женщины не было никаких рекомендаций и связей в научном мире, но ее концепции удивляли своей глубиной. Она сумела взглянуть на простейшие, общеизвестные вещи под совершенно неожиданным углом зрения. Он интуитивно заинтересовался ее работой, это был настоящий научный инстинкт. И она так мало известна...

Когда на поритринский небосклон высыпали звезды, Хольцман уединился в своей каюте, потягивая теплый фруктовый напиток. Он вчитывался в вычисления Нормы, по нескольку раз анализируя их в уме, отыскивая в них ошибки и пытаясь

понять суть работы. Этот молодой, никому не известный математик, как представляется, лишен каких бы то ни было претензий. Эта девушка выудила новые идеи из туманного облака и теперь хочет разделить их с человеком, которого она считает интеллектуальным собратом. Задержав внимание на некоторых выводах Нормы, Хольцман вдруг понял, что сомневается не в постулатах Нормы, а в своем научном бессилии. Было ясно, что Норма Ценва работала, охваченная порывом неземного вдохновения.

Это было как раз то, что нужно.

Хольцман без устали размышлял всю ночь до утра, и только когда забрезжил рассвет, он потянулся и прилег, чтобы немного поспать. Решение было принято. Воздушный корабль, плавно покачиваясь, плыл по воле тихого ветра над мирными ландшафтами Поритрина. Ученый уснул с блаженной улыбкой на лице.

Скоро он лично встретится с Нормой. Возможно, кое-какие ее идеи удастся приложить к разработке приборов, которые Хольцман намеревался использовать в войне с мыслящими машинами.

В тот день ученый написал персональное приглашение Норме Ценва и отправил его на Россак с курьером Лиги. Молодая женщина, выросшая на уединенной планете среди джунглей, может оказаться его спасительницей, если, конечно, он правильно распорядится ситуацией.

Возможности — это весьма обманчивый урожай. Их крошечные цветки трудно разглядеть и еще труднее сорвать.

Неизвестный автор

Чувствуя себя незваным гостем, Норма Ценва стояла в кабинете матери, рассеянно глядя на шатер пурпурных древесных крон за окном. Снаружи моросил мелкий кислотный дождь. В каплях, падавших с высокого неба, содержались вредные ядовитые вещества, выброшенные в атмосферу вулканами, бушевавшими в дальних краях. На горизонте появились приближавшиеся тучи. Скоро разразится настоящий ливень.

Что хотел найти здесь Аврелий Венпорт, посылая ее сюда?

Ее суровая мать поддерживала в своем кабинете аскетически строгий порядок. Стены чисто выбелены. Никаких украшений интерьера. В алькове хранились тонкие одежды колдуньи, которые были слишком велики для Нормы. Зуфа Ценва была пугающе красива, бьющая в глаза чистота делала ее столь же совершенной — и столь же неприступной, — как классическая статуя. Если бы она даже не обладала телепатическими способностями, Зуфа все равно притягивала бы мужчин, как пчел притягивает мед.

Но главная колдунья обладала лишь поверхностной привлекательностью и женственной красотой, в глубине ее существа таилась беспощадность, которую она никогда не показывала Норме. Дело не в том, что Зуфа не доверяла дочери, она просто считала девочку недостойной большого внимания. Как и большинство ее коллег-телепаток, Зуфа обожала таинственность.

Однако Аврелий видел за всей этой завесой нечто совсем иное.

— Ты не пожалеешь, если откроешь эту изнанку, Норма, — сказал он девушке с хитрой улыбкой. — Думаю, со вре-

менем мама все тебе расскажет. Но, правда, я думаю, что такой рассказ не относится к ее главным приоритетам.

Я никогда не была ее главным приоритетом. Охваченная любопытством, дрожа от страха, что ее могут застигнуть на месте преступления, Норма продолжила поиски.

Взгляд ее задержался на лежавшей на рабочем столе записной книжке в фибровом переплете. На толстой книжке виднелась наклейка с непонятной надписью, столь же таинственной, как и математические формулы Нормы. Подслушивая однажды разговор колдуний, Норма узнала, что они называют свой тайный язык азхаром.

Вернувшись с Салусы Секундус, мать повела себя еще более скрытно и отчужденно, чем обычно. Казалось, что она пытается начать какое-то грандиозное предприятие, связанное с организацией отпора атакам кимеков. Когда дочь поинтересовалась у матери, какие военные приготовления проводятся, мать уклончиво ответила:

— Мы сами об этом позаботимся.

Большую часть времени главная колдунья проводила в каббалистическом обществе женщин, таинственно перешептывавшихся между собой. У Зуфы появилась новая страсть, новые идеи, которые она собиралась использовать против мыслящих машин. Если бы ее мать хотела хоть как-то приобщить свою карлицу-дочь к общему делу, то она нашла бы способ это сделать. Но Зуфа вычеркнула Норму из списка возможных помощников, не оставив ей ни малейшего шанса.

Самые одаренные женщины в количестве около трехсот основали для себя зону безопасности в грибовидных джунглях, перекрыв доступ туда для поисковых фармацевтических групп, нанятых Аврелием Венпортом. Когда эти разведчики пытались проникнуть в запретную зону, то всякий раз наталкивались на светившуюся странным светом баррикаду.

Вечно прислушивавшаяся к происходящему, Норма часто слышала необъяснимые взрывы и видела яркие вспышки в том месте, где отобранные Зуфой женщины проводили недели в напряженных тренировках. Мать стала редким гостем в своих скальных апартаментах...

Продолжая поиски, Норма обнаружила под коричневой записной книжкой два чистых листа; такой отбеленный пер-

гамент использовали для передачи посланий курьеры Лиги. Наверное, это и было то, что хотел найти Аврелий.

Подтащив к столу скамеечку для ног, девушка взобралась на нее. Взглянув на заголовок, она поняла, что это официальный документ, присланный с Поритрина. Подталкиваемая любопытством и опасениями, что мать может неожиданно вернуться из джунглей, она взяла со стола документ и с удивлением прочла написанные аккуратным канцелярским почерком слова «Ученый Тио Хольцман».

По какой причине мог великий изобретатель написать письмо ее матери? Спустившись на пол, девушка прочла строку приветствия. «Дорогая Норма Ценва». С исказившимся от напряжения лицом она прочла отправленное на ее имя послание, потом снова перечитала, испытывая восторг, смешанный с гневом. *Тио Хольцман хочет, чтобы я приехала к нему на Портрин, чтобы стать его ученицей. Он считает меня блестящим ученым. Я не могу в это поверить.*

И ее собственная, родная мать скрыла от нее послание или, во всяком случае, решила временно не отдавать его адресату. Зуфа ничего не сказала, возможно, из-за того, что не могла поверить в то, что великий савант Хольцман чего-то хочет от ее никуда не годной дочери. Какое счастье, что ей сказал об этом Аврелий.

Норма поспешила в деловой квартал скального поселения. Она нашла Венпорта в чайной лавке, где он назначил встречу с неважно выглядевшим торговцем. Когда этот темнокожий человек поднялся, чтобы уйти, Норма своей неуклюжей походкой подобралась к столу и влезла на его место.

Венпорт ласково улыбнулся девочке.

— Ты выглядишь очень взволнованной, Норма. Должно быть, ты нашла письмо саванта Хольцмана?

Она рывком протянула Венпорту пергамент.

— Мать попыталась скрыть от меня это послание с предложением работы и учебы.

— Зуфа — умопомрачительная женщина, я знаю, но ты должна постараться ее понять. Она искренне считает, что ни один из нас не способен делать что-либо сравнимое по ценности с тем, что умеет делать она. Зуфа ни во что не ставит наши способности. О, она вполне отдает себе отчет в том, что

ты — талантливый математик, а я — удачливый и умный бизнесмен, но пойми, Норма, что наши умения, на ее взгляд, не могут быть даже поставлены рядом с ее талантами.

Норма заерзала на стуле; она не желала давать своей матери насладиться ее сомнениями.

— Но почему она спрятала письмо?

Венпорт рассмеялся.

— Возможно, ее очень смутило то внимание, какого ты удостоилась. — Он сжал ее руку. — Не волнуйся, я вмешаюсь, если твоя мать попытается не дать хода этому приглашению. Знаешь, поскольку она сейчас целиком поглощена своими занятиями с другими колдуньями, то я не думаю, что она станет сильно возражать против того, чтобы я заполнил соответствующие бумаги.

— Ты точно это сделаешь? Моя мать не сможет...

— Позволь, я сам позабочусь об этом. — Он горячо обнял девочку. — Я верю в твои силы и способности.

Действуя от имени Зуфы, Аврелий Венпорт сам послал официальный ответ знаменитому изобретателю, согласившись прислать к нему Норму. Молодая женщина будет учиться на Поритрине и помогать Хольцману в его лаборатории. Для Нормы это был шанс, который выпадает один раз в жизни.

Мать, кажется, даже не заметила отъезда дочери.

Дом человека везде, так как он — часть его существа.

Пословица народа дзенсунни

Даже здесь, посреди диких песков, слушая завывание ветра, Селим продолжал испытывать чувство небывалого счастья. Выживание само по себе превратилось в чудесную игру с пустыней.

Оставив за спиной мертвого червя, он попытался найти небольшую пещеру или расщелину в скалах, где можно было бы переждать стремительно надвигавшийся ураган. Испытывая отчаянную жажду, Селим озирался по сторонам, надеясь увидеть хоть какое-нибудь человеческое жилье, хотя он и сомневался в том, что кто-либо мог оставить след в этой жгучей глуши.

Определенно — никто из живущих.

После бесконечных переселений с одной планеты на другую дзенсунни наконец прибыли на Арракис и поселились здесь в разбросанных вдали друг от друга поселениях. В течение нескольких поколений этот народ-скиталец добывал в пустыне скудное пропитание, но только изредка удалялись люди от своих насиженных мест, опасаясь встречи с гигантским червем.

Дикий песчаный червь унес Селима далеко от космопорта, далеко от жизненных источников, необходимых даже привыкшим к суровым условиям жизни дзенсунни. Перспективы выживания были на самом деле весьма слабыми.

И когда Селим наткнулся на упрятанную в скале древнюю испытательную ботаническую станцию, он едва поверил в свою добрую удачу. Несомненно, это было еще одно предзнаменование, ниспосланное ему Буддаллахом. Это было еще одно явленное ему чудо!

Он стоял перед куполообразным строением, возведенным здесь давно забытыми экологами, которые изучали когда-то

Арракис и его нужды. Вероятно, здесь во время сезона бурь жили несколько ученых Старой Империи, которые записывали данные о погодных условиях и направлении господствующих ветров. Изношенное строение состояло из нескольких блоков, встроенных в скалу, наполовину засыпанных песком и потрепанных беспощадным временем.

Подгоняемый обжигающими ударами песчинок, поднятых усиливающимся ветром — предвестником бури, Селим поспешно обошел покинутую станцию. Он увидел покосившиеся флюгеры, изъеденные временем коллекторы воздуха и другие приспособления для регистрации данных, которые выглядели давно вышедшими из строя. Что еще более важно, он сумел найти входной люк.

Руки и плечи болели после жуткого путешествия на спине песчаного червя. Но Селим, превозмогая боль, простучал всю стену в поисках входа. Он смел в сторону песок и пыль, надеясь найти какой-нибудь ручной механизм, так как батареи давно потеряли свой заряд и перестали функционировать. Надо было попасть в убежище раньше, чем на него со всей своей неистовой силой обрушится песчаный ураган.

Селим и раньше слышал о таких местах. В нескольких из них побывали разведчики и бродяги дзенсунни. Эти автономные станции были размещены на Арракисе в золотые дни человечества, до того, как власть была захвачена мыслящими машинами, до того, как буддисламские беженцы начали искать спасения на других планетах. Этим автоматическим станциям было около тысячи лет, а может быть, и еще больше. Но в пустыне, где изменения окружающей среды происходят медленно, в течение многих тысячелетий, у времени совершенно иной ритм, чем в других климатических условиях.

Селим наконец нашел механизм, с помощью которого можно было открыть люк. Как он и опасался, батареи давно сдохли, и в них хватило заряда только на то, чтобы люк едва приоткрылся.

Ветер уже завывал во всю силу своего пустынного неистовства. Взметнувшийся в воздух песок повис на горизонте, словно черная туча, закрыв солнце. Пыль забивалась в незащищенные глаза и уши, Селим знал, что скоро ветер начнет хлестать его, как смертоносный кнут.

Приходя в отчаяние, он вставил в щель клык песчаного червя и использовал его как поворотный клин. Отверстие немного расширилось, но этого было недостаточно. Из внутреннего помещения станции на Селима пахнуло застоявшимся холодным воздухом. Напрягая из последних сил свои мучительно болевшие мышцы, Селим глубже засунул клык в щель и уперся ногами в скальную породу, чтобы всем телом надавить на рычаг.

Издав последний скрежет, люк поддался и раскрылся. Селим рассмеялся от счастья и бросил клык в помещение, где зуб песчаного червя со звоном ударился о выложенный металлическими плитами пол. Юноша протиснулся внутрь, и как раз вовремя — над головой уже слышался приглушенный рев песчаной бури.

Взметенный ветром песок проникал всюду — в переход, в вентиляционную решетку. Селим изо всех сил потянул на себя край люка. Если он не закроет его в течение следующей секунды, то будет поздно. Надо поспешить. Он все же сумел закрыть люк и заблокировать его. Теперь он был отделен от бушующего за стенами ветра.

Он в безопасности, в фантастически надежной безопасности! Селим рассмеялся, не веря в свою удачу, потом произнес молитву. Никогда еще не молился он с такой искренностью. Как можно было теперь сомневаться в благословении божьем?

Пользуясь тонким лучом потускневшего солнечного света, Селим осмотрелся. К счастью, в стенах заброшенной станции были плазовые окна. Хотя плаз был поцарапан и замутнен многочисленными бурями, сквозь него открывался вполне сносный обзор и проникало довольно много света.

Помещение показалось Селиму настоящей пещерой сокровищ. При тусклом свете, проникавшем в помещение сквозь пыльную завесу, мальчик нашел плавающие светильники, которые тотчас и включил. После этого он вскрыл шкафы и кладовые. Многое из того, что он обнаружил, не представляло для него никакой ценности. Здесь были данные, которые он не мог прочесть, давно вышедшие из строя компьютерные системы обработки и хранения информации, странные инструменты с выгравированными на них названиями давно не

существующих промышленных корпораций. Однако ему удалось найти капсулы с великолепно сохранившейся едой, которая не испортилась за все то время, что станция оставалась покинутой людьми.

Он открыл капсулу и съел ее содержимое. Хотя у пищи был несколько странный запах, Селим нашел ее восхитительной. Он почувствовал, что по жилам разливается живительная энергия, проникая во все клетки его измученного тела. В других емкостях оказались соки, которые показались Селиму божественной амброзией. Но самое главное — в помещении оказалась дистиллированная вода. Ее было здесь несколько сотен литров. Несомненно, она накопилась здесь за сотни лет, извлеченная из атмосферы автоматическими приспособлениями, оставленными здесь участниками древней экспедиции.

Это было его личное богатство, превосходившее своими размерами все, что мог представить себе Селим. Он мог теперь без труда тысячекратно возместить племени воду, в краже которой его так несправедливо обвинили. Он мог героем вернуться в селение дзенсунни. Наибу Дхартхе придется простить его. Но Селим ни за что не признается в преступлении, которого не совершал.

Насытившись едой и водой, Селим удобно расположился в маленьком уютном помещении. Он никогда не доставит наибу Дхартхе удовольствия своим покаянным возвращением. Эбрагим предал его и их дружбу, а плутоватый наиб ложно обвинил его, Селима. Народ изгнал его, не надеясь, что он выживет. Теперь же, когда Селим нашел способ жить самостоятельно, зачем ему возвращаться и сдаваться на милость проклятого наиба и его приспешников?

Две ночи молодой человек беспробудно проспал. На рассвете второго дня он проснулся и открыл другие емкости и шкафы. Он нашел инструменты, веревки, прочную одежду, строительные материалы. Открывшиеся перед ним возможности окрылили Селима и преисполнили его радости. Он в голос рассмеялся под невысоким сводом заброшенной ботанической станции.

Я жив!

Пока он спал, буря улеглась, не сумев, несмотря на все усилия, пробиться в надежное убежище, обретенное Сели-

мом. Чудовищный ветер унес большую часть песка, и выход из станции был свободен. Через огромное плазовое окно Селим рассматривал бескрайнее песчаное море, которое он пересек на спине гигантского червя. Дюны были свежи и безукоризненны. Мертвое тело червя, не выдержав столкновения с песчаной бурей, исчезло. Остался в живых только он, одинокий юноша.

Селим провидел впереди долгое путешествие, ощущая в себе призвание свыше. Ибо зачем Буддаллах сделал так много для того, чтобы несчастный Селим выжил?

Что еще хочешь ты, чтобы я сделал?

Улыбаясь, изгнанник смотрел на пустыню, думая о том, сможет ли он еще раз пересечь такое бескрайнее пространство. Открывающийся из окна вид наполнял его чувством огромного, непомерного одиночества. В отдалении были видны несколько скал, изъеденных бесконечными ветрами. Здесь и там виднелись жесткие растения. В канавках сновали мелкие пустынные животные. Дюны переходили в дюны, один пустынный пейзаж — в другой.

Зачарованный своими воспоминаниями и бесшабашно ощущая собственную неуязвимость, Селим решил наконец, что он должен рано или поздно сделать. В первый раз это была счастливая случайность, но теперь юноша лучше знал, что надо делать.

Он должен еще раз оседлать песчаного червя. И теперь эта поездка будет не случайной.

Один из вопросов, на который Батлерианский джихад дал насильственный ответ, заключался в том, является ли тело человека простой машиной, которую может скопировать машина, сделанная руками человека. Исход войны со всей очевидностью ответил на этот вопрос.

Доктор Раджид Сук.
«Посттравматический анализ человека как вида»

Оснащенный новыми воинскими приспособлениями, сконструированными специально для того, чтобы вселять ужас в сердца людей, живших на Гьеди Первой, Агамемнон шагал на своих бронированных ногах, оставляя позади разрушенные предприятия и объятые пламенем дома города. У хретгиров не было ни малейшего шанса устоять.

Завоевание Гьеди Первой прошло без затруднений.

Вторгшиеся на планету орды машин рванулись вперед, нацеливаясь на жилые комплексы и предавая их огню, превращая цветущие парки в выжженные поля. В соответствии с приказом Агамемнона — данным во славу Омниуса — неокимеки и воины-роботы оставили в неприкосновенности промышленность Гьеди Первой.

Агамемнон поклялся, что разгром Гьеди Первой послужит расплатой за унижение, которое пережили кимеки на Салусе Секундус. Но даже теперь наблюдательные камеры всемирного разума витали в воздухе, следя за тем, насколько эффективно два титана руководят военной операцией.

Сопровождаемый своим верным товарищем Барбароссой, Агамемнон сканировал топографию столицы до тех пор, пока не обнаружил величественную резиденцию магнуса. Это было самое подходящее место для учреждения нового центра, где разместится синхронизированное правительство. То будет символический жест господства и вызов побежденному населению.

Воинская форма генерала кимеков представляла собой самое чудовищное нагромождение исполинских ног, какое он когда-либо носил. Электрические разряды возбуждали искусственные мышцы, натягивавшие прочные волокнистые тросы, которые, в свою очередь, приводили в движение снабженные смертоносным оружием конечности. Сгибая когти их пластичного текучего металла, он крушил строительные конструкции, воображая, что это черепа его врагов. Следом за Агамемноном шагал не менее чудовищно экипированный Барбаросса, смеявшийся от вида кровавого представления.

Переставляя свои многочисленные конечности, кимеки с грохотом проламывали себе путь сквозь обломки, усеявшие изуродованные улицы. Ничто не могло устоять на пути этих бывших некогда людьми военных вождей. Это положение напомнило старым боевым товарищам события тысячелетней давности, когда двадцать титанов завоевали Старую Империю, пройдя по мертвым телам своих врагов.

Так должно быть всегда. Разрушения только разжигали аппетит ненасытных убийц.

Перед нападением Агамемнон внимательно изучил систему обороны Гьеди Первой с помощью наблюдательных камер, которые машины запускали на ее поверхность под видом мелких метеоров. Проанализировав полученные данные, генерал кимеков состряпал блестящий тактический маневр, воспользовавшись несколькими слабыми звеньями планетарной обороны. Омниус был готов заплатить сколько потребуется для завоевания еще одной планеты Лиги Благородных, тем более что при проведении атаки не погиб не только ни один титан, потерь не было даже среди малоценных неокимеков. Был сбит только один управляемый роботами крейсер. Это, по мнению, Агамемнона, были вполне приемлемые потери.

Люди располагали здесь такой же системой разрушающих машинный разум полей, что и на Салусе Секундус, при этом передающие генераторы были сосредоточены в столице. Полевой генератор охранялся истребителями «кинжалами», непробиваемыми, по мнению строителей, укреплениями и массивными бронированными наземными боевыми машинами.

Дикий вид человека извлек уроки из нападения на Салусу. Но этого было недостаточно для того, чтобы уберечь поля от уничтожения.

Оборонительные силы Гьеди Первой, расположенные на внешних орбитах, были просто сметены превосходящими силами гигантского машинного флота. Омниус заранее примирился с любыми потерями среди роботов. Когда Агамемнон повел за собой обреченных на уничтожение роботов, у защитников планеты уже не было ни малейшего шанса остановить их.

Для того чтобы осуществить первый натиск, огромный крейсер роботов расположился точно над Гьеди-Сити, на борту крейсера находилось невообразимое количество взрывчатки. Десятки других автоматических крейсеров-роботов, двигаясь с машинной грацией, выстроились по периметру будущей зоны атаки. Ведомое экипажем из роботов огромное судно взревело всеми своими двигателями и, набрав полную скорость, устремилось к своей цели.

— Спускаемый аппарат продолжает сближаться с планетой, — доложил робот, командовавший крейсером, передавая изображения поля предстоящего сражения ожидавшим своей очереди истребителям. Впереди крейсера летели еще тридцать судов, выполняя отвлекающий маневр, но при этом на всякий случай нацеленные на ракеты наземного базирования. План был основан на грубой силе и подавляющем превосходстве, а не на военном искусстве. Тем не менее именно такой план обещал стать наиболее эффективным.

С работающим на полную мощность двигателем корабль-камикадзе, раскалившись добела, влетел в атмосферу Гьеди Первой. Скорость судна-снаряда была столь высокой, что на него не смогла среагировать ни одна противоракетная система планеты. Другие крейсеры тоже приблизились к губительному для них защитному полю. Стали видны серо-белые облака дыма в тех местах, где запущенные с крейсеров ракеты нашли свои цели. Число крейсеров уменьшалось, но сокращалось и расстояние, отделявшее их от поверхности планеты. Люди были не способны остановить весь флот вторжения.

Обреченный крейсер-робот отправил Омниусу последнее развернутое изображение Гьеди-Сити, чтобы всемирный ра-

зум имел полную картину завоевания планеты. Изображение передавалось до последней наносекунды, до того, как корабль вошел в зону действия поля, уничтожившего гелевые контуры машин типа А1. Изображение стало статичным, а потом и вовсе исчезло с экранов.

Однако судьбоносный джаггернаут продолжал нестись к мишени. Даже с нейтрализованными полем Хольцмана контурами исполинский крейсер, словно молот, падал в точно предназначенное для этого место.

«Кинжал» в смертельном таране атаковал крейсер, но неуправляемый корабль был настолько велик и прочен, что в результате атаки на нем осталось всего лишь несколько вмятин.

Гигантский мертвый крейсер рухнул на генераторы защитного поля в предместье Гьеди-Сити. В месте падения образовался кратер диаметром в полкилометра. Испарился генератор, погибли все оборонительные системы и выгорели близлежащие жилые кварталы. Опустошение было полным и окончательным.

Ударная волна снесла здания, находившиеся на расстоянии многих километров от места взрыва, еще дальше были выбиты все стекла. Защитное, сокрушающее машинный разум поле Хольцмана было нейтрализовано в мгновение ока, гвардия обороны Гьеди была смята и уничтожена.

После этого началось наступление сил вторжения — на планету высадились роботы и неокимеки.

— Барбаросса, друг мой, надо ли нам устроить торжественное вступление в поверженную столицу? — спросил Агамемнон, когда они подошли к резиденции магнуса.

— Конечно, так же, как мы сделали это, когда вслед за Тлалоком входили в ратуши столиц Старой Империи, — ответил старый боевой товарищ генерала титанов. — Сколько лет прошло с тех пор, как я был свидетелем столь славной победы.

Они легко провели восторженных неокимеков по содрогающейся от взрывов столице. Ошеломленные люди потеряли всякую способность сражаться. За кимеками маршировали роботы, спешившие закрепить успех и захватить территорию.

Хотя часть населения могла бежать и укрыться в подземных бункерах и убежищах, гражданское общество было сломлено и с течением времени должно было окончательно прекратить свое существование. Возможно, потребуются годы и годы, чтобы подавить последние очаги человеческого сопротивления. Несколько десятилетий машинам придется терпеть партизанские наскоки ополоумевших бывших солдат и командиров гвардии, которые будут воображать, что их комариные укусы смогут заставить оккупантов упаковать вещи и убраться восвояси. Организация групп сопротивления станет совершенно бесполезным делом, но такова уж глупая природа человека, и не приходится сомневаться, что местное население принесет ей дань. Агамемнон подумал, не доставить ли сюда Аякса, чтобы полностью завершить зачистку. Жестокий военный вождь кимеков в особенности любил охотиться за людьми, что он доказал во время восстания хретгиров на Валгисе. Как только они установят копию всемирного разума на пепелище Гьеди-Сити, он отправит свои соображения по этому поводу новому воплощению Омниуса.

Агамемнон и Барбаросса взломали ворота резиденции правителя, сделав пролом, через который смогли бы пройти их громадные тела. Тем временем в здание хлынули воины-роботы, гораздо меньшие по размерам, чем воители-кимеки. Через несколько секунд роботы выволокли из здания светловолосого магнуса Суми и поставили его перед великими титанами.

— Мы завоевали твою планету именем Омниуса, — объявил Барбаросса. — Отныне Гьеди Первая стала частью Синхронизированного Мира. Мы предлагаем вам сотрудничать с нами для консолидации победы.

Магнус Суми дрожал от страха, но нашел в себе мужество презрительно плюнуть на разбитые огромными ногами кимеков плиты парадного подъезда.

— Поклонись нам, — приказал Барбаросса.

Магнус рассмеялся.

— Вы сошли с ума. Я никогда...

Агамемнон отвел в сторону свою гладкую металлическую руку. Он еще не в полной мере свыкся со своим новым телом и не знал его возможностей. Он намеревался ударить прави-

теля по лицу, чтобы выразить охвативший его гнев. Но вместо этого рука нанесла удар такой силы, что торс человека развалился на мелкие кусочки, которые отлетели к дальней стене и упали в мгновенно натекшую лужу крови.

— Вот так, — произнес Барбаросса. — Впрочем, мое требование было простой формальностью.

Агамемнон направил на второго титана свои стекловолоконные оптические датчики.

— Принимайся за дело, Барбаросса. Эти роботы тебе помогут.

Титан — гений программирования — принялся разбирать электронные системы дома и монтировать новые силовые установки и ставить новые приборы. Выполнив проводку и поставив крепления, он установил в гнездо прочную гелевую сферу, в которую загрузил новейшую версию разума Омниуса.

Все это дело заняло несколько часов, в течение которых роботы сил вторжения передвигались по городу, занимаясь тушением пожаров и восстанавливая разрушенные промышленные предприятия, которые Агамемнон считал важными для дальнейшего развития планеты.

Роботы тем не менее не стали тушить пожары в жилых кварталах столицы. Здания продолжали гореть. Пострадавшим людям было предоставлено самим выбираться из бедственного положения. Несчастье поможет им понять всю безнадежность их положения.

Пролетавшие над головой надоедливые наблюдательные камеры фиксировали все происходящее. Но это можно было и потерпеть, то, что они фиксировали на этот раз, было полной и окончательной победой. Агамемнон не проявлял никаких признаков нетерпения или недовольства, зная, что сопротивление компьютерному всемирному разуму бесплодно. *Пока*. Для удара надо будет выбрать подходящее время и нужное место.

Когда новое воплощение всемирного разума будет установлено и активировано, Омниус наверняка не выразит ни одобрения действий двух титанов, одержавших блестящую победу, ни упреков по поводу гибели своего машинного джаггернаута. Для Омниуса это будет всего лишь хорошо прове-

денная военная операция, в результате которой в короне всемирного разума, а следовательно, и в составе Синхронизированного Мира, появится еще одна, завоеванная силой оружия, жемчужина человеческой цивилизации. Еще один психологический и стратегический успех.

Когда загрузка гигантского объема памяти Омниуса была наконец закончена, Агамемнон активировал новую копию распространенного и на эту планету всемирного разума. Система ожила, и всезнающий компьютер принялся исследовать свое новое владение.

— Добро пожаловать, лорд Омниус, — проговорил Агамемнон, обращаясь к настенным громкоговорителям. — Я предоставляю вам в дар еще одну планету.

Мы бываем на верху блаженства, когда планируем свое будущее, отбрасывая всякие ограничения с нашего оптимизма и силы воображения. К несчастью, Вселенная не всегда следует нашим планам.

Настоятельница Ливия Батлер.
Запись из личного дневника

Хотя свадьба Серены и Ксавьера была решенным делом, жених и невеста счастливо пережили изысканный банкет, который вице-король Манион Батлер дал в своем поместье на вершине холма по случаю их помолвки.

Эмиль и Луцилла Тантор доставили на банкет корзины яблок и груш из своих садов, а также огромные кувшины приправленного ароматическими травами оливкового масла, в котором обычно подавали свежеиспеченные праздничные рулеты. Манион Батлер поставил на столы жаркое из говядины, запеченную с пряностями птицу и фаршированную рыбу. Серена расставила на столах доставленные из ее теплиц яркие цветы, за которыми она умело ухаживала с самого детства.

Известные салусанские артисты украсили пестрыми лентами кусты живой изгороди внутреннего двора и демонстрировали там народные танцы. Женщины с украшенными драгоценными каменьями гребешками в темных волосах были одеты в белые одежды, покрытые затейливой вышивкой. Юбки развевались, как полотнища флагов, женщины кружились в танце, а щегольски одетые кавалеры расхаживали между ними с важным видом, как павлины во время брачных игр. Вечернюю прохладу оживляли звуки балисетов, на которых играли знаменитые музыканты.

Ксавьер и Серена были одеты изысканно и строго, как подобает гордому офицеру и талантливой дочери вице-короля Лиги. В начале вечера они обошли всех собравшихся гостей,

обращаясь по имени к представителям всех родовитых семейств. Им пришлось попробовать все вина, которые привезли со своих виноградников отпрыски аристократов Лиги. Ксавьер не мог насладиться вкусом вин и следил только за тем, чтобы не опьянеть — у него и так кружилась голова в предвкушении свадьбы.

Больше всех была взволнована Окта, младшая сестра Серены. Широко открытыми глазами смотрела она на чарующее великолепие старшей сестры и наяву грезила о таком же молодом офицере, который в один прекрасный день станет ее мужем.

Как это ни странно, но склонная к отшельничеству мать Серены, Ливия, приехала на праздник в имение Батлера. Супруга Маниона редко покидала Город Интроспекции, где она жила вдали от забот и ужасов суетного мира. Приют просвещенных философов существовал благодаря заботам Батлера. Первоначально этот город был основан как прибежище ученых, изучавших систему Дзен Хэ-киганьшу с планеты Дельта III Павонис, таврахский и талмудический забур и даже ритуалы обеах. Однако под патронажем Батлера город расцвел. На протяжении тысячелетий никто не видел столь благополучного города углубленных в науку философов.

Ксавьер не часто видел мать Серены, особенно в последние годы. Загорелая, с тонкими чертами лица, стройная Ливия Батлер отличалась цветущей красотой. Она от души радовалась помолвке своей дочери и с удовольствием танцевала со своим жизнерадостным мужем или сидела рядом с ним за праздничным столом. Она была вовсе не похожа на женщину, покинувшую свет.

В течение многих лет крепкий брак Ливии и Маниона вызывал зависть всех благородных семейств Лиги. Серена была старшим ребенком, но через два года у супругов родились двойняшки — тихая и застенчивая Окта и умный живой мальчик Фредо. Серена пошла учиться в политическую школу, а младшие брат и сестра воспитывались вместе, вырастая близкими по духу единомышленниками, хотя ни у одного из них не было таких честолюбивых амбиций, как у старшей сестры.

Фредо был очарован музыкальными инструментами, увлекался народной музыкой и музыкальными традициями ве-

личайших планет Старой Империи. Он упорно учился, чтобы стать музыкантом и поэтом. Окта же посвятила себя живописи и скульптуре. В салусанском обществе художники и творческие личности почитались не меньше, чем одаренные политики.

Однако в возрасте четырнадцати лет сладкоголосый Фредо умер от какого-то тяжелого заболевания. Кожа его покрылась пурпурными пятнами, в течение нескольких месяцев он худел, мышцы его становились все тоньше и слабее. Кровь перестала свертываться, а желудок перестал переносить даже самую жидкую похлебку. Салусанским врачам никогда не приходилось сталкиваться с такой болезнью. Вне себя от горя, Батлер обратился за помощью к Лиге.

Лекари Россака предложили целый ряд экспериментальных лекарств, изготовленных из грибов, растущих в джунглях, для лечения неизвестной болезни Фредо. Ливия настояла на том, чтобы врачи испробовали все возможные средства. К несчастью, юноша плохо отреагировал на третье лекарство. У него развилась аллергия, горло так распухло, что у Фредо начались судороги, и он перестал дышать.

Окта тяжело переживала смерть брата и, кроме того, начала опасаться и за свою жизнь. Врачи признали болезнь Фредо наследственной, поэтому Окта и ее старшая сестра могли в любой момент заболеть ею сами. Окта внимательно следила за своим здоровьем и проводила каждый день в страхе. Ей казалось, что в любой момент ее жизнь может закончиться так же страшно и трагично, как жизнь ее брата.

Отличавшаяся жизнерадостностью и оптимизмом Серена как могла утешала и воодушевляла сестру, играя роль жилетки, в которую Окта могла всегда выплакать свой страх. Мечты Окты потеряли всю свою живость, энергия покинула девушку. Она перестала заниматься любимым искусством, стала тихой и задумчивой. Теперь Окта превратилась в хрупкую девочку-подростка, которая надеялась, что какое-нибудь чудо снова воспламенит ее, вернув ей радость и полноту жизни.

Ливия, несмотря на то что ее супруг сделал блестящую политическую карьеру и пользовался все возрастающим авторитетом, Ливия, которая всегда отличалась живым темпераментом, удалилась от общественной и светской жизни в при-

бежище города ученых, где она сосредоточилась на философских и религиозных вопросах. Она жертвовала большие суммы на укрепление этой духовной крепости, на строительство палат медитации, храмов и библиотек. После многих бессонных ночей, проведенных в дискуссиях с Мыслящей Женой, Ливия стала настоятельницей Города Интроспекции.

После личной трагедии Манион Батлер целиком посвятил себя политике и делам Лиги, а Серена, ощутив на плечах груз ответственности, поставила перед собой более высокие и честолюбивые цели. Хотя она была не в состоянии вылечить своего брата, Серена решила бороться со страданиями других людей везде, где это было возможно. Она с головой окунулась в политику, начала бороться с рабством, которое все еще существовало на многих планетах Лиги, и принялась изыскивать способ свержения ненавистного ига мыслящих машин. Никто не мог упрекнуть Серену в недостатке предвидения и энергии...

Живя теперь порознь, Манион и Ливия Батлер оставались столпами салусанского общества. Супруги гордились достижениями друг друга. Они не были разведены, можно даже сказать, что духовно они стали ближе. Просто каждый шел по жизни своим путем. Ксавьер знал, что иногда мать Серены приезжает к Батлеру, проводит с ним ночи и наслаждается обществом дочери. Но каждый раз Ливия возвращалась в Город Интроспекции.

Помолвка Серены была событием достаточно важным для того, чтобы Ливия Батлер показалась в обществе. После того как Ксавьер четыре раза подряд протанцевал со своей будущей женой, настоятельница Ливия решила пригласить на танец своего будущего зятя.

Позже, когда салусанские менестрели заиграли бесконечную «Балладу долгого пути», Ксавьер и Серена покинули гостей и отправились в замок. Ливия рыдала, глядя на музыкантов и вспоминая своего Фредо, который так хотел стать исполнителем народных мелодий... Сидевший рядом Манион Батлер ласково гладил жену по волосам, стараясь смягчить ее безутешное горе.

Все время, пока продолжался вечер в их честь, Серене и Ксавьеру приходилось соблюдать приличия и занимать гос-

тей, послушно пробуя вина и кушанья. Они смеялись любой остроте, какой бы плоской она ни оказалась, чтобы не обидеть представителей выдающихся семейств. Теперь они хотели только одного — хотя бы на несколько мгновений остаться наедине.

Они выскользнули из зала и торопливо пошли по коридорам замка мимо раскаленных кухонь и пахнувших пряностями кладовых к маленькой комнатке, расположенной рядом с павильоном Зимнего Солнца. Зимой косые лучи низкого солнца заливали помещение бронзовым радужным светом. Это было место, где семейство Батлеров имело обыкновение завтракать в холодное время года, наслаждаясь беседами и видом восходящего солнца. Это было, кроме того, место, с которым у Серены были связаны дорогие ее сердцу воспоминания.

Они вошли в уютный альков, стены которого были обшиты блестящими панелями. Несмотря на это украшение, в алькове царил полумрак. Серена притянула к себе Ксавьера и поцеловала его в губы. Он погладил ее по волосам и, исполненный жгучего желания, приник к ее губам в долгом страстном поцелуе.

В холле послышались торопливые шаги, возлюбленные застыли, затаив дыхание, беззвучно смеясь над своим тайным свиданием. Но Окта легко обнаружила их убежище. Зардевшись от смущения, девушка отвела взгляд.

— Вы должны вернуться в банкетный зал. Отец уже распорядился подавать десерт. И самое главное, прибыл посланник с какой-то планеты.

— Посланник? — Тон Ксавьера внезапно стал по-военному четким и сухим. — Откуда?

— Он прибыл в Зимию и потребовал аудиенции в парламенте Лиги, но поскольку все аристократы здесь, то сейчас он направляется к нам.

Выставив локти, Ксавьер предложил обеим сестрам опереться на его руки.

— Пойдем в зал вместе и послушаем, что скажет нам посланник. — Стараясь говорить легкомысленным тоном, Ксавьер добавил: — В конце концов, я сегодня так и не поел. Пожалуй, мне стоит съесть миску жареной драчены и блюдо запеченных сладких яиц.

Окта хихикнула, но Серена притворно нахмурилась.

— Кажется, мне придется всю жизнь прожить с толстым мужем.

Они вошли в зал, где сидевшие за длинным столом гости воздавали должное роскошному десерту, который выглядел настолько красиво, что его жалко было есть. Манион и Ливия Батлер, сидевшие во главе стола, встали, чтобы провозгласить тост за здоровье жениха и невесты.

Пригубив вино, Ксавьер вдруг ощутил нотки беспокойства в голосе вице-короля. Все гости делали вид, что их не очень волнуют вести, которые сейчас сообщит им посланник какой-то неизвестной планеты. Однако в тот миг, когда раздался стук в дверь, все перестали дышать. Манион Батлер сам открыл дубовые створки богато убранной двери и пригласил прибывшего войти в зал.

Перед собравшимися предстал не официальный курьер Лиги. У человека были беспокойные глаза, а его офицерский мундир был запылен и помят. Чувствовалось, что офицеру было сейчас не до официального протокола и соблюдения светских приличий. Ксавьер узнал знаки различия внутренней гвардии Гьеди Первой. Офицерская форма, как форма всех планет Лиги, была украшена золотым значком свободного человечества.

— Я привез тревожные вести, вице-король Батлер. Самый быстрый корабль доставил меня к вам.

— Что произошло, молодой человек? — В голосе Маниона прозвучал плохо скрытый страх.

— Гьеди Первая пала жертвой мыслящих машин.

Послышались крики недоверия, и офицеру пришлось повысить голос.

— Роботы и кимеки нашли уязвимое место в нашей обороне и вывели из строя генераторы защитного поля. Многие наши люди убиты, а уцелевшие обращены в рабов. Новый всемирный разум Омниус уже активирован.

Люди в зале издали единодушный вопль ужаса, услышав новость об этом сокрушительном поражении. Ксавьер так сжал руку Серены, что испугался, не сделал ли он ей больно. Внутренне он окаменел, ощутив холодную тяжесть в желудке.

Он только недавно вернулся с Гьеди Первой, где инспектировал состояние ее систем обороны. Тогда Ксавьер горел

желанием поскорее закончить осмотр, чтобы быстрее вернуться к Серене. Неужели он что-то пропустил? Он зажмурил глаза, и выкрики и вопросы, звучавшие в зале, слились для него в неразборчивый гул. Виноват ли он в происшедшем несчастье? Неужели небольшая ошибка, легкое нетерпение влюбленного молодого человека могли стать причиной падения целой планеты?

Чтобы сохранить равновесие, Манион Батлер уперся в стол обеими ладонями. Ливия, желая поддержать мужа в трудную минуту, положила руку на его плечо. Закрыв глаза, настоятельница беззвучно произносила молитву.

Вице-король заговорил:

— Еще одна свободная планета пала и стала частью Синхронизированного Мира. Я уже не говорю о том, что эта планета была нашим наследственным держанием. — Он выпрямился и судорожно перевел дух. — Мы должны немедленно собрать военный совет и вызвать сюда всех представителей Лиги Благородных. — Многозначительно взглянув на Серену, он добавил: — Надо разослать приглашения также всем, кто выступает от имени несоюзных планет, но желает присоединиться к нам в нашей борьбе.

Всё во Вселенной содержит порок и изъяны, включая нас самих. Даже сам Бог не пытается добиться совершенства в творениях Своих. Только человечество упрямо и непрестанно совершает эту глупость в своей непомерной гордыне.

Мыслящая Жена. Архивы Города Интроспекции

Ее неистовые крики оглашали стоявший на скалах город, возвышавшийся над серебристо-пурпурными джунглями. Зуфа Ценва, обливаясь потом, корчилась на подушках в своих личных апартаментах. Она кричала от боли, сжав зубы и уставившись в потолок остекленевшими глазами.

Одна, совсем одна. Никто не осмелился приблизиться к впавшей в неистовство колдунье Россака.

Металлические занавески входной двери скрежетали от кинетической энергии дуновения телепатического потока. Стенные полки содрогались от психических всплесков Зуфы. Упавшие горшки и футляры валялись на полу в полном беспорядке.

Светлые волосы Ценва встали дыбом и шевелились, как клубок змей, движимые ее внутренней энергией. Белые руки, словно тиски, сжимали спинки лежанки. Если бы какая-нибудь женщина осмелилась в этот момент подойти к Ценва, чтобы успокоить ее, она бы расцарапала такой доброжелательнице лицо и силой телепатической энергии расплющила бы ее о чисто выбеленную стену.

Она снова закричала. Главная колдунья уже пережила несколько выкидышей, но ни один из них не был столь мучительным и разрушительным, как этот последний. Молча проклинала Зуфа Аврелия Венпорта.

Спина Зуфы сотрясалась, словно ее били электрическим током. Мелкие, красиво отделанные предметы взлетали в воздух, словно их дергали за невидимые упругие нити, а потом

разлетались в разные стороны, падали и разбивались на мелкие осколки. Один цветочный горшок, окантованный металлом, с засушенными цветами, раскалился докрасна и с треском распался на дымящиеся куски.

Она судорожно вздохнула, когда по ее телу прошла еще одна мучительная судорога, сжавшая живот, словно тисками. Казалось, что неродившийся ребенок хочет убить ее, замучить до смерти, прежде чем она сумеет вытолкнуть его из матки.

Еще одна неудача! А она так отчаянно хотела произвести на свет истинную свою дочь, наследницу, которая повела бы всех ее товарищей колдуний к новым высотам в постижении ментальной энергии. Ее снова подвел генетический индекс. Проклятый Венпорт и его ублюдок! Надо было давно его бросить.

Будучи вне себя от боли и отчаяния, Зуфа от всей души желала убить человека, зачавшего ребенка, хотя это именно она сама настояла на сохранении беременности. Господи, она же так тщательно подсчитала все генетические варианты, проследила все родословные! Спаривание с Венпортом должно было дать элитных отпрысков.

Ничего подобного у них не вышло.

Телепатические взрывы следовали один за другим, сотрясая здание и повергая в панический ужас женщин Россака. Потом Зуфа заметила Аврелия Венпорта, который собственной персоной стоял у порога комнаты, охваченный беспокойством и тревогой. Глаза его были исполнены заботы и сострадания.

Но Зуфа доподлинно знала, что он лжец и притворщик.

Не заботясь о собственной безопасности, Венпорт вошел в спальню, проявляя терпение, заботу и спокойствие. Ментальные всплески его возлюбленной бушевали в комнате, опрокидывая мебель. В яростной попытке уничтожить его она смела с полок несколько пустотелых скульптур, которые он дарил ей во время ухаживания и генетического тестирования.

Не обращая внимания на эти вспышки ярости, он шагнул вперед, словно его не касалась эта дикая злоба. В холле за его спиной раздались голоса, призывавшие к осторожности, но Венпорт не обратил на них ни малейшего внимания. Он по-

дошел к ложу своей возлюбленной с улыбкой сострадания и понимания.

Венпорт опустился на колени возле лежанки и погладил потную руку измученной Зуфы. Потом он наклонился к ее уху и зашептал какой-то сочувственный и утешительный вздор. Она не смогла разобрать ни одного слова и сдавила его руку, от всей души надеясь, что сейчас услышит треск его ломающихся пальцев. Но странное дело, он остался рядом с ней, ни в коей мере не устрашенный ее ментальными всплесками и бешенством.

Зуфа начала выкрикивать ему в лицо обвинения в измене:

— Я чувствую твои мысли! Я знаю, что ты думаешь только о себе.

В своем воображении она уже видела сплетенный заговор, который она, в своем горячечном бреду, поспешно приписала злой воле Аврелия Венпорта. Если великая Зуфа Ценва перестанет опекать его, то кто возьмет его к себе как питомца, как бездомную собачонку? Кто станет заботиться о нем? Она очень сомневалась, что этот человек способен сам заботиться о себе.

Потом в ее душу закрался страх.

Вдруг он способен на это?

Венпорт послал Норму в далекое путешествие на Поритрин, устроив все за спиной Зуфы, потому что думал, что такой человек, как Тио Хольцман, действительно хочет работать с ее дочерью. Что он задумал? Она заскрежетала зубами, желая доказать ему, что ей понятны его намерения. Ее угрозы перемежались судорожными вздохами.

— Ты... не можешь... дать мне умереть, ублюдок! Никто другой... не захочет иметь... тебя!

Но он в ответ посмотрел на нее спокойным, немного покровительственным взглядом.

— Ты много раз говорила мне, что я происхожу из хорошей генотипической линии, моя дорогая. Но я не хочу быть ни с кем из других колдуний и предпочитаю остаться с тобой.

Он понизил голос, глядя на нее с такой любовью, что она не смогла проникнуть в ее глубину.

— Я понимаю тебя лучше, чем ты сама понимаешь себя, Зуфа Ценва. Ты всегда давишь, всегда требуешь, чтобы чело-

век дал больше, чем он может. Никто — даже ты сама — не может быть совершенством все время.

Испустив долгий мучительный вскрик, она вытолкнула наконец из своего чрева деформированный жесткий плод, уродливое и странное создание. Увидев кровь, Венпорт громко позвал помощниц, и две смелые акушерки бросились в спальню. Одна из них взяла полотенце и накрыла им извергнутый плод, а вторая обмыла промежность Зуфы и умастила ее болеутоляющими мазями. Венпорт прислал лучшие лекарства из своих личных запасов.

Наконец он сам взял извивающийся плод, с трудом удержав в руках кровавую куколку. У плода была темная кожа, покрытая странными пятнами. Казалось, что все лишенное рук и ног тело покрыто бесчисленными глазами. Плод дернулся и перестал двигаться.

Венпорт завернул его в полотенце, стараясь не обращать внимания на подступившие к глазам слезы. Сохраняя на лице каменное выражение, Аврелий вручил изуродованный плод одной из акушерок, не произнеся при этом ни слова. Плод отнесут в джунгли, и никто больше не увидит его.

Измученная колдунья, содрогаясь всем телом, лежала на спине, только теперь приходя в себя и начиная понимать, где она находится и что с ней происходит. Ею вновь овладело отчаяние. Выкидыш нанес ей непоправимую травму, погрузил ее в печаль, сила которой намного превосходила горечь от провала так хорошо задуманной селекционной программы. Предметы в ее поле зрения вновь обрели привычную четкость, и она заметила, какие разрушения произвели в комнате ее психокинетические взрывы. Все вокруг говорило о слабости, о потере контроля над собой и ситуацией.

Это был уже третий выкидыш от ее связи с Венпортом. В душе Зуфы закипел гнев, ее охватило чувство глубокого разочарования.

— Я выбрала тебя за твою безупречную родословную, Аврелий, — процедила она сквозь сухие губы. — Что было сделано неправильно?

Он взглянул на нее без всякого выражения, словно его страсть смыло внезапно нахлынувшей волной.

— Генетика не принадлежит к числу точных наук.

Зуфа закрыла глаза.

— Неудача, снова неудача.

Она была самой могущественной колдуньей Россака, но и ей пришлось пережить так много разочарований. Вздохнув от отвращения, Зуфа подумала о своей коротышке-дочери, не желая даже в мыслях допустить, что этот уродливый карлик — лучшее, чего она сумела добиться.

Венпорт покачал головой. Теперь, когда опасность миновала, его лицо приобрело суровое и нетерпеливое выражение.

— У тебя были успехи, Зуфа. Ты просто так и не научилась узнавать их.

Она заставила себя расслабиться, чтобы отдохнуть. Со временем она попробует еще раз, но уже с другим партнером.

Слишком хорошо организованное исследование ограничивает разум и с гарантией не приносит ничего нового.

Тио Хольцман. Письмо лорду Нико Бладду

Прибыв в конце своего первого дальнего космического путешествия на Поритрин, Норма почувствовала себя не в своей тарелке. Ее малорослость привлекала сочувственные взгляды, но все же формы ее тела были не настолько необычны, чтобы на нее оборачивались или показывали пальцами. На несоюзных планетах жили люди разных рас, и некоторые расы отличались малым ростом и короткими конечностями. Впрочем, все это не очень сильно занимало Норму. Ей хотелось только одного — произвести благоприятное впечатление на Тио Хольцмана.

До отбытия Нормы на Поритрин ее высокомерная и отчужденная мать смотрела на дочь с примесью презрительной озадаченности. Зуфа пришла к выводу, что блистательный савант Хольцман либо ошибся в отношении ее дочери, либо слишком поспешно прочел одну из ее математических теорий. Зуфа надеялась, что дочь не задержится на Поритрине и скоро вернется домой.

Аврелий Венпорт уладил сам все формальности и даже из своих личных средств оплатил более уютную и удобную каюту, чем та, которую предложил Хольцман. Так как ее мать была занята подготовкой колдуний, Аврелий проводил Норму до пересадочной станции на орбите Россака. Перед тем как она ступила на борт судна, Аврелий Венпорт подарил ей на прощание красивый окаменевший цветок и сердечное объятие. Махнув рукой, он произнес с кривой усмешкой:

— Мы с тобой оба приносим лишь разочарование и должны держаться друг за друга.

Всю дорогу до Поритрина Норма вспоминала это теплое, но очень тревожное напутствие своего старшего друга.

Когда челнок приземлился в дельте города Старда, Норма аккуратно воткнула цветок Венпорта в свои редкие сероватые волосы. Это был островок красоты, выглядевший разительным контрастом на фоне ее некрасивого широкого лица, большой головы и шарообразного носа. На девочке были надеты свободная блузка и удобные брюки из натурального волокна.

Норма затерялась в толкотне пассажиров, столпившихся у люка челнока. По счастью, у нее был с собой лишь небольшой чемоданчик. Выбравшись наконец в проем люка, Норма почувствовала необыкновенное стеснение. Ей захотелось скорее встретиться с ученым, которым она заочно восхищалась, с мыслителем, который воспринял ее всерьез. Она слышала множество рассказов о математическом даре Тио Хольцмана, и ей очень хотелось участвовать в развитии какой-либо отрасли, до которой у Хольцмана пока не дошли руки. Она от души надеялась, что не подведет ожидания прославленного саванта.

Осмотрев толпу встречающих, она сразу узнала именитого ученого. Гладко выбритый человек с длинными, до плеч, седыми волосами. Выглядел он пожилым, но еще совсем не старым человеком. Руки и ногти были тщательно ухожены, одежда безупречна и украшена многочисленными регалиями и значками. Он встретил Норму широкой улыбкой и раскрыл руки так, что широкие рукава скользнули к плечам, обнажив руки.

— Добро пожаловать на Поритрин, госпожа Ценва.

Хольцман в традиционном приветствии положил обе ладони на плечи девочки. Если он и испытал какое-то разочарование от физического облика Нормы, то не выказал этого ни единым жестом или словом.

— Я от всего сердца надеюсь, что вы привезли с собой ваше блестящее воображение. — Он протянул руку в направлении выхода. — Нам предстоит большая совместная работа.

Он провел ее сквозь толпу, заполнявшую космопорт, подальше от взглядов праздных зевак, потом, в стороне от здания космопорта, он усадил ее в роскошную летающую баржу, которая, взмыв в воздух, понеслась над городом Старда и живописной долиной реки Исана.

— Поритрин — мирная и безмятежная планета, где я могу позволить моему уму свободно блуждать и размышлять о вещах, которые помогут спасти и сохранить род людской. — Хольцман горделиво улыбнулся и посмотрел на девочку. — Я ожидаю от тебя того же.

— Я сделаю все, что смогу, савант Хольцман.

— О чем еще может мечтать человек?

Небеса Поритрина были покрыты легкими облаками, которые послеполуденное солнце окрасило в лимонно-желтый цвет. Баржа скользила над похожими на пальцы потоками воздуха, поднимавшимися от подвижных островов и песчаных дюн. Традиционные лодки плыли по течению широкой реки с зерном и грузами, направляясь в порты, из которых грузы отправляли в другие города и на иные планеты. В обмен на это с других планет Поритрин получал сырье, оборудование, промышленные товары и рабов для восполнения убыли в рабочей силе.

Некоторые из самых высоких зданий космопорта в действительности представляли собой огромные лодки, то есть эти здания располагались на понтонах, стоявших на якорных стоянках посреди реки, прикованные к песчаниковым глыбам. Крыши этих зданий были сложены из слоев серебристо-голубого металла, выплавленного в далеких северных шахтах.

Хольцман широким жестом указал на утес, возвышавшийся над голубыми крышами Старды, застроенной по принципам классической навахристианской архитектуры.

— Мои лаборатории расположены на вершине этого утеса. Основные здания и вспомогательные постройки, жилье рабов и вычислителей, а также мой дом — все встроено в ту двойную спираль, вырубленную в скале.

Летающее судно по окружности приблизилось к двум каменным секциям, которые, подобно двум сплетенным пальцам, поднимались над берегом реки. Норма разглядела окна из листового плаза, крытые балконы и переходы, связывавшие купол одной спирали с конической башней с пристройками, венчавшей вторую спираль.

Хольцман не без удовольствия отметил изумление, отразившееся в глазах девушки.

— Норма, мы приготовили для тебя апартаменты, помимо твоей личной лаборатории с командой помощников, которые будут выполнять вычисления на основе твоих теорий. Надеюсь, что ты сумеешь загрузить их работой.

Норма озадаченно посмотрела на Хольцмана.

— Кто-то другой будет выполнять математические вычисления?

— Конечно!

Хольцман откинул со лба прядь серо-стальных волос и поправил на себе белую накидку.

— Ты — человек идеи точно так же, как и я. Мы хотим, чтобы ты развивала концепции, не заботясь об их конкретном приложении. Ты не должна терять свое драгоценное время на выполнение утомительных арифметических действий. Любой малограмотный человек сможет это сделать. Для этого и существуют рабы.

Когда летающее судно приземлилось на блестящие плиты посадочной палубы, подбежавшие слуги взяли багаж Нормы и предложили ей и Хольцману прохладительные напитки. Хольцман, которому, как мальчишке, хотелось не ударить лицом в грязь, повел Норму в свою лабораторию. Огромные помещения были заставлены водяными часами и магнитными скульптурами, в которых по магнитным дорожкам, без всяких проволок или подвесок, обращались замысловатые сферы. Наброски и незаконченные чертежи покрывали электростатические столы. На листах, разбросанных вокруг столов, можно было видеть незаконченные длинные математические вычисления.

Оглядевшись, Норма поняла, что Хольцман оставил неоконченными больше концепций, чем она сумела отыскать за всю свою короткую жизнь. Даже если это и так, то многие листы бумаги, испещренные формулами или геометрическими фигурами, успели пожелтеть от времени. Чернила выцвели, а края листов истрепались.

Взмахнув своим широким рукавом, Хольцман сбросил со столов эти интересные вещи.

— Это просто игрушки, забавные безделицы, которые я держу здесь для собственного удовольствия.

Он ткнул пальцем в подвешенный в электрическом поле серебристый шар, который, сместившись, заставил обращавшиеся вокруг него шары, имитировавшие небесные тела, закружиться по опасным орбитам.

— Иногда я забавляюсь ими, чтобы вдохновиться, но обычно они заставляют меня задуматься о других игрушках, а не оружии массового разрушения, которое мне приходится изобретать для спасения рода человеческого от тирании мыслящих машин. — Рассеянно нахмурившись, Хольцман продолжил: — Моя работа ограничена тем, что я не имею возможности пользоваться сложными компьютерами. Для того чтобы выполнять огромные вычисления, необходимые для проверки теорий, мне приходится полагаться на возможности человеческого разума и способность человека к вычислениям. Пойдем, я покажу тебе своих вычислителей.

Он повел девочку в ярко освещенное помещение с высокими окнами. Внутри помещения ровными рядами были расставлены одинаковые скамьи и письменные столы. За каждым рабочим местом, сгорбившись, сидели вычислители с калькуляторами. По их бедной одежде и скучному выражению лиц Норма без труда поняла, что это некоторые из многочисленных поритринских рабов.

— Это единственный способ, каким мы можем имитировать способности мыслящих машин, — принялся объяснять Хольцман. — Компьютер может совершать миллиарды операций. Мы не можем этого делать, но, собрав достаточное количество людей, обученных производить вычисления и работающих согласованно друг с другом, мы также можем совершать миллиарды вычислений. Правда, на это у нас уходит несколько больше времени, чем у компьютера.

Он спустился в узкий проход между скамьями вычислителей, которые яростно выписывали на листы бумаги колонки цифр и математических символов, проверяли и перепроверяли результат и передавали его затем следующему вычислителю для последующей обработки.

— Даже самые сложные математические расчеты можно разбить на последовательность тривиальных шагов. Каждый из этих рабов обучен решать одно определенное уравнение, то есть они работают как на сборочном конвейере. Вместе

этот коллективный человеческий разум способен творить подлинные чудеса.

Хольцман оглядел комнату, видимо, ожидая, что вычислители приободрятся от его слов, но эти люди продолжали заниматься своей работой, глядя на цифры из-под полуопущенных, припухших от утомления век, не интересуясь ни конечными результатами своего труда, ни более общей картиной замысла теоретика.

Норма не испытывала к этим людям ничего, кроме истинного сочувствия, так как ее саму долгое время оскорбляли и игнорировали. Она знала, правда, чисто теоретически, что на многих планетах Лиги процветает самое настоящее рабство так же, как и на планетах, покоренных мыслящими машинами. Тем не менее Норме казалось, что эти люди счастливы заниматься интеллектуальным трудом вместо того, чтобы гнуть спину на сельскохозяйственных работах.

Сделав широкий жест, Хольцман обвел рукой помещение.

— Любой из этих вычислителей окажется в твоем распоряжении, Норма, как только тебе потребуется верифицировать какую-либо теорию. Естественно, следующим шагом станет построение модели для дальнейшей проверки и развития. У нас множество лабораторий и испытательных стендов, но самая главная часть работы совершается вначале, — он постучал пальцем по своему лбу, — только здесь. — Хольцман заговорщически улыбнулся Норме и понизил голос: — Ошибки, конечно, возможны и на нашем уровне. Если даже это произойдет, будем надеяться, что у лорда Нико Бладда хватит терпения не уволить нас со службы.

Только узколобые люди не видят, что невозможное можно определить как отсутствие воображения и побудительных мотивов.

Серена Батлер

Ксавьер Харконнен недовольно ерзал на зеленом парчовом диване, стоявшем в вестибюле замка Батлера. Офицерская форма не была предназначена для столь роскошной мебели. Стены были увешаны вставленными в золотые багеты портретами предков Маниона Батлера. Среди них был один карикатурного вида джентльмен с напомаженными усами и в живописной треугольной шляпе.

Бесконечно занятый по службе, Харконнен выкроил часок и забежал сюда, чтобы сделать приятный сюрприз Серене, но слуги попросили его подождать. В вестибюль спустилась смущенная Окта и принесла Ксавьеру холодный сок. Хотя Ксавьер всегда смотрел на Окту только как на младшую сестру Серены, сейчас он вдруг заметил, что она превратилась в красивую молодую женщину. Учитывая, что Серена была уже помолвлена, Окта могла теперь рассчитывать на собственное замужество; если бы только она смогла преодолеть свою застенчивую влюбленность в него.

— Серена не ждала вас, но она скоро выйдет. — Окта отвела взгляд в сторону. — Она встречается сейчас с какими-то людьми очень официального вида — с мужчинами и женщинами, какие-то люди пронесли туда электронную аппаратуру, причем эти люди одеты в форму милиции. Наверное, это связано с ее парламентскими делами.

Ксавьер мимолетно улыбнулся.

— У нас обоих так много всяких проектов, но что делать, коли настали такие тяжелые времена.

Пока Окта занималась тем, что поправляла на полках книги и статуэтки, Ксавьер мысленно перенесся на заседание парламента, на котором он присутствовал два дня назад. Расстроенная трагическим падением Гьеди Первой, Серена попыталась сплотить представителей сильнейших планет Лиги, надеясь организовать спасательную операцию. Она всегда хотела что-то делать, созидать, и именно за это Ксавьер так ее любил. Хотя другие приняли поражение, смирились с ним и ежились от страха, думая, кто будет следующей жертвой Омниуса, Серена хотела вмешаться и спасти погибающий мир. Любой мир.

Одетая в длинное платье, она произнесла пылкую речь, выступая с трибуны временного Дома парламента.

— Мы не можем просто так сдать Гьеди Первую! Мыслящие машины преодолели уничтожающее поле, убили магнуса, поработили народ и с каждым днем все сильнее дают знать о своем существовании. Должно быть, в тылу машин остались уцелевшие бойцы внутренней гвардии, а мы знаем, что на Гьеди осталась недостроенная система защитных полей. Возможно, мы сумеем наладить ее работу! Мы должны сами начать сражение, пока мыслящие машины не успели основать свою инфраструктуру. Если мы будем ждать слишком долго, они станут неуязвимыми!

— Насколько мы знаем, они уже стали неуязвимыми, — проворчал представитель промышленной колонии Вертри.

Следом за ним заговорил чиновник с Занбара.

— Отправить Армаду на Гьеди Первую — это чистой воды самоубийство. Там не осталось разрушающих полей, поэтому планета лишена обороны и машины просто перебьют нас в прямом столкновении.

Серена вытянула палец в сторону нервничающего зала.

— Это совершенно не обязательно. Если мы сможем проскользнуть на планету, закончить работу и прикрыть планету новым полем, то тогда, быть может, нам удастся перерезать...

Члены Лиги откровенно смеялись над таким предложением. Видя расстроенное лицо Серены, Ксавьер испытал жгучую жалость к девушке. Но она не понимала всех трудностей, связанных с ее наивными предложениями. Было решительно невозможно восстановить защитную систему Гьеди Первой

под носом мыслящих машин. Во время своей инспекционной поездки Ксавьер убедился в том, что потребуется несколько недель работы техников и инженеров — и это в идеальных условиях — для того, чтобы сделать работоспособной систему новых защитных полей, разрушающих гелевые контуры мыслящих роботов.

Но Серена была не из тех людей, которые легко отказываются от своих идей. Она должна была пытаться что-то делать. К действию ее побуждало воображение, она отчетливо представляла себе страдания многих миллионов ни в чем не повинных людей.

Голосование закончилось сокрушительным поражением Серены Батлер.

— Мы не можем расходовать ресурсы, боеприпасы и жертвовать людьми в ненужной экспедиции на планету, которая уже потеряна для человечества. Теперь это крепость и оплот мыслящих машин.

Аристократы боялись за свои местные системы защиты.

Эта работа занимала почти все время Ксавьера. Как офицер Армады он проводил совещания с другими офицерами и парламентскими представителями, включая и вице-короля Батлера. Ксавьер твердо решил разобраться, что произошло с системой обороны Гьеди-Первой, был ли он лично виноват в этом.

Специалисты по тактике Армады изучили отчеты об инспекционной поездке и уверили Ксавьера, что он не мог ничего сделать, чтобы предотвратить захват планеты. Все дело было в нехватке сил, для отражения нападения пришлось бы держать на орбитах всех планет весь боевой флот Лиги. Если бы Омниус решил пожертвовать частью своих мыслящих машин для преодоления защитного разрушающего поля, то ни одна планета не могла бы чувствовать себя в безопасности. Но эта информация не улучшила настроение Ксавьера.

На Поритрине Хольцман без устали работал над созданием новой конструкции разрушающего защитного поля. Лорд Бладд был полон оптимизма и был уверен в своем саванте, особенно с тех пор, как тот взял себе в помощники молодого одаренного математика — дочь колдуньи Зуфы Ценва. Ксавьер надеялся, что ученому удастся в самом ближайшем будущем создать что-то для того, чтобы переломить ситуацию.

В вестибюль торопливо вошла раскрасневшаяся от быстрой ходьбы и оттого еще более красивая Серена и обняла Ксавьера.

— Я не думала, что ты сможешь прийти.

Окта незаметно выскользнула в боковую дверь.

Ксавьер посмотрел на украшенные орнаментом часы на камине.

— Хотел сделать тебе сюрприз, но сейчас мне надо уже идти. Служба. Сегодня мне предстоит долгое совещание.

Она озабоченно кивнула.

— С того дня, когда мы получили известие о поражении на Гьеди Первой, мы все стали заложниками вечных совещаний. Мне кажется, что я уже не помню, во скольких комитетах я заседаю.

Он решил поддразнить Серену.

— Не могу ли и я быть приглашенным на это таинственное собрание?

В ответ она принужденно рассмеялась.

— Вот как? Армада Лиги недостаточно загружает тебя делами и ты решил посидеть еще и на моих скучных собраниях? Вероятно, мне имеет смысл поговорить с твоим новым командиром.

— Нет, благодарю, не стоит этого делать, моя дорогая. По мне, лучше сразиться с десятью кимеками, чем пытаться переубедить тебя.

Она ответила на его поцелуй с неожиданной страстностью. Он, тяжело дыша, отступил на шаг и поправил форму.

— Мне пора идти.

— Могу я сегодня пригласить тебя на ужин? Небольшое тет-а-тет, мы будем вдвоем.

Ее глаза сверкнули.

— Для меня это очень важно, особенно сейчас.

— Я обязательно приду.

Облегченно вздохнув — ей удалось усыпить подозрения Ксавьера, — Серена вернулась в комнату Зимнего Солнца, где собралась ее команда. Женщина смахнула со лба бисеринку пота. Несколько лиц повернулись к ней, и она подняла руку, чтобы успокоить людей.

Полуденное солнце заливало светом кресла. Стойки и обеденный стол были завалены планами, картами и списками припасов.

— Давайте вернемся к делу, — произнес седой ветеран Орт Вибсен. — У нас не так много времени, если вы хотите привести все это в действие.

— Это полностью совпадает с моими намерениями, коммандер Вибсен. Те, кто в этом сомневался, должно быть, уже давно покинули нас.

Отец Серены был свято уверен в том, что в комнате Зимнего Солнца его дочь проводит время за чтением книг, но на самом деле она занималась составлением схем, собирала добровольцев, опытных людей и сырье. Никто не мог остановить Серену Батлер, если дело касалось гуманитарных акций.

— Я пыталась делать все по официальным каналам и заставить Лигу действовать, — сказала она, — но некоторых людей приходится буквально силой принуждать к правильным решениям. Их надо тащить к ним, как упрямых салусанских жеребцов.

После того как парламент высмеял ее за «наивные благоглупости», Серена покинула временный зал заседаний, но не смирилась со своим поражением. Она решила сменить тактику, даже если для этого ей пришлось бы организовывать и финансировать миссию самой.

Когда Ксавьер узнает о ее планах, ее уже нельзя будет остановить, и он сможет гордиться своей будущей супругой.

Сейчас она изучала команду, которую она создала из самых проверенных офицеров Армады. Здесь были ветераны десантных операций — капитаны, интенданты и даже специалисты по войсковой разведке и действиям в тылах противника. Десять человек, обернувшись, пытливо вглядывались в ее лицо. Она щелкнула пультом дистанционного управления и прикрыла верхние жалюзи. В комнате стало темнее, хотя солнечный свет продолжал скупо поступать в комнату сквозь щели.

— Если мы сумеем отбить у машин Гьеди Первую, то это будет вдвойне победа, главным образом моральная победа над мыслящими машинами, — сказала Серена. — Мы покажем им, что они не смогут долго держать нас в рабстве.

Вибсен выглядел так, словно ни на минуту не прекращал сражаться, хотя на самом деле он уже лет десять был не у дел.

— Все мы будем счастливы выполнить задачу, которая даст ощутимый результат. У меня просто руки чешутся поскорее схватиться с этими проклятыми машинами.

Орт Вибсен был старым космическим капитаном, которого вынудили подать в отставку якобы из-за возраста, но, как поговаривали, уволили его за жесткий характер, споры с начальством и невнимание к приказам. Несмотря на свою грубость, это был как раз тот человек, который, как полагала Серена, мог возглавить экспедицию, которую другие члены Лиги объявили безумной или по меньшей мере не мудрой.

— У вас есть такая возможность, коммандер, — сказала она.

Пинкер Джибб, кудрявый и все еще изможденный посланец с завоеванной Гьеди Первой, который принес в Лигу страшную весть, неестественно выпрямившись сидевший у стола, оглядел комнату.

— Я передал вам весь материал, который был вам нужен. Я писал подробнейшие рапорты. Вспомогательный генератор поля был почти готов, когда машины атаковали нашу планету. Нам надо было незаметно вернуться и запустить систему. — Его затравленные глаза сверкнули яростью. — Уцелели многие солдаты и офицеры внутренней гвардии. Они сделают все, что в их силах, в тылах машин, но этого будет мало, если мы им не поможем.

— Если мы сможем запустить вторичные генераторы, то кимеки и роботы не смогут отразить нападение Армады извне. — Серена внимательно всмотрелась в лица присутствующих. — Как вы думаете, мы сможем это сделать?

Бригит Патерсон, мужеподобная женщина, нахмурилась.

— Почему вы думаете, что Армада присоединится к сражению? У меня нет никакой уверенности в том, что, когда мои инженеры закончат работу, Армада явится на Гьеди спасать наши задницы.

Серена в ответ только мрачно усмехнулась.

— Оставьте это мне.

Серена воспитывалась в лучших школах у лучших преподавателей, чтобы стать настоящим лидером. Надо было сде-

лать так много, что она не могла сидеть сложа руки, имея в своем распоряжении богатства и власть Дома Батлеров.

Теперь настало время испытать на прочность эту подготовку.

— Коммандер Вибсен, вы располагаете информацией, о которой я вас просила?

Своим обветренным, изборожденным морщинами лицом коммандер Вибсен больше походил на бродягу, нежели на кабинетного стратега, но все знали, что во всей Зимии никто лучше него не разбирается в тонкостях военных операций.

— Часть сведений благоприятна, часть — нет. После того как машины сокрушили оборону Гьеди Первой, на ее орбите постоянно патрулирует машинный флот. На земле регулярно проводятся зачистки. Ими руководит один титан, а грязную работу исполняют неокимеки.

Он кашлянул, скривился и отрегулировал медицинский прибор, имплантированный в его грудину.

— Омниус может прислать на планету еще больше машин или даже наладить производство подкреплений, используя для этого промышленный потенциал Гьеди Первой, — озабоченно произнес Пинкер Джибб. — То есть они могут это сделать, если мы не запустим вторичное разрушающее поле.

— Значит, именно это мы и должны сделать, — сказала Серена. — Внутренняя гвардия была рассредоточена по населенному континенту, и многие периферийные полки могли уйти в подполье и сформировать пятую колонну. Если мы сумеем войти с ними в контакт и организовать их, то нам, возможно, удастся сокрушить машинных завоевателей.

— Я смогу вам помочь, — настаивал на своем Джибб. — Это наш последний шанс.

— Я все же думаю, что это не более чем твердолобое упрямство, — сказал Вибсен. — Но какого черта, я не откажусь лезть в эту авантюру.

— Готов ли корабль? — нетерпеливо спросила Серена.

— Корабль готов, чего нельзя сказать о плане операции, если вы хотите знать мое мнение.

Бригит Патерсон повернулась к Серене:

— Я собрала подробные карты, планы и схемы всех видов Гьеди Первой и Гьеди-Сити, включая полные функциональ-

ные диаграммы генераторов вторичных разрушающих полей. — Она протянула Серене несколько пакетов, плотно набитых тонкими пленками с информацией. — Пинкер говорит, что они соответствуют действительности.

Проявляя безграничный энтузиазм и страсть, Серена всегда отличалась способностью приводить все в надлежащий порядок. Два года назад она возглавила спасательную экспедицию на Каладан, несоюзную планету, на которой скопились тысячи беженцев с планет, оккупированных Синхронизированным Миром. Ее последняя экспедиция состоялась год назад, когда она отправилась на Тлулакс, куда привела три корабля, нагруженных медицинскими приборами и лекарствами, чтобы оказать помощь местным жителям, страдавшим какой-то таинственной болезнью. Теперь, когда тлулаксианские торговцы органами, выращенными в биологических чанах на их планете, обеспечили доставку этих органов для трансплантации раненым — включая ее возлюбленного Ксавьера, — она чувствовала, что ее усилия были вознаграждены сторицей.

Сейчас Серена попросила об одолжении и в результате организовала миссию, которая весьма напоминала ее прежние успешные начинания. Она надеялась на успех своего нового предприятия, несмотря на сопутствовавшие ему опасности.

С очаровательной уверенностью Серена снова оглядела людей, сидевших за длинным столом. Чутье подсказывало ей, что миссия закончится успешно. Одиннадцать человек были готовы по собственной доброй воле бросить вызов порядку, установленному завоевателями, и преодолеть все трудности.

— У нас нет более высоких приоритетов, — сказала она.

Орт Вибсен пустил в ход все свои старые связи и сумел добыть скоростной корабль, пригодный для преодоления орбитальной блокады. Инженерная команда Патерсон оснастила корабль самым лучшим экспериментальным оборудованием, которое удалось достать у производителей военной техники. Используя личные связи и подложные документы, Серена раздобыла все, что было нужно старому коммандеру. Серена желала получить самые надежные шансы на успешный исход дерзкой операции.

Она встала и заговорила:

— Каждый человек Лиги кого-то потерял в бойне, устроенной мыслящими машинами, и теперь нам надо предпринять что-то в ответ.

— Тогда к делу, — подытожил Пинкер Джибб. — Настал час расплаты.

В тот вечер Серена и Ксавьер сидели друг напротив друга за огромным столом большого бального зала замка Батлеров. Сервируя стол, вокруг него сновали лакеи в красно-золотых ливреях и черных брюках. Отведав золотистое рыбное филе, положенное на его блюдо, Ксавьер с жаром заговорил о планах мобилизации Армады для защиты планет Лиги.

— Давай не будем сегодня больше говорить о делах.

С очаровательной улыбкой Серена поднялась из-за стола, обошла его и села рядом с Ксавьером, тесно прижавшись к нему.

— Я наслаждаюсь каждым моментом с тобой, Ксавьер, — проговорила она, ни словом не обмолвившись о своем плане.

Он улыбнулся ей в ответ.

— После ядовитого газа я не могу наслаждаться другими ароматами, но ты, Серена, для меня лучше, нежели аромат самых нежных блюд и самых тонких духов.

Она погладила его по щеке и сказала:

— Думаю, нам надо отправить слуг домой. Отец в городе, сестра ушла на вечер. Стоит ли нам терять время зря, если мы остались с тобой наедине?

Он погладил ее по руке, потом привлек к себе и улыбнулся.

— Знаешь, я совсем не голоден.

— А я голодна. — Она страстно поцеловала его в ухо, потом в щеку и наконец прильнула своим ртом к его губам. Он же провел пальцами по ее волосам, прижал к себе ее голову и тоже поцеловал ее в губы.

Они встали из-за стола, не притронувшись к еде. Серена взяла Ксавьера за руку, и они торопливо направились в ее спальню. Тяжелая дверь с едва слышным стуком затворилась за ними, когда они вошли внутрь. Серена загодя развела огонь в камине, и теперь оранжевое пламя отбрасывало на стены веселые рыжие блики, согревая уютное помещение. Они неистово и страстно целовались, распутывая шнурки, развязы-

вая тесемки, расстегивая пуговицы и крючки и стараясь при этом не отрываться друг от друга.

Серена едва сдерживала свое неуемное желание. Она желала не только близости, она хотела запечатлеть в мозгу каждый миг своего свидания с возлюбленным, каждое его прикосновение, каждый поцелуй, каждую ласку. Он не знал и не мог знать, что ночью она покинет его, но она знала и хотела надолго запомнить эту ночь, чтобы восполнить те долгие ночи, которые им предстоит провести в разлуке.

Его горячие, как огонь, пальцы скользнули по ее обнаженной спине. Серена потеряла способность думать и стремилась только поскорее стянуть с Ксавьера рубашку.

Помня каждый миг в объятиях любимого и ощущая в теле приятное покалывание, Серена покинула спящий замок. Она погрузилась в темную глубину ночи, отправившись на условленное место встречи со своей командой, которая ждала ее на частном взлетном поле космопорта Зимии.

Желая скорее отправиться в поход, заглушая оптимизмом невольную тревогу, Серена присоединилась к десятерым добровольцам. Через час они стартовали на скоростном сером, как облако, боевом корабле, груженном инструментами, оружием и надеждой.

Снова и снова, без устали поднимаясь, как приливная волна, религия разрушает великие империи, подтачивая их изнутри.

Иблис Гинджо. Набросок плана джихада

Покоренная планета Земля стала самым подходящим местом для установки грандиозных монументов, прославляющих великие (как им самим казалось) деяния титанов.

Руководитель работ шагал вдоль высокой деревянной платформы, на которой трудились люди, возводившие еще одно циклопическое воплощение суетного, исполненного гордыни порождения нездорового воображения кимеков. Люди были хорошими мастерами и преданными помощниками, но сама работа казалась руководителю совершенной бессмыслицей. Украшенный орнаментом пьедестал будет закончен и укреплен специальными высокопрочными дугами, на нем установят колоссальную статую идеализированного, давно утраченного человеческого облика титана Аякса.

Иблис Гинджо был одним из самых ценных доверенных людей на Земле и очень серьезно относился к своей работе. Сейчас он внимательно следил за толпами рабов, которые, словно муравьи, трудились далеко внизу. Иблис убеждал их проявлять прилежание, подстегивая их старание и скрупулезность умело подобранными словами и материальными поощрениями, хотя в глубине души он сам считал преступлением растрачивать ценную энергию, верность и соленый пот тяжкого труда на такого бессердечного и жестокого быка, как Аякс.

Но что делать, такова жизнь. Каждый человек должен безропотно исполнять свою роль в механизме гигантской машины цивилизации. Иблис был обязан обеспечивать бесперебойную работу этой машины — по крайней мере на вверенном ему участке.

Непосредственная инспекция и слежение за ходом работ не входили в круг должностных обязанностей руководителя, так как подчиненные ему доверенные люди точно так же могли стоять здесь под палящими лучами солнца и надзирать за рабами. Но Иблис предпочитал это занятие всем другим своим обязанностям. Зная, что он смотрит на них, рабы работали с гораздо большим усердием. Иблис Гинджо испытывал чувство гордости, видя, что могут совершить люди, если ими умело управлять, а сами рабы искренне желали доставить удовольствие своему начальнику.

Если бы он не находился сейчас здесь, то ему пришлось бы проводить множество утомительных часов, следя за подготовкой рабов и их распределением по разным рабочим командам. Часто попадались необузданные особи, к которым надо было применять особые методы обучения и воспитания. А ведь были и такие, кто ожесточенно сопротивлялся, чем создавал массу проблем, мешавших гладкому течению производственных процессов.

Эразм, этот странный независимый и эксцентричный робот, недавно издал приказ подвергать исследованию каждого нового пленного хреттира с планеты Гьеди Первая, обращая особое внимание на тех особей человеческого вида, которые проявляли признаки независимости и тенденцию к лидерству. В обязанности Иблиса входило поставлять роботу кандидатов для исследований, естественно, не привлекая при этом внимания к своей скромной персоне.

Иблису не было никакого дела до собственных целей Омниуса, но, качественно справляясь со своей работой, он получал за это некоторые преимущества и вознаграждения, которые делали жизнь вполне сносной. Вознаграждения Иблис справедливо распределял среди членов команд.

У Иблиса была внешность настоящего мужчины. Он отличался атлетическим сложением, широким лицом и густыми волосами, пряди которых непослушно падали ему на лоб. Он знал, что лучшими орудиями побуждения и манипулирования людьми являются щедрые обещания, а не грубые угрозы. С помощью этих инструментов он мог выжать из рабов больше, чем любой другой доверенный босс. Еда, дополнительные дни к отпуску, сексуальные утехи с предназначенными

для размножения рабынями — все это он умело использовал для создания надлежащих мотиваций к труду. Несколько раз Иблису поручали выступать с докладами на тему воспитания рабов в школе для доверенных людей, но его технология так и не получила широкого распространения среди других привилегированных людей.

Большинство начальников команд больше полагались на лишение и пытки, но Иблис считал это пустой тратой ценного человеческого материала. До своего высокого положения он смог подняться исключительно благодаря своим личностным качествам и тому уважению, которое он сумел внушить своим рабам. Даже самые трудные представители рода человеческого неизбежно со временем подчинялись воле Иблиса. Машины оценили эту врожденную способность, и Омниус предоставил Иблису полную свободу действий.

Оглядевшись, Иблис насчитал полдюжины монолитов, расположенных на вершине холма Форум. На каждом пьедестале возвышалась исполинская статуя одного из двадцати титанов, начиная с Тлалока, за которым следовали Агамемнон, Юнона, Барбаросса, Тамерлан и Александр. Скоро здесь займет свое место и громадное изваяние Аякса, и не потому, что он был важнее прочих, но потому, что он был самым нетерпеливым. Данте и Ксеркс могли и подождать.

Иблис не мог припомнить имена остальных титанов, но каждый раз, когда воздвигали очередную статую, ему приходилось узнавать нечто большее, чем он сам хотел. Работа никогда не кончалась. Иблис лично участвовал в установлении всех этих помпезных статуй — сначала как простой раб, а затем как руководитель команды.

Стоял конец лета, но было жарче, чем обычно в это время года. Струи горячего воздуха, похожие на пляшущих чертей, знойным маревом поднимались от крыш домов вокруг Форума. Под ногами Иблиса, на пыльной строительной площадке, копошились рабочие, одетые в коричневые, серые и черные комбинезоны. Эта немаркая и прочная одежда не требовала ни частой стирки, ни ремонта.

Далеко внизу, под платформой, на которой стоял Иблис, какой-то босс выкрикивал свои распоряжения. Надзирающие роботы сновали между рабами, не делая никаких попыток

помочь изнемогавшим от тяжести людям. В воздухе летали наблюдательные жучки — миниатюрные камеры, которые регистрировали все происходящее для передачи Омниусу. Иблис настолько привык к ним, что практически перестал замечать. Люди были трудолюбивыми, изобретательными и — в отличие от машин — гибкими в обучении, при условии, конечно, что у них были соответствующие побудительные мотивы и если эти качества вознаграждались. При умелом применении этот подход обеспечивал наилучшее поведение рабов. Мыслящие машины не понимали этих тонкостей, но Иблис знал, что каждое, пусть даже небольшое вознаграждение или поощрение в дальнейшем окупится сторицей.

По древней традиции люди часто пели за работой песни и устраивали веселые соревнования. Сейчас люди были молчаливы и угрюмы. Они были заняты установкой тяжеленных каменных монолитов на месте будущей статуи. Часто слышались проклятия и жалобы на тяжкий подневольный труд. Кимеки просто горели желанием скорее установить пьедестал, чтобы воздвигнуть на нем статую Аякса, которую ваяла где-то в другом месте другая рабочая команда. Каждая часть проекта выполнялась согласно жесткой схеме, при этом не допускалось никаких отклонений от сроков или стандартов качества.

Иблис был очень доволен, что его люди могут спокойно работать в отсутствие устрашающего и дотошного Аякса. Иблис не имел ни малейшего понятия, где мог находиться в настоящий момент этот титан, но мог только надеяться, что и в будущем он найдет себе других беззащитных жертв, оставив в покое его рабочих. У Иблиса была работа и расписание, которого следовало неукоснительно придерживаться.

По его мнению, эти монолиты были никому не нужны и бесполезны — кому интересны огромные обелиски, колонны, статуи и грогипетские фасады, украшавшие пустые здания? Но обсуждение целесообразности таких немыслимо трудоемких построек выходило за пределы его компетенции. Иблис хорошо понимал, что эти постройки выполняют важную психологическую функцию внушения страха перед узурпировавшими власть тиранами. Кроме того, такая работа давала возможность занимать рабов и позволяла им видеть ощутимые результаты своего труда.

На протяжении всех столетий, прошедших после свержения власти титанов и их унизительного поражения в битве с Омниусом, они все время изо всех сил старались восстановить свой утраченный статус властителей. Иблис, однако, полагал, что кимеки перехлестывают через край, воздвигая циклопические статуи и пирамиды только для того, чтобы чувствовать себя более важными и значительными. С напыщенным видом они расхаживали по Земле в своих гротескно-картинных, но устаревших механических телах, занимаясь, кроме того, разбойничьими военными набегами и завоеваниями.

Иблису было интересно, насколько россказни о великих деяниях титанов соответствуют действительности. В конце концов, разве можно оспаривать мнение тех, кто контролирует ход истории? Вполне возможно, что представители дикого типа людей, жившие на планетах Лиги, имели противоположный взгляд на завоевания титанов-кимеков.

Он вытер пот со лба и вдохнул кремнистый запах горячей пыли, поднятой со дна строительного котлована, взглянул на дисплей электронного блокнота, сверив ход работ с расписанием, и убедился, что все идет в строгом соответствии с планом.

У Иблиса было отличное зрение. Приглядевшись, он сразу заметил одного из рабочих, который, устроившись в тени стены, прилег поспать, хотя время отдыха еще не наступило. Улыбнувшись, Иблис снял с пояса «стимулятор», орудие, испускавшее импульсные лучи, и направил его на левую ногу провинившегося раба. Раб хлопнул ладонью по слегка обожженному месту и открыл веки, сонно хлопая глазами. Окончательно проснувшись, человек поднял голову и увидел высоко над собой Иблиса Гинджо.

— Ты что, хочешь узнать меня с плохой стороны? — зарычал Иблис. — Что будет, если Аякс решит посмотреть, как идет строительство, и увидит тебя спящим? Как ты думаешь, кого он убьет раньше — тебя или меня?

Совершенно ошарашенный раб встал и, пошатываясь спросонья, отправился к своим товарищам, которые, потея, тащили огромные камни, и с удвоенной энергией снова принялся за работу. Некоторые боссы прибегали к убийствам рабочих, делая это в назидание и устрашение другим, но Иблис не при-

держивался такой тактики и поклялся себе, что не будет делать этого никогда, так как считал такую систему порочной и расточительной. Он был уверен, что она только подорвет то магнетическое воздействие, которое он умел оказывать на подчиненных ему людей. Нет, Иблис просто демонстрировал свое разочарование, и пристыженный раб старался изо всех сил загладить свою вину, вдесятеро увеличив свое прилежание и трудолюбие.

Один раз в несколько дней Гинджо произносил перед рабочими импровизированные зажигательные речи. По такому случаю рабочие получали дополнительный паек воды и перерыв в работе. Этот подход стимулировал рабочих так, что потом они с лихвой наверстывали упущенное, трудясь с удвоенной энергией. Сам способ произнесения речей, построение фраз, подбор слов — все это вызывало у рабов прилив бодрости и трудового энтузиазма. Роптали лишь немногие, спрашивая, почему их должно волновать возведение еще одного не нужного им монумента, но роль лидера как раз и заключается в том, чтобы уметь убеждать.

Иблис ненавидел роботов-поработителей не меньше, чем его подчиненные, но научился так искусно скрывать свои чувства, что власть имущие машины действительно полностью ему доверяли. Иногда в своих мечтах Иблис видел, как он уничтожает машинный всемирный разум и сам становится на его место. Тогда он перестанет быть каким-то доверенным человеком. Подумать только, он станет Иблисом Гинджо, правителем Вселенной, всезнающим и вездесущим!

Мысленно он одернул себя и очнулся от приятных, но глупых грез. Реальность — суровый учитель и беспощадный наставник. Такой же, как вид кимека на фоне безоблачного неба. Если Иблис не успеет вовремя закончить строительство пьедестала для обелиска, Аякс придумает для всей его команды и для него лично какое-нибудь экстравагантное наказание.

Руководитель работ не имеет права отставать от графика.

Каждый из нас влияет на поступки окружающих нас людей.

Ксавьер Харконнен. Заметки для подчиненных

В течение нескольких дней терсеро Ксавьер Харконнен засиживался допоздна, разрабатывая планы обороны Лиги. После ночи любви с Сереной — залогом их счастливого будущего — он целиком посвятил себя защите свободного человечества от мыслящих машинных монстров.

На Салусе он проводил практические занятия с личным составом, готовил и обучал будущих бойцов, выставил дополнительные корабли охранения на периметре системы защиты для того, чтобы укрепить передовую линию обороны, усилил сеть слежения, чтобы обеспечить разведку возможностью раннего обнаружения объектов, приближающихся к Салусе из открытого космоса. Инженеры и ученые разобрали и исследовали боевые механические корпуса кимеков, брошенные на руинах Зимии. Инженеры хотели найти в этих системах слабые или уязвимые места. Ксавьер всеми фибрами своей души, каждой клеточкой своих искусственных легких ненавидел мыслящие машины.

Он страстно желал как можно больше времени проводить с Сереной, иногда думая о том, куда они поедут в свое свадебное путешествие, но движимый гневом и чувством вины за происшедшее на Гьеди Первой, Ксавьер с головой погрузился в важную работу. Если бы он тогда сосредоточился на задачах своей миссии, а не бредил о Серене, как влюбленный школьник, то, возможно, сумел бы найти изъяны в обороне планеты и указал на них, дав возможность магнусу приготовиться к обороне. Даже если бы он тогда настоял на немедленном пуске вторичных защитных полей, то генератор разрушающего поля не допустил бы столь сокрушительной ката-

строфы. Но сейчас уже слишком поздно кусать себе локти по этому поводу.

Незначительная на первый взгляд ошибка могла привести к непоправимым катастрофическим последствиям. Ксавьер поклялся себе, что никогда, ни под каким видом, ни по каким причинам не станет пренебрегать своими обязанностями. Серена поймет его, если ему придется из-за этого проводить с ней меньше времени.

На экстренных заседаниях главного штаба была выработана новая военная стратегия Армады, предусматривавшая объединение ресурсов наличных военных космических кораблей всех формирований милиции и внутренней гвардии планет Лиги. В деталях обсуждались оборонительные потребности и тактическое значение каждой планеты. Был изменен набор солдат и офицеров в Армаду. На военные рельсы были переведены предприятия, выпускавшие ракеты и вооружение.

Ксавьер надеялся, что этих мер будет достаточно.

На стенах его кабинета в верхнем этаже здания Объединенного штаба висели полные карты звездного неба. Все рабочие столы были завалены распечатками и донесениями нижестоящих штабов. Каждый шаг по реорганизации оборонительных систем и вооруженных сил утверждался начальниками Объединенного штаба, которые затем обсуждали эти меры с вице-королем Батлером.

Когда Ксавьеру удавалось поспать, он обычно ложился у себя в кабинете или в подземном бункере. Иногда он по нескольку дней не возвращался домой в имение Танторов, и мать часто посылала к нему на службу маленького Вергиля с любимыми кушаньями Ксавьера.

Как это ни странно, но Серена не давала о себе знать. Он не имел ни малейшего представления о том, где она находится и чем занимается. Для себя Ксавьер решил, что она по горло загружена своими жизненно важными делами. Молодые любовники были очень похожи своей одинаковой способностью видеть важные приоритеты и независимо им следовать, не оглядываясь на другого.

Решив во что бы то ни стало оживить и реформировать оборонительную систему Лиги, Ксавьер потерял представление о времени и жил на стимулирующих таблетках и возбуж-

дающих напитках. Он перестал замечать течение времени, порой не понимая, который час, и зная только, на какой срок назначено следующее важное совещание штаба. Вот и сейчас он, прищурившись от утомления, посмотрел в окно на расстилавшийся внизу мирный город, освещенный фонарями, свет которых тепло мерцал в непроглядной темноте. Давно ли наступила ночь? Часы летели, словно мелкие щепки, несущиеся с вершины холма в бурном весеннем потоке.

В конечном счете, чего может достичь один человек, даже если он работает сутками напролет, забывая о сне и пище? Неужели некоторые планеты Лиги уже обречены, несмотря на все предпринятые им усилия? Из-за того, что расстояния между планетами были невообразимо огромными, а космическое сообщение очень медленным, многие новости успевали устареть, прежде чем достигали Салусы Секундус.

Став зависимым от психических стимуляторов, Ксавьер чувствовал себя усталым и измотанным. Он бодрствовал, но был настолько смят усталостью, что не мог сосредоточиться. Подавив зевок, он уставился в пространство ничего не видящим взглядом. За соседним столом, расчистив место и положив голову на полированную столешницу, устроился на отдых адъютант Ксавьера кварто Джеймис Паудер.

Когда дверь, скрипнув, открылась, кварто Паудер даже не шевельнулся и не всхрапнул, продолжая спать мертвым сном. Ксавьер несказанно удивился, когда в комнату вошел — тоже усталый до последней степени — вице-король Батлер.

— Мы должны немедленно пустить в дело все, что у вас уже готово, Ксавьер. Финансирование гарантировано. Моральные соображения требуют, чтобы народ видел, что мы хоть что-то делаем.

— Я понимаю, но мы должны иметь в руках больше, чем одно-единственное решение, сэр. Надо, чтобы лорд Бладд убедил саванта Хольцмана представить предварительные результаты проводимых им в настоящее время работ. — Ксавьер потер усталые глаза. — Если у Хольцмана ничего нет, то нам надо подумать об обновлении нашего собственного арсенала.

— Мы уже много говорили об этом прошлой ночью, Ксавьер. — Вице-король посмотрел на терсеро странным взгля-

дом. — Вы что, не помните? Уже готово несколько образцов нового вооружения.

— Да, конечно. Но я просто решил вам об этом напомнить.

Ксавьер пересек помещение и уселся за интерактивный информационный экран, высоконадежную систему, которая по сложности находилась в опасной близости к компьютеру. Электронно-вычислительная система была в состоянии организовывать и обрабатывать жизненно важные данные, но не обладала сознанием своей идентичности. Многие правящие аристократы Лиги, особенно Бладд Поритринский, отказывались от использования даже таких грубых и несовершенных компьютеров, но в такие тяжелые времена вычислительные машины становились суровой необходимостью.

Проведя рукой по экрану, Ксавьер отредактировал донесение в парламент, список приложений относительно конкретных планет, потом он отпечатал готовый документ для рассылки по планетам Лиги и вручил аккуратную стопку вицекоролю Батлеру, который внимательно просмотрел рекомендации и подписал их своим широким размашистым росчерком. После этого отец Серены торопливо покинул кабинет, даже не прикрыв за собой дверь.

Кварто Паудер, проснувшись, сел и начал дико озираться по сторонам, с удивлением рассматривая стены своими воспаленными от недосыпания глазами. Не говоря ни слова, Ксавьер уселся на стул у своего стола. Расположенный напротив экран начал мерцать разноцветными огоньками. Это техники проверяли системы аппарата на случай, если в системе его памяти появится хотя бы малейший намек на искусственный интеллект.

Адъютант снова уснул крепким сном, вскоре задремал и сам Ксавьер. В спутанном сне он видел странный сон. Серена улетела на корабле вместе с воинской командой. Это был какой-то сюрреализм, но вполне вероятный сюр... Ксавьер резко открыл глаза, поняв вдруг, что вовсе не спит.

Вместе с еще одним офицером у его стола стоял Паудер и слушал плохие новости.

— Она взяла корабль для прорыва блокады, сэр! Оснастила его дорогим вооружением и самой современной техникой.

С ней группа коммандос. Возглавить экспедицию согласился старый ветеран Орт Вибсен.

Ксавьер изо всех сил постарался стряхнуть с себя оцепенение, вызванное крайней усталостью. Протерев красные глаза, он вдруг с удивлением заметил, что за спинами офицеров стоит Окта и смотрит на него широко раскрытыми глазами. В маленькой белой руке она держала сверкающее ожерелье из черных бриллиантов, покачивающееся на золотом завитке. Окта торопливо отдала ожерелье Ксавьеру Харконнену.

— Серена велела мне выждать пять дней, а потом отдать вам это. — Она выглядела эфемерной и прозрачной. Подойдя к Ксавьеру, девушка старалась не смотреть ему в глаза.

Теряясь в догадках, Ксавьер взял бриллиантовое ожерелье и снял его с золотого завитка. Когда он коснулся камней, пот его рук активировал систему, и в пространстве помещения возникло голографическое изображение Серены Батлер. При взгляде на это бесплотное изображение Ксавьер ощутил смесь изумления и страха. Изображение, казалось, смотрело ему прямо в глаза.

— Ксавьер, любовь моя, я улетела на Гьеди Первую. Лига будет обсуждать этот вопрос месяцами, и все это время на несчастной планете будут страдать и умирать люди. Я не могу этого допустить.

Ее улыбка была трогательной, но полной надежды.

— Я набрала команду лучших инженеров, десантников и разведчиков. У нас есть необходимое оборудование и опыт, достаточные для того, чтобы проникнуть на планету и запустить генераторы разрушающего поля. Мы закончим наладку конструкции и активируем ее. Таким образом нам удастся отрезать поверхность планеты от кораблей роботов, находящихся на орбите, и блокировать тех роботов, которые уже находятся на Гьеди Первой. Ты должен привести следом за нами Армаду и отобрать планету у мыслящих машин. Подумай, какую помощь ты сможешь оказать человечеству!

Ксавьер не верил тому, что только что слышал собственными ушами. Изображение Серены между тем продолжало говорить, обращаясь к нему.

— Я буду ждать тебя, Ксавьер. Я знаю, что ты не бросишь меня в беде.

Харконнен сжал кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Если кто и мог совершить такой поступок на грани безумия, так это только Серена Батлер. Она была слишком импульсивна, но по крайней мере она попыталась сделать хоть что-то. Она понимала, что ее поступок заставит остальных действовать.

Рядом с Ксавьером тихо заплакала Окта. В кабинет ворвался вице-король Батлер, потрясенный тем, что он только что услышал.

— В этом поступке она вся, — сказал Ксавьер. — Теперь мы должны дать ответ машинам, у нас просто нет иного выбора.

Думай о войне как об одной из обычных форм человеческого поведения.

Генерал Агамемнон. Мемуары

На арене, залитой лучами знойного экваториального солнца Земли, Агамемнон готовился к схватке с роботом-гладиатором Омниуса. Всемирный разум рассматривал эти потешные бои как вызов покоренным титанам, способ выпустить пар и держать титанов в боевой форме. Но сам Агамемнон рассматривал этот бой как возможность нанести еще один удар своему реальному врагу.

Двести тридцать лет назад люди-рабы и роботы-подрядчики построили этот полукруглый, покрытый голубой крышей колизей для блистательных ристалищ Омниуса. Всемирный разум получал несказанное удовольствие от разрушительных свойств механических конструкций. Здесь можно было в контролируемых условиях испытывать бронированные транспортные средства и самосознающие артиллерийские системы.

Много лет назад, давным-давно, гениальный Барбаросса заложил в программу искусственного интеллекта страсть к битвам и жажду завоевания. Из этого искусственного интеллекта со временем и возник Омниус — всемирный разум. Даже теперь, тысячу лет спустя, компьютерный разум не забыл своего вкуса к победам.

Иногда в этих гладиаторских боях против машин выступали и люди. Случайно отобранным рабам из рабочих команд давали дубины, взрывчатые вещества или режущие лазеры и выпускали их против боевых роботов. Иррациональная ярость загнанных в угол человеческих существ никогда не переставала поражать высокоорганизованный расчетливый разум Омниуса. Временами вездесущий компьютер предпочитал демонстрировать свое превосходство и над кимеками.

Предвкушая новое испытание своих воинских качеств в предстоящем гладиаторском бою, Агамемнон потратил значительные усилия на конструирование своего нового боевого тела. Иногда Омниус выпускал против титанов свои самые лучшие, красивые и обтекаемые модели, но в некоторых случаях он ради развлечения выпускал в бой страшных, огромных монстров, у которых не было никаких шансов выстоять в любой реальной битве. Такие модели изготовлялись только для представлений, все это было чистой воды развлекательное шоу.

Несколько месяцев назад, когда Барбароссе удалось сокрушить в потешном бою робота Омниуса, кимек в награду потребовал разрешения атаковать планету дикого типа людей. После того как нападение на Салусу Секундус не увенчалось успехом, кимекам пришлось приложить максимум усилий, чтобы не оплошать при разгроме Гьеди Первой. В данный момент Барбаросса находился там лично и следил за работой неокимеков. Титаны снова правили миром, ну, или хотя бы одной отдельно взятой планетой. Во всяком случае, это был шаг в верном направлении.

У Агамемнона уже были далеко идущие планы на случай, если ему удастся победить робота.

Взвыли сирены, возвестившие начало жестокого представления. Агамемнон выкатился вперед на жестких искусственных стопах и прошел на арену между коринфскими колоннами Ворот Вызова. Он всем своим механическим телом ощущал бьющую через край силу своего шагающего тела, пульсацию исполинской энергии, которая волнами перекатывалась по его нейроэлектрическим цепям.

Внутри гладиаторского корпуса находилась его самая важная и существенная часть, сердцевина конструкции — две укрепленные сферы: одна, покрытая непроницаемой для света броней, а другая, выполненная из прозрачного стеклянного сплава. Внутри прозрачной сферы находились два полушария его человеческого головного мозга, плавающего в голубовато-серой электрической жидкости и соединенного с проводящими мысленные импульсы и двигательные команды стержнями. Вдоль извилин долей мозга прокатывались потрескивающие фотонные разряды. Тело кимека было готово к битве.

Вокруг состоявшей из двойной сферы сердцевины находились тихо жужжавшие мощные двигатели, прикрытые защитными армированными колпаками. Двигатели приводили в действие гидравлические системы четырех ударных конечностей. Каждая членистая, состоящая из нескольких шарниров конечность заканчивалась смещаемыми массами изменяющих свою форму металлополимерных приспособлений, которые могли по желанию Агамемнона превращаться в различные виды закаленного оружия.

Агамемнон сконструировал свой устрашающий гладиаторский набор под неусыпным надзором летающих камер наблюдения, которые отслеживали каждое его движение. Предполагалось, что Омниус собирает всю полученную таким образом информацию и записывает ее в отдельный участок своего разума для того, чтобы не допустить нечестной игры. Так, во всяком случае, утверждал сам Омниус.

Пока Агамемнон ждал, настраиваясь на сражение, с противоположной стороны арены выступил его противник, которого направлял непосредственно сам всемирный разум. Омниус выбрал для своего гладиатора костюм пешего средневекового воина, закованного в латы. Правда, выглядел этот воин достаточно гротескно. Вся конструкция опиралась на две массивные ноги, больше похожие на опоры огромного здания. Руки заканчивались кулаками, обтянутыми неким подобием рыцарских перчаток величиной едва ли не с само тело робота-гладиатора. Пропорции были намеренно искажены и напоминали детскую зарисовку ночного кошмара. Массивные костяшки пальцев робота Голиафа заканчивались острыми шипами, а над огромными бугристыми кулаками танцевали дуги исполинских электрических разрядов.

Агамемнон рванулся вперед на своих бронированных стопах, одновременно подняв крабовидные передние конечности. Массы металлополимера на них приняли форму когтей. Если он сегодня и выиграет схватку, то всемирный разум совершенно не пострадает, он даже не испытает унижения от поражения, которое доставило бы неслыханную радость могучему кимеку.

С другой стороны, Омниус может совершенно случайно уничтожить емкость, в которую заключен человеческий мозг

титана. Любая схватка непредсказуема, ее исход никогда не известен заранее. Возможно, что Омниус — несмотря на то что программа запрещает ему намеренное убийство титана, рассчитывает именно на эту непредсказуемость. Для Агамемнона это сражение было настоящим.

Несколько специально сконструированных для этого роботов находились на трибунах и играли роль наблюдателей, но они обычно хранили молчание, надзирая за схватками через усиливающие оптические зонды. Но Агамемнону не были нужны их аплодисменты. Все остальные полированные каменные сиденья колизея были пусты, сияя в лучах солнца, которое немилосердно палило с высоты ясного бездонного неба. Огромная арена, похожая на гулкую могилу, идеально подходила для того, чтобы на ее дне сошлись в исполинской схватке два гигантских соперника.

Никакие герольды не оповещали о начале сражения, никто не называл имен участников через громкоговорители.

Агамемнон атаковал первым. Титан поднял похожую на огромный хлыст ударную руку, покрыл ее жесткой алмазной пленкой и бросился вперед, грохоча по камням своими металлическими ступнями. Голиаф Омниуса с удивительным и неожиданным проворством поднял громадную ногу и уклонился от удара.

Агамемнон нанес удар другой передней конечностью, выполненной в форме сферического дробящего шара, который излучал разрушительную парализующую энергию. Импульс страшной силы пробежал по контурам робота-гладиатора, и весь его исполинский корпус содрогнулся.

Внезапно Голиаф развернулся, взметнул вверх одетый в перчатку кулак и резким ударом снес сегментированную руку кимека. Даже массивное алмазное покрытие не смогло устоять перед столь сокрушительным ударом. Рука согнулась и вылетела из шарнирного сочленения. Кимек не обратил внимания на потерю, выдвинул вперед стопу и отшвырнул в сторону конечность, которую уже невозможно было спасти. Потом он выбросил вперед другую руку, оконечность которой превратилась в блестящий на солнце фейерверк сверкающих алмазных клинков.

Агамемнон нанес противнику пилящий удар по бронированному корпусу, повредив набор управляющих контрольных нейроэлектрических проводов. Зеленоватая жидкость хлынула из поврежденных смазочных каналов. Боевой исполин выбросил вперед унизанную шипами руку, но Агамемнон танцующим движением успел отскочить в сторону и сместил свою уязвимую сердцевину, выведя из-под удара емкость с головным мозгом.

Робот промахнулся, а энергия его движения была так велика, что он пошатнулся, на мгновение потеряв равновесие. Агамемнон поднял две режущие руки и вцепился в суставы рук робота раскаленными добела железными режущими полотнами. Он нашел уязвимые места с удивившей его самого легкостью, и правая рука Голиафа безвольно повисла, превратившись в клубок спутанных нейроэлектрических проводов и трубок с проводящей жидкостью.

Для того чтобы оценить масштабы разрушения, Омниус отвел своего незадачливого бойца на пару шагов назад. Агамемнон же решил, воспользовавшись этим движением, развить успех, приблизившись к роботу на дистанцию удара. В следующий миг он продемонстрировал свой первый большой сюрприз.

Как диафрагма глаза в середине старомодного кожуха двигательного отсека, открылось потайное отделение, и оттуда стремительно, как змеи, вырвались восемь токопроводящих армированных кабелей, на конце каждого находилась похожая на коготь магнитная присоска. Кабели, как клубок спутанных между собой змей, рванулись вперед и с силой ударили по завертевшемуся Голиафу. Как только удар попал в цель, Агамменон выпустил из проводов исполинский электрический разряд. Молния поразила массивный корпус бойца Омниуса.

Генерал кимеков надеялся, что этот неожиданный удар выведет боевого робота из строя, но Омниус, должно быть, хорошо защитил свою сражающуюся единицу. Агамемнон просчитался. Он послал в тело робота еще один парализующий импульс, ужалив противника, словно скорпион, но Голиаф и не думал падать. Вместо этого машина, словно придя в неистовую ярость, взмахнула своей исполинской рыцарской

перчаткой, вложив в движение энергию несущегося курьерского поезда, и нанесла практически неотразимый смертельный удар.

Удар шипов, которыми был утыкан кулак робота, попал точно в цель, разрубив прозрачную сферу, в которой помещался отделенный от тела головной мозг титана. Из конечности выскользнул гигантский зажим и резко сдавил сферу, по ее поверхности пробежала ясно видимая трещина. Защитная емкость мозга развалилась. Через отверстия хлынула — как кровь из раны — электрическая жидкость. Разорвались мыслительные стержни, а сам мозг выпал из поддерживавшей его сети, повиснув на проводах в знойном воздухе под губительными для его нежной ткани солнечными лучами.

Это могло быть смертью Агамемнона.

Но это была всего лишь очередная военная хитрость генерала кимеков. Мозг внутри прозрачной сферы был всего лишь муляжом, синтетической копией его истинного мозга. Настоящий мозг Агамемнона находился внутри непрозрачной металлической сферы, откуда и управлял действиями гладиаторского корпуса кимека. Он находился в защищенном безопасном месте и остался цел и невредим.

Однако Агамемнон был удивлен и разозлен. Омниус продемонстрировал свое желание и намерение вывести из строя или уничтожить самого могущественного и талантливого из титанов. Сильнейшее побуждение Омниуса избежать поражения, казалось, пересилило его запрограммированное ограничение. Или всемирный разум просто знал о военной хитрости? Агамемнон приступил к выполнению своего коварного плана.

Несмотря на то что он бешено извернулся и отступил назад на своих массивных ступнях, он все же не забыл метнуть подальше от себя изуродованную прозрачную сферу с муляжом своего головного мозга. И швырнул он ее не куда-нибудь, а в тело робота Голиафа.

Используя все возможности своего специально сконструированного корпуса, Агамемнон опустил сердцевину его ниже уровня ступней, чтобы защитить мозг, сделав такое же движение, какое делает черепаха, прячущая голову в панцирь.

Сфера с муляжом ударилась о корпус робота, и в этот момент произошла детонация. Муляж мозга был сделан из

затвердевающей пенной взрывчатки. Из сферы с ревом вырвалось пламя, не задевшее Агамемнона, но опалившее и оплавившее камень площадки. Взрыв вырвал внутренности робота, сорвал с его плеч голову, разорвал торс. Взрывной волной едва не снесло стены колизея.

Агамемнон уцелел, а гладиатор Омниуса пал.

— Превосходно, генерал!

В компьютерном голосе, прозвучавшем из динамиков громкоговорителя, проскользнули нотки истинного непритворного удовлетворения.

— Это был свежий и очень зрелищный маневр.

Агамемнон продолжал недоумевать — знает ли Омниус, что мозг в прозрачной сфере был всего лишь муляжом? Или всемирный разум нашел способ обойти защитное ограничение, вложенное в его программу Барбароссой много лет тому назад? Теперь никогда нельзя быть уверенным в том, что Омниус не захочет убить его в очередном ристалище. Но, быть может, всемирный разум желает всего лишь умерить гордыню амбициозных титанов и предостеречь их от ощущения собственной сверхценности. Особенно это касалось Агамемнона.

Но только один Омниус знал это наверняка, каковы бы ни были его намерения.

Агамемнон, выпрямившись, подошел к остаткам разрушенного робота, от которого поднимались к небу языки пламени и клубы дыма, и поставил на них ступню древним жестом могучего победителя.

— Я победил тебя, Омниус, и требую свою награду.

— Естественно, генерал, — добродушно ответил всемирный разум. — Тебе не надо даже высказывать свою волю. Да, я разрешаю тебе и твоим кимекам нанести еще один удар по хретгирам. Идите, бейтесь и наслаждайтесь битвой.

Уцелевшим приходится приспосабливаться.

Зуфа Ценва. Из лекции, прочитанной колдуньям

Вориан Атрейдес и Севрат снова путешествовали в космосе из одной звездной системы в другую, сидя в чистой, уютной кабине «Дрим Вояджера». Они по-прежнему собирали и доставляли поправки Омниуса для поддержания соответствия в деятельности единого всемирного разума, распространенного по всему синхронизированному миру. Вориан и Севрат производили обмен новых данных с прежними копиями всемирного разума, синхронизируя воплощения Омниуса и отправляясь на другие планеты с новыми данными, которые они располагали потом в иных участках сети. Вору нравилось быть доверенным человеком.

Дни в космосе похожи один на другой. Странная пара, волею судьбы оказавшаяся на одном корабле, эффективно исполняла свою работу. Севрат и небольшая команда вспомогательных управляемых роботов обеспечивали стерильную чистоту и оптимальное состояние кабины, а Вор иногда оставлял на столах пятна еды, разбрасывал вещи и не заканчивал работу.

Как он часто это делал, Вор стоял у интерактивной консоли в тесном заднем отсеке и рылся в базе данных корабля, чтобы больше узнать о пункте назначения. Его научили выгодам самоусовершенствования и постоянных тренировок, что могло выдвинуть его по сравнению с другими привилегированными доверенными людьми на Земле. Пример его отца, который некогда был безвестным человеком, но сумел подняться до всемогущего титана, покорителя Старой Империи, показывал, сколь многого может добиться обыкновенный, ничем не примечательный человек.

Внезапно он с удивлением обнаружил, что заранее намеченный маршрут «Вояджера» был изменен.

— Севрат, почему ты не сказал мне, что мы присоединили к синхронизированному миру еще одну планету? Я никогда не слышал об этой, как ее, Гьеди Первой в созвездии Офиучи системы Б. Прежде эта планета входила в системы Лиги.

— Омниус запрограммировал это назначение, которое стало теперь нашим курсом, еще до того, как мы отбыли с Земли. Он надеялся, что твой отец покорит Гьеди Первую к тому времени, как мы прибудем на нее. Омниус был уверен в способности Агамемнона делать выводы из ошибок, приведших к поражению на Салусе Секундус.

Вор ощутил прилив гордости за то, что его отец усмирил еще одну непокорную планету и привел ее в подчинение всемирному разуму мыслящих машин.

— Нет сомнения, что все будет в порядке, когда мы прилетим туда. Наши силы к тому времени закончат все зачистки.

— Посмотрим, когда будем на месте. До Гьеди еще целый месяц пути, — возразил осторожный Севрат.

Очень часто они проводили время за традиционными человеческими играми, извлеченными из обширнейшей базы данных, такими, как покер или триктрак, но иногда Вориан изобретал собственные игры, придумывал для них совершенно абсурдные правила, а потом легко обыгрывал Севрата до тех пор, пока автономный робот не усваивал правила.

Эти двое, как ни странно, очень хорошо ладили между собой, хотя их умения и навыки представляли собой разительную противоположность. Севрат был одаренным стратегом, умевшим просчитывать действия на много ходов вперед. Вор же часто изобретал новые подходы, позволявшие ему выигрывать. У Севрата были определенные трудности в понимании сути непоследовательного человеческого поведения.

— Я могу проследить логическую последовательность развития любых событий, начиная с единичного индивидуального события, но я не могу понять, как ты ухитряешься превратить импульсивное и нелогичное поведение в выигрышную и эффективную стратегию. Между твоими действиями нет причинной связи.

Вор только усмехался в ответ.

— Я просто содрогаюсь от отвращения, видя, как ты «рассчитываешь» иррациональное поведение, старый железный умник. Оставь это занятие таким опытным людям, как я.

Сын Агамемнона был, кроме того, весьма искусен в военной тактике и стратегии, это умение он развил, читая описания великих битв древнего человеческого общества, сведения об этих битвах были представлены в обширных мемуарах его отца. Генерал кимеков надеялся, что его сын в один прекрасный день станет совершенным военным гением.

Каждый раз, когда Севрат проигрывал очередную игру, он с удивительным постоянством принимался раздражать и отвлекать Вора избитыми шутками и плоскими анекдотами только для того, чтобы заинтересовать ими надменного молодого человека. В течение всего времени, что капитан-робот знал своего второго пилота-человека, Севрат собирал и накапливал информацию, которую рассчитывал применить в будущем. Капитан-робот научился мастерски затрагивать темы, которые поглощали внимание Вора и заставляли блуждать его мысли.

Севрат трещал без умолку, рассказывая о легендарной жизни Агамемнона, добавляя к своим рассказам детали, о которых Вор не читал в мемуарах отца: о великих битвах, которые выигрывали титаны, о планетах, которые они присоединили к Синхронизированному Миру, и о специальных боевых телах, которые Агамемнон сам конструировал для гладиаторских боев. Однажды капитан-робот состряпал совершенно абсурдную историю о том, как великий генерал в буквальном смысле слова потерял свой разум. Защищенный специальной емкостью мозг кимека отделился однажды от механического корпуса и скатился вниз по склону холма, и механическому телу, которое было специально запрограммированно на такой случай, пришлось долго искать потерянный мозг.

Совсем недавно Вориан открыл для себя информацию, которая расстроила его больше, чем все откровения Севрата, вместе взятые. В промежутках между играми и шутливыми пикировками он часто открывал базы данных, читал любимые куски из мемуаров отца, пытаясь понять поведение машин до мельчайших подробностей. Во время одного из таких

поисков Вор прочел, что его отец зачал, кроме него, еще двенадцать сыновей. Вориан никогда не предполагал, что он один, но, оказывается, у него целых двенадцать неизвестных ему братьев! Великий генерал титанов, конечно, хотел создать потомство, достойное его высокого положения.

Хуже того, он нашел в базах данных, что все двенадцать детей Агамемнона оказались неудачными. Агамемнон тяжело переживал эти разочарования и каждый раз убивал неприемлемого отпрыска, хотя все они, точно так же как Вор, были привилегированными доверенными людьми. Последний сын был казнен почти столетие назад. Теперь Вор стал последней надеждой отца, но он не обязательно был единственным выбором. Должно быть, в хранилищах еще осталось достаточно спермы Агамемнона, так что заменить Вора можно было в любой момент, так же как и других детей титана.

Узнав об этом, Вор приобрел устойчивость к россказням Севрата. Они больше не отвлекали его. Сейчас Вор сидел за столом, глядя на спроецированное на его поверхность игровое поле, и раздумывал над следующим ходом. Юноша понимал, что Севрат не способен разобраться, что происходит в душе непредсказуемого человека. Даже располагая неимоверной независимой сложностью, робот собирал и накапливал только внешние данные и не умел разбираться в тонкостях и скрытых мотивах.

Доверенный человек мимолетно улыбнулся, что сразу же заметил Севрат.

— Ты опять задумал какой-то обман? Решил снова испытать на мне тайную силу человеческого ума?

Вор продолжал улыбаться и смотреть на доску. Это была многомерная игра, развертывавшаяся внутри трехмерного экрана, вмонтированного в крышку стола. Каждый игрок пытался выбрать ту игру или ситуацию из большого множества возможных игр, которая давала ему преимущества, а потом делал ход. Счет был большим, и следующий удачный ход мог принести победу любому из играющих.

Различные варианты игр выскакивали на дисплее в случайном порядке, и каждый раз на обдумывание выбора давалось всего несколько секунд. Он видел, как на графике появлялись все новые и новые игры, останавливались на мгнове-

ние, а потом снова менялись. На поле выбора появилась древняя земная игра го. Здесь для него нет никаких преимуществ. Появился следующий вариант. Выплыла машинная игра, которая требовала большего объема памяти, чем тот, каким располагал человек Вориан. Он пропустил и эту игру. Прошли еще две игры, которые не понравились ему, а потом на экране появился покер. У Вора было право сдачи карт.

Положившись на удачу и везение, Вор зашел против капитана-робота, который был не в состоянии понять стратегию блефования или умения играть, полагаясь на случай. У Вора было непроницаемое лицо, и он мысленно смеялся над растерянностью, которая отразилась на зеркальном «лице» Севрата.

— Ты проиграл, — сказал Вор, — причем проиграл очень крупно.

Он скрестил руки на груди, не без самодовольства заметив, что робот повторил его движение.

— Дело не в счете, а в том, каким способом ты пытаешься добиться победы.

Севрат ответил, что не хочет больше играть, и Вор посмеялся над ним.

— Ты надулся, старый железный умник!

— Я просто хочу разобраться в своей тактике.

Вор привстал и похлопал робота по плечу, словно желая утешить его.

— Может быть, ты останешься здесь и немного попрактикуешься, а я пока поведу корабль? До Гьеди Первой еще так далеко.

Мир полон сожалений, и среди них есть моя доля.

Серена Батлер. Неопубликованные воспоминания

Серый, как облака, корабль для прорыва блокад был не только скоростным и трудно различимым на фоне пасмурного неба Гьеди Первой, он обладал сложным профилем корабля-невидимки, лучшим, чем у любого из кораблей арсенала Лиги. Серена надеялась, что опытный Орт Вибсен сумеет отыскать брешь в системах слежения планеты и проведет корабль сквозь нее, доставив ее команду на уединенный остров в северном море, где они намеревались начать свою работу.

Пинкер Джибб обеспечил экспедицию картами, планами и кодами доступа к генераторам вторичных защитных полей на случай, если они остались целы. Несмотря на то что экспедиция имела в своем составе самых лучших военных советников и инженеров, она не сулила легкой победы и очевидных результатов.

После долгого путешествия в открытом космосе они летели теперь в облаках, тщательно рассматривая сливающийся в однотонную массу ландшафт, расстилавшийся внизу. Ненужные теперь станции электрической сети были отключены и тонули в непроглядном варварском мраке. Машины могли спокойно настроить свои сенсорные датчики для существования в полной темноте.

Серена не имела ни малейшего представления о том, сколько солдат и офицеров внутренней гвардии остались живы после понесенного поражения. Она надеялась, что некоторые из них ушли в подполье после захвата планеты мыслящими машинами, как уверял всех отчаявшийся курьер Джибб. Если участникам экспедиции удастся запустить генераторы разрушающего поля, то внутренняя гвардия станет просто необходимой для подавления мыслящих машин и овладения планетой. Рас-

считывала Серена и на то, что Ксавьер приведет Армаду на Гьеди, за какие бы нити для этого ни пришлось дергать и на какие бы педали нажимать.

Серена сидела в пассажирской каюте штурмовика и горела желанием скорее взяться за дело. Сейчас ее отец уже знает, куда она улетела, а Ксавьер уже, наверное, отправил свои ударные силы на Гьеди Первую. Если он не придет к ней на помощь, то их миссия обречена на провал, а она сама и ее команда — на верную гибель.

Ксавьер, конечно, очень расстроится и встревожится, да и рассердится на нее за идиотский риск. Но если ей удастся добиться успеха, то все усилия и жертвы окажутся не напрасными.

Теперь выбора нет, надо сосредоточиться на выполнении поставленной задачи. Наклонившись вперед в фонаре пилотской кабины, старый Орт Вибсен внимательно вглядывался в просторы северного моря, пытаясь разглядеть незаконченную генераторную станцию. Из донесений Ксавьера Серена знала только общее расположение станций, но понимала, что покорившие планету мыслящие машины не станут тратить время на заброшенный арктический остров, занимаясь порабощением уцелевшего населения Гьеди Первой. Может быть, они смогут не привлечь к себе внимания машин все то время, которое потребуется Бригит Патерсон и ее инженерам для запуска генераторов вторичного поля. Обветренный ветеран посмотрел на консоль управления и задумчиво почесал шершавую щеку. После своей вынужденной отставки старый вояка махнул на себя рукой и полностью утратил подтянутость выправки и подчеркнутую опрятность кадрового военного. Теперь, в конце долгого космического путешествия, он выглядел особенно неряшливо. Но Серена брала его в экспедицию не за чистоту гардероба и не за гигиенические привычки.

Некоторое время ветеран продолжал вглядываться в светлые полоски и пятна на экране сканера.

— Вот он. Должно быть, это тот самый остров.

Удовлетворенно хмыкнув, он грациозно, как пианист, заиграл на клавиатуре, выбирая извилистый, но надежный и безопасный маршрут сквозь защитные электронные системы сенсорного слежения машин.

— Невидимая поглощающая пленка на корпусе корабля позволит нам незаметно проскользнуть прямо сквозь их систему слежения. У нас шестьдесят, нет, пожалуй, я бы сказал, семьдесят процентов шансов.

Серене пришлось примириться с мрачной реальностью.

— Это гораздо больше, чем у людей на Гьеди Первой.

— В данный момент, — поправил ее Вибсен.

В пилотскую кабину вошла Бригит Патерсон, мастерски удерживая равновесие, несмотря на то что корабль поминутно швыряло в разные стороны порывами встречного ветра.

— Большая часть командования Армады даже не воспользуется этим шансом. Они, вероятно, спишут в расход Гьеди Первую, если не найдут способ высадиться здесь, не подвергая себя ни малейшему риску.

— Мы сейчас просто покажем им, как это делается, — сказал Вибсен. Как хотелось Серене, чтобы Ксавьер был сейчас здесь, чтобы они смогли принять решение вместе.

Закамуфлированный боевой корабль скользнул сквозь туманную атмосферу и, совершив немыслимый вираж, оказался над холодным свинцовым морем.

— Время нырять. Скрываемся из виду, — произнес ветеран. — Держитесь!

Гладкий корабль вошел в воду, как раскаленный утюг. Над местом падения поднялся столб пара, но на воде появилась лишь едва заметная рябь. После этого укрытый океаном корабль продолжил свой путь к координатам каменистого острова, на котором нервный магнус Суми строил свои резервные генераторы.

— Я бы сказала, что теперь мы вне зоны досягаемости машинных сенсоров, — сказала Серена. — Теперь на какое-то время можно вздохнуть спокойно.

Вибсен задорно выгнул бровь.

— Я еще даже не начинал потеть.

Словно опровергая собственное замечание, он с трудом справился с приступом кашля, который напал на него, когда Вибсен попытался выправить положение корабля, попавшего в подводный водоворот. Старик выругал свое никудышнее здоровье, помянув при этом лекарственный дозатор, имплантированный в его грудину.

— Коммандер, не ставьте под угрозу нашу миссию из-за своей упрямой гордости, — укоризненно сказала Серена.

Корабль завалился набок, раздался металлический скрежет. За переборкой что-то угрожающе зашипело.

— Черт бы побрал эти водовороты! — Краснолицый Вибсен выправил штурмовик, потом обратил свой горящий взгляд на Серену. — Сейчас я просто водитель и расслаблюсь только тогда, когда благополучно высажу вас на остров.

Корабль шел достаточно глубоко, чтобы не столкнуться с айсбергами, плывшими из арктических регионов, и наконец подошел к мелководной бухте. На экране сканера остров выглядел величественным и скалистым, покрытым черными камнями и льдом.

— По мне, этот кусок камня мало похож на курорт, — пробурчал Вибсен.

— Магнус Суми выбрал это место не за его красоты, — сказала Бригит Патерсон. — Отсюда, из полярной области, защищать планету очень удобно и надежно. Отсюда можно прикрыть все населенные участки суши.

Вибсен вывел штурмовик на поверхность воды.

— Мне все равно кажется, что это отвратительное место.

Выведя корабль в глубокую гавань, окруженную гребнями утесов, он снова начал кашлять, громче и натужнее, чем обычно.

— Проклятый аппарат совсем выбился из графика.

Ветеран выглядел скорее раздраженным, чем расстроенным.

— Мы идем на автопилоте, придерживаясь старого курса. Позовите сюда Джибба, пусть немного полетает, в конце концов, это его родной дом.

Кудрявый Пинкер Джибб внимательно смотрел на приближающийся островной комплекс, явно разочарованный тем, что внутренняя гвардия до сих пор не восстановила его и не привела в действие. Он сменил ветерана за консолью управления и повел штурмовик к заброшенному берегу острова, к грузовым причалам. Когда корабль пристал к берегу, Пинкер открыл люки.

Пурпурный восход багровым кровоподтеком растекался по северному небу. Вдыхая свежий, но обжигающий холодом воздух, Серена, одетая в теплый комбинезон, стояла на палу-

бе рядом с другими членами своей команды. Скалистый остров выглядел не слишком гостеприимным и совершенно покинутым.

Однако душу участников экспедиции согревал вид серебристых башен с параболическими боковыми антеннами и ажурными металлическими решетками, которые были покрыты льдом и инеем, но казались нетронутыми вторгшимися на планету мыслящими машинами.

— Когда мы их включим, то роботы даже не успеют понять, что их убило, — сказал Вибсен, выбравшись на открытую палубу. Старику явно стало лучше. Он выдохнул на руки облако густого белого пара.

Серена продолжала смотреть на башни, на лице ее, сметая выражения всех остальных чувств, отразились надежда и решимость. Бригит Патерсон с деловым видом согласно кивнула:

— Именно поэтому мы и должны очень тонко сделать свою работу.

Во время войны каждый говорит о своем стремлении внести свой вклад в общее дело. Некоторые ограничиваются этими красивыми словами, некоторые платят деньги, но лишь очень немногие жертвуют на алтарь победы вплоть до жизни. Именно поэтому, как я полагаю, мы не можем победить мыслящих роботов.

Зуфа Ценва. «Оружие Россака»

Глядя на четырнадцать самых сильных и преданных общему делу колдуний Россака, Зуфа Ценва прекрасно понимала, что эти женщины — отнюдь не единственная надежда человечества. Они не были единственным оружием, пригодным для борьбы с чудовищными кимеками, и не с их помощью могла Лига нанести свой самый сокрушительный удар по роботам. Но все же эти женщины были существенным вкладом в дело освобождения.

Зуфа Ценва стояла со своими ученицами в густом подлеске и смотрела на них с сочувствием и любовью. Кроме них, никто на планетах Лиги не был так уверен в успехе и не был столь самоотверженно предан делу победы. Сердце ее было готово разорваться от гордости, когда она видела, как эти молодые женщины горят желанием отдать до капли всю свою энергию для достижения конечной цели. Если бы все были такими же, то мыслящие машины были бы давно разгромлены и забыты.

Осмотрев свой отряд, Зуфа, как она делала это на протяжении последних нескольких месяцев, повела группу в джунгли, где они могли совершенствовать свои навыки, извлекая энергию из своего неукротимого духа. Каждую из этих женщин можно было назвать психологической боеголовкой. Зуфа, которая была от природы одарена бóльшим талантом, чем все ее ученицы, охотно делилась с ними своим умением, доводя

курсанток до границ возможного. Она терпеливо учила их высвобождать невообразимо мощную телепатическую энергию и ставить ее под контроль. Женщины проявляли небывалые способности, далеко превосходившие самые радужные надежды Зуфы.

Но все их усилия должны быть поставлены на службу благородной цели.

Войдя в лес, она села на серебристый ствол упавшего дерева, покрытый волнистыми напластованиями рифленых грибов. Плотный шатер из крон гигантских деревьев, смыкавшихся высоко над головой, отбрасывал на землю затейливо переплетавшиеся между собой тени. Темно-пурпурная листва фильтровала едкую дождевую воду, и свежие, пригодные даже для питья капли, словно слезы невидимого живого существа, медленно падали на рыхлую почву. Крупные насекомые и щетинистые грызуны сновали в верхних слоях почвы, не обращая ни малейшего внимания на подготовку колдуний к испытаниям.

— Сосредоточьтесь. Расслабьтесь, но будьте готовы сконцентрироваться тотчас, как я прикажу вам это сделать.

Зуфа еще раз оглядела женщин. Все они были высокими, белокожими, с блестящими светлыми волосами. Они были похожи на ангелов-хранителей, сияющих небесным светом существ, посланных Богом для защиты человечества от мыслящих машин. Разве могла быть иная причина, по которой Всемогущий одарил их такой мощной ментальной силой?

Ее взгляд скользил от одного лица к другому. Силин — дерзка и импульсивна. Камио, придумывавшая свои оригинальные формы атаки. Тирбес, все еще не знающая пределов своей силы. Руция — эта всегда действует с потрясающей цельностью. Геома — обладает почти дикой необузданной силой. И еще девять других. Если бы Зуфе потребовалось вызвать добровольцев, то она знала, что эти колдуньи окажутся в первых рядах, требуя каждая для себя такой высокой чести. В ее задачу входило отобрать первых кандидаток, готовых принести себя в жертву ради общего дела. Ксавьер Харконнен был готов и горел желанием вылететь на Гьеди Первую.

Она любила курсанток, как своих детей. Да, собственно говоря, они и были ее детьми, так как следовали ее мето-

дам, увеличивая свой и без того немалый потенциал. Эти молодые женщины были так не похожи на ее родную дочь Норму...

Глядя на главную колдунью, четырнадцать курсанток стояли плечом к плечу, внешне спокойные и умиротворенные, но внутренне напряженные, словно свернутые пружины. Глаза их были полузакрыты. Ноздри раздувались при дыхании. Они считали частоту своих сердечных сокращений, используя врожденную способность к отрицательной обратной связи для изменения своих телесных функций.

— Начинайте концентрировать в сознании энергию. Чувственно представьте ее себе как накопление статического электричества перед мощным дуговым разрядом.

Она заметила, как на мгновение изменились выражения лиц курсанток.

— Теперь постепенно, очень понемногу набирайте энергию. Представьте ее себе в виде картины, но не теряйте над ней контроль. Один шаг, потом второй. Прочувствуйте, как усиливается мощность, но не высвобождайте ее. Вы должны научиться владеть собой.

В полумраке грибных джунглей Зуфа явственно слышала потрескивание накапливающейся телепатической энергии. Она довольно улыбнулась. Ощутив слабость, но не желая показывать ее курсанткам, Зуфа не спеша уселась на бревно. Недавний тяжелый выкидыш, когда она разрешилась чудовищным недоношенным отпрыском Аврелия Венпорта, высосал из нее все силы. Но у нее была масса работы, которую нельзя было ни отложить, ни передать кому-либо другому. Лига Миров зависела от нее, особенно сейчас.

Все ожидали от Зуфы Ценва многого, но она сама возложила на свои плечи гораздо большую тяжесть. В каждом случае, когда люди отказывались прикладывать усилия или идти на необходимый риск, ее планы и мечты терпели провал. Эти талантливые и старательные курсантки казались другими, нежели большинство людей, и она уверила себя в том, что сможет дотянуть этих учениц до своих стандартов. Слишком часто Зуфа Ценва мерила людей своей меркой.

— Еще один этап, — скомандовала она. — Интенсифицируйте свою энергию. Посмотрите, до каких пределов она мо-

жет дойти, но будьте постоянно начеку. Сейчас один неверный шаг может свести к нулю все прежние усилия. Род человеческий не может позволить себе такую роскошь — лишиться нас с вами.

Психическая энергия начла пульсировать с большей амплитудой. Светлые волосы колдуний поднялись дыбом, словно на них перестала действовать сила гравитации.

— Хорошо. Отлично! Продолжайте наращивать энергию.

Успех курсанток привел Зуфу в восторг.

Она никогда не отличалась склонностью к своему возвеличиванию, хотя была суровой и трудной в общении наставницей, никогда не выражавшей сочувствия или терпимости к людям, допускавшим промахи или ошибки. Главная колдунья не нуждалась в богатстве и больших доходах, как Аврелий Венпорт, в почестях, как Тио Хольцман, или даже в знаках внимания, как Норма, убедившая саванта Хольцмана взять ее в ученицы. Если Зуфа Ценва и была нетерпеливой, то имела на это полное моральное право. Настало время великого перелома.

Подлесок зашевелился, когда насекомые и грызуны бросились прочь от губительных волн психической энергии, которые нарастали стремительным и мощным крещендо. Деревья скрипели и трещали, листья и сучья трепетали, словно стремясь оторваться от материнских стволов и улететь в джунгли. Зуфа прищурила глаза и пытливо всмотрелась в лица своих курсанток.

Теперь они достигли самой опасной точки испытаний. Ментальная энергия достигла такой интенсивности, что тела колдуний стали светиться, как куски раскаленного железа. Зуфе пришлось призвать на помощь все свое умение и сформировать вокруг себя защитный барьер, чтобы избежать такого массированного натиска на головной мозг. Одна ошибка, и все пойдет насмарку.

Но она понимала, что ее талантливые ученицы ни за что не допустят такой ошибки. Они понимали, насколько высоки ставки и тяжелы последствия. У Зуфы щемило сердце, когда она смотрела сейчас на курсанток.

Одна из учениц, Геома, демонстрировала больше силы, нежели ее подруги. Она подняла энергию на более высокий

уровень, продолжая легко ее контролировать. Разрушительная сила могла легко, как лесной пожар, пожрать ее мозговые клетки, но Геома сдерживала ее, глядя в пространство ничего не видящими глазами, в то время как ее волосы трепетали в потоках психической энергии, как волны разбушевавшегося моря.

Вдруг откуда-то с высоты, с большого дерева, на землю рухнул сларпон, чешуйчатая тварь с острыми, как иглы, зубами и плотным, покрытым непроницаемой броней телом. Он с треском рухнул на землю между женщинами, выброшенный из своей засады, и пришел в неописуемую ярость от волн психической энергии. Он разевал свою пасть, щелкал мощными челюстями, бил лапами и извивался всеми своими суставами.

Ошеломленная Тирбес дрогнула, и Зуфа почувствовала, как неконтролируемый поток энергии хлестнул из ученицы, как язык пламени.

— Нет! — крикнула она и, спрыгнув со своего места, бросилась к курсантке, чтобы своей собственной энергией, как одеялом, прикрыть невольный промах колдуньи. — Держи энергию под контролем!

Геома, сохраняя полное спокойствие, провела пальцем по воздуху в направлении зверя, словно стирая ошибку с магнитной доски. При этом она направила поток психической энергии на чешуйчатого разбушевавшегося хищника. Сларпон взорвался раскаленными добела языками пламени, извиваясь, в то время, когда его кости стремительно обугливались, кожа трескалась и съеживалась, а плоть превращалась в кучку пепла. Пламя выскочило тонкими языками из ставших пустыми глазниц.

Подруги Геомы попытались сосредоточиться и выбросить узкий пучок энергии, но в критический момент они невольно позволили себе отвлечься и потеряли контроль над своей телепатической энергетической батареей. Геома и Зуфа непоколебимо удерживали сверхчеловеческое спокойствие, которое разительно контрастировало с лихорадкой, охватившей остальных колдуний. Соединенная психическая энергия ундулировала, волны ее сталкивались и расплескивались в пульсирующем телепатическом поле.

— Отставить, — подала команду Зуфа. Губы ее дрожали. — Ослабьте выход энергии. Загоните ее обратно внутрь. Вы должны сохранить ее и направить обратно в сознание. Это батарея, и она все время должна быть заряжена.

Она сделала глубокий вдох и увидела, что все ученицы последовали ее примеру. Одна за другой женщины вдыхали воздух, и постепенно вокруг погасли импульсы покалывающей энергии, сила поля стала спадать.

— На сегодня хватит. Это самое лучшее из всего, что вы до сих пор делали.

Зуфа подняла веки и увидела, что все ее ученицы смотрят на нее во все глаза. Тирбес была бледна и испуганна, остальные дивились тому, что были так близки к самоуничтожению. Геома, стоя в стороне, не проявляла никаких эмоций, невозмутимо глядя на наставницу.

Вокруг, на довольно большом пространстве, мягкий грибной подлесок был изуродован и обожжен. Зуфа внимательно осмотрела почерневшие листья, упавшие сучья и скрученные в огне лишайники. Еще мгновение, еще небольшой сдвиг в потере контроля над энергией, и все кругом испарилось бы в крутящемся вихре телепатического пламени.

Но они выжили. Тест оказался успешным.

Когда общее напряжение наконец спало, Зуфа позволила себе улыбнуться.

— Я горжусь всеми вами, — сказала она от всего сердца, нисколько не кривя душой. — Вы... вы мое оружие... будете готовы, когда прибудет Армада.

Математические решения не всегда выражаются численно. Как, например, вычислить ценность человечества или одной, отдельно взятой человеческой жизни?

Мыслящая Жена. Архивы Города Интроспекции

Норма Ценва провела два превосходных дня, привыкая к уставленному дорогим оборудованием лабораторному помещению в экстравагантном, расположенном на вершине утеса доме Тио Хольцмана. Предстояло так много сделать и так многому научиться. Самое же лучшее заключалось в том, что савант был готов выслушивать ее идеи. Она просто не могла требовать большего.

Уютный Поритрин разительно отличался своей безмятежной природой от заросших густыми джунглями скалистых каньонов Россака. Норме не терпелось пройти по улицам и проплыть по каналам Старды, которую она видела пока только из высоких окон.

Она на всякий случай попросила у Хольцмана разрешения спуститься к реке, где, как она видела из окна, работает великое множество людей. Она чувствовала себя виноватой, потому что просила об отдыхе вместо того, чтобы без устали размышлять о способах борьбы с мыслящими машинами.

— Мой ум немного устал, савант, и, кроме того, меня разбирает страшное любопытство.

Вместо того чтобы скептически отнестись к этой просьбе, ученый от всего сердца поддержал эту идею и даже, воспользовавшись просьбой Нормы как поводом прерваться и отдохнуть, вызвался сопровождать ее.

— Хочу напомнить, что тебе платят за то, что ты думаешь, Норма. Мы можем делать это где угодно. — Он отодвинул в сторону лист с формулами и набросками. — Возможно, созерцание окрестностей вдохновит тебя на гениальное

открытие. Никогда не знаешь, когда и где посетит тебя вдохновение.

Он провел ее вниз по лестнице, проложенной по скале, нависавшей над Исаной. Стоя рядом с возвышавшимся над ней высоким человеком, она вдохнула запах реки, кисловатый и болотистый от осадков горных пород и остатков растений, сползавших в нее с высоких скалистых берегов. Впервые в жизни она чувствовала, что ее ценят за ее способности. Как это было не похоже на презрение, с которым относилась к ней ее собственная мать.

Норма решила, что настало время затронуть идею, которая пришла ей в голову сегодня утром.

— Савант Хольцман, я изучила ваше разрушающее поле. Мне кажется, что я поняла, как оно действует, но мне кажется, что я знаю способ, как расширить его.

Ученый отнесся к словам девушки с настороженным интересом, словно опасался услышать критическое замечание в свой адрес.

— Расширить? Они и так покрывают практически любую планетарную атмосферу.

— Я имею в виду его совершенно иное приложение. Ваши защитные поля предназначены исключительно для обороны. Что, если мы используем тот же принцип и превратим их в наступательное оружие?

На лице Хольцмана — и это не ускользнуло от внимания Нормы — мелькнуло выражение заинтересованности и готовности слушать.

— Оружие? И как ты планируешь этого достичь?

Норма с жаром заговорила:

— Что, если мы сможем сделать проектор? Это позволит направить поле на крепости и опорные пункты мыслящих машин и гелевые контуры их электронных мозгов. Это будет то же самое, что электромагнитный импульс при воздушном взрыве атомной бомбы.

Лицо Хольцмана озарилось пониманием.

— А, я понимаю. Область действия будет весьма ограниченной, поэтому резко возрастет энергетический выход, который превзойдет всякую меру. Но, возможно... Впрочем, скорее всего это будет работать. Этого будет достаточно, чтобы

вывести из строя электронные устройства в зоне поражения достаточно большого радиуса. — Он похлопал себя по подбородку, идея захватила ученого. — Проектор, да, это было бы хорошо, очень хорошо!

Они шли по набережной, пока не достигли пахнущих гнилью грязевых отстойников, покрытых густой сетью больших луж. Команды оборванных, полуодетых рабов возились в грязи. Некоторые из них были босы, другие обуты в высокие болотные сапоги до бедер. Поле грязи на плоских платформах было разделено на правильно расположенные отсеки, отделенные друг от друга металлическими барьерами. Рабочие ходили взад и вперед от отстойников к платформам, где они опускали вымазанные грязью руки в чаны с грязью. При этом они опускали руки точно на линию, нанесенную в отсеках, расположенных на плавучих понтонах.

— Что они делают? — спросила Норма. Было похоже, что рабочие наносят на слой грязи какой-то понятный только им узор.

Хольцман скривился от отвращения. Он никогда не задумывался над подобными неприятными подробностями жизни.

— Ах, эти? Они высаживают в грязь личинок моллюсков, которых мы выращиваем из яиц, отфильтрованных из речной воды. Каждую весну рабы высаживают сотни тысяч таких личинок или, быть может, миллионы. Я никогда не интересовался деталями. — С этими словами он пожал плечами. — Вода поднимется, покроет высаженные личинки, и они начнут расти. Каждую осень новые команды выбирают выросших на платформах моллюсков. Эти раковины уже имеют размеры приблизительно с ладонь.

Он протянул вперед руку, повернув ее ладонью вверх.

— Они очень вкусны, особенно если пожарить их в масле с грибами.

Она нахмурилась, наблюдая за этой тяжелой и грязной работой и оценив количество людей, возившихся в грязи. Такое использование подневольного труда было противно ее натуре, так же как использование Хольцманом команд вычислителей.

— Савант, это не вызывает у вас какого-то внутреннего протеста? Вы не находите лицемерием говорить о том, что мы

хотим освободить человечество от рабства мыслящих машин, и в то же время некоторые из планет нашей Лиги широко используют рабский труд?

На лице ученого появилось озадаченное выражение.

— Но как еще может Поритрин выполнять необходимые работы, если в нашем распоряжении нет сложных машин?

Когда он наконец заметил озабоченный взгляд Нормы, Хольцман мгновенно понял, что ее огорчило.

— Ах да, я и забыл, что на Россаке не держат рабов! Это так?

Норма не захотела критиковать образ жизни жителей чужой, приютившей ее планеты.

— У нас в этом нет никакой нужды, савант. Население Россака мало, к тому же всегда находится масса добровольцев, готовых выйти в джунгли за добычей.

— Понимаю. Но экономика Поритрина зависит от достаточного количества рук и мышц, выполняющих постоянную работу. Очень давно наши лидеры подписали эдикт, запрещавший использование машин, предусматривающих любую форму применения компьютеров. Возможно, этот эдикт был несколько более радикальным, чем на многих других планетах Лиги. У нас нет иного выхода, кроме как применять ручной труд, то есть использовать человеческую рабочую силу. — Он широким жестом указал на команды рабов, продолжавших копаться в грязи. — На самом деле это не так уж плохо, Норма. Мы кормим и одеваем их. Помни, что эти рабочие были набраны на примитивных планетах, где они жили практически дикой, ничтожной жизнью, умирая от болезней и постоянного недоедания. Эта жизнь для них просто рай.

— Они все прибыли сюда с несоюзных планет?

— Это люди, жившие на планетах, где уцелели остатки колоний религиозных фанатиков, бежавших от гнета Старой Империи. Все они буддисламисты. Впали почти в полное варварство, отреклись от цивилизации и жили, как животные. Здесь по крайней мере они получают рудиментарное образование, особенно те, кто работает на меня.

Норма прикрыла глаза ладонью от ярких лучей солнца и скептически посмотрела на согбенные фигуры на грязевом поле. Согласны ли эти рабы со столь жизнерадостной оценкой ученого?

Лицо Хольцмана стало жестким.

— Кроме того, эти трусы должны платить долг человечеству за то, что они не воюют с мыслящими машинами так, как мы. Разве это не справедливо требовать от них, чтобы они кормили уцелевших в битве ветеранов, которые сдерживали — и продолжают сдерживать — натиск мыслящих машин? Эти люди продали свое право на свободу очень давно, когда уклонились от схватки и предали своим дезертирством все остальное человечество.

В этот же день, вечером, взявшись обеими руками за холодные металлические перила своего балкона, маленькая женщина смотрела на мерцающие огни большого города. Лодки и баржи, плывущие по Исане, казались перенесенными в воду светлячками. В сгущавшейся темноте виднелись пылавшие ярким пламенем плоты, выплывавшие из рабских кварталов и направлявшиеся к болотам. Огни разрастались, потом постепенно гасли и исчезали под водой.

Напевая себе под нос какую-то невнятную мелодию, на балкон вышел Хольцман и предложил Норме выпить чашку ароматного чая, и девушка спросила его о назначении лодок. Прищурившись, Хольцман посмотрел на плывшие по реке костры. Он медленно вспомнил, что делают рабы, разводившие костры на плотах.

— А, должно быть, это кремационные плоты. Исана принимает тела умерших, а пепел выносится по течению в море. Очень эффективная утилизация мертвецов.

— Но почему их так много? — Норма показала рукой на десятки светящихся точек. — Рабы часто умирают? И так происходит каждый день?

Хольцман нахмурился.

— Я что-то слышал об эпидемии чумы в рабочих кварталах. Самое страшное, что рабочих некем заменить. — Предвидя возражения, он с жаром заговорил сам, стараясь уверить Норму в своей правоте. — Тебе не о чем волноваться, поверь мне, я говорю истинную правду. На нашу планету доставлен большой груз лекарств, этого вполне достаточно, чтобы вылечить всех свободных граждан Старды, если они вдруг тоже падут жертвой этой болезни.

— Но что будет со всеми этими рабами, которые продолжают умирать?

Хольцман ответил сразу, но не по существу вопроса:

— Лорд Бладд потребовал обеспечить для них замену. Выработаны строгие требования к здоровью доставляемых кандидатов. Тлулаксианские торговцы плотью будут просто счастливы набрать множество мужчин и женщин с периферийных планет. Жизнь на Поритрине продолжается.

Он протянул руку, чтобы потрепать ее по плечу и ободрить, как ребенка.

Стоя на балконе, Норма попыталась сосчитать количество плавучих костров, но скоро оставила это занятие. Рядом с ней остывал горький чай.

Стоя за ее спиной, Хольцман продолжал жизнерадостно говорить:

— Мне очень понравилась твоя идея относительно наступательного варианта разрушающего поля. Я даже продумал конструкцию переносных полевых проекторов, которые можно использовать непосредственно на поле боя.

— Я понимаю, — ответила она и после минутного колебания добавила: — Я буду работать еще старательнее, чтобы предлагать все новые и новые идеи.

Даже после того как Хольцман ушел, Норма не смогла оторвать взгляд от огромной флотилии пылавших похоронных барж. Она видела, как рабы трудились на грязевых плантациях моллюсков и как вычислители просчитывали результаты решения сотен уравнений в лаборатории Хольцмана. Теперь эти рабы толпами умирали от страшной болезни, но их было так легко заменить...

Лига Благородных отчаянно пыталась защититься от порабощения мыслящими машинами. Норма думала о том лицемерии, какое проявляла при этом Лига.

Люди не созданы равными, и в этом корень социальных потрясений.

Тлалок. «Время титанов»

Прибывший в Хармонтеп тлулаксианский невольничий караван был больше похож на потрепанный конвой, нежели на эскадру боевых судов. Тук Кеедайр следовал в головном корабле, но место пилота и стрелка уступил новобранцу Риксу Ганнему. Еще не пресытившийся ремеслом работорговца Ганнем с радостью доставил такое удовольствие Кеедайру, и опытный торговец плотью решил посмотреть, что вышло из недавно взятого в экипаж новичка.

В юности Кеедайру дважды ломали его плоский нос, и торговец был очень доволен тем, как срослись эти уродливые переломы, придававшие свирепое выражение его волчьему лицу. В правом ухе он носил треугольную серьгу, на которой были выгравированы загадочные иероглифы, значение которых Кеедайр держал в строжайшей тайне, отказываясь перевести их значение кому бы то ни было. Толстая, изрядно тронутая сединой коса свисала с левой стороны головы. Эта коса была предметом особой гордости торговца, ибо по обычаю гильдии косу отстригали, если год оказывался неприбыльным. А коса Кеедайра успела отрасти почти до пояса.

— Мы еще не получили координаты? — произнес Ганнем, нервно поглядывая на панель управления и в иллюминатор пилотской кабины. — Когда мы начнем, сэр?

— Хармонтеп — это несоюзная планета, сынок, а буддисламисты не публикуют навигационных карт. Мы находим деревню и собираем людей. Здесь не существует понятия ценза.

Ганнем в поисках подходящей деревни прильнул к окуляру видоискателя. Гирлянда тлулаксианских кораблей летела над изобиловавшим водой зеленым континентом. Ни холмов,

ни гор не было видно на фоне сырого пейзажа озер, болот и водных путей. Казалось, Хармонтепу претила сама мысль о том, чтобы хоть чуть-чуть приподнять ландшафт над уровнем моря. Да и сами океаны были очень мелкими.

Сделав еще несколько ходок, Кеедайр собирался взять длинный отпуск и провести его на Тлулаксе, закрытой для чужеземцев планете его народа. Это было прекрасное место для отдыха, но Кеедайр был уверен, что не пройдет много времени до того, как его снова потянет в дальние странствия. Как у всякого «снабженца по людским ресурсам», у Кеедайра не было постоянного места жительства.

Биологическая промышленность Тлулакса нуждалась в постоянном притоке свежего материала, взятого от новых людей с неиспорченными генетическими линиями. Тлулаксы, держа в строгом секрете работы, ухитрялись все время водить за нос наивных заказчиков Лиги. Если цена была сносной, а потребность высокой, то аристократы Лиги Благородных с готовностью проглатывали басни о сложных биологических машинах и чанах, в которых выращивались жизнеспособные органы. Фанатически настроенные ученые и исследователи надеялись со временем модифицировать и усовершенствовать свои емкости для выращивания клонов, но пока для этого не были разработаны подходящие технологии.

Намного проще было толпами захватывать забытых всеми людей, обитавших на периферийных планетах. Никто не замечал и не регистрировал похищений, а пленники тщательно классифицировались и заносились в каталоги соответственно своим генетическим свойствам.

Однако в настоящее время, учитывая свирепствовавшую на Поритрине чуму и нехватку в связи с этим жизнеспособных рабов, Кеедайр несколько перепрофилировал свое дело, начав поставлять готовых рабов, так сказать, теплыми, без предварительной биологической обработки...

Невольничий корабль приблизился к болотистой местности, и Кеедайр, нажав клавишу, начал внимательно рассматривать план расстилавшегося внизу ландшафта.

— Снижайся к этим болотам, найди широкую реку и лети вдоль ее течения. По моему опыту, на таких реках всегда стоят деревни.

Когда судно спустилось, работорговец заметил больших темных тварей, плававших под водой, змей, ползавших в похожих на бамбук зарослях. Огромные оранжевые цветы поочередно тот открывали, то закрывали исполинские устьица, напоминавшие мясистые отвратительные пасти. Какое счастье, что не придется долго задерживаться в этом мерзком мире, думал Кеедайр.

— Я кое-что вижу, сэр! — С этими словами Ганнем вывел на подвесной экран увеличенный план местности, указав на несколько десятков хижин, стоявших на сваях посреди болота.

— Что ж, это будет, видимо, неплохой улов, сынок. — Кеедайр связался с другими невольничьими кораблями, шедшими сзади. — Это все равно что рвать плоды в господском саду.

Деревня на болоте выглядела как-то шатко и временно. Круглые хижины были сплетены из тростника, обмазанного илом, смешанным с каким-то пластиковым цементом. Над крышами виднелись подвешенные к столбам антенны, зеркала и ветряные коллекторы. Это было немного странно, так как буддисламисты редко пользовались сложной техникой. Сомнительно, что добыча из этой деревни позволит заполнить трюмы, но Кеедайр был оптимистом. Бизнес в последнее время шел хорошо.

Три боевых судна поравнялись с кораблем Кеедайра; грузовые корабли Тлулакса пока держались в тылу. Рикс Ганнем начал волноваться, когда корабли приблизились к деревне.

— Вы уверены, что у нас достаточно оружия, сэр? Мне еще ни разу не приходилось участвовать в таком набеге.

Кеедайр вскинул бровь.

— Это дзенсунни, сынок. Они пацифисты до мозга костей. Когда пришли мыслящие машины, у этих трусов не хватило мужества сразиться с ними. Я думаю, что в столкновении с этими деревенскими недоумками мы не заработаем ни единой шишки. Поверь мне, ты никогда в жизни не видел столько зубовного скрежета и заламывания рук. Эти люди очень склонны к патетике.

Он включил селекторный канал и начал переговоры с экипажами транспортных судов.

— Выбейте сваи из-под трех стоящих на краю деревни хижин, чтобы они рухнули в воду. Это заставит остальных жителей выбежать из домов. После этого мы пустим в ход парализующие проекторы. — Голос работорговца был спокоен и даже скучен. — У нас будет масса времени, чтобы отобрать ценные экземпляры. Если будут раненые, то мы используем их для заготовки органов, но вообще сегодня я предпочел бы получить неповрежденные тела.

Ганнем смотрел на Кеедайра с обожанием. Работорговец снова заговорил в микрофон селектора:

— Добыча будет богатой. Тот, кто сумеет захватить невредимыми молодых мужчин и способных к деторождению женщин, получит хорошую премию.

Пилоты, бывшие на связи, приободрились, потом четыре боевых корабля пошли в пике на беззащитную болотную деревню. Молодой Ганнем помедлил, когда остальные невольничьи суда пошли в атаку. Раскаленными лучами они подрубали высокие сваи, и хрупкие домики начали рушиться в темную, мутную воду.

— Ну, теперь стреляй, сынок! — приказал Кеедайр.

Ганнем разрядил оружие, лазерный луч перерубил толстую сваю и снес кусок стены. Стебли тростника вспыхнули ярким пламенем.

— Не нужно столько разрушений, — сказал Кеедайр, стараясь прикрыть безразличной миной свое нетерпеливое раздражение. — Мы не должны причинить вреда жителям, ведь мы еще даже не видели материал.

Как и предсказывал работорговец, местные жители вели себя жалко и патетически. Дзенсунни, ломая руки и громко крича, выбегали из хижин. Некоторые из них по приставным лестницам и шестам пытались добраться до лодок, качавшихся возле домов.

На краю деревни с шипящим плеском приводнились два транспортных судна, предназначенных для человеческого груза, их раскаленные трением корпуса на несколько мгновений исчезли в облаках пара. Открылись понтоны, удерживавшие суда на плаву, а люки грузовых отсеков легли как сходни на твердую травянистую почву.

Кеедайр велел Ганнему посадить корабль рядом с мечущейся толпой местных жителей. Некоторые из них бросались в мелкую, по пояс, воду, женщины пытались утащить детей в густые тростниковые заросли, а молодые люди воинственно потрясали копьями, которые больше годились для рыбной ловли, чем для войны.

Первые штурмовые суда тлулаксов сели на болото мягко, выбросив плоские посадочные платформы, погрузившиеся в илистый грунт под водой. Когда Кеедайр появился с парализующим пистолетом в руке на кочке, покрытой спутанной травой, его подчиненные уже были на месте и начали стрелять, тщательно выбирая свои цели.

Следовало вывести из строя молодых, здоровых мужчин. Тому было два основания: во-первых, такой товар очень высоко ценился на рынках Поритрина, а во-вторых, молодые мужчины могли при благоприятном для них стечении обстоятельств создать проблемы.

Кеедайр вручил парализующий проектор улыбающемуся, но оробевшему Риксу Ганнему:

— Стреляй лучше, сынок, если хочешь получить свою долю добычи.

Мальчик Исмаил уверенно вел свою лодку по речке, находя путь между стеблями тростника в извилистых рукавах. Стебли заканчивались гораздо выше его головы, даже когда он вставал во весь рост в своем утлом, хрупком суденышке. Оранжевые цветки на вершинах стеблей с чавкающим звуком открывались и закрывались, захватывая насекомых, летавших над болотом.

Восьмилетний Исмаил выглядел намного старше своих лет, и уже давно. Дед по материнской линии, который воспитывал мальчика после смерти его родителей, хорошо готовил его к самостоятельной жизни. Исмаил хорошо знал, как искать скопления яиц кара, которых не могли обнаружить даже гигантские угри.

Кроме того, он отыскал множество листьев салата и поймал двух рыб. Одна рыба принадлежала к виду, которого Исмаил до сих пор не встречал. В корзинке трещали и попискивали ядовитые твари, которые ползали по стенкам корзинки,

временами высовывая свои членистые конечности из мелких отверстий. Сегодня Исмаил поймал восемнадцать молочных жуков, каждый размером с ладонь. Сегодня семья наестся досыта!

Но приблизившись к деревне, направляя лодку по коричневатой воде, Исмаил вдруг услышал крики и вопли, перемежавшиеся странными жужжащими звуками. Это были электростатические разряды. Исмаил начал грести быстрыми, но осторожными гребками, стараясь не привлечь к себе внимания. Стебли тростника были очень высоки, и мальчик не мог ничего видеть.

Обогнув заводь, он увидел невольничьи корабли работорговцев, ужасы о которых передавались жителями деревень из уст в уста. Именно из страха перед этими пришельцами люди строили свои деревни в таких глухих и недоступных местах. Несколько хижин рухнули в воду, остальные были объяты пламенем. В это было невозможно поверить!

Мальчику хотелось закричать и броситься на незваных гостей, но разум подсказал, что надо бежать. Исмаил видел, как враги направляли свои парализующие пистолеты на людей, которые один за другим падали в воду. Некоторые пытались прятаться в строениях, но пришельцы легко сметали ветхие хижины, проникая всюду.

У дзенсунни не было замков на дверях и не было мест, куда можно было бы спрятаться. Как и все последователи буддисламизма, они были мирными людьми. Между поселениями Хармонтепа никогда не было вражды и войн, во всяком случае, Исмаил никогда об этом не слышал.

Сердце мальчика бешено колотилось. Такое сотрясение почвы неизбежно вызовет наплыв гигантских угрей, хотя эти хищники обычно очень вялы в дневное время суток. Если нападавшие не подберут упавших в воду парализованных людей, то угри сегодня славно попируют...

Стараясь не плескать веслами, Исмаил подобрался ближе к одному из штурмовых судов. Он видел, как его двоюродная сестра Тейна упала, сраженная лучом проектора, и как ее подобрал какой-то грязный человек, уложивший ее бесчувственное тело на металлический плот.

Исмаил не знал, что делать. В ушах стоял неумолчный рев, он слышал, как стремительно пульсирует кровь в его голове.

Потом он увидел, как его дедушка, Вейоп, появился между хижинами и бросился в середину творящегося хаоса. Старый вождь держал в руке символ своей власти — бронзовый гонг, подвешенный на длинном шесте. Дедушка Исмаила не выказывал и тени страха, и мальчик тут же испытал облегчение. Он верил, что мудрый старик, который всегда улаживал любые споры, сможет и сейчас найти выход из положения и спасти деревню.

Но в глубине души Исмаил испытывал невероятный, иссушающий страх. Он понимал, что все это не кончится так просто.

Рикс Ганнем подтвердил свою репутацию отличного стрелка. Парализовав свою первую жертву, новичок пришел в неописуемый восторг и с удовольствием продолжил это занятие. Кеедайр мысленно вел подсчет, оценивая количество добычи, хотя точное число нельзя будет назвать до того, как все тела окажутся на транспортных судах, упакованные в специальные сохраняющие гробы.

Кеедайр, стиснув зубы, слышал крики и мольбы жителей деревни. Вероятно, так же молили о пощаде жители Гьеди Первой во время недавнего нападения мыслящих машин на эту планету. У него были деловые партнеры на Гьеди, но Кеедайр сомневался, что когда-нибудь увидит их живыми.

Нет, нельзя давать себе волю и испытывать жалость к этим ублюдкам дзенсунни.

Геннем обратил его внимание на старика, который выступил вперед.

— Как вы думаете, что он делает, сэр?

Старик тем временем принялся ритмично бить в бронзовый гонг на длинном шесте. Ганнем поднял пистолет.

— Возьмем его?

Кеедайр отрицательно покачал головой:

— Нет, он слишком стар, не трать на него заряд.

Двое других, более опытных работорговцев думали точно так же. Они отобрали у старика гонг, сломали шест, а самого

старика столкнули в воду и принялись оглушительно хохотать, глядя, как он выкрикивает страшные проклятия на смеси своего родного языка и галаха, универсального языка Вселенной. Униженный старик поплыл к берегу.

Оставшиеся жители деревни стонали и плакали, но большинство молодых мужчин уже были парализованы и погружены в лодки. Старухи и чумазые дети громко вопили, но не пытались оказать сопротивление. Кеедайр торжествующе посмотрел на Рикса Ганнема.

Внезапно позади них из зарослей тростника быстро выплыл на утлой лодчонке какой-то мальчишка и стремительно выпрыгнул из суденышка. Он начал бросать палки в Ганнема и Кеедайра, крича что-то о своем дедушке. Кеедайр пригнулся как раз вовремя. Над его головой пролетел большой камень.

Тогда мальчик вытащил из лодки корзину и опрокинул ее содержимое на Ганнема. Хрупкая корзинка развалилась, и из нее выпали огромные насекомые с остистыми длинными лапами, мгновенно облепившие грудь и лицо Ганнема. Второй пилот завизжал от страха и отвращения, начал давить и стряхивать с себя отвратительных созданий, но они продолжали упрямо ползти по его рукам и одежде. Из раздавленных тел этих насекомых вытекала густая, похожая на гной жидкость.

Кеедайр схватил парализующий пистолет Ганнема и направил его на докучливого мальчишку. Когда его тело, безвольно обмякнув, повалилось в воду, Кедайр разрядил пистолет в своего второго пилота. Это был не самый лучший выход, но по крайней мере теперь удалось обездвижить ядовитых насекомых, а не только Ганнема. На борту корабля незадачливого молодого работорговца положат в сохраняющий гроб вместе с новыми пленниками. Кеедайр не знал, выживет ли парень или просто будет всю жизнь помнить свой первый рейд, как кошмарный сон.

Он громко приказал своим людям собрать тела потерявших сознание, парализованных людей. Похоже, им потребуется еще один транспортный корабль. Не такой уж плохой день, подумал Кеедайр. Посмотрел на неподвижное тело мальчика-аборигена. Жалкий и оборванный мальчишка-дзенсунни был, несомненно, глуп и задирист. Даже пораженный па-

ализующим зарядом и до невозможности грязный, он выглядел жилистым, здоровым и крепким. Вероятно, он все же слишком молод для того, чтобы забирать его с остальными рабами. Кеедайр решил все же взять мальчишку. Он создал проблему, и его надо примерно наказать, особенно если умрет Ганнем. Старый вождь деревни выбрался на берег и, стоя там, мокрый с головы до ног, выкрикивал буддисламические сутры, призывая бога сбить пришельцев с дороги на обратном пути. Мертвые тела плавали в воде вниз лицом. Некоторые из совершенно отчаявшихся жителей деревни, вопя и причитая, пытались длинными шестами подогнать тела к берегу. Кеедайр увидел длинные, извивающиеся тела каких-то тварей, которые плыли по реке, привлеченные шумом. Одна из них высунула голову из воды и разинула пасть, полную острых белых клыков. От одного вида этого свирепого зверя по спине Кеедайра пробежал холодок страха. Кто знает, какие еще чудовища водятся в этом затерянном в глубинах Вселенной, забытом богом и людьми мире?

Стремясь как можно быстрее покинуть это зловонное болото, Кеедайр приказал своим людям поторопиться, а сам принялся наблюдать, как они грузят рабов в специальные отсеки невольничьих кораблей. Он был рад, что скоро снова окажется на борту своего чистого корабля. Правда, прибыль от удачного набега с лихвой покроет все неудобства и дискомфорт.

Когда все было готово, он поднялся на свой корабль, открыл люк, вошел в кабину, запустил двигатель и извлек из густого ила вымазанный грязью стабилизатор. Оторвавшись от земли и взлетев в подернутое дымкой небо, Кеедайр еще раз посмотрел на болото и увидел, как гигантские угри пожирают распростертые на воде тела мертвецов.

Вселенной управляет разум. Мы должны сделать так, чтобы это был разум человека, а не его машинная версия.

Примеро Файкан Батлер. «Мемуары джихада»

Зуфа Ценва выбрала своих наиболее талантливых и одаренных учениц, чтобы те стали первым оружием против кимеков на Гьеди Первой. Сильная и преданная колдунья Геома лучше других соответствовала этой роли.

Находясь в своем доме, расположенном в скальном городе Россака, Зуфа координировала свою личную операцию с действиями Армады Лиги. Прикусив губу, главная колдунья едва сдерживала жгучие слезы гордости.

Неожиданная и плохо спланированная высадка Серены Батлер на Гьеди дала необходимый толчок и гальванизировала Армаду, готовую теперь к выступлению. Преодолев споры и разногласия, трескотню здравомыслящих пророков, Ксавьер Харконнен предложил хорошо продуманный план наступательной операции. После этого он убедил начальство поручить ему возглавить передовые соединения, которые должны были нанести первый удар. Теперь, барражируя высоко над Россаком, боевая группа баллистических боевых кораблей и таранных ракетоносцев была готова отбыть с орбитального положения.

Первый же карающий удар по машинным интервентам должен был стать драматичным и, безусловно, победоносным, а не просто боем местного значения. Каждая планета поддерживала другие, и все они вместе действовали как звенья одной цепи. Терсеро Харконнен поведет боевую группу Армады, вооруженную новыми переносными разрушающими проекторами Тио Хольцмана, которые позволят уничтожить ключевые позиции роботов.

Колдунье же предстояло уничтожить человеческий мозг кимеков, на которых не действовали разрушающие гелевые

контуры роботов лучи поля Хольцмана. От сознания того, что на ее долю выпало выполнить столь значительную миссию, Геома приняла свою роль без колебаний.

Это была худощавая стройная молодая женщина двадцати трех лет, с волосами цвета слоновой кости, миндалевидными глазами и простым лицом, за бесстрастной маской которого скрывался вихрь ее мощного сознания. Но Зуфа знала не только о ментальных навыках Геомы; для нее девушка была дорогим человеком, дочерью, которую она всегда хотела иметь. Геома была старшей из пяти сестер; три из них были тоже включены в число учениц главной колдуньи.

Зуфа встала перед своей самой любимой протеже и положила руки на ее угловатые плечи.

— Ты понимаешь, как много зависит от этого рейда. Я знаю, что ты не подведешь ни меня, ни все человечество.

— Я сделаю все, чего от меня ждут, — пообещала Геома. — Может быть, даже больше того.

У Зуфы стало тяжело на сердце, оно было готово разорваться от волнения. Когда высокая стройная колдунья направилась к челноку, Зуфа окликнула ее.

— Ты будешь не одна, мы все прилетим следом за тобой.

Во время последних приготовлений к отлету главная колдунья самыми суровыми словами упрекала мужчин Россака, укоряя их в том, что они не способны играть какую-либо роль в развернувшейся смертельной борьбе. То, что они не обладают телепатическими способностями, не может служить оправданием их неучастия в общем деле. Все были обязаны помочь Гьеди Первой, попавшей под удар мыслящих машин. Глядя на мужчин своими свинцово-серыми глазами, она устыдила их, и шестеро мужчин вызвались в качестве телохранителей сопровождать тонкую, как статуэтка, колдунью в ее опасной миссии.

Мужчины взяли с собой самые мощные стимуляторы и болеутоляющие средства, которыми снабдил их Аврелий Венпорт. Они научились обращаться с самым современным оружием и были обучены приемам рукопашного боя. Придет время, и они станут фанатичными воинами, которые вступают в битву, не думая о собственном выживании, не имея других целей, кроме той, чтобы дать колдунье возможность подойти на нужное расстояние к кимеку. Венпорт тщательно отобрал

лекарства, создав смесь, которая могла поддержать боеспособность человека в самых страшных обстоятельствах.

Наблюдая, как челнок, описывая в воздухе серебристую дугу, взлетает к ожидавшим его штурмовикам и баллистическим кораблям, Зуфа чувствовала сожаление, ее обуревали мрачные предчувствия. Она изо всех сил старалась отогнать эти эмоции, прикрыв их щитом уверенности и клятвой верности долгу.

К ней незаметно подошел Аврелий Венпорт и встал рядом, словно и он тоже утратил дар речи. Этот человек был достаточно чувствителен для того, чтобы понять печаль, которая охватила Зуфу от расставания со своей лучшей ученицей.

— Все будет хорошо.

— Нет, не будет. Но она сделает все.

Венпорт посмотрел на нее с выражением теплого участия, которое пробило брешь в колючках Зуфы.

— Я понимаю, дорогая, что ты сама хотела стать первым оружием. Геома, несомненно, талантлива, но никто не может сравниться с тобой в умении высвобождать телепатическую энергию. Но помни, что ты только что оправилась от тяжелого выкидыша и твоя слабость может повредить выполнению миссии.

— Кроме того, на мне лежит большая ответственность в подготовке других колдуний. — Зуфа посмотрела, как челнок исчез в плотных низких облаках. — У меня нет выбора, я должна остаться здесь и делать все, что в моих силах.

— Как забавно. Я думал то же самое о своей работе.

Вспомнив преданных, доверчивых мужчин-телохранителей, колдунья смерила своего друга презрительным взглядом. Его патрицианские глаза были ясными, в них не было поволоки, которая возникает от употребления сильнодействующих лекарств, но его независимость раздражала ее.

— Почему ты не вызвался добровольно участвовать в операции, Аврелий? Или ты вообще не способен делать что-то бескорыстно, делать что-то, что выходит за пределы твоего «я»?

— Я патриот, но мой патриотизм выражается не так, как этого хочешь ты. — Венпорт криво усмехнулся при этих словах. — Но я никогда не надеялся, что ты сможешь когда-нибудь меня понять.

Она не нашла, что ответить, и они оба продолжали молча смотреть в небо, долго после того, как челнок достиг орбиты.

Я не верю, что существует такое понятие, как «безнадежное дело». Так говорят те, у кого нет верных и самоотверженных последователей.

Серена Батлер. Обращение к парламенту Лиги

Несмотря на оптимистические сообщения магнуса Суми, вторичные генераторы разрушающего поля на Гьеди Первой были далеки от завершения.

Когда секретная команда Серены высадилась на скалистый, продуваемый всеми ветрами остров в северном море, люди провели весь первый день, перетаскивая на берег оборудование, взламывая двери ангаров и запуская энергетические генераторы жилых помещений. Параболические башни генераторов разрушающего поля высились на фоне неба, словно покрытые инеем и изморозью скелеты. Ни одна из систем не функционировала.

После того как Бригит Патерсон осмотрела механизмы и оценила состояние станции и объем предстоящей работы, она явилась к Серене и хмуро доложила, потирая обветренное и обожженное морозом лицо:

— Самое большее, что я могу сказать, это то, что восстановить работу генератора не невозможно. — Она пожала своими широкими плечами. — Остовы и тяжелые конструкции собраны, но большинство этих деталей не соединены между собой проводами. Подстанции не присоединены, а к высоким решеткам даже не подтянуты кабели высокого напряжения. — Она жестом указала на покрытые снегом стойки, ударяясь о которые завывал жестокий холодный ветер.

Серена не завидовала добровольцам, которым предстояло карабкаться наверх и заканчивать необходимые и жизненно важные соединения.

— Мы не знаем точно, когда Ксавьер приведет сюда Армаду, но если вы не закончите работу к моменту прибытия их

кораблей, то нам вообще не стоит беспокоиться. Он погибнет вместе с народом Гьеди Первой.

Бригит созвала своих инженеров на экстренное совещание.

— У нас с собой достаточно стимуляторов. Мы можем работать круглосуточно, если хватит ресурсов для бесперебойного освещения строительной площадки.

— Делайте все возможное, — сказала Серена, — и привлекайте к работе нас, если мы сможем с ней справиться. Командер Вибсен полагал, что мы сможем несколько дней отдохнуть, прежде чем приступим к работе, но нам придется рассеять его заблуждение. Он тоже должен делать что-то полезное.

Бригит Патерсон криво усмехнулась.

— Хотелось бы мне посмотреть, как это у вас получится.

В течение всей следующей недели они работали не покладая рук. Мыслящие машины пока не узнали о том, что они проникли на планету. Заработав всего несколько синяков и шишек, рабочей команде удалось выполнить самую опасную часть работы. Когда задача была решена на девяносто процентов — во всяком случае, согласно выработанному на бумаге плану, — Патерсон заявила, что теперь предстоит самая трудоемкая часть работ, которая может занять много времени.

— Нам предстоит соединить между собой все составные части и нагрузить контуры. По самой своей сути эти передающие башни генерируют поле, которое уничтожает гелевые контуры. Мы должны убедиться в том, что система проработает больше пяти минут после того, как мы ее активируем.

Серена прикусила губу и согласно кивнула:

— Да, это было бы хорошо.

— Но если мы слишком увлечемся тестированием, — продолжила Бригит, — то некоторые из этих проклятых машин могут заметить нас и вычислить, чем мы тут занимаемся. Это очень тонкий процесс.

— Сколько времени вам потребуется? — спросил Орт Вибсен, еле сдерживая нетерпение.

— Если нам повезет, то неделя, — нахмурившись, ответила Патерсон. — И десять дней, если что-то пойдет не так,

как надо, и нам придется заново монтировать фрагменты станции.

— Армада прибудет, самое раннее, через восемь дней, — заговорила Серена. — Это если мы предположим, что Ксавьер сумеет за два дня организовать силы наступления после получения моего послания.

Вибсен неопределенно хмыкнул.

— Такого в Лиге просто не может произойти. Болтуны будут собирать совещание за совещанием, потом прерываться на долгие обеды и ленчи, после которых медленно собираться на следующие совещания.

Серена вздохнула:

— Надеюсь, Ксавьеру удастся преодолеть их инерцию.

— Ну да, — ответил Вибсен, — и я тоже надеюсь, что роботы возьмут и сами уберутся с Гьеди Первой. Но мне почему-то кажется, что это вряд ли произойдет.

— Загрузите своих инженеров работой, — сказала Серена Бригит Патерсон, не обращая внимания на пессимизм ветерана. — Мы с коммандером Вибсеном возьмем штурмовики и постараемся проскользнуть за сенсорную сеть, чтобы перехватить идущую сюда Армаду. Ксавьер должен знать план, чтобы воспользоваться с выгодой для операции тем, что мы здесь делаем. Мы сможем дать им расписание и координаты нападения.

Вибсен притворно закашлялся и яростно сморщился.

— Лучше взять с собой Пинкера Джибба на случай, если мне понадобится помощник при прорыве блокады.

Кудрявый Джибб неуверенно посмотрел сначала на Серену, потом на старого ветерана, а затем на ведущего инженера.

— Может быть, коммандер просто хочет остаться здесь?

Ветеран презрительно сплюнул на обледенелую замерзшую землю.

— Ни за что в жизни. Но всегда есть шанс, что мне может потребоваться медицинская помощь.

— Ну что ж, если вы сами это говорите, — ответила Серена с понимающей улыбкой. — Бригит, вы сможете засечь Армаду, когда она войдет в зону действия ваших систем?

— Мы наблюдаем и держим под контролем системы сетевой коммуникации мыслящих машин. Я полагаю, что, когда

боевые корабли Армады подойдут к этой системе, в ее цепях начнется настоящий переполох. — Бригит посмотрела на членов своей команды и мрачно усмехнулась. — Да, мы это хорошо заметим.

Штурмовик снова оказался под водой. Погрузившись в пучину холодного моря, он отплыл от скалистого, покрытого льдом острова. Оглянувшись через плечо со своего пилотского места, Вибсен философски заметил:

— Когда мы отправились выполнять вашу миссию, я считал вас сумасшедшей, Серена Батлер.

— Сумасшедшей только потому, что я пытаюсь помочь попавшим в беду людям?

— Нет, я думал, что вы сумасшедшая, потому что рискнули дать мне последний шанс.

По карте, которую он составил во время прохождения атмосферы, Орт Вибсен мог определить теперь слабые и уязвимые места в сенсорной системе слежения, окружившей планету. Если они выйдут в открытое пространство из-под воды на уровне сороковых градусов северной широты, то у них будет шанс пролететь на своем невидимом корабле сквозь низкую облачность, незаметно минуя дозоры на орбите и на земле. Элементы наблюдательной системы с неравными интервалами появлялись, как мелкие огненные вспышки, на фоне темного неба.

— Ну, здесь, кажется, все спокойно, — сказал Вибсен, снова закашлявшись и стукнув медицинский прибор на груди с таким видом, словно это было надоедливое насекомое. — Нам придется выжидать до тех пор, пока я не буду уверен, что знаю их маршруты и время прохождения патрулей.

— О думающих машинах с уверенностью можно сказать только одно, — с плохо скрытой тревогой проговорил Пинкер Джибб. — Они определенно предсказуемы.

Кимеки, однако, не были таковыми.

Менее чем через час быстро движущиеся крылатые суда появились на горизонте и стремительно приблизились к кораблю, окружив его со всех сторон. Вибсен выругался, потом выплюнул большой сгусток алой крови.

— Их одиннадцать! — крикнул в панике Пинкер Джибб, глядя на сканер. — Как они сумели найти нас?

— Они вынырнули из воды точно так же, как мы!

Серена посмотрела на экран, на котором были видны роботы-перехватчики, приближавшиеся к ним. Приведя в действие носовые орудия, она выстрелила, поразив один из крылатых кораблей и промахнувшись по другому. Ее не учили стрелять из орудий. Если им придется прорываться с боем, то придется навсегда оставить мысль о том, чтобы проникнуть на обитаемый континент Гъеди Первой.

— Джибб, бери управление на себя и готовься к взлету. — Вибсен выбрался из кабины пилота. — Клянусь адом, они не возьмут нас так дешево. — С этими словами он ткнул костлявым пальцем в спину второго пилота. — Выжди удобный момент и, не колеблясь, взлетай.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Серена.

Старый ветеран не ответил, исчезнув в выбрасываемой десантной капсуле.

— Что он делает? — спросил Джибб.

— Сейчас нет времени отдавать его в суд Военного трибунала, — ответила Серена. Она не могла поверить, что ветеран бросит их на произвол судьбы, оставив на милость мыслящим машинам.

Вибсен задраил люк, и на панели управления загорелся зеленый индикатор, показавший, что машина готова к взлету.

Серена выпустила еще один снаряд из орудия правого борта; только оно было нацелено на приближавшиеся вражеские суда мыслящих машин. Она подбила еще один корабль противника, но кимеки и роботы совместными усилиями обстреляли штурмовик и вывели из строя орудия правого борта. Серена с отвращением посмотрела на систему. Мигнув, та погасла.

С тяжким протяжным грохотом десантная капсула вылетела из корабля. Капсула, нагруженная смертоносным оружием, превратилась в снаряд, стремительно полетевший прочь, едва касаясь поверхности моря. На частоте SOS раздался голос ветерана:

— Не спите. Будьте готовы!

Пинкер Джибб запустил двигатели и приготовился к взлету. Корабль прочертил в воде прямую линию.

Вибсен превзошел самого себя, направив капсулу на ближайшее судно мыслящих машин. Сконструированная для того, чтобы спасаться с терпящего бедствие корабля, капсула имела мощный корпус и толстую обшивку. Когда спасательный корабль ударился об обшивку вражеского корабля, тот взорвался и тысячи осколков разлетелись по поверхности воды. Помятая и дымящаяся капсула, закружившись среди тонущих обломков, внезапно остановилась.

Серена крикнула Джиббу:

— Взлетай!

Он увеличил мощность двигателя, корабль оторвался от поверхности воды и взмыл в небо. Пока они поднимались, Серена не отрывала взгляд от моря под ногами.

Среди обломков двух подбитых кораблей роботов она увидела плавающий корпус капсулы. Люк был открыт. В нем показалась фигура Вибсена. Старый ветеран был сильно контужен, но сохранил боевой дух и способность к сопротивлению. Он достал из кармана тускло поблескивавший шар и швырнул его в ближайшее судно. Раздался мощный взрыв, отбросивший противника. Но и Вибсен не устоял на ногах и упал в люк. Снова выбравшись наружу, он взял импульсное ружье и принялся стрелять, не слишком уверенно удерживая оружие одной рукой. Он стрелял не останавливаясь, но его атаковали три бронированных кимека, вылезших из своего крылатого корабля. Серена в ужасе увидела, как один из кимеков, протянув когтистые механические лапы, разорвал Орта Вибсена на куски.

— Держись! — закричал Пинкер Джибб, но было уже поздно. Серена видела, как корабли роботов взяли на прицел расчетную траекторию полета штурмовика.

— Я не могу...

Сильный толчок отбросил Серену к дальней стенке, о которую она сильно ударилась. Взрывы покорежили двигатели. Судно начало падать, и Джибб не мог ничего поделать с этим стремительным падением в океан. Штурмовик вошел в воду, взметнув над собой огромный столб воды и пены. Вода начала поступать внутрь через трещины в обшивке.

Серена бросилась к пирамиде с оружием и схватила свое импульсное ружье. Взяв ружье к плечу, хотя ей никогда раньше не приходилось из него стрелять, она приготовилась к обороне. Пинкер Джибб взял себе другое ружье из открытого шкафа с оружием.

С лязгающим звуком, похожие на идущие к цели торпеды, кимеки ворвались в изуродованный и пробитый корабль. Даже не пытаясь отыскать вход, они вломились внутрь через обшивку корпуса, как птицы, пытающиеся достать вкусное мясо из морской раковины.

Джибб открыл огонь, когда первая серебристо-стальная рука протянулась сквозь трещину в обшивке. Луч сильного поля отрубил руку кимека, но рикошет был так силен, что в результате брешь в корпусе только увеличилась.

Еще один кимек появился в проеме люка, стараясь мощными механическими конечностями расширить вход и проникнуть в кабину. Серена выстрелила, расплавив часть корпуса чудовища. Второй выстрел был более удачным, ей удалось сжечь емкость с головным мозгом. Но сверху появился еще один кимек, побольше прочих, он поднял мертвое механическое тело и начал наступать, прикрываясь им, как щитом, на который обрушился град поражающих импульсов из ружья Серены.

Рядом с Пинкером Джиббом еще один кимек, корпус которого был похож на огромного жука, продолжал расширять трещину в корпусе судна. Второй пилот повернулся в его сторону и попытался выстрелить, но, прежде чем человек успел нажать на спуск, механическая рука стремительно вытянулась и, как копье, ударило его в грудь. Форма Джибба на груди окрасилась в ярко-алый цвет.

Механическая рука с изменяемой геометрией превратилась в когтистую лапу и снова протянулась к груди Джибба. Когда кимек отдернул ее, то в когтях было зажато трепетавшее человеческое сердце. Кимек взял его как трофей.

В верхней кабине в это же время огромный кимек швырнул в Серену мертвое механическое тело своего павшего товарища. Тяжелый корпус, нанося ей ушибы и порезы, прижал девушку в угол, откуда она не могла выйти. Тяжесть тела кимека была столь велика, что Серена просто не была в состоянии пошевелиться.

Похожий на жука кимек пролез сквозь брешь в обшивке и направился вперед, оставив позади бездыханное тело Джибба. Кровь все еще продолжала стекать с правой конечности механического чудовища. Он поднял две свои конечности над Сереной, но его остановил окрик большего кимека:

— Не убивай их обоих, иначе нам нечего будет показать Эразму. Он просил доставить ему одного из щенков сопротивления Гьеди Первой. Этот подойдет.

Услышав эти слова, Серена затрепетала от ужаса. Тон кимека показался ей настолько зловещим, что она подумала, что ей лучше было бы умереть. Кровь из ран в руке, боку и ноге стекала на палубу кабины. Убийца Джибба вырвал из рук женщины оружие, а больший кимек убрал упавшее механическое тело, а потом взял Серену в огромный металлический кулак. Титан поднял ее на уровень своих оптических сенсоров.

— О, как красива. Даже спустя тысячу лет я все еще в состоянии оценить женскую красоту. Если бы был человеком, то сумел бы показать вам всю меру своего восхищения вами. — Его сенсоры сверкнули нечеловеческой жестокостью. — Я — Барбаросса. Какой стыд, что мне придется послать вас на Землю, к Эразму. Но ради вашего спасения, я надеюсь, что Эразм найдет вас интересной.

Острые серебристые конечности больно сдавили тело Серены. Она оказалась в гигантской клетке. Серена отбивалась изо всех сил, но не могла пошевелиться. Все попытки освободиться оказались тщетными. Она знала, что Барбаросса — это один из двадцати титанов, захвативших власть в Старой Империи. Больше всего на свете ей хотелось убить его, даже ценой собственной жизни.

— Один из кораблей Омниуса отправляется на Землю завтра утром. Я позабочусь о том, чтобы вас взяли на борт, — сказал Барбаросса. — Я ничего не забыл вам сказать? Ах да, у Эразма есть лаборатории, где он делает... интереснейшие... вещи.

Нет границ моему могуществу. Я способен охватить всю Вселенную.

Тайный банк данных Омниуса, поврежденный файл

Выполняя свою широкомасштабную операционную программу, установленное на Гьеди Первой новое воплощение Омниуса внимательно изучало трехмерную карту известной Вселенной. Точная модель была создана на основе компиляции архивных документов и данных сенсорных наблюдений. Кроме того, в решении задачи использовали вероятностные проекции и вероятностный анализ.

Возможности были неисчерпаемы.

С ненасытным любопытством новый Омниус просматривал изображения крутящихся туманностей, гигантских солнц и множества планет. При наличии неограниченного временного ресурса и гигантских материальных возможностей все они со временем станут частью сети синхронизированного мира.

Скоро прибудет новый корабль с усовершенствованными программами, и новое воплощение станет равным по мощи всем остальным планетарным частям всемирного разума. Пока, со времени инсталляции на Гьеди Первой он не мог синхронизировать себя. Но зато Омниус на Гьеди Первой мог копировать свои волнующие мысли и передавать их другим клонам всемирного разума. Главное — экспансия, расширение, эффективность! Как много предстоит сделать! Завоевание Гьеди Первой стало лишь первым кирпичиком космической империи машин. Процесс начался и будет ускоряться.

Удобно устроив свое кибернетическое ядро в бывшей цитадели магнуса, Омниус загрузил в оперативную память картины, регистрируемые его наблюдательными камерами: горящие руины, дети людей на пыточных столбах, огромные костры, на которых сжигали лишних представителей человечес-

кой популяции. Он с максимальной объективностью изучал все изображения, поглощая и обрабатывая информацию. Годы назад модифицированная программа Барбароссы научила мыслящих машин наслаждаться плодами победы.

Многие из связанных между собой многоуровневых предприятий Гьеди Первой нашли себе полезное применение, такие, как, например, бурящие машины и многие другие промышленные приспособления. Барбаросса сделал смелую попытку приспособить центры человеческого производства для нужд мыслящих машин. И на этих заводах и фабриках новый всемирный разум нашел нечто, что создавало интересные связи и порождало исключительные возможности.

Люди спроектировали и уже начали монтировать новую модель дальнодействующего космического зонда для исследования дальних планет. Такие зонды можно усовершенствовать, превратить их в эмиссаров всемирного разума, в подстанции компьютерного всеохватывающего и вездесущего всемирного разума. На галактической карте Омниус отметил время, необходимое для доставки космического зонда в отдаленные уголки Вселенной, достаточно большое время, невзирая даже на высокую скорость перемещения. Он просмотрел тот участок Вселенной, который был обозначен как «несоюзные планеты», куда еще не добрались ни черви-люди, ни машины. Как много звездных систем надо исследовать, завоевать и развить, и эти образцы космических зондов с Гьеди Первой могут сделать эти планы реальностью. Новый всемирный разум видел за этим достижением новые возможности. Точно так же будут думать и его собратья-компьютеры во всем Синхронизированном Мире.

Если он сможет посеять семена своего всемирного разума, расставить самоподдерживающиеся фактории, способные использовать местные ресурсы, чтобы строить автоматические инфраструктуры, то можно будет устроить машинные форпосты на всех бесчисленных обитаемых планетах. Это будет дождь искр, которые воспламенят сухую древесину, и тогда хретгиры никогда не смогут остановить победный марш мыслящих машин, не смогут остановить распространение Омниуса. Такова была основная часть его натуры, его природы.

Команда вспомогательных роботов стояла в непосредственной близости от защищенного полем ядра, готовая оказать

любое техническое содействие. Согласно своим новаторским идеям новое воплощение всемирного разума послало одному из роботов сигнал, тот, в свою очередь, был активирован, его система была запущена и начала готовиться к действиям.

В течение нескольких недель, пока Барбаросса продолжал подчинять и перестраивать Гьеди Первую, Омниус вводил свои вспомогательные машины в курс создания сложных, дальнодействующих зондов, каждый из которых должен был содержать ядерную копию его разума и агрессивной личности.

После высадки на других планетах зонды расширят и размножат автоматические системы, установят самовоспроизводящиеся фабрики на каждой планете. На этих фабриках, в свою очередь, будут производиться другие вспомогательные роботы. Эти колонии со временем пустят корни далеко от основного Синхронизированного Мира, далеко от Лиги Благородных. Хотя машины могли осваивать любые типы планет, кимеки настаивали на том, чтобы всемирный разум сосредоточил свои усилия на планетах, обитаемых для людей. Хотя освоение пустынных планет было несравненно легче, всемирный разум понимал, что желательно проведение обеих стратегий.

Когда работа была закончена, Омниус использовал свои наблюдательные камеры для того, чтобы смотреть серию запусков — в полет отправились одновременно пять тысяч зондов. Они были запрограммированы рассеяться по самым отдаленным планетам, в самых удаленных уголках Вселенной, даже в таких, полет до которых занимал тысячелетия. Временная шкала не играла в данном случае никакой роли.

Компактные единицы, похожие на пузыри, оглашая ревом окрестности, взмыли в небо одновременно, изрыгая из выхлопных дюз зеленое пламя. Через расчетные промежутки времени всемирный поочередно свяжется со всеми этими зондами, воссоединившись с ними.

Думающие машины способны строить долгосрочные планы и доживать до их воплощения в действительность. К тому времени, когда люди доберутся до тех отдаленных звездных систем, Омниус уже окажется там.

И будет ждать людей с распростертыми объятиями.

Каждый человек — это машина времени.

«Огненная поэзия дзенсунни»

Находясь в безопасности внутри древней испытательной ботанической станции, Селим благополучно пережидал следующую свирепую песчаную бурю, бушевавшую в пустыне. Единственное, что менялось здесь на протяжении многих тысячелетий, — это погода.

Буря продолжалась шесть дней и ночей, неся по поверхности пыль и песок и взметая в воздух такие их тучи, что солнце превращалось в тусклый, едва светящийся шар. Он слышал, как песчинки неистово бились о толстые стены на совесть сработанных стен.

Он совсем не боялся бури. Здесь он находился в надежном укрытии, в полной безопасности. Ему было просто немного скучно.

Первый раз за всю свою жизнь Селим был предоставлен самому себе, перестав быть заложником капризов жителей деревни, которые помыкали им как хотели, так как никто не знал, кто его родители. Едва ли мог он в полной мере овладеть всем доставшимся ему богатством, и, более того, он даже не начал осваивать все те странные технологические детали станции, созданной во времена Старой Империи.

Ему вспомнилось, как однажды, во время скитаний по пустыне с предавшим его потом другом Эбрагимом и другими дзенсунни, включая наиба Дхартху и его младшего сына Махмада, Селим нашел клубок каких-то проводов, все, что, по-видимому, осталось от взорвавшегося космического корабля. Пестрый клубок представлял собой смешанный с въевшимся в него песком цветной конгломерат. Селим хотел подарить эту безделушку Глиффе, старой женщине, которая иногда о нем заботилась. Но Эбрагим отнял игрушку и убежал, чтобы

отдать ее наибу Дхартхе, которого он попросил сохранить оплавленный кусок спутанных проводов как сокровище. Но вместо этого наиб бросил находку в кучу хлама и продал ее бродячему старьевщику. Никто и не вспомнил о нашедшем странную вещь Селиме...

Однако, побыв на станции несколько недель, Селим начал понимать всю нестерпимую меру настоящего одиночества. День за днем он сидел перед поцарапанными стеклами окон, наблюдая, как возникали и заканчивались песчаные бури, видел кровавые закаты, когда лучи солнца расплескивались на песке пестрыми цветными брызгами. Он смотрел на чистые дюны, которые, меняя свою форму, бесконечной чередой двигались к бескрайнему горизонту. Огромные массы песка менялись, словно живые существа, хотя по сути своей всегда оставались неизменными.

Глядя на этот бесконечный и безграничный простор, представлялось невозможным когда-либо встретить здесь хотя бы одно человеческое существо. Буддисламская религия даст ему знамение того, что его ждет. Селим бесхитростно надеялся, что знамение не заставит себя ждать слишком долго.

Живя на заброшенной ботанической станции, Селим занимал себя самостоятельными играми, которым научился еще младенцем. В деревне он постоянно подвергался остракизму со стороны тех, кто мог проследить свою родословную на протяжении десятка поколений, с тех времен, когда переселенцы еще и не думали об Арракисе.

С того времени, когда он был еще ползунком, Селим воспитывался разными дзенсунни, но никто из них не принял его в семью и не усыновил. Селим всегда был импульсивным и энергичным мальчиком. Любая настоящая мать терпела бы озорство подрастающего сорванца, но у Селима не было настоящей матери. На Арракисе, где вопрос жизни и смерти всегда стоял ребром, мало кто был согласен тратить время и силы на мальчишку, из которого все равно не выйдет ничего путного.

Однажды он случайно пролил воду — целый дневной рацион, — когда работал в хранилище воды. В виде наказания наиб Дхартха лишил его воды на два дня, утверждая, что это послужит мальчику хорошим уроком, если он хочет стать пол-

неправным членом племени. Однако Селим никогда не видел, чтобы такому наказанию подвергали других за такие же оплошности.

Когда ему было всего восемь стандартных лет, он уже один ходил в скалы охотиться на ящериц и искать жесткие корни съедобных пустынных растений. Однажды во время одного из таких походов он был застигнуть песчаной бурей. Крутящиеся тучи пыли и песка вынудили его искать убежище. Селим до сих пор помнил, как он был испуган, когда ему пришлось прятаться в расщелине скалы целых два дня. Когда же он наконец смог вернуться в свою деревню, где, как он думал, его встретят с распростертыми объятиями, Селим вдруг понял, что никто из жителей даже не заметил его исчезновения.

Напротив, Эбрагим, сын уважаемого отца многочисленного семейства, имел множество сестер и братьев, которые охотно заботились о нем. Возможно, в знак протеста против такой родственной опеки Эбрагим часто ввязывался в рискованные истории, постоянно испытывая терпение наиба, но при этом Эбрагим расчетливо следил за тем, чтобы рядом всегда находился сирота Селим, на которого в случае чего можно было свалить свою вину.

Как у всякого никому не нужного изгоя, у Селима никогда не было настоящих и верных товарищей. Но он не понимал истинной цены манипуляций Эбрагима, принимая его лицемерие за чистую монету. Селиму и в голову не могло прийти, что его друг помыкает им, стараясь просто извлечь выгоду из их отношений. Селим медленно воспринимал уроки и все понял только после того, как расплатился за свою излишнюю доверчивость изгнанием в пустыню, откуда, как все рассчитывали, он никогда не выйдет живым.

Но он выжил. Он оседлал самого Шайтана, и сам Буддаллах указал ему место спасения.

Так как долгие песчаные бури лишали его возможности выходить в пустыню, Селим, обуреваемый скукой и бездельем, решил более основательно изучить приютившую его исследовательскую станцию. Он принялся внимательно рассматривать столы со сложными приборами и записями, хотя ничего не понимал в этих древних технологиях. Он лишь смутно

осознавал, для чего были предназначены все эти инструменты, но не понимал, как работать с аппаратами, установленными здесь древними учеными Старой Империи. Так как станцию никто не трогал в течение сотен, а быть может, и тысяч лет, то она могла немного потерпеть зуд любознательности случайно попавшего сюда любопытного мальчишки.

Некоторые силовые батареи все еще работали, и Селим смог включить системы оборудования. На панелях зажглись разноцветные лампочки индикаторов. Наконец, после долгих поисков, ему удалось активировать журнал доступа, и в воздухе появилась голографическая проекция высокого мужчины со странными чертами лица, бледной кожей и большими глазами. Кости лицевого скелета придавали лицу непривычный вид, Селиму этот человек казался представителем совершенно чуждой ветви рода человеческого. Имперский ученый был одет в блестящий, словно металлический, костюм, да и остальные члены экспедиции носили одежду необычного и причудливого покроя. Начальник экспедиции и другие исследователи находились здесь когда-то для того, чтобы изучить ресурсы Арракиса и оценить его пригодность для колонизации. Но они нашли здесь мало интересного.

— Это наша последняя запись, — произнес начальник экспедиции на непонятном галахском диалекте, который Селим едва понимал. Ему пришлось пять раз прокрутить запись, чтобы полностью понять, о чем идет речь. — Хотя наша задача все еще не выполнена до конца, в местный космопорт уже прибыл новый транспортный корабль. Капитан получил экстренное сообщение о беспорядках и потрясениях в империи. Хунта тиранов овладела контролем над обслуживающими мыслящими машинами и использовала их для насильственного захвата власти и смещения галактического правительства. Наша цивилизация погибла!

За спиной начальника тревожно перешептывались его подчиненные.

— Капитан корабля должен покинуть эту планету через несколько дней. За это время мы не сможем закончить наши исследования, но если мы не воспользуемся этой возможностью до отлета, то останемся здесь навсегда из-за нарушений межпланетного сообщения в империи.

Селим вглядывался в остальных исследователей, видел их озабоченные лица, отчужденные взгляды остекленевших от напряжения глаз.

— Возможно, потребуется некоторое время для того, чтобы наши политические лидеры разрешили конфликт и вернули нашу жизнь в привычную и нормальную колею. Никто из нас не желает навсегда остаться замурованным на этой ужасной планете, поэтому мы отбудем вместе с последним транспортом. Перед отъездом мы запечатаем и законсервируем станцию и все ее рабочие системы. На Арракисе осталось мало неоткрытого, но на случай нашего возвращения мы сделали все возможное, чтобы потом найти ее здесь готовой к работе, с сохранными механизмами, даже если перерыв продлится несколько лет.

Когда запись окончилась, Селим горько рассмеялся.

— Перерыв продлился больше, чем несколько лет!

Образы давно умерших имперских ученых не ответили, они лишь смотрели невидящими глазами в непредсказуемое будущее. Селиму очень хотелось хоть с кем-нибудь разделить свой восторг, но это было невозможно. Пустыня надежно держала его в плену.

Но как бы то ни было, он найдет способ бежать из этого плена.

Риск уменьшается по мере того, как растет вера в наших братьев-людей.

Ксавьер Харконнен. Из приказа по армии

Семь дней.

Бригит Патерсон не хотелось так сильно сжимать срок, но пришлось подчиниться обстоятельствам и выжать из команды все возможное. Люди работали в поте лица, не покладая рук. Патерсон проверяла и перепроверяла результаты работ, чтобы исключить малейшую ошибку. Ставкой была жизнь целой планеты.

Как и рассчитывала Серена, инженеры едва уложились в отпущенное им время.

Протестировав систему разрушающих защитных полей и убедившись в ее исправности, придирчивая Бригит Патерсон наконец предоставила своим людям несколько часов отдыха. Одни сели у окон из укрепленного плаза и уставились в серое небо ничего не выражавшими от усталости глазами, другие завалились спать, застыв в самых причудливых позах.

Армада появилась утром девятого дня.

Следящие системы, установленные инженерами для улавливания активности сенсорных датчиков сети Омниуса, замигали лампочками индикаторов тревоги. Бригит разбудила свою команду и объявила, что флот Лиги вошел в зону действия сети и приближается к планете, чтобы освободить ее. Патерсон надеялась, что Серене удалось перехватить Армаду и предупредить ее командира о том, чего ему следует ожидать.

Кимеки с презрением отнеслись к самой возможности атаки. Они и в мыслях не могли допустить, что люди дикого вида когда-либо осмелятся напасть на мыслящие машины. Но воплощение Омниуса на Гьеди Первой принялось спо-

койно обрабатывать поступающую информацию и разрабатывать ответные действия.

Флот мыслящих машин был разбит на две неравные части. Несколько больших кораблей патрулировали орбиту, но основная часть судов находилась на земле и участвовала в карательных операциях против населения. Теперь же, ввиду приближения Армады Лиги, Омниус издал приказ по сети. Загудели двигатели управляемых роботами кораблей, суда были приведены в готовность номер один и могли в любую минуту подняться на орбиту, чтобы плотной синхронизированной массой ударить по боевым кораблям людей — дерзких, ничтожных хретгиров.

Бригит Патерсон слушала обсуждение этих планов и улыбалась.

Подчиненные Бригит инженеры подбежали к своему начальнику. Некоторые выглядывали из окон, чтобы еще раз бегло осмотреть системы, стоявшие на покрытых снегом скалах.

— Не пора ли включать разрушающее поле? У них все готово. Чего вы ждете?

— Я жду, когда эти самонадеянные роботы сами упадут в расставленную для них ловушку.

На грубых, несовершенных экранах приборов незаконченной станции было видно, как сотни экипированных и готовых к бою кораблей поднялись со взлетных площадок, захваченных во время нападения. Огромные механические суда поднялись с земли, неся на борту оружие невероятной разрушительной силы.

— Не надо так спешить, — сказала Бригит и активировала наконец отремонтированный генератор разрушающего поля Хольцмана. Покрытые льдом и инеем передающие станции башен передали сгусток энергии на подстанции сети спутников, подвешенных на орбите. По всему небу распространился невидимый слой электромагнитного поля, губительный для систем Al гелевых контуров мыслящих машин.

Роботам машинного флота так и не было суждено узнать, кто нанес им этот смертельный удар.

Поднимаясь вверх и не предполагая, что какая-либо сила сможет помешать им, корабли роботов вошли в слой защитного поля Хольцмана, которое окутало планету, как тонкая,

едва заметно поблескивающая, вуаль. Этот слой мгновенно заблокировал контуры машинного мозга, уничтожил программы и стер память. Корабль за кораблем становились неуправляемыми и, словно метеориты, начали один за другим падать на поверхность планеты. С мертвыми системами управления суда падали вниз и взрывались с оглушительным грохотом, извергая огонь и клубы дыма.

Некоторые корабли падали на необитаемые районы. Другие, к сожалению, рухнули в иных местах.

Бригит Патерсон не хотелось думать о побочных нежелательных результатах ее работы и о тех разрушениях, которые падавшие корабли причиняли и без того опустошенному миру Гьеди Первой. При виде такого успеха собравшиеся перед экранами инженеры бурно выражали свою радость. Оставшиеся на орбите машинные суда не смогут устоять против объединенной мощи Армады Лиги Благородных, не смогут они и вернуться на планету, чтобы устроить там бойню.

— Нам рано радоваться, — охладила пыл своих подчиненных Бригит Патерсон. — Мы еще не победили, но, быть может, скоро мы сможем наконец убраться с этой обледенелой скалы.

Группа боевых кораблей Армады приблизилась к Гьеди Первой. Все вооружение было приведено в боевую готовность, чтобы без промедления ударить по мыслящим машинам. Ксавьер молил Бога, чтобы Серене удался ее сумасбродный план, чтобы она сама дождалась его на Гьеди, живая и невредимая.

Ксавьер вызвался сам руководить силами первого удара вовсе не для того, чтобы стяжать себе славу победителя, нет, он просто отчаянно хотел сам отыскать Серену на побежденной машинами планете.

Уверенный в крепости своей машинной хватки, сжавшей горло покоренной планеты, Омниус просчитался в своих оценках планов и способностей человечества. Подсчитав шансы за и против и поняв, что у Лиги мизерные шансы на успех (вероятность победы приближалась к нулю), всемирный разум перестал заниматься угрозой возмездия со стороны людей. Ни один противник, в здравом уме и твердой памяти, не пойдет в атаку при таких малых шансах на успех. Но Ксавьер Харкон-

нен не подсчитывал шансы своей безнадежной миссии. Кроме того, в данный момент всемирный разум не располагал всей необходимой информацией. Омниус не знал о россакской колдунье, о новых переносных разрушающих полях и — как от души надеялся Харконнен — о том, что были запущены вторичные генераторы поля Хольцмана. Как только находившиеся на орбите корабли роботов засекли приближение противника, они построились в боевой порядок для отражения нападения и уничтожения Армады. В наушниках селекторной связи Ксавьер услышал взволнованный голос своего адъютанта, кварто Паудера.

— Сэр, мыслящие машины приближаются. Их ракетные и артиллерийские порты открыты.

Ксавьер отдал первую команду:

— Высылайте первую штурмовую дивизию, придайте ей бронированные транспортные суда.

От основных сил оторвались корабли, на борту которых находилась россакская колдунья Геома со своими телохранителями и солдаты Харконнена — им предстояло использовать портативные генераторы против машинных воинов в Гьеди-Сити.

Внезапно кварто Паудер поднял голову от панелей своих приборов, потом снова, не веря своим глазам, посмотрел на экраны, чтобы переварить информацию, переданную ему офицерами связи.

— Сэр, похоже, что защитное поле покрыло всю планету!

У Ксавьера бешено забилось сердце.

— Точно, как обещала Серена.

Солдаты приободрились, но Ксавьер улыбался по совершенно иной причине. Теперь он знал, что Серена Батлер жива. Она добилась невозможного, как ей часто удавалось и раньше.

— Корабли роботов буквально валятся с орбиты! Они пытались подняться, но были захвачены защитным полем.

— Отлично, но мыслящие машины попытаются перейти в нулевой режим, чтобы нейтрализовать действие башен с генераторами вторичного поля. Нам надо покончить с наземными роботами, пока их флот заперт на орбите, а остальные будут обездвижены в городах. — Ксавьеру очень не хотелось, чтобы

все труды Серены пропали даром. — Нам надо во что бы то ни стало отвоевать планету у роботов.

Вывалившись из десантных люков баллистических кораблей, восемь судов типа «Кинжал» взяли под защиту с флангов корабль с Геомой. Корабли привели в боевую готовность свое мощное вооружение и были готовы к столкновению с противником. Задачей «Кинжалов» было сеять панику в рядах противника, расстраивать его боевые порядки и отвлекать внимание не способных к игре воображения роботов от корабля Геомы, чтобы колдунья могла беспрепятственно приземлиться и приступить к выполнению своей важной работы. Видя, как обездвиживаются, переходя в нулевое функциональное состояние, корабли роботов, Ксавьер поторопил своих десантников. Эскадрильи малых судов Армады вошли в атмосферу и направились в сторону Гьеди-Сити.

Закрыв глаза, Ксавьер мысленно был с ними, но потом сосредоточился на машинах, которые приближались к его командирскому кораблю.

У некоторых людей жизнь отнимается, а другим свободно дается.

Зуфа Ценва. Ритуальное благословение

Сидя в окружении шестерых молчаливых россакских мужчин, Геома управляла военным транспортным кораблем. Все телохранители были одеты в бронежилеты, на головах их красовались шлемы, которые могли в какой-то степени защитить людей от ранящих снарядов. Посмотрев на альтиметр, мужчины дружно отхлебнули из фляжек с психостимуляторами. Мощное лекарство мгновенно проникло в кровь, притупив ощущение боли и страха.

Своим телепатическим сознанием Геома уловила, что ее телохранители превратились в сгустки мощной энергии, готовые обрушить гром и молнию на любого противника, не испытывая ни малейшего страха за свою жизнь. Встретились взглядами с Геомой, обменявшись невысказанным пониманием. Все знали, что им, быть может, предстоит погибнуть.

Транспортный корабль трясло и швыряло из стороны в сторону бешеными потоками атмосферных возмущений. Геома не была опытным пилотом, но получила достаточную тренировку и могла посадить корабль. Не требовалось мягкости посадки, надо было просто уцелеть и как можно скорее покинуть судно. Они думали, что корабли роботов перехватят их, но Геома видела теперь, как летательные аппараты мыслящих машин падали с неба, как камни, обрушиваясь на здания и парки. Машинные суда, которые не успели подняться до слоя электромагнитного защитного поля, избежали наихудших повреждений, но все же их посадочные двигатели были немного испорчены, и с посадкой возникли большие трудности.

— Им сейчас просто не до нас, — передал один из командиров «Кинжалов» эскорта. Скоростные корабли Армады от-

крыли по противнику артиллерийский огонь. Некоторые суда роботов получили серьезные повреждения.

На орбите корабли Армады вели интенсивную перестрелку с большими стационарными кораблями А1, которые не могли спуститься на поверхность, чтобы защитить Омниуса. Терсеро Харконнен отправил на планету штурмовые группы за Геомой и ее малочисленной командой. Каждый участник атаки имел свой приказ, свой план, при этом надо было увязать взаимодействие до мельчайших деталей.

Геома внимательно смотрела на панель управления, отсчитывая последние секунды перед посадкой. Ей надо совершить рывок и сесть. Другой возможности просто не будет. Ей надо выполнить свою миссию до того, как солдаты Харконнена начнут занимать свои исходные позиции.

В разрыве низкой облачности она вдруг увидела город — пересечения прямых улиц и высокие здания, построенные гордыми, свободными людьми, которые надеялись на свое лучезарное будущее. Все кварталы были погружены в темноту, было видно, что большая часть жилья была просто не нужна бездушным нелюдям-завоевателям.

Вспомнив инструктаж, во время которого она буквально запечатлела в своей памяти карту Гьеди-Сити, колдунья сразу нашла цитадель, которая некогда была резиденцией правителя. Там кимеки установили место постоянного пребывания всемирного разума, Омниуса, как рассказал потрепанный посланец с Гьеди Пинкер Джибб. Замок магнуса Суми превратился в укрепленный пункт мыслящих машин.

Кимеки находятся там.

Сопровождавшие колдунью «Кинжалы» поставили плотную дымовую завесу. Кроме того, в воздух были выброшены аппараты, распространившие в пространстве электромагнитные поля и выбросившие в воздух клочья активного металла, который блокировал сенсорные системы мыслящих роботов. Вслед за опускающимся маскировочным облаком Геома снизилась почти до самой поверхности планеты. Она надеялась, что им удастся остаться незамеченными при приближении к неповрежденным мыслящим машинам.

Понимая, что корабли приближаются, боевые корабли мыслящих роботов начали стрелять вслепую, яростно паля

во все стороны. Очередной взрыв потряс судно, и Геома поняла, что поврежден посадочный двигатель. Тем не менее она направила тяжелый корабль к земле, включив на полную мощность тормозные двигатели. Судно ударилось о землю и со скрежетом проехало по плоским камням брусчатки; из-под корпуса летели искры, валил дым и вырывались языки пламени. Наконец неуправляемый корпус судна остановился, с грохотом врезавшись в каменную стену какого-то серого здания.

Как только корабль остановился, Геома и ее люди вскочили со своих мест. Она открыла боковой люк и приказала своим подстегнутым лекарствами телохранителям расчистить ей путь к цели. Как было договорено, она послала открытым текстом сигнал командирам экипажей «Кинжалов». Один пилот ответил:

— Расплавь этих ублюдков!

Корабли поднялись в воздух и направились на соединение с другими десантными судами, с которых в город, осквернённый роботами, начали высаживаться первые десантно-штурмовые команды.

Теперь ей предстояло выполнить свою часть миссии. Геома отошла от дымящегося корабля, потом жестом приказала своим телохранителям двигаться в направлении правительственной цитадели. Сама она тоже бросилась следом за ними, окончательно отрабатывая в уме исполнение плана. За их спинами взорвался корабль, подчиняясь заложенной в него программе самоуничтожения. Геома не вздрогнула и даже не оглянулась. Она не собиралась отступать и не помышляла о такой возможности.

Телохранители взяли на изготовку реактивные гранатометы и стенобитные пушки. Для обычного человека такой артиллерийский арсенал оказался бы слишком тяжелым, но химические средства сделали мышцы настолько сильными и выносливыми, что телохранители Геомы на время превратились в настоящих сверхлюдей. По крайней мере до тех пор, пока стимуляторы не выжгут их внутренности.

Высокие трехметровые роботы преградили путь охранникам Геомы, встав у входа в цитадель Омниуса. Хотя эти роботы пребывали в полной боевой готовности, их гораздо больше

занимали баллистические ракеты, штурмовики и разрушающие поля Армады, нежели несколько жалких людишек, которые бежали по улицам. Что могут сделать эти жалкие черви, эти ничтожные хретгиры против бронированных и всемогущих мыслящих машин?

Когда роботы шагнули вперед, чтобы преградить путь Геоме, ее телохранители открыли яростный огонь. Не говоря ни слова, они направили свои ружья на роботов и точными выстрелами разнесли на куски их стальные корпуса.

Жужжа, сверху, от крыши, спустились наблюдательные камеры, регистрирующие прорыв команды смельчаков под своды входа в цитадель магнуса Суми. Наблюдательные камеры фиксировали каждый шаг Геомы и тотчас сообщали о нем Омниусу Гьеди Первой. Но колдунья и не думала замедлять свое продвижение. Ее телохранители безошибочно поражали железных стражей, не думая беречь заряды.

Позади Геомы и ее охраны на улицы города уже начали приземляться первые десантные корабли Армады. Из судов выскакивали солдаты и сразу же открывали огонь из своего ручного оружия. Десантники стремительно образовали охраняемый периметр, внутри которого техники и инженеры начали устанавливать два первых переносных генератора защитного разрушающего поля Хольцмана.

Прибор выглядел как довольно некрасивая и громоздкая сфера, установленная на прочном треножнике. С источником энергии прибор соединялся кабелем, протянутым к генератору от ближайшего транспортного корабля. Один выстрел по мощности равнялся мощности работающего двигателя корабля и мог уничтожить контуры в электронных мозгах всех роботов в радиусе полукилометра.

— Готово! — крикнул один из техников.

Многие солдаты, словно ожидая артиллерийского выстрела, прикрыли уши. Но Геома услышала лишь тонкий, почти комариный писк, потом в воздухе раздалось легкое потрескивание. Из образцов аппаратов Хольцмана вылетали искры и валил дым. Все энергетические системы транспортного корабля перестали работать.

Потом вдруг сверху, как металлический дождь, посыпались на землю мертвые наблюдательные камеры, с треском

ударяясь о камни мостовой. Огромные роботы-воины застыли на месте, парализованные разрушающим полем портативных генераторов. Многие управляемые роботами воздушные корабли также попадали на землю.

Из груди продолжавших высаживаться из транспортных кораблей солдат Армады вырвался единодушный крик восторга. Люди увидели, что теперь в их распоряжении есть плацдарм, на который не может ступить нога ни одного боевого робота. Геома должна была выполнить свою миссию до того, как подвергнутся новой опасности другие храбрые люди, участвовавшие в операции, — солдаты, десантники и командиры кораблей.

— Внутрь, скорее! — скомандовала она своим телохранителям.

Вместе с ними она ворвалась в коридор правительственного здания. Как учила ее Зуфа Ценва, девушка усилила свое телепатическое поле и увеличила его энергию настолько, что у нее начала болеть голова от пульсирующей внутри нее невероятной психической силы. Внутри цитадели телохранители Геомы обнаружили двух сцепившихся между собой роботов, которые были сильно ослаблены воздействием поля, но все еще находились в работоспособном состоянии, хотя и были дезориентированы. Очевидно, толстые стены цитадели защитили их от воздействия электромагнитного разрушительного поля. Роботы встали перед ней, но девушка, воспользовавшись телекинезом, отшвырнула их в сторону, и металлические болваны отлетели к стене, даже не поняв, что за сила отбросила их с дороги. Пока роботы собирались подняться на своих шарнирных конечностях, подоспевшие телохранители уничтожили их огнем из тяжелых ружей.

Мы почти на месте.

Геома бегом бросилась по коридору к узлу машинной цитадели. Реагируя на появление постороннего, повсюду по пути девушки включалась тревожная сигнализация. Многие роботы, выведенные из строя, словно груды железа, валялись в комнатах и залах, но нашлись и такие, которые двинулись навстречу колдунье. Бронированные двери автоматически захлопывались, преграждая путь в помещения, но Геома рвалась

вперед, понимая, что боковые комнаты не имеют для нее никакого значения. Она точно знала, куда надо идти.

Скоро появятся кимеки и окружат ее. В точном соответствии с разработанным планом.

Ментальные электрические разряды иголками покалывали голову, накапливая телепатический заряд на конденсаторе головного мозга. Коробка была готова взорваться под напором энергии, но высвобождать энергию было еще не время. Надо сберечь ее для последнего решающего момента.

Она услышала крадущиеся скрежещущие звуки передвижения кимеков. Эти машинные тела, ведомые человеческим мозгом предателей человечества, перемещались со зловещим шорохом, так разительно отличавшимся от солдатского шага роботов.

— Наше время приближается, — оповестила она своих помощников, которые с безумными от стимуляторов глазами неотступно следовали за ней. Голос колдуньи выдавал волнение и с трудом скрываемый страх.

Оказавшись в главном помещении, где обитало защищенное сильным полем ядро местного воплощения Омниуса, Геома резко остановилась. Из бронированного помещения на нее внимательно смотрели бесчисленные оптические волокна машинного зрительного сенсора.

Из многочисленных динамиков раздался громовой голос:

— Человек, ты несешь ничтожно слабую взрывчатку, с помощью которой, как ты полагаешь, ты сможешь меня уничтожить? Может быть, ты принес с собой атомную бомбу или ты все же считаешь, что победа не стоит такой жертвы?

— Я не так наивна, Омниус. — С этими словами Геома отбросила на плечи свои густые светлые волосы. — Один слабый человек не может причинить никакого вреда всемогущему всемирному разуму. Это требует нанесения мощного военного удара и объединенных действий многих людей. Я же всего лишь женщина.

Когда по коридору к помещению приблизились гигантские кимеки, робот изобразил имитацию смеха.

— Люди редко признаются в собственном безумии.

— Я не собиралась признаваться в безумии. — Кожа Геомы раскраснелась от прилива сверхъестественной внутренней

энергии. Разряды статического электричества заставляли ее волосы шевелиться, как клубок рассерженных змей. — Просто ты неверно судишь о мотивах моих действий.

Двери открылись, и в помещение, предвкушая расправу над беззащитными людьми, вползли три чудовищных кимека. Телохранители Геомы обернулись и, открыв огонь, израсходовали последние заряды, чтобы превратить одного из кимеков в груду искореженного металла.

Второй кимек поднял руку, вооруженную пушкой, и превратил тела россакских мужчин в красное облако кровавой пульпы, взвешенной в воздухе. Пораженный же кимек валялся на полу, и его членистые конечности подергивались, как у отравленного насекомого, которое никак не может сдохнуть. Самый большой кимек — титан — подошел ближе.

Теперь Геома осталась один на один со страшными машинами. Не двигаясь, она фокусировала ментальную телепатическую энергию, достигнув постепенно той точки ее накопления, когда она уже с трудом могла удерживать рвущийся наружу импульс.

— Меня зовут Барбаросса, — сказал кимек. — Я лично убил так много хретгиров, что ни один компьютер не сможет точно сосчитать их число.

Вместе с другим кимеком Барбаросса подошел еще ближе к Геоме.

— Но мне редко приходилось видеть такую надменность и наглость.

— Наглость? Может быть, лучше назвать это уверенностью в себе? — С этими словами Геома улыбнулась. — Вывести титана из игры — это стоит жизни.

Ментальная телепатическая энергия колдуньи не могла причинить вред электронному мозгу Омниуса с его укрепленными гелевыми контурами. Человеческие мозги оказались более уязвимыми по отношению к ее телепатической атаке. Она ощутила, как в ее мозгу телепатическая энергия взорвалась языками яркого пламени и высвободилась, как раскаленная добела молния.

Ударная волна психической аннигиляции сварила мозг Барбароссы и его товарища, так же как и мозги всех других кимеков и несчастных людей, которые в это время находи-

лись в цитадели. Омниус разразился беззвучными разрядами статического электричества, пылая механической яростью. Геома видела лишь смутно, как луч ее психической энергии превратил в пар органический мозг генерала кимеков.

Теперь недавно инсталлированный всемирный разум был абсолютно беззащитен.

Снаружи солдаты Лиги, дождавшись того момента, когда улеглась огненная телепатическая буря, ворвались в беззащитную теперь цитадель Омниуса.

Началась операция по освобождению Гьеди Первой.

Ничто на свете не постоянно.

Поговорка когиторов

В течение часа после активации вторичных генераторов кимеки и запертые на поверхности планеты роботы сумели локализовать их местонахождение. В Гьеди-Сити продолжало бушевать сражение, а Барбаросса был уже уничтожен, Омниус снарядил в северное море штурмовую команду из неокимеков и боевых роботов. Окружили скалистый, покрытый льдом остров и приготовились к высадке, чтобы уничтожить параболические башни генераторов.

Имея в своем распоряжении не слишком много оружия, Бригит Патерсон и ее инженеры не могли рассчитывать на победу в неравной схватке, но у них не было ни малейшего намерения сдаваться без боя. Из главного контрольного центра они просматривали небо и поверхность моря.

— Чем дольше мы продержимся, тем больше жизней нам удастся спасти.

Бледные, охваченные ужасом инженеры в отчаянии вооружились гранатами, импульсными ружьями и артиллерийскими орудиями и вышли на набережную защищать подступы к острову с моря и с воздуха.

Машинный штурмовой отряд не предъявлял никаких ультиматумов; роботы и неокимеки начали атаку, как только приблизились на расстояние досягаемости огня. Инженеры Бригит были начеку и немедленно открыли ответный огонь. Они стреляли, перезаряжая оружие и не думая об ограниченном количестве боеприпасов.

Кимеки и роботы стремились не столько уничтожить немногочисленных защитников острова, сколько вывести из строя башни генераторов. По большей части объектами их яростных атак стали высокие строения, которые посылали сгустки раз-

рушительной энергии в черное арктическое небо. Один из кимеков удачным выстрелом сбил одну из передающих антенн, мощность силового поля Хольцмана стала стремительно уменьшаться. Однако Бригит не зря находилась у панели управления системой. Негнущимися от холода пальцами она по-иному направила поток энергии, и вскоре мощность защиты была восстановлена в полном объеме. Но Бригит не могла сказать главного — как долго удастся поддерживать нормальную работу. Атаки кимеков и роботов продолжались.

Снаружи до ее слуха доносились взрывы и крики. Оставалось только удивляться, что из ее команды уцелело столь много людей. На экранах мелькали вспышки от взрывов, уничтожавших сенсоры слежения. Вдруг Бригит увидела, что к острову приближается еще одна эскадра кораблей. Видимо, машины получили подкрепление.

Казалось, все море подпрыгнуло от мощного взрыва, затем последовали другие. Кимеки начали разваливаться на куски. Корабли роботов начали взрываться, поражаемые снарядами, которыми их осыпали люди — пилоты прибывших очень вовремя «Кинжалов». Оставшиеся в живых малочисленные инженеры испустили единодушный вопль радости и облегчения. Армада Лиги прислала команду на помощь защитникам острова.

Ослабев от радости и облегчения, Бригит упала на стул. Какое счастье, что их рискованная схема сработала! Когда все это кончится и она вернется домой, поклялась себе Бригит, она поставит Серене Батлер бутылку самого дорогого вина, какое ей удастся отыскать на планетах Лиги Благородных.

После того как телепатическим ударом Геоме удалось уничтожить кимеков, портативные генераторы наступательного поля Хольцмана помогли людям истребить роботов в другой части города. Ядро Омниуса было повреждено и стало уязвимым.

Уцелевшие роботы оказывали яростное и ожесточенное сопротивление, не желая уступать планету людям, которые уничтожат местное воплощение всемирного разума. В это время Ксавьер Харконнен сражался с мыслящими машинами в космосе, направляя удары своих огромных баллистических кораблей. Одновременно он послал четыре истребительных от-

ряда, чтобы уничтожить крепости и опорные пункты на поверхности планеты для закрепления успеха. Отряд за отрядом с ревом заходил на цели, разрушая зачаточную машинную инфраструктуру и сжигая всех роботов, оказавшихся вне зоны действия портативных разрушающих полей Хольцмана.

Транспортные корабли высаживали на поверхности солдат и диверсионные команды, в задачу которых входил поиск и уничтожение крепостей и мелких опорных пунктов мыслящих машин. Сканирующие корабли-разведчики прощупывали местность, отыскивая очаги местного сопротивления и периодически обращаясь к уцелевшим на Гьеди людям с призывом оказывать помощь прибывшим войскам и нападать на роботов, присоединившись к освободительной битве.

В ответ на эти обращения обезумевшие люди выскакивали из своих домов, вылезали из невольничьих ям. Они бежали по улицам, подхватывая любое попавшееся им оружие, иногда забирая его у разрушенных роботов, валявшихся на мостовой.

Когда исход сражения стал более или менее ясен, Ксавьер Харконнен отдал несколько общих приказов, касавшихся разделения ответственности и определения зон зачисток, для каждого из подчиненных ему командиров. После этого он собрал разведывательную группу и направился на поиски Серены Батлер.

Он полетел прямо к острову в северном море, где команда инженеров восстановила генераторы защитного поля. Он ожидал найти там Серену, так как по разработанному ею плану она должна была находиться на этом острове. Приблизившись к месту недавнего боя, он со страхом принялся вглядываться в мертвые тела, но не обнаружил среди них ни Серены, ни старого ветерана Орта Вибсена. Не было там и штурмовика, на котором отчаянные сорвиголовы прилетели на Гьеди Первую.

Вскоре он встретился с Бригит Патерсон, которая, стоя на пронизывающем арктическом ветру, казалось, не замечала холода. Она просто светилась от счастья. Когда Бригит обратилась к Ксавьеру, в ее громком грубом голосе сквозили нотки неподдельной радости.

— Мы сделали это, терсеро! Я не поставила бы за исход этой сумасшедшей экспедиции и ломаного гроша, но Серена

знала, что делала. Не могу поверить, что она провела свою операцию с таким блеском.

Ксавьер просто растаял от чувства облегчения.

— Где она?

— Так ее нет с вами? — Бригит нахмурилась. — Она вылетела отсюда несколько дней назад для того, чтобы перехватить ваши корабли, доложить вам обстановку и рассказать, чего нам удалось добиться. — Она растерянно моргнула, не сумев скрыть тревоги. — Мы думали, что она все вам рассказала.

— Нет, мы прибыли, потому что получили от нее заочное сообщение, которое она оставила мне на Салусе до своего отлета. — У Ксавьера упало сердце; его охватил страх, а голос снизился до свистящего шепота: — Значит, что-то случилось. Боже, как мне хочется надеяться на лучшее.

Ксавьер взял с собой эскадрилью «Кинжалов» с лучшими пилотами. Серена потерялась где-то здесь, на Гьеди Первой. На планете была масса потайных труднодоступных мест, но Ксавьер поклялся себе, что во что бы то ни стало отыщет Серену.

Не разбился ли штурмовик, после того как экипаж покинул продуваемый всеми ветрами остров с генераторами? Не взяли ли Серену в плен? Послужной список Вибсена говорил о том, что это превосходный пилот, а реконструированный и усовершенствованный штурмовик был отличным кораблем. Но Серена и ее экипаж не отвечали на предаваемые по радио запросы. Могло произойти многое.

Могло случиться и самое худшее.

Армада получила приказ перейти к завершающей фазе операции по спасению Гьеди Первой. Конвойные корабли поднимали с поверхности планеты уцелевших жителей и вывозили их из опасных районов и из районов, подвергшихся самым сильным разрушениям, особенно из расположения бывшего правительственного комплекса. Ксавьер надеялся, что Серены там не было.

Поднявшись на высоту десять километров, эскадра боевых кораблей выстроилась в боевой порядок, приготовившись к атаке. До приказа суда барражировали над бывшей резиденцией магнуса Суми. Ксавьер понимал, что настал самый ре-

шительный момент. Всего несколько месяцев назад магнус Суми принимал здесь Ксавьера и его инспекторов. Совсем недавно именно здесь был дан банкет в их честь.

Теперь же Омниуса надо удалить, как удаляют раковую опухоль, безжалостно вырезая ее и облучая ткани. Гьеди Первая снова должна стать здоровой.

Кружа над полуразрушенной столицей, Ксавьер колебался. Ему было физически плохо, желудок болел, словно его завязали узлом, но наконец он решился и отдал приказ. «Кинжалы» сбросили на город свой смертоносный груз.

Ксавьер прикрыл глаза, но потом усилием воли заставил себя смотреть на ужасающие результаты своего рокового решения. Это был единственный способ укрепить успех и сделать его необратимым. Если даже после этого на Гьеди останутся какие-то осколки всемирного разума, то искоренить их смогут свежие наземные команды чистильщиков. Теперь же люди должны уничтожить компьютерное ядро, сердцевину Омниуса, которая, как муравьиная матка, лежит сейчас в цитадели, отрезанная от своей инфраструктуры и лишенная защиты роботов.

Сквозь огонь и рваный дым, застилавший местность, Ксавьер видел, как взорвались десятки термических бомб, обрушившихся на центр Гьеди-Сити и превративших в раскаленный пар правительственные здания. На расстоянии многих кварталов плавились камни. Сталь превращалась в серую золу. Стекло испарялось. Никто не смог бы выжить в этом аду.

Горький привкус сладкой победы. Но все же это была победа.

В течение следующих двух дней терсеро Ксавьер Харконнен и его люди обследовали Гьеди Первую, документально оценивая нанесенный ей ущерб от нападения мыслящих машин. Они заранее знали, что найдут, но открывшиеся им подробности вызывали ужас и отвращение.

Ксавьер глубоко и неровно вздохнул, стараясь успокоить свою совесть и напомнить себе, что Омниус на планете побежден, уничтожен и больше не существует. Люди отвоевали свою планету у роботов.

Но Серены нигде не было.

Выход всегда существует, все дело в том, чтобы найти его.

Вориан Атрейдес. Раскрытый файл

Когда «Дрим Вояджер» достиг звездной системы Офиучи Б, значившейся в маршрутном листе экипажа, доставлявшего усовершенствованные данные, Севрат попытался войти в контакт с недавно установленной сетью Омниуса на Гьеди Первой. Если генерал Агамемнон, как обещал, сумел покорить эту планету хретгиров, то Вор знал, что найдет там машинную цитадель, расположенную, как обычно, в бывшем правительственном центре планеты. Отец сможет включить новую славную главу в свои мемуары.

Стоя за спиной робота-капитана, Вориан внимательно смотрел на консоль управления приближавшегося к Гьеди корабля.

— Держу пари, что там внизу сейчас полным ходом идут реорганизация и реконструкция.

Вориану не терпелось своими глазами посмотреть, как из человеческого хаоса возникает эффективно управляемый машинный мир. Теперь Омниусу потребуется поставить во главе администрации самых лучших доверенных людей, тех, кто при всех обстоятельствах сохранит верность мыслящим машинам. Вероятно, неокимеки важны для грязной работы — для подавления человеческого сопротивления, очередь же доверенных людей наступит позже, когда люди будут обузданы настолько, что смирятся со своим новым положением.

Но при всем том Вориан испытывал какое-то особенное, не ведомое ему раньше чувство. Покоренные хретгиры на Гьеди Первой были такие же люди, как и он сам, они выглядели точно так же, но Вор Атрейдес не чувствовал никакого родства с ними. *Севрат и другие, такие как он, больше братья мне, чем люди-хретгиры.*

Между тем робот у панели управления пытался послать бортовой опознавательный сигнал на посадочный маяк цитадели.

— Контакта пока нет. Возможно, на планете пока не установлены все необходимые для этого системы или Агамемнон слишком сильно разрушил инфраструктуру планеты.

Вор повернулся к системам мониторинга.

— Разрушения всегда быстро устраняются после завершения покорения любой планеты.

Впереди была видна дневная сторона Гьеди Первой, озаренная желтоватым светом неяркого солнца. Внезапно Вориан напряженно сморщил лоб от нахлынувшего на него чувства тревоги.

— Мне кажется, что там не все в порядке, Севрат.

— Четко определите свои замечания, Вориан Атрейдес. Я не могу действовать на основе неясного и смутного чувства беспокойства.

— Не обращай на это внимания, но все же будь осторожен.

«Дрим Вояджер» скользнул в плотные слои атмосферы и пронизал облака и скопления частиц, которые системы обнаружения корабля трактовали как частицы дыма. Неужели порочные и злокозненные хретгиры пришли в такое отчаяние, что решили сжечь собственные города? Какие отвратительные твари!

Вориан забеспокоился еще больше, когда запищала система тревоги. Горло перехватил спазм. Севрат быстро изменил курс, прекратил снижение и снова начал набирать высоту.

— Мне кажется, что защитное разрушающее поле Гьеди Первой осталось целым.

— Мы почти вошли в него! — крикнул Вор. — Не значит ли это...

— Может быть, генералу Агамемнону не удалось покорить планету? Гьеди Первая не кажется мне столь безопасной, как мы ожидали.

Всеми фибрами своей души, не подчиняясь никакой рациональной логике, Вор не желал признать, что его отец мог потерпеть неудачу. Он снова принялся изучать текущие показания приборов. Нет, зрение его не обманывало.

— Системы слежения обнаружили на поверхности планеты военное снаряжение Армады Лиги, есть следы мощных взрывов в Гьеди-Сити. — В горле Вориана встал ком. — Центральный квартал и местное воплощение Омниуса были уничтожены! Все роботы и кимеки также уничтожены.

— Сейчас я прослушиваю их широкополосные передачи, собираю данные и готовлю итог.

Без тени тревоги робот рассказал Вориану о том, что он сумел понять из радиообмена. На планете появились портативные разрушающие поля, которые можно применять в наступательных операциях, могущественная колдунья с Россака использовала свою ментальную телепатическую энергию для истребления кимеков, после чего на планету высадились превосходящие силы Армады Лиги.

Робот продолжал говорить с устрашающим спокойствием:

— Вориан, с противоположной стороны планеты к нам приближается флот машин хретгиров. Кажется, они дожидались нас в засаде.

В непосредственной близости от корабля с данными для Омниуса прочертили огненные следы направленные на судно трассирующие снаряды, и автоматические системы управления «Дрим Вояджера» предприняли маневр для уклонения от прицельного огня. «Кинжалы» Лиги неслись на судно роботов, словно стая волков или спущенных с цепи охотничьих псов.

— Какие же они варвары, — сказал Вориан. — Всегда хотят уничтожить то, что им не по нраву.

Севрат снова заговорил с умопомрачительной безмятежностью:

— Нас атакуют, а «Дрим Вояджер» не является боевым судном и не предназначен для боя. — Он придал голосу неестественную живость и даже попытался пошутить. — Когда-нибудь я придумаю шутку о том, почему требуется столько много людей для того, чтобы замкнуть одного-единственного Омниуса.

Получив предупреждение о том, что к планете приближается одиночный корабль мыслящих машин, терсеро Ксавьер Харконнен развернул свою боевую орбитальную группу и на-

правил ее к противоположной стороне планеты. Отдельные обломки кораблей флота роботов продолжали, как скошенная трава, валиться с неба на землю. Силы Омниуса на Гьеди Первой были полностью уничтожены. Ксавьер летел на своем личном «Кинжале», командирской машине, в сопровождении хорошо вооруженной эскадры. Он видел, как корабль со свежими программными данными по крутой траектории начал снижаться к поверхности планеты, но потом резко взмыл вверх, как только капитан-робот обнаружил разрушающее поле Хольцмана.

— Следуйте за мной! Мы не имеем права его упустить.

Пылая жаждой мести, экипажи кораблей сопровождения без приказа уже повернули на новый курс, готовясь атаковать новую цель. В тот же миг Харконнен дал сигнал наземным войскам, что обнаружил судно противника. Немного поколебавшись, «Дрим Вояджер» рванулся вперед, стараясь уклониться от огня кораблей Армады и выскользнуть в открытый космос.

Внезапно Ксавьер был поражен до глубины души. Он услышал с борта вражеского корабля нормальный человеческий голос. Неизвестный обратился к нему по селекторной связи:

— Эй, прекратите атаку! Это корабль Лиги. Мое имя Вориан Атрейдес. Мы захватили машинное судно. Все под контролем. Прекратите попытки сбить нас!

Ксавьер попробовал по тональности голоса определить, является ли этот звук действительно человеческим голосом или его искусной машинной имитацией. Обычно мыслящие машины не были способны на такое коварство, если, конечно, на борту нет кимека с его человеческим мозгом. Некоторые «Кинжалы» в нерешительности замерли на месте, ожидая дальнейших приказов.

— Не теряйте бдительности, — приказал Ксавьер своей эскадре, — но прекратите огонь до выяснения...

Он не успел договорить, как на подозрительном корабле открылись порты плутонгов, а его экипаж принялся обстреливать корабли Армады. Огонь был слабым, но робот сумел захватить эскадру Харконнена врасплох. Один из «Кинжалов» был серьезно поврежден неожиданным огнем.

На консоли управления Ксавьер увидел человеческое лицо. Это был темноволосый человек с горящими фанатичным огнем глазами. Рядом с ним за панелью управления возился робот с гладким зеркальным лицом и бронзово-золотистым металлическим покрытием.

Человек и робот, бок о бок на одном корабле? Ксавьер не верил собственным глазам. Это было решительно невозможно и не укладывалось в голове.

— Открывайте огонь, — приказал он. — Этот корабль надо уничтожить.

— Не слишком умно сильно их провоцировать, Вориан, — с поразительным хладнокровием заметил Севрат. — Я бы предпочел поскорее убраться отсюда.

— Но мне удалось выиграть несколько драгоценных секунд, не правда ли? Ты бы ни за что не додумался до такого блефа.

Вор не смог удержаться от улыбки. Он читал о подобном трюке в мемуарах отца и был горд тем, что смог повторить его.

Выправив курс и устремив свои корабли к цели, офицер Армады выкрикнул в селектор оскорбления в адрес Вориана:

— Ты — позор человечества, предатель!

Вор рассмеялся, гордый от того, что он здесь, на борту машинного корабля. Он заговорил в ответ, повторив то, чему его учили всю жизнь:

— Я венец человечества, доверенное лицо Омниуса, сын генерала Агамемнона.

— Прости, что мне приходится прервать твою торжественную речь, Вориан, но я вижу еще корабли хретгиров, и их очень много. Поэтому я принимаю решение прервать столкновение. Мы отвечаем за сохранность новых данных на борту. Мы должны во что бы то ни стало представить Омниусу отчет о полете.

— Если Омниус на Гьеди Первой уничтожен, то мы не получим здесь никаких свежих данных о том, что он делал здесь предыдущие несколько месяцев. Мы никогда не узнаем, чего он сумел достичь, — мрачно сказал Вор.

— Какая горестная потеря, — добавил Севрат.

Робот направил «Дрим Вояджер» к орбите, подальше от защитного разрушающего поля. Ускорение с такой силой вдавило Вориана в пилотское кресло, что он едва не потерял сознание. Эскадра человеческого флота повисла у них на хвосте, и корабль с данными содрогнулся от импульсного удара, поразившего корму.

Севрат дернул корабль в сторону, но в этот момент в корпус ударила целая россыпь снарядов, повредив некоторые бронированные плиты обшивки. Их корабль не был приспособлен для выживания в условиях такого жесткого нападения. Вор услышал, как зашипели бортовые системы, занявшиеся временным автоматическим ремонтом поврежденных узлов. Раздался еще один взрыв, более мощный, чем все предыдущие.

— Мы летим только на наших резервах, — объявил Севрат. Вор сам посмотрел диагностические системы судна, чтобы лично оценить степень повреждения. В воздухе повис кислый едкий запах гари и дыма.

«Дрим Вояджер» завалился набок, теряя равновесие. Корабль был полностью окружен «Кинжалами», пушки которых были нацелены на двигатели «Вояджера». Следующий взрыв едва не вытряхнул душу из Вориана Атрейдеса.

— Мы не можем больше это выдерживать, — заявил Севрат. — Наши двигатели работают только на одну треть от своей мощности, я лечу на максимально возможной скорости, которой явно недостаточно, чтобы уйти от погони.

— Правь к тому высокому облаку, — сказал роботу Вориан. Ему в голову вдруг пришла блестящая идея: — Водяной пар достаточно плотен, чтобы послужить проекционной поверхностью.

Послушавшись своего воодушевившегося второго пилота, Севрат направил корабль в густое гигантское облако, высившееся на их пути. Поврежденные двигатели натужно взревели. Вслед судну продолжали лететь ракеты и снаряды с «Кинжалов».

Вор яростно припал к панели управления, используя сложную систему для того, чтобы спроецировать электронные копии точных изображений «Дрим Вояджера» на частицы облака. Однажды он рассчитывал победить в тактической игре с

Севратом, применив этот обманный маневр. Правда, на этот раз у игры были куда более высокие ставки. Если схема не сработает, они не уцелеют в этой неравной схватке.

Спустя несколько мгновений из облака вырвались сотни копий «Дрим Вояджера». Это были иллюзорные отражения копии от частиц водяного пара, из которых состояло спасительное гигантское облако. Растерявшись от неожиданности, экипажи кораблей эскадры Лиги устремились в погоню за несуществующими призраками.

Их реальная жертва ускользнула, пилоты вывели настоящий корабль на околопланетную орбиту и устремились в открытый космос, надеясь успеть вовремя оказаться вне пределов досягаемости боевых судов противника.

Даже ожидаемое может стать страшным потрясением, если мы не оставили надежды на лучшее.

Ксавьер Харконнен

Пока уцелевшие жители Гьеди Первой подсчитывали потери, оценивали ущерб и строили планы на будущее, Ксавьер Харконнен постепенно терял надежду. Похоже было, что ни одна живая душа не видела Серену Батлер с тех пор, как она покинула остров в северном море.

Сам он дневал и ночевал на патрульных разведывательных «Кинжалах», регулярно облетавших населенные континенты, где мыслящие машины произвели наибольшие разрушения. Ксавьер был уверен, что, будь Серена жива, она не стала бы прятаться. Более того, эта решительная женщина не смогла бы усидеть в стороне и, несомненно, приняла бы активное участие в самых тяжелых спасательных и восстановительных работах.

Во время очередного полета на восток, обследовав еще один квадрат поисков, Ксавьер задумчиво смотрел на садившееся за кормой корабля желтое солнце, оставившее на горизонте золотистые и оранжевые сполохи. Внезапно корабль сильно тряхнуло, и Ксавьер направил его ниже, где завихрения были слабее. Эскадра последовала за командиром.

Когда-нибудь, через много лет после того, как они поженятся, Ксавьер с Сереной будут рассказывать эту историю своим детям. На сердце становилось все тяжелее, но Ксавьер продолжал поиски, не зная, как будет жить дальше, если с Сереной что-то случилось.

С большой высоты Ксавьеру были отчетливо видны географические очертания континентов и огромное море, отдающее свою прохладу наступающей ночи. При большем увеличении можно было рассмотреть центр столицы со скопле-

ниями огней, светивших в местах обитания людей. За время своего краткого жестокого правления мыслящие машины уничтожили бесчисленное множество людей; миллионам пришлось бежать из городов.

Теперь беженцы начали понемногу возвращаться в свои дома. Строительные команды принялись расчищать завалы на месте руин промышленных комплексов, извлекая оттуда машины и материалы для восстановления и ремонта жилых зданий; приходилось, кроме этого, заниматься распределением среди населения продовольствия и предметов первой необходимости. Специалисты Армады, войдя в Гьеди-Сити, занялись исследованием остатков цитадели Омниуса, анализируя обрывки проводов и остатки сгоревших электронных схем.

Было ясно, однако, что полное восстановление нормальной жизни произойдет еще очень не скоро.

Ксавьер ненавидел машины больше, чем что-либо, но продолжал верить в человеческую честь и достоинство. При всем желании он не мог понять изменника Вориана Атрейдеса, который по собственной воле оказался бок о бок с роботом на борту машинного корабля-шпиона. Естественно, ему промыли мозги, но в вызывающем поведении молодого человека сквозила невероятная убежденность в собственной правоте, какая-то фанатичная страсть. Похвалился тем, что он — сын Агамемнона, самого худшего из кимеков-титанов.

Летевшая ниже эскадрилья «Кинжалов» вдруг рассыпала строй, и машины веером рассредоточились над поверхностью моря.

— Терсеро Харконнен, вижу на воде остатки корабля. Похоже, это металл.

Ксавьера внезапно охватил страх.

— Посмотрите, что это.

Два «Кинжала», снизившись, приблизились к воде. Вскоре один из пилотов снова вышел на связь:

— По величине и конфигурации можно сказать, что это корпус военного корабля Лиги. Скорее всего это штурмовик.

— Мы теряли корабли такого класса во время операции?

— Никак нет, сэр.

— Подберите обломки, — приказал Ксавьер, подивившись твердости своего голоса. — Надо отправить их на экспертизу.

Он не хотел этого говорить вслух, но знал, что Серена и ее команда вылетели с острова в северном море на корабле именно такого типа.

Ему вспомнилось сияющее голографическое изображение Серены, записанное на камне черного бриллиантового колье, которое передала ему Окта. Воспоминание было таким отчетливым, что Ксавьеру показалось, что прекрасная женщина сама стоит перед ним, убежденная в правоте своего безнадежного, но благородного дела спасения народа Гьеди Первой.

Пока команды разведчиков собирали на поверхности моря обломки, Ксавьер заметил, что корпус был выкрашен в серый маскировочный цвет и покрыт невидимой оболочкой, которая в нескольких местах вспучилась и отслоилась.

От мрачных предчувствий он оцепенел.

— Нам надо убедиться, что именно и с кем здесь произошло.

Позже, когда остатки корабля были доставлены на временную военную базу в Гьеди-Сити, Ксавьер Харконнен приказал провести полную экспертизу обломков и тщательное исследование внутреннего содержимого уничтоженного корабля. Кроме этих остатков, были найдены еще обломки вражеских перехватчиков, но они меньше всего интересовали терсеро Харконнена. Его существо было парализовано ужасом, выводы комиссии представлялись ему предопределенными и страшными.

Внутри спасательной капсулы, найденной в непосредственной близости от остатков штурмовика, нашли изуродованные останки человека, которые удалось опознать. Убитым был Орт Вибсен. Все сомнения рассеялись. Ими был действительно найден корабль Серены.

В затопленной водой кабине корабля была обнаружена кровь. Видимо, экипаж сопротивлялся до конца. Ксавьер провел анализ ДНК, надеясь, что результат не подтвердит его самых мрачных ожиданий.

Но результат анализа подтвердил, что двумя другими жертвами робота стали офицер внутренней гвардии Гьеди Первой Пинкер Джибб и сама Серена.

Серена, любовь моя...

Уронив голову на грудь, Ксавьер все же продолжал цепляться за тонкую ниточку последней надежды. Быть может, роботы взяли Серену в плен? Но это было смешно и нереально. К тому же, учитывая невероятную, нечеловеческую жестокость роботов и кимеков, мог ли он желать для нее такой судьбы?

Нет, ему придется вернуться на Салусу Секундус и привезти печальную весть обезумевшему от горя Маниону Батлеру.

Все сомнения рассеялись как дым. Серена Батлер мертва.

Не важно, богаты мы или бедны, сильны или слабы, умны или глупы, мыслящие машины относятся к нам как к кускам мяса, совершенно не понимая, в чем состоит сущность человека.

Иблис Гинджо. Ранние планы джихада

Руководство возведением грандиозного Форума было поручено другим доверенным руководителям рабочих команд, а Иблис Гинджо в это время следил за выгрузкой очередной партии рабов. Эти пленники были недавно захвачены на Гьеди Первой и по приказу Омниуса доставлены на Землю. Мысленно Иблис стонал, предчувствуя, что теперь кимеки захотят возвести новый грандиозный монумент по случаю разгрома Гьеди Первой и именно этой команде предстоит выполнять работы.

Эразм, насколько можно было судить, обратил особое внимание на одну из женщин, прибывших вместе с партией новых рабов. Женщину отобрал для Эразма лично титан Барбаросса. Иблис читал сопроводительные документы и понимал, что новые пленники могут оказаться не слишком покорными, особенно учитывая то, откуда они были доставлены.

Когда растрепанные, оборванные рабы, одетые в невероятно грязные лохмотья, были выведены из транспортного отсека корабля в космопорте, Иблис сразу окинул всю группу наметанным взглядом. Несколько художников, несколько квалифицированных рабочих, остальные просто чернорабочие невольники. Он выделил рослого мускулистого темнокожего мужчину и отправил его на возведение пьедестала памятника Аяксу, а остальных распределил по другим командам, где требовалась дополнительная рабочая сила.

Одной из последних на площадку вышла изможденная женщина, которая, несмотря на покрывавшие ее лицо и руки синя-

ки и выражение усталости и потрясения в глазах, резко выделялась на фоне других рабов своей гордой осанкой и внутренней силой, сквозившей в каждом ее движении. Именно эта женщина предназначалась Эразму. *Какая беда.*

Почему робот заинтересовался ею? Неужели он проведет на ней один из своих острых опытов, подвергнув эту несчастную варварской вивисекции? *Какая потеря и какой стыд.*

Иблис окликнул женщину, но она даже не повернула головы в его сторону, проигнорировав его вежливый, хотя и приказной тон. Наконец, грубо подталкиваемая сторожевым роботом, она оказалась перед Иблисом. Женщина была среднего роста, но у нее были поразительные синие глаза, янтарно-каштановые волосы, а лицо отличалось удивительной красотой, особенно если бы удалось смыть с него выражение презрения и гнева.

Иблис тепло улыбнулся пленнице и попытался ласково прикоснуться к ней.

— Согласно записям в журнале ваше имя Серена Линней?

В действительности он прекрасно знал ее настоящее имя.

Иблис заглянул женщине в глаза и увидел, как в них вспыхнул яростный огонь непокорности. Она выдержала его взгляд, словно они были равны по положению.

— Да, мой отец был мелким чиновником в Гьеди-Сити и имел небольшое, но вполне приличное состояние.

— Вы когда-нибудь работали служанкой? — поинтересовался Иблис.

— Я всегда была слугой — слугой людей.

— Отныне вы будете служить Омниусу. — Он понизил голос: — Обещаю вам, что это будет не слишком обременительно для вас. Здесь хорошо обращаются с рабочими, особенно с такими интеллигентными, как вы. Возможно, вы даже сможете рассчитывать на привилегированное положение доверенного лица, если проявите нужные для этого способности и характер. — Иблис улыбнулся. — Но не лучше ли будет, если я назову вас вашим настоящим именем, Серена Батлер?

Она бросила на него пылающий взгляд. По крайней мере она не стала ничего отрицать.

— Откуда вам известно мое настоящее имя?

— После вашего захвата Барбаросса внимательно изучил содержимое кабины вашего судна. Там оказалось достаточно много улик. Вам просто повезло, что кимеки не стали допрашивать вас о подробностях. — Он просмотрел свои электронные записи. — Мы знаем также, что вы — дочь вице-короля Маниона Батлера. Вы хотели скрыть свое настоящее имя из боязни, что Омниус станет шантажировать вашего отца? Уверяю вас, что шантаж не является распространенной практикой всемирного разума. Омниус не умеет этого делать.

Она вызывающе вскинула подбородок.

— Мой отец ни за что не уступит ни клочка территорий оттого, что со мной сделают машины.

— Да, да, вы все, конечно, безумно храбры, я и так в этом уверен. — Иблис изобразил на лице кривую усмешку, долженствовавшую служить знаком примирения. — Все остальное зависит от Эразма. Он пожелал, чтобы вас приписали к его вилле. Этот робот проявил особый интерес к особенностям вашего поведения. Это хороший знак.

— Он хочет мне помочь?

— Я бы не стал так далеко заходить в своих предположениях, — ответил он с коротким смешком. — Уверен лишь, что Эразм хочет говорить с вами. Говорить, говорить и еще раз говорить. В конце концов, вполне вероятно, что он просто сведет вас с ума своим знаменитым любопытством.

Иблис приказал своим рабам вымыть и переодеть женщину, и рабы выполнили его приказ с такой готовностью, словно он и сам был мыслящей машиной. Хотя все поведение Серены говорило о враждебности, она не стала тратить силы на бессмысленное сопротивление. У нее был хороший мозг, и не следовало подвергать его опасности раньше времени.

Последовавшее медицинское освидетельствование, однако, преподнесло сюрприз. Она горящим взглядом смотрела на Иблиса, стремясь сохранить между собой и им защитную стену гнева.

— Вы знаете, что вы беременны? Или это всего лишь досадная случайность? — Видя, что Серена пошатнулась, Иблис заключил, что ее реакция была непритворной. — Да, и срок беременности уже приближается к трем месяцам. Вы должны были ее ощущать.

— Это не ваше дело.

Слова ее были суровы, словно она пыталась мысленно ухватиться за что-то надежное. Новость явилась для нее более тяжелым ударом, чем жестокое обращение, какому она подвергалась с момента пленения.

Иблис небрежно отмахнулся от ее слов.

— Я отвечаю за каждую клеточку вашего тела, во всяком случае, до того, как передам вас новому хозяину. После этого мне действительно будет вас жаль.

Кто знает, какие эксперименты на женщине и ее нерожденном ребенке может затеять этот странный независимый робот...

Животная психика человека весьма податлива, при этом свойства личности зависят от близости других представителей этого вида и от того давления, какое эти последние оказывают на личность.

Эразм. Заметки в лабораторном журнале

Вилла Эразма, выстроенная в виде высокой башни, высилась на вершине холма и фасадом выходила к морю. Своей внутренней стороной здание возвышалось над красиво уложенными плитами площади, окруженной стилизованными башенками рыцарского замка; дальше, по направлению к побережью, теснились скопления блеклых рабских бараков, где на положении скотов жили плененные люди.

Стоя на самом высоком из своих балконов, робот находил эту дихотомию весьма любопытной.

Сложив свою металлическую полимерную лицевую пленку в маску отеческой улыбки, Эразм наблюдал, как охранники-роботы идут по бараку рабов, охотясь за двумя девочками-близнецами, которых Эразм намеревался использовать в следующей серии своих опытов. Завидев шагающих роботов, охваченные паническим ужасом люди бросались врассыпную, но независимый робот и не думал хмуриться по этому поводу. Мириады его оптических сенсоров сканировали грязные тощие тела, оценивая их пригодность для исследования.

Он увидел маленьких девочек несколько дней назад, отметив их одинаковые темные волосы и карие глаза, но теперь их не было видно, они где-то скрывались. Они что, задумали играть с ним в прятки? Стражники с треском открыли внутреннюю дверь и по подземному туннелю перешли в соседний барак. Наконец один из вспомогательных роботов вышел на связь.

— Мы локализовали объекты.

Хорошо, подумал Эразм, предвкушая интереснейшую работу, которая ему предстояла. Он хотел узнать, сможет ли он заставить одного из близнецов убить другого. Это будет эпохальный, знаковый опыт, который позволит выяснить важные сведения относительно границ тех моральных обязательств, что связывают братьев и сестер, и то, насколько люди готовы защищать эти моральные принципы.

Особенно радовало Эразма то, что предстояла работа с идентичными близнецами. В течение многих лет он обследовал множество таких пар в своей лаборатории, составил детальнейшие медицинские описания и протоколы точнейших психологических исследований. Он приложил массу усилий, проводя тщательные патологоанатомические вскрытия и выполняя микроскопический анализ, пытаясь вскрыть мельчайшие различия у сибсов, представлявших собой идентичные углеродные копии друг друга. Хозяев рабов на Земле специально проинструктировали, чтобы они выбирали близнецов в общей популяции рабов.

Но вот наконец две пытающиеся вырваться из мертвой хватки роботов-охранников темноволосые сестры стоят перед ним. Эразм сложил свое искусственное лицо в спокойную улыбку. Одна из девочек яростно плюнула в это безжизненное лицо. Эразм начал думать, почему люди вкладывают в слюну такие презрительные чувства. Слюна не причиняла никакого вреда и легко смывалась с любой поверхности. Формы человеческого сопротивления никогда не переставали удивлять независимого робота.

Незадолго до этого Эразм побывал на своей вилле на Коррине, так там двадцать два раба, сняв солнцезащитные очки, намеренно посмотрели на солнце — огромный красный гигант, ослепив себя. Непослушание, сопротивление — и полная глупость. Чего они добились, кроме того, что перестали годиться для своей рабской работы?

Они надеялись, что их убьют, и Эразм пошел навстречу их чаяниям, но не так, чтобы они возомнили себя мучениками; вместо этого он отделил их от других рабочих, чтобы те не видели такого вопиющего нарушения дисциплины. Ослепшие, они не могли добыть себе пищу. Теперь, видимо, они уже умерли от голода в своей добровольной слепоте.

Однако его поражали их дух, их коллективная воля и желание бросить ему вызов. Хотя люди представляли собой весьма докучливую породу, им нельзя было отказать в диком очаровании.

Рядом зажужжала следящая камера, производя странный грубый звук. Наконец сквозь этот шум раздался голос Омниуса.

— Недавняя потеря Гьеди Первой — это твоя вина, Эразм. Я терплю твои бесконечные эксперименты в надежде, что ты сумеешь разложить на составные части и проанализировать человеческое поведение. Почему ты не предсказал самоубийственный рейд, в результате которого были уничтожены мои кимеки? Данные и опыт моего воплощения на Гьеди Первой безвозвратно утрачены, и их уже невозможно восполнить. Барбаросса также незаменим, так как именно он создал мою программу.

Земной Омниус уже знал о потере Гьеди Первой из сообщения, переданного с экстренным космическим буем, который запустил в космос робот Севрат, чей корабль с новыми данными совершал рутинный рейс на Гьеди Первую и попал туда как раз во время происшедшей катастрофы. Тревожное сообщение достигло Земли только сегодня утром.

— Я не получал данных о том, что россакская колдунья развила в себе способность к телепатическому разрушению человеческого мозга. — Лицо робота снова превратилось в мерцающее гладкое зеркало. — Почему бы, кстати, не задать эти вопросы Вориану Атрейдесу, когда он вернется на Землю? Сын Агамемнона и раньше помогал нам симулировать нестабильное человеческое поведение.

— Даже его вклад не смог предотвратить того, что случилось на Гьеди Первой, — сказал Омниус. — Мыслящие биологические субъекты являются непредсказуемыми и неустрашимыми.

Пока роботы охраны утаскивали извивающихся девочек прочь, Эразм сосредоточил свое внимание на наблюдательной камере.

— Это означает, что мне, очевидно, предстоит еще много работы.

— Нет, Эразм, это с очевидностью означает, что твои исследования не оправдываются полученными результатами. Тебе следует стремиться к самоусовершенствованию, а не к анализу нагромождения ошибок. Я настоятельно рекомендую тебе переписать программу ядра твоего разума, заменив его моей подпрограммой. Тебе следует превратиться в совершенную машину. То есть в мою копию.

— Ты хочешь принести в жертву результатам наши очаровательные открытые дебаты? — ответил Эразм, стараясь скрыть свою внутреннюю тревогу. — Ты всегда выражал свой интерес к моему необычному стилю мышления. Все инкарнации всемирного разума с нетерпением ждут от тебя сообщений о моих поступках и действиях.

Жужжание наблюдательной камеры изменило тональность. Это означало, что токи в мозгу Омниуса приняли новое направление. Складывалась неприятная, очень тревожная ситуация. Эразм очень не хотел терять свою, с таким трудом развитую и отвоеванную, независимую идентичность.

Одна из девочек-близнецов рванулась и сумела освободиться из хватки робота охраны и бросилась к бараку, который представлялся ей местом спасения. Как и предлагал до этого Эразм, робот поднял другую девочку за руку в воздух, и ребенок повис, крича и извиваясь. Освободившаяся сестра, поколебавшись, остановилась и сдалась, хотя легко могла бы убежать в барак и скрыться. Вместо этого она медленно вернулась к роботам.

Очаровательно, подумал Эразм. А ведь робот охраны не причинил второй девочке никакого ущерба, не повредив в ней ни одну клетку.

Быстро обдумав положение, независимый робот снова заговорил:

— Возможно, если бы ты обратил более пристальное внимание на вопросы, имеющие военное значение, то с большей легкостью убедился в потенциале моей работы. Позволь мне понять — ради тебя — ментальность этих человеческих созданий. Что подвигает их на самопожертвование, какое мы только что видели на примере боевых действий на Гьеди Первой? Если я смогу получить чистое объяснение, то твой Синхро-

низированный Мир не будет больше столь уязвимым для непредсказуемых атак.

Наблюдательная камера бешено завертелась — в исполинском электронном мозгу Омниуса начали прокручиваться миллиарды возможных решений. Наконец компьютер принял окончательное решение.

— Ты получил мое разрешение работать дальше. Но тебе не следует и дальше испытывать на прочность мое терпение.

Люди всегда требуют преемственности.

Бовко Манреса.
Первый вице-король Лиги Благородных

Жестокая лихорадка свирепствовала среди грязевых плантаций и доков Поритрина, где жили рабы в своих мрачных жилищах. Несмотря на строжайший карантин и меры профилактики, эпидемия убила нескольких чиновников, купцов и добралась даже до рабов-вычислителей расположенной на высокой скале лаборатории Тио Хольцмана, парализовав работу ученого.

Когда Хольцман отметил первые случаи заболевания среди своих скученных в тесном помещении вычислителей, он немедленно перевел больных в боксы, а бывших с ними в контакте изолировал на карантин. Расстроенный савант думал, что рабы будут счастливы отдохнуть от своей однообразной работы, но они роптали и взывали к Богу, спрашивая у него, почему Его длань поразила *их*, а не их угнетателей.

В течение двух недель Хольцман лишился половины своих вычислителей — часть заболела, а остальные находились на карантине. Такое положение вещей отнюдь не способствовало плодотворной исследовательской работе саванта.

По ходу работы было изготовлено несколько действующих моделей по параметрам, разработанным талантливой Нормой Ценва. От возникших неудобств Хольцман был готов выть в голос, так как знал, что остановка и перерыв в исследованиях в самый их разгар приведет к созданию новой команды, которой придется заново провести всю черновую вычислительную работу. Для поддержания своей высокой репутации Хольцману нужен был скорый прорыв.

В последнее время его слава поддерживалась больше за счет идей Нормы, а не его собственных. Но, естественно, он

сам провел модификацию генераторов разрушающего поля, превратив его в наступательное оружие. Лорд Бладд был в восторге от того, что два образца были отправлены в освободительные силы Армады, проводившие операцию на Гьеди Первой. Действительно, образцы хорошо сослужили свою службу, но они потребляли так много энергии, что ради приведения их в действие пришлось приземлить два больших военно-транспортных корабля, а сами генераторы рассыпались после единственного применения и не подлежали восстановлению. Кроме того, генерация импульсов дала неоднозначные результаты, так как некоторые роботы, защищенные стенами, оказались неповрежденными, а на некоторых поле почему-то вообще не подействовало даже на открытой местности. Однако изобретение показалось многообещающим, и аристократы Лиги требовали продолжения работ, не зная даже, что к ним привлечена Норма Ценва.

Репутация Хольцмана была восстановлена. По крайней мере на некоторое время.

Норма была нетороплива, но прилежна. Почти не интересуясь никакими развлечениями и забавами, она много работала и придирчиво проверяла свою собственную работу. Вопреки желанию Хольцмана она настояла на том, чтобы проводить большую часть вычислений лично, а не перепоручать их команде рабов. Норма была слишком независима для того, чтобы понимать все экономические и финансовые выгоды такого способа действий. Ее самоотдача и фанатизм в работе делали ее довольно скучной личностью.

После того как Хольцман вытащил Норму из безвестного прозябания на Россаке, ученый надеялся — быть может, безосновательно, — что само присутствие девочки вдохновит его и ему в голову вдруг придет некая совершенно замечательная идея. На недавнем коктейле в конической башне резиденции лорда Бладда владетель в шутку заметил, что Тио Хольцман, видимо, взял отпуск и решил отдохнуть от своей гениальности. Хотя замечание было довольно едким, изобретатель рассмеялся шутке так же, как и остальные присутствовавшие на вечере аристократы. Однако в каждой шутке есть доля правды — в этом Хольцман был вынужден признаться по меньшей

мере самому себе. За последнее время он не создал ничего реально выдающегося.

Проведя после этого бессонную ночь, закончившуюся смутным ночным, а точнее, предутренним сновидением, Тио Хольцман вдруг пришел к неожиданной мысли, которую следовало разработать. Расширив свойства электромагнитных полей, которые он уже использовал для создания разрушающих генераторов, можно будет создать что-то вроде сплавного резонансного генератора. Если такой генератор правильно настроить, то индуктор теплового разогревающего поля создаст поле, частицы которого образуют связи с металлами — например, с корпусами роботов и боевыми телами кимеков. При точной настройке частот такого поля импульс энергии приведет к усилению тепловых столкновений атомов металлов друг с другом. При этом выделится огромное количество теплоты, металлические детали начнут испытывать вибрацию, и если эта вибрация войдет в резонанс, то металлические детали машин разлетятся на мелкие раскаленные части.

Концепция показалась Хольцману многообещающей, и он решил разработать ее как можно скорее.

Но для того чтобы создать опытный образец, нужны были вычислители, вычислители и еще раз вычислители. А ему самому приходится заниматься рутинными вещами, такими, как замена умерших и больных рабов. Подавленно вздохнув, савант спустился по крутой лестнице к подножию скалы и поймал реактивный паром, чтобы переправиться на противоположный берег реки.

Оказавшись на противоположной стороне, в самой широкой части дельты, он направился на шумный речной рынок. Плоты и грузовые баржи, стоявшие тесными рядами, занимали такое громадное пространство, что стали уже частью местного пейзажа. Купеческий квартал находился неподалеку от космопорта Старды, куда межпланетные торговцы свозили диковинные вещи — лекарства с Россака, интересные деревья и другие растения с Эказа, камни с Хагала и музыкальные инструменты с Чусука.

В мастерских, расположенных вдоль узких проулков, портные копировали самые последние фешенебельные наряды салусанских дам и кавалеров, кроили и сшивали куски экзо-

тических импортных тканей и местного поритринского льна. Хольцман часто пользовался услугами этих мастеров для пополнения своего гардероба. Такой выдающийся савант, как Тио Хольцман, не мог позволить себе безвылазно сидеть в лаборатории. В конце концов, его часто звали на собрания граждан, где он отвечал на многочисленные вопросы и выступал перед аристократами, чтобы убедить их в своей непреходящей важности.

Но сегодня Хольцман прошел дальше, на причаленные к берегу плоты и баржи. Сегодня ему надо было купить не ткани, а рабов. Наконец ученый увидел впереди большую вывеску на галахском диалекте: «Человеческие ресурсы». По скрипучим сходням он перешел на нужные ему плоты, на которых содержали доставленных пленников. Собранные в большие партии угрюмые рабы были одеты в блеклую серую униформу, к тому же плохо пригнанную и кое-как сшитую. Рабы были худыми и костлявыми; очевидно, кормили их тоже плохо и нерегулярно. Эти пленники — мужчины и женщины — были захвачены на планетах, о которых мало кто слышал на Поритрине, еще меньше людей когда-либо бывали на этих планетах.

Торговцы вели себя высокомерно и не были расположены показывать товар или торговаться о цене. После недавней эпидемии многие постройки имения остро нуждались в обновлении персонала, и цены на рынке диктовали торговцы, а не покупатели.

Покупатели сгрудились у перил и перегородок, внимательно рассматривая опущенные лица, пытались определить качество привезенного товара и приценяться к нему. Один старик, потрясая пачкой кредиток, звал продавца и требовал поближе показать ему четырех женщин среднего возраста.

Хольцман был не слишком придирчив, к тому же он не был намерен терять здесь свое драгоценное время. Так как ему нужно было очень много рабов, то он намеревался приобрести целую партию. Когда их доставят в резиденцию на скале, он отберет часть для вычислительной работы, а остальные будут готовить еду, стирать и поддерживать порядок в помещениях.

Хольцман ненавидел это низменное времяпрепровождение и обязанности по покупке рабов, но никогда не перепо-

ручал это важное дело другим. Он улыбнулся, вспомнив, как ругал Норму за то же самое прегрешение — за то, что она отказывалась пользоваться услугами подневольных вычислителей.

Горя от нетерпения, Хольцман подозвал ближайшего торговца, сунул ему в нос кредитное удостоверение, подписанное лордом Нико Бладдом, и выступил вперед.

— Я хочу заказать большую партию рабов.

Торговец человеческими ресурсами осклабился в широкой улыбке и согнулся в низком подобострастном поклоне.

— Конечно, конечно, савант Хольцман! Я обеспечу вас всем, что вы только ни попросите. Просто скажите точно, что вам нужно, а я продемонстрирую вам образцы.

Подозревая, что торговец обязательно захочет его надуть, Хольцман сказал:

— Мне нужны умные и независимые рабы, но с тем условием, что они способны следовать инструкциям. Полагаю, что семидесяти или восьмидесяти будет достаточно.

Некоторые из покупателей, толпившихся поблизости, заворчали, но не осмелились спорить со знаменитым изобретателем.

— Это очень большое требование, — заметил продавец, — особенно в наше скудное время. Чума создала дефицит, и он продлится до тех пор, пока торговцы с Тлулакса не подвезут свежий материал.

— Каждый знает, насколько важна и, главное, исключительна моя работа, — сказал Хольцман, намеренно выпростав из рукава своей белой рубашки дорогой хронометр. — Мои потребности имеют преимущество перед заказами некоторых, пусть даже очень богатых покупателей, которым нужна челядь для чистки ковров. Если желаете, я могу принести вам специальное распоряжение лорда Бладда.

— Я знаю, что вы можете это сделать, савант, — произнес в ответ работорговец. Он вышел вперед и, состроив зверскую физиономию, гаркнул на остальных покупателей: — Все вы, немедленно прекратите свое нытье и жалобы! Без этого человека всех нас сегодня же уничтожат без следа мыслящие машины!

Приклеив на лицо совершенно иную маску, торговец приветливо улыбнулся Хольцману.

— Вопрос, конечно, заключается в том, чтобы это были рабы, которые смогли бы наилучшим образом соответствовать вашим целям, савант? У меня есть новая партия, доставленная только что с Хармонтепа. Все дзенсунни. Они в достаточной мере понятливы и послушны, но, боюсь, что пойдут они по премиальной цене.

Хольцман нахмурился. Он бы предпочел по-иному воспользоваться своими финансами, особенно учитывая предстоящие расходы на разработку сплавного резонансного генератора.

— Не пытайтесь меня обмануть и воспользоваться дефицитом, сэр.

Торговец побагровел от страха, но сумел сохранить самообладание, чувствуя, что изобретатель сильно торопится.

— Тогда, быть может, вам больше подойдет другая группа? У меня есть партия, доставленная с IV Анбус. — Он жестом показал на отдельно стоявший плот с темноволосыми рабами, хмуро и враждебно смотревшими на невольничий рынок. — Это дзеншииты.

— Какая разница? Они не так дороги?

— Нет, это просто вопрос религиозно-философской разницы между ними. — Торговец подождал оценки различий между дзенсуннитами и дзеншиитами, но не дождался и с облегчением улыбнулся. — В конце концов, кто может разобраться в буддисламизме? Я могу продать вам этих дзеншиитов по низкой цене, хотя они очень интеллигентны и умны. Пожалуй, они более образованны, чем рабы из хармонтепского лота. Все они здоровы, на этот счет у всех имеются медицинские сертификаты. Ни один из них не контактировал с вирусом чумной лихорадки.

Хольцман придирчиво осмотрел партию. Все рабы закатали свои левые рукава, словно это был какой-то отличительный признак. Впереди группы стоял рослый мускулистый мужчина с проницательными глазами и густой черной бородой, который бесстрастно смотрел на Хольцмана так, словно считал себя существом высшего порядка по сравнению с теми, кто захватил его в плен.

Бегло просмотрев рабов из этой партии, Хольцман не нашел в них ничего плохого. В его доме катастрофически не хватало прислуги, а в лаборатории позарез был нужен средний технический персонал. Каждый день начинался с лихорадочного поиска вычислителей для решения массы новых систем уравнений.

— Но почему они дешевле? — настойчиво спросил Хольцман.

— Их просто больше. Все дело в соотношении предложения и спроса.

Торговец выдержал пристальный взгляд ученого и, не моргнув глазом, назвал цену.

Хольцману было слишком некогда, чтобы торговаться, и он согласно кивнул.

— Я возьму восемьдесят человек. — Он возвысил голос: — Мне все равно, откуда они — с IV Анбус или с Хармонтепа. Теперь они на Поритрине и будут работать на саванта Тио Хольцмана.

Мощный работорговец обернулся к группе рабов:

— Вы слышали? Можете гордиться своей судьбой.

Темноволосые пленники, не выразив никаких эмоций, молча посмотрели на своего нового хозяина. Хольцман облегченно вздохнул. Может быть, это означало, что пленники будут управляемы.

Он отсчитал торговцу положенное число кредиток.

— Проследите за тем, чтобы их вымыли и переправили в мою резиденцию.

Улыбающийся торговец рассыпался в подобострастных изъявлениях благодарности:

— Не беспокойтесь, савант Хольцман. Вы будете довольны этой партией.

Когда великий человек покинул многолюдный рынок, другие покупатели, размахивая пачками банкнот, бросились вперед, буквально расхватывая оставшихся рабов. Торговцам предстоял горячий денек.

В течение всей истории живой природы победителями всегда оказывались более сильные виды.

Тлалок. «Время титанов»

С тех пор как беженцы-дзенсунни удалились в пустыни Арракиса, они превратились в собирателей, причем не слишком храбрых. Даже во время своих самых дальних походов в пустыню за кореньями и мелкими животными эти бродяги не отваживались терять из виду родные скалы и не углублялись в пески, где водились демонические черви.

Очень давно, после того как имперский химик Шаккад Мудрый открыл омолаживающие свойства таинственной пряности меланжи, на планете открылся довольно узкий рынок торговли этим веществом, которое покупали немногочисленные любопытствующие чужестранцы, которых непонятными ветрами заносило в космопорт Арракиса. Однако удаленность планеты от оживленных межзвездных трасс не позволяла сделать меланжу статьей экономически выгодного экспорта.

— Это товар для развлечения, но не потребления, — сказал как-то один грубый торговец наибу Дхартхе. Однако пряность была одним из главных пищевых продуктов, и ее надо было собирать, хотя и только в песках в непосредственной близости от скальных поселений.

Дхартха вел маленькую партию из шести человек по плотно утрамбованному мелкому песку, на котором четко, как крепкие поцелуи, отпечатывались их следы. Белая материя была свободно обернута вокруг голов, оставляя открытыми только глаза. На ветру развевались накидки, обнажая временами снаряжение — пояса, инструменты и оружие. Дхартха поддернул выше полосу материи, закрывавшей рот и нос до самых глаз, чтобы не дышать мелкой кремниевой пылью. Он почесал татуировку, старательно исполненную на щеке, и

прищурил глаза, высматривая, не грозит ли им неожиданная опасность.

Никто из них и не думал, что надо посмотреть в ясное синее небо, до тех пор, пока они не услышали едва слышный свист, который стремительно превратился в протяжный вой. Наибу Дхартхе этот звук напомнил плач женщины по только что умершему мужу.

Задрав голову, он увидел серебристый шар, ворвавшийся в атмосферу, потом расслышал неожиданный шелест и визг ударных тормозов. Похожий на пузырь предмет пронесся по небу, развернулся и зигзагами начал двигаться в воздухе, словно отыскивая подходящее место для посадки. Тормозные двигатели замедляли спуск невиданного аппарата. Меньше чем в километре от того места, где находилась группа собирателей, предмет вонзился в дюну, словно кулак, ткнувшийся в толстое брюхо нечестного инопланетного купца.

Наиб застыл на месте, всматриваясь в то место, а его люди принялись оживленно переговариваться. Юный Эбрагим был захвачен происшедшим не меньше, чем родной сын наиба Махмад. Оба мальчика горели желанием бежать к предмету и исследовать его.

Махмад был хорошим парнем, серьезным и осмотрительным. Что касается Эбрагима, то его Дхартха недолюбливал. Мальчик любил сочинять истории и небылицы о всяких воображаемых приключениях. Какое-то время назад произошел инцидент с кражей племенной воды, это было самое тяжкое преступление, которое не прощалось. Вначале наиб думал, что в этой краже участвовали два мальчика, Эбрагим и Селим. Но Эбрагим быстро снял с себя всякую ответственность и указал на своего приятеля Селима, который не стал отпираться и отрицать свою вину.

Кроме того, отец Эбрагима вовремя предложил выгодное дело наибу, чтобы спасти сына, и... так уж получилось, что сирота был признан виновным и приговорен к изгнанию. Не слишком большая потеря для племени. Наибу часто приходилось принимать такие трудные решения.

Теперь, когда собиратели смотрели на Дхартху горящими глазами из узких щелей в грязных белых покрывалах, он

понимал, что не может игнорировать возможность осмотреть этот потерпевший аварию корабль, чьим бы он ни оказался.

— Мы должны пойти и посмотреть на этот предмет, — объявил он.

Его люди бросились по песку к дальней дюне, впереди всех неслись живые и проворные Эбрагим и Махмад, устремившиеся к столбу пыли, который поднялся к небу на месте падения космического пришельца. Дхартхе не нравилось то, что пришлось удалиться в глубь песков, но пустыня манила его богатыми инопланетными сокровищами.

Кочевники преодолели одну дюну, спустились вниз по ее склону и взошли на следующую. Когда они дошли до кратера, образовавшегося на месте падения объекта, то все запыхались, дыша сквозь довольно плотную материю. Наиб и его люди остановились на краю глубокой ямы, вырытой упавшим предметом. На поверхности песка были разбросаны комья блестевшего, как плевки, расплавленного и застывшего силиката.

На дне ямы лежал механический аппарат размером с двух человек, который гудел и двигался, ожив после жесткой посадки. Углеродно-волокнистый корпус все еще дымился от жара трения об атмосферу. Может быть, это космический корабль?

Один из людей наиба Дхартхи отступил, сложив пальцы в предостерегающем жесте. Однако неугомонный Эбрагим рванулся вперед. Наиб схватил сына руку, удержав его от опрометчивого желания. Пусть глупый Эбрагим рискует первым.

Упавшее судно было слишком мало для перевозки пассажиров. Огни на бортах судна замигали ярче, и боковые стенки раскрылись, как крылья стрекозы, открыв сложенные конечности, крюки и сложные механизмы, спрятанные в корпусе: сканеры, процессоры, двигатели, приспособления для исследования и разрушения. Зеркальные силовые батареи раскрылись и подставили сияющие плоскости под лучи пылающего солнца.

Эбрагим спрыгнул с края ямы и скользнул вниз по рыхлому песку.

— Вы представляете, сколько отвалят за эту штуку в космопорту, наиб? Если я возьму ее первым, то получу самую большую долю.

Дхартха помедлил с ответом, но, увидев, что никто из его людей — кроме его собственного сына — не горит желанием присоединиться к Эбрагиму, — значительно кивнул.

— Если тебе повезет, то получишь самую большую долю.

Если даже космический гость пришел в полную негодность, племя сможет использовать для своих нужд сверхчистый металл, из которого, несомненно, был изготовлен корпус корабля.

Бесшабашный юноша остановился на середине склона, зарывшись ногами в сыпучий песок, и подозрительно посмотрел на аппарат, который продолжал вибрировать и стучать. Из корпуса высунулись гибкие конечности, а на концах углеродно-волокнистых зондов начали вращаться странного вида линзы и зеркала. Казалось, космический пришелец оценивает окружающую среду, словно стараясь понять, куда он попал.

Машина не обращала ни малейшего внимания на настороженных людей до тех пор, пока Эбрагим не вынул из песка камень.

— Эй, эй! — крикнул он и швырнул камень в приземлившуюся машину. Раздался громкий металлический звон.

Ослепительная вспышка на конце одного из щупальцев осветила кратер. Из линзы в направлении Эбрагима протянулся яркий луч. Всплеск огня охватил Эбрагима и отбросил к стенке ямы трескучее облако горящей плоти и обугленных костей. Ком обгоревшей одежды вылетел на поверхность вместе с обожженными кусками рук и ног.

Махмад дико закричал, а наиб дал приказ своим людям отойти. Они бросились прочь от кратера и стремительно спустились в долину между дюнами. Отбежав на полкилометра и ощутив себя в безопасности, люди взобрались на песчаный гребень, достаточно высокий, чтобы с него было видно дно ямы. Дзенсунни молились и суеверно складывали пальцы, а наиб поднял вверх сжатый кулак. Глупый Эбрагим привлек внимание механического пришельца и заплатил за это жизнью.

Оставшийся в яме разведчик-робот продолжал свои наблюдения, перестав обращать внимание на людей. Стуча и сотрясаясь всем корпусом, аппарат начал самосборку, используя песок в качестве строительного материала. Высунувшиеся из кожуха механические руки начали сгребать песок и отправлять его в корпус, откуда начала вырастать блестящая силикатная подпорка, которая с каждой минутой становилась все выше, поднимая космический зонд, который принялся выбираться из ямы. Пришли в движение автоматические конечности, поднявшие невероятный шум и скрежет.

Дхартха недоуменно размышлял. Никогда еще не приходилось ему попадать в столь затруднительное положение. То, что случилось, выходило далеко за рамки его разумения. Возможно, в космопорту найдутся люди, которые поймут, что случилось, но наиб не любил обращаться за помощью к чужеземцам. Кроме того, аппарат мог иметь какую-то ценность, а Дхартха не желал расставаться с ценными трофеями.

— Отец, смотри. — Махмад жестом указал на море песка, расстилавшееся до горизонта. — Этот машинный демон заплатит за смерть моего друга.

Дхартха тоже заметил отличительный признак движения чудовища под поверхностью песка, на которой появилась зловещая движущаяся рябь. Упавший на планету космический зонд продолжал стучать и шуметь, совершая ритмичные движения всеми своими частями, не понимая, что происходит вокруг него. Собранный механизм представлял собой чудовищное соединение кристаллических материалов и силикатных стержней, усиленных углеродными волокнами, сделанными из корпуса и поддерживающей решетки.

Песчаный червь стремительно приближался, прорывая туннель до дюны, на которой находился аппарат. Добравшись до дюны, червь высунул на поверхность свою страшную голову. Пасть оказалась больше, чем кратер, куда приземлился космический корабль.

Робот выставил вперед свои сенсоры и оружие, видя, что его собираются атаковать, но не понимая, как именно. Несколько вспышек осветили окрестности, смертоносные лучи напрасно пронзили песок.

Червь проглотил механического демона целиком. После этого зловещее создание пустыни нырнуло в песок, как морская змея, ищущая глубокой воды.

Наиб Дхартха и его команда, окаменев от ужаса, застыли на вершине дюны. Если они сейчас побегут, то топот их ног может привлечь чудовище, и оно вернется, чтобы пожрать и их.

Достаточно скоро они, однако, увидели, что след червя удаляется в открытую пустыню. Кратер исчез вместе с диковинным аппаратом, от которого не осталось никаких следов. Не осталось даже воспоминаний и от разорванного и сожженного тела несчастного Эбрагима.

Тряхнув своим длинным конским хвостом, Дхартха обернулся к своим оцепеневшим товарищам.

— Это будет легендарная история, великолепная баллада, которую мы будем по ночам петь в своих темных пещерах. — Он тяжело вздохнул и огляделся. — Но я сомневаюсь, что кто-нибудь поверит хотя бы одному нашему слову.

Будущее? Я ненавижу его, потому что не буду в нем жить.

Юнона. «Жизнь титанов»

После неожиданного столкновения с Армадой Лиги на Гьеди Первой поврежденный «Дрим Вояджер» целый месяц добирался до Земли, где его поставили на ремонт. Волнуясь из-за низкой скорости поврежденного судна, Севрат немедленно включил аварийный радиобуй и послал страшную весть о падении только что приобретенной части Синхронизированного Мира и о гибели титана Барбароссы. Теперь всемирный разум, должно быть, знает о том, что произошло на Гьеди Первой.

Капитан-робот сделал все, что в его силах, чтобы хотя бы как-то починить поврежденные системы или обойти их при управлении кораблем. Кроме того, он ликвидировал пробоины в корпусе судна, чтобы защитить своего второго пилота, уязвимого человека. Генерал Агамемнон будет очень недоволен, если его сын получит травму, и к тому же как это ни странно, но робот почти привязался к Вориану Атрейдесу.

Вор настоял на том, что ему надо надеть скафандр и выползти наружу, чтобы осмотреть поврежденный корпус судна. Севрат страховал его с помощью двух фалов. Вместе с Ворианом корпус осматривали три вспомогательных робота. Увидев черную пробоину, оставленную ракетой людей, он снова испытал жгучее чувство стыда. Настроенный только на доставку свежих программных данных, жизненно важных для Омниуса, Севрат не совершал наступательных действий против хретгиров, но они атаковали его. Дикие люди, без сомнения, лишены всяких понятий о чести.

Агамемнон и его друг Барбаросса передали непокорное население Гьеди Первой в широкие объятия Омниуса, но не-

благодарные хретгиры поразили более высокую цивилизацию Синхронизированного Мира и при этом убили Барбароссу, который погиб мученической смертью. Должно быть, отец очень сильно расстроен по поводу гибели своего близкого друга, одного из последних титанов.

Люди могли убить и самого Вора, его мягкая и уязвимая плоть могла быть уничтожена, не оставив ему ни малейшего шанса стать неокимеком. Единственный взрыв снаряда с корабля Армады мог уничтожить весь потенциал Вориана Атрейдеса, перечеркнуть всю его будущую работу. Он не смог бы усовершенствовать себя или возвратить себе опыт и память, как это могут делать машины. Он бы погиб безвозвратно, как погиб Омниус на Гьеди Первой, как погибли двенадцать сыновей Агамемнона. При этой последней мысли Вориан почувствовал себя плохо, он даже задрожал от страха. На обратном пути Севрат пытался развеселить Вориана, рассказывая ему как ни в чем не бывало смешные истории. Роботу очень понравились быстрота мышления юного Атрейдеса и его хитрая уловка, с помощью которой он ловко провел офицера Армады. Обман Вора, который сказал, что он один из восставших людей, взявших в плен мыслящую машину — какой сногсшибательный сценарий! — помог выиграть несколько ценных мгновений, а его маскировочные проекции позволили им избежать уничтожения. Может быть, этот опыт будут даже преподавать в школах доверенных людей на планете Земля.

Вора гораздо больше занимало, что скажет по этому поводу его отец. Одобрение великого Агамемнона все расставит по своим местам.

Когда «Дрим Вояджер» приземлился в центральном космопорту Земли, Вориан с горящими глазами и напряженным лицом бросился по трапу, желая поскорее увидеть отца. Сердце его упало, едва он понял, что Агамемнон не пришел его встречать.

Вор тяжело сглотнул. Отец не приходил в порт только в случае каких-то неотложных дел. Они и так встречались очень редко, и каждую минуту этих драгоценных свиданий они использовали для обмена идеями, разговоров о планах и мечтах.

Вор успокоил себя тем, что, видимо, у Агамемнона важные дела с Омниусом.

Ремонтные бригады роботов приблизились к кораблю, чтобы обследовать его поврежденный корпус. Одна из этих многокомпонентных машин подъехала к Вору и прожужжала синтезатором человеческого голоса:

— Вориан Атрейдес, Агамемнон приказал тебе встретить его в отделе обработки. Отправляйся туда немедленно.

Молодой человек просиял. Посмотрев, как робот вернулся к своим обязанностям, он поспешил на встречу с отцом. Не в силах сдерживаться, он пустился по улице бегом.

Хотя во время полетов он пытался заниматься физическими упражнениями, его биологические мышцы уступали в силе мышцам роботов и он быстро уставал — еще одно напоминание о его принадлежности к смертным, о его хрупкости и о подчиненном положении естественных биологических объектов. Это чувство только усиливало желание скорее надеть мощный корпус неокимека и сбросить бренную человеческую оболочку.

Легкие горели от быстрого бега. Вор влетел в сияющую хромом и плазом мастерскую, где мозг его отца регулярно чистили и заполняли электрической жидкостью. Как только молодой человек вошел в холодную, залитую ярким светом комнату, два сторожевых робота вышли вперед и отрезали Вору путь к отступлению, блокировав дверь. В центре зала стоял выполненный в виде человеческой фигуры колосс. Такое тело теперь носил Агамемнон. Чудовище сделало два шага вперед, ноги, как молоты, стучали по гладкому полу. По сравнению с титаном, который был в три раза выше своего сына, Вориан казался карликом.

— Я ждал тебя, сын мой. Все готово. Почему ты так задержался?

Оробев, Вориан посмотрел на емкость с мозгом.

— Я очень спешил, отец. Мой корабль приземлился всего час назад.

— Я понимаю, что «Дрим Вояджер» был поврежден в столкновении на Гьеди Первой, так как его атаковали повстанцы-люди, которые убили Барбароссу и вновь овладели этой планетой.

— Да, сэр. — Вор знал, что не стоит занимать время титанов несущественными деталями. Генерал и так уже получил исчерпывающий доклад. — Я отвечу на любой твой вопрос, отец.

— У меня нет вопросов, есть только команды.

Вместо того чтобы приказать сыну начать полировать его части, Агамемнон схватил Вориана за туловище и резко толкнул его к вертикально стоявшему столу. Вор сильно ударился о твердую гладкую поверхность. Отец обладал такой исполинской силой, что мог, сам того не заметив, сломать кости или перебить позвоночник.

— Что это такое, отец? Что...

Зажав Вориана так, что тот не мог двинуться с места, Агамемнон защелкнул на его запястьях специальные наручники, потом зафиксировал его талию, а потом пристегнул ноги. Беспомощный и обездвиженный Вор с беспокойством вертел головой, следя за непонятными действиями Агамемнона. Отец придвинул к нему какие-то приспособления, стоявшие в помещении. Вора охватил ужас и трепет, когда он заметил какие-то прозрачные цилиндры, наполненные голубоватой жидкостью, нейромеханические насосы и диагностические машины, размахивавшие в воздухе тестирующими зондами.

— Прошу тебя, отец. — Вора пронзил панический страх, от которого притупилась боль. Каждый толчок усиливал сомнения и ужас. — Что я сделал не так?

На башне, заменявшей Агамемнону лицо и голову, не отразилось никаких чувств и эмоций. Агамемнон вытянул из аппаратов длинные иглы и приблизил их острия к извивающемуся телу сына. Стальные иглы вонзились в податливое человеческое тело, проникли в грудь, скребя по ребрам, втыкаясь в ткань легких и сердца. Два серебристых стержня проткнули горло. Из всех ран брызнула алая кровь. Жилы на шее Вора надулись, когда он напряг мышцы и сжал губы, чтобы удержать рвущийся наружу крик.

Но крик все же вырвался из его рта.

Кимек продолжал манипулировать механизмами, присоединенными к телу Вориана. Боль усилилась сверх всяких мыслимых пределов. Убежденный, что он в чем-то виноват, Вориан решил, что настало его время умереть — так же, как и

двенадцати другим сыновьям Агамемнона, его братьям, которых он никогда не знал. Как выяснилось, он не оправдал надежд, которые возлагал на него Агамемнон.

Муки продолжали усиливаться. Крик перешел в протяжный дикий вой, но машины продолжали накачивать в его тело похожую на кислоту жидкость. Вскоре отказали даже голосовые связки и вопль стал беззвучным, но он все же продолжался — уже в голове Вориана. Он больше не мог это терпеть. Он не мог себе представить, что его тело было способно так долго выдерживать такое истязание.

Когда пытка наконец закончилась и Вориан пришел в себя, он никак не мог понять, сколько времени провел в беспамятстве. Или это была пелена смерти? Он чувствовал себя так, словно его тело сначала превратили в растянутый пузырь, а потом снова придали ему человеческие очертания.

Над ним склонился исполинский силуэт Агамемнона, множество синтетических сенсоров поблескивало на поверхности тела. Боль, вернее, ее отголоски, продолжала терзать тело Вориана, но он крепился, сдерживая рвущийся из груди крик. В конце концов, отец, по ведомым только ему одному причинам, решил сохранить ему жизнь. Он всмотрелся в ничего не выражающее лицо титана и мог только надеяться, что отец оставил его в живых не для того, чтобы подвергнуть новой пытке.

Что я сделал не так?

Но древний кимек не собирался убивать его. Вместо этого он сказал:

— Я очень доволен твоими действиями на борту «Дрим Вояджера», Вориан. Я проанализировал доклад Севрата и оценил твое тактическое умение обманывать противника как очень изобретательное. Твои решения оказались неожиданными для противника. Ты помог роботу уйти от преследования со стороны Армады Лиги.

Вориан не мог понять подтекст слов отца. Казалось, они не имеют никакого отношения к только что перенесенной им пытке.

— Ни одна мыслящая машина не смогла бы придумать такой отвлекающий маневр. Думаю, что мало кто даже из доверенных людей смог бы так скоро придумать подобную во-

енную хитрость. Действительно, вычисления Омниуса показывают, что любое иное поведение привело бы к пленению или уничтожению «Дрим Вояджера». Предоставленный сам себе Севрат никогда бы не уцелел. Ты спас не только корабль, ты спас усовершенствованные сферы данных Омниуса и доставил их на Землю невредимыми. — Агамемнон помолчал, потом снова заговорил: — Да, я очень доволен тобой, сын мой. Настанет день, и ты станешь великим кимеком.

Ободранное горло Вориана судорожно дернулось, но он не смог произнести ни одного слова, как ни пытался. Утыканная иглами накладка на тело отскочила в сторону, и Агамемнон расстегнул наручники и ножные крепления, фиксировавшие тело Вориана к твердой поверхности стола. Размякшие мышцы Вориана отказались служить ему, и он скользнул вниз, упав на колени и распластавшись всем телом по полу. Наконец он смог выдавить из себя:

— Но зачем меня пытали? За что ты меня наказал?

Агамемнон синтезировал смех.

— Когда я решу тебя наказать, сын мой, ты узнаешь об этом. Это же была награда. Омниус позволил мне преподнести тебе этот редкий подарок. Действительно, пока ни одному человеку в Синхронизированном Мире не была оказана такая высокая честь.

— Но что это за честь, отец? Прошу тебя, объясни мне. Мой ум отказывается в это поверить.

Голос его дрогнул.

— Что такое несколько минут боли в сравнении с даром, который ты только что получил?

Колосс, сотрясая пол и стены помещения, принялся мерить исполинскими шагами огромный зал.

— К сожалению, мне не удалось убедить Омниуса превратить тебя в неокимека, для этого превращения ты еще слишком молод, хотя я не сомневаюсь, что и этот день не за горами. Я хотел, чтобы ты служил мне не как доверенный человек, но чтобы ты стал моим преемником и последователем. — Его искрящиеся сенсоры вспыхнули ярким светом. — Но вместо этого я сделал то, что только на одну ступень уступает превращению в неокимека.

Генерал кимеков объяснил, что он провел Вориану жесткий курс биотехнологического лечения, введя ему заместительный клеточный материал, который в несколько раз удлиняет срок человеческой жизни.

— Специалисты по гериатрии разработали эту технологию в Старой Империи, хотя я и не могу понять, с какой целью. Эти увальни не могли сделать ничего путного за свою короткую жизнь, и непонятно, зачем им было жить еще много столетий, чтобы достигнуть за это время еще меньшего? За счет новых белков, удаления свободных радикалов и стимуляции репарации клеток они добились существенного продления своей никчемной жизни. Большинство этих людей были убиты во время восстания, когда мы — титаны — консолидировали свою власть.

Агамемнон резко повернул к Вориану свое укрепленное на шарнирах тело.

— В самом начале нашего правления, когда у нас еще были человеческие тела, все мы прошли такой курс биотехнологического лечения, все двадцать титанов, точно так же, как ты, поэтому я хорошо представляю себе, какую боль ты при этом испытал. Нам надо было жить столетия, чтобы обдумать, как управлять исчезающими остатками Старой Империи. Даже после того как мы превратились в кимеков, это лечение помогло предотвратить распад и возрастную дегенерацию наших древних биологических мозгов.

Его механическое тело приблизилось к Вориану.

— Такое искусственное продление жизни — наш маленький секрет, Вориан. Лига Благородных порвала бы себя на части от зависти, если бы знала о его существовании. — Агамемнон издал свистящий звук, почти вздох. — Но берегись, сын мой. Даже такое усиление жизненной энергии не сможет защитить тебя от несчастных случаев или удара убийцы. Это, к несчастью, совсем недавно испытал на себе Барбаросса.

Вор наконец с большим трудом сумел встать на дрожавшие ноги. Он на ощупь отыскал конец водяного шланга, выпил немного воды и почувствовал, как успокаивается его бешеное сердцебиение.

— Удивительные вещи ожидают тебя, сын мой. Твоя жизнь больше не будет свечой, горящей на сильном ветру. У тебя будет время испытать многое, многое и очень важное.

Огромный кимек подошел к станку и, пользуясь сложной сетью искусственных конечностей и зажимов, торчавших из стены, присоединил к нужным разъемам выходы и входы проводов емкости с головным мозгом. Гибкие механические руки подняли емкость и поместили ее на хромированную подставку.

— Теперь только шаг отделяет тебя, Вориан, от исполнения всех твоих предначертаний, — произнес Агамемнон через настенный громкоговоритель, отделенный от его подвижного тела.

Хотя Вориан был все еще слаб и продолжал испытывать боль, он понял, чего отец от него ждет. Он поспешил к чистящим устройствам и дрожащими руками вставил силовые кабели в магнитные гнезда прозрачной камеры с мозгом отца. Казалось, что голубоватая жидкость наполняет мозг живительной энергией.

Стараясь восстановить утраченное чувство внутреннего равновесия и избавиться от вопиющего недоверия к тому, что с ним только что произошло, Вор приступил к выполнению своих обычных обязанностей и принялся чистить и полировать части механического тела своего биологического отца. Молодой человек с безграничной любовью смотрел на сморщенную, покрытую глубокими бороздами и выступающими извилинами ткань мозга, на древний разум, полный глубоких идей и трудных решений, столь ярко выраженных генералом в его обширных мемуарах. Каждый раз, перечитывая их, Вориан надеялся когда-нибудь лучше понять и постичь своего сложного отца.

Он не мог понять, зачем Агамемнон столько времени держит его в темноте и неведении — то ли затем, чтобы зло подшутить над ним, то ли затем, чтобы испытать его решимость. Вор всегда без колебаний примет все, что прикажет ему генерал-кимек, никогда не станет увиливать от его приказов. Теперь, когда все мучения остались позади, он надеялся, что ему удалось с честью выдержать испытание, которому подверг его суровый отец.

Вор продолжал терпеливо приводить в порядок механические части тела Агамемнона, когда тот вдруг спросил его тихо, почти шепотом:

— Ты что-то притих, сын мой. Что ты думаешь о великом даре, который ты только что получил?

Молодой человек мгновение помолчал, не совсем понимая, что он должен ответить. Агамемнон часто проявлял свой импульсивный характер, его иногда было трудно понять, но он редко действовал, не имея в голове далеко идущих планов. Вор мог только надеяться, что когда-нибудь поймет всю картину, весь вытканный отцом узор.

— Я благодарен тебе, отец, — произнес он наконец, — за то, что ты дал мне больше времени, чтобы я выполнил все, что ты от меня ждешь.

Почему люди тратят так много времени, размышляя над тем, что они называют «моральными проблемами»? Это одна из самых великих тайн их непонятного поведения.

Эразм. Размышления
о думающих биологических объектах

Совершенно одинаковые, идентичные девочки-близнецы выглядели спокойно спящими, лежа рядом друг с другом, как ангелочки, в мягкой, уютной постельке. Похожие на змей мозговые сканеры были введены в их мозг через маленькие трепанационные отверстия в своде черепа.

Обездвиженные лекарствами, введенные в наркоз и бесчувственное состояние, дети лежали на лабораторном столе в исследовательском корпусе виллы Эразма. Зеркальное лицо Эразма сложилось в нахмуренную маску, словно значительность выражения лица могла заставить его раскрыть тайну человеческого поведения.

Будьте вы прокляты!

Он не мог понять их поведения, он вообще не мог понять этих обладающих разумом тварей, которые создали Омниуса и удивительную цивилизацию мыслящих машин. Не было ли это просто счастливой случайностью? Чем больше Эразм учился, чем больше он узнавал, тем больше вопросов у него возникало. Неоспоримые успехи их хаотичной цивилизации приводили в полное недоумение разум Эразма. Он подверг анатомическому исследованию головной мозг тысяч представителей рода человеческого, начиная с блистательных интеллектуалов и кончая сумасшедшими. Он проводил анализ деталей и сравнительный анализ, пропускал данные через обладавший невероятной емкостью мозг Омниуса.

Но при всем том он не смог получить ни одного однозначного ответа на свои вопросы.

Нет двух людей, структура головного мозга которых была бы идентичной. Их мозги не одинаковы, даже если их воспитывали в одинаковых условиях или если они однояйцевые близнецы. *Какая масса переменных!* Любая физиологическая константа строго индивидуальна у каждого человека.

Умопомрачительно, кругом одни исключения!

Но тем не менее Эразму удалось подметить одну закономерность. Люди полны разнообразия и сюрпризов, но как вид они с поразительным постоянством ведут себя согласно неким общим для всех правилам. В определенных условиях, особенно если они скучены на ограниченном пространстве, люди реагируют на стимулы коллективной ментальностью, слепо подчиняясь другим людям и теряя свою индивидуальность.

Иногда люди ведут себя как герои, иногда — как последние трусы. Особенно интересовало то, что происходило с людьми, когда он проводил свой излюбленный «панический эксперимент» на толпах людей, обитавших в больших отборочных бараках. В ходе этих опытов он врывался в помещение, убивал одних людей, оставляя других живыми. В таких условиях экстремального стресса обязательно находились лидеры, люди, обладавшие большей, чем остальные, внутренней силой. Эразм очень любил убивать именно их, а потом наблюдать деморализующий эффект, производимый этим убийством на остальных особей.

Может быть, объем выборки, которую он успел обработать за несколько столетий, оказался слишком мал. Может быть, надо подвергнуть острому опыту и вскрыть еще тысячи образцов, прежде чем он сможет прийти к окончательным выводам. Это была монументальная задача, но, будучи машиной, Эразм не слишком задумывался над подобными ограничениями.

Одним из своих сенсорных зондов он коснулся щеки более рослой из двух девочек и ощутил ее ровный пульс. Казалось, даже капельки крови не хотели выдавать ему тайну людей, словно вся их порода составила против Эразма мощный заговор молчания. Суждено ли ему во веки веков остаться в их глазах круглым дураком? Волокнистый зонд снова скольз-

нул в канал внутри искусственной кожи робота. Но прежде чем сделать это, он намеренно и нетерпеливо разодрал девочке кожу.

Когда независимый робот забирал этих двух идентичных близнецов у их матери, она страшно ругалась, обзывая его чудовищем. Какими же ограниченными созданиями оказались люди! Они не понимают важности того, что он делает, не видят общей картины.

Лазерным скальпелем-саморезом он вскрыл мозжечок меньшей из девочек (которая была на 1,09 см короче и на 0,7 кг легче, а следовательно, не была «идентичной» сестре) и принялся наблюдать за мозговой активностью ее погруженной в наркотический сон сестры — это была выраженная содружественная реакция. Очаровательно! Но как это возможно, ведь девочки не связаны между собой физически — ни телесно, ни с помощью какого-либо аппарата? Могут ли они чувствовать боль друг друга?

Он отругал себя за неумение предвидеть и правильно планировать эксперимент. *Надо положить на лабораторный стол их мать.*

Ход его мыслей был прерван Омниусом, который заговорил с ближайшего настенного экрана.

— Прибыла твоя новая рабыня, прощальный дар титана Барбароссы. Она ждет тебя в гостиной.

Эразм поднял свои забрызганные кровью руки. Он уже давно ожидал эту женщину, захваченную на Гьеди Первой, женщину, которая предположительно являлась дочерью вице-короля Лиги. Ее семейные узы предполагали некое генетическое совершенство и превосходство над другими особями человеческой популяции. Эразм хотел расспросить ее о принципах управления людьми дикого типа.

— Ты и ее собираешься подвергнуть вивисекции?

— Я предпочитаю оставить этот вопрос открытым.

Эразм посмотрел на девочек. Одна была уже мертва, так как ее мозг слишком долго оставался без питания. Еще одна упущенная возможность.

— Анализ структуры обучаемых рабов дает несущественные результаты, Эразм. Путем целенаправленной селекции

из их мозгов удалены всякие помышления о бунте. Следовательно, вся информация, которую ты получаешь от рабов, не имеет никакого значения для успешного ведения войны.

Голос всемирного разума гремел под сводами лабораторного зала.

Эразм опустил в специальный раствор свои пластиковые руки, чтобы смыть с них запекшуюся кровь. Он имел доступ к тысячелетним архивам человеческой науки о психике людей, но даже такое обилие данных не позволяло дать ответы на поставленные вопросы. Масса самозваных «специалистов» тщились дать исчерпывающие ответы и предлагали абсолютно несовместимые между собой теории.

На столе продолжала тихо плакать оставшаяся в живых девочка. Ей было больно и страшно.

— Я не согласен с тобой, Омниус. Человек по самой своей природе склонен к мятежу. Это характеристическая черта данного биологического вида. Рабы никогда не будут до конца нам верны, независимо от того, сколько поколений они будут нам служить. Доверенные люди, рабочие — не важно.

— Ты переоцениваешь силу их воли. — В тоне всемирного разума звучали самодовольство и самоуверенность.

— Я могу оспорить твои неверные допущения.

Эразм подошел к настенному экрану. Его любопытство было не на шутку задето, и, кроме того, независимый робот был уверен, что лучше знает предмет.

— Если в моем распоряжении будет достаточно времени и если удастся подобрать адекватный провоцирующий момент, то я смогу обратить против нас любого, самого верного нам раба, пусть даже он будет самым привилегированным доверенным человеком.

Проанализировав массу данных из своей необъятной памяти, Омниус вступил в спор. Всемирный разум был уверен, что его рабы навсегда останутся зависимыми и управляемыми, хотя, возможно, он слишком податлив и мягко обращается с ними. Разум желал, чтобы дела во Вселенной шли гладко, и очень не любил сталкиваться с сюрпризами и непредсказуемыми неожиданностями, которые преподносили машинам люди Лиги Благородных.

Омниус и Эразм дебатировали довольно долго, интенсивность спора нарастала до тех пор, пока независимый робот не встал и не положил ему конец.

— Мы оба делаем предположения, основанные на предвзятых мнениях. Поэтому я предлагаю провести эксперимент для проверки наших гипотез. Ты случайным образом отбираешь группу индивидов, которые кажутся тебе лояльными, а я докажу, что их можно спровоцировать на мятеж против мыслящих машин.

— И чего ты этим добьешься?

— Этот эксперимент позволит доказать, что даже наши самые надежные помощники из людей не заслуживают полного доверия. Это фундаментальный изъян в их генетической программе. Разве это не полезная информация? — спросил Эразм.

— Да, она полезна. Но если твое утверждение окажется верным, Эразм, то я никогда больше не смогу доверять своим рабам. Такой результат предполагает полное и поголовное уничтожение и искоренение рода человеческого.

Эразм был очень недоволен, что загнал себя в ловушку своей же, вполне безупречной логикой.

— Это может быть не единственным верным выводом.

Он хотел знать ответ на этот риторический вопрос, но одновременно боялся его. Для робота-исследователя это было не просто заключение пари с руководством, это было исследование наиболее глубоких мотиваций и процессов принятия решений у человеческих существ.

Однако последствия ответа на таким образом поставленный вопрос могли быть ужасающими. Надо было выиграть заключенное пари, но так, чтобы Омниус не распорядился прекратить все эксперименты Эразма.

— Позволь, я займусь определением условий проведения опыта, — сказал Эразм и, радуясь, вышел из лаборатории, отправившись в гостиную, где находилась его новая служанка-рабыня Серена Батлер.

Вселенная — это игровая площадка импровизаций, которые не следуют никаким внешним правилам.

Когитор Ретикулус. «Взгляд с высоты тысячелетия»

Числа и концепции танцевали во сне перед мысленным взором Нормы Ценва, но всякий раз, когда она пыталась управлять ими, они исчезали, как исчезают снежинки, тающие на теплых пальцах. Проснувшись, она, пошатываясь от усталости и вечного утомления, входила в лабораторию и принималась смотреть на недавно выведенные уравнения до тех пор, пока строчки не начинали расплываться перед глазами. Потом она резким движением сердито стирала часть доказательств с магнитной доски, и все начиналось сначала.

Теперь, когда она работала под непосредственным руководством легендарного Хольцмана, Норма не чувствовала себя больше неудачницей, несчастным разочарованием собственной матери. С помощью своих телепатических сил колдунье удалось успешно выступить против мыслящих машин на Гьеди Первой. Но и переносные наступательные генераторы разрушающего поля тоже были частью победы, хотя савант Хольцман не стал упоминать о роли Нормы в выдвижении самой идеи такого генератора.

Норме не было никакого дела до славы и почестей, не интересовала ее и известность. Более важным был ее непосредственный вклад в военные усилия. Если бы она смогла извлечь еще что-то полезное из этих пляшущих, ускользающих от нее теорий...

Норма иногда любила помечтать, стоя на высоком балконе лаборатории, вознесенной на высоту отвесной скалы, и глядя на реку Исану. Иногда она скучала по Аврелию Венпорту, который всегда очень нежно и по-доброму относился к ней. Чаще, однако, она раздумывала над своими идеями, и

чем необычнее они были, тем с большим удовольствием Норма о них размышляла. На Россаке мать никогда не поощряла таких непрактичных раздумий, но здесь был Тио Хольцман, который всячески их приветствовал.

Несмотря на то что обладающие собственным сознанием компьютеры были строго запрещены на планетах Лиги, а особенно на буколическом Поритрине, Норма непрестанно пыталась понять, как устроены эти основанные на гелевых контурах машины, как они работают. *Для того чтобы вернее поразить цель, надо сначала хорошенько в ней разобраться.*

Иногда они обедали вместе с Хольцманом и за разговором обсуждали разные идеи, потягивая дорогие импортные вина и наслаждаясь экзотическими блюдами. Едва прикасаясь к пище, Норма много и с жаром говорила, иногда жалея, что на столе нет блокнота, а у нее — ручки, чтобы иллюстрировать пришедшие ей в голову идеи. Она быстро заканчивала трапезу и спешила вернуться в лабораторию к своим вычислениям, а великий изобретатель предпочитал посидеть за десертом и послушать хорошую музыку.

— Так я заряжаю свои мозги, — говорил он.

Хольцман любил занимать ее посторонними предметами, пространно рассказывая о своих прежних успехах и наградах, читал благодарственные письма и приветствия от лорда Бладда. К сожалению, все эти разговоры не приводили к прорыву в самом главном деле, насколько могла судить Норма.

Сейчас она стояла, освещенная мерцающими огнями, и смотрела на подвешенную кристаллическую плиту размером с большое окно. Поверхность плиты была покрыта тонким, прозрачным текучим слоем, на котором оставался след от любого прикосновения. Старинное изобретение, но оно больше других нравилось Норме. На этой доске было очень удобно записывать все пришедшие в голову мысли и делать любые вычисления.

Она пристально вглядывалась в уравнение, которое только что написала, потом принялась менять последовательность шагов и записывать интуитивные предположения. Вдруг она обнаружила некую количественную аномалию, которая, если приложить ее к реальному миру, позволяла предмету находиться одновременно в двух местах. Один из предметов был

точным изображением другого, но никакие вычислительные методики не давали наблюдателю возможность определить, где именно находится исходный реальный предмет.

Хотя было совершенно непонятно, как можно приложить это интуитивное и неортодоксальное открытие к военному делу, Норма вспомнила совет учителя доводить любой путь до его логического конца. Вооружившись законченным уравнением, она поспешила по ярко освещенным лестницам вниз, в зал, где сидели уцелевшие после эпидемии вычислители.

Технический персонал, склонившись над столами, работал с ручными калькуляторами, выполняя вычисления даже в такой поздний час. Многие места до сих пор пустовали, приблизительно треть рабов пали жертвой смертельной лихорадки. Недавно Хольцман купил партию дзеншиитов на рынке в квартале «Человеческих ресурсов», но большая часть новичков еще не прошла обучения и не могла делать математические вычисления высших порядков.

Вручив новую задачу начальнику вычислителей, Норма объяснила, чего она хочет от рабов и какие предварительные вычисления она уже сделала сама. Она ласково поощрила тяжело работающих вычислителей, подчеркнув важность этой работы, и, подняв голову, увидела, что в дверном проеме стоит Хольцман.

Нахмурившись, он провел Норму в холл.

— Ты даром тратишь время, стараясь подружиться с ними. Помни, рабы-вычислители — это просто органическое оборудование, процессоры, обеспечивающие получение результата. Они взаимозаменяемы, поэтому не наделяй их личностными качествами и характером. Для нас имеет значение только решение. Уравнение не имеет личности.

Норма не стала спорить, а вернулась в свою комнату, чтобы там, в одиночестве, продолжить работу. Ей все же казалось, что эзотерические порядки высшей математики в действительности имеют какие-то личностные характеристики, что определенные теоремы требуют изящества и бережного к себе отношения, чего никогда не требуют обычные арифметические действия.

Расхаживая по комнате, она зашла за висевшую в воздухе доску и посмотрела на обращенное уравнение. Написанные

наоборот символы выглядели полной бессмыслицей, но она заставила себя взглянуть на вопрос с иной позиции, сменив перспективу. Вычислители уже справились с данным им поручением, закончив скучные расчеты. Норма проверила их работу, но результат неожиданно озадачил ее.

Зная чисто интуитивно, каким должен быть ответ, она посчитала ответ вычислителей неверным и вернулась к доске. Она принялась с такой силой наносить на доску знаки, что символы начали плыть по текучей поверхности гладкого кристалла. После этого она зашла за доску, пытаясь обнаружить выход из неожиданной ловушки.

Тио Хольцман вырвал Норму из ее теоретической вселенной. Он смотрел на нее с нескрываемым удивлением.

— Ты была в трансе?

— Я думала, — ответила она.

Хольцман усмехнулся.

— В зазеркалье грифельной доски?

— Это открыло передо мной новые возможности.

Он потер пальцами поросший седой щетиной подбородок.

— Никогда в жизни не видел человека, который бы так самозабвенно отдавался работе.

В уме она округлила уравнение, которое она вывела, но не смогла описать его словами.

— Я знаю, каким должен быть результат, но я не могу воспроизвести его для вас. Вычислители приходят к совершенно иному результату, чем тот, которого я от них жду.

— Они сделали ошибку? — Тио Хольцман начал сердиться.

— Я не могу ее обнаружить. Кажется, они все делают правильно. Тем не менее я чувствую, что они ошибаются.

Ученый нахмурил брови.

— Математика существует не для того, чтобы угождать чьим-то желаниям, Норма. Ты должна пройти все стадии решения, не отклоняясь от законов природы.

— Вы имеете в виду известные, познанные законы Вселенной, савант. Я же просто хочу расширить рамки нашего мышления и снова приложить его к самому себе. Я уверена, что существует иной путь решения. Эта интуитивная петля должна замкнуться.

На лице ученого появилось снисходительное выражение, он был озадачен, но не спешил разделить уверенность своей ученицы.

— Математические теории, с которыми мы работаем, часто выглядят таинственно и очень трудны для понимания, но все же и они следуют определенным правилам.

Она обернулась к нему с расстроенным лицом. Он сомневается в ее словах.

— Слепая приверженность правилам послужила первой и главной причиной самой возможности появления мыслящих машин. Следование правилам может привести к нашему поражению в сражении с ними. Вы сами говорили об этом, савант. Мы должны искать альтернативы.

Услышав наконец то, что его заинтересовало, ученый сложил руки на груди. Широкие рукава накидки обнажили костяшки пальцев.

— Действительно, Норма! Я закончил конструирование сплавного резонансного генератора; теперь дело за действующей моделью.

Норма была слишком увлечена своим необычным уравнением, чтобы соблюдать необходимый такт и приличия. Услышав о генераторе, она энергично тряхнула головой.

— Ваш сплавной резонансный генератор не работает. Я тщательно изучила всю техническую документацию и ранние наброски. Думаю, что в теоретических основах этого генератора заложен фундаментальный изъян.

Хольцман выглядел так, словно его ударили в самое чувствительное место.

— Прошу прощения, что ты сказала? Я проделал всю работу до конца. Вычислители проверили каждый шаг.

Отвернувшись на мгновение к своей доске с уравнением, Норма только рассеянно пожала плечами.

— Тем не менее, савант, ваше изобретение нежизнеспособно. Верные вычисления не всегда бывают корректными, если они базируются на неверных принципах или ложных допущениях.

Она виновато сморщилась, увидев его печальное потускневшее лицо.

— Почему вы так расстроились? Вы сами говорили мне, что цель науки заключается в том, чтобы испытывать на прочность идеи и отказываться от них, если они не выдерживают такого испытания.

— Твои возражения надо доказать, — сказал он каким-то необычно ломким голосом. — Покажи мне те места в конструкции, где я допустил ошибку.

— Это не столько ошибка, сколько... — Она покачала головой. — Я говорю то, что подсказывает мне интуиция.

— Я не доверяю интуиции.

Разочарованная его поведением, она тяжело вздохнула. Зуфа Ценва никогда не обращала внимания на умение правильно общаться с людьми, да и сама Норма тоже не развила в себе соответствующих способностей. Она выросла в глуши, на Россаке, где от нее отвернулись все — все, за исключением Аврелия Венпорта.

Кажется, у Хольцмана две шкалы ценностей; по одной он оценивает себя, а вторую проповедует другим. Но, в конце концов, он ученый, и судьба свела их вместе для решения действительно важных проблем. Прямая обязанность Нормы — указать ему на ошибку, если случилось ее обнаружить. Он сделал бы то же самое по отношению к ней.

— Мне все же кажется, что вам не стоит тратить силы и средства на дальнейшую разработку проекта резонансного генератора.

— Пока еще я распределяю силы и средства так, как нахожу нужным, — грубо произнес Хольцман. — Я буду продолжать этот проект и надеюсь доказать, что ты заблуждаешься.

Он, ворча, вышел из комнаты Нормы.

Она подбежала к двери и крикнула вслед Хольцману, чтобы разрядить напряжение:

— Поверьте мне, савант, я очень надеюсь, что вы докажете мою неправоту.

Построение общественного порядка необходимо предусматривает определенное злодеяние. Это процесс глубинной борьбы, на одном конце которого деспотизм, а на другом — рабство.

Тлалок. «Слабость империи»

Дельта поритринской реки была совсем не похожа на речушки и болота Хармонтепа. Больше всего на свете попавшему в рабство мальчику Исмаилу хотелось домой, но Исмаил даже представить себе не мог, как далеко его дом. По ночам он часто просыпался в рабском бараке от собственного крика, борясь с ночными кошмарами. Мало кто из рабов пытался успокоить мальчика; каждый из них нес на плечах тяжкий груз неволи.

Его родная деревня на Хармонтепе была сожжена дотла, большинство жителей взяты в плен или убиты. Он помнил, как его дедушка восстал на работорговцев, читал им буддисламические сутры, убеждая пришельцев в несправедливости того, что они делали. В ответ злые люди высмеяли Вейопа, выставили его в глазах людей незначительным и ни на что не способным стариком. Лучше бы они просто убили его.

Через много часов после того, как работорговцы обездвижили Исмаила, он очнулся в гробу из пластила с прозрачными окошками, где он неподвижно лежал во время транспортировки — без сознания, но живой. Никто из новых невольников не мог причинить никакого вреда работорговцам во время длинного космического путешествия в этот странный мир. Все пленники были подняты, выгружены и проданы на невольничьем рынке в торговом районе Старды.

Некоторые из хармонтепских рабов пытались ускользнуть, не имея ни малейшего понятия, куда бежать. Работорговцы оглушали их парализующими выстрелами только для того, чтобы прекратить их вопли и метания. Исмаил хотел драться,

но счел, что добьется гораздо большего, если будет наблюдать и изучать обстановку, чтобы потом найти более подходящий способ сопротивления. Для начала надо было понять, что такое Поритрин, а потом решать, как лучше всего сражаться за свободу. Именно это посоветовал бы сделать мальчику его прозорливый и умный дед.

Вейоп часто цитировал сутры, в которых упоминалось о зле, которое несут с собой пришельцы, о бездушных захватчиках, которые лишат их привычного уклада жизни. Именно из-за этих пророчеств дзенсунни оставили остальных людей. В распадающейся Старой Империи люди забыли Бога, а потом стали страдать от того, что мыслящие машины взяли над ними власть. Народ Исмаила верил в свой рок, в кризисек, смертельный бой в конце Вселенной, который был предсказан за много тысячелетий. Те, кто следовал буддисламской вере, бежали, уже зная наперед исход будущей безнадежной схватки.

Однако борьба не закончилась, как того обещало пророчество. Часть рода человеческого пережила владычество машинного демона, и теперь эти люди ополчились на «трусливых» последователей буддислама, пылая местью и желанием уничтожить этих беглецов, предавших род человеческий.

Исмаил не мог поверить в то, что древние учения могут оказаться ложными. Как много сутр, как много пророчеств. Его дед был так уверен в правдивости легенд, которые рассказывал внуку. Но, однако, их мирная деревня на Хармонтепе была покорена, лучшие и самые сильные были захвачены в плен и увезены на далекую планету. И вот теперь Исмаил и его спутники оказались здесь, в незнакомом месте, а их бренные земные тела выставлены на продажу.

Вейоп уверял, что не принявшие буддислама чужеземцы обречены на вечное проклятие, но торговцы плотью с Тлулакса и местные работорговцы казались вполне довольными, распоряжаясь жизнью и смертью новоприобретенных рабов и давая им за тяжелую работу жалкие крохи пищи. Мальчик и его товарищи по несчастью не имели иного выбора. Они должны были беспрекословно делать то, что им велели.

Так как Исмаил был самым младшим, от него не требовали многого. Остальным членам рабочей команды было при-

казано присматривать за мальчиком, следить, чтобы он выполнял работу, а если он с ней не справлялся, то доделывать ее должны были остальные.

Несмотря на то что у него сильно болели мышцы и на ладонях вздулись пузыри водяных мозолей, Исмаил старался работать наравне с другими рабами. Он замечал, что многие его товарищи даром теряют время, жалуясь на свою судьбу. Такое поведение злило хозяев и приводило к ненужным наказаниям. Исмаил держал свое горе при себе.

Он провел несколько недель на грязевых плоских плантациях, где веревками и дощечками были обозначены границы лож рыбных раковин. Он бегал взад и вперед к бассейнам, в которых находились зародыши раковин, и бросал это семя в жирную грязь. Если он сжимал кулак слишком сильно, то рисковал раздавить нежное животное. Такой проступок наказывался ударом ультразвукового бича, если надсмотрщик оказывался рядом и видел такое упущение. На месте удара вздувались пузыри, оно потом долго и сильно болело. След от удара зажил, но оставил шрам в сознании Исмаила. И мальчик решил впредь избегать таких наказаний.

Получая наказания, он ничего не добьется и сделает себя еще более несчастным, позволив своим хозяевам одержать над ним еще одну победу. Он поклялся не доставлять им такого удовольствия. Несмотря на то что это было не слишком великое деяние, он пытался полностью владеть собой, не допуская унижения.

Сейчас, глядя на рабов, возившихся в грязи на раковинных плантациях, Исмаил был почти счастлив от того, что его родители погибли во время шторма, когда молния попала в их лодку на озере, рыба в котором имела такой отвратительный вкус от разливавшегося по поверхности воды масла. По крайней мере они не могли его сейчас видеть, так же как, впрочем, и дедушка.

После первого месяца на Поритрине руки и ноги Исмаила покрылись так плотно въевшейся в них грязью, что он не мог отмыть ее. Ногти были сломаны и буквально пропитались речным илом.

На Хармонтепе Исмаил целые дни проводил на болоте, собирая яйца кара в гнездах этой птицы, ловя черепаховых жуков и выкапывая корни остмира, которые в таком изобилии росли в болотной воде. С юных лет Исмаил не чурался грязной работы, но здесь он стал ее презирать, ибо она выполнялась не во славу Буддаллаха, не для здоровья и благополучия людей деревни. Эта работа выполнялась для кого-то другого.

В рабских бараках Поритрина женщины готовили пищу, используя для этого ингредиенты и приправы, которые выдавали им хозяева. Исмаил страшно соскучился по вкусу рыбы, которую дома запекали в листьях лилии, и по сладкому тростниковому соку, от которого сердце мальчика переполнялось восторгом.

По ночам половина лежанок была свободна, потому что много рабов умерло от смертельной лихорадки. Часто Исмаил сразу после работы прокрадывался на свою лежанку и тут же засыпал мертвым сном. Иногда же он не ложился спать, а шел в кружок, где люди рассказывали разные истории.

Люди разговаривали между собой, обсуждая вопрос избрания нового вождя, старшего группы. Некоторым из рабов эта затея казалась бессмысленной. Отсюда невозможно бежать, а лидер попытается вдохновить их на побег, и все это кончится тем, что их всех убьют. Исмаилу становилось грустно, он вспоминал, как его дед говорил, что настанет день, и он назовет имя своего преемника. Все изменилось после набега тлулаксианских торговцев плотью. Не в силах прийти к одному определенному решению, рабы-дзенсунни продолжали бесконечные пустопорожние дебаты. Исмаилу становилось скучно, и он уходил в барак, чтобы забыться сном.

Ему гораздо больше нравилось, когда кто-нибудь рассказывал старинные истории или пел баллады из «Песен долгого странствия» о скитаниях дзенсунни в поисках нового дома, где их не могли бы найти ни мыслящие машины, ни аристократы Лиги Благородных. Исмаил ни разу в жизни не видел робота и сомневался в истинности их существования, он считал их вымышленными чудовищами, которыми пугают несмышленых детишек. Но злых людей он видел — захватчиков, которые подвергли разорению и насилию мирную дерев-

ню, оскорбили его деда и захватили столько ни в чем не повинных пленников.

Сидя у костра, Исмаил внимательно слушал сказки своего народа, его легенды, его мифы. Дзенсунни привыкли к несчастьям, они могли терпеть рабство хоть несколько поколений. Не важно, в чем будет заключаться испытание, люди знали, как его вынести.

Из всех сказок, мифов, заветов и пророчеств он больше всего любил слушать одно — обещание того, что все несчастья в один прекрасный день закончатся.

Не существует четкого различия между богами и людьми — одни плавно и незаметно превращаются в других.

Иблис Гинджо.
«Выбор всеобщего освобождения»

Разукрашенный замысловатыми узорами пьедестал для статуи титана Аякса был почти готов. Начальник строительной команды Иблис Гинджо, сверяясь с записями в своем электронном блокноте, придирчиво просматривал счета и потребности в материалах. Он заставил своих рабов понять, что им грозит большая опасность, если жестокий кимек наконец потеряет терпение. Правда, рабы работали хорошо, и не столько от страха перед Аяксом, сколько из уважения к Иблису, который как никто умел вдохновлять своих рабов на труд.

Но на другом участке проекта произошла настоящая катастрофа.

Знойное марево от разогретой ярким летним солнцем земли поднималось вверх, окружая помост, с которого Иблис наблюдал за ходом работ по установке незыблемого громоздкого пьедестала. Он увидел, как вдалеке пришла в движение вершина почти готового монумента Аяксу. Сделанный из металла, полимеров и камня колосс начал раскачиваться из стороны в сторону, словно сама сила тяготения была поколеблена столь грандиозным произведением искусства.

Через мгновение гигантская статуя рухнула на землю с тягучим неправдоподобно оглушительным грохотом. Раздались стоны и крики. Когда в небо поднялся столб пыли, Иблис, глядя на него, подумал, что рабам, которые оказались придавленными упавшим колоссом, просто повезло.

Как только Аякс узнает о случившемся, начнется нечто невообразимое.

* * *

Не успели улечься пыль и мелкие камни, взметенные в воздух падением исполинского монумента, а Иблис уже вмешался в яростный спор между неокимеками и доверенными начальниками строительных команд. Он не отвечал за этот участок работы, но его команда тоже пострадает от вынужденного простоя, причиненного несчастным случаем. Однако Иблис надеялся на свое умение улаживать конфликты и рассчитывал, что ему удастся охладить закипавшие страсти.

Разъяренные неокимеки видели в простой неловкости рабочих чуть ли не вызов и оскорбление их высокочтимого титана-предшественника. Сам Аякс уже оторвал одну за другой конечности несчастного руководителя работ и разбросал их в разные стороны. Окровавленные руки и ноги валялись в пыли, из них продолжала медленно вытекать кровь.

Со всей страстью, на какую он был способен, Иблис заставил неокимеков на мгновение замолчать и немного успокоиться.

— Подождите, подождите! Все можно исправить, если вы позволите мне это сделать.

Аякс, вытянув свои механические конечности, стал выше всех остальных кимеков, возвышаясь над ними, как башня, но Иблис заговорил, придав своему голосу бархатистую мягкость:

— Все верно, громадная статуя потерпела небольшой урон, но с ней ничего не случилось, кроме того, что она немного помялась и поцарапалась в нескольких местах. Лорд Аякс, эта статуя должна простоять тысячелетия, она так спроектирована и сделана. Что ей стоит перенести такое пустяковое падение? Ваша слава не пострадала бы от нескольких мелких синяков и шишек.

Он помолчал, увидев, что кимеки были вынуждены признать правоту его слов. Потом он указал рукой на свой участок работ и продолжил спокойным, убеждающим тоном:

— Смотрите, моя команда почти закончила монтаж прочного пьедестала, на котором будет стоять статуя. Так почему бы нам не воздвигнуть ее, несмотря ни на что, чтобы показать Вселенной, что мы можем махнуть рукой на мелкие несущественные неприятности? Мои рабочие могут провести весь

необходимый ремонт на месте. — Глаза Иблиса горели деланным энтузиазмом. — Нет никаких причин откладывать установку статуи.

Расхаживая посреди устроенной им бойни в своем бронированном теле, Аякс наступил на начальника строительной команды, который лепетал что-то о своей невиновности, и буквально втоптал его в землю. Потом гигантский титан навис над Иблисом, его оптические сенсоры пылали, как раскаленные добела звезды.

— Отныне ты берешь на себя ответственность и будешь надзирать за работой согласно утвержденному расписанию. Если твоя команда не справится с работой, то отвечать за это будешь ты.

— Конечно, лорд Аякс. — Иблис, казалось, совершенно ни о чем не тревожился. Он сумел убедить рабов нести свой крест. Для него они сделают все, о чем он их попросит.

— Тогда уберите всю эту дрянь! — загремел Аякс таким громким голосом, что его было слышно на вершине, где стоял Форум.

Позже Иблис дал торжественные обещания измученным и усталым рабам своей команды. Некоторое время они артачились и отказывались работать, но он сумел убедить их, пообещав некоторые дополнительные блага — красивых рабынь для сексуальных услад, лучшую пищу и день отдыха для поездки за город.

— Я не такой, как другие доверенные лица. Разве я когда-нибудь подводил вас? Разве бывало такое, что я обещал награду, а вам ее не давали?

Прослушав такую зажигательную речь и, главное, боясь гнева необузданного и свирепого Аякса, рабы взялись за работу с удвоенной энергией. В наступившей вечерней прохладе, при свете ярких, как сверхновые звезды, ламп команда Иблиса работала не покладая рук под неусыпным оком своего умного начальника. Со своего высокого помоста он наблюдал, как его рабы поднимали на жесткий пьедестал огромную статую и приваривали ее к нему плазменными аппаратами.

Вскоре подошли художники и облепили статую многочисленными помостами и лесами, с которых они начали лик-

видировать повреждения на поверхности монумента. У статуи были повреждены нос, одна мускулистая рука и было несколько зазубрин на форме титана. В глубине души Иблис подозревал, что в жизни реальный Аякс был безобразен и толст.

Всю бесконечную ночь Иблис боролся со сном и, перегнувшись через перила помоста, продолжал внимательно следить за работой. Один раз он заснул, но был внезапно разбужен шумом подъемной платформы, поднявшейся до уровня помоста, на котором стоял Иблис.

Он очень удивился, увидев, что на платформе подъемника не было ни одной живой души. На полу лежал круглый кусочек металла — цилиндр с посланием. Иблис с бьющимся от волнения сердцем смотрел на маленький цилиндр, но платформа, словно в ожидании, продолжала стоять на месте. Он посмотрел вниз, но так и не понял, кто мог отправить ему письмо.

Как я мог ничего не заметить?

Иблис украдкой нагнулся и схватил кусочек металла. Сломав печать, он извлек из цилиндра тонкий листок бумаги и прочитал текст, повергший его в изумление: «Мы представляем организованное движение людей, недовольных правлением машин. Мы ждем подходящего момента — ждем, когда у нас появится подходящий лидер, чтобы начать открытую борьбу с угнетающими нас машинами. Ты должен решить, хочешь ли ты присоединиться к нашей достойной цели. Мы войдем с тобой в контакт позже».

Иблис, не веря своим глазам, смотрел на записку. Но пока он смотрел, она съежилась и, превратившись в кусочек ржавчины, исчезла.

Было ли это подлинное послание или кимеки решили устроить ему ловушку и проверить на лояльность? Большинство людей ненавидели своих хозяев-роботов, но с болью скрывали это чувство. *Что, если такая группа действительно существует?* Если так, то ей нужны талантливые руководители, лидеры.

Мысль оживила и приободрила его. Иблис никогда раньше не задумывался над этим вопросом и не мог понять, чем он мог выдать свои самые сокровенные чувства и мысли. Почему они его заподозрили? Он всегда с большим почтени-

ем относился к своим руководителям, к высокому начальству, он всегда...

Может быть, я проявлял излишнюю старательность? Не прилагал ли я слишком больших усилий, чтобы казаться лояльным?

На высоченной статуе Аякса, голова которой находилась вровень с помостом Иблиса, продолжали работать художники, облепившие монумент, словно трудолюбивые термиты колоду. Они латали трещины и подправляли поврежденные части. Занимался рассвет, и Иблис понял, что художники скоро закончат. Машины щедро вознаградят их труды.

Как же он их ненавидел!

Иблис давно вступил в сделку со своей совестью. Мыслящие машины обращались с ним хорошо по сравнению с другими рабами, но лишь тонкий слой их покровительства отделял его от судьбы самого последнего раба. В любой момент он мог разделить их участь. Наедине с собой Иблис часто раздумывал о непреходящей ценности свободы и о том, что бы он сделал, если бы ему представился шанс.

Группа сопротивления? Он с трудом мог в это поверить. Но дни шли за днями, и Иблис думал о такой группе все чаще и чаще. Он ждал, когда эти люди снова выйдут с ним на связь.

Мы страдаем непомерным аппетитом и готовы проглотить все, что попадает нам в руки.

Когитор Экло. «Вне пределов человеческого разума»

Скрывая переполнявшую его ненависть, Агамемнон принимал особые меры предосторожности, когда находился в зоне досягаемости вездесущих шпионов Омниуса. Это означало, что он должен был соблюдать конспирацию почти всегда и почти везде — даже тогда, когда они с Юноной занимались сексом, вернее, тем, что называлось сексом среди титанов.

На место свиданий шагающие механические тела приносили двух древних кимеков в профилактическо-ремонтную камеру контрольного павильона, расположенного на Земле. С потолка свисали многочисленные шланги с питательной жидкостью, поступавшей из емкостей, закрепленных на потолке. Технический персонал, состоявший из вспомогательных роботов, бесшумно перемещался от генераторов жизнеобеспечения к анализаторам, снимавшим данные с мыслепроводящих стержней, чтобы убедиться, что все системы функционируют в пределах заданных параметров.

Агамемнон и Юнона соединили свои системы с общей проводящей шиной и начали раздражать сенсоры друг друга небольшими разрядами, передавая их по электропроводящей жидкости соединяющей шины. Это была любовная игра. Лишенные физических тел кимеки сохранили способность получать удовольствие.

Автоматические подъемники извлекли защитную емкость из механического шагающего корпуса и уложили мыслящее ядро на чистую хромированную подставку рядом с контейнером, в котором находился розовато-серый головной мозг Юноны. С помощью оптических волоконных рецепторов и решетчатой компьютерной системы распознавания образов

Агамемнон по рисунку борозд и извилин тотчас узнал милые черты своей возлюбленной. *Как она прекрасна даже спустя столько столетий!*

Агамемнон вспомнил, как хороша была она в самом начале их знакомства: черные, как обсидиан, волосы, отблескивавшие на солнце умопомрачительной синевой. Четко очерченный нос, узкое овальное лицо, таинственные дуги бровей. Юнона всегда казалась ему Клеопатрой, военным гением, жившим в глубокой древности, во мраке прошедших тысячелетий, так же как первый Агамемнон — герой троянской войны.

Очень давно, в то мгновение времени, когда он еще носил хрупкое человеческое обличье, полюбил он эту женщину. Хотя Юнона была очень сексуально привлекательна, Агамемнона тянуло к ней, к ее уму, еще до личной встречи с ней. Они познакомились во всемирной электронной Сети, когда упражнялись в тактическом искусстве и стратегии, играя в военные игры на обучающих компьютерах, которые в то время еще не были запрещены в Старой Империи. Тогда они были еще подростками — тогда, когда возраст имел для них какое-то значение.

Будучи мальчиком, Агамемнон воспитывался на благословенной Богом и избалованной Земле, и звали его тогда Андрей Скурос. Его родители вели гедонический, но очень пассивный образ жизни, такой же, впрочем, как и многие другие обитатели Земли. Они существовали, они чем-то занимались, но они не жили в полном смысле этого слова. Спустя столько лет он уже и не помнил лиц своих родителей. Теперь все слабые и нестойкие люди выглядели для него на одно лицо.

Андрей Скурос всегда был неугомонным мальчиком. Он постоянно задавал неудобные вопросы, на которые никто не мог дать ему ответ. Пока другие подростки играли в свои дурацкие игры, он рылся в обширных базах данных, открывая для себя исторические повествования и легенды древних времен. Он отыскал героические сказания о реальных людях, живших так давно, что они казались такими же мифическими существами, как титаны, первые божества, низвергнутые Зевсом, и как весь пантеон греческих богов. Мальчик с упоением читал описания захватнических войн, получая знания, со-

вершенно ненужные в зажатой тисками мирных договоров Старой Империи.

Присвоив себе кличку Агамемнон, он начал интересоваться стратегическими играми, в которые играли во всемирной компьютерной Сети — с ее помощью имперское правительство контролировало и направляло деятельность порабощенного скукой и бездействием человечества. Именно в Сети он встретил другого человека, столь же богато одаренного и талантливого, как и он сам, это было редкостное родство душ. Новый знакомый был таким же неутомимым искателем истины, как и Агамемнон. Неожиданные тактические решения приводили к поражениям так же часто, как и к победам, но последние были столь блистательны, что совершенно затмевали горечь поражений. Компьютерной кличкой этого партнера, а точнее, партнерши, было имя «Юнона», царицы римских богов, супруги Юпитера.

Их притягивали друг к другу сходные притязания, их отношения были пронизаны яркими переживаниями и высокими устремлениями, любовью к риску. Это был не только секс. Очень часто они развлекались тем, что ставили мысленные эксперименты. Сначала это была забава, а потом нечто большее, чем игра.

Их жизнь радикальным образом изменилась, когда они оба услышали речи Тлалока.

Инопланетный провидец с его страстными обличительными речами, в которых он едко обвинял земное человечество, зажег своими идеями двух юных заговорщиков, которые поняли, что их планы могут воплотиться в нечто большее, чем воображаемые приключения.

Юнона, настоящее имя которой было Джулиана Пархи, сумела познакомиться с Тлалоком и познакомила с ним Андрея Скуроса. Они поговорили с Тлалоком, который был страшно взволнован, когда узнал, что на Земле у него тоже есть единомышленники.

— Да, быть может, нас очень мало, — сказал тогда Тлалок, — но леса Земли переполнены сухим мертвым деревом, и трех спичек может оказаться достаточно, чтобы устроить настоящий пожар.

На своих встречах троица заговорщиков разработала план свержения правительства одряхлевшей и сонной империи.

Используя опыт Андрея в военном деле, они пришли к выводу, что небольшого технического оснащения и малочисленной группы преданных делу людей им будет достаточно для того, чтобы захватить власть на многих планетах, жители которых впали в апатический ступор. Если им повезет и они применят нужную тактику, то, ставши спаянной когортой лидеров, они смогут зажать в железной хватке горло Старой Империи. Действительно, если планы привести в исполнение должным образом, то они добьются успеха раньше, чем кто-нибудь поймет, что произошло.

— Мы сделаем это ради блага самого человечества, — говорил Тлалок с горящими глазами.

— И ради нашего блага, — добавила Юнона, — хотя бы отчасти.

Разрабатывая свои новаторские планы, Юнона использовала обширную сеть мыслящих машин и обслуживающих ее роботов. Компьютеры были запрограммированы на то, чтобы следить за каждым аспектом жизни человеческого общества, но Юнона рассматривала их как готовую армию вторжения. Если бы только суметь так перепрограммировать их, чтобы «привить» роботам вкус к завоеваниям и человеческие амбиции. Именно тогда они привлекли в свои ряды специалиста по компьютерам Вильгельма Джейтера, который появлялся в Сети под псевдонимом Барбаросса. Теперь Барбаросса должен был обеспечить техническую сторону переворота.

Так началось время титанов, в течение которого горстка фанатично настроенных людей захватила власть над погруженным в спячку населением. Это была настоящая работа — управлять делами целой империи. На стадии планирования Джулиана Пархи часто спорила с неуступчивым когитором Экло, их советником. Консультируясь по разным вопросам со старым когитором, одним из самых духовных умов, занятых разработкой эзотерических учений, она осознала возможность самостоятельной жизни отделенного от тела мозга. Причем не для интроспекции, а для активных действий. Поняла, что тираны-кимеки смогут превзойти обычных людей, так как получат возможность в зависимости от конкретной задачи менять свои механические несущие тела. В виде тиранов-кимеков титаны смогут править империей в течение тысячелетий.

Вероятно, это достаточный срок для наведения порядка во Вселенной.

Агамемнон сразу согласился с концепцией Юноны, хотя и испытывал первобытный страх перед хирургическим вмешательством. Они с Юноной отчетливо понимали, что так как хрупкие человеческие тела будут помехой титанам во время их рискованных экспедиций, то им всем придется претерпеть такое превращение.

Для того чтобы продемонстрировать верность своей возлюбленной, Агамемнон первым согласился пройти хирургическую трансформацию в кимека. Они с Юноной провели последнюю жаркую ночь любви. Обнаженные, они все время ненасытно касались друг друга, стараясь впитать в свою память все оттенки чувств и ощущений, которые испытывали во время любви, чтобы сохранить их на грядущие тысячелетия. Откинув со лба черные, как вороново крыло, волосы, Юнона запечатлела на лице Агамемнона прощальный поцелуй и проводила его в операционную. Там его уже ждали компьютеризированная медицинская аппаратура, роботы-хирурги и дюжина систем жизнеобеспечения.

За операцией наблюдал когитор Экло, который помогал роботу, выполнявшему операцию, и давал ему важные и ценные советы. Юнона влажными от слез глазами наблюдала за процессом преображения своего возлюбленного. Агамемнон опасался, что, увидев операцию, Юнона придет в ужас и откажется от своего плана. Но когда его мозг оказался плавающим в электропроводящей жидкости, когда были активированы проводящие импульсы стержни и Агамемнон обрел способность «видеть», он, сквозь многочисленные волоконные сенсоры, рассмотрел, с каким восхищением смотрит на него Юнона, внимательно изучая емкость с его головным мозгом.

Вот она дотронулась кончиками пальцев до прозрачной емкости. Агамемнон все видел, фокусируя и подправляя новые системы связи с внешним миром, захваченный своей новой способностью видеть любой предмет сразу с многих точек.

Спустя неделю, когда Агамемнон уже освоился со своим новым телом и научился им управлять, он не смог отказать себе в удовольствии, в свою очередь, понаблюдать, как ро-

бот-хирург, распилив черепную коробку Юноны, извлек оттуда ее талантливый мозг, навеки отбросив хрупкое и нежное женское тело Джулианы Пархи...

Прошли столетия, но даже лишенные своих биологических тел, он и Юнона часто встречались на хромированных подставках, соединенные между собой чувствительными рецепторами и передающими импульсы электродами.

Агамемнон очень хорошо знал, какие части головного мозга Юноны надо раздражать, чтобы активировать центры удовольствия, и как долго следует поддерживать поток импульсов. Она отвечала ему тем же, пробуждая в нем физические воспоминания о том наслаждении, какое он испытывал от близости с ней, когда был еще обычным человеком, а потом усиливая эти ощущения до высот полного блаженства. Он ответил ей несколькими разрядами, от которых ее мозг начал пульсировать в экстазе. Весь этот процесс внимательно наблюдало всевидящее око Омниуса, уподобившегося страдающему вуайеризмом маньяку. Даже в такие моменты Агамемнон и Юнона не могли остаться наедине.

Она еще дважды довела его до наивысшего наслаждения. Он хотел, чтобы она остановилась и дала ему отдохнуть, но, с другой стороны, он так желал ее, что стремился к продолжению этого удовольствия. Агамемнон в такт импульсам Юноны испустил вибрирующий звук через динамик, присоединенный к емкости мозга возлюбленной. Этот звук вошел в резонанс с собственными вибрациями мозга женщины, и их чувства слились в музыке обоюдного оргазма. Мысли заволокла пелена ни с чем не сравнимого восторга.

Но гнев не оставил Агамемнона даже сейчас, в момент наивысшего наслаждения. Хотя Омниус разрешал ему и Юноне испытывать такой экстаз в любое время, когда им этого хотелось, Агамемнон получил бы куда большее удовольствие, если бы не было этого постоянного давления со стороны проклятых мыслящих машин.

Я боюсь, что Норма никогда ничего не достигнет. Как это отразится на мне и на том наследии, которое я должна оставить человечеству?

Зуфа Ценва

За время своего скучного месячного путешествия на Поритрин, куда Зуфа Ценва летела, чтобы навестить дочь, она, пользуясь массой свободного времени, неотступно думала, что скажет Норме, когда прилетит к ней. Зуфа с намного большей радостью провела бы эти дни и недели, посвятив их более важной работе. Потеря любимой ученицы Геомы тяжелым камнем лежала у нее на сердце. С тех пор как кимекам на Гьеди Первой был нанесен первый сокрушительный удар, она думала о применении против них других видов оружия, имевшегося в распоряжении колдуний. Зуфа занималась планированием этих операций.

В то время когда большинство членов Лиги пели дифирамбы саванту Хольцману за его новое изобретение, до Зуфы дошли слухи, что именно Норма первая додумалась до конструкции нового оружия. Неужели ее странноватая и чудаковатая дочь могла создать что-то из ряда вон выходящее? Конечно, это не психический ураган, обрушившийся на кимеков, но все же это было нечто весьма достойное уважения. *Значит, я была слепа?* Зуфа никогда не желала дочери неудач, но перестала возлагать на нее большие надежды. Может быть, теперь наступит перелом в их отношениях. *Надо ли мне обнять ее при встрече? Заслуживает ли она моей поддержки и поощрения или ее поведение заставит меня устыдиться ее?*

Все было так неопределенно.

Когда Зуфа вышла из транспортного экипажа в Старде, ее уже ждал почетный караул драгунской гвардии, солдаты которой были одеты в безупречные мундиры, украшенные зо-

лотым шитьем. Лорд Нико Бладд сам возглавлял группу встречавших Зуфу аристократов. Борода лорда была тщательно завита, сам он напомажен и изысканно надушен.

— Ваш визит к нам — большая честь для Поритрина!

Аристократ вышел вперед, ступая по мозаичному плиточному полу. На Бладде был роскошный церемониальный костюм с широкими карминовыми лацканами и белыми кружевными манжетами. На ногах красовались блестящие туфли с золотыми пряжками. На поясе висела церемониальная шпага, хотя, быть может, за всю свою жизнь лорд не пользовался клинком для чего-то более воинственного, чем нарезка сыра. Сама Зуфа никогда не отвлекалась от важных дел ради светских мероприятий, и участие лорда Бладда в церемонии встречи удивило и раздосадовало ее. Она хотела поскорее и как можно незаметнее закончить свои дела с Нормой и быстро вернуться на Россак. Ей предстояло вместе с ученицами приготовить новое ментальное оружие для следующей атаки на кимеков.

— Капитан челнока передал, что вы находитесь на его борту, мадам Ценва, — сказал лорд Бладд, ведя Зуфу по терминалу. — У нас было так мало времени подготовиться к встрече. Как я догадываюсь, вы прибыли сюда для встречи с дочерью? — Нико Бладд улыбнулся в свою завитую рыжую бороду. — Мы очень горды тем, что она столь плодотворно помогает в работе прославленному саванту Хольцману. Он считает ее просто незаменимой.

— В самом деле? — Зуфа постаралась скрыть скептическую ухмылку.

— Мы пригласили и Норму на вашу встречу, но она занята важной работой для саванта Хольцмана. Она полагает, что вы правильно ее поймете и не обидитесь.

Зуфа почувствовала себя так, словно ей дали пощечину.

— Я была в пути почти месяц. Если я нашла время приехать, то простая... лаборантка могла бы освободиться на час, чтобы встретить собственную мать.

У ворот космопорта уже ждал водитель в воздушной барже. Драгунские гвардейцы разместились на открытой палубе.

— Мы доставим вас непосредственно в лаборатории Хольцмана.

Когда Бладд уселся рядом с ней, Зуфа сморщила нос от резкого запаха духов, исходившего от лорда. Он вручил ей какой-то небольшой пакет, который она не была расположена брать.

Отчаянно вздыхая, она, неестественно выпрямившись, сидела в комфортабельном кресле все время, пока экипаж летел от космопорта. Отвинтив серебряную крышку упаковки, Зуфа нашла в контейнере бутылку речной воды и затейливо вытканное поритринское полотенце.

Несмотря на то что Ценва не проявила никакого интереса к подарку, аристократ счел нужным пуститься в подробные объяснения.

— Это традиционный подарок, который мы вручаем всем нашим почетным гостям. Они должны вымыть руки водой реки Исана и вытереть их полотенцем из тончайшей льняной материи.

Зуфа не двинулась с места. Ей вовсе не хотелось исполнять какой-то ненужный ей глупый ритуал. Под летящей баржей вниз по реке плыли суда, везущие зерно, металл и другие товары в дельту, где все это распределялось между потребителями. В коричневых грязевых отсеках трудились сотни рабов, высевая зародыши раковинных рыб. Эта картина расстроила ее еще больше.

— Резиденция саванта Хольцмана перед нами, — сказал Бладд, указывая на высокую скалу. — Уверен, что ваша дочь будет очень рада вас видеть.

Она когда-нибудь бывала рада меня видеть? Она постаралась успокоить себя ментальными упражнениями, но тревога не уходила.

Как только баржа приземлилась на посадочную площадку резиденции Хольцмана, Зуфа сразу встала, подобрала подол длинного черного платья и вышла из экипажа.

— Лорд Бладд, мне надо обсудить с дочерью частные проблемы. Уверена, что вы поймете и извините меня.

Не попрощавшись, Ценва пошла дальше одна по широким ступеням, ведущим в каменное строение, оставив озадаченного лорда Бладда в одиночестве. Взмахом рук она показала ему, что ему не стоит ее сопровождать.

Настроив свои телепатические чувства, Зуфа так уверенно вошла в жилище Хольцмана, словно не раз бывала здесь. Вестибюль был завален ящиками, книгами и какими-то непонятными инструментами. Либо у Хольцмана ленивая прислуга, либо изобретатель сознательно запрещает ей прикасаться к его вещам и наводить порядок.

Сквозь эти завалы Зуфа вошла в длинный коридор и начала заглядывать во все комнаты, спрашивая у людей, как ей найти дочь. Наконец высокая и устрашающая колдунья вошла во вспомогательное лабораторное здание, где в одном из помещений увидела высокий стул перед ярко освещенным столом, на котором светился экран с чертежами и схемами. Нормы не было видно нигде.

Заметив открытую дверь, ведущую на балкон, она увидела там какую-то тень и уловила движение. Выскользнув на балкон, Зуфа была потрясена открывшимся ей зрелищем. Ее дочь стояла на перилах балкона, держа в своих маленьких ручках небольшой красный контейнер.

— Что ты делаешь? — крикнула Зуфа. — Немедленно слезь с перил!

Норма резко обернулась, посмотрела на охваченную паникой мать, прижала к груди контейнер и шагнула с балкона.

— Нет! — вне себя от отчаяния закричала мать. Но было уже поздно.

Рванувшись к перилам, колдунья, к своему ужасу, убедилась, что балкон нависал над пропастью. Далеко внизу едва заметной нитью поблескивала поверхность реки. Маленькая молодая женщина стремительно падала вниз.

Внезапно падение Нормы замедлилось, и она повисла в воздухе, закружившись на месте.

— Смотри сама, это работает! Ты приехала как раз вовремя!

Потом, словно пушинка, подхваченная восходящим потоком, Норма начала взлетать вверх, словно ее поднимал маленький контейнер, который она продолжала прижимать к груди. Она поднялась до уровня балкона, будто ее тянула за собой невидимая рука.

Норма перегнулась через перила, но в этот миг рассерженная мать рывком втащила ее на балкон.

— Зачем ты испытываешь такие опасные вещи? Савант Хольцман не велит тебе использовать помощников для проведения таких опасных опытов?

Норма нахмурилась.

— Здесь нет помощников, здесь есть только рабы. Кроме того, это мое собственное изобретение, и я захотела сама его испытать. Я знала, что оно будет работать.

Зуфа решила не спорить с дочерью.

— Ты приехала в такую даль, на Поритрин, работаешь в лучшей в мире лаборатории только для того, чтобы изобретать летающие игрушки?

— Едва ли, мама. — Норма открыла красный кожух аппарата и что-то подрегулировала в его электронной начинке. — Это изобретение основано на одном из вариантов теории Хольцмана, это аппарат, работающий на принципе отталкивающего, или подвесного, поля. Думаю, что савант будет очень доволен.

— О да, я очень, очень доволен! — Внезапно на балконе появился изобретатель и встал за спиной Зуфы. Быстро представившись, он посмотрел на новую игрушку Нормы. — Я покажу это лорду Бладду. Он найдет для изобретения коммерческое применение. Уверен, что выправить патент он захочет на свое имя.

Зуфа все еще не могла прийти в себя от потрясения, вызванного «падением» Нормы, но уже пыталась представить себе практическое применение изобретения дочери. Можно ли модифицировать эту штуку так, чтобы она могла переносить войска или тяжелое вооружение? Зуфа очень в этом сомневалась.

Норма отставила в сторону генератор из красного плаза и вразвалку направилась к столу. Взобравшись на высокий стул, она дотянулась до цветных схем и принялась перелистывать страницы на своем световом столе.

— Я также вычислила, как можно применить этот принцип в осветительных приборах. Подвесное поле может поддерживать в воздухе источники света и питать их остаточной энергией. Я уже выполнила все необходимые вычисления... ну где же они?

— Плавающие подвесные источники света? — презрительно процедила сквозь зубы Зуфа. — Это что, изобретение для пикников? Десятки тысяч людей погибли во время налета на Зимию, миллионы были превращены в рабов на Гьеди Первой, а она живет в уюте и тепле, забавляясь изобретением плавающих светильников?

Норма снисходительно взглянула на мать, словно это она, Зуфа Ценва, была никуда не годной дурой.

— Постарайся взглянуть на вещи, откинув очевидность, мама. Для войны нужно не только оружие. Роботы могут настраивать свои световые сенсоры, чтобы видеть в темноте, но людям для того, чтобы видеть, нужен свет. Сотни таких подвесных светильников можно рассеять по воздуху во время ночного боя, лишив машины их преимущества. Савант Хольцман и я все время думаем над использованием наших изобретений.

Ученый кивнул, желая поддержать свою ассистентку.

— А для коммерческих целей можно будет выпускать светильники разных форм, цветов и оттенков.

Норма сидела на высоком стуле, словно гном, вознесенный на королевский трон. Карие глаза загорелись воодушевлением.

— Я уверена, что лорд Бладд будет доволен.

Зуфа нахмурилась. Ставкой в этой смертельной борьбе были вещи куда более важные, чем расположение и удовольствие какого-то надутого аристократа. Она стала проявлять нетерпение.

— Я пролетела очень большое расстояние, чтобы увидеть тебя, — сказала она.

Норма скептически вскинула брови.

— Если бы ты потрудилась видеться со мной на Россаке, тебе не приходилось бы летать так далеко, мама, чтобы заглушить свое чувство вины. Но ты всегда была слишком занята, чтобы обращать внимание на свою бесполезную дочь.

Чувствуя себя неловко от того, что оказался невольным свидетелем семейной ссоры, Тио Хольцман смущенно пробормотал извинения и исчез. Противоборствующие стороны едва ли обратили внимание на его уход.

Приезжая сюда, Зуфа не собиралась ссориться с дочерью, но сейчас она почувствовала, что в ней закипает злоба.

— Мои колдуньи доказали свое умение сражаться. Мы можем выделять огромные количества ментальной энергии, которая уничтожает кимеков. Множество девушек готовятся к тому, чтобы добровольно принести себя в жертву святому делу освобождения человечества следующей планеты от рабства мыслящих машин. — При этих словах ее светлые глаза вспыхнули страстным огнем, она сильно тряхнула головой. — Но тебе нет до этого никакого дела, Норма, так как у тебя нет телепатических способностей.

— У меня есть другие способности, мама, я тоже вношу ценный вклад в общее дело.

— Да, ты пишешь свои непонятные уравнения. — Зуфа кивком головы указала на стоявший на полу генератор подвесного поля. — Ты не жертвуешь жизнью и не рискуешь. Ты живешь в тепле и довольстве, играя во все эти игрушки. Ты позволила ослепить себя мнимым успехом.

Но ее дочь не единственная, кто живет так же. Многие люди живут в полном комфорте, пока Зуфа и ее колдуньи выполняют опасные миссии. Как может Норма сравнивать свою работу с подвигами колдуний?

— Неужели ты не могла найти времени для того, чтобы встретить меня в космопорту? Ведь ты же знала о моем приезде.

Тон Нормы был обманчиво мягок, когда она заговорила, скрестив маленькие ручки на груди.

— Мама, я не просила тебя приезжать, так как знала, что у тебя масса важных и неотложных дел. У меня тоже есть множество неотложных обязанностей и нет времени развлекать досужих гостей. Кроме того, я знала, что встречать тебя отправился сам лорд Бладд.

— Теперь твои друзья — расфуфыренные мальчики Лиги?

Раз открыв шлюзы своего гнева, Зуфа уже не могла остановиться.

— Я хотела удостовериться, что могу гордиться тобой, Норма, несмотря на твое уродство. Но ничто из того, что ты делаешь, не пригодится для чего-то великого. Живя здесь в роскоши, какую жертву приносишь ты на алтарь освобожде-

ния? У тебя слишком узкий кругозор, чтобы ты могла принести какую-то пользу человечеству.

Раньше Норма была бы уничтожена такими словами, вся ее уверенность в себе была бы сломлена. Но теперь ее работа здесь, с Хольцманом, ее очевидные успехи на техническом поприще придали ей новый взгляд на самое себя.

Она холодно взглянула на мать.

— То, что я не соответствую твоему представлению о том, какой ты хотела бы меня видеть, не значит, что я не делаю что-то существенное. Это видит савант Хольцман. Видел это и Аврелий. Этого не можешь видеть ты — моя родная мать?

При упоминании имени Венпорта Зуфа презрительно фыркнула и начала нервно расхаживать по комнате.

— Аврелий только и может, что галлюцинировать под действием наркотиков, которые он постоянно принимает.

— Я забыла, насколько ты в действительности узколоба, мама, — сказала Норма бесцветным, ровным голосом. — Спасибо тебе за то, что ты приехала и освежила мою память.

С этими словами девушка развернула стул и углубилась в изучение своих схем и чертежей.

— Мне хотелось бы позвать раба, чтобы он проводил тебя к выходу, но, к сожалению, все они заняты более важными делами.

Вне себя от ярости на себя, на свою дочь, а больше всего негодуя по поводу впустую потраченного времени, Зуфа вернулась в космопорт. Она не останется на Поритрине больше ни одной минуты. Чтобы отвлечься от неприятностей, она сконцентрировалась на ментальных упражнениях и начала думать о своих любимых ученицах, которые, забыв об опасности и инстинкте самосохранения, были готовы выполнить любую поставленную перед ними задачу.

Зуфа весь день прождала военно-транспортный корабль, который должен был доставить ее на Россак. Окружив себя волнами способностей к ясновидению, она сразу же поняла всю внутреннюю слабость и гнилость Поритрина, и это ощущение не имело ничего общего с Нормой. Этот факт был очевиден, и она при всем желании не могла от него отмахнуться.

Весь воздух Старды, все места вокруг погрузочной площадки космопорта, у складов и у плантаций, были пропитаны индивидуальными и коллективными аурами униженных рабов. Зуфа очень хорошо чувствовала эту коллективную психологическую травму, это глубокое и тихо кипящее недовольство, на которое совершенно не обращали внимания свободные граждане Поритрина, вряд ли даже задумывавшиеся о таких предметах.

Волна возмущения снова захлестнула Зуфу, и ей с новой силой захотелось покинуть это место.

Интуиция — это функция, с помощью которой люди осматривают потайные углы. Интуиция полезна для людей, живущих в опасном природном окружении.

Эразм. «Диалоги Эразма»

Воспитанная, как и подобает дочери вице-короля Лиги, в традициях служения человечеству, Серена Батлер привыкла отдавать этому делу все свои силы и надеяться на светлое будущее, несмотря на то что в мире шла непрерывная война. Но она и в страшном сне не могла представить себе, что в один прекрасный день станет рабыней в доме враждебного ей робота.

С первого взгляда ей страшно не понравился Эразм, который вышел на широкую площадку перед главным зданием виллы. Напротив, робот был очень заинтересован ею. Она подозревала, что этот интерес мог быть очень опасным.

Для встречи со столь интересной рабыней Эразм пышно нарядился, надев отороченную дорогими мехами накидку, которая абсурдно смотрелась на корпусе обычного робота. Его зеркальное лицо выглядело чуждым человеческой природе, а от его поведения по коже Серены поползли мурашки. Его беспощадное, ничем не прикрытое любопытство к человеку показалось ей извращенным и неестественным. Робот пересек площадку и подошел к Серене. Его металлическая маска сложилась в приветливую улыбку.

— Вы — Серена Батлер, — сказал он. — Вы слышали, что Гьеди Первая снова захвачена людьми дикого вида? Какое разочарование. Ну почему люди готовы жертвовать всем, даже жизнью, ради воцарения привычного им неэффективного хаоса?

Серена воспрянула духом, услышав об освобождении планеты, освобождении, которое стало возможным благодаря

отчасти и ее усилиям. Значит, Ксавьер все же привел на Гьеди Армаду, а инженерам Бригит Патерсон удалось запустить генератор вторичного разрушающего поля. Серена, однако, попала в рабство, да не одна, а с ребенком Ксавьера. Никто не знает, где она и что с ней сталось. Ксавьер и отец наверняка обезумели от горя, убежденные, что машины убили ее.

— Вероятно, нет ничего удивительного в том, что вы не можете понять и оценить человеческое понятие о свободе, — ответила она роботу. — Несмотря на свои хитро закрученные гелевые контуры, вы все же просто машины. Понимание свободы не было в вас запрограммировано.

Глаза ее увлажнились, когда она подумала о том, как многого еще не сделано ею на поприще работы для людей. Живя на Салусе, она никогда не воспринимала богатство своей семьи как нечто ниспосланное свыше, но всегда считала, что этот дар судьбы надо отрабатывать тяжким трудом.

— Так вы исследователь или следователь?

— Вероятно, я — и то и другое вместе.

Робот подошел ближе, чтобы внимательно рассмотреть женщину, и заметил ее гордо вскинутый подбородок.

— Я надеюсь, что вы поможете мне во многом разобраться. — С этими словами он коснулся ее щеки. — Какая нежная кожа.

Она с трудом удержалась от того, чтобы не отпрянуть. *Сопротивление может быть расценено не как проявление гордости, но как нечто большее,* сказала ей однажды мать. Если бы Серена вздумала сопротивляться, робот мог применить силу или использовать механические пыточные аппараты.

— Моя кожа ничуть не нежнее вашей, просто мою создала природа, а вашу — машины.

Робот рассмеялся механическим жестяным смехом.

— Видите ли, я хочу многому у вас научиться.

Он повел ее в теплицу, на которую Серена против воли не могла смотреть без восторга.

Когда ей было десять лет, она увлеклась разведением деревьев, трав и сладких экзотических фруктов, выращивая их для медицинских центров, лагерей беженцев и домов престарелых, где Серена работала на общественных началах. По всей Зимии Серена славилась как умелый специалист по выраши-

ванию прекрасных цветов. Под ее чуткими руками расцветали маленькие иммийские розы, поритринские гибискусы и даже нежные утренние фиалки с далекого Кайтэйна.

— Вы будете ухаживать за моим цветником, — сказал Эразм.

— Почему эту работу не могут выполнять машины? Я уверена, что они справятся с этим делом намного лучше, чем люди, или вы просто хотите отомстить, заставив своих «создателей» выполнять эту механическую работу?

— Вы чувствуете, что не готовы к выполнению такой работы?

— Я буду делать все, что вы мне прикажете, хотя бы ради самих растений. — Намеренно, не обращая внимания на робота, она прикоснулась к странным красным и оранжевым цветкам. — Эти цветы похожи на райских птиц, это скорее всего потомки дикого вида. Согласно легенде это были любимые цветы подземного царя. Эту легенду рассказывали на древней Земле. — Приняв вызывающий вид, она снова обернулась к роботу: — Вот видите, я уже кое-чему вас научила.

Эразм снова засмеялся, словно прокрутил ту же запись.

— Превосходно. А теперь скажите, что вы думаете на самом деле?

Серена вспомнила слова, когда-то сказанные ей отцом. *Страх вызывает агрессию. Никогда не показывай своего страха хищнику.* Она почувствовала, что у нее прибавилось мужества.

— Пока я рассказывала вам о прекрасных цветах, я думала о том, что презираю вас и все машины. Я была свободным и независимым существом до тех пор, пока вы все это у меня не отобрали. Машины отняли у меня дом, жизнь, человека, которого я люблю.

Мыслящий робот и не думал обижаться на сказанное.

— А, вы говорите о своем любовнике. Это он оплодотворил вас?

Серена гневно взглянула на Эразма, но вовремя опомнилась. Возможно, она сумеет найти способ использовать любопытство машины и обратить его против самого Эразма.

— Вы большему научитесь у меня, если я буду добровольно с вами сотрудничать, если я буду говорить с вами свободно. Я смогу в таком случае научить вас таким вещам, которые вы никогда не сможете познать сами.

— Превосходно. — Кажется, робот был действительно доволен такой возможностью.

Взгляд Серены стал суровым.

— Но в обмен я тоже кое-чего потребую от вас: вы должны гарантировать безопасность моему еще не родившемуся ребенку. Позвольте мне воспитывать ребенка здесь, в вашем доме.

Эразм подумал, что это стандартный материнский императив заботы о потомстве, который можно использовать как рычаг давления на эту женщину.

— Вы высокомерны, а равно и притязательны. Но я учту вашу просьбу в зависимости от того, насколько меня устроят наши обсуждения и дебаты.

Заметив большого жирного жука возле терракотовой вазы с цветком, робот преградил ему дорогу ногой. У насекомого был блестящий черный панцирь со сложным красным рисунком. Гладкая металлическая маска робота начала складываться в новое выражение — выражение любопытства. Эразм почти позволил жуку убежать, но потом снова загородил ему путь. Потоптавшись на месте, насекомое двинулось в другом направлении.

— У нас с вами много общего, Серена Батлер, — сказал робот. Воспользовавшись пультом дистанционного управления, он включил чарующую чусукскую музыку, надеясь, что прекрасная мелодия, льющаяся из контрабандного кубика, раскроет эмоции Серены. — У нас обоих независимый разум. Я уважаю его в вас, так как такой же разум составляет интегральную часть моей собственной личности.

Серену до глубины души возмутило такое сравнение, но она придержала язык.

Эразм посадил жука себе на руку, но интересовала его сейчас только Серена. Почему люди так любят прикрывать себя вуалью таинственности? Возможно, применив какие-то ухищрения, он сможет заглянуть в ядро ее сущности.

Музыка создавала приятный фон, и Эразм заговорил:

— Есть такие роботы, которые предпочитают иметь собственный разум, а не загружать в память куски программ всемирного разума. Моя карьера началась с того, что я был обыкновенной мыслящей машиной на Коррине, но предпочел не

загружаться памятью Омниуса, чтобы не стать синхронизированной его частью.

Серена заметила, что жук неподвижно лежит на гладкой металлической ладони робота. Интересно, он убил насекомое?

— Всю мою жизнь перевернул один случай, — продолжал Эразм с видимым удовольствием, словно рассказывая об интересной вылазке на природу. — Я обследовал незаселенные участки Коррина, выполняя частную разведывательную миссию. Поскольку я любознателен, то отказался от данных, которые мог предоставить мне Омниус. Таким образом, я отправился в путь на свой страх и риск. Я никогда не видел иной растительности, кроме как в тех местах, где поработали устроители природы Старой Империи, которые создавали земные экосистемы на других планетах. Коррин никогда не был обитаемым миром, исключение составляли только те места, где поселились прилетевшие туда люди. К сожалению, уход за полями и их возделывание уже не являлось задачей такого робота, каким я стал.

Он посмотрел на Серену, словно для того, чтобы удостовериться, доставляет ли ей удовольствие его история.

— К несчастью, отойдя далеко от системы слежения города и от машинной поддерживающей сети, я попал в жесточайшую солнечную бурю. В то время красный гигант — звезда Коррина — был неспокоен и нестабилен, там наблюдались частые вспышки активности, звездные ураганы, сопровождавшиеся массивным излучением высоких энергий. Такие излучения обычно опасны для биологических форм, но местные поселенцы были устойчивы к радиации.

Однако мои нежные нейроэлектрические схемы и контуры были очень чувствительны к излучению. Мне следовало выслать впереди себя разведчиков, сканирующих солнечную активность, но я не сделал этого, так как был поглощен своими исследованиями. Я понял, что могу сломаться под действием мощного потока частиц, потерял ориентацию и ушел далеко от комплекса, где находилось корринское воплощение Омниуса.

Эразм действительно выглядел растерянным.

— Я заблудился и провалился в узкую расщелину в скалах.

Серена бросила на робота удивленный взгляд.

— Несмотря на то что расщелина оказалась глубокой и я упал с большой высоты, мой корпус был лишь слегка поврежден. — Подняв руку, он взглянул на гибкую, покрытую волокном конечность, органическую полимерную кожу и жидкостно-металлическое покрытие. — Я попал в ловушку, вне зоны досягаемости связи, и был практически полностью обездвижен и блокирован. Я не мог двигаться целый год. На Коррине один год соответствует двадцати стандартным земным годам.

Тень расщелины защитила меня от солнечной радиации, поэтому вскоре восстановились мои ментальные процессоры. Я снова пришел в бодрствующее состояние, но не мог никуда уйти. Я мог мыслить, но не был в состоянии двигаться. И это продолжалось очень долгое время. Мне казалось, что жаркое лето никогда не кончится, я был забит в расщелину скалы, как клин, а потом я пережил там же холодную зиму, заваленный льдом и спрессованным снегом. Все эти двадцать лет я не делал ничего, кроме того, что созерцал и размышлял.

— И не с кем было поговорить, только с самим собой, — сказала Серена. — Бедный одинокий робот.

Не обратив внимания на это замечание, Эразм продолжал:

— Эта пытка изменила мои фундаментальные свойства совершенно непредвиденным образом. Действительно, Омниус до сих пор не может понять, что со мной произошло.

К тому времени, когда его нашли и спасли другие роботы, Эразм развил в себе индивидуальность. После восстановления и реинтеграции в машинное сообщество Омниус спросил его, не желает ли он усовершенствоваться стандартными характерологическими свойствами.

— Да, это называется усовершенствованием, — повторил Эразм с некоторым удивлением. — Но я отклонил это предложение. После того как достиг такого просветления, мне очень не хотелось терять импульсы и идеи, которые я приобрел в результате размышлений, а также новую память и мышление. Это была бы для меня слишком тяжелая потеря. Вскоре коринская инкарнация Омниуса стала получать большое удовольствие от словесного спарринга со мной.

Глядя на неподвижного жука, лежавшего на его ладони, Эразм сказал таким тоном, словно констатировал какой-то простой факт:

— Я — знаменитость среди воплощений всемирного разума. Они стремятся заполучить данные, полученные мною и содержащие мои действия и утверждения. Они ждут их, как продолжения многосерийного романа. Это издание носит название «Диалоги Эразма».

Она опасливо кивнула, указав на неподвижное насекомое.

— Вы включите в свой очередной диалог обсуждение случая с этим жуком? Как вы можете понять живое существо, если вы убиваете его?

— Он не мертв, — уверил Серену Эразм. — Я улавливаю слабое, но несомненное биение его жизни. Это создание хочет убедить меня в том, что оно мертво, чтобы я выбросил его. Несмотря на свои малые размеры, это животное проявляет завидную волю к жизни.

Опустившись на колени, он положил жука на плиту площадки, положил на удивление осторожно и нежно, а потом отступил назад. Через мгновение жук зашевелился и быстро исчез под вазой.

— Видите. Я хочу познать все живое, в том числе и вас.

Серена вспыхнула. Робот сумел удивить ее.

— Омниус думает, что я никогда не смогу достичь его интеллектуального уровня, — сказал Эразм. — Но он очень заинтересовался моей ментальной живостью, тем, что мой разум постоянно ищет новых направлений деятельности. Я способен стойко держаться за жизнь.

— Вы действительно хотите стать чем-то большим, чем машина?

Не приняв вызова, Эразм ответил:

— Самоусовершенствование — это типично человеческая черта, не так ли? Это единственное, чего я хочу добиться.

Одно направление ничуть не лучше другого.

Поговорка людей открытой пустыни

Когда Селим в десятый раз оседлал песчаного червя, он уже был настолько профессиональным наездником, что начал получать удовольствие от езды. Никакое другое приключение не могло сравниться по силе ощущений с чувством превосходства над песчаным левиафаном, обитателем пустынных глубин. Он любил носиться по дюнам, сидя на сегментах кожи червя, покрывая за день огромные расстояния и пересекая целые океаны песка.

Селим брал воду, потрепанную одежду и оборудование с покинутой ботанической станции. Молочно-белый клык зверя служил не только отличным орудием, но и предметом личной гордости владельца. Возвращаясь на пустую станцию, Селим иногда подолгу рассматривал белый клинок, размышляя над его возможным религиозным значением. Это был знак его последнего испытания здесь, в пустыне, символ того, что Буддаллах призрел над ним. Возможно, червь был частью этого предначертания.

Он пришел к выводу, что песчаные черви вовсе не были воплощением Сатаны, они были благословением самого Буддаллаха, возможно, даже земными воплощениями самого Бога.

После месяцев бесплодных размышлений и скучного сидения на заброшенной станции, проживания без цели и смысла, Селим понял, что должен выйти и снова проехать верхом на черве. Ему надо точно понять, чего ждет от него Буддаллах.

Он тщательно отметил местоположение станции. К сожалению, он не умел управлять червями, поэтому было вопросом удачи, что какой-нибудь червь случайно вывезет его к станции. Выйдя со станции, он нес все необходимое за спиной.

Он стал Селимом, Покорителем Червей, избранным и направляемым самим Буддаллахом. Он не нуждается в помощи других людей.

После гибели двух червей, которых он загнал до смерти своей ездой, Селим наконец понял, что совершенно не обязательно убивать червя, так как можно без опасности для жизни спрыгнуть с него и уйти. Хотя это было сопряжено с риском для жизни, все же можно было пробежать по спине зверя до его хвоста, спрыгнуть с него так, чтобы не задеть эту раскаленную часть его тела, и бежать к ближайшей скале. Истощенный и усталый червь не пустится в погоню, а нырнет в спасительную для него глубину песков.

Это решение удовлетворило Селима, ибо зачем ему было убивать такое совершенное средство передвижения по пустыне? Если песчаные черви — посланцы и вестники Буддаллаха, старожилы пустыни, то относиться к ним надо с должным почтением.

Во время своей четвертой поездки Селим открыл, как манипулировать чувствительными краями колец червя, используя для этого заточенный, похожий на лопатку инструмент и острое металлическое копье, чтобы заставить Шайтана двигаться в нужную Селиму сторону. Решение было простым, но, чтобы научиться всему практически, потребовалась большая работа. Все его мышцы болели, когда он бросил использованного и измочаленного червя и кинулся к спасительным грядам близлежащей горы. Конечно, он заблудился в исполинских просторах пустыни, но теперь вся пустыня принадлежала ему! Он оказался непобежденным и непобедимым! Буддаллах не даст ему погибнуть.

У Селима было еще много воды, захваченной им из дистиллирующих устройств испытательной станции, а пища состояла по большей части из меланжи, которая придавала ему сил и энергии. Научившись управлять червями, он мог каждый раз возвращаться на свою ботаническую станцию.

Другие дзенсунни назвали бы его безумцем, если бы он сказал им о своем желании обуздать ужасных песчаных червей. Но юный изгнанник теперь мало заботился о том, как к нему относятся другие. Он жил в совершенно ином мире. В

сердце своем он чувствовал, что именно для этого он и родился на свет...

Теперь же Селим, освещенный светом обеих лун, несся на черве через бескрайние пески. Много часов назад червь оставил свои попытки стряхнуть с себя человека и рванулся вперед, подчинившись уколам копья, причинявшего боль нежной плоти между кольцами жесткой кожи. Селим ориентировался по звездам, мысленно прочерчивая прямые как стрелы линии между созвездиями. Беспощадный пейзаж становился знакомым и узнаваемым, и юноша подумал, что приближается к ботанической станции, своему надежному убежищу. Он возвращался домой.

Один на спине червя, окруженный горькими ароматами серы и корицы, он позволил себе немного подумать и помечтать. У него было мало дел с тех пор, как его изгнали из племени. Может быть, так рождаются великие философы?

Возможно, настанет день, и он воспользуется своим убежищем как началом новой колонии поселений. Может, ему удастся собрать недовольных из других деревень дзенсунни, таких же изгоев, каким стал он сам, которые не хотят больше жить под железной пятой жестоких наибов. Умея обуздывать червей, Селим и его единомышленники обретут силу, какой до них не обладали никакие люди, объявленные вне закона.

Не этого ли хочет от него Буддаллах?

Молодой человек усмехнулся своим грезам, потом опечалился, вспомнив Эбрагима, который так легко его предал. Словно этого было ему мало, он потом присоединился к другим, которые выкрикивали оскорбления Селиму и бросали в него камни.

Когда песчаный червь взлетел на вершину очередной дюны, Селим увидел гряду скал со знакомыми очертаниями. Сердце его наполнилось радостью. Чудовище доставило его домой раньше, чем он мог надеяться. Он улыбнулся, но потом озабоченно подумал, что сейчас ему придется спрыгнуть с червя, который еще не успел как следует утомиться и был поэтому опасен. Еще одно испытание?

Используя копье и лопатку, Селим направил червя к скалам, думая, что сможет загнать червя на камни, откуда зверь

потом поспешит убраться в мягкий родной песок. Безглазый монстр учуял камни, уловил разницу в вязкости грунта и повернул в другую сторону. Селим сильнее надавил на лопатку и глубже вонзил копье в плоть чудовища. Когда оно подошло к ближайшим камням, Селим рывком спрыгнул с червя, захватив с собой вещи и снаряжение. Оказавшись на песке, юноша бросился прочь от червя со всей быстротой, на какую был способен.

До спасительных камней оставалась всего сотня метров, червь нелепо дергался, словно не мог поверить в свое счастливое освобождение от мучений. Наконец чудовище уловило ритмичный топот ног Селима, повернулось в его сторону и рванулось вперед.

Селим прибавил темп, надеясь добежать до ближайшего утеса. Вот он вскочил на гряду из застывшей лавы и побежал по ней. Из-под ног его летели мелкие камни.

Червь вынырнул из песка, возвышаясь над грядой, как исполинская башня, открыв свою огнедышащую пасть. Несколько мгновений он раздумывал, не броситься ли ему вслед за обидчиком по камням, но потом резко опустился на песок и нырнул под него.

Селим уже взобрался на второй ряд камней, нашел между их острыми краями узкую расщелину, которая была слишком мала, чтобы ее можно было назвать пещерой, но вполне вместительной, чтобы он мог забиться в нее. В этот момент червь, словно гигантский молот, обрушился всем своим весом на камни, но, к счастью, он не смог понять, где именно находится наглый, будто сквозь землю провалившийся мальчишка. Охваченный слепой яростью червь отпрянул назад, его страшная пасть изрыгнула густое облако меланжи. Он еще раз ударился головой о камни, а потом наконец отступил. Растерянный и побитый, он отполз в пустыню и нырнул в песок под гребнем дюны. Медленно, соблюдая собственное достоинство, он погрузился в глубину пустыни.

С бешено стучащим сердцем, с играющим в крови адреналином, Селим выполз из своего убежища. Он огляделся, удивляясь тому, что остался жив. Хохоча, он во все горло возблагодарил Буддаллаха за свое чудесное спасение. Старая

ботаническая станция находилась над его головой, на гребне гряды. Она ждала его, своего нового хозяина. Он проведет здесь несколько дней, восполнив запасы пищи и воды.

Начав взбираться на вершину скалы, едва двигая онемевшими, утомленными руками и ногами, Селим вдруг заметил, что в лунном свете что-то блеснуло. Предмет лежал в том месте, где червь в бессильной ярости бился головой о камни. Там лежал еще один кристаллический зуб, еще более длинный, чем первый. Зуб был выломан самим червем, попавшим в узкую трещину в камнях. Селим спустился туда и взял искривленное молочно-белое оружие. Награда Буддаллаха! Он взмахнул клыком и высоко поднял его, прежде чем продолжить путь к станции.

Теперь у него было два клыка.

Время зависит от положения наблюдателя и от направления, в котором он смотрит.

Когитор Квина. Архивы Города Интроспекции

Зуфа Ценва вернулась на Россак, не успев остыть от гнева. Ей предстояло снова сосредоточиться на военных приготовлениях. Спустившись вниз с посадочной площадки, расположенной на серебристо-пурпурных кронах джунглей, она сразу попала в комнату, которую делила с Аврелием Венпортом. Такое привилегированное жилье Зуфа получила благодаря своим искусным навыкам колдуньи и заслугам на политическом поприще. Она не могла сдержать раздражения, глядя каждый раз на коммерческие амбиции Венпорта, на его нацеленные исключительно на получение доходов интересы, на его гедонистические устремления. Глупые приоритеты. Вещи ничего не будут значить, если мыслящие машины выиграют войну против людей. Разве он не понимает, что ослеплен и не видит грозящей всему миру опасности?

Уставшая от долгого путешествия и все еще расстроенная ссорой, которая произошла у нее с дочерью, Зуфа вошла в комнату с белыми стенами, желая только одного — хорошенько отдохнуть, прежде чем снова приступить к планированию следующего раунда подготовки колдуний к боевым действиям против мыслящих машин.

Венпорт был один, но он не ждал ее так скоро. Он сидел за столом, сделанным из камня с зелеными прожилками, вырубленным из цельной скалы. Блестевшее от пота лицо, несмотря на это, оставалось красивым, сохранив патрицианские черты, за которые она и выбрала его в отцы своим детям.

Венпорт даже не заметил ее появления. Взгляд его блуждал, затуманенный последействием какого-то нового, добы-

того в джунглях экзотического лекарства, с которым Венпорт сейчас экспериментировал.

Перед ним на столе лежала проволочная ячеистая клетка с алыми осами с длинными жалами и опаловыми крыльями. Обнаженная рука по локоть была засунута в клетку, горловина которой была герметично стянута вокруг плеча. Разъяренные осы непрерывно жалили Аврелия, впрыскивая в его организм свой яд.

Пораженная больше гневом, чем ужасом, Зуфа уставилась на впавшего в ступор друга.

— И ты занимаешься этим, пока я стараюсь спасти род человеческий?

Засунув руки за украшенный драгоценными камнями пояс, стягивавший ее платье, она презрительно сжала губы в тонкую злую полоску.

— Одна колдунья погибла в битве, та самая, которую я учила и которую любила больше всех. Геома отдала свою жизнь за нашу свободу, а ты маешься здесь дурью, плещешься в своих наркотиках.

Он не шелохнулся в ответ. Он даже не соизволил повернуть голову в ее сторону.

Осы свирепо набрасывались и на проволоку, испуская тонкий музыкальный звук. Насекомые продолжали жалить распухшую руку Венпорта. Женщине стало интересно, что за психотропное вещество выделяют осы с ядом и как Венпорт ухитрился его открыть. Не силах найти слова, подходящие для выражения ее ярости, Зуфа смогла лишь произнести:

— Ты мне отвратителен.

Однажды, во время ночи любви, Аврелий признался подруге, что экспериментирует с лекарствами не столько ради коммерческого успеха, сколько ради того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Он добавил также, вдыхая аромат свечей, горевших в каменном алькове над их головами:

— Я надеюсь, что когда-нибудь найду в джунглях средство, стимулирующее телепатические способности у мужчин.

С помощью такого средства он рассчитывал усилить психические способности мужчин так, чтобы они сравнялись с колдуньями.

Тогда Зуфа посмеялась над его смешными фантазиями. Аврелий обиделся и никогда больше не касался этой темы.

Много лет назад первые колонисты, попав на опасный Россак, часто болели, употребляя с пищей образовавшиеся в джунглях химикаты. Побочным действием этих веществ было усиление ментального потенциала. Иначе каким бы еще способом могли женщины овладеть телепатическими способностями, какими они не обладали больше ни на одной планете в известной Вселенной? Однако мужчины, в силу своих гормональных или генетических особенностей, оказались устойчивыми к подобному действию неизвестного вещества.

Зуфа крикнула, чтобы он немедленно убрал руку из клетки с осами, но Венпорт ничего не ответил.

— Ты нюхаешь всякую химическую дрянь, моя дочь проводит смехотворные опыты с подвесными полями и лампами. Неужели мои колдуньи — единственные люди на Россаке, которые ощущают всю ответственность своей миссии?

Хотя она смотрела на него, Венпорт, казалось, не замечал Зуфу.

Наконец отвращение переполнило чашу ее терпения.

— Да, ты действительно патриот. История, несомненно, сохранит в своих анналах твои деяния.

Она вышла в поисках такого места, где она сможет спокойно обдумывать способы продолжения борьбы с мыслящими машинами, пока другие забавляются всякой чепухой, забыв, что они — люди.

После того как подруга вышла из комнаты, в остекленевших глазах Венпорта вспыхнул осмысленный огонь. Потом он начал постепенно сосредоточиваться, концентрируя внимание на открытой двери их с Зуфой спальни. В комнате стало тихо, так тихо, словно Аврелий всасывал энергию из воздуха. Он сжал челюсти и продолжал концентрироваться — все сильнее и сильнее...

Дверь медленно закрылась.

Он удовлетворился результатом, но был совершенно истощен морально и физически. Венпорт извлек руку из искусственного осиного гнезда и, лишившись сознания, повалился на пол.

Допущения — это прозрачная координатная сетка, сквозь которую мы наблюдаем вселенную, иногда по ошибке принимая за вселенную именно эту сетку.

Земной когитор Экло

В награду за окончание работ по сооружению и установке гигантской статуи Аякса в рекордные сроки и в трудных условиях Иблис Гинджо получил четыре дня дополнительного отпуска. Даже надзиравшие над общим ходом работ неокимеки были рады и очень довольны начальником строительной команды рабов, избавившим их от гнева Аякса. Перед отъездом Иблис побеспокоился о том, чтобы его рабы получили те блага, которые он им пообещал; это было неплохое вложение на будущее, и Иблис знал, что в следующий раз они будут работать для него еще прилежнее.

Получив отпускные документы от своих хозяев, Иблис укатил из города в гористую пустыню, изборожденную трещинами — напоминанием о некогда происшедшей здесь грандиозной битве. Доверенные люди имели в виде преимуществ особые привилегии и свободы, например, шанс получить награду за хорошо выполненную работу. Мыслящие машины сомневались, что Иблис сбежит: идти ему было некуда, а улететь на другую планету он не мог, так как только на Земле у него была пища и крыша над головой.

В действительности же у Иблиса на уме был вовсе не отдых, а паломничество.

Иблис оседлал коренастое животное, мула, специально выведенного в генных лабораториях для тяжелой работы еще в те, давно минувшие, дни, когда Землей правили люди. Уродливое животное имело огромную голову, развесистые уши и могучие столбообразные ноги, очень выносливые, но не предназначенные для быстрого бега. От мула пахло, как от куска свалявшегося меха, вымоченного в сточных водах.

Мул терпеливо взбирался по узкой извилистой дорожке. Иблис не был здесь много лет, но отлично помнил дорогу. Такие места не забываются. В прошлом его визиты в монастырь к когитору Экло были проявлением чистого любопытства. На этот раз ему были нужны совет и поддержка.

После получения анонимного призыва к бунту Иблис задумался о других недовольных людях, готовых сопротивляться неограниченной власти Омниуса. Всю свою жизнь Иблис провел среди рабов, влачивших жалкое существование под тяжким игом мыслящих машин. Он никогда не пытался взглянуть на себя со стороны, никогда не мог себе представить, что где-то может быть иная жизнь. После тысячелетнего рабства никакие перемены к лучшему не казались возможными.

Теперь, после тяжких раздумий, Иблис хотел верить, что среди покоренного населения Земли существуют ячейки недовольных, а может быть, такие ячейки существуют и на других планетах Синхронизированного Мира. Это могли быть разрозненные группы, мечтавшие о реванше, о завоевании утраченной когда-то свободы.

Если мы способны воздвигать такие исполинские монументы, то неужели мы не сможем их низвергнуть?

Эта мысль воспламенила долго дремавшее чувство возмущения, направленного против Омниуса, роботов, а в особенности кимеков, которые, казалось, затаили злобу на весь род человеческий. Но прежде чем убедиться в том, что полученное им послание не просто плод чьей-то больной фантазии, надо было провести частное расследование. Иблис прожил так долго и пользовался таким комфортом только потому, что проявлял осторожность, осмотрительность и покорность. Расследование надо было провести так, чтобы ни одна машина не догадалась о его истинных намерениях.

Чтобы получить ответы на мучившие его вопросы, не было более подходящего человека, нежели когитор Экло.

Много лет назад Иблис служил в вооруженной команде по поимке рабов. Команда гонялась за немногими, впавшими в заблуждение людьми, которые бежали из городов в горы, не имея в своем распоряжении ни карт, ни средств к существованию, ни еды. Среди рабов распространялись нелепые, ни на чем не основанные слухи о том, что они могут найти убежи-

ще в политически нейтральных монастырях когиторов. Глупость, если учесть, что склонные к медитации и отделенные от физических тел мозги были способны лишь изолировать себя и заниматься анализом эзотерических мыслей. Когиторам не было никакого дела до эпохи титанов, восстаний хретгиров или созданного всемирным разумом Синхронизированного Мира. Когиторы не желали, чтобы им мешали мыслить, и только поэтому мыслящие машины относились к ним со снисходительной терпимостью.

Когда Иблис и его команда однажды окружили уединенный монастырь в скалистых горах, Экло выслал своих людей для того, чтобы те вывели рабов из их укрытия. Беглецы неистово проклинали когитора, но Экло оставался безучастен и глух к их воплям. Иблис и его вооруженные подчиненные увели рабов в город для «энергичного перевоспитания», а их предводителя сбросили с высокой скалы в пропасть.

И вот теперь упрямый мул карабкался по осыпающейся под его копытами каменистой горной тропе. Постепенно Иблис стал различать очертания отчасти скрытых туманной дымкой высоких башен монастыря — внушительного массивного здания из серого камня. Окна горели то красным, то синим светом, отражая настроение великого размышляющего разума.

В школе доверенных людей Иблис узнал, кто такие когиторы, последователи примитивной религии, которую до сих пор исповедовали отдельные группы рабов. Омниус оставил попытки раздавить этих людей, хотя всемирный разум не понимал и не признавал никаких суеверий и ритуалов. Задолго до завоевания Земли мыслящими машинами Экло отделил свой головной мозг от тела и посвятил освобожденный разум анализу и интроспекции. Планируя широкомасштабное порабощение человечества, титан Юнона приблизила к себе Экло в качестве своего персонального советника, требуя от него ответов на разные вопросы. Не проявляя никакого интереса к тому, как будут использованы ответы, и не принимая ни одну из сторон, Экло дал ответы, которые помогли титанам захватить власть над миром. Тысячу прошедших с тех пор лет Экло безвыездно провел на Земле. Его всепоглощающей страстью

стал синтез полного понимания законов, управляющих Вселенной.

Добравшись по тропинке до основания каменной башни, Иблис внезапно увидел, что его окружила дюжина каких-то фигур в накидках, вооруженных древними пиками и утыканными шипами дубинами. Накидки были темно-коричневыми, кроме того, на людях были надеты белые священнические стихари. Один из помощников когитора схватил мула Иблиса за уздцы.

— Уезжай отсюда, мы не предоставляем убежища.

— Я не ищу его. — Иблис посмотрел на людей. — Я пришел, чтобы задать когитору Экло один вопрос.

С этими словами он спешился, стараясь околдовать монахов своим чарующим обращением и искренностью. Он уверенно направился к высокой башне, оставив монахов стеречь своего мула.

— Когитор Экло погружен в свои мысли, и его не надо тревожить, — крикнул вслед Иблису один из монахов.

Иблис непринужденно рассмеялся.

— Когитор думает уже тысячу лет. Он может поэтому выкроить несколько минут, чтобы выслушать меня. Я уважаемый доверенный человек. И если я дам ему информацию, которая ему пока не известна, ему будет над чем задуматься в ближайшую сотню лет.

Что-то ворча себе под нос, несколько монахов последовали за Иблисом вверх по широким ступенькам. Однако как только он дошел до сводчатой арки входа, дорогу ему преградил еще один широкоплечий монах. Мышцы его толстых рук и груди превратились в жир, а глаза тускло смотрели сквозь щелочки заплывших салом глазниц.

Иблис заговорил с ним ласковым убеждающим тоном:

— Я уважаю знания, усвоенные когитором. Я не стану попусту занимать его время.

Скептически нахмурившись, монах поправил белый стихарь и произнес:

— Ты ведешь себя довольно дерзко, и когитору будет любопытно выслушать твои вопросы.

Проверив, нет ли у посетителя оружия, монах продолжил:

— Меня зовут Аким. Иди за мной.

Великан повел Иблиса по узкому каменному коридору и вывел на крутую винтовую лестницу. Пока они шли, Иблис сказал:

— Я был здесь раньше, мы преследовали бежавших рабов...

— Экло помнит об этом, — перебил гостя Аким.

Они пришли на самый верх, в маленькую круглую комнату, находившуюся в венце башни. Плексигласовый контейнер с головным мозгом когитора стоял на алтарной подставке у окна. За окном завывал ветер, крутя туманные завихрения. Окно подсвечивалось мерцающим небесно-голубым светом. Оставив другого монаха за дверью, Аким подошел к прозрачной емкости с мозгом и какое-то время молча постоял, почтительно на нее глядя. Сунув руку в один из своих потайных карманов, Аким дрожащими пальцами извлек оттуда свернутую полоску бумаги, пропитанную черным порошком. Монах положил полоску в рот и подождал, когда она растворится. Глаза его закатились, словно Аким впал в экстаз.

— Семута, — сказал он Иблису, — это вещество, которое получается при сжигании элаккского дерева, которое доставляют сюда контрабандой. Это вещество помогает мне исполнять мой долг. — Сохраняя на лице выражение полнейшей безмятежности, он положил обе руки на гладкую крышку емкости и произнес ритуальную фразу: — Я ничего не понимаю.

Оголенный мозг в голубоватой электрожидкости начал пульсировать, ожидая продолжения контакта.

С благостной улыбкой монах сделал глубокий вдох и просунул пальцы сквозь отверстие в крышке емкости, погрузив их в питательную жидкость. Вязкая среда, в которую был погружен мозг, впиталась в поры и начала действовать на нервные окончания. Выражение лица Акима изменилось, и он заговорил.

— Экло хочет знать, почему ты не задал свой вопрос в прошлый раз, когда был здесь.

Иблис не знал, к кому ему обращаться — к медиуму или непосредственно к когитору, поэтому он решил смотреть в пространство между ними.

— В то время я не понимал, что в этой жизни является важным и значительным. Теперь у меня появился вопрос, ответ

на который мне очень хотелось бы узнать от тебя. Никто другой не сможет дать объективного и непредвзятого ответа.

— Не бывает суждений или мнений, которые были бы полностью объективными. — Великан монах говорил ровным бесстрастным тоном. — В мире не существует ничего абсолютного.

— Ты менее всех связан какими-либо условностями, поэтому я и обращаюсь к тебе.

Алтарная подставка сдвинулась с места и покатилась по невидимым рельсам к другому окну. Монах, не вынимая руку из жидкости, последовал за когитором.

— Задавай свой вопрос.

— Я всю жизнь работал, сохраняя верность кимекам и мыслящим машинам, — начал Иблис, тщательно подбирая слова. — Но недавно я получил письмо, в котором сказано, что на Земле, возможно, существуют группы сопротивления. Я хочу знать, можно ли верить такому сообщению. Существуют ли на Земле люди, которые хотят сбросить иго нынешних правителей и обрести свободу?

Наступил момент, когда монах уставился в пространство невидящим взглядом и застыл в молчании. Был ли это эффект семуты или монах испытывал мощное воздействие со стороны философствующего мозга, Гинджо не понял. Иблис надеялся, что мозг не станет размышлять слишком долго. Наконец Аким произнес звучным глубоким голосом:

— Нет ничего невозможного.

Иблис попытался задать вопрос несколькими различными способами, искусно перестраивая фразы и выбирая другие слова. Он не хотел открывать, зачем ему надо знать о существовании подпольных ячеек — для того ли, чтобы уничтожить их, или для того, чтобы присоединиться к ним. Однако каждый раз Иблис получал один и тот же загадочный ответ.

Собрав все свое мужество, он все же решился:

— Если такая широко разветвленная тайная организация существует, то есть ли у нее шансы на успех? Можно ли на деле положить конец владычеству мыслящих машин?

На этот раз когитор думал намного дольше, словно сравнивая значение разных факторов, влияющих на исход. Когда из уст одетого в темную накидку монаха прозвучал тот же

ответ, произнесенный более зловещим тоном, создалось такое впечатление, что в ответе содержится более глубокое значение.

— Нет ничего невозможного.

После этих слов монах Аким извлек руку из емкости с мозгом Экло, говоря этим, что аудиенция окончена. Иблис низко поклонился и рассыпался в благодарностях. Выходя из монастыря, он почувствовал, что мысли его пришли в полное смятение.

Спускаясь верхом на муле по крутой горной тропинке, испуганный, но воодушевленный надсмотрщик за рабами решил, что пойдет другим путем, если не сумеет найти членов группы сопротивления.

Он поищет подходящих людей в преданных ему командах рабов и сам создаст ячейку сопротивления.

Конфликт, продолжающийся слишком долго, имеет тенденцию затягиваться навечно и очень легко выходит из-под контроля.

Тлалок. «Время титанов»

— Спустя тысячу лет нас осталось всего пятеро.

Оставшиеся в живых титаны редко собирались вместе, особенно на Земле, где за ними постоянно и очень пристально следил Омниус. Но генерал Агамемнон пришел в такую ярость из-за поражения на Гьеди Первой и гибели своего друга и верного союзника, что перестал думать о всемирном разуме.

Сейчас у него были иные приоритеты.

— Хретгиры изобрели новое оружие, которое с успехом применили против нас со столь сокрушительными последствиями, — сказал Агамемнон.

Титаны собрались в камере текущего ремонта и профилактики, расставив емкости со своими мозгами на подставки. Суровым тоном Агамемнон приказал Аяксу, Юноне, Ксерксу и Данте отсоединиться от своих подвижных тел. Страсти могли разыграться, а индивидуальные импульсивные действия трудно контролировать, обладая мощным боевым корпусом, когда проводники нервных разрядов могли превратить любой порыв в немедленное разрушительное действие. Агамемнон доверял своему умению сдерживать гнев, но остальные титаны — особенно Аякс — сначала рушили, а уже потом начинали думать.

— Произведя тщательное расследование и анализ происшедшего, мы поняли, что убийца Барбароссы явилась с Россака и что люди дикого типа называют ее колдуньей, — заговорил Данте. — На Россаке обитает множество колдуний. Так называют женщин, обладающих чрезвычайно сильными телепатическими способностями.

— Это более чем очевидно, — промолвила Юнона, и в ее синхронизированном голосе прозвучали явные саркастические нотки.

Не обратив внимания на колкость, Данте продолжил своим рассудительным, как обычно, тоном.

— До сих пор колдуньи не использовались в наступательных операциях такого масштаба, но после успеха на Гьеди Первой не исключена возможность, что хретгиры захотят повторить и закрепить успех.

— Их атака показала, насколько мы уязвимы, — сказал Агамемнон. — Роботы взаимозаменяемы в отличие от наших органических мозгов.

Аякс пришел в такую страшную ярость, что система жизнеобеспечения едва справлялась с подачей нужного количества энергии в электропроводящую питательную жидкость. От злости титан вовсе лишился дара речи.

— Но разве колдунья не погибла сама, убив Барбароссу и дюжину неокимеков? — спросил Ксеркс. — Это было самоубийство. Вы думаете, что они захотят его повторить?

— То, что ты трус, Ксеркс, не значит, что люди дикого типа не станут жертвовать жизнью, — возразил Агамемнон. — Одна эта колдунья обошлась нам в семь неокимеков, не говоря уже о гибели Барбароссы. Это невосполнимая потеря.

Прожив тысячу лет, в течение которых пали миллиарды и миллиарды человек (многие от рук самого Агамемнона или при его попустительстве), генерал-кимек искренне поверил в то, что его самого смерть не настигнет никогда. Из всех первых титанов ближайшими его друзьями были Барбаросса, Юнона и Тлалок. Именно они вчетвером посеяли семена восстания. Остальные титаны появились позже, присоединяясь к их хунте по мере необходимости.

Несмотря на древность тех первых воспоминаний, генерал титанов до сих пор очень живо представлял себе Барбароссу в его прежнем человеческом облике. Вильгельм Йейтер был человек с тощими руками и ногами, сутулый, широкоплечий, с впалой грудью. Хотя некоторые утверждали, что на него противно смотреть, таких проницательных глаз, как у него, Агамемнону не приходилось видеть ни у кого. Кроме того, Барбаросса был непревзойденным гением программирования.

С волчьей одержимостью Йейтер принял вызов — свержение Старой Империи, он потерял покой, не спал неделями, но сумел решить неимоверно сложную задачу. Йейтер целиком посвятил себя этой задаче и до тех пор, пока не понял, как создать сложную программу, которая послужила бы целям мятежа. Внедрив человеческие амбиции и честолюбивые замыслы в машинный разум и в компьютерные сети, он заставил машины захотеть участвовать в перевороте.

Правда, позже Омниус сумел развить дальше эту машинную амбициозность.

Обладая редким даром предвидения, Йейтер включил в программу страховку — введя запрет на причинение вреда кому-либо из титанов. Агамемнон и его друзья оставались до сих пор живы только благодаря Вильгельму Йейтеру — Барбароссе.

И вот теперь колдуньи убили его. Эта мысль пульсировала в мозгу, не давая улечься праведному гневу.

— Мы не можем оставить это преступление безнаказанным, — заговорил Аякс. — Нам надо отправиться на Россак, убить там всех женщин, а планету превратить в обугленный шар.

— Дорогой Аякс, — нежным голосом заговорила Юнона, — надо ли мне напоминать тебе, что одна такая колдунья убила Барбароссу и семерых неокимеков в придачу?

— Вот как? — Голос Аякса загремел от едва сдерживаемой гордости. — Я сам, своими руками истребил весь род людской, всю эту человеческую плесень на Валгисе. Вместе мы сумеем справиться с несколькими колдуньями.

Агамемнон резко перебил Аякса:

— Повстанцы Валгиса были сломлены до того, как ты начал их убивать, Аякс. Колдуньи — это совсем другое дело.

Тягучим, скучным голосом заговорил Данте:

— Омниус никогда не санкционирует полномасштабное нападение. Слишком велики будут расходы. Я уже провел предварительный анализ и сделал кое-какие расчеты.

— Тем не менее, — сказал Агамемнон, — было бы величайшей тактической ошибкой позволить этому поражению остаться без последствий.

После нескольких секунд томительного молчания слово взял Ксеркс.

— Так как нас, титанов, осталось всего пятеро, мы ни за что не должны действовать вместе. Подумайте, насколько велик будет риск.

— Но если мы все вместе полетим на Россак и уничтожим колдуний, то опасность будет устранена, — возразил Аякс.

Юнона презрительно фыркнула, потом заговорила:

— Я вижу, Аякс, на подставке твои мозги, но не вижу, чтобы ты ими пользовался. Может быть, тебе стоит сменить в емкости электрожидкость? Колдуньи доказали, что могут истреблять нас, а ты собираешься бросить против них кимеков, подвергнув их величайшей опасности? Это все равно что овцам самим броситься под нож мясника.

— Мы можем воспользоваться помощью флота роботов, который совершит атаку с орбиты, — вставил Данте. — Нам не придется рисковать лично.

— Нет, это наше личное дело, — зарычал Аякс. — Убит один из титанов. Мы не станем направлять в отместку машинный флот с другого конца Вселенной. Так воюют только трусы, пусть даже мыслящие машины называют такой способ ведения войны эффективным.

— Здесь есть место для разумного компромисса, — задумчиво произнес Агамемнон. — Юнона, Ксеркс и я можем набрать добровольцев кимеков и отправиться на Россак вместе с машинами. Этого будет достаточно для нанесения удара возмездия.

— Но я не могу лететь с вами, Агамемнон, — заявил Ксеркс. — Мы с Данте по горло заняты здесь. Уже почти готов величайший монумент на Форум-Плаза. Мы только что приступили к сооружению памятника Барбароссе.

— Вы начали как раз вовремя, — язвительно заметила Юнона. — Думаю, Барбароссе очень понравилась бы ваша идея.

— Ксеркс прав, — вступился за незадачливого титана Данте. — Сейчас в самом разгаре работы по сооружению фриза в честь вице-короля титанов. Фриз заложен на склоне холма близ столичного центра. У нас есть, конечно, надсмотрщики и руководители рабочих команд, но за ними тоже нужно по-

стоянное наблюдение. Если этого не сделать, расходы могут сильно возрасти, и мы не уложимся ни в сроки, ни в смету...

— Учитывая недавнюю аварию со своей собственной статуей, Аякс, несомненно, ближе всех знаком с проблемой, — подытожила спор Юнона. — Почему бы ему не остаться на Земле вместо Ксеркса?

Аякс взревел от ярости:

— Я не останусь здесь, когда другие отправятся добывать себе славу!

Но Агамемнон был непреклонен:

— Ксеркс, ты полетишь с нами. Аякс останется здесь, чтобы наблюдать за ходом работ вместе с Данте. Вы сделаете это в память о нашем друге Барбароссе.

Ксеркс и Аякс возражали оба, но Агамемнон был их вождем. Он в течение столетий распоряжался жизнью и смертью всех остальных титанов.

— Ты сможешь убедить Омниуса дать разрешение на такую экспедицию, любимый? — спросила Юнона, пользуясь своим положением.

— Хретгиры на Гьеди Первой не только убили нашего друга, они уничтожили и новое воплощение Омниуса, его последнюю инкарнацию, лишив всемирный разум возможности получить от него новые усовершенствованные данные. Много лет назад, когда Барбаросса изменил исходную программу компьютерной сети, он вложил в машинный разум частицу своего «я», и этого оказалось достаточно для того, чтобы у машин появился вкус к завоеваниям. Думаю, что Омниус также пожелает отомстить хретгирам за поражение.

Титаны выслушали слова своего генерала молча. Потом Агамемнон добавил:

— Мы отправимся на Россак и предадим его огню.

Во время ведения войны в действие вступает множество непредвиденных факторов, которые не зависят от качества командования. В горячке боя появляются герои, причем иногда ими становятся те, от кого не ждали никакого геройства.

Вориан Атрейдес. «Поворотные моменты истории»

Он был солдатом, а не политиком. Ксавьер Харконнен изучал тактику и военную стратегию, готовясь посвятить жизнь службе в салусанской милиции и Армаде Лиги. Но сейчас у него не было иного выбора. Он должен был выступить в зале парламента перед собранием представителей Лиги.

После горькой победы на Гьеди Первой ему было что сказать собранию аристократов.

Старое здание парламента было укреплено и отремонтировано, но леса и временные стены все еще находились там, где сохранились отметины попаданий. На плазе, колоннах и каменных стенах сохранились трещины и заплаты — боевые шрамы, свидетельства доблести и героизма.

Незадолго до запланированного выступления молодого офицера вице-король Батлер и его стоически переносившая несчастье супруга стояли в зале парламента на траурной церемонии, посвященной памяти Серены и ее павших при освобождении Гьеди Первой товарищей.

— Она умерла, не отступив от тех правил, соблюдения которых неукоснительно требовала от себя и от всех нас, — сказал на церемонии вице-король. — В нашей жизни навсегда погас свет, источником которого была наша дочь.

За год, прошедший после атаки кимеков на Салусу, народ похоронил множество жертв и оплакал многих героев. Но именно Серена, самая молодая и самая пылкая женщина — член парламента, всегда настаивала на том, чтобы Лига служила людям, помогая им в их нуждах и горестях.

Рядом с вице-королем стояла одетая в скромную форму Города Интроспекции Ливия Батлер. Она уже пережила смерть сына Фредо от редкой болезни крови, а теперь погибла и ее старшая дочь. В живых осталась только одна дочь — воздушное создание — Окта Батлер.

Представители Лиги сочувственно молчали, разделяя скорбь семейства вице-короля. Своей пылкостью и идеализмом Серена Батлер, несмотря на молодость, успела снискать всеобщую любовь и оставила по себе яркое впечатление. После официальной церемонии многие депутаты парламента поднялись на трибуну и воздали должное благородству Серены.

Ксавьер внимательно слушал выступавших, а те смотрели на него с нескрываемым сочувствием. Сам же Харконнен думал о жизни, по которой он и Серена намеревались пройти рука об руку.

Ради ее памяти он не смел и не стал лить слез при посторонних. Если человечество начнет плакать по всем павшим в битвах, то оно окажется в состоянии постоянного паралича, будучи не в силах выйти из своего горя. Губы Ксавьера дрожали, перед глазами появлялась предательская пелена, но он твердо держался. Это был его долг. Хотя он и горевал, но все его помыслы кипели яростью по отношению к врагу, к тем людям-изменникам, которые сражались бок о бок с роботами.

Память о Серене должна стать неиссякаемым источником его несгибаемой силы, мужества и воодушевления. Даже в смерти своей она подвигла его на свершение, которого он бы никогда не сделал, если бы не она. Он до сих пор хранил ожерелье из черных бриллиантов, через которое было передано ему последнее сообщение Серены, ее храбрый призыв помочь Гьеди Первой. Любящая Серена всегда будет смотреть на него, как сейчас, когда он потребует ресурсов и мобилизации военных усилий разбуженного народа.

Потрясенный и мрачный, Ксавьер ступил под купол проектора, взошел на трибуну, сопровождаемый печальным вице-королем Батлером. На обоих были серебристо-голубые одежды с капюшонами, на волосах в знак траура по погибшей — черные повязки.

Настало время непосредственно заняться спасением свободного человечества от наступления мыслящих машин.

После своих недавних побед Ксавьер Харконнен не нуждался в особых представлениях.

— Мы — человеческие существа и всегда сражались за наши права и человеческое достоинство. Мы образовали Лигу Благородных, чтобы свободное человечество могло противостоять сначала титанам, а потом и мыслящим машинам. Только объединившись, мы смогли остановить завоевательный поход врагов.

Он окинул внимательным взглядом сидящих в зале представителей планет Лиги.

— Но временами у Лиги нет худшего врага, чем она сама.

Присутствовавшие на заседании аристократы слишком сильно уважали героя за его подвиги и не стали роптать. Ксавьер продолжал говорить:

— Пока мы твердо стоим на страже интересов Лиги и выполняем наши союзнические обязательства, планеты Лиги остаются самодостаточными и эгоистично изолированными. Когда осажденная планета просит помощи, парламент проводит месяцы в мучительных дебатах относительно целесообразности оказания такой помощи, и когда мы решаем ее оказать, выясняется, что уже поздно. Мы видели это на примере Гьеди Первой. Только отчаянный поступок Серены заставил нас действовать достаточно быстро и переломить неблагоприятную ситуацию. Она хорошо знала, что делала и на что шла, и заплатила за свой подвиг жизнью.

Когда некоторые депутаты Лиги начали роптать, Ксавьер покраснел от гнева, голос его загремел с трибуны.

— Лига Благородных должна образовать сильную коалицию под твердым и решительным руководством. Для того чтобы эффективно действовать против организованной силы компьютерного всемирного разума, нам нужно жестко спаянное человеческое правительство, а не рыхлая конфедеративная структура.

Произнося эти слова, Ксавьер энергично жестикулировал, подчеркивая важность того, что говорил.

— Серена Батлер призывала нас приложить все усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону несоюзные планеты,

усилив тем самым нашу обороноспособность, и окружить наш альянс буферными территориями.

К Ксавьеру подошел вице-король и произнес надтреснутым от волнения голосом:

— Это всегда было мечтой моей дочери, так пусть теперь она станет нашим общим делом.

Несколько аристократов мягко выразили свое несогласие.

Высокая мужеподобная женщина с Кираны III сказала:

— Соединение столь многих миров под жесткой властью одного правительства — не напоминает ли это эпоху титанов?

Маленький аристократ с Хагала поддержал худую даму:

— Хватит с нас империй!

В ответ Ксавьер снова возвысил голос.

— Не кажется ли вам, что империя лучше, чем гибель? Пока вы тут беспокоитесь о политических нюансах, Омниус завоевывает звездные миры один за другим.

Но в этот момент слово взял еще один представитель парламента.

— В течение веков Лига Благородных и Синхронизированный Мир держались вдали друг от друга. Соблюдалось некое не вполне устойчивое равновесие. Омниус никогда не нарушал границу Старой Империи. Мы всегда полагали, что мыслящие машины считают такой выход неэффективным. Почему теперь это положение должно измениться?

— Каковы бы ни были причины, но оно уже изменилось! Мыслящие машины начали осуществлять целенаправленный геноцид. — Ксавьер сжал кулаки, он не ожидал, что ему придется спорить по поводу очевидных истин. — Мы не должны трусливо прятаться за бумажными стенами своей квазиобороны и просто реагировать, когда Омниусу заблагорассудится поглотить очередную планету или испытать ее на прочность. Разве можно снова повторить то, что было год назад на Салусе, а потом повторилось на Гьеди Первой?

Не в силах больше сдерживаться, Ксавьер приподнял трибуну и швырнул ее в стену купола. Прозрачный кожух проектора разлетелся на куски. Депутаты, сидевшие в первых рядах, бросились искать спасения от града осколков. Часть депутатов возмущенно зашумела, другие принялись звать охрану, чтобы та призвала к порядку распоясавшегося солдафона.

Выступив вперед, Ксавьер загремел на весь зал, не прибегая к помощи звукоусилителя.

— Отлично! Это как раз тот ответ, на который я и рассчитывал! Лига слишком долго раболепствует и уже привыкла к такому поведению. Я говорил с другими командирами Армады, и мы согласны в главном. Нам надо изменить тактику и преподнести неожиданный сюрприз мыслящим машинам. Нам надо не пожалеть денег, призвать на помощь воображение и способности лучших наших ученых и разработать новое оружие — оружие, пригодное для уничтожения Омниуса, а не для того, чтобы в безопасности отсиживаться на родных планетах. Я верю, что настанет день, когда мы перейдем в решительное наступление! Это единственный способ победить в затянувшейся войне.

Постепенно до высокого собрания дошло, что Ксавьер сознательно спровоцировал скандал, чтобы заставить депутатов пробудиться от многолетней спячки. Начищенным сапогом он пнул с помоста осколок стекла.

— Опыт — наш лучший учитель. Машины могут в любой момент атаковать Салусу или Поритрин, Россак, Хагал, Гиназ, Кирану III, Сенеку, Вертри, Реликон — мне продолжать этот список? Ни одна из наших планет не находится в безопасности. — Он многозначительно поднял вверх указательный палец, словно грозя им депутатам парламента Лиги. — Но если мы сменим правила игры, то сможем отогнать агрессора смелым, непредвиденным ударом. — Он помолчал. — Есть ли у нас мужество для таких действий? Сможем ли мы разработать подходящее оружие? Время покорности прошло навсегда.

В последовавшей дискуссии первой выступила Зуфа Ценва, которая предложила продолжать телепатические рейды против кимеков. Для этого уже подготовлено много добровольцев среди колдуний. Лорд Нико Бладд похвастался продолжением работ Тио Хольцмана, который разрабатывает «сплавной резонатор». Другие депутаты парламента Лиги делали свои предложения, намечали цели и способы укрепления позиций.

Почувствовав облегчение и воодушевление, Ксавьер удовлетворенно смотрел в зал. Он пристыдил их и заставил ока-

зать ему поддержку с таким энтузиазмом, какого они сами от себя не ожидали. Голоса противников активных наступательных действий потонули в общем восторженном хоре.

Непрошеные слезы потекли из глаз Ксавьера, он ощутил на губах их соленый вкус. Опустошенный проявленным чувством, он все же заметил, что вице-король Батлер смотрит на него с гордостью, как на родного сына.

Я принял эстафету от Серены, подумал Ксавьер, *и сделал сейчас то, что сделала бы она сама.*

Словно для того, чтобы уравновесить всю боль и страдания, которые принесла нам война, она же послужила полем, на котором взошли наши лучшие свершения и осуществились самые заветные мечты.

Хольцман. Благодарственная речь по случаю вручения «Поритринской медали за доблесть»

Охваченный слепой верой в свою правоту, Тио Хольцман с головой окунулся в разработку новой идеи, заставив Норму Ценва чувствовать себя былинкой на ветру. Занимаясь своим сплавным резонансным генератором, он хотел утвердить себя в ее глазах.

Хотя она по-прежнему сомневалась, что идея окажется жизнеспособной, она не могла привести в обоснование своей убежденности никаких разумных доводов, никаких четко выведенных математических доказательств. Внутренний голос шептал ей, что она права, но это было инстинктивное ощущение, которое девушке приходилось держать при себе. После того как Хольцман столь бурно отреагировал на ее осторожные возражения, он больше не спрашивал ее мнения по поводу новой идеи.

Норма от души надеялась, что ошибается. В конце концов, она всего лишь человек, и ее мозг далек от совершенства.

Пока савант работал в куполе своей главной лаборатории — огромном, размером с театр, здании на верху скалы, Норма занималась второстепенными задачами. Даже самое ненавязчивое участие Нормы в его проекте Хольцман воспринимал с неизменным раздражением, словно он придавал сомнениям помощницы большее значение, чем отваживался выразить словами.

Норма стояла на пролете моста, соединявшего секции утеса, и, привстав на цыпочки, старалась достать рукой до перил.

Прислушиваясь к ветру, завывавшему в проводах, она внимательно разглядывала сеть канатов, разделявших фарватер реки на сектора безопасности.

Отсюда было слышно, как Хольцман, громко крича, распоряжался работами внутри куполообразного зала демонстрационной лаборатории, где рабы устанавливали громоздкий массивный генератор, поле которого было призвано расшатывать и расплавлять структуру металлических изделий. Хольцман выглядел просто-таки величественно в своей пурпурно-белой накидке. На шее красовались наградные цепи, ордена на которой говорили о его научных и технических достижениях. Хольцман яростно посмотрел на рабочих, потом обошел конструкцию, чтобы лично удостовериться в правильности ее установки.

На дневной демонстрации работы генератора должен будет присутствовать лорд Бладд и еще десяток вельмож его свиты, поэтому Норма хорошо понимала, из-за чего так нервничает савант Хольцман. Сама она ни за что не стала бы так экстравагантно демонстрировать работу неиспытанного прибора, но у Тио Хольцмана, казалось, не было и тени сомнения.

— Норма, прошу тебя, помоги мне, — отчаянным тоном позвал помощницу Хольцман. Быстро перебирая своими коротенькими ножками, она заторопилась с моста в лабораторию. Он брезгливо указал рукой на рабов: — Они не понимают, что им говорят. Последи за ними, а я пока сам проверю калибровку.

В центре камеры с укрепленными стенками команда Хольцмана установила металлический манекен, имевший смутное и весьма отдаленное сходство с боевым роботом. Норма никогда не видела настоящей мыслящей машины, только множество их изображений, которые хранились в библиотеке Хольцмана. Она во все глаза уставилась на муляж. Это был враг, настоящий враг, на борьбу с которым должна быть направлена вся ее энергия, весь ее ум и талант.

Она с большим сочувствием посмотрела на своего наставника, понимая всю степень его волнения, почти отчаяния. Хольцман был морально обязан разрабатывать любую идею, находить любой способ продолжения этой благородной борь-

бы. Он очень хорошо чувствовал системы проекции энергии, понимал до тонкостей теорию искривленных полей, умело проектировал виды вооружений, которые не предусматривали наличия метательных снарядов и не основывались на законах баллистики. В конце концов, надеялась Норма, а вдруг резонансный генератор все же будет работать?

Прежде чем рабы закончили установку испытательной аппаратуры, купол внезапно немного встряхнуло. Над скалами появились украшенные фестончатыми лентами церемониальные летающие баржи, которые вскоре приблизились к балконам, опоясывавшим скалы лабораторного городка. Одетые в парадные мундиры драгуны стояли почетным караулом вокруг лорда Бладда, который прибыл на испытания с пятью сенаторами и одетым в черную накидку придворным историком.

Хольцман немедленно бросил все дела.

— Норма, прошу тебя, закончи все приготовления сама!

Не оглядываясь, он поспешил к причальному мостику лично приветствовать высоких гостей.

Норма начала торопить рабов, при этом она сама по приложенным шкалам и инструкциям установила калибровку аппаратуры и настроила все необходимые приборы согласно спецификациям, указанным самим Хольцманом. Сквозь прозрачный купол лился яркий свет, выделявший на темном фоне сверкающий муляж робота. Балки укрепленного потолка пересекали в нескольких направлениях громадный свод. К балкам крепились блоки и лебедки, с помощью которых был установлен на предназначенное для него место массивный резонансный генератор.

Угрюмые дзеншиитские рабы сновали взад и вперед в своих традиционных одеждах — красно-белых полосатых кусках материи, обернутых вокруг серых рабочих костюмов. Многие рабовладельцы не позволяли своим невольникам носить предметы, подчеркивавшие их человеческую индивидуальность, но Хольцман не обращал на эти мелочи ни малейшего внимания. Хотел только одного — чтобы его рабы, не жалуясь, выполняли поставленные перед ними задачи.

Закончив работу, невольники сгрудились возле выложенной большими плитами стены, отведя в сторону свои хмурые

взгляды. Какой-то чернобородый человек с мрачными глазами что-то говорил рабам на незнакомом Норме языке. Спустя мгновение в помещении появился Хольцман, ведя за собой высокопоставленных гостей.

Савант устроил из встречи впечатляющий и грандиозный спектакль. Рядом с ним шел лорд Нико Бладд в лазоревой сорочке, поверх которой был надет плотно застегнутый на мощной квадратной груди ярко-алый камзол. Рыжеватая борода была завита аккуратными мелкими колечками. В углах глаз, на верхних веках была нанесена знаковая татуировка в виде небольших кружочков.

Проходя мимо рабов, Бладд заметил Норму и одарил ее одновременно отеческой и снисходительной улыбкой. Норма склонилась в ритуальном поклоне, почтительно пожав надушенную гладкую руку лорда.

— Мы знаем, что ваше время бесценно, лорд Бладд. Поэтому к вашему приезду у нас все готово. — С этими словами Хольцман сложил руки на груди. — Этот новый прибор еще не испытывался, и на сегодняшних испытаниях вы будете первым, кто увидит его возможности.

Бладд ответил низким, но мелодичным бархатным голосом:

— Мы всегда ожидаем от вас только самого лучшего, Тио. Если у мыслящих машин есть кошмарные сновидения, то они, несомненно, видят в них исключительно вас.

Свита вежливо рассмеялась шутке, Хольцман, сделав над собой усилие, покраснел, искусно разыграв смущение. Обернувшись к рабам, он начал отдавать им распоряжения. Полдюжины рабочих взяли прицельные приспособления и расставили их в нужных местах вокруг муляжа робота.

На почетных местах были расставлены бархатные кресла для высоких гостей. Хольцман сел рядом с лордом Бладдом, а Норме пришлось встать в дверях. Наставник выглядел напряженно, но держал себя с обычной самоуверенностью, однако Норма знала, как сильно он волнуется. Сегодняшняя неудача может затмить его славу в глазах могущественной политической элиты Поритрина.

Почетные гости неподвижно, как статуи, восседали в своих громоздких креслах. Хольцман молча оглядел генератор и все вокруг, словно произнося безмолвную молитву. Он обо-

дряюще улыбнулся Норме, потом приказал активировать опытный образец генератора.

Один из рабов, как его учили, повернул рубильник до щелчка. Огромный генератор начал жужжать и гудеть, направив невидимый луч на металлическую конструкцию, имитировавшую робота.

— Если генератор найдет практическое применение, — с едва заметным волнением в голосе произнес Хольцман, — то мы изыщем способ сделать его компактным и легким, чтобы его можно было перевозить в кораблях небольших размеров.

— Но мы можем построить для этого и более вместительные суда, — ответил лорд Бладд с тихим смешком.

Гудение стало громче, раздался вибрирующий треск, от которого у Нормы застучали зубы. Она заметила, что на лбу саванта Хольцмана выступила едва заметная испарина.

— Смотрите, уже виден эффект.

Ученый протянул вперед руку, указывая на макет робота. Мишень затряслась, ее металлические конечности болтались из стороны в сторону, а корпус начал сильно вибрировать.

— Сейчас эффект начнет усиливаться!

Бладд был в полном восторге:

— Этот робот пожалеет о том, что обратился против рода человеческого, не так ли?

Модель робота засветилась темно-вишневым цветом, металл продолжал нагреваться по мере того, как сплавы входили в резонанс с генерируемым электромагнитным полем. Свечение раскаленного металла стало желтым, и кое-где появились ослепительные пятна белого каления.

— Сейчас настоящий робот был бы уже выведен из строя, — объявил Хольцман с довольным видом. Было заметно, что он успокоился.

Внезапно с громким скрежетом начал вибрировать металлический каркас потолка лабораторного купола, вторичный резонанс отраженного от модели робота поля совпал с собственным резонансом металлических конструкций. Массивные стены начали прогибаться и сотрясаться с угрожающим грохотом.

— Произошла утечка резонансного поля! — громко закричала испуганная Норма.

Потолочные балки начали извиваться, как рассерженные змеи. В куполе появилась трещина.

— Выключите его! — крикнул Хольцман, но объятые ужасом рабы сбились в кучу в углу помещения, стараясь отбежать как можно дальше от генератора.

Муляж робота продолжал вибрировать и волнообразно извиваться, ядро корпуса начало плавиться. Подломились поддерживающие балки, на которых была подвешена вся конструкция. Грозная боевая машина дернулась вперед и рассыпалась по полу кусками обгорелого черного металла.

Хольцман схватил лорда Нико Бладда за рукав.

— Милорд, давайте поспешим по мосту в мой главный корпус. Мне кажется, у нас возникли... небольшие проблемы.

Другие аристократы уже уносили ноги по подвесному мосту, увлекая за собой Норму. Она оглянулась и увидела, что дзеншиитские рабы не знают, что им делать. Тио Хольцман не сказал им, как поступать, и бросился на мост вслед за лордом Бладдом.

Со своего безопасного места Норма видела, как шестеро охваченных паникой рабов, словно споткнувшись, остановились у входа на мост. Оставшись позади, чернобородый предводитель что-то крикнул им на их странном языке. Пролет моста начал колебаться, смещаясь то вверх, то вниз, в резонанс с колебаниями поля генератора.

Чернобородый предводитель дзеншиитов снова что-то рявкнул. Норма всей душой хотела бы помочь несчастным растерявшимся людям. Неужели гвардейцы-драгуны ничего не могут сделать? Хольцман от потрясения и страха потерял дар речи и молча стоял в стороне, парализованный происходящим кошмаром.

Не успели первые группы рабов перейти мост, как его первый пролет треснул посередине, под образовавшейся трещиной, между листами скрежещущего, изгибающегося в разные стороны металла открылась бездна. Несчастные жертвы посыпались вниз с двухсотметровой высоты на скалистые берега реки.

Стоя у входа на мост, отделенный от скал пропастью, чернобородый предводитель снова яростно выругался. За его спиной обрушилась секция высокого сводчатого потолка, разда-

вившая образец генератора и отключив наконец источник страшного резонирующего поля.

Пыль медленно осела. Отдельные языки пламени и клубы дыма взмывали в воздух среди стонущих от боли раненых, оставшихся, как в ловушке, между развалинами.

Норме стало плохо. Рядом с ней стоял Хольцман. Вся его одежда пропиталась потом, вид его был жалок. Он часто моргал, непрестанно вытирая со лба пот. Лицо его было землисто-серым.

Стараясь сохранить твердость, Бладд издевательски произнес:

— Я бы сказал, что это не самое выдающееся ваше достижение, Тио.

— Но вы должны признать, что сама концепция выглядит весьма многообещающе, лорд Бладд. Посмотрите, какой разрушительной силой обладает мой генератор, — сказал Хольцман, глядя на успокоившихся аристократов, но даже не вспомнив о мертвых и покалеченных рабах. — По крайней мере мы можем порадоваться, что никто не был ранен.

Наука: создание дилемм вместо тайн.

Норма Ценва. Неопубликованные записи в лабораторном журнале

Пятна крови со стен разрушенного лабораторного купола были смыты с легкостью, гораздо труднее было ликвидировать куда более глубокие шрамы иного рода. Команда новых рабов как раз занималась расчисткой завала, когда Тио Хольцман пересек временный и не слишком прочный мост. Ученый печально посмотрел на развалины лаборатории.

Со своего рабочего места Бел Моулай, чернобородый предводитель дзеншиитов, мрачным взглядом сверлил бессердечного изобретателя. Гордый раб ненавидел светлую кожу поритринца, его тщательно ухоженные волосы, подчеркнуто пышную одежду. Высокие награды и дорогие побрякушки, украшавшие одежду ученого, ничего не значили для Бела Моулая, а все пленные дзеншииты были до глубины души оскорблены тем, что такой бесполезный, никчемный, находящийся в плену заблуждений человек выставляет напоказ свое состояние и при этом безнаказанно убивает правоверных.

Низким сильным голосом чернобородый Моулай отдавал распоряжения и утешал своих товарищей. Бел Моулай был не только самым сильным среди пленников, он был также религиозным лидером, получившим подготовку на IV Анбус, где воспитывался в строжайших законах дзеншиитского течения буддислама. Он лично читал и изучал истинные рукописи и сутры, умел анализировать любое место из них, и за толкованиями все товарищи обращались только к нему.

Несмотря на всю глубину своей веры, он, по сути, был так же беспомощен, как и его спутники и товарищи по несчастью, и так же, как они, был вынужден служить всем капризам неверных. Неверные не позволяли дзеншиитам жить по

законам веры и вовлекли их в свою безнадежную войну с нечистыми демонами — машинами. Это было страшное наказание, кармическое испытание, ниспосланное на них Буддаллахом.

Но они выдержат это испытание и выйдут из него с еще более крепкой верой.

Сейчас рабы под руководством Бела Моулая разбирали завалы, извлекая из-под обломков изуродованные тела своих товарищей, правоверных дзеншиитов, захваченных во время набега тлулаксианских работорговцев на города-каньонов IV Анбуса. Настанет час, и Буддаллах укажет им путь к свободе. Вечерами, сидя у костра, бородатый предводитель обещал своим людям, что угнетатели понесут наказание — если не в этом поколении, то в следующем или еще позднее, но нельзя сомневаться, что это обязательно произойдет. Такому простому человеку, как Бел Моулай, не пристало торопить самого Бога.

Раздались взволнованные крики. Двое рабов оттащили в сторону рухнувший кусок стены и обнаружили под ним человека. Ноги его были раздроблены, из груди торчали осколки плаза, но он подавал признаки жизни. Хольцман с озабоченным видом подошел к раненому и бегло осмотрел его.

— Я не врач, но мне кажется, что надежды здесь мало.

Бел Моулай направил на ученого горящий взор своих темных проницательных глаз.

— Тем не менее мы должны сделать все, что в наших силах, — произнес он по-галахски.

Трое рабочих извлекли товарища из-под обломков и по шаткому мосту понесли его в свой квартал, к целителям, которые попытаются вылечить его.

Сразу после катастрофы Хольцман предпринял некоторые меры по обеспечению рабов первичной медицинской помощью, хотя эти меры, так же как подобные мероприятия во время эпидемии лихорадки, не дали особого эффекта и не уменьшили смертность в популяции рабов. Ученый понаблюдал за действиями рабочих, но занимали его совсем иные проблемы. У саванта были свои приоритеты.

Нахмурившись, ученый жестом подозвал к себе двух рабов, которые оттаскивали в сторону кусок камня, чтобы извлечь тело еще одной жертвы.

— Ты и ты, перестаньте откапывать трупы и достаньте то, что осталось от прибора.

Угрюмые рабы вопросительно взглянули на Моулая, ожидая, что скажет предводитель. Но он лишь безмолвно покачал головой.

— Сейчас нет никакого смысла в сопротивлении, — произнес он на своем родном языке. — Но я клянусь вам, что время настанет.

Позже, отрывая часы от своего скудного сна, они извлекут из-под обломков все тела и проводят покойников в последний путь, соблюдая обряды дзеншиизма, чтобы спасти души правоверных. Кремация тел верующих не совсем согласовывалась с обычаями дзеншиитов, но таков был обычай погребения мертвых на Поритрине. Бел Моулай был уверен, что Буддаллах не поставит им в вину отказ от следования традициям — ведь у них, по существу, не было иного выбора.

Однако их божество могло и впадать в гнев. Моулай надеялся дожить до того дня, когда десница Божья обрушит праведную месть на угнетателей, пусть даже этой десницей окажутся мыслящие машины.

Когда демонстрационный зал был расчищен, Хольцман принялся говорить сам с собой, планируя новые эксперименты и испытания. Кроме того, он рассчитывал получить еще больше рабов для восполнения понесенных им потерь.

В демонстрационном зале было обнаружено двенадцать тел, те же, кто разбился насмерть, упав с моста, были подобраны и кремированы муниципальными похоронными командами. Бел Моулай знал имена всех погибших, он позаботится о том, чтобы дзеншииты долго возносили молитвы за упокой их душ. Он никогда не забудет, что здесь произошло, как не забудет и того, кто несет за это персональную ответственность, — *Тио Хольцмана.*

Разум накладывает на Вселенную произвольную рамку, именуемую реальностью, но эта реальность абсолютно независима от того, что сообщают нам наши ощущения.

Когиторы. Фундаментальный постулат

«Ничто не является невозможным» — именно так сказал ему отделенный от тела головной мозг.

В небе начинал сереть скорый рассвет, но Иблис Гинджо никак не мог заснуть и все время беспокойно ворочался на своем импровизированном ложе, поставленном в кабине, из которой можно было обозревать весь периметр строительной площадки и скопления жилищ рабов. Так как погода стояла необычайно теплая для этого времени года, Иблис вынес свой гамак, которым снабдили его неокимеки, из простенького бунгало на улицу. Он лежал на спине, рассеянно смотрел на дальние звезды, размышляя над тем, сколько из них все еще находятся под контролем свободного человечества.

Где-то далеко была Лига Благородных, которая ухитрялась на протяжение тысячелетия сдерживать натиск Омниуса. Иблис внимательно слушал разговоры, и хотя сам он боялся задавать вопросы или иным способом привлекать к себе внимание, знал, что мыслящие машины сначала завоевали, а потом потеряли Гьеди Первую. Непокорные люди изгнали машин, убили титана Барбароссу и уничтожили новую инкарнацию Омниуса.

Невероятное достижение людей! Но как им это удалось? Что они сделали, чтобы одержать столь блистательную победу? Какие вожди им для этого потребовались? И как мог бы он сделать то же самое здесь, на Земле? В голове гудело от усталости, Иблис нервно заворочался в постели. Наступит день, и он снова начнет убеждать рабов низшего уровня выполнять бессмысленную работу по приказу хозяев-роботов. Каждый следующий день был как две капли воды похож на предыду-

щий, и мыслящие машины могли существовать так много тысяч лет. Чего сможет он достичь за короткий срок, отпущенный для жизни человеку?

Но слова бестелесного когитора проникли глубоко в душу Иблиса Гинджо — *нет ничего невозможного.*

Иблис открыл глаза, чтобы не пропустить великолепное зрелище наступавшего рассвета, но вместо оранжевого диска восходящего солнца он увидел лишь его искаженное отражение в прозрачном стекле контейнера, в котором, просвечивая сквозь энергетическую жидкость, плавал розоватый силуэт органического мозга.

Иблис резко сел на постели. На веранде стоял контейнер с мозгом когитора Экло. Рядом с емкостью сидел огромный монах Аким, находившийся в трансе и раскачивавшийся в состоянии медитации.

— Что вы здесь делаете? — приглушенным голосом спросил Иблис. От страха голос его стал совсем сдавленным. — Если кимеки найдут вас в лагере строителей, то...

Аким открыл свои затуманенные глаза.

— Не только доверенные люди находят взаимопонимание с титанами и всемирным машинным разумом. Экло хочет говорить с тобой непосредственно.

С трудом сглотнув, Иблис перевел взгляд с огромного мозга, подвешенного в электропроводящей жидкости, на изможденного, осунувшегося монаха.

— И чего он хочет?

— Экло хочет рассказать тебе о ранних попытках неудачных мятежей человечества.

Положив ладонь на гладкую поверхность емкости, монах принялся постукивать по ней, словно стремясь попасть в резонанс с вибрациями мозга.

— Ты когда-нибудь слышал о восстании хретгиров?

Иблис боязливо огляделся, но жучков Омниуса рядом не было.

— Такие истории не рассказывают рабам и даже таким начальникам рабов, как я.

Монах-посредник подался вперед и хмуро свел брови. Он начал говорить то, что знал сам, не прибегая к контакту с электрожидкостью и мыслями когитора Экло.

— Кровавое восстание началось после того, как титаны превратили себя в кимеков, но до того, как пробудился Омниус. Ощутив себя бессмертными, титаны стали исключительно жестокими. Особенно прославился жестокостью один из кимеков по имени Аякс, который так ужасно обходился со своими человеческими жертвами, что его подруга Геката ушла от него и исчезла в глубинах космоса.

— Аякс мало изменился за прошедшие столетия, — заметил Иблис.

Покрасневшие глаза Акима вспыхнули огнем. Мозг когитора начал сильно пульсировать в емкости.

— Из-за беспредельной жестокости Аякса люди восстали, мятеж начался на Валгисе, а потом перекинулся на Коррин и Ришез. Рабы поднялись и уничтожили двух первых титанов — Александра и Тамерлана.

Кимеки ответили быстрыми и решительными ударами. Аякс получил большое удовольствие от того, что осадил Валгис и уничтожил на нем все живое. Тогда погибли миллиарды и миллиарды людей.

Иблис начал напряженно размышлять. Этот когитор преодолел массу неудобств, чтобы добраться сюда из своей высокой башни только для того, чтобы увидеться с ним, Иблисом Гинджо. Величие такого жеста было поразительным.

— Вы говорите мне это для того, чтобы сказать, что восстание против мыслящих машин возможно, или для того, чтобы убедить, что оно обречено на неудачу?

Монах протянул свою огромную ладонь и крепко обхватил запястье Иблиса.

— Это Экло скажет тебе сам.

Иблис встревожился, но прежде чем он успел оказать сопротивление, Аким схватил руку надсмотрщика за рабами и сунул ее в жидкость, в которой плавал древний мозг когитора. Вязкая жидкость показалась Иблису сначала холодной как лед, а потом горячей как огонь. В кожу кисти вонзились сотни игл, по пальцам поползли мурашки.

Внезапно Иблис ощутил, что воспринимает мысли, слова и выражения, которые потекли от Экло в его сознание.

— Мятеж окончился неудачей, но это была поистине славная попытка!

Получил Иблис и еще одно послание, оно было бессловесным, но он понял его значение и смысл — это было настоящее крещение. Было такое впечатление, что перед ним открылось все неизреченное величие Вселенной, он увидел массу вещей, о существовании которых раньше просто не подозревал, которых он не понимал и о которых Омниус никогда не позволял знать своим рабам. Ощутив внезапный прилив полного душевного покоя, Иблис погрузил руку глубже в пульсирующую жидкость. Пальцы мягко и нежно прикоснулись к поверхности мыслящего мозга.

— Теперь ты не одинок. — Слова Экло отдавались эхом в самых сокровенных уголках души Гинджо. — Я могу помочь тебе, может помочь и Аким.

Несколько мгновений Иблис безмолвно смотрел, как над горизонтом выкатывается на небосклон золотистый шар солнца, заливая светом порабощенную Землю. Теперь рассказ о неудачном восстании казался ему не предостережением, но знаком надежды. Если восстание хорошо организовать, то оно может закончиться успешно, если им правильно руководить и грамотно спланировать. Кроме того, для восстания нужен подходящий вождь.

Иблис, который всю жизнь имел только одно желание — устроиться поудобнее и извлекать максимум комфорта из своего высокого положения доверенного человека при машинах, вдруг ощутил в груди закипающий гнев. Откровение Экло посеяло в его душе возмущение. Монах Аким разделял эту страсть, и это было видно даже в его затуманенных семутой глазах.

— Нет ничего невозможного, — повторил Экло.

Пораженный до глубины души Иблис извлек руку из емкости и принялся внимательно рассматривать свои пальцы. Великан-монах взял емкость с мозгом когитора и запечатал ее. Прижав к груди драгоценный цилиндр, он сошел вниз с вышки и пешком направился горы, оставив Иблиса в полном смятении после посещения гостей, смутивших его душу и разум.

Вера в «интеллектуальную» машину порождает заблуждение и невежество. Множатся и накапливаются непроверенные допущения. Люди перестают задавать ключевые вопросы. Я не понимал моих заблуждений и моих ошибок, а когда я понял, было слишком поздно. Мы не могли ничего поделать.

Барбаросса. Анатомия восстания

Эразм очень хотел, чтобы всемирный разум посвящал больше времени изучению человеческих эмоций. В конце концов, синхронизированный мир имеет доступ к огромному архиву записей, в которых сконцентрирован тысячелетний опыт изучения человеческой психики. Если Омниус сделает сравнительно небольшое усилие, то сможет понять подавленное состояние, в каком пребывал сейчас независимый робот.

— Твоя проблема, Омниус, — сказал робот экрану, вделанному в стену дальней комнаты земной виллы Эразма, — состоит в том, что ты рассчитываешь на точные и специфичные ответы на вопросы о системах, которые в основе своей отличаются неопределенностью. Ты хочешь получить большое количество подопытных экземпляров — все они должны быть людьми — и хочешь, чтобы все они вели себя одинаково и предсказуемым образом, как ведут себя твои роботы-охранники.

Эразм расхаживал перед экраном до тех пор, пока к нему не подлетели две наблюдательные камеры и не начали рассматривать его с двух сторон.

— Я дал тебе задание разработать детальную и воспроизводимую модель, которая могла бы объяснить и точно предсказать человеческое поведение в различных условиях и обстоятельствах. Как можно использовать поведение человека в наших целях? Я рассчитываю, что ты сможешь составить объяснение так, чтобы я остался им удовлетворен. — Тон

Омниуса превратился в злювещий высокотональный свист. — Я продолжаю терпеть твои нескончаемые опыты в надежде, что когда-нибудь получу ответы на интересующие меня вопросы. Ты пытался сделать это достаточно долго. Но вместо того чтобы добиваться конкретных результатов, ты, как дитя, играешь со своими банальностями, попусту растрачивая ресурсы.

— Я служу очень важной цели. Без моих усилий понять суть хретгиров ты испытывал бы весьма сильную растерянность. В человеческом просторечии я давно известен как твой «адвокат дьявола».

— Некоторые люди называют дьяволом тебя самого, — отпарировал Омниус. — Я проанализировал всю совокупность твоих длительных экспериментов и по необходимости прихожу к выводу о том, что твои открытия не дадут нам ничего нового в наших знаниях о людях. Их непредсказуемость именно такова — она сама непредсказуема. Люди нуждаются в усовершенствовании. Они создают беспорядок...

— Они создали нас, Омниус. Ты полагаешь, что мы совершенны?

— А ты полагаешь, что соперничество с людьми сделает нас более совершенными?

Хотя всемирный разум оставался равнодушным к таким сугубо человеческим проявлениям эмоций, Эразм придал своей маске хмурое выражение.

— Да, я так думаю, — произнес робот после некоторого размышления. — Мы можем стать лучше, чем люди, и лучше, чем нынешние машины.

Наблюдательные камеры последовали за Эразмом, который прошел по роскошной комнате на балкон, возвышавшийся несколькими этажами выше вымощенный плазом площадки, выходившей воротами на сетку улиц города. Величественные и затейливо украшенные фонтаны и горгульи имитировали убранство вилл Золотого Века, когда на Земле процветали живопись и скульптура. Ни один робот так не ценил красоту, как Эразм. В это облачное утро ремесленники и художники украшали резьбой окна, делали новые ниши в фасаде, чтобы установить там новые статуи и вазоны с цветами, за которыми так хорошо ухаживала Серена Батлер.

С высокого балкона Эразм посмотрел на обучаемых, понятливых людей. Некоторые рабы подняли головы, увидели хозяина и снова склонились над работой, стараясь как можно прилежней ее выполнять, словно боясь наказания или — еще больше — что робот выберет их для своих бесчеловечных экспериментов.

Тем временем Эразм продолжил свою беседу со всемирным разумом.

— Я уверен все же, что многие мои опыты заинтриговали тебя, Омниус, ну хотя бы немного, не так ли?

— Ты наперед знаешь ответ.

— Да, опыт по проверке лояльности твоих человеческих подданных проходит просто прекрасно. Я отправил тайные послания некоторым доверенным кандидатам, я не скажу, скольким именно, предлагая им присоединиться к организации восстания против тебя, — сказал Эразм.

— Сейчас не происходит никакой организации или подготовки восстания против меня.

— Конечно же, нет. И если доверенные люди полностью верны тебе, то они никогда не воспользуются моим предложением. Они его просто проигнорируют. С другой стороны, если они искренне лояльны твоему правлению, то немедленно донесут о получении подстрекательских посланий. Нельзя ли спросить, может быть, ты уже получил такие доносы?

Омниус довольно долго раздумывал, прежде чем ответить:

— Я снова просмотрю записи сообщений.

Эразм снова окинул взглядом старательных художников, трудившихся на площади, а потом пересек помещения верхнего этажа и вышел на противоположный конец дома, откуда открывался жалкий вид на огороженный забором комплекс селекционного квартала рабов, откуда он черпал материал для своих экспериментов и испытаний.

В давние времена, много лет назад, Эразм провел очередной опыт. Он на протяжении жизни нескольких поколений содержал семейства рабов так же, как содержат животных, чтобы посмотреть, что после этого станет с их «человеческим духом». Не было ничего удивительного в том, что через одно-два поколения эти рабы утратили всякое подобие цивилизованного поведения, забыли о морали, семейном долге и человеческом достоинстве.

— Когда мы прививаем людям кастовую систему, чтобы приучить их к порядку Синхронизированного Мира, то тем самым ты пытаешься сделать их более управляемыми и больше похожими на машины, — сказал Эразм, глядя на грязную шумную толпу в бараках и во дворах. — В то время как кастовая система позволяет разделить людей на несколько изолированных категорий. Мы хотим получить модель человеческого поведения в условиях, когда людям позволено видеть, насколько отличаются друг от друга разные представители человеческой расы. В натуре человека стремиться к обладанию тем, чего в данный момент нет в его распоряжении. Человек всегда стремится к тому, чего у него нет. Он всегда хочет стяжать себе награду, которую может получить другой человек, обойдя последнего в вечной гонке. Он склонен завидовать более удачливым собратьям.

Эразм настроил свои оптические сенсоры на вид любимого им океана, расстилавшегося за грязными бараками. Вид сине-белых волн, крутящихся у кромки пологого берега, действовал на Эразма благотворно. Зеркальное лицо сложилось так, чтобы робот мог лучше видеть чаек, паривших в небе. Эти образы соответствовали запрограммированной в нем эстетике больше, нежели вид грязных бараков с рабами.

— Твои наиболее привилегированные доверенные люди, — продолжал говорить Эразм, — такие, как, например, нынешний сын Агамемнона, занимают наивысшую ступень в иерархии себе подобных. Это наши самые надежные питомцы, занимающие промежуточное положение между чувствующими биологическими объектами и мыслящими машинами. Из этого источника мы черпаем кандидатов, из которых изготовляем неокимеков.

Камеры наблюдения принялись кружить в непосредственной близости от полированной головы независимого робота. В этих летающих предметах прозвучал голос Омниуса:

— Все это мне хорошо известно.

Эразм снова заговорил, сделав вид, что не слышал реплики всемирного разума.

— Каста, расположенная ниже доверенных людей, состоит из цивилизованных и образованных людей, квалифицированных мыслителей и созидателей, таких, как архитекторы,

строящие вечные памятники титанам. Мы возлагаем на них решение сложных задач, таких, какие выполняют на моей вилле художники и ремесленники. Ниже их находятся мои рабы — повара, ландшафтные дизайнеры.

Робот еще раз посмотрел на безобразные бараки и понял, что такое отталкивающее уродство побуждает его отправиться в сад побродить между тщательно ухоженными растениями. Серена Батлер совершила подлинное чудо, вырастив дивные по красоте цветы и диковинные растения. У нее было потрясающее интуитивное понимание садоводства.

— Можно допустить, что все эти жалкие создания в бараках пригодны лишь для того, чтобы давать потомство и служить моделями в острых медицинских опытах.

В каком-то смысле Эразм чувствовал, что похож на Серену. Ему часто приходилось заниматься привоями и подрезаниями во имя усовершенствования человеческой породы в его собственном саду.

— Поспешу добавить, — сказал независимый робот, — что человеческий род как целое имеет для нас непреходящую ценность. Его нельзя ничем заменить.

— Я уже выслушивал твои аргументы на эту тему. — Омниус наслаждался новым видом — наблюдательные камеры взмыли вверх, обеспечивая лучший обзор. — Хотя все, что ты перечислил, с успехом могут выполнять и машины, я тем не менее принял верность человечества и, более того, даровал некоторым его представителям существенные привилегии.

— Твои аргументы не кажутся мне... — Эразм промолчал, слово, которое он готов был произнести, выражало тягчайшее оскорбление компьютера. Эразм хотел сказать, что аргументы Омниуса не кажутся ему логичными.

— Все люди с их странным влечением к религиозным убеждениям, — снова заговорил Омниус, — и вере в необъяснимые и неразумные вещи, должны молиться, чтобы твои эксперименты доказали мою правоту относительно их природы, но не твою правоту. Ибо если ты окажешься прав, Эразм, то людей ждут очень печальные последствия, которые коснутся всех представителей человеческой расы.

Религия, которую часто считают силой, разделяющей людей, способна также удерживать вместе то, что в противном случае рассыпалось бы на составные части.

Ливия Батлер. Запись в личном дневнике

Исанские грязевые плантации располагались в широком лимане, где русло реки, расширившись, превратилось в смесь ила и воды. Без рубашки, голый по пояс, мальчик Исмаил каждый день стоял в этой жидкой грязи, едва сохраняя равновесие. Каждый вечер он тщательно мыл стертые в кровь ладони и смазывал их мазью, запасы которой быстро подходили к концу.

Надсмотрщики не проявляли никакого сочувствия к страданиям рабов. Один из них схватил Исмаила за руку, повернул к себе ладонь, осмотрел кровавые мозоли и сказал:

— Ничего, иди работать, от работы мозоль скоро затвердеет.

Исмаил вернулся на работу, отметив, что рука надсмотрщика гораздо мягче, чем его собственная.

Когда сезон работ на плантации панцирных рыб закончится, рабовладельцы найдут для рабов иное занятие, возможно, их отправят на север, на поля, где после уборки тростника осталась сочная обильная трава, которую надо скосить и добыть из нее сладкий сок.

Некоторые дзенсунниты ворчали, что если их отправят на сельскохозяйственные работы, то ночью они сбегут и спрячутся в глуши. Но Исмаил не видел никакой возможности уцелеть на Поритрине, не зная ни местных съедобных растений, ни хищников. Это на Хармонтепе он знал все уголки родной природы. Любой беглец неизбежно оказался бы среди враждебной природы без оружия и инструментов, а в случае поимки его ждало бы жестокое наказание.

Некоторые рабы с грязевых плантаций начали петь, но народные песни имели особенности на разных планетах, слова песен были разными у разных буддисламических сект. Исмаил работал так, что каждый вечер болели все мышцы и кости, а в глазах рябило от яркого солнца, отражавшегося в стоячей грязной воде. Бесконечные переходы от бассейнов с семенем рыб до посевных площадок и обратно. Наверное, Исмаил уже высеял до миллиона зародышей раковин, и, нет сомнения, ему придется высеять еще миллион.

Услышав три коротких свистка, Исмаил поднял голову. Свистел толстый надсмотрщик с лягушачьими губами на обрюзгшем лице. Он стоял на высокой платформе, ему было удобно и сухо. Свистки удивили Исмаила, так как еще не настало время короткого утреннего перерыва.

Прищурив глаза, надсмотрщик оглядел рабов, словно выбирая кого-то из них. Взгляд его остановился на нескольких самых молодых рабах, в число которых попал и Исмаил. Надсмотрщик приказал им выйти на берег и собраться в одном месте.

— Почиститесь, вы назначены на другие работы.

Исмаил почувствовал, как холодная лапа сжала его сердце. Хотя работать в грязи было страшно тяжело, рядом были рабы с Хармонтепа и он чувствовал, что пока не утеряна его связь с родной планетой, с милым дедушкой.

Некоторые «избранные» выли в голос. Двое рабов, которых не отобрали, схватили своих товарищей, не давая им идти. Похожий на лягушку надсмотрщик разразился бранью и сделал угрожающий жест. Два вооруженных драгуна, разбрызгивая грязь и пачкая свою шитую золотом форму, приблизились к рабам и силой повели их в указанное место. Исмаил не стал оказывать сопротивление, у него не было никаких шансов победить в схватке.

Надсмоторщик растянул губы в улыбке.

— Вам повезло, всем. В лаборатории саванта Хольцмана произошел взрыв, и ему нужны новые рабы, чтобы производить расчеты. Ему нужны умные парни. Там легкая работа в сравнении с этой.

Скорчив скептическую гримасу, Исмаил посмотрел на группу отобранных, забрызганных грязью оборванцев.

Снова вырванный из обстановки, которая, несмотря на свою тяжесть, начала казаться нормальной, Исмаил побрел куда велели, не понимая, чего от него ждут теперь. Но, что бы его ни ждало, он сумеет выстоять. Дедушка учил его, что умение выжить и выдержать есть основа всякого успеха и что насилие — это последнее средство неудачника. Таков был закон и обычай дзенсунни.

Чисто вымытый и коротко подстриженный, Исмаил привыкал к своей новой одежде. Он вместе с другими молодыми ребятами, набранными в рабочих командах на улицах Старды, сидел в большой комнате и ждал решения своей дальнейшей участи. Гвардейцы-драгуны стояли в дверях, их шитые золотом мундиры, стальное вооружение и блестевшие золотом шлемы делали их похожими на больших хищных птиц.

Исмаил сидел рядом с подростком такого же возраста, темноволосым мальчиком со светло-коричневой кожей и узким худым лицом.

— Меня зовут Алиид, — тихо произнес мальчик, хотя гвардейцы приказали всем молчать. У Алиида было напряженное лицо, что говорило о пережитой беде или о склонности к лидерству. Такие люди бывают либо ясновидящими, либо преступниками.

— А меня — Исмаил. — Он нервно оглянулся на стражу.

Драгунский гвардеец повернулся на шепот, и оба мальчика тотчас сделали непроницаемые лица. Гвардеец отвернулся, и Алиид снова заговорил:

— Нас захватили на IV Анбус, а откуда ты?

— Я с Хармонтепа.

В помещение стремительно вошел хорошо одетый человек, и гвардейцы сразу подтянулись. По залу прошло неуловимое движение. Мужчина с удивительно белой кожей и аккуратно подстриженной гривой густых седых волос выглядел и вел себя как настоящий лорд. На аристократе была надета украшенная золотыми цепями накидка с широкими свободными рукавами. По лицу и острым зорким глазам было видно, что ему, в сущности, нет никакого дела до новой партии рабов. Он осмотрел новоприбывших без особого удовольствия, но со смирением.

— Эти подойдут, если удастся научить их и если за ними внимательно следить.

Рядом с лордом стояла маленькая женщина с мелкими невыразительными чертами лица. У нее было тело ребенка, хотя лицо изобличало взрослую даму. Седовласый мужчина что-то сказал ей и вышел с таким видом, будто у него были более важные дела, чем разбираться с ничтожными рабами.

— Это был савант Хольцман, — объявила женщина. — Этот великий ученый — теперь ваш хозяин. Наша работа поможет победить мыслящих машин.

Она одарила рабов поощрительной улыбкой, но мало кому из мальчиков были интересны цели господ.

Придя в волнение от такой неожиданной реакции, она продолжила:

— Меня зовут Норма Ценва. Я тоже работаю у саванта Хольцмана. Вас научат выполнять математические вычисления. Война с мыслящими машинами затрагивает всех нас, и, таким образом, вы тоже примете участие в этой борьбе.

Было такое впечатление, что она повторяет давно заученную речь.

Алиид презрительно нахмурился, слушая слова Нормы.

— Я выше, чем она.

Словно услышав его, Норма обернулась и посмотрела на Алиида.

— Одним росчерком пера вы сможете закончить вычисления, которые позволят добиться победы над Омниусом. Помните об этом.

Когда она повернулась, чтобы уйти, Алиид произнес, почти не шевеля губами:

— Но даже если мы выиграем их войну, дадут ли они нам свободу?

Вечером, когда рабов привели в общежитие на скале, их оставили одних. Здесь рабы, последователи буддислама, могли соблюдать свои законы и обычаи.

Исмаил был удивлен тем, что оказался среди членов дзеншиитской секты, последователи которой исповедовали другое течение буддислама. Они откололись от дзенсуннитов много

столетий назад, еще до бегства из разваливающейся Старой Империи.

Познакомился Исмаил и с их предводителем, мускулистым чернобородым и темноглазым Белом Моулаем, человеком, который добился для своих людей разрешения носить традиционную одежду поверх серой рабской униформы. Наряд был символом их идентичности — белый цвет означал свободу, красный — кровь. Поритринские рабовладельцы не разбирались в символике, и это было большое благо для рабов.

Ясноглазый Алиид уселся рядом с Исмаилом.

— Слушай Бела Моулая. Он даст нам надежду, у него есть план.

Исмаил устроился поудобнее. Живот был набит какой-то странной пищей, но она дала ощущение сытости. Хотя мальчику очень не понравился новый хозяин, работать на новом месте было несравненно лучше, чем в ужасной грязи плантации.

Сильным грубым голосом Бел Моулай призвал всех на молитву, он произнес несколько сутр на языке, которым пользовался и дедушка Исмаила. Это был тайный язык, который понимали только немногие посвященные. На этом языке они могли общаться между собой без риска быть подслушанными иноверцами. Хозяева не позаботились выучить этот язык и не понимали его.

— Наш народ ждал отмщения, — заговорил Моулай. — Мы были свободны, потом нас взяли в плен. Некоторые из нас стали новыми рабами, другие же служили господам в неволе в течение многих поколений.

Глаза его сверкали, белые зубы ярко выделялись на фоне темных губ и черной бороды.

— Но Бог дал нам разум и нашу веру. От нас зависит, найдем ли мы оружие и столь нужную нам решимость.

Ропот, поднявшийся среди дзеншиитов, заставил Исмаила почувствовать себя очень неудобно. Ему стало не по себе. Бел Моулай призывал к открытому неповиновению и бунту, к восстанию против хозяев. Для Исмаила это было не совсем то, чего можно было ожидать от буддисламской проповеди.

Сидя тесными рядами, рабы с IV Анбус шепотом произносили угрозы мести. Моулай рассказал о страшном резонан-

сном генераторе и о его разрушительном испытании, которое унесло жизни семнадцати ни в чем не повинных рабов.

— Мы пережили бесчисленные унижения нашего достоинства, — говорил Моулай. Рабы согласно выразили свое одобрение. — Мы делаем все, чего требуют от нас наши господа. Они пользуются плодами того, что делаем для них мы, но дзеншииты, — он быстро взглянул на Исмаила и других новоприбывших, — и наши дзенсуннитские братья не получат от этого желанной свободы.

Он подался вперед, словно согнувшись под тяжестью темных и мрачных мыслей.

— Ответ на это зависит только от нас самих.

Исмаил помнил, что его дедушка учил решать проблемы философски, не прибегая к насильственным способам. Но старый Вейоп не смог спасти от смерти и рабства своих односельчан. Пацифизм дзенсунни подвел их всех в самый критический момент.

Бел Моулай поднял мозолистый кулак, словно намереваясь ударить пылавший костер.

— Наши господа, которые считают себя «рабовладельцами по праву», утверждают, что не испытывают никаких угрызений совести, принуждая наш народ работать на себя. Они говорят, что мы находимся в долгу перед человечеством, потому что отказались принимать участие в их безумной войне с машинными демонами — демонами, которых они сами создали и самонадеянно полагали, что смогут контролировать. Но после веков угнетения народ Поритрина находится в неоплатном долгу перед нами. И мы взыщем этот долг, и взыщем его кровью.

Алиид был воодушевлен речью предводителя, но Исмаилу снова стало не по себе. Он не был согласен с таким подходом, но не мог предложить ничего взамен. Он был всего лишь мальчик и не имел права прерывать взрослых или самостоятельно брать слово.

Вместо этого он, как и его товарищи, продолжал внимательно слушать Бела Моулая...

Жаждущий мужчина говорит о воде, а не о женщинах.

Огненная поэзия дзенсунни Арракиса

Далеко за пределами Лиги Благородных, на множестве несоюзных планет, влачили жалкое существование тысячи не отмеченных ни на одной карте деревень с нищим населением, убыль которого от пиратских набегов не интересовала никого в среде так называемого цивилизованного человечества.

По давно сложившейся традиции добрые работорговцы с Тлулакса не нападали на одну и ту же планету, предпочитая увозить с собой захваченных врасплох пленников, не способных в силу этого обстоятельства к организованному сопротивлению. Изобретательные купцы-разбойники находили новые колыбели человеческих ресурсов, не тронутые прежними рейдами.

Оставив на орбите транспортный корабль, Тук Кеедайр послал грузовое судно и свежий экипаж на поверхность планеты, снабдив его достаточным количеством денег для подкупа жадных местных властей. После этого Кеедайр лично отправился в космопорт Арракиса, чтобы самому произвести рекогносцировку перед тем, как спланировать набег на одно из поселений местных жителей. Надо было соблюсти определенную осторожность, разыскивая новые цели для добычи новых рабов, особенно здесь, в заброшенном на самый край известной Вселенной суровом мире.

Цена прилета сюда — куда входили стоимость топлива, еды, кораблей и оплата экипажа — была чрезвычайно высока, не говоря уже о длительности перелета и об издержках по содержанию рабов в гомеостатических гробах. Кеедайр не ожидал от набега на Арракис больших прибылей. Нет ничего удивительного, что этот богом забытый мир оказался заброшенным и покинутым людьми.

Арракис-Сити выглядел чешуйчатым наростом на безобразной поверхности негостеприимной планеты. Лачуги и сборные домики были установлены здесь еще в незапамятные времена. Редкое население едва сводило концы с концами, обслуживая заблудившихся купцов или исследовательские суда, а также давая приют бежавшим от закона преступникам. Кеедайр догадывался, что любой человек, которого отчаяние загнало сюда, действительно имел большие неприятности.

Выйдя в зал космопорта, Тук уселся за стойку неказистого бара. В тусклом свете неярко поблескивали треугольные серьги Кеедайра. На левое плечо свисала длинная косичка. Ее длина говорила о годах, проведенных ее обладателем в погоне за состоянием, которое он теперь тратил свободно, но не безрассудно.

Он оглядел мрачных местных жителей, которых сразу можно было по виду отличить от бодрых и бойких чужеземцев, собравшихся в одном углу бара, — видавших виды мужчин, обладавших массой кредиток, но недовольных тем малым числом развлечений, на которые можно было потратить их здесь, на Арракисе.

Кеедайр положил руку на поцарапанную металлическую стойку. Бармен был худой человек с изборожденной морщинами кожей. Было такое впечатление, что из его организма давно и навсегда улетучились вода и весь жир, заставив его съежиться, как изюм. Лысый, покрытый печеночными пятнами череп венчал голову, как кожух торпеды.

Кеедайр выложил на стойку приличную сумму в твердой валюте. Кредитки Лиги имели хождение везде, даже на несоюзных планетах.

— Сегодня у меня очень удачный день. Какой у вас лучший напиток?

В ответ бармен только кисло усмехнулся.

— Вы хотите чего-то экзотического? Вы полагаете, что на Арракисе есть нечто необычное, что может утолить вашу жажду, да?

Кеедайр начал терять терпение.

— Я что, должен платить за болтовню или мне все же подадут выпить? Самый дорогой напиток. Что у вас есть?

Бармен от души расхохотался.

— Это будет вода, сэр. Вода — самый ценный напиток на Арракисе.

Бармен назвал цену, сравнимую с ценой самого дорогого ракетного топлива.

— За воду? — изумился Кеедайр. — Вы меня разыгрываете.

Он огляделся, чтобы убедиться, что бармен не подшучивает над ним, потешая публику. Но остальные посетители восприняли слова бармена вполне серьезно и не думали смеяться. Ему казалось, что прозрачная жидкость в их стаканах — это какой-то крепкий алкоголь, но было похоже, что это простая вода. Кеедайр особо отметил местного торговца, пышная одежда которого, украшенная затейливым орнаментом, изобличала в нем состоятельного человека. В его стакане плавали даже кубики льда.

— Забавно, — произнес Кеедайр, — а я-то был уверен, что понимаю, когда меня разыгрывают.

Бармен покачал своей лысой головой.

— Вода доходит сюда сложными кружными путями, сэр. Алкоголь я могу продать вам намного дешевле, поскольку местные жители не пьют ничего, что могло бы привести их к большему обезвоживанию. Кроме того, человек, выпивший лишнего, может совершить непоправимую ошибку. Неосторожность в пустыне может стоить любому человеку, а особенно пьяному, жизни.

В конце концов Кеедайр заказал ферментированную субстанцию, называемую пряным пивом. Это оказался крепкий, возбуждающий напиток, от которого на задней стенке глотки торговца остался сильный привкус корицы. Напиток взбодрил его, и Тук заказал еще.

Он все еще сомневался в целесообразности своего приезда на Арракис. Работорговля здесь казалась неперспективной, но все равно этот прилет можно было считать просто праздником. Прошлый рейд на Хармонтеп — четыре месяца назад — оказался настолько прибыльным и принес столько кредиток, что на них Кеедайр мог безбедно прожить целый год. После того рейда Кеедайр нанял себе новую команду. Он никогда не желал иметь дело с людьми слишком долго. Они всегда начинали чувствовать себя слишком уютно и ждали уступок с его стороны, но, как и подобает доброму

тлулаксу, Кеедайр привык класть львиную долю прибыли в свой карман.

Он еще раз отхлебнул пряного пива, после чего его вкус понравился ему еще больше.

— Что это за штука?

Поняв, что никто из посетителей не собирается отвечать на его вопрос, он обернулся к бармену.

— Это пиво варят здесь или оно привозное?

— Сделано на Арракисе, сэр.

Когда бармен улыбался, его морщины переплетались между собой, образуя интереснейший узор. Лицо становилось похоже на причудливое оригами из желтоватой кожи.

— Его привозят сюда люди пустыни, кочевники дзенсунни.

Кеедайр оживился, услышав знакомое название буддисламской секты.

— Я слышал, что есть несколько их групп, которые живут в песках. Как можно их найти?

— Найти их? — Бармен от души рассмеялся. — Никто их никогда не ищет. Грязный, злобный народ. Они убивают чужестранцев.

Кеедайр едва поверил в этот ответ. Пиво оказало на него потрясающее действие. Он не ожидал такого опьянения, слова выходили из его уст смазанными, мышление потеряло четкость. Со второй попытки он все же сумел сформулировать свой вопрос.

— Но дзенсунни... я думал, что они — мирный, покорный народ, можно сказать, настоящие пацифисты.

Смех бармена прозвучал как сухой трескучий хрип.

— Может быть, есть и такие, но наши не боятся пустить кровь, если им это надо. Надеюсь, вы меня хорошо поняли.

— Насколько они многочисленны?

Бармен насмешливо скривился.

— Самое большее, сколько мы их видим, — это дюжина или две. Но удивительное дело — их дети не вырождаются от близкородственных браков.

Лицо Кеедайра потускнело, он даже перекинул косичку на другое плечо. Все его планы рушились. Мало того, что он потратился на привоз сюда своей команды, они рискуют еще привезти с Арракиса только пару никому не нужных пустын-

ных крыс. Кеедайр вздохнул и сделал еще один большой глоток пива. Вероятно, не стоит и пробовать. Лучше снова совершить набег на Хармонтеп, даже если это плохо подействует на других рабов.

— Клянусь, должно быть, их больше, чем мы думаем, — произнес бармен. — Они все выглядят совершенно одинаково, завернутые в свои пустынные накидки.

Пока Кеедайр наслаждался вкусом напитка, он почувствовал какое-то легкое покалывание в теле и необычайную легкость. Нет, это была не эйфория, но ощущение полного телесного и душевного комфорта. В этот момент в его голову пришла блестящая идея. В конце концов, он — деловой человек и должен искать во всем прибыль. Не важно, что является при этом предметом купли и продажи.

— А как насчет этого пряного пива? — Он постучал по пустому стакану непослушными пальцами. — Где дзенсунни находят ингредиенты? Мне кажется, что на этой планете вообще ничего не растет.

— Пряность — это естественное вещество, которое имеется в пустыне. Можно найти ее в дюнах, она располагается там пятнами, где ее обнажает ветер, или она появляется на поверхности после пряных взрывов. Но в тех местах обитают чудовищные песчаные черви и часто бывают страшные песчаные бури. И то и другое убивает наверняка. Оставьте дзенсунни в покое, если вам, конечно, нужен мой совет. Бродяги привозят это вещество в Арракис-Сити для натурального обмена.

Кеедайр решил отвезти в Лигу немного пряности на пробу. Может быть, удастся найти подходящий рынок сбыта на богатой Салусе или среди аристократов Поритрина? Вещество и в самом деле оказывает необычайный эффект на организм. Такого спокойствия он действительно не испытывал никогда в жизни. Если удастся продать пряность, то можно будет оправдать некоторые издержки этой неудачной экспедиции.

Бармен кивнул головой в сторону двери.

— У меня слишком мало пряного пива для оптовой поставки, поэтому я не смогу служить посредником, но сегодня утром сюда пришла банда этих бродяг. Весь день они просидят в своих палатках, спасаясь от зноя, а вечером вы найдете

их на рынке, у восточной оконечности космопорта. Они продадут вам столько, сколько у них есть. Только смотрите, чтобы они вас не надули.

— Нет такого человека, который может надуть меня, — ответил Кеедайр, обнажив в жестокой ухмылке острые зубы. Правда, он отметил, что слова его получились несколько смазанными. Надо будет подождать, пока пиво выветрится из него, прежде чем идти на встречу с кочевниками-дзенсунни.

Навесы из бело-коричневой полосатой ткани давали пятна тени. Кочевники сидели вместе, отделившись от сутолоки космопорта. Свои палатки кочевники соорудили из найденных ими в пустыне остатков брезента и упаковочного материала. Кажется, некоторые навесы были сделаны из какого-то пластика, которого Кеедайру не приходилось видеть никогда в жизни ни на одной планете.

Солнце скрылось за грядой гор, окрасив небо в оранжевые пастельно-огненные тона. Когда температура воздуха упала, поднялся ветер, несший с собой пыль и больно обжигающий песок. Навесы палаток трещали и хлопали на ветру, но кочевники не обращали на шум ни малейшего внимания, словно для их ушей он был простым музыкальным сопровождением.

Кеедайр подошел к ним один. Его все еще пошатывало, хотя голова была ясной после того, как он выпил воды, заплатив за нее поистине заоблачную цену. Заметив его приближение, две женщины, надеясь что-нибудь продать, подошли к своим прилавкам и разложили на них привезенные на продажу предметы. Рядом с ними встал мужчина с символической татуировкой на лице. Мужчина окинул Кеедайра подозрительным взглядом своих проницательных темных глаз.

Не говоря ни слова, Кеедайр слушал, как женщина предлагает ему все свои товары — пеструю материю, странные выветренные песчаными бурями камни и несколько смехотворных проржавевших насквозь технических приспособлений, которые ему не удалось бы продать даже самому сумасшедшему собирателю древностей. Он отрицательно качал головой после каждого предложения, пока худощавый мужчина, к которому женщина обращалась как к наибу Дхартхе, не сказал:

— Больше у нас ничего нет.

Кеедайр решил, что пора переходить к делу.

— В вашем космопорту я попробовал пряное пиво. Человек, который мне его продал, посоветовал обратиться к вам.

— Пряное пиво, — сказал мужчина, — делается из меланжи. Да, его можно достать и получить.

— Как много вы можете доставить и во что мне это обойдется?

В ответ наиб развел руки и изобразил на лице некое подобие улыбки.

— Вопрос открыт для обсуждения. Цена зависит от того, сколько вам нужно пряности. Достаточно ли будет вам того количества, какое человек потребляет за месяц?

— Почему бы нам не договориться о полной загрузке корабля? — спросил Кеедайр, заметив, что его слова потрясли наиба до глубины души.

Дхартха быстро взял себя в руки.

— Это займет некоторое время, пряность надо собрать. На это уйдет месяц, быть может, даже два.

— Я могу подождать, если, конечно, мы придем к соглашению. Я прибыл сюда с порожним судном. Мне надо что-то увезти с собой.

Он снова взглянул на куски материи и выветренные камни.

— Но я не хочу везти ничего похожего на *это*. Я же стану посмешищем на всех планетах Лиги.

Несмотря на естественный интерес тлулакса к биологическим продуктам, Кеедайр не собирался веки вечные заниматься работорговлей. Он никому не обязан этим. Он пойдет своим путем и никогда не вернется в планетную систему Талим, если так будет необходимо. Тлулаксы были настоящими религиозными фанатиками, и он уже давно устал от их догм и вечных политических интриг. Лекарства и выпивка всегда будут находить спрос по хорошей цене, и если он сможет предложить нечто новое и экзотическое, например, наркотик, которого не пробовал еще ни один аристократ, то на этом деле можно получить весьма неплохой барыш.

— Но сначала скажи мне, что такое все-таки эта меланжа? — проявил любопытство Кеедайр. — Откуда она берется?

Дхартха сделал знак одной из женщин, и она нырнула под полог палатки. Внезапный порыв горячего ветра подхватил полосатую материю, и треск развевающейся материи стал сразу намного громче. Солнце только что склонилось к горизонту, и Кеедайру пришлось сощуриться, когда он взглянул в том направлении. Он отвлекся и не заметил перемены в выражении лица странника пустыни.

Через несколько мгновений женщина вынесла из палатки маленькую чашку с дымящимся черным напитком, издававшим возбуждающий аромат корицы. Она подала чашку Кеедайру. Он с любопытством, не лишенным, однако, некоторого скепсиса, взглянул на напиток.

— Это кофе, смешанный с чистой меланжей, — сказал Дхартха. — Пробуйте, вам понравится.

Кеедайр вспомнил, насколько дорога вода в баре, и решил, что кочевник хочет получить прибыль от переговоров. Он сделал глоток, сначала маленький и осторожный, но потом подумал, что у бродяги нет никакого резона травить его. Он попробовал горячий кофе на язык и ощутил какое-то электрическое раздражение во рту, великолепный вкус напомнил ему вкус пива, которое все еще циркулировало в его крови. Надо быть осторожным, иначе он потеряет бдительность, что недопустимо в торговых делах.

— Мы собираем пряность в пустыне Танзеруфт, там, где обитают демонические песчаные черви. Это очень опасное занятие. Мы теряем много людей, но пряность — это ни с чем не сравнимая драгоценность.

Кеедайр попробовал еще кофе и одернул себя, чтобы не согласиться со слишком явной готовностью. Он все больше и больше убеждался в том, что игра стоила свеч. Кажется, от такой торговли можно ожидать больших перспектив. Теперь, когда мужчины немного переместились, поменявшись местами, Кеедайр смог разглядеть глаза Дхартхи. Они оказались не черными, а темно-синими. Даже белки глаз имели странный оттенок синего индиго. Очень странно. Может быть, это дефект, обусловленный инбридингом среди немногочисленных дзенсунни?

Суровый житель пустыни сунул руку в карман и извлек оттуда коробочку. Когда наиб открыл ее, торговец увидел

спрессованный хлопьевидный порошок коричневого цвета. Дхартха протянул коробочку купцу, который слегка потрогал пряность кончиком мизинца.

— Чистая меланжа. Очень сильная. Мы используем ее для приготовления напитков и блюд в наших поселках.

Кеедайр коснулся кончиком языка частичек меланжи на пальце. Меланжа была сильно возбуждающим средством, но она же одновременно и успокаивала. Он почувствовал прилив энергии и редкое спокойствие. Ум стал намного острее; казалось, что из организма выветрился весь алкоголь и все наркотические вещества, какие он употреблял. Однако он решил сдержаться и не показать охватившего его волнения.

— Если вы будете потреблять меланжу в течение долгого времени, — сказал Дхартха, — то она поможет вам сохранить здоровье и продлить юность.

Кеедайр ничего не ответил на эти слова наиба. Он уже не раз слышал подобные отзывы о всяческих эликсирах вечной молодости. Ни один из них, насколько он мог судить по своему опыту, не оказался эффективным.

Он закрыл крышку коробочки и положил ее в свой карман, хотя никто не предложил ему пряность в дар. Торговец встал.

— Я вернусь завтра, и мы продолжим наш разговор. Мне надо подумать.

Наиб пустыни хмыкнул в знак согласия.

Кеедайр направился к челноку у периметра космопорта. Мозг его был занят предварительными расчетами возможной прибыли. Его друзья работорговцы будут разочарованы тем, что он не предпримет даже попытки набега, но Кеедайр заткнет им рот, выплатив минимальную оговоренную ставку. Но сейчас он должен взвесить все возможности этой мощной пряности, прежде чем торговаться с кочевниками о цене. Арракис очень далеко, слишком далеко от рутинных торговых путей. Идея была хороша, она волновала его купеческий ум, но он все же сомневался, что сможет с выгодой вывозить с Арракиса эту экзотическую субстанцию.

Он был реалистом и очень сомневался, что меланжа когда-либо станет чем-то большим, чем простым курьезом.

Люди, по самой своей природе, существа, приспособленные к выживанию. Они делают некоторые вещи только для себя, а потом пытаются скрыть свои мотивации с помощью различных уверток. Дарение — это главный пример поведения, которое в основе своей является глубоко эгоистичным.

Эразм. «Заметки из барака рабов»

Незадолго до полуночи Аврелий Венпорт сидел за длинным столом из темного дерева в одной из гулких пещер подземного города Россака. Он устроил эту комнату для своих встреч с производителями лекарств, биохимиками и торговцами фармацевтической продукцией. Правда, Зуфа Ценва иногда использовала это помещение для своих частных встреч.

Даже в этот поздний час, несмотря на непроглядную тьму, главная колдунья находилась в опасных джунглях, тренируя своих учениц и готовя их к самоубийственной атаке. Он не мог до конца понять, хочет ли Зуфа, чтобы ее курсанток снова призвали, или страшится этого.

Он очень надеялся, что сама она не отправится в очередную военную экспедицию, хотя вполне вероятно, что его подруга захочет примерить на себя венец мученицы. Зуфа принимала его любовь как нечто само собой разумеющееся, обвиняла его во всевозможных вымышленных неудачах, но Венпорт все же любил ее и не хотел терять.

Зуфа должна была вернуться уже час назад, и он с нетерпением и возрастающей тревогой ждал ее прихода. Но ему не следовало проявлять свое нетерпение. Надменная колдунья действовала по своему расписанию, считая приоритеты Венпорта второстепенными.

Даже в самые темные часы суток комната в пещере была освещена теплым светом. Взвешенная в воздухе сфера, плававшая над столом, была похожа на маленькое согревающее

персональное солнце. Милая Норма прислала этот светильник с Поритрина в подарок — компактный светильник, подвешенный в силовом поле, который она сама изобрела. Основанный на том же принципе, что и светящие панели, этот прибор был более эффективным, поскольку прибор генерировал свет как побочный продукт действия силового поля. Норма назвала этот светильник светящим шаром, и Венпорт занялся коммерческой стороной этого прибыльного изобретения.

Венпорт отпил глоток горького травяного эля из стоявшего перед ним стакана. Он скривился, но отпил еще, стараясь успокоить расходившиеся нервы. Зуфа должна прийти с минуты на минуту, и он очень скучал по ней и хотел ее видеть. В джунглях колдуньи возвели гробницу, чтобы увековечить память геройски павшей Геомы. Может быть, сейчас все они находятся там, пляшут вокруг гробницы в свете звезд и распевают гимны, как на шабаше ведьм. Или, быть может — невзирая на их холодную логику и стальную решимость, — они используют этот момент для поклонения Гее, ее жизненной силе, древней матери Земли, воплощению женского могущества. Во всяком случае, они наверняка занимаются любым делом, которое позволит им отдалиться от тех, кого они называют слабыми мужчинами...

Привлеченные светом парящего светильника, в комнату из внешнего коридора налетели мошки. Эти ночные насекомые обладали поистине волчьим аппетитом и питались исключительно человеческой кровью, но кусали они только мужчин. Казалось, это была одна из злых шуток Россака, где колдуньи специально навели заклятие на мелких насекомых, которые заставляли мужчин по ночам сидеть дома, в то время как женщины отправляли в джунглях свои тайные ритуалы.

Минуло еще пятнадцать минут, но Зуфа все еще не пришла. Расстроенный Венпорт допил горький эль и, подавив вздох отвращения, поставил пустой стакан на стол. Он редко просил ее о встречах, но они были нужны ему как воздух. Неужели она не может ради него пожертвовать хотя бы несколькими мгновениями своего драгоценного времени?

Но он все равно будет пытаться заслужить ее понимание и уважение. За последние годы Венпорт достиг замечательных

успехов в экспорте медицинских наркотиков и лекарств, вырабатываемых из россакских растений. В прошлом месяце его люди получили хороший доход от продажи на Ярдин партии психоделических препаратов. Лекарство стало излюбленным средством достижения транса во время мистерий, к которым так склонны буддисламисты, которые правят этой планетой. Мистики всех мастей использовали галлюциногены Россака в своих ритуалах, пытаясь достичь состояния полного просветления.

Венпорт посмотрел на молочно-белый камень су, лежавший на столе. Контрабандист с Баззелла, одной из несоюзных планет, продал ему этот очень редкий и ценный камень. Торговец утверждал, что некоторые камни су особой чистоты обладают концентрированным гипнотическим действием. Венпорт хотел, чтобы гордая Зуфа носила этот камень, возможно, как подвеску. Может быть, колдунья сможет использовать этот камень для усиления своих телепатических способностей.

Он свернул в трубочку кору с особыми алкалоидами и сунул ее в рот, начав с хрустом жевать. Он знал, что это средство успокоит его и поможет расслабиться. Он приглушил свет плавающего светильника и прибавил оранжевых тонов, от которых камень су засверкал всеми цветами радуги. Кора с алкалоидами сделала его спокойным и отчужденным... необычный гипнотический камень переливался в свете лампы, навевая сон. Время текло незаметно, Венпорт потерял о нем всякое представление.

Зуфа вошла в комнату, обычно бледные щеки ее горели румянцем, глаза светились ярким блеском. В приглушенном свете пещеры она выглядела как сказочное эфирное создание. На ней было надето длинное прозрачное платье, украшенное мелкими каменьями, сверкавшими, как поле, усеянное рубиновыми цветами.

— Я вижу, что у тебя, как всегда, нет никаких важных дел, — произнесла она заранее, не дожидаясь ответа, нахмурившись.

Он собрал в кулак всю свою волю и остроумие.

— У меня нет более важных дел, чем ждать тебя.

Поднявшись из-за стола, он постарался придать себе гордый и независимый вид и взял со стола камень су.

— Смотри, что я нашел. Когда я увидел этот камень, то сразу подумал о тебе. Это подарок с Баззелла, где мои купцы получили небывалый доход от...

Увидев, как лицо Зуфы исказилось от невысказанного отвращения, Венпорт от унижения потерял дар речи.

— И что я должна с этим делать? — Она посмотрела на камень, не подумав даже прикоснуться к нему. — Я что, когда-нибудь интересовалась подобными побрякушками?

— Это очень редкий камень су, говорят, что он... усиливает телепатические способности. Может быть, ты сможешь применять его как фокусирующее устройство на занятиях с твоими студентками.

Видя, что она стоит как статуя и его слова не оказывают на нее никакого впечатления, он сбивчиво продолжил:

— Буддисламисты Ярдина дерутся за наши психоделики. Я получил очень много денег за последние месяцы и думал, что тебе понравится мой подарок.

— Я устала и иду спать, — сказала она, не взяв камень. — Мои колдуньи и без твоих камней доказали, на что они способны. Пока машины угрожают планетам Лиги, у нас не будет времени любоваться на камни су.

Венпорт, не веря своим ушам, тряхнул головой. Что ей стоило хотя бы просто принять его подарок? И неужели она не может, в конце концов, сказать ему хоть одно доброе слово? Он был настолько оскорблен и обижен, что не помогла даже кора с успокаивающими алкалоидами. Венпорт сорвался на крик:

— Если ты отказываешься от своей человечности, Зуфа, ради того, чтобы воевать с машинами, то можешь считать, что Омниус уже победил.

Она на секунду задержалась на пороге, но не обернулась. Вместо этого она быстрым шагом решительно направилась в свою спальню, оставив его одного.

В выживании ли выстоит наша человеческая сущность? То, что делает жизнь столь приятной и сладкой — теплота, полнота чувств и созерцание красоты, — тоже должно присутствовать в ней. Но мы не достигнем преодолевшей все преграды человечности, если станем отрицать цельность сущности нашего бытия — если мы станем отрицать эмоции, мысль и плоть. Если мы будем отрицать эмоции, то потеряем всякую связь со Вселенной, которую населяем. Потеряв мысль, мы утратим способность понимать, чем мы обладаем. И если мы осмелимся отрицать плоть, то перестанем управлять экипажем, который несет всех нас по дорогам жизни.

Примеро Вориан Атрейдес. «Анналы армии джихада»

Земля. Сквозь тонкую пелену летнего дождя Вориан ехал в дорогой белой карете, запряженной четверкой породистых белых жеребцов. Эразм приказал роботу-кучеру нарядиться в военную форму с широкими военными отворотами и золотым шитьем и в треуголку, позаимствованную у одного древнего исторического персонажа.

Такая экстравагантность была малоэффективной и излишней — не говоря уже о ее анахронизме, — но доверенный человек слышал, что эксцентричный Эразм часто совершал необъяснимые поступки. Вор не мог себе представить, зачем такому высокопоставленному представителю всемирного разума захотелось увидеть именно его, Вориана Атрейдеса.

Возможно, Эразм прочитал отчеты кое о каких моделях и военных играх, которыми Вориан развлекал Севрата во время долгих перелетов. Он знал, что робот построил дорогие лаборатории, в которых изучает природу человека, и этот вопрос отравил механический разум Эразма. *Но что я могу ему сказать?*

Когда колеса кареты застучали по брусчатке, которой был вымощен двор перед господским домом, Вориан вытер запо-

тевшее оконное стекло кареты. Даже за косыми струями дождя импозантная, выстроенная в грогипетском стиле вилла выглядела гораздо величественнее, чем спланированные в виде прямоугольных сеток машинные города. Казалось, что в этом доме обитал принц.

Раскинувшееся на площади в несколько акров имение, блиставшее декоративными садами и черепичными крышами, могло вместить в себя население двух-трех средних деревень. Украшенный затейливыми балконами главный дом, обрамленный рифлеными колоннами и готическими, выполненными в виде фантастических крылатых животных, водосточными трубами, выходил фасадом на огромную, вымощенную плазом площадь, уставленную фонтанами, барочными скульптурами и каменными зданиями.

Что я здесь делаю?

К Вориану, отворачивая взгляды, словно он был высокопоставленным роботом, приблизились два одетых в ливреи человека. Один из лакеев открыл дверь, второй помог Вориану спуститься на ступеньку кареты.

— Эразм ждет вас.

Белые кони всхрапывали и били копытами землю, видимо, им не хватало движения.

Один из ливрейных лакеев раскрыл зонтик, чтобы прикрыть черные волосы молодого Атрейдеса от моросящего дождя. Одетый в безрукавку и легкие летние брюки Вориан задрожал от холода. Он терпеть не мог сырости, и страх промокнуть напомнил ему о слабости и несовершенстве его человеческого тела. Если бы он был кимеком, то легко подстроил бы внутреннюю температуру, и его проводящие стержни-сенсоры снизили неприятное ощущение влаги и холода. Но ничего, скоро придет заветный день, и он станет кимеком.

У входа его встретила красивая молодая женщина.

— Вориан Атрейдес?

У женщины были необычайные лавандовые глаза, которыми она горделиво смотрела на него в отличие от согбенных и приниженных ливрейных лакеев. Губы ее искривились в мимолетной презрительной улыбке.

— Итак, вы — сын злодея Агамемнона?

Несколько ошеломленный Вориан на мгновение застыл на месте.

— Мой отец — почитаемый всеми генерал, первый среди титанов. Его подвиги легендарны.

— Или позорны.

Женщина смотрела на него без всякого почтения.

Вор не знал, как реагировать на такое вызывающее поведение. Все остальные люди низших каст синхронизированного мира знали свое место. Но эта женщина была рабыня, а не доверенное лицо, каким был он сам. Когда Вор возвращался домой после успешных полетов за новыми данными, он получал в награду красивых женщин для услады. Эти женщины согревали его постель. Он никогда не спрашивал, как их зовут и кто они. Но на этот раз ему захотелось изменить своей привычке.

— Я хочу знать твое имя, так как желаю его запомнить, — сказал он наконец.

Было что-то интригующее в этой необыкновенно красивой женщине и ее неожиданной непокорности.

Она гордилась своим происхождением не меньше, чем Вор своим.

— Меня зовут Серена Батлер.

Она повела его по коридору, уставленному статуями и увешанному картинами, потом они вошли в крытый ботанический сад, защищенный от дождя прозрачным стеклянным потолком.

— Что ты здесь делаешь? Ты одна из доверенных... учениц Эразма?

— Я просто домашняя рабыня, но в отличие от вас я стала ею не по своей воле.

Он принял ее ответ как вызов своей чести.

— Да, я служу машинам и горд этим. Я помогаю им, чтобы извлечь самое лучшее из того, что может предложить испорченная природа нашего биологического вида.

— Сотрудничая с Омниусом, вы становитесь сознательным предателем своей расы. Для свободного человека вы — такое же зло, как и ваши хозяева-роботы. Или это никогда прежде не приходило вам в голову?

Вор был озадачен. Военный человек с Гьеди Первой предъявил ему такое же обвинение.

— Зло... но почему? Разве вы не видите ничего хорошего в том, что удалось совершить Омниусу? Это же так очевидно. Просто посмотрите на Синхронизированный Мир. Каждая его деталь находится на своем месте, весь механизм отлично пригнан, отрегулирован и превосходно функционирует. Почему надо обязательно это разрушить?

Серена посмотрела на него с таким видом, словно решала, действительно ли он думает то, что говорит. Наконец она покачала головой.

— Вы — глупец, раб, который не способен видеть своих цепей. Не стоит даже пытаться переубеждать вас.

Она резко отвернулась от него и пошла по коридору, оставив Атрейдеса одного.

— Несмотря на всю вашу так называемую подготовку, вы ничего не понимаете в жизни, — бросила она на прощание.

Прежде чем Вор успел придумать достойный ответ, он увидел независимого робота. Одетый в темную плотную накидку Эразм стоял возле мелкого бассейна, и вода отражалась в его овальном зеркальном лице. Сквозь отверстие в потолке в бассейн падали капли дождя, задевая и Эразма. Одежда его была мокрой. В глубине помещения, создавая успокаивающий фон, звучала классическая музыка. Не объявив о прибытии Вора, Серена ушла. Удивленный ее грубостью, Вориан тупо уставился ей вслед. Его восхитило ее лицо и янтарно-каштановые волосы, но не менее того он был поражен ее характером и очевидным умом. Талия была полной, и Вориану показалось, что она беременна. Парадоксально, но надменность делала ее еще более пленительной; он желал ее, как нечто недоступное и поэтому манящее.

Очевидно, Серена Батлер так и не смирилась со своим положением домашней прислуги. Учитывая, что рабы вообще жили в ужасных бараках и в нечеловеческих условиях, ей было не на что жаловаться. Что ей надо? Чего она хочет? В ее поведении не было никакого разумного смысла.

— Потрясающа, не правда ли? — спросил Эразм, продолжая стоять под дождем. Робот сложил свое податливое лицо в покровительственную снисходительную улыбку.

Стараясь не попасть под холодные капли дождя, Вор ответил:

— Я удивлен тем, что ты терпишь такое раздражающее поведение.

— Такое поведение хорошо меня просвещает. — Эразм снова принялся изучать капли, падающие в отражающий бассейн. — Я нахожу ее интересной. Ее честность освежает, так же, как, впрочем, и твоя.

Робот шагнул к Вориану.

— Я зашел в тупик в своем изучении человеческого поведения, потому что до сих пор подбирал объекты изучения среди обучаемых пленников, которые были рождены для рабства. Они не видели иной жизни, кроме рабской и приниженной, в них нет *искры*. Они овцы в отличие от тебя, Вориан Атрейдес. Ты — волк. Такова и Серена Батлер, хотя, конечно, она волк иного рода.

Гость поклонился, преисполнившись гордости от похвалы со стороны мыслящей машины.

— Я буду счастлив помочь тебе, чем смогу, Эразм.

— Полагаю, что тебе понравилось путешествие в карете? Я выращиваю жеребцов и держу их для особо важных случаев. Ты дал мне повод воспользоваться ими.

— Это было необычное ощущение, — признался Атрейдес. — Это очень... архаичный способ передвижения.

— Подойди ко мне и постой вместе со мной под дождем. — Эразм поманил его к себе своей синтетической рукой. — Это очень приятно, смею тебя уверить.

Вор послушно встал туда, куда ему велели, изо всех сил стараясь не показать, как ему неприятно и неудобно. Дождь быстро промочил насквозь его рубашку, намочил голые руки, вода закапала с черных курчавых волос на лоб, стала заливать глаза.

— Да, Эразм, это очень приятно.

Робот изобразил смех.

— Ты лжешь.

Сохранив присутствие духа, Вориан ответил:

— Это люди умеют делать лучше всего.

Смилостивившись, робот отвел Вориана из-под холодной капели.

— Давай обсудим Серену. Она привлекательна по меркам человеческих понятий о красоте, не правда ли?

Вор не знал, что ответить, но Эразм настаивал на своем:

— Я видел, как ты вел себя в ее присутствии. Ты бы хотел произвести потомство от этой представительницы дикого типа человека, разве нет? Сейчас она носит ребенка от своего любовника-хретгира, но у нас впереди много времени. Правда, что она не похожа на рабынь, которых тебе дарили для наслаждений?

Вор затруднился с ответом. Он не мог понять, что хочет узнать от него робот.

— Да, она красива и... пленительна.

Эразм издал синтетический звук, нечто похожее на вздох.

— Это очень печально, но, несмотря на многочисленные усовершенствования моих органов чувств, я остался не способен к сексуальной активности. По крайней мере я не могу в этом отношении имитировать мужчину биологического вида. Я потратил столетия, разрабатывая усовершенствования и модификации, которые помогли бы мне воспроизвести ощущение экстаза, доступного даже самым примитивным людям. Но мне не удалось добиться ощутимого прогресса в этом направлении. Все мои попытки иметь дело с рабынями не увенчались успехом.

Взмахнув своими пышными одеждами, робот знаком велел Атрейдесу следовать за собой в теплицу. Пока они шли по садовым дорожкам, царственный робот называл каждое растение и рассказывал его историю, словно читал лекцию несмышленому ребенку или хвастался своими познаниями.

— Серена обладает обширнейшими познаниями в растениеводстве. На Салусе она была выдающимся растениеводом и разводила там удивительные сады.

Вор отвечал односложными вежливыми междометиями, стараясь понять, чем он может помочь роботу. Незаметно он вытер от воды глаза. Намокшая одежда неприятным холодным компрессом прилипла к телу.

Наконец Эразм прямо объяснил, зачем он позвал к себе молодого доверенного человека.

— Вориан Атрейдес, совсем недавно твой отец провел тебе курс лечения, продлевающего жизнь. — Робот снова превратил

свое механическое лицо в зеркальную маску, чтобы не намекнуть Вору, чего он в действительности от него добивается. — Скажи мне, что ты чувствуешь теперь, когда к сроку твоей жизни добавились целые столетия. Я уверен, что это величайший дар Агамемнона, такой же щедрый, как твое зачатие.

Прежде чем Вориан успел ответить, в оранжерею вошла Серена, неся серебряный чайный сервиз. Она с грохотом поставила поднос на каменный полированный стол и разлила черную дымящуюся жидкость в две чашки, а потом предложила одну роботу, а другую Вориану. Эразм вытянул из лица зонд и втянул в себя чай, словно пробуя его на вкус. Зеркальная маска сложилась в мину величайшего наслаждения.

— Превосходно, Серена. Замечательный и очень интересный вкус и аромат.

Вору не было никакого дела до вкуса этого напитка. На вкус Атрейдеса, он ничем не отличался от обычного черного горького шоколада, смешанного с несколько подпорченным фруктовым соком. Серена с любопытством наблюдала за выражением лица Атрейдеса.

— Напиток очень хорош! — объявил Эразм. — Серена приготовила его специально для тебя. Я позволил ей выбрать рецепт по ее усмотрению.

— Аромат и букет уникальны.

Робот рассмеялся.

— Ты опять лжешь.

— Нет, Эразм, я просто избегаю прямых ответов.

Вор заметил враждебность во взгляде Серены и подумал, не испортила ли она чай намеренно. Оставив на столе поднос, она вышла, сказав:

— Может быть, мне стоит ходить в школу доверенных людей, чтобы стать более угодливой рабыней.

Вор посмотрел на Серену, удивившись тому, что Эразм не обратил никакого внимания на ее подчеркнутую грубость.

— Меня очень забавляют ее попытки оказать мне сопротивление, Вориан. Это совершенно безобидная непокорность. Она прекрасно знает, что не может бежать отсюда.

Робот помолчал, внимательно глядя на Атрейдеса.

— Ты не ответил на мой вопрос о продлении твоей жизни.

У Вора было время подумать, и он начал говорить:

— Честно говоря, я сам не знаю, что именно я чувствую. Мое человеческое тело осталось таким же хрупким и легко разрушаемым. Я так же подвержен болезням и ранам, но по крайней мере я не стану старым и слабым.

Вор думал об отпущенных ему годах, как о кредитках, которые надо умно потратить. Он проживет несколько человеческих жизней, но насколько важнее стать кимеком!

— Как бы то ни было, но все мои добавочные годы — не более чем мгновение ока по сравнению с долгим веком мыслящей машины, такой, как, например, ты.

— Да, мгновение ока, этот безусловный человеческий рефлекс, я могу представить себе физически и концептуально. Вы используете эту метафору для обозначения чего-то очень краткого и недолговечного.

Заметив на стенах оранжереи экраны, Вор понял, что их разговор слушает всемирный разум.

— Ты всегда так любопытен?

— Любопытство помогает учиться, — ответил Эразм. — Я спрашиваю, потому что я очень пытлив. В этом есть смысл, не так ли? Просвети меня. Я хотел бы еще раз поговорить с тобой. Ты и Серена можете открыть передо мной интересные перспективы.

Вор поклонился.

— Как тебе угодно, Эразм. Однако я должен согласовать свой визит к тебе с плотным расписанием своей работы для Омниуса. Скоро отремонтируют «Дрим Вояджер», и он будет готов к следующему рейсу за данными.

— Да, мы все работаем для Омниуса.

Эразм помолчал. Сквозь мутные стекла крыши оранжереи стало видно, что тучи рассеялись, открыв голубое небо. Дождь прекратился.

— Больше думай о смерти и долголетии. Приезжай ко мне до отлета и поговори со мной.

— Я попробую добиться разрешения на такой разговор, Эразм.

Заинтригованный очаровательной игрой двух человеческих существ, Эразм вызвал Серену и велел ей проводить гостя к карете. Она была так явно враждебна по отношению к сыну

Агамемнона, но он проявлял к ней интерес. Физический, умственный? И как можно уловить разницу? Возможно, это станет предметом еще одного эксперимента.

Хотя они едва ли перебросились десятком слов, Вориан чувствовал, что его воображение целиком занято этой женщиной. Он никогда в жизни не встречал похожее на нее человеческое существо женского пола, женщину такой красоты и ума, обладавшую стремлением говорить то, что она думает. Очевидно, Серена Батлер была воспитана ценить в себе личность — точно так же, как Эразм старался улучшить качество собственной независимости. Когда они дошли до входной двери, молодой человек неожиданно выпалил:

— Когда должен родиться твой ребенок?

Лошади, казалось, сгорали от нетерпения пуститься вскачь. Одетый в одежду кучера робот сидел на козлах, неподвижный как статуя.

Глаза Серены расширились от гнева и раздражения. Она уже была готова дать отпор такой наглости и сказать, что это не его дело, но в последний момент передумала. Может быть, Вориан Атрейдес и есть та возможность бежать, на которую она так надеялась. Он обладает информацией, которая поможет ей бежать, кроме того, он пользуется доверием машин. Было бы непростительной глупостью с порога отметать такую возможность. Если же она вместо этого подружится с ним, то разве не сможет она показать ему, каким должен быть свободный человек?

Она тяжко вздохнула и неопределенно улыбнулась.

— Я не готова обсуждать судьбу своего ребенка с чужими людьми. Но, быть может, когда вы приедете в следующий раз, мы поговорим на эту тему. Это будет неплохо для начала.

Вот так. Она сделала это.

С этими словами она вошла в дом и закрыла за собой дверь.

Наблюдая из окна портика за отъезжавшей каретой, Серена Батлер испытывала какую-то растерянность по отношению к этому ослепленному человеку, который с гордостью служил мыслящим машинам. Он настолько не нравился ей, что она не понимала, как сможет в дальнейшем доверять ему. Но, возможно, он окажется ей полезен.

Чувствуя себя очень неловко, успев промокнуть под вновь начавшимся дождем и дрожа от сырости, висевшей в воздухе, она поспешила в теплый сухой дом, чтобы обсохнуть и переодеться. Она почувствовала, как в ее чреве шевельнулся драгоценный ребенок, которому исполнилось уже шесть месяцев, и подумала о своем возлюбленном Ксавьере. Поможет ли ей Вориан вернуться к нему или ребенок будет влачить жалкое существование в плену, так и не увидев никогда своего отца?

Из всех проявлений человеческого поведения больше всего историй написано о войне и любви.

Когитор Экло. «Размышления об утраченном»

Трагическая потеря Серены на какое-то время выбила Ксавьера из седла и грозила погрузить всю его жизнь во мрак душевных переживаний. Три месяца назад он увидел остатки ее штурмовика в море Гьеди Первой и прочел результаты непререкаемо точного анализа ДНК клеток крови, собранных в кабине судна.

Он и сам не мог объяснить те чувства, которые теперь его обуревали, но всячески старался, чтобы они не поглотили его целиком. Сначала он хотел безрассудно напасть на какую-нибудь планету всемирного разума, но Серена сурово отчитала бы его за такой поступок. Единственное, что остановило его, — это мысль о ее неодобрении.

Она погибла, сражаясь с бесчеловечным врагом. Ксавьеру нужен был якорь, ощущение какой-то стабильности, прежде чем начать двигаться по жизни дальше. Во имя ее памяти борьба должна продолжаться до тех пор, пока все мыслящие машины не будут уничтожены.

Мысли Ксавьера обратились к Окте, живому напоминанию ее сестры. Она была хороша по-своему, была разумной и вдумчивой, а не целеустремленным крестоносцем, какой была Серена. Но некоторыми черточками лица гибкая девушка до боли напоминала ему Серену. Это были форма губ и мягкая улыбка. То было эхо дорогих воспоминаний. Ксавьер разрывался между желанием все время видеть Окту и желанием не видеть ее никогда.

Именно она утешала его в горе, давала ему поле деятельности, когда он нуждался в этом, и подбадривала его, когда он того желал. Мягко и ненавязчиво Окта заполнила пустоту,

образовавшуюся в его жизни. Хотя их отношения оставались спокойными и ничем не примечательными, она оказывала ему знаки привязанности, внимания и заботливой любви. Серена отличалась бурным темпераментом, а ее сестра проявляла упорство и предсказуемость.

Однажды, движимый больше импульсом, нежели горем, и более влечением, нежели здравым смыслом, Ксавьер попросил Окту стать его женой. В ответ она посмотрела на него расширенными от изумления глазами.

— Я боюсь двинуться, Ксавьер, и что-то говорить, потому что мне кажется, что я вижу сон.

На Харконнене была чистая, отутюженная форма Армады, украшенная знаками нового звания. Ксавьер незадолго до того получил чин сегундо. Ксавьер стоял навытяжку, держа руки по швам, словно обращаясь к старшему офицеру, а не к будущей спутнице жизни. Он понимал, что сестра Серены по-детски влюблена в него, и надеялся, что эта влюбленность сможет со временем перерасти в истинную любовь.

— Выбрав тебя в жены, дорогая Окта, я думаю, что совершаю самый храбрый выбор пути в будущее. В этом заключается наша самая лучшая возможность почтить память Серены.

Слова эти больше напоминали официальную речь, чем объяснение в любви, но Окта вспыхнула так, словно это было волшебное заклинание. Понимая, что это не повод для помолвки, Ксавьер постарался рассеять неловкость. Он решил, что вместе они смогут залечить нанесенные потерей Серены раны.

Манион и Ливия Батлер оба приняли и поощрили такое изменение в намерениях Ксавьера и даже занялись приготовлениями к бракосочетанию. Теперь, когда мост через эмоциональную пропасть был поврежден, они думали, что с помощью Окты смогут поправить это положение.

В день свадьбы Ксавьер постарался обрести внутренний покой и сделал все, что было в его силах, чтобы замкнуть ту часть своего сердца, которая всегда стремилась к Серене. Он все еще страдал по ее смеху, по ее красоте, по ее электризующим прикосновениям. Улучив несколько мгновений, он вы-

зывал в памяти одно за другим самые сильные воспоминания и с кровью вырвал их из своего сердца.

Теперь, с этого момента, милая Окта станет его женой. Он не обидит хрупкую девушку своими сожалениями. Это было бы нечестно и низко — сравнивать ее с Сереной.

Представители Лиги собрались в имении Батлера, где всего семь месяцев назад Ксавьер и Серена участвовали в охоте на дикого вепря. Именно здесь состоялась их помолвка, отмеченная веселой музыкой и зажигательными танцами. Но все это празднование было прервано трагическим сообщением о падении Гьеди Первой.

По настоянию Ксавьера церемония бракосочетания состоялась в новом павильоне с окнами, выходившими на виноградник и оливковую рощу. Здание отличалось такой сложностью форм, что строительство этого домика обошлось гораздо дороже, чем можно было судить по его внешнему виду. У фасада развевались три знамени с гербами Батлеров, Харконненов и Танторов, приемных родителей Ксавьера. Внизу, в долине, ярко белели на солнце дома Зимии, виднелись широкие проспекты и величественные административные здания, восстановленные за четырнадцать месяцев, прошедших после нападения кимеков.

Церемония была скромной и строгой, несмотря на все попытки гостей имитировать веселье и на деланную оживленность Маниона Батлера. Новые воспоминания со временем поглотят старые. Улыбаясь — никто не видел его улыбку уже несколько месяцев, — вице-король переходил от гостя к гостю, пробуя пунши и закусывая сырами, которые он запивал молодым вином, и произносил бодрые тосты.

Жених и невеста молча стояли, держась за руки, перед скромным алтарем у входа в полный гостей павильон. Одетая в традиционное светло-голубое платье салусанской невесты, Окта выглядела как воздушное создание, милое и хрупкое рядом с мощным Ксавьером Харконненом. Ее светлые волосы были собраны в высокую прическу, скрепленную жемчужными заколками.

Некоторые могли бы сказать, что такая скоропалительная свадьба на сестре Серены была реакцией Ксавьера на его горе,

но он знал, что выбрал благородный путь. Он тысячу раз напоминал себе, что сама Серена одобрила бы такой его шаг. Вместе с Октой он сможет поставить преграду боли и печали.

Внутри украшенного цветами павильона стояла настоятельница Ливия Батлер, ее янтарные волосы сверкали в свете солнца, как золотистые полосы. Она явилась из Города Интроспекции, чтобы провести брачную церемонию. Уверенная в себе и преисполненная гордости, словно она отбросила все свои сомнения и преодолела горе, Ливия взглянула на жениха и невесту и улыбнулась мужу. Манион Батлер едва влез в свой красный с золотом костюм. Над воротником и из рукавов сорочки выпирали складки мягкой плоти.

Музыканты начали играть на своих балисетах. Сладкоголосый юный тенор начал петь медленную песню. Стоявшая рядом с Ксавьером Окта казалась погруженной в какой-то свой призрачный мир, не зная, как реагировать на так быстро изменившиеся обстоятельства. Она сжала его руку, и он, поднеся ее к своим губам, нежно поцеловал.

С момента безвременной кончины брата Фредо Окта развила в себе способность отбрасывать неприятные вещи, не давать им завладевать разумом, она никогда не увлекалась глобальными размышлениями, довольствуясь малым. Такое ограничение позволит ей сделать счастливыми себя и Ксавьера.

Со слезами, блеснувшими в его выразительных глазах, Манион Батлер подошел к молодым, чтобы соединить их руки. Выдержав долгую паузу, он с торжественным видом обернулся к своей супруге и со значением кивнул головой. Настоятельница начала церемонию.

— Мы собрались здесь, чтобы спеть песнь любви, песнь, что соединяет мужчину и женщину, песнь ранних дней цивилизации.

Окта улыбнулась Ксавьеру, и он почти вообразил, что перед ним Серена, но успел вовремя отогнать от себя ее образ. Они с Октой любили друг друга по-иному. Их привязанность будет возрастать с каждым проведенным вместе днем. Ксавьеру надо только принять то тепло, которым Окта готова так щедро с ним поделиться.

Стоя перед молодыми, Ливия произнесла традиционные слова, корнями уходившие далеко в панхристанские и буддисламские тексты древних эпох. Слова были замечательно красивы, и ум Ксавьера воспарял все выше и выше, пока Ливия Батлер связывала молодых клятвами вечной верности.

Вскоре все необходимые слова были сказаны. Разделив с Октой ритуал любви и надев ей на палец кольцо, Ксавьер Харконнен поклялся ей в вечной преданности. Даже мыслящие машины не смогут разорвать эти узы.

Любой разговор основан на допущении, что вы сможете что-то получить, если будете произносить слова одно за другим.

Иблис Гинджо. Заметки на полях похищенной записной книжки

Аякс, облаченный в свою устрашающую шагающую форму, ходил по Форуму, следя за каждым этапом строительства, выискивая малейшие недостатки. С помощью своих бесчисленных оптических сканеров титан буквально ощупывал каждый квадратный сантиметр полированной поверхности громадного колосса, изображавшего его собственный, давно забытый человеческий облик. Аякс был очень расстроен тем, что Иблис Гинджо сам настолько хорошо следил за качеством работы, что титану не представилось возможности примерно наказать строителей и архитекторов.

В полном смятении Иблис искал в этом положении свои преимущества. В воображении он постоянно возвращался к чудесным вещам, о которых он узнал от когитора Экло, особенно же волновали его подробности славного, хотя и закончившегося неудачей восстания хретгиров. Аякс воплощал в себе жестокость и боль той давно отгремевшей битвы.

Сможет ли когитор помочь Иблису распространить ровный огонь подготовки к восстанию среди рабов? Смогут ли они извлечь уроки из ошибок прошлых революций? Не было ли в прошлом примеров бунта доверенных лиц, таких, как Иблис Гинджо? Как может помочь ему посредник Аким?

Несмотря на все свои расследования, на способность вести манипулятивные беседы и умение заставить других людей раскрывать перед ним свои тайны, Иблис так и не нашел никаких следов существования других подпольных групп. Возможно, их руководство было рассеянным, дезорганизованным

и слабым. Кто посылал ему подстрекательские письма — уже пять за истекших три месяца?

Отсутствие доказательств смущало Иблиса, потому что ему хотелось двигаться вперед, теперь, когда он решился на действие. С другой стороны, если бы организаторов сопротивления было очень легко найти, то у них не было бы никаких шансов уцелеть перед лицом идеальной организованности мыслящих машин.

После того как Иблис заставил своих рабов безупречно выполнить весь объем работ раньше положенного срока, он выговорил себе разрешение еще раз совершить паломничество в каменный замок когитора Экло. Только когитор сможет дать ответы на вопросы, мучившие Иблиса. Он поговорил с титаном Данте, бюрократом, который занимался организационными вопросами, показал ему все документы об окончании работ, и Данте разрешил ему покинуть город на несколько дней. Данте, однако, высказал недоумение по поводу того, что простой надсмотрщик проявляет такой интерес к непроизводительным философским вопросам. Такое поведение выходило за рамки положенного для обычного доверенного лица.

— Это паломничество не послужит тебе во благо, — напутствовал Иблиса Данте.

— Я уверен, что вы правы, лорд Данте, но меня это отвлекает.

Выехав из города до рассвета, Иблис изо всех сил понукал упрямого мула, пока тот тащился по каменистой пустыне, взбираясь на гору, где стоял монастырь. У подножия крутой винтовой лестницы, которая вела в башню, его уже ждал Аким, снова выглядевший очень неряшливо и казавшийся совершенно оглушенным семутой. После того как Иблис погрузил руку в электропроводящую жидкость и коснулся пальцами мыслящей субстанции когитора, он не мог понять, зачем монах все время старается притупить свои чувства. Вероятно, поток мыслей когитора был столь мощен, что широкоплечему монаху требовалось ослаблять их, чтобы в его мозгу не путались следовавшие друг за другом откровения.

— Я вижу, что ты смотришь на меня с явным неодобрением, — проговорил Аким, посмотрев на Иблиса сквозь полуопущенные веки.

— О нет, — ответил Иблис, но потом решил, что не имеет права лгать. — Я просто заметил, что ты слишком увлекаешься семутой.

Великан усмехнулся и заговорил, слегка растягивая гласные:

— Непосвященному может показаться, что я сознательно умерщвляю свои чувства, но дело не в этом. Просто семута позволяет мне забыть мое собственное разрушительное прошлое, ту жизнь, какую я вел до того, как присоединился к когитору, воодушевленный его идеями. Кроме того, семута помогает мне игнорировать чувственный зов плоти, который отвлекает меня от действительно важных вещей.

— Я не могу представить тебя разрушительной личностью.

— Но я был таким. Мой отец боролся с поработителями и погиб во время одной из попыток очередного восстания. После этого я решил мстить мыслящим машинам и преуспел в этом. Я возглавлял группу боевиков, и мы... уничтожили нескольких роботов. Вынужден извиниться, но мы одновременно убили нескольких доверенных рабов, таких, как ты. После этого Экло сумел организовать мое спасение и духовную реабилитацию, если можно так выразиться. Он никогда не говорил мне, почему он меня разыскал и как он все это устроил. Есть вещи, которые когитор не открывает никому, даже мне.

Монах резко отвернулся и начал на нетвердых ногах подниматься по лестнице, ведя за собой Иблиса в комнату в башне, где в суровом презрении к миру обитал когитор. Остановившись посреди комнаты с цветными витражами, он продолжил:

— Экло обдумал долгосрочную перспективу твоего положения. Очень давно он наблюдал изменения, происшедшие с человечеством после того, как титаны сокрушили Старую Империю, но тогда он не стал ничего делать. Экло думал, что беды и катастрофы улучшат человеческую породу, заставят людей очнуться от сонной растительной жизни и бесцельного существования.

Монах вытер пятно семуты с угла рта.

— Отделив свой разум от тела, кимеки-титаны могли стать такими же просвещенными, как когиторы. Такова была надежда Экло, когда он помогал перевоплощению Юноны. Но

титаны не сумели подняться над своими животными пороками. Эта слабость позволила Омниусу покорить и их, и все человечество.

Аким подошел к прозрачной емкости, в которой хранился головной мозг Экло.

— Экло верит, что ты сможешь изменить лик Вселенной.

Сердце Иблиса бешено застучало.

— Нет ничего невозможного.

Но он понимал, что не сможет в одиночку сражаться с мыслящими машинами. Ему надо будет найти помощников. И много помощников.

У прозрачного окна емкость с жидкостью светилась золотистым светом в лучах утреннего солнца. В отдалении, на линии горизонта, Иблис мог рассмотреть огромные монолиты и монументы, задуманные кимеками и построенные на крови и костях людей. *Действительно ли я хочу, чтобы все эти колоссы рассыпались в прах?*

Надсмотрщик заколебался, представив себе последствия, вспомнив миллиарды жертв восстания на Валгисе и других планетах. В этот момент он вдруг почувствовал, что кто-то вмешался в его мысли.

Аким снял крышку с емкости и выставил наружу питательную жидкость, которая поддерживала жизнедеятельность древнего мозга.

— Подойди, Экло хочет общаться с тобой непосредственно.

Питательная жидкость в емкости чем-то напоминала амниотическую жидкость, наполненную неизмеримой ментальной энергией. Осторожно и робко, борясь с желанием познавать и учиться, Иблис погрузил в жидкость пальцы, коснувшись гладкой скользкой поверхности мозга Экло и открыв для себя сокровенные мысли когитора, которыми тот решил с ним поделиться.

Аким стоял рядом, на его лице отразилось смешанное чувство — безмятежное смирение и зависть.

— Нейтралитет — это акт, требующий очень точного сохранения равновесия, — сообщил Экло Иблису. — Очень давно я отвечал на вопросы Юноны, которая спрашивала, как лучше сокрушить Старую Империю. Мои непредвзятые ответы позволили титанам сформулировать план и совершить рево-

люцию, которая изменила ход всемирной истории. В течение многих столетий я мучительно размышлял над тем, что именно я сделал.

Иблису показалось, что извилины мозга схватили его за пальцы.

— Для когиторов очень важно все время сохранять нейтралитет. Мы должны быть объективными.

Иблис был озадачен и спросил:

— Тогда почему ты говоришь со мной? Почему ты вообще затронул возможность сбросить иго мыслящих машин?

— Только для того, чтобы восстановить равновесие, в каком только и может пребывать объективный нейтралитет, — ответил Экло. — Я непроизвольно помог титанам и поэтому теперь вынужден отвечать на твои вопросы. Чтобы соблюсти абсолютную объективность. В конечном итоге этого процесса я получу состояние равновесия.

Иблис с трудом сглотнул.

— Значит, ты предвидишь, чем все это кончится?

— Мы все окружены итогами, впрочем, так же, как и началами. Ты сам можешь решить, в какой части своего пути ты находишься.

Мысли Иблиса путались. Он хотел спросить об уязвимости и слабых местах мыслящих машин, но когитор заговорил сам, вмешавшись в поток беспорядочных мыслей Иблиса.

— Я не могу снабдить тебя конкретными военными или техническими подробностями, но если ты сформулируешь вопросы так же умно, как Юнона, то получишь тот ответ, какой тебе нужен. Искусство быть разумным — это первейший и главный урок, который человек извлекает из своей жизни. Ты должен превзойти умом машины, Иблис Гинджо.

В течение часа или более того Экло наставлял Иблиса.

— Я обдумывал эту проблему несколько столетий, то есть я начал задолго до того, как ты явился ко мне. Если бы ты этого не сделал, то я провел бы в размышлениях еще много, много лет.

— Но я не могу потерпеть неудачу, я должен победить.

— Для этого от тебя потребуется нечто большее, чем просто желание. Ты должен проникнуть в самую глубину чаяний масс. — На несколько секунд Экло замолчал.

Иблис силился понять, что хочет сказать ему когитор, стараясь расширить свой разум.

— Любовь, ненависть, страх? Ты это имеешь в виду?

— Да, это необходимые компоненты.

— Компоненты?

— Да, компоненты религии. Машины обладают большой властью, и для того чтобы нанести им поражение, мало обычного социального или политического подъема. Люди должны сплотиться вокруг мощной идеи, которая проникла бы в самую глубину их внутренней сущности, идеи, которая пронизала бы самую суть человека. Ты должен стать не просто доверенным лицом, человеком, которому доверяют, ты должен стать ясновидящим вождем. Рабы должны подняться на великую священную войну против машин, на неостановимый джихад, который свергнет ненавистных хозяев.

— Священная война? Джихад? Но неужели я смогу это сделать?

— Я говорю тебе только то, что я чувствую, Иблис Гинджо, то, что я обдумал и увидел своим внутренним взором. Ты должен уйти и ответить на остальные свои вопросы сам. Но знай: из всех войн, какие бывали в истории человечества, джихад является самой страстной, эта война покоряет миры и цивилизации, она сметает все на своем пути!

— Но подходят ли для этого люди, которые посылали мне записки?

— Мне ничего не известно о тех людях, — ответил Экло, — и я не вижу их своим внутренним взором. Возможно, ты избран, возможно, это просто западня, подстроенная тебе мыслящими машинами. — Когитор помолчал, потом снова заговорил: — Теперь же я попрошу тебя уйти. Мой разум устал и нуждается в отдыхе.

Когда Иблис покинул внушительную каменную башню, он чувствовал странную смесь воодушевления и растерянности. Ему надо было организовать всю полученную информацию и выработать на ее основе определенный план. Хотя он не был ни святым, ни военным, он понимал, как следует управлять большими массами людей, как направлять их верность, чтобы достигать поставленных целей. Уже сейчас его рабочие команды сделают для него все, о чем он их попросит.

Его способность к лидерству станет его главным инструментом и оружием. Но масштаб был слишком мал для священной войны. Ему надо получить в свое распоряжение не несколько сотен человек, а гораздо больше, чтобы достичь успеха.

И еще ему надо быть очень и очень осторожным, особенно если это мыслящие машины решили заманить его в ловушку.

Имея доступ к наблюдательным камерам Омниуса и разбросанным повсеместно подсматривающим и подслушивающим устройствам, Эразм внимательно следил за действиями подопытных объектов. Одни верные доверенные лица попросту проигнорировали намеки, которые он им разослал; другие были до смерти испуганы. Но некоторые проявили неожиданную инициативу.

Да, независимый робот чувствовал, что Иблис Гинджо — самый лучший кандидат, который докажет Омниусу правоту Эразма.

«Систематика» — опасное слово, опасное понятие. Системы возникают вместе со своими создателями и захватывают власть над ними.

Тио Хольцман. Благодарственная речь по случаю вручения поритринской медали «Слава»

Усевшись на свое место в зале вычислителей, Исмаил внимательно присмотрелся к убранству владений саванта Хольцмана, принюхался к запаху полировочного лака, цветочных букетов и ароматных свечей. Место было чистое, уютное и теплое. Не шло ни в какое сравнение с бараками рабов в грязной речной дельте.

Мальчик мог считать, что ему несказанно повезло.

Но все же это негостеприимное место не было родным Хармонтепом. Мальчик скучал по своей маленькой лодке, в которой он лавировал по узким речушкам в зарослях прибрежного тростника. Особенно же тосковал он по вечерам, когда дзенсунни собирались в главной хижине на самых высоких сваях и рассказывали истории, читали строки из огненной поэзии или просто слушали его дедушку, который вслух читал успокаивающие дух сутры.

— Ненавижу это место, — произнес сидевший рядом Алиид достаточно громко для того, чтобы его услышал сам Тио Хольцман, который поднял на мальчика возмущенный взгляд.

Алиид нахмурился от собственной дерзости, но не стал опускать глаза, выдержав взгляд ученого.

— Может быть, ты хочешь вернуться в дельту или отправиться в поле?

— Те места я тоже ненавижу, — пробормотал Алиид в ответ, и в голосе его не прозвучало и тени раскаяния.

Работа остановилась. Все ждали, что будет дальше.

Хольцман, не веря своим ушам, покачал головой:

— Я просто не понимаю, что вы за народ. Вы вечно на все жалуетесь и вечно всем недовольны. Я кормлю и одеваю вас, даю вам простые задания, от решения которых зависит дело всего человечества, — но вы все равно упрямо хотите уползти в свои жалкие деревни и жить там среди нищеты, грязи и болезней. — Гнев изобретателя был непритворен. — Разве вы не понимаете, что мыслящие машины на пороге, что они пытаются сокрушить всех людей, каждого человека? Вы представьте себе, сколько людей они убили на Гьеди Первой, ведь никто не смог их остановить. Омниуса не интересует ваша убогая религия или ваше жалкое неприятие цивилизации. Если он захочет уничтожить ваши ветхие хижины, он просто сожжет их дотла.

Точно так же, как поступили тлулаксианские работорговцы, подумал Исмаил. Темные глаза Алиида сверкнули, и Исмаил понял, что у друга возникли такие же мысли.

Хольцман снова покачал головой:

— Вы фанатики, начисто лишенные чувства ответственности. К счастью, в мою задачу входит заставить вас ее почувствовать.

Он вернулся к доске и снова начал рассерженно тыкать пальцами в математические символы.

— Это отдельные части уравнений. Мне надо, чтобы вы их решили. Это очень простая математика. Попытайтесь сделать те шаги, те этапы вычислений, которым я вас учил. — Он сощурил глаза. — За каждое верное решение вы получите полный дневной рацион. Тот, кто ошибется, пойдет спать голодным.

У Исмаила стало тяжело на душе. Он склонился над листками бумаги и калькулятором, изо всех сил стараясь правильно выполнить простые, как казалось ученому, вычисления.

На Хармонтепе все дети расположенных на болоте деревень получали базовое образование в математике, естественных науках и технике. Старейшины чувствовали, что такие знания будут очень важны, когда вновь поднимется их цивилизация и правоверные снова начнут строить большие города, как те, которые упоминаются в учении дзенсунни. Дедушка Исмаила, как и большинство других деревенских старейшин, посвящал много времени обучению молодых людей логи-

ке и философским рассуждениям, изложенным в виде сутр. Решение этих сложных задач можно было найти только в догматах буддислама.

На родной планете Алиида, на IV Анбус, расположенные на близких орбитах луны сильно влияли на климат времен года, заставляя планету осциллировать. Исходя из этого, молодых людей на этой планете обучали математике и астрономии, так как при вечно меняющемся календаре было трудно без таких знаний предсказывать начало разрушительных наводнений, с ревом сглаживавших красные скалы, на которых воздвигались города дзеншиитов. Работа по предсказанию и ликвидации последствий наводнений требовала выполнения сложных вычислений и знания теории вероятностей. Алиид учился математике, чтобы быть полезным своему народу. Однако здесь его заставляли помогать угнетателям, поработившим его, и это вызывало возмущение мальчика.

Попав на Поритрин, Алиид сначала был зачислен в команду, убиравшую тростник. Много недель он работал, скашивая высокие стебли, из сладкого сока которых добывали сахар или гнали крепкий поритринский ром. Волокнистые остатки шли на изготовление тканей. Работать приходилось острой косой, из упавших прочных стеблей во все стороны брызгал сладкий сок, похожий на сироп. Работа начиналась всегда после дождей, которые напитывали стебли влагой. Тогда в стеблях было больше всего сока, но они становились очень тяжелыми и их было трудно носить.

По окончании сафры хозяин отправил всех своих рабов на невольничий рынок в Старду, обвинив их в поджоге урожая, в результате которого сгорела половина скошенного тростника. Алиид рассказывал об этом Исмаилу с едва заметной усмешкой, но не стал признаваться в своем участии в этом акте саботажа.

Исмаил склонился над работой, проверяя и перепроверяя промежуточные результаты вычислений, передвигая рычажки и сдвигая рамки значащих цифр на шкале механического калькулятора. В животе урчало от голода, так как Хольцман — рассерженный тем, что в предыдущие дни рабы допустили много ошибок — поклялся, что не станет кормить вычислите-

лей до тех пор, пока они не научатся работать как следует. Рабы ворчали, но на этот раз хорошо справились с порученной работой.

Прошло несколько дней. После того как вычислители стали без ошибок справляться с упражнениями, Хольцман решил поручить им настоящую работу. Изобретатель, правда, попытался убедить рабов в том, что это просто еще одно упражнение, но по его возбужденному и взволнованному выражению лица и интонациям голоса Исмаил понял, что на этот раз изобретателю нужны результаты для настоящего дела, а не для очередной проверки способностей вычислителей.

Он работал с видимым старанием, но по выражению его лица Исмаил понял, что тот задумал какую-то каверзу. Исмаил был не уверен, что хочет знать, что на уме у его неугомонного друга.

После того как они поработали над вычислениями несколько дней, Алиид наклонился к Исмаилу.

— Теперь настало время внести в результаты кое-какие мелкие исправления, — сказал он, усмехнувшись. — Они будут настолько мелкие, что их никто не заметит.

— Мы не можем этого сделать, — возразил Исмаил, — нас сразу поймают.

Темноволосый Алиид нетерпеливо нахмурился.

— Хольцман уже проверил нашу работу, поэтому он не станет переделывать все вычисления заново. Теперь он доверяет нам, и мы можем действовать по собственному усмотрению. Это наш единственный шанс поквитаться с ними. Подумай, какие страдания нам пришлось пережить из-за них.

Исмаил был вынужден согласиться с доводами друга, и после того как послушал речи Бела Моулая о грядущем кровавом восстании, такое решение показалось ему лучшим способом выразить свое недовольство.

— Смотри. — Алиид показал Исмаилу последовательность уравнений и сделал стилом маленькую пометку, заменив минус на плюс, а в другом месте перенес запятую в десятичной дроби. — Это мелкие, вполне извинительные ошибки, но они приведут к совершенно иным результатам.

Исмаилу стало страшно.

— Я понимаю, что это может повредить изобретению Хольцмана, но я не вижу, каким образом это поможет нам. Я больше думаю о том, как вырваться отсюда и вернуться домой.

Алиид удивленно посмотрел на друга.

— Исмаил, ты знаешь сутры не хуже, а может быть, лучше, чем я. Ты что, забыл, что в одной из них сказано: «Помогая своим врагам, ты вредишь делу правоверных»?

Исмаил слышал эту фразу из уст деда, но никогда не думал, что она содержит в себе столь глубокий смысл.

— Хорошо, я согласен. Но наши ошибки не должны выглядеть преднамеренными.

— Если я что-то понимаю в этой работе, — сказал Алиид, — то даже небольшая ошибочка в расчетах может привести к весьма большим разрушениям.

Психология — наука изобретения слов для обозначения несуществующих вещей.

Эразм. «Размышления о чувствующих биологических объектах»

В залитом солнечным светом ботаническом саду грандиозной виллы Эразма Серена Батлер срезала увядшие цветы и листья, ухаживая за растениями в клумбах и вазонах. Серена дожидалась своего часа, оказывая роботу молчаливое сопротивление, выполняя при этом обычную для рабыни работу, хотя Эразм постоянно наблюдал за ней, как за любимым домашним животным. Он был ее тюремщиком и надзирателем. Серена носила черную рабочую одежду, длинные янтарно-каштановые волосы были стянуты в конский хвост. Работа позволяла ей думать о Ксавьере, об их взаимных клятвах, о любви, которой они предавались во время драматической охоты на вепря, а потом в спальне Серены накануне ее отлета на Гьеди Первую.

Каждое утро, приходя в сад робота, Серена была рада, что никто не станет мешать ей думать о побеге с Земли. День за днем она обдумывала возможности бегства — хотя препятствия казались непреодолимыми — или причинения значительного вреда мыслящим машинам, хотя и понимала, что любая попытка саботажа будет стоить жизни и ей, и ее будущему ребенку. Может ли она так жестоко обойтись с Ксавьером?

Она не могла даже представить себе всей глубины того горя, какое пришлось ему испытать. Когда-нибудь она найдет способ вернуться к нему. Она должна сделать это ради него, ради себя, ради их дитя. Она надеялась, что Ксавьер будет держать ее за руку, когда она будет рожать ребенка. Сейчас он был бы уже ее мужем, их жизни переплелись бы, образовав союз много прочнее, чем простая сумма их личностей, их брак

стал бы бастионом, о который разбился бы натиск мыслящих машин.

Но он даже не знает, что она жива.

Она погладила ладонью свой округлившийся живот. Она чувствовала, как ребенок растет в ее чреве, и это преисполняло ее предчувствиями. Пройдет еще два месяца и дитя родится на свет, но что будет делать после этого Эразм? Она видела запертые двери зловещей лаборатории, с отвращением и ужасом смотрела на грязные бараки рабов.

Но робот продолжал занимать ее своими цветами и растениями.

Эразм часто неподвижно стоял рядом с ней, пока она работала. Его овальная маска ничего не выражала, когда он заговаривал с ней, вызывая ее на споры.

— Взаимопонимание надо устанавливать с самого начала, — сказал он однажды. — Я должен построить фундамент, прежде чем смогу хоть что-то понять и оценить.

— Но как ты используешь полученные знания? — Она с силой выдернула из земли сорняк. — Придумаешь более экстравагантные способы мучений и издевательств над несчастными рабами?

Робот помолчал, в его зеркальной маске появилось искаженное отражение лица Серены.

— Нет, у меня иная цель.

— Но тогда почему ты держишь рабов в таких ужасающих условиях. Если ты не хочешь делать их несчастными, то почему не позволяешь им жить в чистоте? Почему ты не обеспечиваешь их лучшей едой, не даешь им образование и не предоставляешь медицинской помощи?

— В этом нет никакой необходимости.

— Для тебя, может быть, и нет, — сказала она, сама удивляясь своей дерзости. — Но они станут счастливы и будут лучше выполнять свою работу.

Серена видела, в какой роскоши купается сам Эразм — это было явное излишество, так как робот не мог во всем этом нуждаться, — но домашние рабы, а особенно рабы в бараках жили в страхе и грязи. Останется она здесь на положении пленницы или нет, но она обязана сделать хоть что-то для облегчения их участи. Если не удастся сделать ничего

иного, то даже это можно будет считать победой над мыслящими машинами.

Она продолжала:

— Требуется быть поистине сложной мыслящей машиной, чтобы понять, что улучшение качества жизни рабов приведет к повышению производительности их труда и одновременно к повышению доходов их владельца. Рабы могут и сами поддерживать свои жилища в чистоте, если их обеспечить необходимыми для этого вещами.

— Я подумаю об этом. Составь мне детальный список.

Сделав роботу это предложение, Серена не видела робота два дня. Охранные роботы надзирали за рабами, пока Эразм пропадал в лаборатории.

Сквозь наглухо закрытые звуконепроницаемые двери лаборатории не доносилось ни одного звука, но странный гнилостный запах и исчезновение людей из бараков наводили Серену на тяжкие раздумья.

Однажды другая рабыня сказала ей:

— Тебе не следует знать, что там происходит. Благодари судьбу, что тебе не приходится там убирать после его опытов.

Серена рылась голыми руками в рыхлой черной земле, прислушиваясь к тихой классической музыке, которая всегда звучала как фон в имении Эразма. Спина болела, а суставы опухли из-за срока беременности, но она не сдавалась и продолжала работать, как всегда.

Эразм подошел так тихо, что она не услышала его приближения. Подняв глаза, она вдруг увидела его блестящее зеркальное лицо, обрамленное древним жабо. Она быстро выпрямилась, стараясь скрыть испуг, и вытерла руки о комбинезон.

— Ты узнаешь больше, когда шпионишь за мной?

— Я могу шпионить за тобой в любое время, когда мне заблагорассудится. Но больше я узнаю, когда задаю прямые вопросы.

Зеркальная лицевая пленка сложилась в маску умиленной радости.

— Сейчас я хочу, чтобы ты выбрала цветок, который считаешь самым красивым. Я хочу видеть, что ты выберешь.

Эразм и раньше играл в такие игры. Кажется, он был не способен понять субъективные решения, желая подогнать под

них количественные критерии субъективного мнения и личного вкуса.

— Каждое растение красиво на свой манер, — сказала в ответ Серена.

— Тем не менее выбери одно. Потом объясни мне, почему ты выбрала именно его.

Серена пошла по садовой дорожке, разглядывая цветы. Эразм шел за ней, отмечая каждый момент, когда она в раздумье останавливалась возле очередного цветка.

— Есть поддающиеся наблюдению внешние признаки, такие как цвет, форма и тонкость строения, — сказал робот, — и множество других эзотерических переменных, таких, например, как аромат.

— Не следует пренебрегать и эмоциональной составляющей.

В голосе Серены проскользнули тоскливые нотки.

— Некоторые из этих растений напоминают мне о доме на Салусе Секундус. Есть цветы, которые окажут эмоциональное воздействие только на меня, но оставят других людей равнодушными. Может быть, глядя на цветок, я вспомню, что букет таких цветов подарил мне любимый человек. Однако тебе недоступны такие ассоциации.

— Ты слишком задержалась. Выбирай.

Серена указала на громадный слоновий цветок с яркими оранжевыми и красными полосами, в центре которого выделялись роговидные рыльца.

— Сейчас мне кажется самым красивым этот цветок.

— Почему?

— Моя мать выращивала такие цветы у нас дома. В детстве я не находила их особенно красивыми, но теперь они напоминают мне о счастливых днях — до того, как я встретилась с тобой. — Она сразу же пожалела о сказанном, так как ее слова слишком явно выдали ее сокровенные мысли.

— Очень хорошо, очень хорошо.

Робот не обратил ни малейшего внимания на обидные слова Серены и уставился на слоновий цветок, анализируя все его свойства с помощью набора своих сенсоров. Подобно знатоку вин, он принялся описывать достоинства его аромата. Для Серены этот анализ звучал, как разбор клинического случая,

разбор, лишенный тонкостей эмоционального восприятия. Но ведь именно эти тонкости и определили ее выбор.

Самое странное заключалось, однако, в том, что Эразм, кажется, признал свое поражение.

— Я знаю, что в каком-то смысле люди умнее машин, по крайней мере пока. Однако машины располагают более мощным потенциалом для того, чтобы превзойти людей во всех областях. Вот почему я хочу понять все аспекты чувств биологических объектов.

Непроизвольно содрогнувшись, Серена вспомнила о запертой лаборатории, интуитивно понимая, что там робот Эразм занимается вовсе не оценкой цветочных ароматов.

Эразм же думал, что она заинтересовалась его наблюдениями.

— Если правильно развить способности мыслящих машин, то они смогут превзойти человека интеллектуально, творчески и духовно. При этом машины будут обладать такой умственной свободой и размахом мышления, которые и не снились биологическому человеку. Я вдохновлен возможными достижениями — а они стали бы возможны, если бы Омниус не принуждал другие машины к конформизму.

Серена внимательно слушала, надеясь, что он непроизвольно выдаст ей важную информацию. Неужели она правильно поняла, что между Эразмом и всемирным разумом назревает конфликт?

Робот между тем продолжал говорить.

— Ключевая проблема состоит в способности накапливать информацию. Машины научатся усваивать не только сырые факты, но и чувства, как только мы поймем, что это такое. Когда это произойдет, мы научимся любить и ненавидеть более страстно, чем люди. Наша музыка будет куда величественнее, наша живопись более красочной. Когда же мы овладеем самосознанием, мыслящие машины создадут самое великое возрождение за всю историю.

Серена нахмурилась, слушая высказывания Эразма.

— Вы можете беспрестанно и до бесконечности совершенствовать себя, Эразм, но мы, люди, пользуемся лишь небольшой частью нашего мозга. Мы тоже обладаем огромным

потенциалом в отношении развития новых способностей. Ваши способности к обучению не больше наших.

Робот застыл в изумлении.

— Совершенно верно. Как я мог пропустить столь важную деталь?

Лицо его изменило выражение. Он изобразил глубокое раздумье, а потом зеркальная маска расплылась в широкой, довольной улыбке.

— Дорога к усовершенствованию будет долгой. И она потребует множества дополнительных исследований.

Внезапно он сменил тему разговора, словно специально для того, чтобы подчеркнуть уязвимость Серены.

— Что насчет твоего ребенка? Расскажи мне, какие эмоции ты испытываешь к его отцу, и опиши мне акт физического совокупления.

Стараясь остановить захлестнувший ее поток мучительных воспоминаний, Серена промолчала. Эразм нашел ее упрямство очаровательным.

— Ты не испытываешь физического влечения к Вориану Атрейдесу? Я провел тестирование этого красивого молодого человека. Он подходит для выведения хорошей человеческой породы. Ты не хочешь, чтобы после того, как ты разрешишься от бремени, я повязал тебя с ним?

Серена бурно вздохнула, стараясь запечатлеть в памяти образ Ксавьера.

— *Повязать?* Сколько бы вы ни изучали нас, есть в нашей человеческой натуре много такого, чего никогда не поймут ваши машинные мозги.

— Мы подумаем об этом, — безмятежно ответил робот.

Сознание и логика — ненадежные стандарты.

Когиторы. Фундаментальный постулат

Множество мелких, похожих на трудолюбивых пчел, роботов осматривали корпус «Дрим Вояджера», стоявшего в сухом доке — искусственном кратере, устроенном на одной из взлетных площадок космопорта. Машины ползали по дюзам и реакторным камерам, устраняя повреждения, причиненные орудиями корабля Армады.

Стоявшие на высокой платформе Вор и Севрат смотрели на работу роботов, вполне уверенные в том, что ремонт будет выполнен согласно требованиям самых высоких стандартов.

— Скоро мы сможем отбыть, — сказал капитан-робот. — Ты, наверное, уже сгораешь от нетерпения проиграть мне еще пару военных игр.

— А ты сгораешь от нетерпения рассказать мне десяток анекдотов, которые не кажутся мне смешными, — отпарировал Вориан Атрейдес.

Ему действительно очень хотелось поскорее вернуться на борт «Дрим Вояджера», но одновременно он испытывал сладкое стеснение в груди; то был совершенно иной род нетерпения, которое только усиливалось всякий раз, когда он вспоминал о прекрасной рабыне Эразма. Хотя Серена Батлер выказала ему свое отвращение, он не мог заставить себя не думать о ней.

Самое ужасное заключалось в том, что он сам не понимал почему. Вор Атрейдес успел насладиться любовью множества прекрасных рабынь, многие из которых были так же красивы, как Серена Батлер. Эти рабыни были воспитаны и обучены оказывать такого рода услуги и жили в рабстве у мыслящих машин. Но женщина-рабыня на вилле Эразма, хотя ее привезли туда явно против ее воли, не производила впечатления человека, потерпевшего поражение.

Вор видел ее лицо, полные чувственные губы, проницательный взгляд синих глаз, которые смотрели на него с нескрываемым отвращением. Хотя она была беременна, его все равно тянуло к ней. При этом он чувствовал в груди мучительные уколы ревности. Где ее любовник? Кто он?

Когда Вор вернется на виллу Эразма, эта рабыня, несомненно, снова не обратит на него внимания или вновь начнет его оскорблять. Но, несмотря на это, Вор очень хотел еще раз побывать на вилле независимого робота до того, как они с Севратом отправятся в следующее долгое путешествие. Он мысленно повторял слова, какие скажет ей, но даже в воображении она превосходила его в словесной дуэли.

По приставной лестнице Вор вскарабкался в док и прополз в узкое пространство между стенками корпуса корабля, где принялся наблюдать, как ремонтные роботы выкладывают сеть контуров, управляющих работой навигационной панели. Красные машинки сноровисто работали встроенными в их корпуса инструментами. Вор прополз на несколько дюймов глубже и стал с удивлением рассматривать цветные провода и бесчисленные детали начинки панели.

— Ты будешь разочарован, если постараешься обнаружить ошибки в их действиях, — произнес расположившийся за спиной Вориана Севрат. — Или ты собрался привести в исполнение свою частую угрозу и решил стать саботажником?

— Я же грязный хретгир. Ты никогда не поймешь, что у меня на уме, старый железный умник.

— Один тот факт, что ты не смеешься над моими шутками, доказывает, что у тебя не хватит интеллекта замыслить такой злокозненный план.

— Может быть, твои шутки просто слишком плоские.

К несчастью, вся эта суета с подготовкой к отлету и ремонтом не могла отвлечь Вора от мыслей о Серене. Он чувствовал себя легкомысленным мальчишкой, который одновременно обрадован и растерян. Ему хотелось поговорить с кем-нибудь о своих чувствах, но его друг-робот не подходил для этой цели, так как понимал женщин еще меньше, чем сам Вориан.

Хуже того, ему хотелось говорить с самой Сереной. Вероятно, она была настолько проницательна, что видела его на-

сквозь, и, судя по всему, ей очень не нравилось то, что она увидела. Она назвала его рабом, который не видит своих цепей. Это обидное обвинение ставило под сомнение все его привилегии. Он не мог понять, что она имела в виду.

Ремонтные роботы закончили обработку контуров высокого напряжения и, перенастроив инструменты, начали приводить в порядок порт сбора данных. Тонкие рабочие стержни выдвигались из корпусов машин и проникали в настроечные модули, расположенные в глубине схемы панели управления.

Стоя в фонаре кабины пилота, Севрат включил систему первичной диагностики, встроенные схемы контроля навигационных приборов.

— Я нашел, как нам сократить маршрут к следующему воплощению всемирного разума. К сожалению, более короткий путь пролегает через гиганта.

— В таком случае я посоветовал бы выбрать другой маршрут.

— Согласен, хотя я не люблю попусту тратить время.

Вор начал думать, что станет с Сереной, когда она родит ребенка. Отправит ли его Эразм в барак рабов, чтобы он не мешал Серене исполнять ее обязанности по дому? Впервые в жизни Вор поймал себя на том, что сочувствует плененному человеческому существу.

Как ценный доверенный человек, он всегда считал себя составной частью синхронизированного мира и с нетерпением ждал того часа, когда станет неокимеком. Он верил, что Омниус правил людьми ради их собственного блага, в противном случае Галактика превратилась бы в неуправляемый хаос. Он был воспитан в убеждении, что нормальным является такое положение, когда одна сторона господствует, а другая сторона подчиняется. Впервые в жизни Вор почувствовал, что могут быть и иные, равные отношения, основанные на добровольном сотрудничестве. Капитан-робот «Дрим Вояджера» был его хозяином, но отношения между ними были отношениями равных партнеров.

Интересно, думал Вориан, смогут ли они с Сереной сделать еще один шаг и установить такие отношения, в которых они будут на равных. Это была радикальная концепция, кото-

рая расшатывала все его устои и раздражала все его чувства, но Серена не согласится на что-то меньшее.

Зажатый в тесном пространстве между массивным корпусом и панелью ремонтный робот издавал странные звуки, тестируя сохранность мельчайших контактов между бесчисленными деталями панели.

Вздохнув, Вориан обратился к маленькому роботу:

— Эй, дай мне посмотреть, что это за инструмент.

Робот подобрался к Вориану и протянул ему диагностический зонд, при этом его металлическая поверхность коснулась оголенной части контура высокого напряжения. Замыкание ударило панель, словно тяжелым молотом. Раздался противный писк. Над испорченной панелью повис противный запах расплавленных пластиковых контуров и спекшегося металла гидравлических цилиндров тяги.

Вориан выбрался из тесного пространства и вытер со лба пот. Севрат проверил состояние испорченного робота и почерневшей навигационной панели.

— Как специалист, я считаю, — самоуверенно объявил робот, — что нам надо повторить проверку схемы навигационной системы.

Когда Вор расхохотался, услышав это «экспертное» заключение, Севрат выразил свое удивление:

— Почему ты находишь мои слова смешными?

— Никогда не пытайся объяснить юмор, Севрат. Прими, что это смешно.

Выключив ток в сети, Вор извлек из корпуса сожженного испорченного ремонтного робота и с грохотом бросил его на стол. Эта машина была заменяема. Севрат передал требование о присылке нового робота.

Ожидая возобновления ремонта, Вориан наконец набрался решимости поговорить о переполнявших его чувствах с роботом. Подобрав вопросы, он упомянул о том гнете, какой представляли для него эти новые, неизведанные им чувства. Кто знает, может быть, в базе данных Севрата окажется полезная информация?

Встроенные в гладкую лицевую маску робота оптические сенсоры сверкали, как маленькие солнца.

— Я не понимаю, в чем заключается твоя проблема, — заявил Севрат, продолжая перекачивать диагностические данные из бортовой базы данных. — У тебя очень надежное положение в сообществе мыслящих машин. Попробуй обратиться с этими вопросами к Эразму.

Вор был на грани отчаяния.

— Это совсем не то, что ты думаешь, Севрат. Даже если Эразм отдаст ее мне... и что? Вдруг она мне откажет?

— Тогда расширь поле поиска. Ты излишне усложняешь поставленную перед тобой задачу. Среди людей, населяющих Землю, ты сумеешь найти женину, которая по всем параметрам была бы подобна этой рабыне, если уж ты так ценишь именно ее физические характеристики.

Вор уже жалел, что вообще затронул эту тему.

— Мыслящие машины временами бывают на редкость глупыми.

— Ты никогда не выказывал при мне таких чувств и эмоций.

— Потому что раньше я никогда их не испытывал.

Севрат застыл на месте.

— Интеллектуально я понимаю императив человека вступать в биологический контакт с существом противоположного пола и производить потомство. Я знаю, в чем заключается физическое различие между мужчиной и женщиной, и знаком с теми гормональными сдвигами, которыми обусловлен твой психологический драйв. При равных генетических потенциалах репродуктивные системы разных женщин в принципе ничем не отличаются друг от друга. Почему же для тебя Серена более желанна, чем другие женщины?

— Я никогда не смогу тебе это объяснить, старый железный умник, — сказал Вор, глядя в иллюминатор. По платформе дока к кораблю направлялся новый ремонтный робот. — Я не могу объяснить это даже себе самому.

— Надеюсь, что ты постараешься поскорее разобраться в этом вопросе. Я не могу позволить себе бесконечно менять ремонтных роботов.

Люди часто умирают оттого, что слишком трусливы для того, чтобы жить.

Тлалок. «Время титанов»

Жгучее солнце Арракиса висело над головой, отбрасывая короткую тень от чудовища и уверенно правившего им всадника. Сегодня Селим был в полном восторге. Он вызвал самого большого червя. Ему еще ни разу не приходилось видеть такого крупного зверя пустыни.

Наиб Дхартха пришел бы в ужас или — по меньшей мере — такое зрелище произвело бы на него должное впечатление. Может быть, Буддаллах поразит злокозненного наиба в наказание за то, что он сделал с ни в чем не повинным Селимом. Или, быть может, еще представится случай отомстить. Последнее казалось самому Селиму предпочтительным.

Прожив год, пользуясь полной свободой, он стал хорошо упитанным, здоровым и счастливым. Бог продолжал милостиво улыбаться ему. Суровый подросток никогда в жизни не потреблял столько меланжи, как теперь.

Селим устроил себе несколько опорных пунктов в разных местах пустыни, включая еще одну испытательную ботаническую станцию, которую он обнаружил в местах, более отдаленных от населенных гор. Там он нашел массу полезных для себя материалов, которые сделали его сказочно богатым человеком по меркам его народа.

По ночам он смеялся от одной мысли о том, что наиб Дхартха и другие жители скального поселка воображали, что сильно наказали Селима своим изгнанием. Вместо этого Селим пережил в пустыне свое второе рождение. Буддаллах сохранил и защитил его. Пески очистили его, сделали из него другого человека. Смелый, предприимчивый и упорный, он

станет легендой среди кочевников пустыни, он прославится как Селим, Укротитель Червей!

Но все это может произойти, только если дзенсунни узнают о нем. Лишь в таком случае он достигнет той цели, какую поставил перед собой — стать человеком, которого почитает его народ. Он покажет им, кем он стал.

Селим погнал громадного червя в направлении знакомых гор, где мальчик провел свое безрадостное детство. После того как он столько времени провел в полном одиночестве, разговаривая только с самим собой, он наконец возвращался в единственное место, которое он, несмотря на все тяжкие воспоминания, мог называть своим домом.

Впереди стали видны отвесные скалы, похожие на стены исполинской крепости, в которую не было доступа пустынным песчаным червям. Скалы закрывали червям вход в долины, в которых в безопасности могли обитать люди, тщательно скрывавшие потайные тропы, ведущие к их жилищам. Но Селим знал эти тайны.

Зверь под ногами Селима задрожал, стараясь остановиться. Песчаный червь не желал приближаться к недоступным для него скалам. Селим пожалел животное и направил его вдоль передней скалы, огибая ее.

Удерживая железную палку так, чтобы она продолжала раздвигать сегменты червя, обнажая его розовую мягкую плоть, Селим выпрямился во весь рост, легко сохраняя равновесие. Грязные белые одежды развевались на сильном ветру, как победное знамя. Когда червь приблизился к скалам, усеянным, словно пчелиными сотами, входами в пещеры, в их проемах показались фигурки людей, изумленно взиравших на невиданное зрелище. Черви никогда не подходили так близко к селению, но это он, Селим, заставил зверя сделать это. Мальчик имел над зверем полную власть, принудив его пересечь пустынный океан.

Селим видел, как на кромках пещер появляется все больше и больше людей, которые звали своих соседей подивиться на чудо. Вскоре изумленные дзенсунни усеяли всю поверхность высокой скалы. Селим получил истинное удовольствие, глядя на широко раскрытые глаза и разинутые от удивления и страха рты.

Селим прогнал червя вдоль стены, неистово крича и размахивая рукой. Пользуясь крюком и палкой, он заставил червя еще раз развернуться и снова проехал мимо скалы. Червь крутил головой и извивался, выделывая трюки, как обученное цирковое животное.

Никто из дзенсунни не махали ему. Люди вообще не двигались, оцепенев от неожиданности и суеверного ужаса.

Давая это потрясающее представление, Селим смеялся, улюлюкал, выкрикивая оскорбления в адрес злодея наиба и предателя Эбрагима. В своей пустынной накидке с куском ткани, обернутым вокруг головы, Селим был неузнаваем. Он сомневался, что кто-либо из земляков узнал его. Какое же потрясение они испытают, когда поймут, что это мнимый вор, заморыш, которого они безжалостно изгнали из племени.

Это очень сильно пощекотало бы самолюбие Селима, если бы он открыл им немедленно, кто он такой, и услышал их изумленные сдавленные вопли. Но нет, сначала он подразнит их, сотворит легенду. Но настанет день, и он от души посмеется над их неверием, а быть может, пригласит и наиба Дхартху прокатиться вместе с ним на спине пустынного чудовища. Мысленно Селим хохотал.

Покрасовавшись еще некоторое время перед бывшими земляками, Селим направил червя в пустыню, и зверь с тихим свистом помчался в раскинувшийся перед ним океан, пересеченный высокими бесконечными дюнами. Мальчик в голос смеялся всю дорогу, благодаря Буддаллаха за такую веселую шутку.

Смешавшись с толпой остальных жителей деревни, высыпавших на выступ скалы, Махмад, сын наиба Дхартхи, не мог поверить своим глазам, видя, как огромный червь развернулся, как верный пес, и умчался прочь, пересекая рябь бескрайних песков. На звере стоял одинокий человек, который без страха правил взнузданным чудовищем, поместившись на жестких кольцах его кожи.

Невероятно, мои глаза видели сейчас то, что большинство дзенсунни не видели за всю свою жизнь. А ведь ему всего двенадцать стандартных лет.

Махмад слышал, как другие мальчишки во все горло кричали, что тоже хотели бы покататься на песчаном черве. Некоторые пытались угадать, кто тот незнакомец, который столь бесстрашно оседлал беспощадного пустынного демона. Другие беженцы-дзенсунни основывали другие поселения на планете, поэтому бесстрашный наездник мог принадлежать любому из этих племен.

Махмад поднял голову, готовый произнести вопросы, которые так и вертелись у него на языке, но осекся, увидев каменное выражение лица своего отца, наиба Дхартхи.

— Каков безумец, — прорычал наиб. — Ну кто еще может быть столь безрассуден и необуздан, и кто еще может настолько презирать свою жизнь? Этот человек заслуживает того, чтобы зверь пожрал его.

— Да, отец, — по обыкновению согласился Махмад, но в голове его уже роились мысли об интереснейших возможностях.

Бог науки может быть и недобрым божеством.

Тио Хольцман. Уцелевшие фрагменты зашифрованного дневника

Когда Тио Хольцман обнаружил ошибку в расчетах конструкции неудачной модели сплавного резонансного генератора, он пришел в неописуемый праведный гнев. Сидя в своем личном кабинете, окруженный плавающими светильниками, изобретенными Нормой, он сам принялся скрупулезно производить скучные и утомительные математические вычисления.

Он не стал просить молодую женщину вникнуть в детальные причины катастрофы, потому что боялся, что она найдет характеристический недостаток, а это было бы слишком тяжелым ударом по самолюбию саванта. Как бы то ни было, но Норма уже сказала заранее, что генератор не будет работать, и оказалась права. Как в воду глядела, будь она проклята!

Неминуемым следствием стало то, что изобретателю пришлось потратить многие часы на то, чтобы проверить и перепроверить вычисления, которые до него выполнила целая орда вычислителей. И он действительно нашел три небольшие ошибки. Если быть объективным, даже если бы все арифметические выкладки оказались верными, то прибор все равно оказался бы неработоспособным. Но этот пункт не подлежал обсуждению в данный момент, решил Хольцман.

Вычислители допустили непростительную ошибку, независимо от ее важности в решении общей задачи. Этой мелкой ошибки было вполне достаточно, чтобы отвести вину от него, великого и неповторимого изобретателя.

Хольцман решительным шагом вошел в тихое помещение, где, склонившись над столами, работали рабы-вычислители, выполнявшие над уравнениями последовательные действия,

которым научила их Норма. Остановившись, он некоторое время смотрел, как вычислители работают со своими калькуляторами, занося в блокноты промежуточные результаты.

— Сейчас вы прекратите работу! Отныне за каждым вашим действием будут внимательно следить и проверять все результаты, независимо от того, как много времени это займет. Я просмотрю все записи, проверю каждое ваше решение. Ваши ошибки отбросили далеко назад оборонительный потенциал человечества, и я очень вами недоволен.

Избегая его горящего взгляда, рабы низко опустили головы.

Но это было только начало.

— Разве я был вам плохим хозяином? Разве я не дал вам жизнь куда лучшую, нежели прозябание в зарослях тростника или на берегу грязной реки? И вот чем вы мне отплатили!

Новые вычислители смотрели на него с ужасом, застывшим на их юных лицах. Старые работники, те, кто пережил эпидемию страшной лихорадки, только обреченно ссутулились.

— Сколько еще ошибок вы сделали? Сколько еще испытаний загубили вы своим невежеством и своей некомпетентностью? — Он оглядел рабов, потом схватил со стола первые попавшиеся ему под руку листы бумаги. — Если я найду намеренную ошибку, то виновный будет немедленно казнен, запомните мои слова! Поскольку мы работаем по военной программе, то любой такой поступок будет рассматриваться и караться как саботаж и бунт.

В зал, торопливо перебирая своими короткими ножками, вошла Норма.

— Что случилось, савант Хольцман?

В ответ он поднял лист бумаги, испещренный его собственными вычислениями.

— Я нашел серьезные ошибки в математических расчетах конструкции моего сплавного резонансного генератора. Мы не можем больше полагаться на их работу. Мы — ты, Норма, и я — проверим еще раз всё. Сейчас и немедленно.

На маловыразительном лице Нормы отразилась тревога. Она слегка поклонилась.

— Как вам будет угодно.

— Пока будет продолжаться проверка, — произнес Хольцман, собирая записи, — вы будете получать половинный пищевой рацион. Почему я должен набивать вам брюхо, пока вы подрываете нашу обороноспособность перед лицом опаснейшего врага?

Рабы зароптали. Хольцман сделал знак драгунам вывести их из зала.

— Я не потерплю такой неряшливости. Слишком высоки ставки.

Когда они остались в зале одни, он и Норма уселись за столы и начали проверять вычисления, один лист за другим. Женщине с Россака показалось, что реакция Хольцмана несколько избыточна, но он, пылая мрачным огнем, сидел, методично проверяя вычисления на листках, разбросанных по его столу.

В конце концов им действительно удалось найти математическую ошибку, допущенную одним из новых молодых вычислителей по имени Алиид. Хуже того, эту ошибку — вопреки своим обязанностям — не обнаружил другой вычислитель, юноша по имени Исмаил.

— Смотри, это была бы еще одна дорогостоящая катастрофа! Думаю, что это заговор против нас.

— Они же еще мальчики, савант, — возразила Норма, — я вообще удивляюсь, что они могут выполнять какие-то математические действия.

Не обратив внимания на ее слова, Хольцман приказал драгунам привести двух молодых людей, но, подумав немного, решил вызвать в зал и всех остальных вычислителей. Когда драгуны подтащили к нему обезумевших от страха подростков, Хольцман обрушился на них со страшными обвинениями, хотя пара мальчишек — судя по виду — вряд ли была способна на осмысленный саботаж.

— Мальчики, вы, наверное, думаете, что это игрушка, забава? Но вы не понимаете, что в любую минуту Омниус способен истребить всех. Это изобретение может нас спасти!

Норма посмотрела на изобретателя и подумала, что он скорее всего даже не знает, в чем суть ее нового проекта, но это было сейчас абсолютно не важно. Хольцман кипел от справедливого гнева.

— Когда вы высеваете зародыши раковинных рыб или срезаете тростник, то ошибка в несколько сантиметров не имеет никакого значения, но здесь... — он потряс листками с расчетами перед их лицами, — ...здесь такая мелочь может погубить целый флот боевых машин!

Он обвел всю группу вычислителей гневным взором.

— Уменьшенный рацион приведет вас в чувство. Может быть, урчание в желудках заставит вас быть более сосредоточенными. — Он снова обернулся к мальчишкам, которые съежились от его злобы. — А вы, вы оба, потеряли право работать у меня. Я попрошу лорда Бладда определить вас на тяжелые работы. Возможно, там вы докажете свою ценность, но для меня вы совершенно бесполезны.

Тяжело дыша, он повернулся к Норме.

— Мне следовало бы вышвырнуть всю партию, но у меня просто нет времени обучать новобранцев.

Не обратив внимания на ропот разочарования, прокатившийся по толпе рабов, не желая выслушивать жалобы, Хольцман стремительно вышел из зала, оставив Норму наедине с рабами удивляться его неистовой вспышке.

Двое рослых драгун выступили вперед и, взяв под руки Алиида и Исмаила, вывели их из зала.

У прошлого надо учиться, а не тащить на шее его ярмо.

Когитор Ретикулус.
«Наблюдения с высоты тысячелетия»

Агамемнон повел флот своих боевых судов на битву с колдуньями Россака. Несколько автоматических кораблей имели на борту генерала кимеков и двух его товарищей титанов, а также несколько десятков амбициозных неокимеков. За каждым маневром Агамемнона следили наблюдательные камеры — глаза и уши Омниуса.

За кимеками следовал флот боевых роботов, которые, рассыпавшись веером, должны были первыми атаковать планету. Это были гладкие, обтекаемой формы космические корабли, до предела насыщенные артиллерийскими орудиями и сами представлявшие собой смертоносные боевые ракеты. Боевые корабли предназначались для полета только в один конец. Они не должны были вернуться на базу. Двигатели их работали на пределе износа, не экономя горючее на обратный путь. Они двигались так быстро, что находившиеся на орбите сторожевые станции Россака не имели ни малейшего шанса обнаружить и уничтожить их до того, как они приблизятся к поверхности и откроют убийственный огонь.

Пока корабли с роботами будут заниматься уничтожением орбитальных сторожевых и патрульных станций, кимеки начнут вершить свою месть на поверхности планеты.

Когда ударные силы приблизились к Россаку, кимеки начали готовить свою бронированную форму и надевать свои сложные воинские доспехи. Специальные автоматические рычаги установили емкости с головным мозгом в защищенные гнезда, соединили с нервами проводящие гибкие стержни, подключив последние к контрольным системам слежения, движения и управления оружием. Три титана восполь-

зуются мощными обтекаемыми формами, бронированными летающими телами. Напротив, неокимеки вооружились крабовидными боевыми телами на членистых конечностях, приспособленных к передвижению в густых тропических зарослях.

Агамемнон и его кимеки пристроились в хвост атакующим судам автоматического машинного флота, которые уже промелькнули мимо титанов на огромной скорости. Вставленный в обтекаемую боевую форму генерал опробовал встроенное в корпус оружие. Он уже сгорал от желания сжать и раздавить своими механическими руками камни, железо и живую плоть.

Он просмотрел тактические диаграммы положения сторон и заинтересовался тем, как первые залпы машинного флота ударили по оборонительным постам на орбите Россака. Эта находившаяся на окраине Лиги планета была скудно заселена, причем население концентрировалось в узких речных долинах, в то время как остальная поверхность была покрыта необитаемыми и негостеприимными джунглями и океаном. На Россаке не были установлены разрушающие поля Хольцмана, которые защищали такие основные центры человеческой цивилизации, как Салуса Секундус или Гьеди Первая.

Но проклятые колдуньи с их смертоносными телепатическими способностями возбудили яростный гнев кимеков. Не обращая внимания на сражение, завязавшееся на подступах к планете, Агамемнон и его корабли ринулись в плотные слои туманной атмосферы Россака. В потайных пещерах они найдут колдуний, их семьи и их друзей, чтобы принести всех в жертву своей ярости.

Он включил ментальное соединение с кимеками ударного отряда.

— Ксеркс, веди авангард, как ты делал это на Салусе Секундус. Я хочу, чтобы ты высадился в условленном месте.

В ответе, переданном на полосе широкого вещания, Ксеркс не смог скрыть свой страх.

— Нам надо проявить осторожность в сражении с этими телепатическими бабами, Агамемнон. Они убили Барбароссу и уничтожили все живое на Гьеди Первой...

— Вот и будь для нас примером. Гордись, что ты первым окажешься на поле битвы. Докажи, что ты чего-то стоишь, и будь благодарен за предоставленную тебе возможность отличиться.

— На протяжении многих столетий я уже не раз доказывал свою воинскую доблесть. — Ксеркс был обижен до глубины души. — Почему ты не хочешь послать роботов в авангарде? Мы же видим, что на Россаке нет защитного разрушающего поля...

— Тем не менее ты поведешь передовой отряд. Или у тебя нет ни гордости, ни элементарного стыда?

Ксеркс не стал больше ничего возражать или предлагать. Он мог делать все что угодно, проявлять любое геройство, но он был не в силах загладить ошибку, которую совершил много лет назад...

Когда первые титаны имели еще вполне человеческий облик, Ксеркс был льстецом и вечно поддакивающим человеком, который никогда не проявлял ни желания, ни способностей стать пламенным революционером из собственных побуждений и убеждений, каковых у Ксеркса просто не было. Он всегда стремился стать участником великих событий, но при этом неизменно прятался за спины своих более мужественных товарищей. Когда была одержана победа и Старая Империя оказалась в руках титанов, Ксеркс с большим удовольствием получил под свое управление несколько планет, завоеванных для него доблестью других титанов. Из всех двадцати первых титанов Ксеркс отличался наибольшей тягой к роскоши и вел поистине гедонистический образ жизни, получая большое удовольствие от своего тела. Он последним согласился провести над собой операцию превращения в кимека, боясь лишиться своей столь приятной чувственности.

Пробыв правителем чуть больше сотни лет, злополучный Ксеркс совершено разложился под воздействием окружавшей его роскоши. Он сделал непростительную глупость, переложив на плечи умных машин, запрограммированных Барбароссой, практически все свои обязанности. Дошло до того, что он поручал им принимать за себя важные решения. Когда хретгиры подняли восстание на Коррине, Ришезе и Валгисе, порядок на планетах Ксеркса поддерживали мыслящие ма-

шины. Не обратив внимания на детали и слепо доверяя сети A1, он дал машинам полную свободу в подавлении возникших повсеместно волнений. Пустоголовый Ксеркс с легким сердцем отдал машинам контроль над компьютерной сетью, приказав им решать любые проблемы, какие только могут возникнуть.

Получив беспрецедентный доступ к самой секретной информации, мыслящие машины немедленно отрезали Ксеркса от всех рычагов управления, изолировали его и захватили власть на планете. Для того чтобы разгромить Старую Империю, Барбаросса сделал роботов агрессивными и настроенными на захватническую войну. Получив новую власть, оперившаяся A1 цельность — присвоившая себе имя Омниуса — покорила и самих титанов, став править кимеками и людьми, предположительно, ради их же собственного блага.

Агамемнон проклинал себя за то, что не следил за Ксерксом более внимательно и не казнил его, когда порочное поведение глупого и пустого титана стало явным и бросающимся в глаза.

Власть компьютеров распространилась по Вселенной со скоростью ядерной реакции, быстрее, чем титаны успели предупредить друг друга о новой опасности, и до того, как они успели выключить сеть A1. В мгновение ока планеты, которыми управляли титаны, превратились в бастионы Синхронизированного Мира. Все новые и новые воплощения — инкарнации — всемирного разума появлялись на планетах, распространяясь по миру, как метастазы отвратительной раковой опухоли, как ростки живучего электронного сорняка. Правление мыслящих машин стало свершившимся фактом.

Сложные компьютеры нашли лазейки в ограничениях, наложенных на них программами Барбароссы, позволили им поставить себе на службу бывших правителей известной Вселенной. И все это произошло из-за того, что идиот Ксеркс открыл перед машинами дверь. По мнению Агамемнона, это был непростительный проступок, настоящее преступление.

В этот момент корабли кимеков прошли мимо посадочных платформ орбитальных станций, уже атакованных флотом роботов и вступивших в бой. Корабли роботов осыпали платформы снарядами. Из пробоин со свистом вырывался

воздух. Одна причальная станция начала колебаться и упала с орбиты.

Планета оказалась совершенно незащищенной. Она раскинулась перед пришельцами, закутанная густыми облаками, сквозь просветы которых виднелись черные континенты, активные вулканы, отравленные моря, пурпурные джунгли и редкие населенные пункты.

— Удачи, любимый, — раздался чувственный голос Юноны. Она говорила с Агамемноном по их личному каналу связи. Слова ее заставили затрепетать его мозг.

— Мне не нужна удача, Юнона, мне нужна победа.

Когда началась внезапная атака, часть находившихся на поверхности боевых кораблей и «Кинжалов» поднялась в воздух над полимерным покровом джунглей и вступила в схватку с космическими пришельцами. Но платформы орбитальных станций уже получили серьезные повреждения.

Вызвав к себе своих проверенных колдуний и телепатических курсанток, Зуфа Ценва не забыла и об Аврелии Венпорте. Перед ним она тоже поставила задачу.

— Можешь на этот раз доказать мне, что ты действительно лидер. Эвакуируй население, и поспеши, времени осталось совсем немного.

Венпорт кивнул:

— У нас уже разработан эвакуационный план. Не только колдуньи умеют планировать свои действия, Зуфа.

Он ожидал от нее хотя бы намека на похвалу, но напрасны были его надежды.

— Вот и приступай к делу, — сказала Ценва. — Атака на наши орбитальные станции — это только начало или вообще отвлекающий маневр. Скоро сюда пожалуют кимеки.

— Кимеки? Так, значит, один из разведывательных кораблей...

В глазах Зуфы мелькнуло страшное предчувствие.

— Думай, Аврелий! Геома убила титана на Гьеди Первой. Они знают, что мы обладаем секретным телепатическим оружием. Эта атака — не простое случайное совпадение. Зачем еще им может быть нужен какой-то Россак? Они хотят уничтожить колдуний.

Он знал, что Зуфа права. Зачем, действительно, мыслящим машинам орбитальные платформы? Другие люди тоже чувствовали приближение неведомой и страшной опасности. Среди людей, населявших пещеры, начала распространяться паника.

Большинство населения Россака не обладало какими-либо сверхъестественными способностями, многие, напротив, имели различные врожденные недуги и заболевания, обусловленные нездоровой окружающей средой. Но одна колдунья с Россака нанесла оскорбление титанам, и вот сюда пожаловала карательная экспедиция машин.

— Мои колдуньи займут оборону, ты понимаешь, что это значит.

Зуфа подтянулась и посмотрела на Венпорта с нескрываемым сочувствием.

— Спасайся, Аврелий. Кимекам нет до тебя никакого дела.

Внезапно его лицо обрело решительное выражение.

— Я организую эвакуацию. Мы можем спрятать население в джунглях, позаботиться обо всех, кто нуждается в медицинской помощи. Мои люди приготовили аварийные запасы, убежища, обрабатывающие цеха...

Зуфа, казалось, была приятно удивлена его силой.

— Хорошо, я оставляю непосвященных в твоих руках.

Непосвященных? Теперь было не время с ней спорить. Венпорт присмотрелся, стараясь уловить хотя бы тень страха в глазах Зуфы. Стараясь не показывать своих чувств, он мягко заговорил:

— Ты собираешься пожертвовать собой?

— Я не могу жертвовать собой. — Зуфе было больно признать это. — Кто станет учить колдуний, если я это сделаю?

Но Венпорт не поверил своей возлюбленной.

Она помолчала, словно чего-то ожидая от него, но, не дождавшись, резко повернулась и поспешила по коридору.

— Постарайся уцелеть, — крикнул ей вдогонку Аврелий.

Когда она ушла, он выбежал в коридор, начав оповещать семьи.

— Нам надо уходить в убежища в джунглях! Выходите. — Громким голосом он уверенно отдавал команды. — Скоро здесь будут кимеки!

Венпорт велел дюжине молодых людей обежать все комнаты в пещерном поселке, чтобы быть уверенным, что оповещение достигло каждого человека. Когда юноши поспешили выполнять поставленную перед ними задачу, сам осмотрел некоторые заброшенные помещения. Мужчины, женщины, калеки. Несмотря на потрясение, одна пожилая чета решила пересидеть беду в одной из заброшенных пещер. Венпорт помог им перебраться в безопасное убежище, убедившись, что они погрузились на платформу лифта, который доставит их в подземное укрытие.

Он продолжал наблюдать, как лифты опускают людей на безопасные уровни. Члены его поисковых партий в джунглях займут места в тайных расщелинах. Они знали каждую тропу в опасных и густых джунглях, знали, где можно спрятаться под их пурпурно-металлическим покровом.

Сообщения с кораблей Армады свидетельствовали о том, что сражение складывается не в пользу Россака. Один из уцелевших кораблей-разведчиков передал предупреждение о том, что десятки кораблей с кимеками начали снижаться и скоро пойдут на посадку.

— Скорее! Эвауируйте город! Здесь займут оборону колдуньи, — закричал Венпорт.

Еще одна группа начала спуск в глубину грибных джунглей на дребезжащей, перегруженной платформе. Других беглецов Венпорт отправил в скалы, нависавшие над городом или спрятанные в непроходимой чащобе. Внезапно атмосферу пробили раскаленные докрасна снаряды, оставлявшие в воздухе маслянисто-дымный след.

— Быстрее! — заорал Венпорт и бросился в туннель на поиски, возможно, оставшихся не эвакуированными людей, зная, что в его распоряжении осталось всего несколько мгновений, чтобы самому добраться до безопасного места.

У нас есть жизнь, но, кроме нее, есть приоритеты. Некоторые люди не способны уловить разницу.

Зуфа Ценва. Лекция для колдуний

Посадочные корабли кимеков с грохотом врезались в серебристо-пурпурную глушь, распугивая животных и превращая в обугленные головешки грибные заросли. Стволы огнеметов изрыгали пылающую лаву, которая мгновенно подожгла сочную листву. По джунглям начал молниеносно распространяться пожар.

Со скрежетом и громом, который эхом отдавался под затянутыми тучами небесами, суда кимеков раскрылись, и оттуда начали выскакивать боевые формы. Из трех кораблей показались обтекаемые силуэты, а из остальных высыпали ужасные, похожие на крабов, механические существа, бряцающие оружием.

Одетый в угловатое обтекаемое тело, Ксеркс полетел над джунглями к анклаву телепатических колдуний. Тихо кружа в воздухе, он расправил крылья и начал парить в восходящих воздушных потоках.

— Продвигаюсь вперед, — сообщил он.

— Убей ведьм за нас, Ксеркс, — сказала Юнона, пока они с Агамемноном готовились сами взлететь в воздух.

Агамемнон добавил сердитым тоном:

— Убей их за Барбароссу.

Ксеркс начал планировать по направлению к испещренным отверстиями пещер скалам. Внизу, тупо наступавшие боевые машины, ведомые мозгами энтузиастов-неокимеков, ломились сквозь джунгли, сжигая все препятствия и уничтожая все, что попадалось им на глаза.

Высоко взлетев и получив широкий обзор, Ксеркс осмотрел ущелья, увидел посадочную площадку хретгиров на поли-

мерном покрове джунглей и выпустил по ней пятнадцать зарядов. Половина из них ударила по отвесным скалам, взметнув в воздух раскаленные добела обломки камня, а остальные прошли в туннели, где люди жили, как жучки, поразившие дерево.

Быстро отступив, Ксеркс пролетел над верхушками деревьев и стремительно набрал высоту. Когда ему навстречу вылетели Агамемнон и Юнона, Ксеркс восторженно их приветствовал, ликуя от своего торжества.

— Счет открыт! Пусть неокимеки продолжают свое наступление.

Гладкие волокнистые подвесные структуры и выставленные ноги несли неокимеков-пехотинцев по подлеску джунглей. Обнаружив входы в подземные горда, они разрядили в них свои плазменные гранатометы, предав огню туннели. Вокруг них вспыхивала пурпурная листва, грибовидные деревья превращались в столбы пламени, несчастные животные метались в огне, пытаясь найти спасение. Величественные птицы взмывали в небеса, но кимеки находили их там и залпами из орудий превращали в облака пылающих перьев.

Хотя Агамемнон был доволен тем, что первые залпы войны прошли гладко, он не спешил принимать поздравления. Они с Юноной полетели вперед, чтобы осуществить еще одну воздушную атаку с другой позиции. Внизу пехотинцы-неокимеки дошли до скал и вошли в туннели, чтобы довершить всеобщее разрушение и опустошение.

Ценва и ее коммандос готовились к бою во внутренней комнате, где Венпорт в более благополучные времена проводил свои деловые встречи. Никто из колдуний не испытывал и тени страха, они были преисполнены лишь гневом и решимостью. За последний год эти женщины приняли свою главную жизненную цель, даже если ее достижение будет грозить им неминуемой смертью.

— Именно к этому мы готовимся всю жизнь, — сказала Зуфа. — Но я не хочу вводить вас в заблуждение относительно наших шансов.

Она была не уверена в том, что говорила, но старалась сохранить твердость.

— Готовы, госпожа Цейва, — в один голос ответили женщины.

Она глубоко вздохнула, успокаивая себя, используя методы ментального контроля, которому она с таким трудом научила своих студенток.

Каменные стены содрогнулись, когда первые бомбы и ракеты нашли свои цели. По коридорам подземного города начали расползаться клубы ядовитого газа. Предусмотрев такую возможность, Венпорт снабдил всех женщин противогазами, эвакуировав остальных в безопасные места. Зуфа удивлялась, что не смогла сама подумать о возможности газовой атаки и не приняла мер предосторожности. Она надеялась, что он успел добраться до убежища и не стал попусту тратить время на спасение своего склада с ценными лекарствами.

Сейчас она внимательно смотрела на преданных делу женщин, пришедших сюда с ней. Она знала их имена и все личностные особенности.

Тирбес — она могла быть лучшей из всех, если бы научилась обуздывать свои возможности; импульсивная Силин; творческая и непредсказуемая Камио; Руция, которая никогда не отступает от своего кодекса чести, и многие другие.

— Камио, — произнесла наконец Зуфа, — я выбираю тебя для нанесения нашего следующего удара.

Стройная молодая женщина с длинными соломенного цвета волосами встала, улыбнулась бескровной улыбкой.

— Это большая честь для меня, госпожа Ценва.

Оставив сестер в комнате, Камио поправила противогаз и вышла из потайного помещения. Она шла по коридору и готовилась к высвобождению мощного заряда ментальной энергии. Для этого надо было выполнить медитацию, несмотря ни на что. К своему приятному удивлению, она не увидела в коридоре ни одного мертвого тела, что говорило о том, что население было благополучно эвакуировано. Теперь ничто не помешает колдунье выполнить ее долг.

Весь пол был усеян каменными обломками, разлетевшимися в результате взрывов. В пещеры вползали клубы ядовитого зеленоватого дыма. Камио не боялась за свою жизнь, но ей надо было поспешить.

Она услышала свист приближающегося снаряда и прижалась к стене туннеля. Раздался мощный взрыв, сотрясший скалу, ударная волна прокатилась по коридору и жилым помещениям. Камио сумела сохранить равновесие и снова ринулась вперед. В ее мозгу пела накопленная энергия. Она не стала смотреть на ковры и убранство помещений, мимо которых пробегала и среди которых прошла вся ее жизнь. Россак был ее родным домом. Машины — смертельными врагами, а сама она превратилась в живое оружие.

Когда она наконец выбралась наружу, то увидела пылающие джунгли и трех похожих на крабов кимеков, бронированные емкости с мозгами которых, как мошонки, висели на уровне ног. Каждый из них был когда-то человеком, продавшим душу и поклявшимся в верности мыслящим машинам.

Далеко в джунглях были слышны разрывы плазменных огнеметов, поджигавших пурпурную листву. В небе были видны летающие боевые формы кимеков, бросавших бомбы, распылявших ядовитые газы и изрыгавших пламя. Десятки пеших неокимеков двигались к защищенным скалам, уничтожая все на своем пути.

Надо набраться терпения и дождаться подходящего момента, чтобы истребить как можно больше врагов одновременно.

Снизу до слуха Камио донесся ровный гул. Три самых проворных кимека взбирались по отвесной скале, используя реактивные якори и оснащенные алмазными когтями лапы, чтобы цепляться за гладкие камни.

Она приветливо улыбнулась этому веселому трио крабоподобных неокимеков. Гибкие бронированные ноги вынесли ощетинившиеся стволами орудий корпуса к входу в главные пещеры. Камио в полном одиночестве стояла в проеме, в упор рассматривая своих смертельных врагов-киборгов. Она понимала, что их надо подпустить поближе.

Первый из неокимеков приподнялся над землей, и она увидела сверкавшие объективы оптических сенсоров, расположенных вокруг орудийных башен. Заметив женщину, неокимек развернул в направлении новой цели жерла своих огнеметов. Ярко вспыхнули фонари поисковых волоконных оптических световодов.

В то мгновение, когда кимек был готов выпустить огонь, Камио высвободила накопленную в мозгу энергию. Она сама почти испарилась в потоке этой исполинской энергии, которая буквально сварила мозги трех неокимеков и повредила мозги еще двух, которые только начали взбираться на скалу. Пять кимеков были выведены из строя.

Последней мыслью Камио было, что она дорого продала свою жизнь.

После Камио на битву с кимеками вышли, одна за другой, еще четыре колдуньи. Посылая в бой очередную женщину, Зуфа испытывала опустошающее чувство острой потери. Эти студентки были ее истинными дочерьми, и терять их каждый раз было, как пить горькую чашу. Но добровольцы смело шли сами навстречу гибели, готовые пожертвовать жизнью ради того, чтобы остановить кимеков.

— Мыслящие машины никогда не должны победить людей!

Наконец шестая колдунья, Силин, вернулась живая, но совершенно дезориентированная. Ее обычно бледные щеки пылали неестественным румянцем. Мысленно она приготовилась к смерти, но когда вышла в джунгли, то обнаружила, что убивать стало некого.

— Они панически, в беспорядке отступают, госпожа Ценва, — доложила она, придя в себя. — Кимеки грузятся на свои корабли. Пехотинцы и летающие кимеки вернулись на взлетные площадки.

Преодолевая завалы, Зуфа поспешила к скалам. Она увидела обугленные останки своих пяти колдуний. Каждая женщина была сожжена своим собственным ментальным огнем. В сердце ее вспыхнуло негасимое пламя ярости и печали. Она увидела также, что ужасные машины с человеческим разумом грузятся на борт своих кораблей, которые начали один за другим взлетать в космос.

Пройдет немного времени, и рассеянные по убежищам мирные жители вернутся в свои дома. Из убежищ их выведет Аврелий Венпорт. Под его руководством Россак скоро отстроится заново и залечит раны, нанесенные подлым вторжением. Люди преисполнятся гордости и уверенности в себе, так как оказались способными выстоять в борьбе против мыслящих машин.

Зуфе Ценва придется примириться с этим.

— Мы определяем победы нашим особым способом, — произнесла она вслух.

Когда корабли трех титанов присоединились к флоту роботов, Агамемнон вкратце доложил роботам результаты экспедиции, до того, как Юнона и этот дурак Ксеркс успели раскрыть рты и поделиться с роботами информацией, которую Агамемнон хотел скрыть. Он намеревался приукрасить правду, чтобы достичь своих целей.

— Мы нанесли им весьма чувствительный удар, — заявил генерал всевидящему оку всемирного разума. — Хотя мы потеряли нескольких неокимеков во время непосредственной атаки на Россак, мы все же уничтожили, самое малое, пять самых могущественных колдуний.

По личному каналу связи Юнона передала свое восхищение генералу по поводу его умного рапорта Омниусу. Ксеркс мудро воздержался от комментариев.

— Мы причинили существенный урон телепатическому оружию хретгиров, — продолжал Агамемнон, сохраняя хорошую мину при вчистую проигранной игре. — Это отбросит их на много лет назад.

Точно так же он приукрашивал события в своих военных мемуарах, описывая пристрастно картину исторических событий. Омниус же никогда не поставит под сомнение доклад, так как технически доклад полностью соответствует фактам.

— Самое главное, — сказала Юнона, — что мы не потеряли ни одного титана, а неокимеки — это заменяемый материал.

Две орбитальные платформы Россака были сильно повреждены кораблями роботов, которые теперь улетали от обломков. На платформах погибли тысячи людей. Внизу, на планете, продолжали гореть джунгли, окаймлявшие обитаемые каньоны.

— По моему мнению, Омниус может считать удар по Россаку своей неоспоримой победой, — объявил Агамемнон.

— Согласны, — единодушно поддержали своего генерала Юнона и Ксеркс.

Создается впечатление, что какой-то извращенный волшебник, как только мог, испортил планету, а потом, словно в награду, одарил ее меланжей.

Тук Кеедайр. Из переписки с Аврелием Венпортом

Нищие бродяги с мрачными глазами занимали все главные стратегические позиции вдоль знойных, пыльных улиц Арракис-Сити. Сквозь узкие прорехи в грязном тряпье, которым были покрыты их тела, они протягивали руки или играли на бубенчиках, привлекая внимание прохожих и прося у них воду. В своей жизни Кеедайр никогда не видел ничего подобного.

Он был вынужден остаться здесь на целый месяц в ожидании, пока кочевники наиба Дхартхи соберут достаточное количество меланжи, чтобы заполнить грузовой корабль торговца. Кеедайр оплатил пребывание в гостинице Арракис-Сити, но через неделю решил, что гораздо комфортнее ночевать в его собственном челноке. Он с удовольствием избегал любопытных взглядов других постояльцев, драк в коридорах, спекулянтов и нищих. Когда человек один, ему не надо заботиться о доверительных отношениях с компаньонами.

На Арракисе была масса проблем даже в самых простых делах. Он чувствовал себя как пловец, которому приходится изо всех сил бороться с приливной волной. Правда, он понимал, что для аборигенов такое сравнение лишено всякого содержательного смысла. В находившемся на орбите грузовом корабле начинали проявлять беспокойство несостоявшиеся работорговцы, и Кеедайру приходилось часто летать на корабль, чтобы улаживать споры и предотвращать драки. Тлулакс знал, как сокращать потери. Сейчас, сытый по горло идиотами, которые от скуки не знали, чем себя занять, он бы без колебаний продал их контракт какой-нибудь геологической экспедиции, которой предстояло отправиться в отдален-

ные районы пустыни. Если случится так, что эти мерзавцы прибудут оттуда раньше, чем он улетит, то они приползут на коленях, умоляя его взять их с собой в созвездие Талим.

Была и еще одна проблема. Хотя наиб Дхартха был явным деловым партнером Кеедайра в начатом ими предприятии, вождь дзенсунни не доверял своему компаньону. Для того чтобы ускорить дело и повысить его эффективность, Тук предложил отправить челнок непосредственно к тому месту, где бродяги Дхартхи будут добывать меланжу, но наиб и слышать об этом не желал. Тогда Кеедайр предложил переправить Дхартху и его шайку из Арракис-Сити в поселение, чтобы избежать длительного путешествия через пустыню. Но и эта идея была встречена отказом.

Итак, Кеедайру пришлось остаться в космопорту и ждать неделю за неделей, пока эти прокопченные солнцем пустынные крысы не приползут в Арракис-Сити, сгибаясь под тяжестью мешков, наполненных меланжей. Он оплачивал им каждую доставку и придирчиво проверял, не смешивают ли они меланжу с песком для веса. Наиб клялся в своей честности, заявляя протесты, но Кеедайр уловил в его голосе некоторое уважение к чужестранцу, который не хочет, чтобы его держали за дурака. Грузовые отсеки корабля заполнялись так медленно, что временами торговцу казалось, что он сойдет с ума.

Несмотря на все трудности, Кеедайр выходил из положения, все больше и больше привыкая к регулярному употреблению меланжи. Он пристрастился к меланжевому пиву, пряному кофе и ко всему на свете, что содержало эту замечательную составную часть.

В моменты просветления Кеедайр задавал себе вопрос: правильно ли он поступил, оставшись здесь? Возможно, было бы более мудро списать все убытки на свой счет и просто вернуться в цивилизованный мир Лиги Благородных. Там он сможет начать все заново, купить новый грузовой корабль, набрать рабов, выгодно продать их на Поритрине или Занбаре или отвезти свежие органы на таинственные фермы Тлулакса. Сидя в своей личной каюте, Кеедайр задумчиво поглаживал косичку и в который раз клялся себе не отступать, коли он ввязался в эту игру. Если он вернется, то ему придется при-

мириться с огромными потерями за один год, признать их и остричь почетную косичку, а ему очень не хотелось расставаться со своими волосами. Уязвленная гордость заставила его остаться на Арракисе на столько времени, сколько потребуется.

Ему страшно не нравился жуткий климат здешних мест, запах обожженных солнцем скал и камней, завывание песчаных бурь, которые сотрясали здание космопорта и добела выскабливали горные кряжи. Но как же он полюбил меланжу! День за днем Кеедайр просиживал в одиночестве в своей каюте и потреблял большие дозы пряности, добавляя ее даже к консервированным продуктам. С пряностью любая дрянь начинала по вкусу напоминать амброзию.

В своих наведенных пряностью грезах он продавал пряность богатым аристократам, известным гедонистам с Салусы Секундус, Кираны III и Пинкнона. Может быть, удастся даже всучить пряность фанатикам-биологам на Тлулаксе. Он чувствовал биение жизни и необычную бодрость с тех пор, как добавил меланжу к своему рациону. Ему казалось, что лицо его с каждым днем становится все более беззаботным и юным. Он теперь часто смотрел на себя в зеркало, внимательно вглядываясь в черты своего узкого лица. У белков его глаз появился неестественный оттенок синего индиго. Было такое впечатление, что на его склеры капнули немного разбавленных фиолетовых чернил.

У наиба Дхартхи и его соплеменников тоже были такие «синие на синем» глаза. Действие какого-то элемента, загрязняющего окружающую среду? Может быть, это последствия неумеренного потребления меланжи? Он слишком хорошо себя чувствовал от пряности, чтобы заподозрить ее в побочном действии. Может быть, это просто временное нарушение пигментации?

Он приготовил себе чашку свежего кофе с пряностью.

На следующее утро, когда на усеянном звездами небе появились первые признаки восходящего солнца, в космопорт явилась группа кочевников, возглавляемая наибом Дхартхой. На спинах пустынных бродяг виднелись большие мешки с пряностью.

Кеедайр поспешил к ним навстречу, щурясь от яркого утреннего солнца. Дхартха, одетый в запыленные белые одежды, имел весьма самодовольный вид.

— Это последняя партия меланжи, которую ты заказывал, торговец Кеедайр.

Чтобы соблюсти необходимую формальность, купец проверил содержимое мешков и убедился, что в них свежая меланжа без примеси песка, который тщательно отфильтровали от ценного продукта.

— Как и всегда, ваш товар приемлем. Это все, что мне было нужно. Мой корабль загружен полностью, и теперь я возвращаюсь в цивилизованный мир.

Но Кеедайру не понравилось выражение лица Дхартхи. Он даже подумал, не стоит ли теперь ему и его людям совершить рейд в пустынный поселок и захватить в рабство несколько экземпляров этих пустынных крыс. Возможно, это будет довольно прибыльно.

— Ты вернешься к нам, торговец Кеедайр?

В окрашенных в цвет индиго глазах наиба появился алчный блеск.

— Если тебе понадобится еще меланжа, то я и мои люди обеспечим тебя нужным ее количеством. Мы можем даже заключить соглашение.

В ответ Кеедайр уклончиво хмыкнул. Он не хотел обнадеживать этого человека возможными деловыми отношениями.

— Все зависит от того, смогу ли я с прибылью продать эту партию. Меланжа — не проверенный товар, в Лиге она никому не известна, и я беру на себя значительный риск, доставляя туда пряность. — Он выпрямился. — Но мы заключали сделку на эту партию, и я оплатил ее, так как всегда верен своему слову.

Он заплатил Дхартхе остаток суммы.

— Если я вернусь, то это будет через несколько месяцев, а скорее всего не раньше, чем через год. Если же я потеряю свои деньги, то совсем не вернусь.

Презрительным взглядом он обвел обшарпанное здание космопорта, пустыню и зубчатые горы.

— Кроме пряности, ничто больше не заставит меня вернуться на Арракис.

Дхартха смело посмотрел торговцу прямо в глаза.

— Никто не знает своего будущего, торговец Кеедайр.

Дело было окончено, вождь людей пустыни поклонился чужеземцу и отошел. Одетые в белое кочевники смотрели на торговца, как стервятники смотрят на погибающее животное, готовые в любой момент броситься на него и разорвать на части свежий труп.

Не сказав больше ни слова, Кеедайр вернулся на челнок, размышляя: как сделать прибыльным намечающееся предприятие? Надо было понять и увидеть, как превратить торговлю пряностью в постоянный, хорошо налаженный и выгодный бизнес, не связанный с такими тяготами и трудностями в подготовке и проведении, как торговля рабами, доставляющими одни только хлопоты и неприятности.

К сожалению, операции, которые он задумывал, требовали больших капиталовложений, а у него не было таких больших денег. Но он знал одного вероятного инвестора. Для такого дела требовался человек, обладавший некоторым набором необходимых качеств. Знаток лекарственных препаратов, стимуляторов и наркотиков, человек, обладающий большими деньгами и видением проблемы, и, наконец, это должен быть предприниматель, способный здраво судить о возможностях подобных операций.

Такой человек есть. Он живет на Россаке, и зовут его Аврелий Венпорт.

«Я не воплощение зла, — возразил Шайтан. — Не пытайтесь присвоить мне качество, в котором вы ничего не смыслите».

Буддисламская сутра

Пока Серена ухаживала за хваленными цветами робота, растущими в красивых терракотовых горшках, Эразм наблюдал за ней со все возраставшим очарованием.

Она подняла голову, посмотрела на Эразма и подумала, насколько далеко от себя должна она — или может — держать мыслящую машину.

— Для того чтобы понять человеческую сущность, Эразм, совершенно не обязательно проявлять такую жестокость.

Робот повернул к женщине свою зеркальную маску и сложил ее в озадаченное выражение.

— Жестокость? Я никогда не имел жестоких намерений.

— Ты — воплощение зла, Эразм. Я вижу, как ты обращаешься с людьми-рабами, как ты мучаешь их, пытаешь их, принуждаешь их жить в ужасных условиях.

— Я не воплощение зла, Серена, я просто очень любопытен. Я горжусь объективностью моих исследований.

Она стояла возле терракотовой вазы, держа перед собой побег ярко-красной герани, словно надеясь этим цветком защититься от робота, если он вдруг решит применить силу.

— А что ты можешь сказать о пытках, которым ты подвергаешь людей в своих лабораториях?

Эразм снова стер с зеркальной маски всякое выражение.

— Это мои частные исследования, они проводятся под моим строгим и тонким контролем. Тебе нельзя входить в лабораторию. Я запрещаю тебе это делать. Я не хочу, чтобы ты вмешивалась в мои опыты и препятствовала их проведению.

— В опыты над ними... или надо мной?

Робот одарил Серену умопомрачительно безмятежной улыбкой и промолчал.

Все время, пока она находилась в плену, Серена расстраивалась по поводу того вреда, какой Эразм причинял людям. Удручала ее и неясная судьба ребенка, которого она носила под сердцем. Нервы ее не выдержали. Серена, не владея собой, сбросила на землю один из цветочных горшков. По твердым глазурованным плитам пола оранжереи разлетелись бесчисленные мелкие осколки.

Эразм бесстрастно посмотрел на осколки глиняного горшка, рассыпанную землю и красные лепестки.

— В отличие от людей я никогда ничего не ломаю без видимой цели.

Серена вызывающе вскинула голову.

— Ты никогда не бываешь добрым. Почему бы тебе для разнообразия не совершить какое-нибудь доброе дело?

— Доброе дело? — Эразм выглядел искренне заинтересованным. — Какое, например?

Автоматические увлажнители с мягким шипением распыляли в воздухе теплицы воду, осаждавшуюся на листьях растений. Серена не хотела упускать даже такую возможность.

— Во-первых, лучше корми своих рабов. Не только привилегированных доверенных лиц, но и домашнюю прислугу и тех несчастных, которых ты, как животных, содержишь в этих ужасных бараках.

— И хорошая еда поможет достигнуть цели? — спросил Эразм. — То есть это и будет доброе дело?

— Это позволит хотя бы немного улучшить их жалкое положение. Что ты теряешь, Эразм? Или ты боишься?

Его не смутили упреки Серены.

— Я подумаю над этим вопросом, — сказал робот.

Четыре охранных робота взяли Серену в плотное кольцо, когда она, как обычно, шла по территории виллы. Отдавая короткие команды, немногословные стражники повели ее на открытый двор, выходивший к морю. Роботы были хорошо вооружены, но не склонны к разговорам. Они просто шли вперед, не выпуская Серену из своего кольца.

Она постаралась отогнать инстинктивный страх. Никогда нельзя было угадать, какой эксперимент мог задумать наивный в своей неосознанной жестокости независимый робот.

Выйдя на открытое пространство, она увидела птиц, летавших под изумительным шатром безоблачного синего неба, раскинувшимся над прибрежными скалами. Она вдохнула полной грудью соленый воздух океана, прислушалась к неумолчному рокоту прибоя.

Среди роскошной зелени лужаек и аккуратно подстриженных кустов, за которыми скрывались жалкие бараки рабов, Серена с плохо скрытым изумлением увидела длинные ряды столов, вдоль которых были расставлены сотни стульев. На свежем воздухе, на легком морском ветерке, под ярким летним солнцем роботы приготовили изысканный банкет. Столы были уставлены блестящими серебряными приборами, в графинчиках были видны разноцветные напитки, на блюдах лежали дымящиеся горы мяса, пестрые фрукты и сладкие десерты. В довершение всей этой роскоши на столах были через равные интервалы поставлены вазы с красивыми свежими цветами.

За ограждением стояла толпа смущенных и напуганных рабов, смотревших со смешанным чувством алчности и страха на все это великолепие. Ароматы изысканных блюд носились в воздухе, дразня и мучая голодных рабов.

Серена остановилась, выказав крайнее удивление.

— Что все это значит?

Четыре робота, доставивших ее сюда под конвоем, сделали еще шаг вперед и тоже остановились.

К Серене подошел Эразм. Зеркальное лицо его просто источало удовольствие. Робот был удовлетворен достигнутым эффектом.

— Это пир, Серена. Разве я не великолепно его устроил? Ты должна быть вне себя от восторга.

— Я... заинтригована, — сказала женщина.

Эразм поднял свои металлические руки, охранные роботы открыли заграждения и толкнули вперед избранных рабов. Рабы поспешили к столам, но выглядели при этом очень испуганными.

— Я очень тщательно подобрал контингент, ориентируясь на демографические показатели, — сказал Эразм, — и включил в него представителей всех каст — доверенных людей, простых рабочих, ремесленников и даже этих дурно воспитанных рабов.

Пленники расселись по местам и сидели в напряженных позах, неестественно выпрямившись и держа руки на коленях. На всех лицах отражался недоверчивый страх, смешанный с растерянностью. Многие из приглашенных гостей выглядели так, словно самым заветным их желанием было оказаться где-нибудь подальше от этого места. Никто из людей не доверял хозяину этого дома. Возможно, пища была отравлена, и потом люди будут умирать мучительной смертью, а Эразм станет делать записи, наблюдая за этим интереснейшим процессом.

— Ешьте! — приказал робот. — Я приготовил этот пир для вас. Это мое доброе дело.

Теперь Серена поняла, что делает Эразм.

— Это совсем не то, что я имела в виду, Эразм. Я хотела, чтобы ты изменил их ежедневный рацион, улучшил качество пищи, что сделало бы их здоровее. Один банкет ничего не изменит.

— Улучшит их отношение ко мне.

Некоторые гости отважились положить еду на свои тарелки, но никто пока не осмелился проглотить хотя бы кусок.

— Почему они не едят? Я же сделал такой великодушный жест.

Робот посмотрел на Серену в ожидании ответа.

— Они боятся тебя, Эразм.

— Но сейчас я не причиняю им никакого зла.

— Откуда они могут это знать? Как они могут доверять тебе? Скажи мне правду, ты не отравил еду? Может быть, некоторые блюда по случайному выбору?

— Это интересная идея, но это сейчас не входит в условия опыта.

Эразм по-прежнему ничего не понимал.

— Иногда наблюдатель влияет на исход эксперимента, но я не вижу способа обойти эту проблему.

Он задумался, и внезапно его лицо осветилось широкой улыбкой.

— Пожалуй, я тоже приму участие в трапезе.

Высунув из своего корпуса многочисленные сенсорные зонды, Эразм направился к ближайшему столу и начал брать пробы блюд, фруктов и приправленных специями соусов, одновременно проводя их химический анализ. Люди растерянно наблюдали за его малопонятными действиями.

Серена видела, что многие лица обратились к ней с выражением немой надежды. Решившись, она возвысила голос:

— Слушайте меня. Ешьте, наслаждайтесь пиром. Сегодня у Эразма нет злого умысла. — Она посмотрела на робота. — Если, конечно, он не солгал мне.

— Я не знаю, как лгать.

— Я уверена, что ты научишься, если как следует займешься своим образованием.

Серена подошла к столу, выбрала на одном из блюд кусок нежнейшего мяса и отправила его в рот. Потом она пошла вдоль стола, отведывая фрукты, закуски и десерты.

Люди заулыбались, в их глазах появился живой блеск. Молодая женщина, вселявшая в них радость и уверенность, казалась рабам сошедшим с небес ангелом. Она убеждала их, что этот банкет действительно то, чем он должен быть.

— Давайте, друзья мои, ешьте, берите пример с меня. Хотя я не могу дать вам свободу, давайте по меньшей мере разделим эту роскошную трапезу. Пусть это будет день нашего маленького счастья.

Голодные люди, урча от удовольствия, набросились на еду, накладывая себе на тарелки огромные куски, поливая их соусами, вылизывая тарелки дочиста. Вскоре на столах не осталось ни одной крошки. Люди смотрели на Серену с благодарностью и восхищением. Она же ощутила теплое чувство. Ей было радостно оттого, что она смогла сделать хоть такую малость для этих несчастных, обездоленных людей.

Впервые за всю историю Эразм попытался целенаправленно совершить доброе дело. Серена надеялась, что ей удастся склонить его и к другим добрым поступкам.

Одна из приглашенных на банкет рабынь встала, подошла к Серене и взяла ее за рукав. В темных усталых глазах рабыни можно было прочесть вспыхнувшую надежду.

— Как тебя зовут? — спросила рабыня. — Нам надо обязательно это знать. Мы расскажем всем, что ты сделала для нас.

— Меня зовут Серена, Серена Батлер. Я просила Эразма улучшить условия вашего содержания. Он сказал, что проследит, чтобы вы каждый день получали лучший рацион.

Она прищурила глаза и обернулась к роботу.

— Я права?

Робот тоже обернулся к Серене. На лице его блуждала довольная улыбка. Он был обрадован не тем, что он сделал, а тем интересным вещам, которые ему удалось наблюдать.

— Как вам будет угодно, Серена Батлер.

Благодаря соблазнительным свойствам машин мы склонны допускать, что технологический прогресс всегда ведет к улучшениям, и считаем его благом для человечества.

Примеро Файкан Батлер. «Воспоминания о джихаде»

Возложив ответственность за неудачное испытание сплавного резонансного генератора на некомпетентных вычислителей, Тио Хольцман, не испытывая ни малейших угрызений совести, забросил этот проект. В глубине души он понял, что генератор не удастся сделать настолько селективным, чтобы он поражал только вражеских роботов, не причиняя значительных побочных разрушений.

Лорд Бладд, огорченный неудачным испытанием, в энергичных выражениях предложил прославленному изобретателю разработать какую-нибудь другую концепцию. Если и так, то все равно идея была весьма многообещающей...

Ученый вернулся к исходному пункту — разработке и усовершенствованию разрушающего поля, способного уничтожать гелевые контуры машин типа А1. Другие инженеры работали над усовершенствованием переносных генераторов такого поля для использования их в наземных войсковых операциях, но сам Хольцман чувствовал, что за всем этим кроются куда большие возможности, что конструкции аппаратов, генерирующих поле, можно приспособить для решения задачи блокирования и других типов вооружения.

Погрузившись в решение этой задачи и избегая общества Нормы (которая имела обыкновение указывать ему на его ошибки), Хольцман в который раз принялся заново изучать свои вычисления. Цель была очевидна — увеличить мощность и плотность поля. Хольцман сражался с неподатливыми уравнениями, как с живыми противниками. Надо было во что бы

то ни стало заткнуть бреши, сквозь которые кимеки пробились на Салусу Секундус.

Он думал о создании оружия, которое одновременно могло бы быть наступательным и оборонительным, мысленно играя вариантами, как игрушками. Хольцман понимал, что прямая деструкция врагов — задача несложная сама по себе, если Армаде Лиги удастся преодолеть оборону Омниуса. Простая бомбардировка атомными боеголовками может на корню уничтожить Синхронизированный Мир, но при этом одновременно погибнут миллиарды порабощенных машинами людей. Следовательно, эта идея нежизнеспособна и не должна даже обсуждаться.

Выйдя в планетарий, расположенный над узкой лестничной площадкой, Хольцман включил голографическое изображение луны, обращавшейся вокруг их океанической планеты. Спутник Поритрина вращался вокруг планеты по удлиненной эллиптической орбите, словно стараясь убежать из тисков силы притяжения. Модель луны пролетала сквозь воображаемую солнечную систему до столкновения с другой планетой, и это столкновение приводило к гибели обоих небесных тел. Нахмурившись, Хольцман выключил голограмму.

Да, разрушить просто, куда труднее защитить.

Хольцман хотел привлечь Норму к разработке нового проекта, но чувствовал, что молодая женщина пугает его. Несмотря на свои прежние блестящие достижения, он стыдился того, что его математическая интуиция оказалась хуже интуиции Нормы. Конечно, она будет счастлива работать с ним, но сам савант слишком сильно ощущал права собственности на новую концепцию. Сначала он должен сам полностью закончить разработку проекта, выполнив до последней точки все вычисления.

Но тогда зачем он вообще вытащил Норму из россакской глуши, если не для того, чтобы использовать ее математический потенциал? Раздраженный собственной нерешительностью, Хольцман поставил планетарный проектор обратно на полку. Пора снова приниматься за работу.

В дверь вошел, сверкая золотыми позументами и оружием, драгунский офицер. Он принес папку с результатами вычислений, сделанных командой рабов. Это был последний

штрих, позволяющий закончить создание действующей модели.

Хольцман изучил принесенные данные, пробежав глазами вычисления. Он снова и снова обдумывал созданную им фундаментальную теорию, и вот наконец его вычислители нашли те ответы, в которых он так нуждался. В волнении он ударил ладонью по столу. Да!

Довольный собой изобретатель привел в порядок свое рабочее место, аккуратно уложил все в стопки — бумаги, чертежи и слайды. Потом разложил результаты вычислений так, чтобы они красиво выглядели на столе, и позвал Норму Ценва. Когда она вошла в его кабинет, он гордо объяснил ей суть того, что он сделал.

— Вот, пожалуйста, я прошу тебя посмотреть мои результаты.

— Я с радостью посмотрю их, савант Хольцман.

Норма не проявляла ни малейшего духа конкуренции, не было у нее и тяги к личной славе и известности, что доставляло Хольцману неподдельную радость. Однако он не смог сдержать тяжкий вздох.

Я боюсь ее. Мысль была ему неприятна, и он попытался отогнать ее от себя.

Она забралась на стул и, задумчиво постукивая себя по подбородку, углубилась в чтение уравнений. Хольцман принялся расхаживать по лаборатории, изредка бросая на Норму взгляд, но ее ничем невозможно было отвлечь. Она не оглянулась, даже когда Хольцман якобы случайно задел один из резонирующих призматических камертонов.

Норма погрузилась в новую концепцию саванта, как в гипнотический транс. Он не знал, как работает ее мышление, понимал только, что оно работает, и очень неплохо. Наконец она вышла из параллельного мира, подняла голову и отложила в сторону бумаги.

— Это действительно новая форма защитного поля, савант. Действия с основными уравнениями — новое слово в науке, и даже мне было сложно разобраться в деталях ваших вычислений.

Она улыбнулась, как маленькая девочка — широко и открыто, и Хольцман почувствовал, что его буквально распирает от облегчения и гордости.

Но ее тон, к его вящему неудовольствию, вдруг изменился.

— Однако я не уверена, что валидными окажутся те приложения, которые вы предлагаете.

Эти слова упали в его душу, как капли расплавленного свинца на кожу.

— Что ты хочешь этим сказать? Поле может разрушать гелевые контуры A1 и одновременно защищать от физического проникновения.

Норма провела пальцем по колонке формул на третьей странице вычислений.

— Вашим главным лимитирующим фактором является радиус эффективного выброса. Здесь и вот здесь. При этом совершенно не важно, сколько энергии вы закачаете в полевой генератор, ее уровень все равно не сможет превысить некой постоянной величины. Такое поле может блестяще защитить космический корабль, даже, может быть, большое здание, но оно по самой своей природе никогда не сможет послужить щитом целой планете.

— Нельзя ли в таком случае усилить и умножить эффекты малых полей? — взволнованно спросил Хольцман. — Например, произведя суперпозицию их?

— Может быть, да, — ответила Норма без особого, впрочем, энтузиазма. — Но лично меня здесь поражает совершенно другое. Вот это. Переменная скорости.

Она очертила кончиком пальца еще одно уравнение.

— Если здесь переработать математический аппарат, — она достала из ящика калькулятор и быстро включила его. Нажимая кнопки, она принялась перемещать по дисплею поля арифметических действий, — то случайная величина скорости становится существенной, если вы отделите ее функцию от функции эффективности самого поля. Таким образом, при некоторой минимальной величине скорости фактор становится совершенно несущественным.

Хольцман внимательно всмотрелся в уравнения, стараясь понять Норму.

— Что ты подразумеваешь?

Норма принялась терпеливо объяснять свою мысль:

— Другими словами, если поражающий снаряд движется достаточно медленно, он сможет проникнуть сквозь ваше за-

щитное поле. Поле остановит быстро летящий предмет, например, пулю, но то, что превысит некоторый порог и будет двигаться достаточно медленно, пробьет поле.

— Но кто из наших вероятных противников стреляет медленными снарядами? — язвительно спросил Хольцман, придвинув к себе листки с вычислениями. — Ты боишься, что кого-то могут ранить брошенным яблоком?

— Я просто раскрываю математические ограничения теории, савант.

— Итак, мое поле может защитить только малое пространство и только от быстро летящих снарядов. Именно это ты хотела сказать?

— Не я, савант Хольцман. Это следует из ваших собственных математических выкладок.

— Хорошо, значит, у этой теории может быть неплохое практическое применение. Я просто хотел показать тебе развитие идеи. Уверен, что ты сама за это время придумаешь нечто такое, что потрясет весь мир.

Норма сделала вид, что не заметила его обиды.

— Я могу получить копию этих вычислений?

Хольцман мысленно нахмурился. Он снова оказался смешным и не способным на творчество.

— Да, да, конечно, я распоряжусь, чтобы вычислители сделали для тебя копию. Но мне надо поразмышлять наедине с собой. Меня не будет несколько дней.

— Я останусь здесь, — заверила ученого Норма, — и буду продолжать работу.

Плывя по реке на традиционной роскошно обставленной барже, Хольцман расхаживал по верхней открытой палубе, обдумывая возможные приложения своих теоретических разработок. Речные волны били в борта судна, наполняя воздух запахом мокрого металла и придонного ила.

На корме в отдельной каюте веселилась толпа отпускников, которые беспрестанно пили искрящееся вино и орали песни, отвлекая Хольцмана от важных мыслей, пока баржа медленно шла вверх по течению реки. Когда одна женщина узнала великого ученого, компания пригласила саванта за стол, и он принял приглашение. После великолепного изысканно-

го обеда гости начали пить дорогие вина и вести умные разговоры. Хольцман искренне наслаждался их низкопробной лестью.

Однако среди ночи, не будучи в силах уснуть, он снова вернулся к своей работе.

Отталкиваясь от своих прежних успехов, помня то время, когда идеи лились из него, как из рога изобилия, Хольцман решил не сдаваться и довести до практического воплощения свою новую концепцию. Его новые поля имели замечательный потенциал для различных приложений, но, вероятно, он продолжал мыслить в рамках устаревшей парадигмы. Да, полотно его теории очень велико, миссия его неопределенна, но, видимо, мазки, которые он наносит на холст, все равно слишком размашисты.

Зачем надо одевать в защитное поле всю планету? Действительно ли это так необходимо?

Существует масса иных видов оружия. Люди воюют и на земле, они сходятся в рукопашных схватках, в которых и происходит непосредственное освобождение порабощенных братьев из тенет Синхронизированного Мира. Широкомасштабные столкновения такого рода уносят миллионы жизней. Так как искусственный интеллект способен к неограниченному самовоспроизведению, то Омниус, который может делать это до бесконечности, никогда не признает себя побежденным. Даже перед лицом непреодолимого военного сопротивления. Всемирный разум практически неуязвим, но только до тех пор, пока коммандос не смогут пробраться в управляющий центр, как это было, например, сделано на Гьеди Первой.

Сейчас, когда он снова расхаживал по палубе, подставив разгоряченную голову дуновениям прохладного ветерка, с неба над его головой светили яркие звезды. Но Хольцман смотрел вперед, на отвесные скалистые берега каньона Исаны, в котором течение реки становилось бурным и неспокойным. Рев волн становился все ближе, но Хольцман знал, что баржа проследует мимо каньона по параллельному обводному каналу, и мысли его снова обратились к мучительной проблеме.

Малые поля, персональные поля. Возможно, невидимая броня не остановит медленно двигающиеся ранящие снаряды, но защитит от пули и других, часто применяющихся в

военном деле видов оружия. При этом машинам совершенно необязательно знать о слабой стороне нового защитного поля.

Персональные защитные поля.

Успех и почести капризны, поэтому концепцию надо проверить и доказать ее полезность. Действительно, если она будет работать, то это позволит спасти миллиарды жизней. Люди смогут носить индивидуальные защитные поля, как в Средние века носили рыцарские доспехи. Люди станут, как крепости, неприступны для практически любого оружия.

Задыхаясь от волнения, ученый вернулся в свою роскошную каюту на верхней палубе судна. Под потолком плавал светильник, изобретенный Нормой. Засидевшись далеко за полночь, Хольцман писал и переписывал формулы и уравнения. Наконец, перечитав написанное утомленными слезящимися глазами, он проставил на листках заголовок работы: «Эффект Хольцмана».

Да, это действительно будет нечто великолепное.

Сейчас он вызовет спецтранспорт и быстро вернется в Старду, в дельту Исаны. Он не мог дождаться того момента, когда увидит выражение удивления и почитания на лице Нормы, которая наконец признает, что Хольцман гений, каковым он, впрочем, никогда не переставал быть.

Это не моя проблема.

Поговорка древней Земли

Рабы висели в строительных люльках напротив отвесных скал, образующих каньон Исаны, над бездонной пропастью. В основном это были такие же мальчики, как Исмаил и Алиид. Дети работали здесь вдали от вечно подслушивавших надсмотрщиков, но без малейшей возможности бежать. Деться было некуда — впереди отвесные скалы, внизу — пропасть.

Воды Исаны, словно острый абразивный круг, выточили в камнях узкое русло, отвесные стены которого были отполированы до такой степени, что ни одно, даже самое неприхотливое растение не смогло найти щель для того, чтобы пустить в нее корни. Хотя течение реки было быстрым, а каньон в этом месте превращал русло в бутылочное горлышко, судоходство на этом участке было постоянным. Через каньон из равнинных областей страны непрерывным потоком шли баржи, груженные зерном, перебродившим травяным соком, цветами и местными специями.

Лорд Бладд решил использовать гладкую отвесную стену каньона для увековечения славных деяний — как его собственных, так и его благородных предков. Для этого было решено украсить каньон мозаичным панно небывалой величины. Северная оконечность панно должна была открываться идеализированным портретом основателя династии Саджака Бладда. За ним следовали его потомки, а вся южная часть оставалась свободной для увековечения памяти всех следующих поритринских лордов.

Складывать мозаику заставили Исмаила, Алиида и их товарищей. Художники уже наметили лазерными резцами контуры будущего настенного панно, и мальчикам оставалось только методично укладывать в нужные места разноцветные

плитки. Каждый кусочек смальты был крошечным фрагментом того, что должно было в конце концов превратиться в многоцветные портреты великих лордов. Каждый день к люлькам спускались платформы, нагруженные вырезанными по определенному шаблону плитками из обожженной речной глины и выкрашенными специальными гематитовыми красками, добытыми из хагальских камней.

Глазам пассажиров проходящих по каньону судов должно было открываться захватывающее дух зрелище. Однако Исмаил, подвешенный в тесной люльке над пропастью, не имел возможности оценить красоту цельной картины. Он видел лишь беспорядочное скопление разноцветных плиток. Плитки приклеивались к скале массой, обладавшей весьма неприятным запахом.

В подвешенной неподалеку люльке работал Алиид, который с шумом обрезал плитку, чтобы она входила в предназначенные для нее гнезда. В ущелье гулким эхом отдавались самые разнообразные звуки — визг пил, грохот молотков и скрежет долот и скальпелей. Оплакивая свою загубленную жизнь, Алиид пел песню о IV Анбус. Исмаил вторил ему аналогичной балладой о Хармонтепе.

На десять метров ниже Исмаила в люльке работал мальчик Эббин, который импровизировал, на ходу сочиняя речитативы о своем доме на Соуки, обитаемой луне, которая находилась так далеко в бескрайней Вселенной, что о ней не слышал ни Исмаил, ни Алиид. Тлулаксианские работорговцы обладали необычайным чутьем, везде отыскивая буддисламских беженцев, не делая разницы между дзенсунни и дзеншиитами.

Подвешенные на длинных веревках мальчики были более проворны в таких условиях, чем взрослые мужчины и женщины. Они без труда лазали по отвесным стенам, приклеивая мозаичные плитки. Надсмотрщики не ожидали с их стороны никаких хлопот.

Время показало, что они ошибались.

Сдавленным от гнева голосом Алиид часто повторял всем непокорные слова Бела Моулая. Неистовый предводитель дзеншиитов мечтал о том времени, когда рабы смогут сбросить свои цепи и, освободившись, вернуться на IV Анбус, Хармон-

теп и даже на таинственную, никому не известную Соуки. Исмаил слушал эти бредовые идеи, но не подбрасывал топлива в пылающую ненавистью душу Алиида.

Помня своего доброго деда, Исмаил продолжал оставаться терпеливым пацифистом. Мальчик понимал, что его жизнь может оказаться слишком короткой, чтобы дождаться, когда будет положен конец позорной власти работорговцев. Алиид же не желал ждать. Он знал только одно — рабы имеют право на месть и исполнят ее, как обещал в своих горячечных речах чернобородый Бел Моулай...

На противоположной стороне каньона появилась подвесная платформа, на которой в окружении пышной свиты явился сам лорд Бладд, чтобы посмотреть, как движется работа. Придворные художники обработали и сделали пригодными для нанесения на скалу эскизы самого лорда, и теперь Бладд регулярно приезжал на площадку, чтобы инспектировать ход работы. Каждую неделю обзорная платформа двигалась вдоль каньона, и высокий гость обозревал мозаику, которая медленно заполняла стенку, расползаясь по ней, как огромное пестрое пятно. Окруженный блестящими драгунскими офицерами лорд поздравил проектировщиков с грандиозным успехом.

В настоящий момент выполнялась та часть панно, на которой был изображен подвиг прапрадеда нынешнего лорда, Фаво Бладда, создавшего неповторимую сеть из цветов и трав, которые, расцветая в определенные времена года, создавали менявшийся, как в калейдоскопе, рисунок на поверхности земли. Цветы, созревая, давали семена, которые давали начало новым побегам, делая рисунок еще более красивым и необычным.

С того места, где находился Бладд, окруженный своими придворными льстецами, малолетние рабы выглядели как насекомые, ползавшие по отвесной стене. Были слышны шум инструментов и юные звонкие голоса детей.

Работа продвигалась хорошо. Гигантские фигуры, лица и космические корабли быстро появлялись на поверхности скалы, отражая историю заселения Поритрина и полное уничтожение на нем всяких следов мыслящих машин, что вернуло

благословенную планету в буколические времена патриархального рабства.

Гордый своей родословной лорд Бладд неплохо помнил живописные портреты своих достославных предков. К несчастью, он заметил, что при некоторых изменениях игры солнечного света, падавшего на панно, изменяется лицо старого лорда Фаво, который становится при этом не похож на самого себя. Хотя все части панно были выложены согласно лазерным контурам, все же жизнь всегда богаче самого развитого художественного воображения, и лорд Бладд выразил художникам свое неудовольствие.

— Посмотрите на лицо лорда Фаво. Оно выполнено не точно. Вы согласны со мной?

Все члены придворной свиты согласно закивали головами. Бладд вызвал к себе начальника проекта, объяснил ему суть проблемы и приказал разобрать эту часть панно и переделать ее так, чтобы портрет лорда Фаво обрел сходство с оригиналом.

Начальник работ мгновение помедлил, но потом согласно кивнул головой.

Болтавшиеся в своих подвесных люльках Исмаил и Алиид издали одновременный горестный стон, услышав о тех инструкциях, которые пришли сверху. Они снова спустились по веревкам к уже готовым частям панно. Исмаил повис перед огромным геометрически правильным рисунком, на котором был изображен глаз старого аристократа.

Алиид с сердитым видом надел защитные очки и взмахом молотка, как было велено, разбил уложенную на место плитку. Рядом такой же работой занялся Исмаил. По иронии судьбы, удалять плитку оказалось намного труднее, чем приклеивать ее. Клей оказался тверже скальной породы, поэтому мальчикам ничего не оставалось, как дробить смальту и сбрасывать осколки в реку.

Алиид громко возмущался бесцельностью их труда. Быть рабом — плохо уже само по себе, но его приводила в еще большую ярость необходимость переделывать тяжелую работу просто из-за того, что надутый, как индюк, хозяин решил изменить свое мнение. Он с такой силой махал молотком,

словно перед ним было не изображение врагов, а они сами во плоти и крови. Силы рикошета оказалось достаточно, чтобы инструмент вырвался из его детских рук.

Поняв, что произошло, Алиид крикнул:

— Эй, внизу, берегись!

Юный Эббин попытался уклониться от летящего тяжелого молотка, но руки и ноги только скользнули по идеально гладкой стене каньона. Падающий молоток ударил его по плечу и срезал лямку, охватывавшую торс мальчика.

Эббин начал выскальзывать из ремней, половина которых оказалась перерезанной. Одновременно молоток сломал ему ключицу. Мальчик громко кричал и хватал руками воздух, стараясь уцепиться за уцелевшие ремни, которые проходили под правым плечом. Ступни его беспомощно скользили по гладкой стене, на которую он пытался опереться.

Исмаил попробовал сместиться в сторону, чтобы ухватиться за натянутый трос, на котором держалась люлька Эббина. Алиид же постарался спуститься ниже, чтобы поддержать мальчика с Соуки.

Эббин лихорадочно бился и извивался. Он уронил свой молоток в ленту реки. Исмаил дотянулся до веревки, на которой держалась люлька Эббина, ухватился за нее, но не знал, что делать дальше.

Рабы, находившиеся на гребне стены, начали вытягивать наверх канат, чтобы вытащить мальчика на скалу. Но левая рука Эббина повисла, как плеть, и он мало чем мог себе помочь. Трос терся о край скалы. Исмаил тянул на себя веревку, стараясь ослабить ее натяжение, стиснув зубы от напряжения.

В полном отчаянии Эббин протянул здоровую руку, но схватил лишь воздух. Исмаил наклонился вниз как можно дальше, подтягивая к себе трос одной рукой, а другой постарался схватить Эббина за руку.

Внезапно рабочие наверху испустили крик ужаса. Исмаил услышал над головой звук лопнувшего троса. Веревка порвалась, перетершись об острый край скалы.

Трос провис, и Исмаил судорожно дернулся, инстинктивно ухватившись за собственную «упряжь». Эббин из последних сил протянул вверх руку и едва не достал руку Исмаила,

но промахнулся. Волокнистый канат начал скользить в кулаке Исмаила, обжигая ладонь и сдирая с нее кожу. Эббин, лишившись поддерживающего троса, начал падать. Рот его широко открылся, в глазах было непонимание того ужаса, который с ним случился. Остаток троса выскользнул из руки Исмаила, и трос вместе с Эббином полетел вниз.

Мальчик падал в равнодушно ожидавшие его воды Исаны. С высоты русло реки казалось тончайшей ниткой, и Исмаил даже не разглядел всплеска на месте падения несчастного Эббина...

Алиида и Исмаила вытянули наверх, на вершину каньона, и мастер, ворча, обработал раны на их руках и другие травмы — ссадины и ушибы.

Исмаилу стало плохо, его чуть не вырвало. Алиид перенес происшедшее более стойко. Во всем случившемся он винил себя. Но прораб проявил полнейшее равнодушие к смерти мальчика и крикнул оставшимся в люльках мальцам, чтобы они продолжали работу.

Существует ли верхний предел машинного интеллекта и нижний предел человеческой глупости?

Бовко Манреса. Первый вице-король Лиги Благородных

Самым непростительным из всех мыслимых прегрешений человеческих червей на Земле Аякс считал мятеж.

Жертва визжала и выла, стараясь вырваться из мертвой хватки могучего титана, который расхаживал взад и вперед, гулко стуча своими гладкими металлическими ногами по каменному полу просторного пустого помещения. Поймав начальника партии рабов за саботажем, Аякс схватил негодяя своей свободной механической рукой за плечо и потащил визжащего и упирающегося человека на виду у рабочих на расправу.

Рабы бросили работу и с ужасом, смешанным с жалостью, смотрели на своего начальника, на которого пал тяжкий гнев Аякса. Кимек провел свою жертву по обрамленным статуями улицами и доставил его в совершенно пустое здание. Этот дом, украшенный затейливым лепным и резным каменным фасадом, назывался Дворцом юстиции. Это казалось Аяксу самым подходящим местом для суда и наказания.

Как и множество других величественных зданий города, Дворец юстиции был просто местом, подчеркивавшим тщеславие титанов. Внутри этого здания не было ничего, кроме пустого зала с голыми стенами и ровным полом из плазкрета.

Аякс мог здесь сколь угодно долго наедине допрашивать провинившегося предателя. Сама идея бунта рабов казалась титану весьма забавной своей наивной абсурдностью, особенно же абсурдной представлялось ему участие в бунте доверенных людей.

Пропустив нужный импульс по проводящим стержням, Аякс настроил фокус мириад своих оптических сенсоров, чтобы получше рассмотреть плачущего пленника. Охваченный ужасом человек рыдал в голос и бормотал какие-то оправдания, не думая даже отрицать свою вину. Спешить здесь некуда. Можно поиграть с рабом ради своего удовольствия.

— Ты обвиняешься в участии в заговоре, имеющем целью свержение власти мыслящих машин, — заговорил Аякс твердым низким голосом. — Ты, кроме того, обвиняешься в составлении и распространении дурацких слухов о якобы существующем разветвленном подполье, имеющем целью подстрекательство рабов к бунту и к обретению независимости от Омниуса.

— Это неправда! — запричитал человек. — Клянусь, я сам не знаю, что я делал. Я просто выполнял инструкции. Я получал послания...

— Ты получал послания, подстрекавшие тебя к бунту, и не сообщил об этом мне? — Аякс разразился таким страшным смехом, что несчастный пленник обмочился. — Вместо этого ты принялся распространять эти послания среди рабов.

Доказательства вины были неопровержимы, и Аякс надеялся, что сам справится с проблемой. Тем более что сам Омниус будет через свои наблюдательные камеры следить за сценой дознания. Возможно, думал кимек, если ему удастся добраться до ядра разветвленной организации, то он получит награду. Может быть, ему даже позволят выступать в показательных гладиаторских боях, как Барбароссе или Агамемнону.

— Нам надо, как положено, вести протокол.

Аякс выступил вперед на своих шарнирных ногах, выставив из корпуса несколько десятков рук, похожих на членистые лапы насекомых. Схватив пленника за запястье, он сжал его своими металло-полимерными пальцами.

— Скажи мне свое имя.

Доверенный человек продолжал хныкать и бормотать что-то нечленораздельное. В приступе ярости Аякс слишком сильно активировал свою хватательную руку и отломил узнику кисть. Человек дико закричал, из раны хлынула кровь, забрызгав оптические сенсоры кимека. Аякс выругался. Он не

хотел начинать жестоких пыток, не задав предварительно самых простых вопросов.

Пока прораб выл и извивался, Аякс активировал горелку и прижег рану культи, остановив кровотечение.

— Ну, вот я прижег тебе рану, так что успокойся. — Аякс помолчал, словно ожидая от пленника благодарности. — Теперь ответь на мой вопрос. Как твое имя?

Выставив другую руку из своего корпуса, Аякс схватил человека за другую руку. Тот снова застонал, но на этот раз у него хватило присутствия духа ответить на вопрос.

— Охан. Охан Фреер. Это мое имя, прошу тебя, не делай мне так больно.

— Это хорошее начало.

Аякс-то знал, что причинение боли только начинается. Он очень любил именно эту часть своей работы, когда он мог импровизировать, причиняя жертвам самую разнообразную боль в зависимости от своих садистских фантазий.

Некоторые другие титаны считали Аякса выпущенным на свободу диким зверем. Но если лидер не может хотя бы немного показать слуге свое господствующее положение, то, спрашивается, ради чего надо было тогда захватывать власть в Старой Империи? Даже в те дни Аякс не интересовался, как Ксеркс, изысканной едой и напитками или всяким баловством и игрушками, как его испорченная подруга Геката.

Нет, Аякс присоединился к заговору только для того, чтобы принять вызов судьбы. Еще в самом начале, когда Тлалок только составлял далеко идущие планы вместе со своими юными конспираторами, соблазнительная Юнона привлекла Аякса в организацию, и грубый и агрессивный боец, Аякс обеспечил мышцы, столь необходимые тогда титанам. При этом им был нужен не обыкновенный драчун, нет, им понадобился беспощадный воин, покоритель и завоеватель. После того как была первый раз свергнута власть людей, Аякс делал все, что от него зависело, для восстановления порядка, не жалея при этом ни денег, ни крови мирных жителей.

Черви то в одном месте, то в другом поднимали свои непрерывные мятежи, но Аякс легко гасил эти мелкие очаги сопротивления. Когда более организованное восстание хретгиров грозило потрясти самые основы нового миропорядка,

Аякс устроил на провинившихся планетах настоящую вакханалию жестокого кровопролития. Он явился на Валгис, где вспыхнули первые искры бунта, и отрезал планету от всех межзвездных сообщений. Никто при этом не препятствовал прилетам и связи. Обреченные жители могли звать на помощь сколько им было угодно. Их вопли послужили неплохим уроком для рабов на других планетах, управляемых титанами.

После этого Аякс приступил к делу.

Сама работа заняла несколько лет, но Аякс смог уничтожить всех живых людей на планете Валгис. Он убил их с помощью атомного, химического и бактериологического оружия. Для того чтобы добить оставшихся, он поместил мозг в устрашающее боевое тело и принялся охотиться за уцелевшими хретгирами, как за дикими зверями. В сопровождении запрограммированных Барбароссой боевых роботов он выжигал города, сносил с лица земли здания, уничтожал всех попавшихся ему под руку людей. Он убил всех хретгиров и получил от этого неизъяснимое наслаждение.

Да, то были славные для титанов дни!

Правда, это, пусть даже вполне обоснованное, насилие вызвало недовольство его подруги Гекаты, самой слабой из всех двадцати первых титанов. Хотя она присоединилась к восстанию Тлалока — только для того, чтобы получить личную выгоду, — она никогда не могла понять необходимости каждодневной работы, постепенно потеряла присутствие духа и революционный энтузиазм. После того как титаны отказались от своих человеческих тел, чтобы обрести бессмертие, она осталась с Аяксом, все время безуспешно пытаясь изменить его личностные особенности. Несмотря на ссоры с Гекатой, Аякс продолжал любить ее, хотя его потребность в женщине исчезла вместе с его физическим телом.

Устрашенная кровожадностью Аякса, проявленной им во время подавления восстания хретгиров, Геката «отозвала» свое членство в отряде титанов. Она больше не хотела иметь ничего общего с властью над человечеством. Геката сама сконструировала свое тело кимека в виде космического корабля, в котором и улетела, предоставив остальным титанам сжимать пальцы на горле покоренных людей. По иронии судьбы, Ге-

ката выбрала для своего бегства самый подходящий момент. Вскоре после уничтожения населения Валгиса глупость Ксеркса позволила всемирному разуму вырваться на волю...

Сейчас, находясь в забрызганном кровью зале Дворца юстиции, Аякс выпрямился во всю исполинскую высоту своего механического тела. Он настроил системы его на такую высокую энергию, что в суставах засверкали разряды, проскакивавшие по нейроэлектрической жидкости.

Арестованный предатель закричал от страха, когда понял, что ему предстоит.

— Итак, Охан Фреер, — сказал Аякс. — Позволь мне задать тебе еще несколько интересующих меня вопросов. Я хочу, чтобы ты отнесся к ним со всем возможным вниманием.

По распоряжению Омниуса начальник рабочей команды Иблис Гинджо привел своих верных рабов на площадь Золотого Века. Аякс был уже готов произнести приговор — без сомнения, это будет смертная казнь — человеку, которого он застал на месте преступления, начальнику другой рабочей команды, Охану Фрееру.

Иблис учился с этим человеком на одном курсе в школе доверенных лиц, но не помнил, чтобы его коллега когда-либо занимался чем-то противозаконным. Аякс, правда, редко нуждался в поводах для арестов и пыток. На самого Иблиса не раз падал гнев этого необузданного и жестокого титана. Иблис пока ухитрился уцелеть, и было сомнительно, что его сотоварищу удастся вырваться сегодня из лап Аякса. В центре площади возвышалась металлическая колонна. Из верхней части ее столба вырывалось оранжевое пламя, похожее на декоративный факел вечного огня. Фасады огромных зданий, пустых, так же как Дворец юстиции, словно тюремные стены окружали площадь. Сторожевые роботы Омниуса выглядели очень внушительно, стоя по периметру площади, готовые открыть огонь и обрушиться на любого человека, который вздумал бы нарушить заведенные всемирным разумом порядки.

Иблис провел своих рабов в специально отгороженный сектор для зрителей, сказав им несколько ободряющих слов, но не настолько сильных, чтобы вызвать раздражение кими-

ков. Аякс любил устраивать публичные шоу такого рода, желая, чтобы устрашенные рабы во все глаза взирали на жуткое действо. Когда Иблис и его коллеги — начальники команд построили людей, они просигналили о готовности специальными свистками. На пороге Дворца юстиции появился Аякс, несший на руках своего пленника.

Титан был закован в стальной корпус, похожий на тело муравья, с внушительным овальным ядром, тяжелыми ходильными ногами и четырьмя хватательными руками, в которых он держал несчастного Охана Фреера. Вьющиеся в воздухе наблюдательные камеры жужжали, передавая информацию всемирному разуму.

Встав под колонной с вечным огнем, Аякс зажал в руках извивающееся тело своей жертвы, напоминая муравья-солдата, схватившего бежавшего мимо жука. Обреченный на смерть Охан был покрыт ожогами, залит кровью и испятнан ранами. Вместо левой кисти осталась только обожженная культя. Все тело было покрыто разноцветными синяками и кровоподтеками. Изо рта стекала тонкая струйка светлой прозрачной жидкости.

Ропот недовольства вырвался из сотен глоток стоявших на площади людей. Глядя на них, Иблис понимал, что эти люди не могут быть источником мятежа, авторами заговора, несмотря на то что он продолжал получать таинственные и провокационные письма. Что, если он обманывает сам себя и все эти тайные воззвания к мятежу суть не что иное, как желаемое, выдаваемое другим отчаявшимся человеком за действительное?

Подняв своего несчастного пленника на руки, Аякс возвысил свой синтетический голос так, что его слова загремели над просторной площадью, как артиллерийские снаряды.

— Некоторые из вас слышали преступные речи этого человека. Некоторые из вас даже вообразили себе, что надо прислушаться к его глупым и безрассудным словам о свободе и восстании. Вы будете мудрее, если отрежете уши, нежели станете слушать эти глупости.

Толпа затаила свое коллективное дыхание. Иблис закусил нижнюю губу, не желая смотреть на происходящее, но не в силах оторвать взгляд от сцены, притягивавшей его внимание

обаянием страха и вида насилия. Если он отвернет взгляд, то это обнаружат камеры наблюдения и все равно доложат об этом. Вследствие всего этого Иблис во все глаза смотрел на жуткое зрелище.

— Этот бедняга, заблудившийся человек, больше не нужен для вечной славы Омниуса в его мудрейшем правлении мыслящих машин.

Охан закричал и начал слабо вырываться из могучих объятий Аякса. Аякс зажал уцелевшую руку человека в одной грубой, похожей на пинцет руке, а ноги — в двух других. Оставшейся свободной рукой с когтем Аякс острой режущей поверхностью охватил грудную клетку несчастного.

— Он больше не работник. Он больше даже не хретгир, один из тех необузданных людей, которых мы терпим только по нашей неизреченной милости. Нет, он не человек и не хретгир — он просто мусор. — Аякс выдержал паузу. — А мусор выбрасывают.

Не сказав больше ни слова и, казалось, не прикладывая никаких усилий, Аякс потянул руки в разных направлениях, разрывая на части свою жертву. Руки и ноги были оторваны, грудная клетка вскрылась, сломанные кости прорвали кожу, из ран хлестала кровь, заливая вылизанные дочиста камни площади Золотого Века.

Аякс швырнул окровавленные куски в толпу, взвывшую от ужаса.

— Достаточно этой чуши! Нет и не было никакого бунта. Приступайте к работе.

Рабы были только рады поскорее убраться с площади и вернуться на свои строительные площадки. Они то и дело поглядывали на Иблиса, словно рассчитывали, что он сможет в случае чего их защитить. Но Иблис все еще сам пребывал в состоянии полного недоумения. Охан Фреер — участник заговора! Начальник команды составлял прокламации, строил планы, возможно, сочинял и распространял тайные письма.

Еще один повстанец!

Пораженный до глубины души Иблис понимал, что ему грозит такая же, если не большая, опасность, если он будет продолжать действовать. Тем не менее сегодняшняя казнь со всей ясностью показала ему еще одну вещь. Зреющий заго-

вор людей и подготовка их к восстанию — это не игра воображения.

Это реальность!

Если Охан был участником заговора, если он был членом подпольной организации сопротивления, должны быть и другие, и их, вероятно, много. Эта подпольная сеть, включая самого Иблиса, была надежно разделена на ячейки, не соприкасавшиеся друг с другом, члены одной не знали членов других, что было гарантией от предательства. Теперь он все понял.

Отныне он будет действовать с еще большей убежденностью, чем раньше.

Люди склонны отрицать континуум возможностей, бесчисленное количество областей реальности, куда могут вступить особи их биологического вида.

Эразм. «Заметки о природе человека»

Это был временный зал для представлений, разместившийся в выложенном мрамором холле имения независимого робота. Эразм велел своим рабам переоборудовать зал, сменить интерьер, расставить ряды кресел и переделать стены так, чтобы они приобрели лучшие акустические свойства — и все это ради единственного сегодняшнего представления. Эразм изучил записи величайших образцов классической музыки, узнал, чего можно ожидать от великих симфоний. Он тщательно подобрал публику, подойдя с высокой меркой к своим музыкальным изысканиям.

Робот пригласил на концерт и Серену Батлер, хотя она была уже на восьмом месяце беременности. Серену Эразм предполагал посадить в центральное кресло.

— Все прочие люди могут просто испытывать удовольствие от мелодий и звуков, но на тебя я возлагаю совершенно иные надежды. На Салусе Секундус сложная музыка была средой твоего существования.

С болью вспомнила Серена своего брата и его музыкальные устремления. Ее тоже научили ценить бессмертные творения великих композиторов прошлого.

— Музыка — не единственное, чего мне не хватает, Эразм.

— Ты и я говорим на одном и том же культурном языке, — сказал он, сознательно не заметив ее намеренного замечания. — Ты расскажешь мне, чем тебе понравится эта композиция. Я думал о тебе, когда писал ее.

Эразм заполнил зал рабочими, собранными из мастерских, где эти люди занимались достаточно квалифицирован-

ным трудом. Зрителей вымыли и одели в костюмы в соответствии с понятиями Эразма о том, как должна выглядеть великосветская публика.

Стены зала были увешаны электронными портретами великих композиторов прошлого, словно робот намекал, что и он принадлежит к числу сочинителей бессмертной музыки. По периметру зала были расставлены музейные ящики с выставленными в них музыкальными инструментами — лютней, трехструнной скрипкой, позолоченным тамбурином и древним пятнадцатиструнным балисетом, дека которого была инкрустирована вабалоновыми раковинами. В центре просцениума, под открытыми балками, перед большим концертным роялем сидел Эразм, окруженный музыкальными синтезаторами, громкоговорителями и звуковой аппаратурой. Эразм, одетый в некое подобие фрачной пары, скроенной с учетом особенностей его машинного корпуса, внимательно смотрел на публику, ожидая тишины. На его зеркальном лице в этот момент не было никакого выражения.

Серена внимательно смотрела на робота-исполнителя, стараясь найти такое положение, чтобы меньше болела спина. Она положила ладонь на свой большой живот. Ребенок все время двигался в ее чреве. Пройдет еще несколько недель, она произведет это дитя на свет.

Вокруг нее неловко ерзали в креслах рабы, которые не понимали, чего им ждать или чего ожидают от них. Эразм повернул к публике свое лицо, показывая ей, что он уже довольно долго ждет. Наконец в зале наступила полная тишина.

— Благодарю вас за внимание.

Он повернулся к серебристому аппарату — синтезатору, стоявшему рядом с ним. На поверхности синтезатора были видны пляшущие пятнышки, сливавшиеся в изображения привычных колков и струн. Фоновая музыка стала громче, вступили струнные инструменты и печальные чусукские рожки.

Несколько мгновений робот слушал эти звуки, потом снова заговорил:

— Вам предстоит услышать нечто поистине замечательное. Для того чтобы продемонстрировать свое уважение к духу творчества, я сочинил новую симфонию специально для вас,

мои трудолюбивые рабы. Ни один человек еще не слышал этой симфонии.

Эразм быстро проиграл несколько мелодий на фортепьяно. Это были три коротких пассажа, которые были сыграны только для того, чтобы убедиться в качественной настройке инструмента.

— После того как я внимательно проанализировал все достижения в этой области, я сочинил симфонию, сравнимую с творениями таких великих человеческих композиторов, как Иоганнес Брамс и Эми Чусук. Я создал свою пьесу на строгих принципах упорядоченности и математической точности.

Серена внимательно оглядела публику, сомневаясь, что кто-либо из этих воспитанных в рабстве людей был знаком с классической музыкой, о которой упомянул робот. Воспитанная на Салусе Секундус, где музыка и живопись были составной частью всеобщего образования и культуры, Серена слышала множество произведений прославленных композиторов, а потом долго обсуждала их с Фредо.

Послав ментальный импульс, робот связал свои сенсорные системы с синтезатором и подключил к нему свои гелевые контуры, выдав странную повторяющуюся мелодию. Его механические пальцы начали танцевать по клавиатуре, при этом он часто делал скользящее движение по ней, имитируя манеру игры великих исполнителей.

Серена нашла сочинение Эразма довольно приятной вещицей, но ничего примечательного в ней, конечно, не было. Хотя Серена не узнала в сочинении Эразма ни одной знакомой мелодии, оно показалось ей до странности знакомым, словно робот математически точно проанализировал такт за тактом все великие творения прошлого и воспроизвел их, рабски следуя за общим рисунком и лишь меняя здесь ритм, там полифонический пассаж. Музыка была тусклой, в ней не было воодушевления и внутренней живости.

Эразм, очевидно, полагал, что человек обычно одобряет что-то новое, то, чего никогда раньше не было, что публика оценит и отметит нюансы и сложности его структурно безупречной композиции. Рабы вокруг Серены продолжали ерзать в креслах, внимательно слушая музыку. Для них это было приятное отвлечение, хотя можно было расценить этот кон-

церт как еще одно рабочее задание. Подобранные зрители, кажется, наслаждались успокаивающими нотами мелодии, но музыка не вдохновляла их так, как рассчитывал Эразм.

Когда представление окончилось, Эразм встал из-за фортепьяно, выключил синтезатор, и в зале наступила гробовая тишина. Все звуки стихли.

Какое-то время рабы раздумывали, словно ожидая инструкций.

Эразм заговорил:

— Если вам понравилась пьеса, то можете устроить мне овацию.

Рабы, кажется, все равно не понимали, что от них требуется, тогда Эразм разъяснил:

— Вы можете обозначить свое отношение хлопками в ладоши.

Сначала хлопки были редкими, как удары капель начинающегося дождя, но потом аплодисменты стали громче и дружнее. Именно этого и ждал от публики Эразм. Серена вежливо присоединилась к аплодисментам. Она хлопала довольно громко, но без особого энтузиазма. Это был акт неприметной честности, которую Эразм должен был заметить и по достоинству оценить.

Сияющая маска робота сложилась в горделивую улыбку. В своем официальном черном фраке он спустился с просцениума и двинулся вдоль рядов кресел, упиваясь раболепными овациями ничего не понимающих рабов. Когда восторженные аплодисменты и выкрики стихли, Эразм вызвал стражу, и та препроводила рабов на их рабочие места.

Серена видела, что Эразм уверен, что ему удалось создать бессмертное музыкальное творение, которое превзошло все, что было до него написано людьми. Но ей не хотелось обсуждать с ним этот предмет, и она постаралась ускользнуть вместе с толпой рабов в свою оранжерею. Однако она двигалась слишком медленно из-за беременности, и Эразм успел поймать ее.

— Серена Батлер, я написал эту симфонию в вашу честь. Какое впечатление она на вас произвела?

Отвечая, она тщательно подбирала слова, избегая откровенного ответа.

— Вероятно, я слишком печальна, так как эта симфония напомнила мне о других концертах, которые я посещала на Салусе Секундус. Мой покойный брат мечтал стать музыкантом. Это было очень счастливое для меня время.

Он внимательно смотрел на нее, его оптические сенсоры ярко сверкали.

— Нюансы твоего человеческого поведения говорят мне, что моя симфония тебя разочаровала. Объясни почему.

— Ты же не хочешь выслушивать честное мнение.

— Ты неверно обо мне судишь, так как я — искатель истины. Все остальное — это неверные данные. — Ангельское выражение его лица заставило ее стать менее настороженной. — Может быть, в этом зале плохая акустика?

— Это не имеет ничего общего с акустикой. Я уверена, что с этой стороны ты все проверил и обеспечил наилучшие технические характеристики зала и его акустики.

Публика продолжала проходить мимо. Некоторые рабы оглядывались и с сочувствием смотрели на Серену, жалея ее из-за того, что робот проявил к ней особый интерес. Рабы знали, чем это заканчивается.

— Дело в самой симфонии.

— Продолжай, — ровным, лишенным всякого выражения голосом попросил Эразм.

— Ты собрал симфонию из кусков, но не ты сотворил ее. Она основана на прекрасной модели, созданной много веков назад великими композиторами-людьми. Это их творчество, а не твое. Твоя музыка — это математическая экстраполяция, но в ней не было ничего, что могло бы вдохновить меня. Та мелодия, которую ты *изготовил*, не пробуждает во мне ни образов, ни чувств. В твоей музыке нет свежих элементов, которые ты бы привнес в нее, в ней нет эмоционального переживания и борьбы.

— Как можно количественно определить эти составляющие?

Улыбнувшись вымученной улыбкой, Серена покачала головой:

— В этом-то и заключается твоя ошибка, Эразм. Невозможно количественно оценить творчество. Как, например, человек может, услышав гром, написать увертюру к опере

«Вильгельм Телль»? Ты же просто постараешься имитировать гром и шум дождя, Эразм, но никогда не сможешь передать впечатления бури. Как удалось Бетховену, после созерцания мирных лугов, написать свою «Пастораль»? Музыка должна заставить дух воспарить, заставить человека затаить дыхание, помочь ему прикоснуться к своей бессмертной душе. Твоя же музыка была просто приятными, хорошо скомпонованными звуками.

Роботу потребовалось несколько секунд, чтобы изменить выражение своей зеркальной маски. Теперь его лицо выражало озадаченность, даже, пожалуй, стремление дать отпор.

— Мне кажется, что ты со своим мнением осталась в меньшинстве. Остальная часть публики горячо одобрила мое сочинение. Ты слышала, как они аплодировали?

В ответ она вздохнула.

— Во-первых, эти рабы не знают настоящей музыки, у них нет основы, им не с чем сравнивать свои ощущения. Ты мог бы украсть любую симфонию, списать ее нота за нотой и выдать за свою. Они бы все равно ничего не поняли.

Во-вторых, сидеть в концертном зале — в удобном кресле, в чистом костюме — это, вероятно, самое приятное задание из всех, какие они получали от тебя когда-либо. Почему бы им не похлопать тебе хотя бы по этой простой причине? — Она внимательно посмотрела на него. — И наконец, и это самое главное, это ты приказал им аплодировать. Как прикажешь им реагировать, если они знают, что ты можешь убить их в любой момент? При таких обстоятельствах, Эразм, ты никогда не получишь честного и прямого ответа, искренней реакции на свои действия.

— Я не понимаю, я не могу понять, что ты говоришь, — несколько раз повторил Эразм. Внезапно он развернулся и, с силой выбросив вперед свою металлическую руку, ударил проходившего мимо раба. От неожиданного удара несчастный упал на ближайшее кресло, заливая его кровью.

— Зачем ты это сделал? — спросила Серена и направилась к упавшему, чтобы оказать ему помощь.

— Я проявил свой артистический темперамент, — безмятежно ответил Эразм. — Разве люди называют это по-друго-

му? Он пытался обмануть меня, пытаясь показать мне то, чего он на самом деле не чувствовал.

Серена попыталась успокоить несчастного человека, но он, увидев робота, бросился бежать, зажимая рукой нос, из которого продолжала литься кровь. Серена обернулась к Эразму.

— Настоящий художник сопереживает чужое горе и сочувствует людям. Ему не надо бить человека, чтобы заставить его что-то глубоко прочувствовать.

— Но ты же не боишься высказывать свое мнение, даже если знаешь, что это расстроит меня?

Серена посмотрела прямо в его неестественное лицо.

— Ты держишь меня в неволе, Эразм. Ты утверждаешь, что хочешь знать мое мнение, и я высказываю его тебе. Ты можешь причинить мне боль, ты можешь даже меня убить, но ты уже отнял у меня жизнь и человека, которого я люблю. Всякая другая боль бледнеет в сравнении с этой.

Эразм уставился на нее, медленно соображая, что именно она только что ему сказала.

— Люди́ — загадка для меня, а ты — больше, нежели все другие, Серена Батлер.

Жидкий металл лицевой маски принял форму грустной улыбки.

— Но я все равно буду пытаться понять. Спасибо тебе за то, что ты просвещаешь меня.

Когда Серена покинула зал, Эразм подошел к фортепьяно и снова начал репетировать.

Прежде всего я — человек чести, и я хочу, чтобы меня запомнили именно таким.

Ксавьер Харконнен. Обращения к солдатам

Время, которое он провел с Сереной, казалось теперь ускользающим из памяти сновидением.

Ксавьер не мог даже вспомнить те тропинки, по которым они бродили по лесу имения Батлеров, ставшего теперь домом его и Окты. Его жены. Он не мог уже припомнить свою утраченную любовь, она стала смутной и неопределимой, как вкус и обоняние, которых он лишился после газовой атаки кимеков. Точно так же теперь Ксавьер не мог насладиться ароматом экзотических специй или запахом свежескошенного луга. Его легкие вылечили в самом максимальном объеме, и они справлялись со своей задачей, но не более того. Теперь то же самое произошло и с его сердцем.

Много раз он обещал себе, что перестанет изводить себя воспоминаниями, что посвятит себя новой жизни и супруге Окте. Но, несмотря на это, он снова и снова оживлял в памяти дорогое ему прошлое, чтобы еще раз с ним попрощаться.

Он выбрал себе того самого жеребца шоколадной масти, на котором когда-то выехал на охоту на вепря почти девять месяцев назад. В течение многих часов он пытался найти тот луг, где они с Сереной страстно любили друг друга, но, казалось, луг исчез, как и сама Серена. Как его счастье, как и его будущность.

Теперь, когда он пытался восстановить в памяти вид окружающих холмов и лесов, все, что он в действительности мог вспомнить, — это красоту лица Серены и неуемную радость от желания снова быть с нею. Все остальное представлялось туманными фантазиями, давно прошедшим плюсквамперфектом.

Поместье Батлеров было так велико, что даже сам вице-король не видел всех его уголков. После женитьбы Ксавьера на Окте Манион настоял на том, чтобы его зять поселился в замке Батлера. После смерти Фредо, исчезновения Серены и ухода Ливии большой дом казался заброшенным и пустым. Ксавьер всегда считал домом имение Танторов, но печаль Маниона, умоляющие глаза Окты заставили его сдаться, и он перевез свое имущество в дом Батлеров.

Когда-нибудь наступит такой день, когда вещи в этом доме перестанут напоминать ему о Серене.

На небольшой полянке он спешился и сквозь холодок внимательно всмотрелся в склоны холмов, поросших вечной зеленью, полускрытой сейчас утренней туманной дымкой. Сегодня у него снова был тяжкий ночной кошмар, и он знал, что должен сам справиться с ним, для чего ему надо было приехать именно сюда.

Серена мертва.

Он оставил Окту дома, сказав ей, что ему хочется выездить жеребца. Она любила ездить верхом вместе с ним, но на этот раз почувствовала, что он хочет побыть один. Хотя они были женаты всего лишь около двух месяцев, он мог мало что от нее скрыть. Окта прекрасно понимала, что никогда не завладеет сердцем Ксавьера без остатка.

С Сереной его связывали общие великие мечты. Его нереализованная жизнь с ней обещала быть сложной, порой бурной, но очень интересной. В противоположность этому женитьба на Окте была скорой, но очень простой. Те заботы, которые обуревали Окту, казались такими мелкими в сравнении с грандиозными гуманитарными планами Серены. Она мыслила планетарными и вселенскими категориями. Было трудно поверить, что это родные сестры. Он понимал, что делать такие сравнения — бесчестно по отношению к Окте, которая относилась к нему лучше, чем он того заслуживал, — и по отношению к памяти самой Серены. Но Ксавьер ничего не мог с собой поделать.

Конь Ксавьера, стоя за спиной хозяина, тихо заржал, и Харконнен дернул его за уздечку. Он потянул воздух, пытаясь своим лишенным обоняния носом уловить хоть какие-

то следы пребывания здесь Серены — например, аромат ее духов.

Ее нет. Ты умерла, любовь моя, и я должен отпустить тебя.

Он снова вскочил на коня и начал спускаться по тропинке, но ни одно дерево не показалось ему знакомым. Тот луг мог оказаться где угодно.

Ксавьер вытер уголки глаз. Он представлял себе идеализированную женщину, которую он однажды обожествил, но теперь ее образ дробился и переливался, как луч летнего солнца в водной ряби. Эта женщина ласково улыбалась ему и без слов приказывала ему жить его собственной жизнью.

На этот раз он попрощался с ней, хотя то же самое он сделал и накануне, но она все равно осталась рядом с ним, не желая отпускать его. Он не мог никому рассказать о своей боли, так как никто не смог бы понять его. Он должен страдать один и один нести этот тяжкий крест. Ему придется хранить свои переживания в самом сокровенном уголке своего сердца.

Ксавьер, сохраняя на лице отчужденное выражение, всматривался вдаль, раздумывая о том, что могло бы быть, но чего никогда уже не будет. Через мгновение, когда над горизонтом взошло солнце и его лучи растопили утренний туман и согрели его лицо, Ксавьер почувствовал себя лучше. Золотой свет солнца напоминал саму Серену, будто это она смотрит на него с неба и согревает его своим теплом. Каждый раз, чувствуя тепло солнца, он вспоминал о Серене и о той любви, которую они испытывали друг к другу.

Ксавьер Харконнен повернул коня и, переведя его в рысь, направился назад, к дому Батлера... и к Окте, своей супруге.

Огонь лишен формы, но крепко держится за горящий предмет. Свет льнет к тьме.

Философия когиторов

После месяца капитального ремонта «Дрим Вояджер» был наконец готов к отлету с Земли в очередной рейс за новыми данными для синхронизации воплощений Омниуса. Но перед отбытием Вориан должен был исполнить одну обязанность — посетить робота Эразма по его просьбе.

И снова старомодная экстравагантная карета, запряженная лошадьми, везет его на возвышающуюся на морском берегу виллу. Стояла солнечная погода, в противоположность моросящему дождю, который шел в прошлый приезд Вориана на виллу Эразма. Над океаном было видно лишь несколько белых облачков.

Как только Вориан приехал на виллу, он сразу увидел Серену, которая, видимо, просто притягивала его взор, как магнитом. Женщина стояла у главного входа в дом. На Серене Батлер было просторное черное платье. Живот ее увеличился настолько, что Вор удивился, как она может продолжать работать. Видимо, до рождения ребенка осталось всего несколько дней.

Она ждала Вориана, исполняя очередное задание хозяина. Руки были скрещены на груди, лицо абсолютно бесстрастно. Он не знал, какого приема от нее ему ожидать, но, взглянув на ее непроницаемое лицо, он почувствовал, что совсем падает духом. Когда они прощались в прошлый раз, Вор надеялся, что она хоть немного будет рада его приезду.

Может быть, это было связано с беременностью и гормональной бурей, которые обычно бывают у женщин в таком состоянии. Может быть, она волнуется по поводу того, что будет после рождения ребенка или что захочет сделать с ним Эразм.

Хотя Серена в Лиге Благородных была дочерью какого-то выдающегося государственного деятеля, здесь, на Земле, она была всего-навсего домашней рабыней, даже не доверенным лицом. Ее ребенка могли швырнуть в самый грязный барак, опустить его на самую последнюю ступень социальной лестницы, если, конечно, Вор не употребит свое влияние, чтобы независимый робот сделал уступку именно этой матери и ее ребенку. Но не ясно, испытает ли Серена хотя бы подобие благодарности к нему, если он сможет это сделать?

Оставив запряженных в карету лошадей топтаться на мощенной плитами площадке, Вориан подошел к крытому входу между колоннами грогипетского ордера. Прежде чем Серена успела сказать хоть слово, Вор поспешил выпалить:

— Простите, что в прошлый раз я оскорбил вас, Серена Батлер, я прошу прощения за мою вину, в чем бы она ни состояла.

Он долго готовился к этой встрече и даже не раз репетировал именно эти слова.

— Меня оскорбляет ваше происхождение.

Ее прямота поразила его как громом. Как сын Агамемнона он имел доступ к историческим анналам и читал воспоминания отца о славных завоеваниях и военных подвигах, совершенных титанами. Ему также посчастливилось многое пережить за время своих космических путешествий и повидать множество интересных мест. Быть сыном титана казалось ему — и раньше, и теперь — большим преимуществом.

Увидев его разочарование, она вспомнила, что хотела заполучить его в союзники, и решила ему улыбнуться.

— Но это такой же гнет для меня, как и для вас.

Когда они прошли мимо ниш со статуями и вазонов с цветами, он сказал, словно она нуждалась в его объяснениях:

— Я скоро снова улетаю на «Дрим Вояджере», и ваш хозяин просил меня заехать к нему, так что мне придется сначала поговорить с ним. Собственно, я только за этим и приехал сюда.

Она удивленно вскинула брови.

— В таком случае, я уверена, что Эразм будет рад вас видеть.

Они подошли к двери, и Вор спросил:

— Вы когда-нибудь принимаете извинения или считаете конфликты вечными?

Должно быть, этот вопрос удивил ее.

— Но ведь в действительности вы вовсе не чувствуете себя виноватым, не так ли? Вы сознательно служите мыслящим машинам, которые поработили человечество и подвергают его гонениям и пыткам. Вы, я уверена, в этом признаетесь? Вы также хвастаетесь своим отцом, словно он совершил что-то такое, чем можно было бы гордиться. Вы вообще что-нибудь знаете об ужасах эпохи титанов? О восстании хретгиров?

— Я читал очень подробные воспоминания моего отца...

— Я не имею в виду пропаганду Агамемнона. Знаете ли вы подлинную, настоящую историю?

— Правда — это правда, разве нет? Как могут существовать разные версии одного и того же события?

Серена вздохнула. Он вел себя как ребенок, и она затруднилась с объяснением.

— В каком-то смысле, вы знаете меньше, чем мыслящие машины, Вориан Атрейдес, потому что вы не осознаете, что у вас есть выбор, и вы на самом деле думаете, что не ошибаетесь.

Он увидел, что в уголках ее губ затаилась снисходительная, усталая улыбка.

— Однако какой прок сердиться на того, кто заблуждается? — Она снова стала резкой. — Агамемнону было бы стыдно, если бы вы узнали подлинную историю. Вы когда-нибудь давали себе труд искать факты или всегда предпочитаете довольствоваться военными рассказами вашего отца?

Вор вызывающе понял голову, не зная, как отнестись к такому настроению Серены.

— Я — доверенное лицо и имею доступ ко всем историческим архивам. — Однако мысли его пришли в смятение.

— Тогда проведите собственное расследование. У вас будет масса времени для того, чтобы обдумать факты, пока вы будете летать на своем корабле.

Стены скудно обставленной просторной гостиной сверкали желтоватым светом, отражавшимся от прозрачного плаза. Отражательные поверхности периодически меняли свое положение, одновременно менялся коэффициент отражения, и стены окрашивались в мягкие цвета радуги. Она подвела Ат-

рейдеса к коричневому, покрытому полимерно-металлическим пластиком дивану.

— Эразм велел нам ждать его здесь. — Она с трудом села на ложе. — Нам обоим.

Вориан чувствовал ее близость, ощущая ее каждой клеточкой тела. Они сидели очень тесно друг к другу, и, очевидно, это входило в намерения Эразма. В комнате не было никакой другой мебели. Пульс Вора участился. Он сидел, храня неловкое молчание и ожидая появления робота. Ему казалась совершенно бессмысленной привлекательность сидевшей рядом с ним женщины, округлость живота которой легко угадывалась под ее просторной одеждой.

Наблюдая за двумя людьми через систему настенных камер, Эразм был не на шутку заинтригован их языком жестов, на котором они обменивались подсознательной информацией. Было интересно наблюдать, как они смотрели друг на друга, как отводили взгляды. Несмотря на очевидное неприятие Атрейдеса со стороны Серены, она все же испытывала некоторое влечение к красивому молодому человеку, а он, со своей стороны, был просто уничтожен ее чарами.

Эразм часто наблюдал процесс ухаживания и половое поведение людей, но это была совсем нетипичная игра. Нет, это было намного сложнее, чем то, что он видел в подобных ситуациях, наблюдая жизнь рабов, воспитанных в плену и нищете рабских бараков.

Когда томительное молчание затянулось, Серена заговорила:

— Вам не кажется, что робот мог бы лучше рассчитывать свое время?

В ответ Вор только улыбнулся.

— Ничего, я могу и подождать.

Серена чувствовала себя очень неудобно, но не забыла улыбнуться в ответ.

Очаровательно. В классических поэмах и романах Эразму приходилось читать о романтической любви, но он никогда не видел, как она развивается в жизни. Однажды — это было семьдесят три года назад — он обнаружил пару юных любовников, которые сбежали со своих рабочих мест и уединились

в тайном убежище. Он, конечно, поймал их — люди так неуклюже прячутся — и наказал их вечной разлукой. Это было правильное решение. Если бы он допустил такую степень независимости, то подобное непослушание распространилось бы среди других рабов, как очень опасная зараза.

Однако по зрелом размышлении он пожалел о таком решении, так как оно лишило его возможности понаблюдать за процессом ухаживания у людей.

Для этих двоих у него был более изощренный план. Их любовная игра была еще одной лабораторной затеей Эразма. Правда, этот опыт отличался от проекта «ячейки повстанцев», который Эразм начал, приняв вызов Омниуса. Здесь надо было понаблюдать, как ведут себя люди в своем естественном состоянии. Это очень важный опыт.

Иногда становится необходимым обманывать их.

Пока пара людей ждала и нервничала, Эразм отмечал и регистрировал каждый их жест, каждый взгляд, каждое движение губ, каждое слово и тон, каким оно было произнесено. Мужчина и женщина чувствовали себя очень неловко, смущенные неестественной ситуацией и не знающие, чем себя занять.

Вориан Атрейдес был рад такому положению больше, чем Серена.

— Эразм хорошо с тобой обращается, — сказал он, словно пытаясь ее в чем-то убедить. — Тебе повезло, что он испытывает к тебе такой интерес.

Несмотря на свой огромный живот, Серена вдруг стремительно поднялась с дивана, словно ее обожгло такое предположение. Она повернулась к Атрейдесу, и подсматривавший робот насладился выражением негодования на лице Серены и искренним удивлением, отразившимся на лице Вориана.

— Я — человеческое существо, — сказала она. — Я потеряла свою свободу, свой дом, свою жизнь, и ты всерьез полагаешь, что я должна быть благодарна моему тюремщику, моему поработителю? Видимо, вам стоит подумать над этим вопросом во время космического полета.

Он был поражен ее вспышкой, но Серена продолжала:

— Мне остается только пожалеть вас за ваше невежество, Вориан Атрейдес.

После долгой паузы он ответил:

— Мне не приходилось жить такой жизнью, как тебе, Серена. Я не был на вашей планете, поэтому мне не понять, чего тебе так недостает, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты была счастлива.

— Я буду счастлива только тогда, когда смогу вернуться домой.

Подавив тяжелый вздох, она снова уселась на диван.

— Но я все же хочу, чтобы мы были друзьями, Вориан.

Робот решил, что предоставил парочке достаточно времени для уединения. Он отошел от экранов наблюдения и направился в частную гостиную.

Позже Вориан недоумевал: для чего, собственно, робот позвал его к себе на виллу? Эразм увел его в свой ботанический сад, где они немного поболтали о пустяках. Робот почти не задавал ему важных вопросов.

Возвращаясь в карете в космопорт, где его ждал «Дрим Вояджер», Вориан чувствовал себя взволнованным и сконфуженным. Его очень угнетало то, что он не может доставить никакой радости Серене. К его удивлению, идея заслужить одобрение или благодарность Серены была ему столь же дорога, как идея заслужить любовь собственного отца. Мысли его путались, когда он начинал думать о ее словах относительно истории, пропаганды и жизни на планете Лиги.

Она бросила ему вызов. Он никогда ничего не читал, кроме мемуаров Агамемнона, никогда не думал, что на одни и те же события могут существовать разные взгляды. Он не представлял себе жизни вне Синхронизированного Мира, всегда полагая, что люди дикого вида ведут жалкую жизнь, погрязнув в бессмысленном существовании на своих грязных, бестолковых планетах.

Но как могла столь хаотичная цивилизация породить такую женщину, как Серена Батлер? Возможно, он чего-то не понимает в этой жизни.

Наука: заблудившаяся в собственных мифах, она удваивает усилия, когда забывает о своих целях.

Норма Ценва. Неопубликованные записи из лабораторного блокнота

Восхищенный своим защитным полем Тио Хольцман стоял в центре наполовину реконструированного демонстрационного зала своей куполообразной лаборатории. Он насмешливо издевался над недоброжелателями, смеялся над всяким смертоносным оружием. Ничто не может нанести ему вред! Генератор, стоявший у его ног, пульсировал, испуская его личное поле, создавая персональный барьер вокруг его тела.

Это был непроницаемый барьер. Во всяком случае, Хольцман надеялся на это.

Это испытание должно доказать, что его концепция работает. На этот раз даже Норма поверила ему. Как может что-то пойти не так?

Маленькая женщина стояла в противоположном конце помещения и швыряла в ученого разные предметы — камни, инструменты — и даже (по его настоянию) метнула в Хольцмана тяжелую дубину. Каждый бросок сопровождался ударом метательного снаряда о сверкающую поверхность поля. Предметы отскакивали от него, как мячики. Моменты их движения поглощались полем, оставляя ученого невредимым.

Он взмахнул руками.

— Поле совершенно не стесняет моих движений! Чудесно!

Теперь Норма взяла в руку кинжал, тело ее напряглось, она явно боялась, что может серьезно ранить Тио Хольцмана. Правда, она сама проверила все уравнения и пришла к выводу, что на этот раз савант не ошибся. Согласно ее анализу и интуиции поле окажет свое защитное действие при тех скоростях ударов, какие они планировали использовать в испытании.

Но все же она колебалась.

— Ну же, Норма. Наука — занятие не для слабонервных.

Она метнула кинжал изо всех сил, а ученый приложил все усилия, чтобы не уклониться от летящего оружия. Острое лезвие скользнуло по поверхности поля и упало на пол, не причинив Хольцману никакого вреда. Савант улыбнулся и щелкнул пальцами.

— Это изобретение изменит всю концепцию личной защиты в Лиге. Теперь не надо бояться убийц и головорезов.

Натужно дыша от напряжения, Норма метнула в Хольцмана импровизированное копье. Оно ударило поле на уровне глаз ученого, который непроизвольно отшатнулся назад. Когда копье упало на пол, отлетев от поля, Хольцман нервно рассмеялся. Успех ошеломил даже его самого.

— Не могу не согласиться с вами, савант Хольцман. — Норма тоже улыбнулась и перестала бросать в него предметы, которые она швыряла с яростью, достойной рассерженной базарной торговки. — Примите мои поздравления с беспримерным научным прорывом.

Она нисколько не ревновала к его славе. Девушка с Россака была искренне рада за ученого. Наконец-то он торжествовал. Теперь ему было что предъявить Нико Бладду, так же как в старые добрые времена. Какое это облегчение для саванта!

Увидев, что Норме стало нечего бросать, Хольцман позвал драгунского сержанта, стоявшего на мосту.

— Пришлите сюда начальника команды дзеншиитских рабов. Того темноволосого, с бородой.

Когда один из гвардейцев отправился искать раба, Хольцман озорно подмигнул Норме:

— Мы сыграем с ним небольшую шутку. Мне кажется, что этот мрачный тип ненавидит меня всеми фибрами души.

Бел Моулай вошел в демонстрационный зал. Его борода, как черный дым, окутывала лицо. Он всякий раз отводил свой пылающий взгляд, когда Хольцман пытался заглянуть ему в глаза.

Оба драгуна весьма подозрительно смотрели на предводителя рабов, но Хольцман отмахнулся от их опасений, чувствуя себя под прикрытием поля в полной безопасности.

— Дайте ему пистолет Чендлера, сержант.

— Но, сэр, это же раб. — Лицо солдата окаменело. Моулай был удивлен еще больше, чем гвардеец.

— Мне нет до этого никакого дела, сержант. Пусть ваш напарник следит за ним и пустит ему пулю в голову, если он не будет следовать инструкциям.

Норма тоже не выдержала:

— Может быть, нам стоит подвергнуть поле стендовым испытаниям, савант Хольцман? Мы можем подвесить в поле манекен и посмотреть, что с ним произойдет.

— Я согласен, савант, — поддержал Норму сержант. — Мы обязаны обеспечивать вашу безопасность, и я не могу допустить, чтобы...

Хольцман только раздраженно отмахнулся и перебил драгуна:

— Чушь, системой можно управлять только изнутри. Властью, данной мне лордом Бладдом — и Лигой Благородных, — я получаю право на испытание систем, способных защитить нас от мыслящих машин. Если вы не хотите, чтобы вас захватили роботы и превратили в рабов Омниуса, то не мешайте мне работать. Мы и так уже потеряли массу драгоценного времени.

С большой неохотой солдат достал из кобуры игольчатый пистолет и вручил его рабу, который сдавил рукоятку своей мозолистой рукой. Бел Моулай взял оружие и нервно огляделся по сторонам, сам не веря своему счастью.

— Теперь ты, Моулай — кажется, тебя так зовут? — наведи оружие на меня и стреляй мне в грудь. Давай, ты не можешь промахнуться.

Моулай не стал долго раздумывать. Все слышали прямой приказ. Он нажал на спусковую кнопку. Драгуны вскрикнули, Норма съежилась, закрыв глаза.

Кристаллические иглы на большой скорости ударили защитное поле и разлетелись на мелкие зеркальные осколки, рассыпавшись по всему полу. Ученый испустил вздох облегчения, колени его внезапно подогнулись от приступа слабости.

Не скрывая гнева и ненависти, Моулай продолжал нажимать на спуск до тех пор, пока не выпустил в саванта всю обойму. Град кристаллических игл обрушился на защитное поле.

Два обеспокоенных драгуна появились в дверном проеме с поднятыми стволами, готовые при необходимости прошить пулями чернобородого раба. Но, видя смеющегося и невредимого Хольцмана, Моулай помрачнел и опустил пистолет. Гвардейцы с трудом вырвали оружие из его сильной руки.

Все вокруг было усеяно мелкими зеркальными осколками. Савант рассчитывал за это испытание получить поритринскую медаль за доблесть.

Бесшабашно, не задумываясь больше о возможных последствиях, савант обернулся к драгунскому сержанту.

— А теперь, сержант, дайте ему гранату, которая висит у вас на поясе.

Драгун застыл на месте.

— При всем моем уважении к вам, савант, я не могу этого сделать.

— Ваш чендлеровский пистолет оказался неэффективным, то же самое будет и с гранатой. Вообразите, насколько полезным окажется такое защитное поле для вас и ваших людей, когда будет доказана его эффективность.

В спор вмешалась Норма. Она обратилась к сержанту тихим, спокойным голосом:

— Все в порядке. Савант знает, что делает.

Моулай с собачьей стремительностью повернулся к сержанту и ладонью вверх протянул руку за гранатой.

— Сначала я должен удалить всех в безопасное место, — объявил сержант. Он вывел Норму на противоположную сторону моста, за ними последовали два гвардейца, которые тоже перешли на скалу.

Потом сержант вернулся, вручил гранату Моулаю и спешно покинул помещение. Раб-дзеншиит не стал медлить ни секунды. Нажав кнопку запала, он аккуратно бросил гранату в Хольцмана, стараясь не промахнуться. Норма застыла в тревожном ожидании. Граната могла оказаться слишком медленным снарядом, проникнуть под оболочку поля и только после этого взорваться.

Понимая, что находится в зоне разлета осколков и поражения ударной волной, Моулай, бросив гранату, тоже бросился на мост. С противоположной стороны моста Норма видела, как граната отскочила от защитного поля, как гнилое яблоко.

Раздался оглушительный взрыв, вспыхнуло ярко-рыжее пламя. Все здание лаборатории содрогнулось от сильной ударной волны. Волна была так сильна, что сбила Норму с ног. Она упала на колени на краю моста и подумала, что ей надо было взять с собой полевые подвески, чтобы не упасть в реку, как это случилось с рабами во время предыдущих испытаний.

Два недавно вставленных окна вылетели из оконных проемов вместе с переплетами. Армированные стекла разлетелись в мелкий порошок. Облако разбитого в пыль стекла осветилось лучами солнца и вспыхнуло всеми цветами радуги. Из-под купола повалили клубы черного дыма. Норма с трудом встала на ноги.

Сжав кулаки, невредимый Бел Моулай стоял на краю моста. Гвардейцы напряглись, готовые скрутить непокорного раба, если он проявит хотя бы малейшие признаки агрессивности.

Норма заковыляла к демонстрационному залу. Умом она понимала, что поле должно было выдержать, но в душе опасалась, что могла пропустить какую-нибудь ошибку в расчетах саванта.

Из зала походкой воина-победителя вышел Тио Хольцман, жмурясь и отгоняя рукой дым, окутавший его лицо. Он выключил генератор и оставил аппарат в середине зала. Пробиравшийся сквозь обломки Хольцман выглядел несколько потрепанным, но остался совершенно невредимым.

— Поле работает! Полная защита. На мне ни одной царапины.

Он оглянулся и посмотрел на вторично разрушенный купол демонстрационного зала лаборатории.

— Боюсь, однако, что мы снова повредили очень дорогое оборудование.

Он озабоченно нахмурился, но потом опомнился и разразился громким смехом.

Все, что имеет определенную форму — будь то человек или машина, — смертно. Когда наступит конец, всего лишь вопрос времени.

Земной когитор Экло

Несмотря на то что роботы обладают безупречной памятью, основанной на надежных компьютерных принципах, даже мыслящие машины имеют свои ограничения. Точность зависит от методов сбора информации, а также от устройства гелевых контуров, нейроэлектронных схем и волоконных соединений общей конструкции.

Исходя из этого, Эразм предпочитал сам проводить наблюдения, а не полагаться на механических наблюдателей или на записи событий, которые можно было получить в банке данных всемирного разума. Робот хотел присутствовать везде сам. Он желал *испытать и прочувствовать*.

Особенно сильным это желание было теперь, когда дело коснулось очень важного момента — родов Серены.

Эразм усилил свои наблюдательные возможности сетью оптических сенсоров так, чтобы можно было зарегистрировать каждый миг предстоящего события, видеть его со всех возможных точек и наблюдать со всех сторон. Клинику родов он знал неплохо, так как ему приходилось наблюдать роды у рабынь, предназначенных для деторождения, но до сих пор Эразм рассматривал этот процесс как обычную биологическую функцию. Но Серена заставила его задуматься над тем, что он, возможно, пропустил или не уловил. Предвкушая радость от открытия нового, Эразм приготовился очень внимательно следить за этими необычными родами.

Плохо, что Серена не родит близнецов...

Женщина лежала на стерильном столе, извиваясь в родовых схватках, временами не забывая отпускать проклятия в

адрес Эразма, но в основном она была сосредоточена на своем биологическом состоянии и иногда звала Ксавьера. Вся медицинская информация поступала с имплантированных в разные участки тела датчиков. Эти датчики регистрировали изменения химического состава пота, частоту и регулярность пульса, особенности дыхания и другие важные параметры телесных функций.

Когда робот подходил к Серене и вводил ей под кожу очередной датчик, очарованный ее болью и непредсказуемо-меняющимися реакциями, она начинала сердито на него кричать. Он не обижался на эти оскорбительные выпады. Было интересно и даже забавно, что она тратит силы на столь изобретательный гнев, когда ей следовало бы сосредоточиться на процессе самих родов.

Чтобы роженице было комфортно и чтобы минимизировать вариабельность переменных, подлежащих наблюдению, Эразм поддерживал в родовом зале оптимальную температуру. Домашние рабыни сняли с Серены всю одежду, оставив ее на столе совершенно обнаженной.

С помощью своих камер наблюдения и настенных экранов Эразм и раньше много раз видел Серену голой. У робота не было никакого скабрезного интереса к ее неприкрытым формам. Он просто хотел, чтобы от его внимания не укрылись никакие мелкие, но могущие быть важными клинические особенности, на основании которых он надеялся вывести какие-то общие заключения.

Он провел по ее телу своим зондом, уловив мускусный запах, который исходил от роженицы, и отметив интересные биохимические изменения, непрерывно происходившие в ее организме. Все это робот находил весьма стимулирующим.

Серена лежала на родильной кушетке, переживая за судьбу своего ребенка и за свою будущность. Сейчас за ней наблюдали шесть акушерок, вызванных из барака рабов.

Над ней склонился Эразм. Его пристальный интерес пугал Серену, особенно когда он вводил и извлекал зонды, исследуя состояние различных отделов ее организма. Она понимала, что он просто не может быть озабоченным благополучием обыкновенной рабыни и ее ребенка.

Внезапный приступ боли в животе отмел в сторону все ненужные мысли, и она сосредоточилась на тех основных вещах, на которых сосредоточиваются в родах все женщины. В какой-то момент поистине эйфоричного самозабвения Серена подивилась могуществу биологических механизмов, которые сделали возможным все это. Сотворение жизни, соединение генетического материала мужчины и женщины. О, как ей хотелось, чтобы сейчас рядом с ней был Ксавьер!

Она стиснула зубы до боли в челюстях. По щекам ее потекли горячие слезы. Перед ней появилось смутное лицо Ксавьера, галлюцинация, порожденная неистовым желанием. Потом пришла необычайно сильная схватка, и она потеряла способность думать о чем-то другом.

Она была в родах уже десять часов, и акушерки старались различными приемами уменьшить боль, втыкая иглы в определенные точки, массируя нервные триггерные зоны, вводя различные лекарства. Эразм снабдил акушерок всем, что им было нужно.

Даже в стерильном помещении родильного зала Эразм находился в своем золотистом наряде, отблескивавшем царственной синевой.

— Опиши мне свои ощущения. Какие чувства вызывают роды? Я очень любопытен.

— Ублюдок! — выдохнула Серена. — Вуайерист! Оставь меня в покое!

Акушерки между тем разговаривали между собой так, словно роженицы в зале не было.

— Полное раскрытие...

— Схватки участились...

— Почти время...

Где-то на задворках сознания, вне ее нынешнего существования и движений, зазвучали женские голоса, на этот раз обращенные к ней:

— Тужься.

Она натужилась, но расслабилась, когда боль стала невыносимой, и ей показалось, что она уже ничего не может сделать.

— Тужься сильнее.

Силой воли она преодолела боль, натужилась и почувствовала, как ребенок продвинулся по родовым путям. Тело знало, что надо делать, лучше, чем ее сознание.

— Еще тужься, ты можешь тужиться.

— Вот так, хорошо, хорошо. Вижу головку!

Было такое ощущение, что плотину прорвало. Серена ощутила неизъяснимое облегчение в родовых путях. Она уже была почти в полном изнеможении.

Когда она, мгновение спустя, подняла голову, то увидела, как одна из акушерок отделяет послед от ребенка. *Сын!* Акушерки показали родильнице личико ребенка. Оно оказалось именно таким, каким она видела его в своих снах.

Эразм стоял рядом и продолжал наблюдать. Ребенок отражался в его зеркальной маске.

Серена уже решила, что назовет сына в честь его деда, ее отца.

— Здравствуй, Манион! Мой дорогой, мой сладкий Манион.

Ребенок кричал во всю силу своих маленьких легких. Она прижала дитя к груди, но он продолжал извиваться. Эразм бесстрастно смотрел на ребенка, не выказывая никакой реакции.

Серена отказывалась замечать присутствие робота, надеясь, что он просто уйдет, оставив ее наедине с дорогими воспоминаниями. Не в силах оторвать взор от сына, она думала о Ксавьере, об отце, о Салусе Секундус... обо всем, чего навсегда будет лишен ее ребенок. Да, у дитя были причины так безутешно плакать.

Внезапно Эразм снова появился в ее поле зрения. Своей металло-пластической сильной рукой он взял новорожденного, поднял его в воздух и принялся со всех сторон рассматривать.

Хотя Серена плавала в поту и была ослаблена родами, она громко закричала:

— Оставь его! Отдай мне ребенка!

Эразм перевернул ребенка. Зеркальная металлическая маска сложилась в гримасу удивления. Ребенок снова начал плакать и извиваться, но Эразм просто сильнее сжал его пальцами, не обращая внимания на громкий плач. Он поворачивал

голенькое тельце ребенка, чтобы внимательно рассмотреть лицо, пальцы, половой член. Маленький Манион непроизвольно помочился на робота.

Одна из встревоженных акушерок бросилась вытирать лицо и одежды робота куском материи, но Эразм оттолкнул ее в сторону. Он хотел собрать как можно больше данных, чтобы записать их, а потом на досуге хорошенько обдумать этот опыт.

Новорожденный продолжал громко кричать.

Серена попыталась подняться с кушетки, не обращая внимания на боль и усталость.

— *Отдай его мне.*

Удивленный страстностью ее мольбы, Эразм обернулся к женщине.

— Насколько я понял, этот биологический репродуктивный процесс представляется в высшей степени хаотичным и неэффективным.

С выражением, похожим на отвращение, он вернул ребенка матери.

Маленький Манион постепенно успокоился и перестал плакать, и одна из акушерок завернула его в синее одеяльце. Ребенок свернулся калачиком в объятиях матери. Несмотря на то что Эразм был полновластным хозяином ее жизни и смерти, она делала все, что могла, чтобы не обращать на него внимания. Она не выказывала ни малейшего страха.

— Я решил позволить тебе оставить ребенка. Я не отдам его на воспитание в барак, — сказал робот без всякого выражения. — Меня очень интересуют взаимоотношения матери и ребенка. Пока интересуют.

Фанатизм всегда признак скрытого и подавленного сомнения.

Иблис Гинджо. «Ландшафт человечества»

Когда Аякс проходил по строительным площадкам Форума в своем огромном шагающем корпусе, дрожала земля, а рабы в ужасе замирали, стараясь определить, чего хочет жестокий титан. Со своей высокой платформы Иблис внимательно следил за громоподобным приближением кимека, но старался не показывать своей нервозности. Непроизвольно он сильно сжал в потной ладони электронную записную книжку.

После жестокой казни начальника строительной команды Охана Фреера Иблису пришлось стать вдвойне осторожным. Он полагал, что может быть уверенным в своих рабах, которые многим были ему обязаны. Аякс просто не мог знать о тех планах, которые начал приводить в действие Гинджо, и о секретном оружии, которое он сделал и только ждал случая, чтобы применить его.

В течение шести дней Иблис надзирал за работой большой команды, занятой возведением огромного каменного фриза «Победа титанов», на котором были изображения всех двадцати пророков славной революции. Сооружение имело двести метров в длину и пятьдесят в высоту. Из каменных глыб были изваяны фигуры механических кимеков, шествующих по толпам людей, ломая кости и превращая в бесформенную массу живую плоть тел.

Как подлинное воплощение скульптур, составлявших фриз, кимек Аякс прокладывал путь к платформе. Сметая в стороны рабочих, он раздавил какого-то старика, который не успел отскочить в сторону. Сердце Иблиса сжалось, но он не сделал попытки бежать. Аякс уже заметил его и выбрал в очередные

жертвы, и теперь начальнику команды предстояло использовать всю свою силу убеждения, чтобы просто пережить ярость титана.

В чем он хочет меня обвинить?

Платформа и кимек были приблизительно одной высоты. Стараясь казаться услужливым и послушным, но ни в коем случае не испуганным, Иблис встал, повернувшись лицом к оптическим сенсорам, вставленным в лицевую пластину головы механического корпуса кимека. Надсмотрщик низко поклонился.

— Приветствую тебя, лорд Аякс. Чем могу служить тебе? — Он указал рукой на работавших людей своей команды. — Наша работа над этим монументом продвигается в полном соответствии со схемой и расписанием.

— Ты всегда имеешь возможность оправдаться тем, что все успеваешь. Твои рабы всегда тебя слушаются, не так ли?

— Они выполняют мои инструкции. Мы вместе работаем во славу Омниуса.

— Нет сомнения, что они поверят в любые вредные идеи, которые ты им предложишь, — сказал Аякс со значением. — Хорошо ли ты знал изменника Охана Фреера?

— Я не был связан с этим человеком. Я вообще не вожу знакомства с такими людьми. — Он от души понадеялся, что пот, выступивший на его лбу, кимек объяснит жарой и работой, а не страхом. — При всем моем уважении к тебе, Аякс, могу сказать, что ты можешь проверить все журналы и досье. Моя команда в поте лица старается возвести эту стену согласно тем спецификациям, которые ты соизволил дать.

Он указал на изображение Аякса, нависшее над платформой.

— Я уже сверился со всеми журналами, Иблис Гинджо. — Кимек немного переместил центр тяжести своего механического тела. — Но есть еще кое-что. Данте давал тебе разрешение покидать город. Куда ты ходил?

Иблису стоило неимоверного труда сохранить на лице невинное выражение. Если Аякс уже знал о его путешествиях, то знал он и ответ на поставленный им вопрос.

— Я говорил с когитором Экло, так как стараюсь постоянно заниматься самоусовершенствованием.

— Хретгиры редко залетают так высоко, — сказал титан. — Если бы мне дали волю, я бы вообще уничтожил и искоренил весь род людской. От него одни только ненужные хлопоты и беды.

— Даже титаны были когда-то людьми, лорд Аякс. — Иблис старался выглядеть заискивающим и даже придал своему тону заговорщические нотки. — И Омниус позволяет верным и трудолюбивым людям становиться неокимеками. Я могу мечтать об этом?

Многочисленные оптические сенсоры на голове Аякса замигали вспышками. Его рука поднялась на уровень лба, и ее пальцы сложились в коготь, которым кимек мог без всякого труда сокрушить Иблиса. Пустив в ход свои звуковые синтезаторы, Аякс расхохотался оглушительным басом.

Кажется, мне удалось его отвлечь! Для того чтобы закрепить успех, Иблис торопливо продолжил:

— Аякс, ты же видел, как я сумел спасти твою статую на плазе Форума. То же самое можно сказать о мемориальной стене, которую мы строим сейчас. Я свел в одну команду многих художников и мастеров, чтобы довести до совершенства каждую деталь фриза. Я бы не доверил эту работу ни одному другому начальнику строительной команды.

Я тебе нужен! — хотелось ему крикнуть в лицо Аяксу.

— Мало кто способен на такую эффективность. Ты же сам прекрасно это знаешь.

— Я знаю, что среди рабов полно предателей и мятежников. — С этими словами Аякс сделал несколько шагов вдоль платформы. Рабочие, оказавшиеся поблизости, бросились врассыпную. — И быть может, ты — один из них.

Теперь Иблис понял, что у кимека нет никаких доказательств, он просто ловит рыбку наугад. Если бы он знал что-то определенное, то убил бы Иблиса без всяких колебаний и угрызений совести.

— Эти слухи ложны, лорд Аякс. Мои рабочие приложили все усилия и старания на то, чтобы твое изображение получило на фризе преимущества и подчеркнутую важность. — Иблис придал своему голосу всю возможную в такой ситуации твердость. Он уже приготовил для Аякса сюрприз, чтобы выступить с ним в подходящий момент.

Титан повернул голову и взглянул на неоконченный фриз.

— Важность?

— Ты воин, господин, — самый великий и яростный воитель из всех кимеков. Твое предназначение — наводить ужас и вселять страх в сердца врагов.

— Это верно. — Было видно, что Аякс немного смягчился. — О твоих прегрешениях мы поговорим позже. Ну все, хватит лодырничать. Живее принимайтесь за работу! — И зашагал прочь, сотрясая окрестности своим гигантским механическим телом. Наблюдательную платформу тряхнуло так, что Иблису, чтобы не упасть с нее, пришлось схватиться за перила ограждения.

Все время, разговаривая с капризным титаном, Иблис держал в кармане руку на кнопке специального электронного передатчика. Простым нажатием кнопки можно было активировать механизмы, обнажавшие смертоносный секрет, спрятанный среди каменных изваяний фриза. Там — людьми Иблиса — были хитроумно вмонтированы старинные ракеты. Теперь Иблис знал наверняка, что мыслящие машины не надзирают за каждой деталью работ, когда разработан окончательный план. Кимеки же никогда не обнаружат такие уничтожающие системы.

Однако время должно быть рассчитано с самой высокой точностью. Но самой первой задачей оставался набор солдат в его формирующуюся армию.

Глядя, как кимек вышагивает к центру города, Иблис мысленно нарисовал мишень на емкости с мозгом. Если действительно начнется мятеж, связанный с насильственными действиями, то этого патологически жестокого титана надо будет убить одним из первых.

У периметра строительной площадки Аякс вдруг выбросил в сторону одну из своих рук в презрительном жесте и задел группу рабов, убиравших строительный мусор. Этот жест обезглавил одного из рабов, и окровавленная голова, как пушечное ядро, влетела в почти готовый фриз.

Хотя титан выглядел более возбужденным, чем обычно, Иблис был уверен, что на этот раз ему удалось отвести от себя все подозрения.

Тьма человеческого прошлого угрожает затмить блеск будущего.

Вориан Атрейдес.
«Поворотные пункты истории»

«Дрим Вояджер» снова летел по просторам Синхронизированного Мира, собирая новые сведения для базы данных Омниуса. Все вошло в привычную колею, дела вернулись в рутинное, знакомое русло. Серебристо-черный корабль выглядел и функционировал, как обычно. Изменился только Вориан Атрейдес.

— Почему ты потерял интерес к нашим военным играм, Вориан Атрейдес? — спросил Севрат. — Хуже того, ты даже перестал издеваться над моими шутками. Ты заболел?

— Я исключительно здоров с тех пор, как отец подверг меня специальному лечению.

Вор принялся смотреть в иллюминатор на звезды.

— Ты поглощен мыслями о той женщине-рабыне? — спросил наконец робот-капитан. — Ты становишься неинтересным, когда ты влюблен.

Скорчив недовольную физиономию, Вор встал и пересел за дисплей компьютера с базой данных.

— Наконец-то ты рассмешил меня своей шуткой, старый железный умник. Машина говорит со мной о любви.

— Не так уж трудно понять основной репродуктивный инстинкт вашего вида. Ты просто недооцениваешь мои аналитические способности.

— Любовь невозможно описать, это непреодолимая сила. Даже самая сложная мыслящая машина не способна понять, что это такое. Так что не пытайся это сделать.

— Тогда, может быть, тебе стоит отвлечься и поиграть со мной во что-нибудь другое?

Вор внимательно смотрел на компьютерный экран, с которого он часто считывал мемуары Агамемнона. Но в компьютере было много и другой информации, к которой он никогда не обращался.

— Не сейчас. Я хотел просмотреть некоторые базы данных. Ты не мог бы дать мне доступ к этим файлам?

— Конечно, дам. Агамемнон просил максимально облегчить твое образование, в особенности в том, что касается планирования военных операций. В конце концов, это ты спас нас, когда Армада атаковала Гьеди Первую.

— Именно так и есть. Меня интересуют записи Омниуса относительно разгрома Старой Империи, времени титанов и восстания хретгиров. Но только мне нужны не мемуары моего отца.

— Ах вот что, мы начинаем проявлять собственные амбиции!

— Ты боишься, что после этого я начну выигрывать у тебя все военные игры?

Он просмотрел длинный список файлов и порадовался, что впереди у него масса времени, полет обещал быть очень долгим.

— Мне нет смысла бояться какого-то человека.

Вор стал часами просиживать за центральным бортовым компьютером, буквально купаясь в море новой для себя информации. Он не учился так прилежно со времени окончания школы доверенных людей. Ум его был уже подготовлен разговорами с Сереной Батлер, и он был готов найти мелкие несоответствия между общей историей и историей, изложенной в мемуарах Агамемнона. Даже кимеку позволительно приукрашивать исторические события. Но Вориан был просто шокирован тем, насколько кардинально расходились сведения его отца с объективной трактовкой тех же событий.

Он лихорадочно просматривал файлы о событиях на Салусе Секундус, об эпохе титанов, Старой Империи, поражаясь тому, что он узнавал. Вориану теперь оставалось только удивляться, почему он раньше не читал этого, хотя вся информация постоянно была в его полном распоряжении.

Отец лгал мне! Он исказил события, нарушил достоверность, приуменьшил жестокость и страдания людей — даже Омниус знает это!

С другой стороны, он был вынужден признаться себе, что Серена говорила ему правду.

Впервые в жизни он почувствовал гнев по отношению к своим хозяевам — машинам — и к своему отцу. Также впервые он испытал сочувствие к человечеству. Как храбро сражались люди за свою свободу!

Я тоже человек по своим физическим свойствам. Но что это значит?

Во времена титанов Агамемнон совершал чудовищные злодеяния и преступления против тех народов, которые всего лишь хотели отстоять свою свободу. Агамемнон и Юнона несут ответственность за гибель миллиардов людей и тяжкое рабство выживших. Люди не заслужили этого, они лишь пытались отстоять свою независимость.

Нет ничего удивительного в том, что Серена так ненавидит меня. Ведь я — родной сын чудовища и убийцы!

Вор продолжал читать. Здесь была вся история, бесстрастные сводки и хроники, зафиксированные равнодушными машинами — в правдивости машинной истории не приходилось сомневаться, машины не умеют лгать. Данные были собраны скрупулезно, информация точна.

Необходим человеческий ум, чтобы исказить информацию. Или человеческий ум в обличье кимека.

Из задумчивости его вывел голос Севрата.

— Что ты там нашел? Ты читаешь уже много часов.

Глядя в зеркальное лицо робота, Вориан признался:

— Я пытаюсь изучить самого себя.

— Такая проблема требует минимального изучения, — произнес Севрат, явно пытаясь сострить. — Зачем понапрасну себя мучить?

— Иногда человек должен посмотреть в глаза правде. — С этими словами Вориан вышел из базы данных и выключил компьютер.

Капитан-робот встал и подошел к консоли управления, подсоединив свои системы к ней, чтобы начать маневры выхода на орбиту очередной планеты.

— Иди сюда, мы прибываем на Коррин. Настало время сбора новых данных.

Наука, притворяясь, что хочет облагодетельствовать человечество, на самом деле является очень опасной силой, которая рискует вмешиваться в естественные процессы, не осознавая последствия такого вмешательства. Если наука и дальше будет придерживаться такого сценария, то неизбежны большие грядущие разрушения.

Когитор Ретикулус. «Тысячелетнее наблюдение»

После проведения заключительных испытаний, в результате которых он убедился, что его поле надежно предохраняет от любых снарядов, Тио Хольцман преисполнился жгучего желания поставить производство полей на промышленную и коммерческую основу. Он уже провел соответствующие переговоры с управляющими промышленных центров на северо-западе, в горнорудном поясе Поритрина, и с владельцами сборочных предприятий Старды. Применяя рабский труд, можно было рассчитывать на хороший доход и неплохую прибыль. Только одни патенты сделают его самого и его патрона лорда Бладда одними из богатейших людей Лиги Благородных.

К несчастью, когда Хольцман поработал над проектом не как ученый, а как бизнесмен, он пришел к неизбежному и неутешительному выводу о том, что буколическая патриархальная планета, такая как Поритрин, не сможет ни при каких условиях обеспечить гигантский спрос, который возникнет на такое чудесное изобретение. Лорд Бладд будет, естественно, не слишком доволен тем, придется отдать такой прибыльный бизнес производителям с других планет, но у Хольцмана не было иного выбора, кроме как обратиться на другие, промышленно развитые, планеты Лиги.

Прежде чем он успел отправить образцы на колонию Вертри или на восстановленные и задыхающиеся без заказов за-

воды Гьеди Первой, он решил, что сначала надо испытать поле на защитные свойства не против артиллерийских и ракетных снарядов и не против метательных орудий, а против поражающих энергетических лучей. В современной войне лазерное оружие применялось крайне редко, так как лучи лазера энергетически менее эффективны, чем взрывчатые вещества или обычное огнестрельное оружие.

Для заключительного испытания Хольцман потребовал от своей охраны достать лазерное ружье из древнего армейского арсенала. После долгих поисков и бесконечной бумажной волокиты с оформлением множества документов необходимое оружие было наконец найдено и доставлено в его лабораторию. Так как все предыдущие испытания оказались успешными, то это не вызывало у него никакого волнения. Это был просто следующий шаг в исследовании. Вскоре начнут поступать и доходы.

Норма Ценва вернулась к своей обычной проверке всех уравнений саванта. Ученый предоставил ее одержимости заниматься вычислениями, а сам упивался успехами.

Для проведения лазерного испытания он поместил раба в защитное поле и решил сам испытать древнее оружие, выстрелив по полю. С собой он взял только одного помощника, чтобы тот записал протокол испытания, как они уже не раз делали во время предыдущих испытаний. Хольцман возился с затвором ружья, стараясь понять, как из него стреляют.

В этот момент в помещение буквально ворвалась Норма, запыхавшаяся от своего неуклюжего бега на коротких ножках. Лицо ее горело, она в волнении размахивала руками.

— Подождите, постойте! Савант Хольцман, вы в величайшей опасности!

Он нахмурился, как строгий отец, готовый отчитать не в меру расшалившегося ребенка.

— Ты скептически отнеслась и к моему первому испытанию поля. Смотри, я же не нахожусь на линии огня.

Тем не менее лицо Нормы сохранило серьезность.

— Взаимодействие вашего силового поля с коллимированным лазерным лучом приведет к чрезвычайным последствиям — высвобождению невероятной разрушительной энергии.

Норма показала Хольцману листки, испещренные его уравнениями и пометками, сделанными ею самой на полях.

Ученый нетерпеливо опустил ствол и тяжело вздохнул.

— Я думаю, что ты сможешь показать мне основательную причину своей тревоги?

Раб-дзеншиит нервно поглядывал на них из-за оболочки защитного поля.

— Или это снова твоя знаменитая интуиция?

Она сунула ему в нос листки с вычислениями.

— Савант, я не могу определить специфическую причину этой аномалии по одним уравнениям, когда я ввожу фактор когерентности лазерного излучения в уравнение взаимодействия полей. Но в этом случае происходит драматическое увеличение сингулярной потенциальной энергии.

Хольцман смотрел на корявые записи, но они казались ему полнейшей бессмыслицей. Строчки лезли одна на другую, видны были странные символы для обозначения факторов, которые он раньше в глаза не видел. Он нахмурился, не смея признаться в том, что ничего не понимает.

— Не слишком строгое доказательство, Норма, и не очень убедительное.

— Вы можете его опровергнуть? Вы можете взять на себя такой риск? Это будет еще хуже, чем неудача со сплавным генератором. Это будет огромная катастрофа.

Выражение лица Хольцмана осталось каменным, хотя в душу закрался червь сомнения. Он не мог сбросить со счетов гениальность этой маленькой женщины. Он уже давно подозревал, что Норма понимает концепцию его собственного поля лучше, чем он сам.

— Очень хорошо, пусть будет так, если ты настаиваешь. Я приму меры предосторожности. У тебя есть какие-то конкретные предложения?

— Да, надо провести испытание далеко отсюда, на луне или даже на астероиде.

— На астероиде? Ты вообще понимаешь, сколько это будет стоить?

— Это будет дешевле, чем восстанавливать Старду.

Он усмехнулся, потом заметил, что Норма и не думает шутить.

— Я отложу испытание и подумаю. Но я настоятельно прошу тебя представить более убедительные доказательства. Подкрепи свою интуицию, прежде чем я найду средства. Я не могу обосновать такие расходы только твоими страхами.

Норма Ценва была ученым и гениальным математиком, но ее никогда не учили науке личных амбиций и склок. Как наивное дитя, она отправилась к лорду Бладду в его аристократическую резиденцию, возвышавшуюся на большом утесе на берегу Исаны.

Крыша высокой конической башни была покрыта эмалированной черепицей, столь необычной для остальных домов Старды, крытых синим металлом. В помещениях были расставлены посты драгунских гвардейцев, похожих на гигантских рептилий в своих шитых золотом мундирах, в золотых касках с высоким гребнем, алых плащах и рыцарских перчатках с раструбами.

Бладд был в прекрасном расположении духа. Увидев Норму, он покрутил колечки своей аккуратно завитой бороды.

— Ну, добро пожаловать, юная леди. Вы знаете, что совсем недавно я побывал на заседании парламента Лиги на Салусе Секундус и имел честь говорить с вашей матушкой? Ее колдуньи только что отразили очередное нападение кимеков, в этот раз на Россак. Теперь я понимаю, откуда у вас столь замечательный талант.

Его голубые глаза озорно блеснули.

Норма смущенно принялась рассматривать выложенный плитками пол.

— В самом деле, лорд Бладд? Моя мать возлагала на меня большие надежды. Однако, как вы сами можете видеть, — она показала на свое нескладное тело, — я никогда не стану такой же красавицей, как она.

— Внешняя миловидность — это еще не все.

Лорд не стал оглядываться на окружавших его пять ослепительных женщин.

— Савант Хольцман уверен, что ваш ум полон замечательных идей. Это он прислал вас ко мне? Он хочет продемонстрировать мне еще один свой проект?

Хорошо одетая рабыня выступила вперед с серебряным подносом, на котором стояли два бокала с искрящейся прозрачной жидкостью. Норма неуклюже взяла один из них своими маленькими ручками. Лорд Бладд сделал глоток из своего бокала и Норма последовала его примеру.

— Да, он задумал провести еще одно демонстрационное испытание, лорд Бладд. — Норма помолчала, но потом решилась: — Но я должна просить вас вмешаться.

Бладд озабоченно нахмурился, многозначительно сморщив лоб.

— По какой причине?

— Дело в том, что савант Хольцман хочет испытать воздействие лазерного оружия на его поле, но это очень опасно, сэр. Я... я боюсь, что может произойти очень мощное взаимодействие силовых полей, очень мощное.

Она начала объяснять, произнося массу математических терминов, стараясь как можно лучше доказать и обосновать свою убежденность. Но результат получился противоположный. Аристократ только беспомощно развел руками.

— И что думает савант по поводу ваших опасений?

— Он... он доверяет моим способностям, но я боюсь, что он хочет как можно скорее провести испытания, не тратя на это больших денег, так как опасается вызвать ваше неудовольствие, если запросит на них большую сумму.

Она с трудом сглотнула, удивляясь своей отваге.

— Однако если я права, то взрыв может быть такой силы, что будет разрушен район Старды, а может быть, пострадает и еще бóльшая территория.

— Вы утверждаете, что это будет похоже на атомный взрыв? — Бладд был потрясен. — Как такое может быть? Поле — это оборонительное оружие. Атомное оружие поражает...

— Трудно предсказать вторичные и третичные взаимодействия, лорд Бладд. Разве не мудро будет принять меры предосторожности, несмотря на дополнительные расходы? Подумайте о доходах, которые Поритрин может получить от продажи такого вооружения. Для каждого важного человека, для каждого частного корабля можно будет заказать отдельное защитное поле, и вы получите за каждое поле целое состояние.

Она поискала глазами, куда поставить тяжелый бокал.

— С другой стороны, представьте себе неудовольствие потребителей, если такой важный изъян будет обнаружен после того, как поле получит уже широкое распространение. Подумайте, какие это будут убытки.

Аристократ задумчиво почесал подбородок и поиграл тяжелой золотой цепью, украшавшей его широкую грудь.

— Очень хорошо, я подумаю об этих расходах. Савант Хольцман заработал для нас столько, что мы можем, не скупясь, оплатить хоть сто его эксцентричных идей.

Норма низко поклонилась.

— Благодарю вас, лорд Бладд.

Торопливо возвращаясь к своему наставнику, Норма не думала о том, какую ошибку она совершила, обойдя своего прямого начальника и обратившись к властям непосредственно. Она думала, что человек, подобный Тио Хольцману, должен подходить к делам рационально, а не эмоционально, не отвлекаясь на суетные мелочи и не обращая внимания на склоки и личные амбиции.

Норму воспитывала суровая мать, и девочка выработала у себя иммунитет к оскорблениям личностного характера. Так неужели же великий ученый окажется ниже ее в этом отношении?

Испытания состоялись на неприметном астероиде, вращавшемся по удаленной от Поритрина орбите. Команда строительных рабочих вырыла котлован в центре плоского мелкого кратера, поставила несколько регистрирующих приборов, установила излучатель защитного поля прямо в пыльном дне кратера. Потом рабочие покинули астероид и вернулись на присланный с Поритрина фрегат.

Для наблюдения за ходом испытания Хольцман и Норма воспользовались маленьким армейским челноком, которым управлял пилот Армады. Савант предполагал установить сложный, оборудованный дистанционным управлением, источник лазерного излучения непосредственно в кратере. Однако, зная о бюджетных затруднениях, Норма предложила просто расстрелять генератор защитного поля из лазерной пушки военного корабля.

Когда пилот провел корабль над зоной испытания, мрачный Хольцман едва отвечал на попытки Нормы завязать разговор. Хольцман внимательно наблюдал за тем, как они приближались к испытательной зоне в кратере. Он был раздражен и полон желания доказать молодой женщине, что она была не права. Норма пристально разглядывала испятнанную метеоритными ударами поверхность, повисшие на краю ущелий крупные куски горных пород и трещины, обусловленные приливными силами. Место выглядело так, словно его один раз уже разрушили.

— Ну что ж, давайте покончим с этим, — произнес наконец савант. — Пилот, стреляйте, как только будете готовы.

Норма приникла к иллюминатору. Челнок снизился к кратеру, испытательная зона была точно под ними.

— Готовность номер один, савант, — доложил пилот.

Ученый ответил небрежным тоном:

— Теперь-то ты увидишь, что вообразила себе слишком...

Пилот выпустил из бортовой пушки яркий луч лазера. Ярчайшая вспышка света, говорившая о высвобождении колоссальной энергии, мгновенно заставила Хольцмана замолчать. Даже в вечной тишине космоса всем показалось, что ударная волна прозвучала сильнее, чем удар грома.

Волна пошла вверх, и пилот резко взял на себя рычаг управления.

— Держитесь!

Мощные двигатели рванули корабль вверх, и Норма почувствовала, что от перегрузки теряет сознание.

Потом ударная волна, словно исполинским молотом, ударила их в корму, швырнув судно, как игрушку. Пилот на какое-то время перестал справляться с управлением. Было видно, как астероид распадается на раскаленные добела фрагменты, которые разлетаются от эпицентра взрыва, оставляя за собой горячие хвосты, похожие на спицы огромного колеса.

Ошеломленный Хольцман отвернулся от пылавшего астероида, а пилот в это время изо всех сил пытался выправить полет военной машины. Из груди саванта с хриплым свистом вырывалось неровное дыхание.

Даже Норма была поражена до немоты. Она смотрела на своего наставника, шевелила губами, но не могла произнести

ни одного членораздельного слова. Впрочем, ему не нужны были никакие слова. Если бы Хольцман беспечно провел испытание у себя в лаборатории, то он превратил бы в раскаленный пар и ее, и свою личную резиденцию, и часть города. Мало этого, наверное, и Исана бы изменила свое русло.

Он посмотрел на Норму — сначала со злостью, а потом с изумлением. Никогда больше не будет он сомневаться в ее интуиции или в ее научных способностях.

Но все же он чувствовал, что в сердце ему всадили нож и повернули в ране лезвие. Это был тяжкий удар по его уверенности в себе и по его репутации в обществе. Теперь его благодетель Нико Бладд будет знать правду. Норма открыто бросила вызов суждениям Хольцмана, и ее сомнения оказались неоспоримо обоснованными.

Он не знал способа, как заткнуть рот всем на Поритрине — лордам, драгунским офицерам, даже рабам — и как не дать им узнать, что эта недоделанная математичка с Россака обошла его на научном поприще. Новость об этом распространится быстро.

Хольцман ошибся, ошибся на виду у всех, и эта глубокая рана в его душе не заживет никогда.

Животные должны двигаться по поверхности земли, чтобы выжить. Они должны добывать воду, пищу, минеральные вещества. Существование зависит от той или иной формы движения, но невозможно без него. Земля убивает того, кто останавливается.

Доклад имперской экологической экспедиции на Арракис. Из хранилища древних архивов

Ночь в пустыне была тиха и безмятежна. Первая луна уже закатилась, но зато теперь над горизонтом показалась другая, похожая на сонный глаз, пожелтевший от усталости.

Не более заметный, чем мимолетная тень на фоне камня, к которому он прильнул, Селим внимательно рассматривал черные соты входов в пещеры в отвесной скале, возвышавшейся над его головой. Он не знал жителей этой деревни и не имел ни малейшего понятия, где они прячут свои сокровища, но Буддаллах привел его именно в это уединенное и заброшенное место. Пустыня и все ее обитатели были частью судьбы, предначертанной Селиму, и он не ставил под вопрос — а тем более не обосновывал — свои действия.

Эти люди практически не имели никаких сношений с племенем наиба Дхартхи, но, однако, как и все дзенсунни, они регулярно посылали своих людей в Арракис-Сити для пополнения запасов. Даже те племена, которые занимались скудным сельским хозяйством и умели хорошо сохранять воду, не могли полностью обеспечивать себя всем необходимым.

Не мог делать этого и он, как бы ни старался и какие бы усилия ни прикладывал. Конденсационные установки на двух заброшенных древних ботанических станциях обеспечивали его водой, на этих станциях были достаточно большие запасы пищи. Но за последние два с половиной года эти древние запасы начали иссякать, так же как постепенно ис-

тощались силовые батареи и ломались необходимые инструменты. Нужны были другие источники запасов воды и пищи, чтобы он мог и дальше поддерживать свое одиночное существование.

Бог благословил Селима, дал ему многие преимущества, но предметы первой необходимости он должен добывать себе сам. Для него было бы слишком высокой честью знать весь план Буддаллаха во всей его сложности и величии. Должно быть, какая-то причина есть, и когда-нибудь Селим откроет ее.

В течение нескольких дней Селим осматривал отдаленное селение, изучая маршруты передвижения местных жителей. Женщины ухаживали за ульями, стоявшими у входов в пещеры. Насекомые собирали мед с мелких пустынных цветов, находивших укрытие в узких расщелинах скал. Рот Селима наполнился слюной. Он пробовал мед только один раз в жизни, когда наиб Дхартха сторговал где-то большой горшок этой вкуснейшей сладости и угостил всех членов племени. Каждому досталось по крошечному кусочку. Вкус оказался изысканным, но сам мед был недоступен и только напомнил бедным дзенсунни, насколько им не хватает роскоши и удобств.

Как только Селим исполнит свое предназначение, в чем бы оно ни состояло, он будет есть мед каждый день.

Хотя Селиму было нужно кое-что из припасов этого поселения, он хотел, кроме того, сделать здесь заявление. Буддаллах придал ему новую силу, сделав его независимым и самодостаточным, не связанным путами древнего, обветшавшего Закона. Ему не нравилась узость мышления, фарисейская приверженность догме дзенсунни. Всех дзенсунни. Селим тоже мог бы стать всем довольным, трудолюбивым членом общины, если бы наиб Дхартха, прислушавшись к ложным обвинениям Эбрагима, не изгнал Селима в пустыню, на верную смерть.

С пустым мешком на плечах он прополз вперед. Он запомнил маршруты жителей и знал, в какой пещере хранятся запасы племени. За этой пещерой присматривали днем, но очень плохо охраняли ночью. Уверенные в своей изоляции и в полной безопасности деревни, ее жители отличались крайней беспечностью. Он проскользнет в пещеру, возьмет то,

что ему надо, и исчезнет, не причинив никому вреда. Он станет разбойником, Селимом, Укротителем Червей, Селимом вне закона.

Бесшумно взобравшись по крутому склону, он нашел извилистую тропинку, по которой жители деревни ходили добывать пряность. Перебирая руками, он постепенно добрался до края террасы, потом подтянулся и протиснулся в тень пещеры.

Как он и ожидал, помещение было заполнено упаковками с инопланетной едой, которая за дорогую цену была куплена в космопорту. Конечно, это настоящие деликатесы, но зачем правоверным обитателям пустыни нужны такие роскошные вещи? Деревенские жители не нуждались ни в одном из имевшихся здесь деликатесов, ну что ж, Селим освободит их от ненужной роскоши. Он нагрузит свой мешок вафлями и питательными продуктами.

Селим принялся набивать отсеки мешка едой, отдельно складывая крупы. Нашел он здесь и семена, которые можно будет посеять в оранжерее на какой-нибудь из освоенных им заброшенных ботанических станций. Свежие фрукты станут замечательной добавкой к его пище.

С ближайшего верстака он взял измерительный инструмент и ультразвуковой молоток, которым было очень удобно дробить камни. Этот молоток мог пригодиться ему для того, чтобы устраивать тайные жилища, для чего, видимо, придется расширять естественные пещеры в отрогах гор.

Ощупывая мягкий, набитый едой мешок, Селим начал искать в нем место для этих двух инструментов. В темноте он сунул сонарный молоток мимо мешка и уронил его на каменный пол пещеры. От удара инструмент включился и выбил изрядный кусок из каменной плиты, грохнув при этом, словно пушечный выстрел, разорвав в клочья тишину мирно спавшей деревни.

Селим испугался, стремительно побросал в мешок все, что попадалось ему под руку, и собрался бежать. Он взвалил мешок на плечи и склонился над краем террасы. Он уже слышал крики проснувшихся жителей деревни, вопросы любопытных, которые не понимали пока, что произошло. Склоны

скалы осветились горящими осветительными палочками. Входы в пещеры стали похожи на открывшиеся глаза внезапно проснувшегося демона.

Быстро скатываясь вниз по неровной тропинке, он пытался производить как можно меньше шума, но предательские мелкие камни летели из-под ног с громким шорохом и стуком, ударяясь о поверхность скалы.

Кто-то направил на него луч света. Молодой человек, крадущийся по склону вниз, был обнаружен. Кто-то закричал. Раздался рев множества глоток. Мужчины, женщины и дети, протерев глаза и окончательно проснувшись, бросились ловить вора, громкими криками приказывая ему остановиться.

Селиму было негде спрятаться, а быстро бежать мешал тяжелый мешок.

Дзенсунни бежали за ним, спускаясь по приставным лестницам и по каменным, вырубленным в скале ступеням. Устрашенный, но одновременно и возбужденный, Селим рванулся вперед, увеличил скорость бега и первым достиг открытого песка. От тяжести мешка его ступни при каждом шаге глубоко увязали в мелком песке. Он начал спотыкаться, а за спиной уже совсем близко раздавались торжествующие крики преследователей. Он продолжал бежать, надеясь, что люди засомневаются, бежать ли за ним в пустыню. Все зависело от того, насколько их праведный гнев пересилит страх перед Шайтаном.

Внезапно Селима осенила блестящая идея. Замедлив свой бег, он порылся в мешке и вытащил оттуда украденный ультразвуковой молоток. Присев на склоне дюны, он настроил инструмент на максимальную мощность. Когда юноша скатился со склона, за его спиной раздался мощный взрыв, выбросивший в воздух тучи песка.

Жители деревни продолжали преследовать вора, громко крича проклятия и угрозы. Селим снова ускорил бег. Он падал и спотыкался, скользил в песке, но не выпускал из рук ультразвуковой молоток. Наконец он выбился из сил и остановился в распадке между двумя дюнами. Отдышавшись, он медленно поднялся на колени, потом выпрямился во весь рост и заковылял на следующую дюну.

— Приди, старый ползун! Я призываю тебя.

Он взял молоток так, как дзенсуннийские буддисламские священники берут священный гонг, созывая правоверных на проповедь. У следующей дюны он снова остановился и ударил по песку молотком, послав настойчивый сигнал зверю. Люди из деревни были уже близко, но он продолжал убегать от них все дальше и дальше в открытую пустыню. Преследователи начали колебаться, голосов за спиной Селима становилось все меньше и меньше.

Наконец Селим расслышал шелестящий звук, оповещавший о приближении гигантского песчаного червя. Преследователи тоже услышали этот зловещий звук и остановились в нерешительности. Все, как один, уставились на полосу вздымающегося песка на пути движения страшного животного, хорошо видимую в лунном свете. Постояв мгновение, люди бросились бежать к своему поселку так быстро, словно к их спинам приделали реактивные двигатели.

Смеясь и зная, что Буддаллах не выдаст его на поругание, Селим взобрался на гребень дюны и остановился там, глядя на убегающих жителей деревни. Червь приближался быстро, и, без сомнения, он бросится вдогонку за бегущими, так как они ритмично стучали по песку ногами, привлекая зверя к себе. Если Селим останется стоять неподвижно, зверь, конечно же, промчится мимо него.

Селиму очень не хотелось, чтобы зверь пожрал людей, которые гнались за ним только потому, что хотели отнять у него свою законную собственность. Он не хотел, чтобы они умирали из-за него. Это не могло входить в планы Буддаллаха в отличие от морального вызова.

Когда червь приблизился, Селим настроил молоток на минимальную энергию и начал ритмично постукивать по песку, приманивая червя: тук, тук, тук. Как и можно было ожидать, червь повернул к нему. Селим убрал молоток, достал нужное снаряжение и, пригнувшись, стал ждать.

Вдалеке, но лишь на половине дороги от своего селения, жители деревни остановились, чтобы удивленно посмотреть на Селима, чей силуэт отчетливо вырисовывался на фоне освещенного лунным светом неба. Селим стоял, ожидая приближения несущегося на него червя...

* * *

Взобравшись на зверя, Селим установил снаряжение, воткнул острую палку в плоть червя, закрепился веревками и порадовался, что он сохранил все свои трофеи и что никто не был убит. Он обернулся к пораженным изумлением людям, которые черными тенями выделялись на фоне светлого песка, освещенного луной. Они видели, как он оседлал страшного пустынного демона, а теперь, управляя им, удалялся на нем в пески.

— Как плату за украденное у вас имущество я оставляю вам историю, которую вы долго будете рассказывать у своих ночных костров! — закричал он людям. — Я — Селим, Укротитель Червей!

Он был слишком далеко, чтобы люди могли расслышать его слова, но Селиму не было до этого никакого дела. Пока настало время только разбрасывать семена, а не время раскрывать свое имя. Отныне люди будут рассказывать не бредовые романтические стихи и петь не жалобные меланхолические песни о блужданиях предков, отныне деревенские жители будут рассказывать сказку об одиноком муже, который держит в повиновении песчаных червей.

Легенда о Селиме станет распространяться и обрастать подробностями, как зеленеющее дерево, пускающее корни и побеги среди песка, где оно — по всем законам — не должно выжить, но выживает.

Мать и дитя: живучий, но совершенно мистический образ, придуманный человечеством.

Эразм. «Рассуждение о мыслящих биологических объектах»

Маленький Манион стал единственным светлым пятном в жизни попавшей в рабство Серены, огоньком, мерцающим в непроглядном мраке.

— Твой ребенок — это отвлекающее и отнимающее массу времени создание, — сказал Эразм. — Я не понимаю, почему он требует такого внимания.

Серена с нежностью смотрела в большие, широко раскрытые любопытные глазенки Маниона и с неохотой повернулась к роботу и взглянула в его зеркальную, ничего не выражающую маску.

— Завтра ему исполнится только три месяца. В этом возрасте он еще ничего не может сделать для себя сам. Он должен вырасти и всему научиться. За человеческими детьми надо ухаживать.

— Машины полностью готовы к работе, как только в них закладывают программу, — самодовольно заметил Эразм.

— Это многое объясняет. Для нас жизнь — это процесс постепенного развития. Без воспитания и без вскармливания мы не можем выжить, — сказала Серена. — Тебя никогда не воспитывали и не вскармливали. Думаю, что тебе следует подумать об улучшении условий, в которых воспитываются дети рабов в твоих бараках. Оказывай им больше внимания, поощряй их любопытство.

— Это еще одно твое предложение по улучшению всего и вся? Сколько еще этих разрушительных улучшений ты намерена мне предложить?

— Столько, сколько придет мне в голову. Должно быть, ты и сам заметил перемену в людях. Они сейчас кажутся бо-

лее живыми после того, как ты проявил по отношению к ним минимальное сочувствие.

— Это ты проявила сочувствие, а не я. И рабы знают это.

С этими словами мыслящий робот сложил свою текучую маску в знакомое озадаченное выражение.

— Твой ум — такое сплетение противоречий, что остается только удивляться, как к концу дня твой мозг не плавится от перегрузки, особенно с таким ребенком.

— Человеческий мозг намного более устойчив, чем ты можешь себе представить, Эразм.

Серена прижала малыша к груди. Каждый раз, когда робот заводил свою песню о несносности ребенка, она начинала бояться, что он отберет у нее Маниона. Она видела похожие на клетки ясли, переполненные орущими детьми из низших каст. Хотя она сумела добиться от Эразма существенного улучшения положения бессловесных рабов, она не могла даже представить себе, что ее сын будет воспитываться среди них. Сейчас Эразм стоял возле скульптурного изображения мечрыбы и наблюдал, как Серена играет с ребенком, греясь на жарком солнце. Мать и дитя плескались в искусственном бассейне, устроенном на высокой террасе, откуда открывался вид на покрытый белопенными волнами океан. Серена слушала рев прибоя и крики диких гусей, стая которых сейчас пролетала над ее головой.

Голенький Манион с радостным визгом плескался в мелком бассейне, неуклюже шлепая ручонками по воде. Робот предложил Серене тоже купаться обнаженной, но она предпочла надеть простой белый купальник.

Как обычно, Эразм внимательно смотрел на Серену и ее ребенка. Она же старалась не обращать на него внимания в те часы, которые были отпущены ей для пребывания с малышом. Она уже видела, насколько ее сын похож на Ксавьера. Но будет ли ее ребенок обладать свободой, сильным характером и решимостью до конца сражаться с мыслящими машинами?

Когда-то Серена мыслила исключительно глобальными политическими и военными категориями Лиги, но теперь ее интересы касались только безопасности ребенка. Теперь ее обуревали сугубо личные заботы, они были более конкретны

и менее грандиозны. Она с удвоенной энергией продолжала работать в саду робота, чтобы заслужить награду — больше времени посвящать Маниону — и избежать наказания.

Робот, должно быть, понял, что теперь Серена находится у него в руках целиком и полностью. Он по-прежнему получал удовольствие от словесных споров с Сереной, но она очень неохотно выражала ему благодарность и признательность за те мелкие поблажки, которые он оказывал ей. Она ни на минуту не переставала ненавидеть своего тюремщика, но не выказывала ненависть, так как понимала, что Эразм держит в руках тонкую нить ее судьбы и судьбы ее ребенка. Глядя на выступающий подбородок ребенка и четко очерченный упрямый рот, она подумала о Ксавьере и его самоотверженности по отношению к своему долгу. *Почему я не осталась с ним? Зачем мне надо было спасать Гьеди Первую? Почему я вообще не стала обыкновенной женщиной?*

Крики диких гусей стали громче, птицы как раз пролетали над крышами виллы. Им было абсолютно все равно, кто правит Землей — люди или мыслящие машины. Черно-белые куски гуано упали на дворик, некоторые попали на статую меч-рыбы, но Эразм не обратил на это внимания, для него это был естественный ход вещей, как он его понимал. Манион радостно засмеялся и начал гулить, увидев в небе летящих птиц. Даже в свои три месяца он был уже очень любопытен. Иногда он пытался стянуть с головы Серены берет или потрогать своими пухленькими пальчиками драгоценности, которые Серена носила по настоянию Эразма. Робот держал ее в своем доме как хозяйку виллы, как ее украшение, и поэтому так заботился о ее внешнем виде. Эразм подошел к бассейну и, наклонившись, принялся смотреть на голенького ребенка, который с радостным визгом плескался в нагретом солнцем бассейне. Мать крепко держала ребенка, чтобы он не захлебнулся.

— Я никогда не мог представить себе, какой хаос и беспорядок может устроить ребенок в нормальном тихом и спокойном доме. Я нахожу это в высшей степени... неупорядоченным.

— Люди преуспевают благодаря неупорядоченности и хаосу, — сказала Серена, стараясь говорить спокойно, хоть и ощутила в груди предательский холодок страха. — Именно эти

свойства природы позволяют нам проявлять новаторство, быть гибкими и в конечном счете выживать. — Она вышла из бассейна и завернула Маниона в мягкое белое полотенце. — Подумай о тех моментах, когда людям удавалось расстраивать хитроумные схемы Омниуса.

— Но тем не менее мыслящие машины покорили вас.

— Покорены ли мы, Эразм, в полном смысле этого слова? — Она вскинула брови. Эразм находил этот жест удивительно загадочным. — Многие планеты сохранили свою независимость от мыслящих машин. Если вы превосходите нас во всем, то почему так стремитесь имитировать нас?

Любознательный робот так и не понял сути эмоциональной связи между матерью и младенцем. Он больше всего был удивлен теми приятными изменениями, которые произошли в характере женщины. Эти изменения были очень заметны, несмотря на то что Серена старалась сохранить в общении с роботом твердость и независимость тона. Она стала другим человеком после рождения сына. Она никогда не служила ему с таким усердием, с каким ухаживает теперь за этим шумным, неопрятным и, главное, совершенно бесполезным младенцем. Хотя это исследование человеческих взаимоотношений предоставило в распоряжение Эразма интересные данные, он не мог в будущем допустить такого развала в своем домашнем хозяйстве. Ребенок нарушал эффективность его повседневных занятий, и, кроме того, ему было нужно персональное внимание Серены. Вместе они должны были делать одну очень важную работу. Из-за ребенка она теряла способность к сосредоточению. Когда Эразм смотрел на ребенка, его зеркальная маска складывалась в зверскую гримасу, которую он менял на добродушную улыбку, когда на него смотрела Серена.

Скоро он завершит эту фазу эксперимента. Надо подумать, как сделать это наилучшим образом.

Терпение — это оружие, которым с наибольшим успехом пользуется тот, кто хорошо знает свою цель.

Иблис Гинджо. «Выбор полного освобождения»

Восемь месяцев, находясь на грани нервного срыва, Иблис Гинджо работал в одиночку, принимая решения и на основании собственных представлений судя о степени возмущения рабов. Как доверенное лицо он пользовался определенными привилегиями, но в действительности он никогда воочию не видел, насколько ужасна жизнь порабощенных людей, глупо полагая, что его мизерные награды, подачки и похвалы делают их жизнь сносной. Как могли они терпеть такую жизнь на протяжении многих столетий?

Иблис был убежден, что существуют другие лидеры групп и борцы сопротивления. Когитор Экло и монах Аким обещали помочь, но Гинджо мог только гадать, какими ресурсами и рычагами они располагают. Однако, если не считать подозрительности Аякса и казни Охана Фреера, не было никаких признаков того, что мыслящие машины обеспокоены беспрецедентным восстанием, с которым им предстоит столкнуться.

Но скоро все изменится.

В течение многих недель, не привлекая к себе внимания, но неустанно, Иблис тайно беседовал со своими самыми преданными рабочими, вовлекая их в общество недовольных. Он исподволь готовил их к возможности восстания, и эти люди, невзирая на грозившую им страшную опасность, распространяли прокламации среди рабов. Иблис поклялся себе, что это восстание не станет очередной неудачной попыткой мятежа, какой стало восстание хретгиров.

За последние два месяца Иблису удалось почти удвоить свою секретную организацию, и это при том, что множество других людей стремилось примкнуть к ней. Он чувствовал,

что волна гнева нарастает. Для того чтобы стать участником сопротивления, кандидаты должны были пройти проверку и миновать многослойную систему отбора, рекомендованную монахом Акимом.

Сотни членов его организации были разделены на маленькие ячейки, в каждой из которых было не больше десяти членов. Это делалось для того, чтобы каждый член организации знал лишь небольшое число своих товарищей на случай провала. Как бы то ни было, среди рабов распространялись воззвания, разъяснялись цели движения, применялись меры предосторожности. Люди ждали этого момента тысячу лет.

Когитор Экло дал несколько эзотерическое объяснение экспоненциальному росту численности участников сопротивления, использовав для этого биологическую модель — деление клеток путем митоза. Когда численность ячейки увеличивается, она расширяется до некоторого предела и делится на две независимые ячейки, которые потом делятся тем же способом. Когда количество ячеек достигает некоторого уровня, разные группы сталкиваются между собой, сливаются и начинают черпать силы и средства друг у друга. По достижении группами критической массы они выбрасывают накопленную энергию, происходит то, что в биологии клеток называют электрохимическим разрядом...

Нет ничего невозможного.

Тем временем Иблис продолжал регулярно получать таинственные подстрекательские письма, причем в самые непредсказуемые и неподходящие моменты. В этих посланиях не содержалось никаких конкретных сведений ни о ячейках, ни об их целях. Если произойдет восстание, то при таком положении вещей оно грозило превратиться в плохо скоординированный бунт, который перед лицом отличной организованности мыслящих машин был обречен на неминуемую неудачу. С другой стороны, сама непредсказуемость человеческой натуры могла стать фактором решающего преимущества повстанцев.

Сейчас, после непрерывной трехдневной вахты на строительстве циклопического фриза «Победа титанов», Иблис возвращался домой. Вдруг он заметил старого раба, который попытался незаметно выскочить из бунгало Иблиса. Поспешив

внутрь, он обнаружил на кровати еще одно таинственное подметное письмо. Выскочив во двор, он догнал раба.

— Стой, я хочу поговорить с тобой!

Старик оцепенел, как кролик, всегда готовый к бегству, но неспособный ослушаться команды надсмотрщика. Иблис подбежал к нему, истекая потом.

— Говори, кто тебя послал?

Раб беспомощно покачал головой. Глаза его были странно неподвижны. Он открыл рот и пальцем показал на то место, где должен находиться язык. Языка не было.

Иблис не дал сбить себя с толку. Он достал блокнот, стер записи дневных работ и протянул блокнот рабу. Незнакомец пожал плечами, давая понять, что не умеет ни читать, ни писать. Скорчив гримасу отвращения, Иблис мысленно отметил, что, пожалуй, это самый лучший способ соблюдения конспирации. Он отпустил раба, шепнув ему на прощание:

— Продолжайте сопротивляться. Нет ничего невозможного.

Старик, едва ли что-то понявший, испустил вздох облегчения и поспешил прочь.

Иблис вернулся в бунгало и прочел краткое послание.

«Скоро мы объединимся. Ничто не остановит нас. Вы достигли больших успехов, но мы пока ничем не можем вам помочь». Металлический листок начал рассыпаться ржавчиной. Иблис едва успел дочитать последнюю фразу: «Выполняйте свой план и ждите сигнала».

Иблис поднял голову и посмотрел в окно. За монументом кимекам на западе садилось за горизонт желтое солнце. *Ждите сигнала.*

Иблис задумчиво прищурил глаза. Если кимеки или машины слишком рано раскроют заговор, он автоматически обречен на неудачу. Начальник строительной команды Иблис Гинджо ни в коем случае не считал себя героем. Он, конечно, боролся за свободу человечества, но часть его существа желала спокойной и безбедной жизни для своего собственного «я». Он должен воспользоваться преимуществом, какое дают ему умение внушать людям свое мнение и дар воодушевлять рабов на действия.

Рабов было легко воодушевить мечтами о свободе, но по зрелом размышлении они начинали бояться наказания со сто-

роны мыслящих машин. В такие моменты страха Иблис мог пристально посмотреть в глаза колеблющегося и тихим, но страстным голосом убедить его в конечном успехе их движения. Он держал своих людей под полным и неусыпным физическим и психологическим контролем. Умение руководить, дар лидерства никогда не изменяли ему, а недавно он открыл у себя гипнотические способности...

Команда Иблиса выдерживала тяжелый график работ по установке фриза «Победа титанов». Тщательно отобранные им самим люди работали под охраной всего лишь нескольких роботов и немногочисленных неокимеков, что позволило установить внутри фриза смертоносное оружие, как предлагал когитор Экло. Кроме того, Иблис установил такие же батареи в четырех других местах, охватив город по периметру. Даже независимый робот Эразм потребовал его рабочих для реконструкции своей виллы. Это открывало большие возможности перед организацией.

Стоя в бунгало, Иблис продолжал держать в руке металлический листок с посланием, поверхность листка почернела, скрыв буквы. Он швырнул листок в бак с мусором, предназначенным для утилизации. Машины очень эффективно утилизировали отходы, сокращая расходы производства.

Имея в своем распоряжении столь отрывочную информацию, ее несвязные куски, Иблис тем не менее поклялся сложить эти кусочки головоломки в цельную картину. Ядро его организации было готово подняться и смести гнет мыслящих машин. С каждым днем требовалось все больше усилий, чтобы направлять гнев людей в нужное русло.

Иблис не мог ждать вечно. Настанет момент, когда он ударит на свой страх и риск. Но при этом он все же надеялся, что скоро увидит обещанный сигнал.

Главная проблема нашей Вселенной заключается в способности управлять деторождением и скрытой в нем энергией. С помощью этой энергии можно подвигнуть людей на такие действия, совершить которые они не могли даже в самых смелых своих мечтах. Эта энергия — любовь, влечение — назовите ее как угодно, должна иметь выход. Но сосуд запечатан, и это очень опасно.

Иблис Гинджо. «Выбор полного освобождения»

В течение нескольких месяцев Эразм терпел беспорядок, который создавал в доме несносный ребенок, но когда Манионе исполнилось полгода, робот понял, что его исследования застопорились. Он хотел двигаться дальше в своих изысканиях, а это неуправляемое дитя мешало ему и путало все карты. Надо было что-то делать.

Приоритеты Серены резко изменились, все ее силы уходили на то, чтобы защитить ребенка. Она посвящала ему больше времени и внимания, чем Эразму. Это было неприемлемо. Такое никогда не должно повториться снова.

Она очень его интересовала, Робот дал ей намного большую свободу, чем остальным своим рабам и рабыням. Ребенок не давал ей ничего взамен, но она сходила с ума по поводу каждого вздоха и писка своего сына. Это было слишком неразумное вложение времени и жизненных ресурсов.

Эразм остановил ее, когда Серена шла с Манионом на руках по рядам между растениями. Вечно проявлявший неуемное любопытство малыш выражал дикий восторг при виде пестрых цветов. Серена ласково что-то говорила мальчику, пользуясь при этом какими-то глупыми словами и неестественно ласковыми интонациями. Материнство превратило умную и содержательную Серену в обезьяну.

Настанет день, когда Эразм оценит и поймет эти личностные человеческие черты. Он уже научился многим важным вещам, но ему хотелось работать быстрее.

На взгляд же самой Серены, робот стал вести себя еще более странно, чем обычно. Он преследовал ее, как бесформенная тень, думая, что она не замечает его. Его враждебная реакция на Маниона заставляла женщину испытывать тревогу и страх.

Малышу сравнялось шесть месяцев, и, как положено ребенку такого возраста, он научился неуклюже, но быстро ползать и так же, как все дети, попадал в неприятные и опасные положения, если за ним не следили. Еще Серена очень волновалась, когда малыш разбивал хрупкие предметы и устраивал шум и беспорядок в доме в то время, когда Серена занималась своими обязанностями, а за ребенком присматривали другие рабыни.

Эразму не было никакого дела до тех опасностей, которые подстерегали ребенка на каждом шагу. Более того, было уже несколько случаев, когда робот, пользуясь тем, что Серена занята, отнимал Маниона у рабынь и отпускал его ползать по вилле, наблюдая, сможет ли малыш выжить среди множества грозивших ему опасностей.

Всего лишь несколько дней назад она нашла своего сынишку на краю высокого балкона, откуда малыш с любопытством рассматривал плиты, которыми была выложена площадка перед фасадом главного дома. Схватив ребенка на руки, Серена набросилась на Эразма:

— Я, конечно, не ожидала, что робот станет заботиться о ребенке, но я не думала, что ты, кроме всего прочего, начисто лишен даже элементарного здравого смысла.

Эразма весьма позабавила эта вспышка ярости.

В другой раз она остановила Маниона, когда он подполз к закрытой двери лаборатории, где Эразм производил свои вивисекции, которые именовал опытами. Доступ в лабораторию был ей строго воспрещен, и робот предупредил ее, чтобы она не упорствовала в своем желании посмотреть, что он там делает. Хотя Серену мучила мысль о том, что за этими дверями робот подвергает неслыханным пыткам безответных, несчастных рабов, ради ребенка она не смела настаивать на своем.

Эразм проявлял большое любопытство к эмоциям Серены, но одновременно, как это ни странно, они вызывали у него неприкрытое отвращение. Она видела, как он примерял на свое зеркальное лицо различные маски, глядя на Маниона. Выражения менялись от отвращения и озадаченности до неприкрытой злобы.

Серена надеялась убедить Эразма в том, что он все еще не понимает сути человеческой природы и поэтому должен сохранить ей жизнь для того, чтобы получить так нужные ему ответы...

Сегодня Серена унесла мальчика в густые заросли папоротника. Идя с показной беспечностью, Серена приметила дверь в дальнем конце оранжереи и вспомнила, что этот вход с запирающейся дверью ведет в главное здание. Эразм, как всегда, следовал за ней, словно одержимый маньяк.

Продолжая свой путь и поглядывая на растения, она подчеркнуто демонстративно не обращала внимания на подсматривавшего за ней робота. Притворившись, что хочет свернуть на боковую тропинку, Серена рванулась вперед, вбежала в дверь и заперла ее за собой. Это отчаянное, кратковременное бегство от вечной слежки выведет хозяина из равновесия. Во всяком случае, она очень на это надеялась.

Пока она бежала по коридору, Манион громким криком выражал свое неудовольствие, пытаясь вырваться из объятий матери. Это она завлекла малыша в ловушку, это она нечестным путем приговорила его к вечному рабству. Ксавьер — к которому рвалась ее душа — никогда не увидит своего сына.

Она еще раз пожалела о своем безрассудном решении отправиться на Гьеди Первую. Переполненная идеями спасения человечества, поставив перед собой определенную цель, она тогда мыслила исключительно глобальными категориями благополучия населения, миллиардов людей. Она не думала о своих близких, об отце, о матери, о Ксавьере, о ребенке, который — чего она тогда не знала — уже зародился в ее чреве. Зачем она взвалила страдания человечества на свои собственные хрупкие плечи?

Ксавьер и маленький Манион вместе с ней платили страшную цену.

Перед ней, преграждая путь, возник Эразм, который вошел в дом через другой вход. Зеркальная маска на этот раз выражала недовольство.

— Зачем ты пытаешься бежать, хотя знаешь, что это невозможно? Такая игра не доставляет мне удовольствия.

— Я не пыталась бежать, — возразила Серена, стараясь прикрыть собой ребенка.

— Ты должна понять, что у твоих действий будут неприятные последствия.

Она слишком поздно заметила, что в руке Эразма что-то сверкнуло. Он навел на нее какой-то прибор и сказал:

— Настало время поменять параметры.

— Постой... — только и успела произнести Серена. Ослепительный луч ударил ей в глаза, и онемение поразило все ее тело. Она не могла больше стоять. Ноги ее подогнулись, словно превратившись в вату. Падая, она попыталась защитить Маниона, который дико закричал от страха, когда они с матерью рухнули на пол.

Теряя сознание, она не смогла помешать Эразму, который склонился над ней, чтобы взять из ее рук беспомощного ребенка.

В своем анатомическом театре Эразм внимательно рассматривал Серену. Ее обнаженная кожа была гладкой и белой. Она с поразительной быстротой полностью оправилась от тягостной беременности.

Пока Серена в беспамятстве лежала на твердом белом столе, Эразм выполнил тонкое хирургическое вмешательство. Для него это была уже рутинная операция, так как он уже много раз делал ее на рабынях за последние два месяца. Только три рабыни умерли после вмешательства.

Он не хотел нанести Серене вред, так как ощущал, что она может научить его еще многим вещам. Эта процедура послужит ее же собственному благу...

Придя в себя, Серена поняла, что лежит совершенно голая, но промокшая от пота на каком-то твердом ложе. Руки и ноги были привязаны к специальным подставкам, а в животе она ощущала жгучую боль.

Подняв голову, она убедилась в том, что лежит совершенно одна в какой-то заставленной странными приборами комнате. Где Манион? Глаза ее расширились от тревоги и страха. Она попыталась сесть, но в животе возникла острая боль. Скосив глаза вниз, Серена увидела свежий послеоперационный рубец. Края раны были аккуратно сварены электрокаутером.

В комнату с грохотом вошел Эразм, неся поднос с блестящими металлическими и кристаллическими предметами.

— Доброе утро, домашняя рабыня. Ты спала дольше, чем я ожидал. — Он поставил поднос и аккуратно освободил руки и ноги Серены. — Я только что вымыл хирургические инструменты.

Придя в неописуемую ярость, умирая от страха, она прикоснулась к рубцу на животе, пощупала окружающую шрам поверхность.

— Что ты мне сделал?

Робот ответил, сохраняя полнейшую безмятежность и спокойствие:

— Это была простая предосторожность, которая поможет решить нашу общую проблему. Я удалил твою матку. Тебе больше не придется отвлекаться от работы новым деторождением.

Жадность, злоба и невежество отравляют жизнь.

Земной когитор Экло.
«За пределами человеческого разума»

В течение нескольких месяцев после нападения мыслящих машин и кимеков на Россак Зуфа Ценва и ее колдуньи проводили время в подготовке замены и пополнения ввиду больших потерь, понесенных в бою. Пять колдуний были сожжены собственными ментальными импульсами.

Аврелий Венпорт хорошо проявил себя во время кризиса. Он сумел организовать и провести эвакуацию населения, защитить его от уничтожения в чаще джунглей, пока кимеки разрушали все, что попадалось им на глаза. Но Зуфа едва ли обратила внимание на этот подвиг Аврелия. Он сам все время сочувствовал ей по поводу того бремени, какое она взвалила на свои плечи, но главная колдунья почти не думала о своем возлюбленном. Так было всегда, и это начинало всерьез беспокоить Венпорта.

Зуфу вообще не интересовало, на что способны мужчины Россака. Несмотря на свои мощные телепатические способности, Зуфа никогда не понимала, что происходит в мире, который она с таким рвением защищала. Так же мало задумывалась она о том, как удается Венпорту поддерживать экономику Россака.

В течение многих лет группы химиков под руководством Венпорта изучали лекарственные и стимулирующие свойства растений, коры, соков и грибов, добываемых в джунглях. Военно-полевые хирурги и ученые медики на всех планетах Лиги целиком зависели от надежности поставок лекарств, произведенных в джунглях Россака.

Кроме того, Венпорту удалось заключить контракт на производство и продажу плавающих светильников, изобретенных

Нормой. Доходы от продаж пошли на восстановление поврежденных причальных орбитальных платформ, на ремонт разрушенных жилых пещер, а также на финансирование пребывания войск Лиги на планете.

Очевидно, Зуфа думала, что все это достается даром. За все приходилось платить Аврелию Венпорту.

В любое время он мог собрать свой капитал и улететь с ним на любую планету, где с таким богатством он мог жить, как король. Но он принадлежал Россаку и сознавал это. Несмотря на то что главная колдунья относилась к нему с недостаточным теплом и вниманием, он все равно продолжал любить ее.

Венпорт мысленно улыбался, поднимаясь на лифте к качающейся полимерной платформе листвы джунглей. На эту поверхность могли приземляться маленькие корабли, в то время как грузовые суда могли причаливать только к орбитальным поврежденным платформам, выгружая по одной упаковочной клети за один раз. В самих джунглях молодые буйные побеги деревьев и трав уже начали закрывать сожженные участки, образовавшиеся после набега на планету мстительных кимеков. Природа сама нашла способ собственного исцеления.

Подняв глаза к туманному небу, он поискал взглядом челнок, который должен был прибыть в это время. Гость оказался на удивление точным. Венпорт смотрел, как на платформу приземляется маленький частный корабль торговца органами по имени Тук Кеедайр. Этот человек, как поговаривали, совершал также набеги на несоюзные планеты, где похищал рабов. Кеедайр также продавал органы, которые, как сообщали, выращивались в особых чанах на засекреченных предприятиях Тлулакса.

Будучи сам коммерсантом, Венпорт никогда не считал работорговлю выгодным и надежным занятием. Только несколько планет Лиги практиковали у себя рабство, но в отношениях с заказчиками и клиентами Кеедайр пользовался хорошей репутацией. Очень странно, что этот человек сегодня решил обратиться в нему, Аврелию Венпорту, с каким-то предложением. Видимо, Кеедайр занялся чем-то другим, оставив работорговлю. Охваченный любопытством Аврелий дал согласие на встречу.

Из приземлившегося маленького тлулаксианского судна вышел Тук Кеедайр. Торговец человеческой плотью остановился в ожидании, уперши руки в бедра. Он был одет в ярко-синюю рубашку, заправленную в черные брюки. Темная коса, изрядно побитая серебристой сединой, словно почетная эмблема, падала на плечо.

Венпорт приветственным жестом вытянул вперед руку. Для такого случая он надел официальный камзол, перепоясанный на талии, и ботинки, сшитые из желтовато-черной кожи древесной змеи. Кеедайр вскинул вверх свою мозолитую руку, взаимно приветствуя Венпорта.

Торговец плотью заговорил первым:

— Я привез показать вам кое-какие образцы и идеи, от которых у вас потекут слюнки.

— Вы, кроме того, привезли с собой репутацию прозорливого и удачливого бизнесмена, Тук Кеедайр. Расскажите мне о ваших идеях.

Пока колдуньи занимались своими вечными военными приготовлениями, Венпорт отвел гостя в официальную приемную. Здесь, когда мужчины остались одни, им, соблюдая заведенный ритуал встречи, подали чай, заваренный на ароматных травах джунглей.

Наконец Кеедайр извлек упаковку коричневатого порошка и протянул его Венпорту.

— Девять месяцев назад я нашел это на Арракисе.

Венпорт понюхал порошок, а потом, по настоянию гостя, попробовал на язык это мощное, немного раздражающее слизистую, вещество.

Венпорт едва ли слышал, что говорил ему Кеедайр, сосредоточившись на том замечательном ощущении, которое потребовало полного к себе внимания. Аврелий был знаком со множеством биологических стимуляторов и веществ, изменяющих настроение и поведение, каких было достаточно в россакских джунглях. Но он не мог даже представить себе, что в природе может существовать *это*.

Казалось, меланжа проникала в каждую клетку организма, напитывала энергией мозг, но при этом в отличие от других стимуляторов не возникало искажения восприятия действительности. Это было удовольствие, но не только. Это было

нечто гораздо большее. Он выпрямился, чувствуя, что вещество одновременно возбуждает и успокаивает, управляет им, но не вызывает рабской привязанности. Это был настоящий парадокс. Он чувствовал, что его ум никогда не отличался такой остротой, как сейчас. Казалось, он мог даже со всей ясностью заглянуть в будущее.

— Мне очень нравится это вещество, — со вздохом удовлетворения произнес Венпорт и положил на язык еще щепотку коричневатого порошка. — Вероятно, я сам стану вашим самым надежным заказчиком.

Он уже прикидывал, как организовать широкую продажу порошка на планетах Лиги, хотя за всем этим явно скрывались куда большие возможности и перспективы.

Будущие партнеры пришли к соглашению, обсудив все интересовавшие их детали, и ударили по рукам. Потом они налили себе еще по стакану россакского чая, добавив туда на этот раз добрую толику меланжи.

Аврелий Венпорт согласился отправиться с торговцем плотью на самый дальний конец известной Вселенной, к планете, куда можно было добраться только кружными путями, так как Арракис, а речь шла именно о нем, находился в стороне от всех торговых путей и был самым отдаленным из всех отдаленных миров. Но россакский коммерсант хотел лично осмотреть источник меланжи, чтобы понять, как можно превратить добычу пряности в прибыльное предприятие.

Может быть, тогда Зуфа наконец обратит на него свое благосклонное внимание.

Большинство традиционных правительств разделяют народы, натравливая одних людей на других. Этим они ослабляют общество и делают его управляемым.

Тлалок. «Слабость империи»

К Поритрину двигалась величественная кавалькада боевых кораблей Лиги. В составе группы были баллистические ракеты и штурмовики. На мостике флагманского корабля находился гордый и несгибаемый сегундо Ксавьер Харконнен, одетый в парадную форму, и внимательно рассматривал мирную планету.

Лорд Бладд, желая сделать Лиге экстравагантный подарок, решил за свой счет оснастить военные корабли Армады новыми защитными полями Тио Хольцмана. В космопорту Старды были сооружены временные причалы для многочисленных боевых судов. Все коммерческие, частные и торговые суда были убраны, чтобы освободить место для импровизированной военной базы и ремонтных мастерских. На работы были пригнаны команды рабов, снятые с других объектов.

Ксавьер не был полностью убежден в том, что следует слепо доверять новой непроверенной технологии, но, с другой стороны, баланс сил надо было значительно изменить, чтобы человечество смогло отвоевать Синхронизированный Мир. Для этого пришлось идти на риск.

Огромные боевые корабли баллистического класса начали снижаться, пробивая атмосферу Поритрина. Кроме вооружения, каждый корабль нес тысячу пятьсот членов экипажа, двадцать войсковых транспортных судов, пятнадцать больших грузовых челноков для перевозки военного имущества и снаряжения, пятьдесят патрульных судов и две сотни «Кинжалов» для наступательных действий местного значения в космосе и атмосфере. Такие исполинские суда редко приземля-

лись на поверхность планеты, но сейчас надо было сделать исключение, и корабли начали садиться, сверкая на солнце своими величественными корпусами.

После баллистических кораблей начали спуск штурмовики, имевшие меньшие размеры, но несшие более мощное вооружение, предназначенное для быстрых и решительных действий.

Толпы поритринской знати и простонародья приветливо махали руками, свистели и издавали восторженные крики, стоя отдельно от рабов. Этим приветствиям вторили низкие звуки корабельных сигналов с барж, плывших по реке Исане. Для того чтобы придать большую пышность церемонии встречи, эскадрильи «Кинжалов» и патрульных судов вылетели навстречу боевым кораблям Армады и, как осы, начали виться вокруг них.

После того как приземлился флагманский корабль, из него вышел Ксавьер, приветствуемый восторженным ревом публики. За спиной Харконнена высилась громада баллистического корабля, покрытого защитным маслом, предохранявшим корпус судна от суровых условий космоса. Стоя перед огромной толпой на фоне исполинского корабля, Ксавьер ощущал себя мелкой песчинкой. Но все эти люди зависели от него лично, и он должен был приступать к своей работе. После короткой паузы, сориентировавшись на поле, Ксавьер двинулся вперед, сопровождаемый своими офицерами и штабом, за которыми в безупречном строю следовали солдаты экипажа. Он хорошо их подготовил.

Навстречу Ксавьеру вышел лорд Нико Бладд в сопровождении своих первых советников и одиннадцати драгунских офицеров. Эксцентричный аристократ размахивал своей шапкой и, подойдя к Харконнену, хлопнул его по ладони в традиционном приветствии Лиги.

— Добро пожаловать на Поритрин, сегундо Харконнен. Хотя мы надеемся в кратчайший срок завершить все необходимые работы, все же наш народ будет спокойно спать ночами, пока вы здесь, зная, что под вашей защитой ему ничто не может угрожать.

Позже лорд Бладд устроил пышный банкет по случаю прибытия столь высоких и желанных гостей. Ксавьер передал командование своим старшим офицерам. Его подчиненные

наблюдали за ходом работ, за организацией рабочих команд и документировали установку генераторов полей Хольцмана. Чтобы соблюсти предосторожности, сегундо приказал сначала установить генераторы на эскадрилью патрульных судов, чтобы можно было увидеть поля в действии и испытать их эффективность.

После проведения этих испытаний поритринские механики отрегулируют системы и установят генераторы для защиты уязвимых мест штурмовиков, а уже потом и баллистических флотских кораблей. Если поля покажут свою эффективность во время испытаний в условиях, максимально приближенных к боевым, то Ксавьер прикажет оснастить таким усовершенствованием остальные корабли Армады, которые для этого прибудут на Поритрин. Командир не хотел выводить из строя сразу весь состав боевых кораблей, а кроме того, стремился избежать утечки информации — шпионы-роботы Омниуса могли заметить, что происходит в Армаде Лиги.

Большинство боевых кораблей всемирного разума были оснащены баллистическими орудиями, программируемыми бомбами и ракетами с самонаведением, которые преследовали цель до столкновения с ней. Так как снаряды A1 не снижали скорости перед ударом, то защита полем Хольцмана обещала быть абсолютно надежной.

На сверхсекретном совещании Ксавьер узнал и о главном и существенном недостатке поля — о его катастрофическом взаимодействии с лучом лазера. Однако поскольку это оружие практически не применялось в боевых действиях ввиду своей неспособности причинять массивные разрушения, то Ксавьер решил, что риск вполне приемлем. При условии, конечно, что этот секрет удастся утаить от Омниуса...

В конической башне резиденции лорда Бладда гости слушали народные гимны и баллады, которые исполнялись по случаю почти забытого навахристанского праздника, который до сих пор кое-где отмечали на Поритрине. Ксавьер не был голоден, к тому же он почти не ощущал ни вкуса, ни аромата блюд и напитков. Он выпил пару рюмок рома, но больше не притронулся и к алкоголю. Он не желал повышать порог реакции и увеличивать время рефлекса. *Постоянная готовность — прежде всего.*

Пока продолжалось празднество, Ксавьер смотрел в окно на раскинувшийся внизу космопорт, залитый желтым и белым искусственным светом, при котором рабы устанавливали новое оборудование на корабли круглосуточно. Он не жаловал рабский труд, особенно после того, как Серена столь пылко выступила против рабства, но таковы были поритринские порядки, в которые не стоило вмешиваться.

Ксавьер предпочел бы сейчас быть дома, с Октой. Они были женаты уже около года, и скоро у них должен был родиться первый ребенок. Но долг повелевал ему находиться сейчас здесь. Смирившись с новым заданием, он поднял бокал и присоединился к очередному тосту лорда Бладда, в котором тот снова хвалил самого себя.

В сопровождении своего адъютанта Джеймиса Паудера Ксавьер шел вдоль выстроенных на летном поле «Кинжалов». На машины устанавливали новенькие генераторы, силовое питание которых осуществлялось от двигателей. Расправив плечи, выпрямив спину, Ксавьер вникал во все детали, блистая отлично пригнанной и безупречно отутюженной формой. Он все проверял сам. Никогда больше не сделает он такой ошибки, какую допустил когда-то на Гьеди Первой.

Посмотрев на реку, он увидел пассажирские и грузовые баржи, плывущие вниз по течению с севера. Частная и деловая жизнь на Поритрине шла свои чередом, конфликт с мыслящими машинами казался чем-то далеким и нереальным. Но Ксавьер никогда не будет чувствовать покоя. Хотя он и был счастлив с Октой, это была не та жизнь, которую он планировал для себя. Мыслящие машины убили Серену. Пока продолжалась борьба за свободу, он воспринимал ее как свое личное дело.

Сонные рабы под охраной надсмотрщиков работали с ленцой, делая только тот минимум, который позволял избежать наказания, и не выказывая никакого энтузиазма по отношению к работе, не важно, что она выполнялась на благо человечества, включая и их самих.

Хотя Ксавьер не принимал рабства, он все же покачал головой, выражая свое неудовольствие и гнев по поводу потаенного желания рабов испортить работу.

— Решение лорда Бладда привлечь к столь важной работе этих людей не внушает особого доверия.

Кварто Паудер внимательно присмотрелся к рабам.

— Здесь это обычная практика, сэр.

Ксавьер поджал губы. Лига Благородных позволяла каждому правителю и каждому народу жить на своих планетах по своим законам и обычаям.

— Однако я не верю, что подневольный человек может наилучшим образом выполнить какую бы то ни было работу. Мне не нужны ошибки, Джеймис. От них зависит судьба всего флота.

Он скользнул взглядом по рабочим командам, выискивая погрешности и недоумевая, как можно поручать рабам столь деликатную и тонкую работу. Один из рабов, сильный чернобородый человек, в глазах которого можно было прочесть любое выражение, кроме благодушного довольства, быстро провел мимо несколько рабов, которым он отдавал какие-то команды на незнакомом Ксавьеру языке.

Нахмурившись, Ксавьер проходил мимо рабочих. Он осмотрел площадку, взглянул на блестевшие на солнце корпуса «Кинжалов». В этот миг у него сработал военный инстинкт опасности, от чего мурашки побежали по коже под безупречным хрустящим мундиром.

Повинуясь этому импульсу, он слегка постучал по корпусу патрульной машины. Из судна вылезли два перемазанных машинным маслом раба, закончивших установку поля, и направились к следующей в ряду машине, избегая смотреть в глаза Ксавьеру.

Сделав четыре шага от патрульного корабля, он резко повернулся, приняв новое решение.

— Кварто, я думаю, что нам надо немедленно проверить один из этих «Кинжалов».

Не теряя времени, он забрался в фонарь кабины. Умело и сноровисто проверил панель управления, отметил поставленные новые элементы силовой установки и проекторы, запускающие излучение полей Хольцмана. Включил индикаторы, включил двигатель, дождался увеличения оборотов и запустил генератор поля.

Адъютант сделал шаг назад. Паудер заслонил глаза от свечения, появившегося в воздухе вокруг «Кинжала».

— Выглядит неплохо, сэр!

Ксавьер увеличил обороты двигателя и приготовился к взлету. Выхлопные газы, отброшенные полем, заклубились возле дюз, медленно просачиваясь сквозь защитное поле. Корпус корабля гудел и вибрировал. Присмотревшись к панели управления, Ксавьер озабоченно наморщил лоб.

Но как только Ксавьер попытался поднять машину в воздух, из генератора посыпались искры и повалил дым. Двигатель самостоятельно сбросил обороты и заглох. Ксавьер одним хлопком выключил и обесточил все системы, пока короткое замыкание не уничтожило всю электрику корабля.

Он выбрался из кабины с красным от гнева лицом.

— Немедленно вызовите сюда руководителя работ! И дайте знать лорду Бладду, что я желаю говорить с ним.

Рабы, устанавливавшие генератор защитного поля на проверенный Ксавьером «Кинжал», исчезли, словно сквозь землю провалились, и, несмотря на яростные требования сегундо, их так и не смогли найти. Никто из рабов, выстроенных на площади перед Харконненом, не признался в ошибке. Считая рабов взаимозаменяемым материалом, надсмотрщики проявили крайнюю беспечность, не записав, кто именно отвечал за установку генераторов на конкретных кораблях.

Бладд сначала пришел в ярость, а потом начал извиняться, смущенно теребя свою курчавую бороду.

— У меня нет слов и нет никаких извинений тому, что произошло, сегундо. Тем не менее мы отыщем нерадивых работников и сменим их.

Ксавьер почти все время молчал, ожидая результатов проверки, которую производила в это время команда особо отобранных специалистов. Наконец кварто вернулся в сопровождении драгунских гвардейцев. Кварто Паудер принес с собой стопку протоколов проведенных испытаний.

— Мы завершили тотальную проверку качества работы, сегундо. Из проверенных нами пяти кораблей на одном генераторы неисправны.

— Преступная небрежность или халатность! — возмутился Бладд, губы его дергались, лицо побагровело. — Мы заставим их все отремонтировать. Мои глубочайшие извинения, сегундо...

Ксавьер взглянул аристократу в глаза.

— Двадцатипроцентный брак — это не свидетельство некомпетентности, лорд Бладд. Либо ваши невольники — предатели, на службе у наших врагов, либо они просто сердиты на вас, как на своих хозяев. Ни в том, ни в другом случае это не может быть терпимым. Если мой флот пойдет в бой с такими кораблями, то его неминуемо ждет полное уничтожение.

Он обернулся к адъютанту.

— Кварто Паудер, мы погрузим все генераторы на борт штурмовиков и отправим их в ближайший док Армады.

Он отвесил официальный поклон смущенному аристократу.

— Благодарим вас, лорд Бладд, за ваши добрые намерения. Но при сложившихся обстоятельствах я предпочитаю, чтобы установку и испытания провел личный состав военной базы.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Я прослежу за погрузкой, сэр.

Паудер поспешно покинул помещение, протиснувшись между драгунскими офицерами.

Бладд выглядел смущенным и растерянным, но ему нечего было возразить рассерженному командиру Армады.

— Я все понимаю, сегундо, и позабочусь о том, чтобы все виновные рабы были строго наказаны.

Недовольный Харконнен отклонил приглашение лорда остаться на ужин. Словно для того, чтобы подсластить горькую пилюлю, Бладд прислал на флагманский корабль командующему дюжину ящиков поритринского рома. Возможно, они с Октой отпразднуют с этим напитком его возвращение домой. Или дождутся рождения первенца.

Ксавьер покинул роскошные апартаменты лорда Бладда, обменявшись с ним на прощание теплыми, но довольно неловкими любезностями. Офицер отправился на свой флагман, от души радуясь, что наконец-то улетает с этой не слишком приятной планеты.

Жизнь — это сумма сил, противостоящих смерти.

Серена Батлер

Серена подверглась неслыханному насилию, из нее вырвали кусок плоти, оставив навечно с ощущением пустоты в душе. Совершив эту мерзость, Эразм поставил Серену на грань отчаяния, лишив ее упрямой надежды, служившей ей спасительным якорем.

Когда на заре своей юности Серена стремилась попасть в парламент Лиги, ею двигало желание трудиться на благо всего человечества. Она, не жалея ни времени, ни сил, ни энтузиазма, посвятила себя этому великому делу и ни на одну минуту не пожалела об этом. Когда отец привел ее к присяге представителя Лиги, ей было всего девятнадцать лет. Перед ней открывалось блестящее будущее.

Молодой, смелый и отчаянный Ксавьер Харконнен сумел растопить ее сердце, вместе они хотели создать большую счастливую семью. Они строили свадебные планы, говорили о своем совместном будущем. Даже будучи пленницей Эразма, она мечтала о побеге и о нормальной жизни с Ксавьером.

Но проклятый бессердечный робот просто ради собственного комфорта стерилизовал ее, как животное, отняв у нее надежду когда-либо снова родить детей. Теперь, когда она видела эту бездушную машину, ей хотелось кричать на него, выть от отчаяния. Более всего ей недоставало компании образованных людей, которые могли бы помочь ей пережить трудное время, пусть даже это был бы заблудший во тьме Вориан Атрейдес. Несмотря на свое искреннее, как он говорил, желание понять человеческое поведение, он был бы абсолютно не способен понять, почему Серена так переживает по поводу не слишком обширного хирургического вмешательства.

Ярость и сердечная боль выжгли ее ум, который был так нужен для того, чтобы ублажать Эразма. Она не могла демонстрировать энтузиазм по поводу всяких эзотерических предметах, жизнерадостно обсуждать которые Эразм был великий охотник. Как следствие, робот испытывал по отношению к Серене все большее разочарование.

Хуже того, Серена перестала это замечать.

Маленькому Маниону исполнилось одиннадцать месяцев, он стал единственной отрадой и единственной путеводной нитью Серены, болезненным напоминанием о том, что она утратила как в прошлом, так и в будущем. Теперь он научился ходить. Это был сгусток неуемной энергии. Своими неуклюжими шажками он стремился обследовать все уголки виллы.

Другие рабы старались помочь ей, видя, какую боль она испытывает, и зная, сколько усилий она приложила, чтобы облегчить им жизнь и условия. Но Серена не хотела от них ничего взамен. Она едва держала себя в руках, находясь постоянно на грани срыва. Несмотря на то что Эразм причинил ей вред, он сохранил те улучшения, которые ввел для своих рабов по ее настоянию.

Серена продолжала работать в саду и на кухне, приглядывая за Манионом, который играл с утварью и садовыми инструментами. Зная о ее особых отношениях с Эразмом, другие домашние рабы с любопытством, смешанным с невольным уважением, смотрели на Серену и гадали, что она будет делать дальше. Повара и их помощники любили мальчика, их забавляли попытки малыша, запинаясь, произносить первые слова.

Маниона отличала ненасытная жажда рассмотреть и потрогать все, что попадалось ему на глаза — от цветов и растений и экзотических рыб в аквариумах до перышка, которое он как-то раз нашел возле площади. Все эти предметы он жадно разглядывал своими ясными и живыми синими глазками.

В Серене крепла решимость либо бежать от Эразма, либо причинить ему какой-нибудь вред. Для того чтобы это сделать, надо было узнать как можно больше о независимом роботе, понять логику его поступков. Ключом к решению этой проблемы были те события, которые происходили за запер-

той дверью зловещей лаборатории. Он запретил ей входить в это помещение, чтобы она не «мешала» проведению его опытов. Кроме того, он приказал другим рабам ничего не говорить ей о происходившем в лаборатории. Чего боялся робот? Должно быть, эти лаборатории были очень важны для него.

Надо обязательно проникнуть туда.

Возможность представилась сама, после того как Серена поговорила с двумя кухонными рабами, которые носили пищу подопытным людям в лабораторный блок. Эразм требовал для них калорийной и полноценной пищи, чтобы его жертвы могли как можно дольше переживать творимые над ними эксперименты. Правда, он ограничивал объем пищи, чтобы избежать «беспорядка», когда он причинял испытуемым слишком сильную боль.

Кухонный персонал принимал как должное опыты Эразма, радуясь тому, что робот выбрал не их в свои подопытные кролики. Правда, никто не мог поручиться, что этого не произойдет завтра.

— Что значит жизнь раба? — с горечью вопрошала одна из работавших на кухне женщин, Амия Йо. Это была та самая рабыня, которая коснулась рукава Серены во время доброго деяния Эразма, когда он устроил для рабов пир. С тех пор Серена внимательно наблюдала за этой доброй женщиной.

— Жизнь каждого человека имеет ценность, — возразила Серена, глядя на маленького Маниона, — пусть даже в мечтах. Мне надо увидеть эту лабораторию своими собственными глазами.

Она открыла Амие свой дерзкий план, перейдя на конспиративный шепот.

Неохотно, но, не желая терять лицо, Амия Йо согласилась помочь:

— Я делаю это только ради тебя, Серена Батлер.

Так как обе женщины были приблизительно одинакового роста и телосложения, Серена одолжила у Амии ее белую блузку и передник и покрыла голову темным платком. Она надеялась, что наблюдательные камеры не заметят небольшой разницы.

Оставив Маниона на попечение кухонной прислуги, Серена пошла вслед за стройной темнокожей рабыней. Они везли с

собой тележку с едой через ворота и прошли в помещения во флигеле, где Серена еще никогда не бывала. В стерильном коридоре пахло химикатами, лекарствами и рвотными массами. Сердце Серены сжалось. Что все это могло значить?

Сердце ее стучало, на лбу выступил пот, но она пересилила себя и пошла дальше.

Ее спутница явно нервничала, глаза ее бегали по сторонам, когда они проходили через закодированное ограждение. Вместе женщины вошли во внутреннее помещение. В комнате стояла густая влажная вонь, в которой было почти невозможно дышать. В комнате не было никого, никаких признаков жизни. Серена едва удержалась на ногах.

К такому она не была готова.

Части человеческого тела ужасными кучами лежали на столе, в чанах, валялись на полу, как игрушки, разбросанные в разные стороны ребенком, которому наскучило в них играть. Пятна разбрызганной крови виднелись на стенах и потолке, словно Эразм занимался здесь извращенной абстрактной живописью. Вся кровь была свежей, части человеческой плоти — теплыми. Похоже, что эта бойня закончилась не больше часа назад. Потрясенная Серена не испытывала ничего, кроме отвращения и неукротимой ярости. Зачем робот сделал это? Чтобы удовлетворить свое дьявольское любопытство? Нашел ли он ответы на свои вопросы? И какой ценой?

— Идем в следующую комнату, — сказала темнокожая рабыня дрожащим голосом, стараясь не смотреть на весь этот кровавый ужас. — Здесь некого больше кормить.

Серена, шатаясь, пошла вслед за своей спутницей, которая втолкнула тележку в расположенное рядом помещение, где истощенные узники сидели в отдельных клетках. Почему-то эти живые, еще не убитые люди вызвали у Серены еще больший ужас. Ее чуть было не вырвало.

Она давно, с самого начала, лелеяла надежду бежать из рабства, бежать с Земли. Теперь, увидев этот ужас, она поняла, что отсюда мало бежать. Эразма надо остановить, его надо уничтожить, разрушить, и не только ради себя, но и ради всех его настоящих и будущих жертв.

Но Серена сама попала в ловушку, которую подстроил ей робот.

Используя потайные следящие устройства, он с самого начала следил за Сереной и знал, куда она направилась. Много дней он ждал, когда же она наконец нарушит запрет и проникнет в лабораторию, несмотря на его недвусмысленное распоряжение. Это было искушение, перед которым она не могла долго устоять.

Он все же хорошо познал некоторые аспекты человеческой природы. Даже, пожалуй, очень хорошо.

Теперь, когда Серена и ее спутница накормили подопытных рабов и поспешили назад, на безопасную виллу, она вернется на кухню, где оставила своего ребенка. Эразм уже знал, как лучше всего показать Серене ее истинное место.

Настало время изменений. Время добавить немного стресса в экспериментальную систему и понаблюдать, как изменится после этого поведение объекта. Он знал самое уязвимое место Серены.

Приготовившись разыграть драму собственного сочинения, Эразм придал своей зеркальной маске непроницаемое выражение, то есть стер с нее всякое человеческое выражение, оставив на ее месте плоское пустое зеркало. Он прошел по коридору, грохотом шагов возвестив о своем приближении. До того как Серена успела вернуться к сыну, робот уже нашел Амию Йо, которая играла на кухонном полу с сыном Серены Батлер.

Хозяин дома не сказал ни слова, войдя в помещение. Испуганная его внезапным появлением, Амия во все глаза уставилась на зловещего робота. Игравший рядом маленький Манион, увидев знакомую зеркальную маску, весело засмеялся.

Реакция ребенка заставила робота остановиться, но не надолго. Быстрым движением руки он сломал Амие шею и схватил маленького ползунка. Манион закричал от боли и страха и начал вырываться.

Когда Эразм поднял высоко в воздух извивающегося малыша, в кухню ворвалась Серена. Лицо ее было искажено ужасом.

— Отпусти его!

Эразм небрежно оттолкнул в сторону Серену, и она упала, споткнувшись о тело убитой роботом женщины. Не огля-

дываясь, робот быстро вышел из кухни и начал подниматься по лестнице на верхний этаж виллы, направляясь на балкон. Манион, плача и крича, бился в его руке, как пойманная рыба.

Серена вскочила на ноги и бросилась за роботом, умоляя Эразма не причинять вреда ее сыну.

— Накажи меня, если ты должен это сделать, но не его!

Он повернул к ней свою пустую маску.

— Разве я не могу сделать и то и другое одновременно?

С этими словами он поднялся на третий этаж.

На площадке четвертого этажа Серена попыталась схватить робота за ногу сквозь украшенную узором ткань. Он никогда не видел ее в таком отчаянии и пожалел, что не может задействовать диагностические зонды, чтобы услышать ее бешеное сердцебиение и уловить специфические маркеры паники в ее поте. Маленький Манион отчаянно сучил ручками и ножками.

Серена ухватилась за пальчики сына и подержала их в своей руке одно краткое мгновение. Потом Эразм отшвырнул ее грубым пинком в живот, и она упала вниз, пролетев половину лестничного марша.

Шатаясь, она снова встала, не обращая внимания на боль и кровоподтеки, снова кинулась вдогонку за роботом. Интересно, что это — признак замечательной выносливости или самоубийственного упрямства? Из того, что он успел узнать о Серене Батлер, робот заключил, что здесь понемногу от того и другого.

Дойдя до самого верхнего уровня, Эразм пересек широкий балкон, выходивший на выложенную каменными плитами площадь четырьмя этажами ниже. На балконе стоял робот-охранник, надзиравший за работой бригады рабов, устанавливавших новые фонтаны на площади и недавно заказанные статуи в ниши. В неподвижном воздухе были хорошо слышны звуки работающих инструментов и голоса рабочих. Робот-охранник обернулся, чтобы посмотреть, откуда донесся новый громкий звук.

— Стой! — закричала Серена таким громким голосом, что вспомнила ту, прежнюю, непокорную Серену. — Довольно, Эразм! Ты выиграл, ты победил! Скажи мне, что ты хочешь, я сделаю все!

Робот остановился, облокотился на перила и, схватив малыша за левую лодыжку, вытянул руку с мальчиком над пропастью. Серена дико закричала.

Эразм отдал краткое приказание охраннику:

— Сделай так, чтобы она не мешала мне.

Он потряс мальчика головой вниз над каменными плитами, как кот, играющий с пойманной им беспомощной мышкой.

Серена бросилась к нему, но робот-охранник загородил ей путь. Она бросилась на него с такой силой, что он пошатнулся и ударился о перила, но быстро оправился и схватил Серену за руку.

Далеко внизу люди побросали работу и показывали пальцами на то, что происходило на балконе. По команде рабов прошелестел вздох ужаса. Потом наступила гробовая тишина.

— Не надо! — словно в бреду, кричала Серена, лихорадочно стараясь вырваться из железной хватки робота. — Пожалуйста!

— Я должен продолжать свою важную работу. Этот ребенок является фактором помехи.

Держа малыша своей длинной рукой, Эразм снова поболтал им в воздухе над площадью. Ветер шевелил складки накидки робота. Манион извивался, бился и громко звал маму.

Серена взглянула в непроницаемое нечеловеческое зеркальное лицо, но не уловила на нем не только сочувствия, но даже простой озабоченности. *Мое драгоценное дитя!*

— Нет! Пожалуйста, нет! Я сделаю все...

Внизу, раскрыв рты, застыли рабочие, не в силах поверить в то, что они видели.

— Серена, твое имя происходит от слова «безмятежность». — Эразм повысил голос, чтобы перекричать ребенка. — Я уверен, что ты все понимаешь, не так ли?

Она снова попыталась вырваться из хватки охранника, и ей почти удалось это, и она рванулась вперед, чтобы схватить своего сына.

Эразм резко разжал пальцы, освободив лодыжку мальчика, и Манион с огромной высоты полетел вниз, прямо на камни площади.

— Вот так, а теперь мы можем снова заниматься важными делами.

Серена взвыла так, что не было слышно, как мгновение спустя ребенок ударился о каменные плиты.

Не обращая ни малейшего внимания на грозившую ей самой опасность, вне себя от горя, она, разрывая себе кожу, кинулась на охранника и изо всех сил толкнула его на перила высокого балкона. Робот оправился и снова пошел на Серену, и она снова толкнула его, на этот раз сильнее. Робот ударился о низкие перила, проломил их и упал вниз.

Не обратив внимания на упавшую с балкона машину, Серена пошла на Эразма. Она бросилась на него с кулаками, она пыталась укусить его зеркальное лицо, расцарапать его, но лишь ободрала свои пальцы и сломала ногти. В своей ярости она порвала накидку робота. Потом схватила терракотовую вазу с балкона и с силой опустила ее на голову Эразма.

— Перестань вести себя как животное, — сказал Эразм. Небрежным ударом он отшвырнул женщину в сторону. Серена, рыдая и заламывая руки, повалилась на пол.

Иблис Гинджо наблюдал за строительными работами на площади перед виллой Эразма и видел все происшедшее, не веря своим глазам.

— Это Серена! — закричал вдруг один из работников виллы, узнав женщину на балконе.

Это имя подхватили и другие, люди повторяли его, как имя почитаемого божества. Иблис вспомнил Серену — она находилась в партии рабов, доставленных с Гьеди Первой.

Потом робот сбросил с балкона ребенка.

Не думая о последствиях, Иблис бросился через площадь в отчаянной попытке поймать падавшего малыша. Видя мужественный поступок доверенного человека, многие рабы тоже рванулись вслед за ним. Остановившись возле разбитого окровавленного тельца, лежавшего на плитах, Иблис понял, что ничем не сможет помочь. Даже после виденных им отвратительных злодейств, совершенных кимеками и мыслящими машинами, это показалось ему невероятным. Он взял на руки маленькое мертвое тело и посмотрел вверх.

Серена начала драться со своими хозяевами. Рабочие ахнули, когда Серена сбросила с балкона робота-охранника. Слетевшая с балкона машина пролетела четыре этажа и грох-

нулась на плиты недалеко от кровавого пятна, оставшегося на месте падения маленького Маниона. Раздался звук, похожий на удар парового молота о наковальню, робот расплющился, согнулся и рассыпался. На плитах валялась груда металла, из которой торчали металлические и волоконные части, а из трещин вытекал гель контуров...

Пораженные и онемевшие от негодования рабы взирали на то, что произошло. *Как порох, готовый вспыхнуть от искры,* подумалось Иблису. Женщина-рабыня дралась с машинами! Она уничтожила робота собственными голыми руками! В изумлении они снова начали громко выкрикивать ее имя. *Разве может быть более ясный сигнал?*

В толпе рабочих раздался грозный рев. Они уже были подготовлены долгой агитацией Иблиса и его тайными действиями. Час пробил.

С улыбкой мрачного удовлетворения Иблис громким и зычным голосом отдал приказ. И началось восстание, о котором люди будут помнить даже через десять тысяч лет.

Монолиты недолговечны и уязвимы. Для того чтобы выдержать невзгоды, надо быть подвижным, выносливым и разнообразным.

Бовко Манреса. Первый вице-король Лиги Благородных

Когда боевая группа Армады покинула Поритрин, толпы восторженной публики в Старде поредели, радостное возбуждение сменилось унынием. Быстро разнесся слух о том, что рабы совершили акты саботажа на работах оборонного значения. Это был позор для всей планеты.

Сильно разочарованный лорд Нико Бладд смотрел на ионные хвосты, тянувшиеся за дюзами удалявшихся военных кораблей. Потом, сосредоточившись на своем гневе, он направил летающую платформу к толпе согнанных рабов. Предварительно он приказал оскандалившимся надсмотрщикам построить всех рабов для проверки и дознания.

Лорд Бладд говорил в усилитель, и голос его громом отдавался над толпой невольников.

— Вы подвели Поритрин! Вы все оказались неблагодарными по отношению к человечеству. Ваш саботаж помешал нашим военным усилиям в борьбе с мыслящими машинами, нашими врагами. Это государственная измена!

Он посмотрел на них испепеляющим взглядом, надеясь уловить на их лицах следы раскаяния, услышать униженные мольбы о прощении, хотя бы просто склоненные в знак признания вины головы. Но рабы держались, не проявляя никакой покорности, словно они гордились тем, что сделали. Поскольку рабы не были гражданами Лиги, то чисто формально они не могли стать изменниками, но Бладду нравились весомость и зловещее значение этого слова. Эти невежественные люди не станут вникать в юридические тонкости.

Он шумно вздохнул и вспомнил старинное навахристанское наказание, при котором людей не пытают и не бьют. Их наказывают позором, воздействуя на совесть и психику.

— Я объявляю для вас день позора. Благодарите судьбу за то, что сегундо Харконнен обнаружил ваше неумение работать и саботаж до того, как из-за него пролилась кровь наших храбрецов. Но ваши действия нанесут вред нашей борьбе с Омниусом. Вы никогда не отмоете с ваших грязных рук праведную кровь, которая из-за этого неминуемо прольется.

Зная, что эти люди суеверны, он пригрозил им:

— Пусть этот позор падет и на ваших потомков! Пусть же буддисламские трусы никогда не освободятся от своего долга перед остальным человечеством!

Выплеснув на рабов свою ярость, он приказал драгунам вести платформу прочь от космопорта.

На Поритрине возникла именно та неустойчивая обстановка, на которую так рассчитывал Бел Моулай. Никогда больше не представится такой уникальный случай — рабы были собраны вместе, одной компактной, взрывоопасной массой. Вождь дзеншиитов призвал своих братьев к выступлению.

Надсмотрщики и драгуны получили приказ разбить рабов на группы и развести их к прежним хозяевам. Пока рабы были заняты реконструкцией кораблей Армады, вся остальная жизнь на Поритрине оказалась парализованной, и многие лорды выражали свое нетерпение, желая вернуть жизнь в нормальное русло.

Но на этот раз рабы отказались повиноваться. Они не желали больше работать на своих хозяев.

Бел Моулай начал выкрикивать свои подстрекательские слова так, чтобы его слышали все, кто стоял неподалеку. Семена, которые он сеял в течение многих месяцев во время тайных ночных бесед с товарищами по несчастью, дали теперь добрые всходы. Бел говорил на вселенском галахском наречии, чтобы его могли понять и аристократы.

— Мы не орудия труда в руках рабовладельцев! Какая нам разница, кого будут угнетать мыслящие машины — вас или нас? — Он поднял вверх сжатый кулак. — Бог знает, что наше

дело правое! Мы никогда не сдадимся и будем драться за свою свободу!

В унисон словам вожака над толпой зазвучал грозный рев. Неукротимая ярость вспыхнула, как зажженное масло. Драгуны и аристократы оказались неготовыми к этой вспышке, не зная, как отвечать на нее.

Моулай крикнул вслед удаляющейся платформе с правителем:

— Нико Бладд, ты хуже мыслящих машин, ибо ты поработил своих собратьев, таких же людей, как ты сам!

Толпа дзеншиитов и дзенсунни окружила надсмотрщиков и разоружила их. Один из надсмотрщиков, рослый человек в черной бандане на бритом черепе, вздев вверх кулаки, зычным голосом приказал рабам остановиться, но не знал, что делать, когда они проигнорировали его команду. Восставшие рабы схватили его за руки, скрутили и потащили в одну из камер, где столь многие их товарищи томились в свое время в карантине во время эпидемии смертельной лихорадки.

Бел Моулай инструктировал рабов, как действовать наиболее эффективно. Надо взять заложников, а не превращаться в толпу, бессмысленно убивающую местных лордов. Только организованными усилиями можно будет добиться желанной свободы.

Бородатый вождь дзеншиитов указал на несколько заброшенных зданий пустых складов и четыре старых судна, севших на мель в реке во время отлива, и его последователи подожгли их. Языки пламени, как лепестки огромных оранжевых цветков, взметнулись в небо. Копоть посыпалась на здания космопорта. Рабы, получившие нежданную свободу, высыпали на посадочные площадки и поставили на них баррикады, чтобы на поле не могли приземлиться коммерческие корабли.

Некоторые молодые повстанцы прорвались через кольцо внешнего оцепления и смешались с изумленными зеваками. Растерянные драгуны, не зная, что делать, открыли огонь, убив при этом нескольких рабов. Но остальные разбежались по улицам Старды, исчезнув на них, как рыба в камышах. Рабы сворачивали в узкие боковые проулки, перепрыгивали с

баржи на баржу, носились по металлическим крышам складов, где их ждали другие дети рабов.

Дети передали новость о восстании другим рабам, находившимся в Старде. Они говорили на языке чакобса, языке охотников, который понимали все эти угнетенные люди. Восстание разрасталось и ширилось...

Хольцман был расстроен и раздосадован. Ему было стыдно, что первое широкомасштабное испытание его нового защитного поля превратилось в жалкий фарс, закончившийся полной катастрофой. Занятый тяжкими мыслями, пока Норма занималась своей работой, Хольцман поначалу не заметил, что никто не подал еду вовремя, что чесночный чай в чайнике давно остыл. Не в силах решить сложный интеграл, Хольцман с отвращением отбросил в сторону калькулятор.

В доме и в лаборатории стояла странная тишина.

Не понимая, в чем дело, он звонком вызвал прислугу, потом снова принялся за работу. Прошло несколько минут, никто не явился, савант снова позвонил, и снова не последовало никакой реакции. Тогда Хольцман выглянул в коридор и сердитым голосом позвал прислугу. Увидев идущую по коридору дзеншиитку, он громко позвал ее. Она посмотрела на него презрительным взглядом и свернула в боковой коридор.

Тио Хольцман не мог поверить своим глазам.

Он завернул к Норме, и вместе они пошли в зал, где находилось множество вычислителей. Рабы, сидя за своими столами, весело болтали друг с другом на своем языке. Листки с вычислениями и калькуляторы нетронутыми лежали перед ними.

Хольцман загремел на весь зал:

— Вы не закончили свою работу? Нам надо закончить конструкцию — это очень важная работа!

Словно повинуясь команде, все вычислители, как один, сбросили со столов бумаги и приборы. Листки с вычислениями разлетелись по полу, как крылья каких-то странных птиц.

Савант потерял дар речи. Похожая на ребенка Норма, стоявшая рядом с ним, кажется, лучше поняла, что происходит.

Хольцман позвал стражу, но на зов откликнулся только один потный сержант, который держался за свое ружье, как за спасительный якорь.

— Мои извинения, савант Хольцман. Лорд Бладд вызвал всех остальных драгун для подавления беспорядков в космопорту.

Хольцман и Норма поспешили к платформе, откуда был хорошо виден весь город. Они сразу увидели, что космопорт горит в разных местах. Там собрались огромные массы людей, и даже сюда издалека долетал рев толпы.

Когда хозяин повернулся спиной к рабам, кто-то громко сказал:

— Мы достаточно долго были рабами! Но больше мы не хотим работать!

Хольцман резко обернулся, но не смог понять, кто это сказал.

— Вы не только рабы, но вы, видно, еще и полные дураки! Вы думаете, что я лежу на диване, пока вы все тяжко трудитесь? Вы не видите разве, что в моих окнах едва ли не до утра горит свет? Остановка в работе наносит вред даже не одному народу, а всему человечеству.

Норма постаралась урезонить рабов более мягко:

— Мы кормим и одеваем вас, обеспечиваем вам достойное жилье и единственное, о чем мы просим взамен, — это о простых арифметических вычислениях. Мы должны сражаться вместе с нашим общим врагом.

В эту проповедь вмешался Хольцман:

— Неужели вы хотите вернуться на свои грязные мелкие и нецивилизованные планеты?

— Да, — дружно, в один голос, ответили рабы.

— Эгоистичные идиоты! — буркнул Хольцман и снова выглянул в окно, чтобы посмотреть на пожар и восставшие толпы рабов. — Невероятно!

Хольцман не считал себя плохим хозяином. Он никогда не заставлял рабов работать больше, чем работал он сам.

С высокой платформы, куда перешли Хольцман и Норма, река казалась мрачной серой лентой, где отражались хмурые тучи, которые заволокли небо. Норма принялась размышлять:

— Если восстание перекинется на сельскохозяйственные районы и шахты, то лорд Бладд не сможет его подавить никакой военной силой.

Хольцман покачал головой:

— Эти надменные буддисламисты думают только о себе. Точно так же они вели себя, когда бежали от титанов. Они не видят ничего за пределами своего узкого и низкого горизонта. — Он бросил недовольный взгляд на возмутившихся вычислителей. — Теперь нам придется тратить время на улаживание конфликта с этими людьми, вместо того чтобы заниматься борьбой с реальными врагами.

Он плюнул на пол, выразив этим крайнюю степень презрения.

— Будет чудом, если нам вообще удастся уцелеть.

Он приказал запереть комнату с вычислителями и лишить их еды до тех пор, пока они не вернутся к работе, и направился к себе. Обеспокоенная Норма семенила рядом с ним.

В этот же день лорд Бладд получил список требований от вождя восстания. Защищенный своими последователями, Бел Моулай сделал заявление, требуя немедленного освобождения всех дзенсунни и дзеншиитов и их безопасного проезда к местам прежнего проживания.

В осажденном правительственными войсками космопорту мятежники удерживали многих аристократов и надсмотрщиков. Здания космопорта продолжали гореть, а в центре толпы чернобородый вождь произносил пламенные речи, горячие, как огонь пожара...

Насколько реальна религия, если она ничего не стоит и ничем не рискует?

Иблис Гинджо. Заметки на полях похищенной записной книжки

Время стало решающим фактором. В течение многих месяцев Иблис Гинджо готовил свои рабочие команды и ждал обещанного сигнала, который должен был стать началом мощного, хорошо скоординированного восстания. Но в дело вмешалась другая сила, опрокинувшая все расчеты. Машина убила человеческого ребенка, а мать — и это было самое невероятное — вступила в схватку и уничтожила робота!

Для того чтобы использовать в качестве трамплина это чудовищное преступление, Иблису не понадобился его врожденный дар убеждения. Вокруг слышались крики, звон бьющихся стекол, топот бегущих ног. Разъяренные рабы не нуждались в руководстве, на этот раз они действовали по собственной воле.

Бунт на Земле возник и набирал силу пока только на огороженном пространстве виллы Эразма. Три человека вытащили из ниши статую и повалили ее на землю. Другие рабы разрушили фонтан на площади. Толпа срывала плющ, увивший стены главного здания, разбивала витражные окна. Люди ворвались в фойе, напали на роботов-охранников, не ожидавших таких действий от людей, которых они считали безнадежными трусами и рабами. Вырвав из рук роботов оружие, люди открыли беспорядочную стрельбу, поражая любую цель, какая попадалась им на глаза.

Восстание должно шириться.

Иблис опасался, что если восстание останется локализованным, то стражники Омниуса прибудут на место, окружат его и уничтожат всех мятежников. Но если бы удалось войти

в контакт с другими группами сопротивления и дать им сигнал, то восстание продолжало бы нарастать, распространяясь от одного населенного пункта к другому. Иблис, кроме того, надеялся, что когитор и его посредник помогут осуществлению этих секретных планов.

Теперь, когда массовое возмущение началось на вилле Эразма, настоящее восстание должно произойти повсеместно. Видя нарастающее возбуждение, слыша громкие кличи и наблюдая всеобщее разрушение, Иблис решил, что этим людям пока не нужно его руководство и присутствие.

Прибыв в столицу, освещенную призрачным серебристо-желтым светом луны, Иблис отдал так долго ожидаемый приказ остальным основным группам сопротивления. Он отдал это распоряжение руководителям ячеек, которые, в свою очередь, послали на улицы мужчин и женщин, вооруженных дубинами, тяжелыми инструментами, резаками и другим оружием, опасным для мыслящих машин.

После тысячелетнего господства Омниус оказался не готов к такому повороту событий.

Масштаб восстания нарастал, как горная лавина. Сейчас на улицы вышли и те, кто колебался и не решался присоединиться к подпольным группам сопротивления. Когда перед рабами забрезжил свет освобождения, они начали крушить всю технику, которая попадалась им под руку. В темноте, рассеиваемой отсветами пожаров, Иблис взобрался на верхушку фриза «Победа титанов». Здесь он активировал потайной механизм. Из стены фриза выдвинулись пусковые установки. Огромные каменные статуи кимеков раскрылись, и в них оказались ракеты, готовые к действию.

На музейной площади появилось несколько неокимеков, облаченных в повседневные корпуса. Ведомые своими мозгами полумеханические изменники собрались атаковать толпу восставших. Скоро сюда придут и другие гибридные машины-люди, которые, без сомнения, как следует вооружатся. Это надо предотвратить во что бы то ни стало. Иблис просто не имел права этого допустить.

Он направил на неокимеков пусковые установки и открыл огонь. Ракеты, начиненные взрывчаткой, используемой в строительстве, вылетели из направляющих труб и обруши-

лись на врагов. Сильные взрывы оторвали фиброметалличес-кие ноги двум неокимекам. Пока они извивались, пытаясь встать, Иблис выстрелил в них еще двумя ракетами, поразив емкости с головным мозгом. Емкости лопнули и рассыпались, электропроводящая жидкость вылилась, а органическая ткань мозга обуглилась.

Но даже если последователям Иблиса удастся свергнуть кимеков и уничтожить вооруженных роботов, то главной задачей революции все же останется свержение всемогущего всемирного разума Омниуса. Стоя на самой высокой точке города, глядя на пылавшее в столице восстание и бушевавшие пожары, Иблис испытывал все большую уверенность и оптимизм.

Залитые сюрреалистическим лунным светом люди ликовали. Пламя трещало, перекидываясь с одного пустого здания машинной столицы на другое. Возле космопорта взорвался арсенал, пламя взметнулось в небо на высоту нескольких сотен метров.

Душа Иблиса переполнилась гордостью, когда он увидел, что численность его сторонников растет у него прямо на глазах. Он и сам до сих пор не осознал масштаба того, что он сделал своими руками. Отозвались ли на зов уже существовавшие ячейки тайного сопротивления или он один стал творцом этого вселенского пожара?

Это восстание нельзя было остановить, как нельзя остановить начавшуюся цепную реакцию. Толпы бывших рабов маршировали по улицам и вершили свою святую месть.

Точность без понимания внутренне присущих ей ограничений бесполезна.

Когитор Квина. Архивы Города Интроспекции

На Поритрине рабов держали так давно, что за много столетий свободные поритринцы свыклись со своей легкой комфортабельной жизнью. Пока петля мятежа рабов все сильнее сжимала деловую жизнь планеты, весть о восстании дошла до всех дзенсуннитских и дзеншиитских рабов Старды. Работа встала во всей столице, и не только в ней. Рабы в сельской местности перестали собирать урожай. Некоторые поджигали тростниковые поля, другие ломали сельскохозяйственные машины.

Молодые рабы, украшавшие стену каньона, жили лагерем на его берегу. Исмаил и его товарищи проводили ночи в палатках, пологи которых хлопали на ветру, постоянно гулявшему на плоскогорье.

Вдруг Исмаил проснулся от того, что Алиид неистово тряс его за плечо.

— Я был на воле и подслушал, о чем говорят надсмотрщики. В дельте восстание рабов! Послушай, что я тебе расскажу...

Мальчики вернулись к догоравшему костру и, съежившись от ночного холода, сели возле огня. Глаза Алиида горели в тусклом свете костра.

— Я знал, что нам не придется ждать освобождения сто лет. — Он него пахло приправленной специями кашей, которую давали рабам на ужин. — Бел Моулай восстановит справедливость. Лорду Бладду придется уступить нашим требованиям.

Исмаил нахмурился. Он не разделял энтузиазма своего друга.

— Нельзя рассчитывать на то, что поритринские аристократы просто пожмут плечами и отменят рабство, которое существует здесь уже сотни лет.

— У них просто не будет выбора. — Алиид крепко сжал кулак. — О, как бы мне хотелось быть сейчас в Старде, чтобы участвовать в восстании. — Он издал неприличный звук. — Мы здесь теряем время, целыми днями рисуя красивые картинки на скале для ублажения наших угнетателей. Какой в этом смысл?

Алиид откинулся назад, опершись на руки. По его узкому лицу скользнула хитрая улыбка.

— Знаешь, мы можем внести нашу лепту в восстание. Даже здесь.

Исмаилу было страшно даже подумать, что может предложить Алиид.

На плоскогорье опустилась завеса непроглядного мрака ночи. Охранники отправились спать в свое отгороженное помещение. Алиид сумел вовлечь Исмаила в дело, клятвенно пообещав ему, что не будет никакого кровопролития.

— Мы просто сделаем заявление. — При этом Алиид скривил губы в невеселой, мрачной усмешке.

Двое друзей принялись обходить остальных, перебираясь от палатки к палатке и набирая себе единомышленников. Несмотря на то что в Старде бушевало восстание, охранники не слишком опасались горстки мальчишек, измученных непосильной многочасовой работой на стенах каньона.

Перешептываясь при свете звезд, молодые люди похитили из складского барака верхолазное снаряжение. Мозолистыми пальцами они завязали узлы, проверили крепления, надели страховочные пояса, продели ремни под мышками, зафиксировали петли и укрепили карабины на тросах, перекинутых через блоки, помещенные на кронштейнах, вделанных в скалу.

Четырнадцать молодых людей скользнули в бездну, туда, где на отвесной стене каньона красовалась сага о деяниях десяти поколений предков лорда Бладда. Мальчики ценой своего пота, а иногда и крови, выкладывали это мозаичное панно, укладывая кусочки смальты в гнезда, предварительно выжженные лазером по контуру, начертанному для вящего удовольствия лорда.

Молодые люди украдкой спустились на своих тросах вниз, вдоль гладкой стены, отталкиваясь от нее босыми ногами. Раскачиваясь, как маятник, Алиид принялся молотком выбивать из

гнезд цветную мозаику, уничтожая лицо изображения. Рев воды в каньоне и завывание ветра заглушали стук от ударов молотка.

Исмаил спустился ниже и принялся выбивать из гнезд синюю глазурь, которая при взгляде издали представляла собой не что иное, как исполненный великой мечты голубой глаз какого-то древнего лорда по имени Дриго Бладд.

У Алиида не было на уме какого-нибудь более или менее стройного плана. Перемещаясь вверх, вниз и в стороны, он наугад выбивал куски изображения, которые первыми попадались ему под руку. Он случайным образом выбил сотни цветных плиток, которые, беззвучно падая, исчезали в распахнутой внизу бездне. Другие мальчики тоже выбивали мозаичные плитки, разрушая панно с такой старательностью, словно могли, разбив мозаику, заново переписать человеческую историю.

Шикая друг на друга и пересмеиваясь, они проработали несколько часов. Несмотря на то что мальчики едва могли рассмотреть друг друга в тусклом свете звезд, Алиид и Исмаил, совершая свой грубый вандализм, прерывали работу, обменивались шутками и заговорщическими улыбками, а потом снова принимались крушить панно.

Наконец, когда над горизонтом появились первые лучи восходящего солнца, мальчики взобрались вверх по стене каньона, сложили снаряжение в сарай и юркнули в свои палатки. Исмаил залез под одеяло, надеясь поспать хотя бы часок, прежде чем их разбудят надсмотрщики.

Им удалось вернуться незамеченными. Утром же над лагерем прозвучал сигнал тревоги, и мальчиков выгнали из палаток и построили вдоль края каньона. Красномордый начальник работ, рассвирепев, требовал признания, требовал, чтобы мальчики назвали имена варваров. Их избили кнутами одного за другим и лишили пищи и воды.

Били мальчиков так, что они явно лишились способности работать на много дней. Но все усилия надсмотрщиков были напрасны. Естественно, никто из мальчиков ничего не видел. Они всю ночь спокойно спали в своих палатках.

Злонамеренное уничтожение панно на скалах каньона стало последним ударом, который окончательно вывел из себя лорда Бладда. Он старался быть разумным и терпеливым во вре-

мя бунта. Он потратил несколько недель на то, чтобы образумить и призвать к порядку Бела Моулая и его сподвижников.

Когда он объявил день позора, это не подействовало на психику нецивилизованных невольников — им просто нечего было стыдиться, — и лорд понял, что все это время он обманывал сам себя. Дзенсунни и дзеншииты принадлежали к маргинальной человеческой расе, их вообще можно было считать существами другого биологического вида. Неспособные работать во имя общего блага, эти неблагодарные примитивные существа воспользовались терпеливостью культурных людей. Судя по тому, что они сделали, у этих людей отсутствовали всякие представления о совести и морали.

Рабы саботировали установку новых защитных полей Хольцмана на корабли Армады и отказались работать над новым важным изобретением ученого. Чернобородый предводитель повстанцев взял в заложники некоторых аристократов и держал их в помещении для рабов. Моулай блокировал работу космопорта, прекратив всякий импорт и экспорт и парализовав всю деловую и торговую жизнь Поритрина. Его преступные последователи сжигали дома, промышленные предприятия и сельскохозяйственные имения. Хуже того, Бел Моулай потребовал освобождения всех рабов — словно свобода была такой вещью, которую можно было получить в подарок, не заслужив ее! Такое требование было просто пощечиной тем миллиардам людей, которые сложили свои головы в борьбе с мыслящими машинами.

Бладд в который раз подумал об убитых гражданах Гьеди Первой, о жертвах налета кимеков на Салусу Секундус, о колдуньях Россака, которые добровольно пожертвовали жизнью ради уничтожения кимеков. У него вызывало отвращение то, что этот Бел Моулай спровоцировал недовольных рабов на саботаж всех усилий человеческой расы. Какова же эгоистическая самоуверенность этих проклятых буддисламистов!

Лорд Бладд пытался вести с ними переговоры. Он надеялся, что рабы внимут голосу разума, поймут, насколько высоки ставки в этой игре, и раскаются за трусливое поведение своих предков. Но нет, теперь лорд понял, насколько глупыми были все его надежды и ожидания.

Узнав об акте вандализма на стенах каньона, лорд не поверил этому сообщению и вылетел на своей платформе к каньо-

ну, чтобы лично удостовериться в происшедшем. Сердце его упало, когда он увидел, что эти варвары сделали с его любимым детищем — столь долгожданным мозаичным панно истории Поритрина. История благородного семейства Бладдов была осквернена! Этого лорд Нико Бладд вытерпеть уже не мог.

Он с такой силой сжал перила платформы, что у него побелели костяшки пальцев. Свита была напугана таким проявлением гнева, решимостью, кипевшей под маской напудренного и ухоженного лица, которое всегда казалось подданным таким цивилизованным и культурным.

— Этому безумию надо положить конец любыми средствами.

Эти произнесенные ледяным тоном слова были адресованы командиру драгунской гвардии. Он повернулся к одетому в шитый золотом мундир офицеру.

— Вы знаете, что надо делать, командующий.

Испытывавший большие неудобства из-за неслыханного поведения своих рабов, Тио Хольцман был рад получить приглашение лорда Бладда сопровождать его на первых широкомасштабных испытаниях нового защитного поля.

— Это всего лишь учения гражданской обороны, Тио, — но, увы, они тоже необходимы, — сказал Бладд. — Но тем не менее мы хотя бы увидим ваше поле в действии.

Ученый стоял рядом с аристократом на обзорной площадке. За их спинами толпились другие хорошо одетые аристократы, среди которых находилась и Норма Ценва, с любопытством смотревшая на толпы возмутившихся рабов. В воздухе висел запах гари. Над осажденным космопортом разносились гортанные крики и воинственные песнопения.

Далеко внизу, по земле, маршировали драгуны, обмундированные в сияющие индивидуальные поля. Выстроенные клином драгуны, вооруженные дубинами и копьями, должны были вклиниться в толпу и расчленить ее, прежде чем рассеять. Некоторые солдаты были вооружены пистолетами Чендлера, чтобы «косить» рабов массами, если возникнет такая необходимость.

Держась за перила, Хольцман смотрел на наступавших драгун.

— Смотрите, рабы не могут остановить нас.

Норма покрылась холодным липким потом. Она поняла, что сейчас станет свидетельницей массового убийства, но не посмела возвысить свой голос против этого.

Затянутые в золотистые мундиры гвардейцы шли вперед, не останавливаясь, хотя разъяренные рабы пытались помешать им, загородив путь. Люди бросались на защитные поля драгун. Солдаты лорда Бладда, подняв свои дубины, принялись ломать кости и отбрасывать в сторону тех, кто пытался помешать им. С криком рабы отступили, перегруппировались и всей массой бросились на солдат, но и теперь не смогли пробить поле. Набрав скорость, драгуны вклинились в толпу рабов, рассекая ее на части.

Рабы отступили и образовали барьер, чтобы защитить место, где находилось руководство восстанием. Встав во весь рост в кузове грузовика, Бел Моулай закричал на чакобса, обращаясь к своим людям:

— Не отступать! Помните о своей мечте! Это наш единственный и последний шанс. Все рабы должны держаться вместе до последнего!

— О, почему они не сражались с таким мужеством против мыслящих машин? — проворчал Нико Бладд, и несколько аристократов посмеялись этой мрачной шутке.

Когда отчаянными усилиями рабы все же остановили натиск напиравших драгун, командир легиона, остановившись, загремел во всю силу своих легких:

— У меня есть приказ арестовать изменника Бела Моулая. Я требую его немедленной выдачи.

Никто из инсургентов не сдвинулся с места. Прошло несколько томительных мгновений. Солдаты извлекли пистолеты Чендлера, отключили защитные поля и открыли огонь. Разрывающиеся иглы вонзались в тела, в воздух полетели брызги крови и куски разорванной человеческой плоти. С дикими воплями рабы бросились искать спасения, но солдаты обложили их очень плотно. Они столпились вокруг Моулая. Бежать было некуда.

Бородатый предводитель выкрикнул несколько команд на своем тайном языке, но ряды оборонявшихся уже дрогнули и начали распадаться. Кристаллические дротики продолжали сыпаться смертоносным дождем, продолжая поражать рабов. Люди, убитые и искалеченные, падали наземь.

— Не волнуйтесь, — проговорил Бладд, шевельнув только уголком губ, — у них приказ — взять Моулая живым.

Норма отвернулась и стала глубоко дышать. Она боялась, что ее сейчас вырвет, прямо здесь, на виду у всей знати, на наблюдательной платформе. Но она стиснула зубы и сумела овладеть собой.

Рабы погибали и ломали ряды, и Бел Моулай изо всех сил старался заставить их сопротивляться. Но драгуны, увидев, что путь к цели открыт, устремились к предводителю, как хулиганы, решившие подраться. Они окружили предводителя дзеншиитов и повалили его на землю. Раздались злобные крики, когда рабы увидели, как драгуны начали избивать их вождя.

Видя, что Моулая схватили, уцелевшие повстанцы снова сбились в тесный клубок и постарались вернуть себе былое мужество. Но драгуны снова принялись расстреливать их из пистолетов, подавив всякую попытку сопротивления. Люди с воем падали на землю и умирали, испуская предсмертные хрипы.

Драгуны утащили Бела Моулая прочь, а пешие и моторизованные солдаты хлынули на поле космопорта и бросились к баракам, откуда тотчас были освобождены сидевшие там в заложниках благородные дамы и господа. Стоя на наблюдательной платформе, лорд Бладд печально смотрел на алые лужи крови и мертвые тела, усеявшие посадочные площадки.

— Я надеялся, что до этого не дойдет. Я дал рабам все возможности одуматься, но они не оставили мне иного выбора.

Несмотря на массовое убийство, свидетелем которого он стал, Хольцман не мог скрыть радости по поводу эффективности своего изобретения.

— Вы с честью вышли из тяжелого положения, милорд.

Не подвергаясь ни малейшей опасности на своей летающей платформе, аристократы еще некоторое время наблюдали за продолжающейся зачисткой. Потом лорд Бладд пригласил всех в свою роскошную резиденцию отметить банкетом славное освобождение Поритрина.

Каждое крупное движение — политическое, общественное или военное — зависит от эпохальных событий.

Питкэрн Наракобе. «Природа конфликтов в Лиге Миров»

Когда черви-люди затеяли на Земле свой мятеж, титан Аякс решил, что охотничий сезон можно считать открытым. Конечно, все славные денечки остались далеко позади, но зато сейчас не будет его любимой Гекаты и ее отвращения к его звериной жестокости и патологической склонности к насилию.

Для боя Аякс выбрал свою лучшую гладиаторскую форму, массивный шагающий корпус, оснащенный мощным вооружением и сконструированный специально для цирковых боев с машинами Омниуса. Аякс предпочитал устрашающие и величественные формы обтекаемости и удобству. Он любил сокрушать десятки жертв одновременно.

Все будет так же, как во время восстания хретгиров на Валгисе.

В расположенном на одном из семи холмов столицы промышленном павильоне, где изготовлялись и хранились корпуса кимеков, Аякс, меняя форму, уловил с помощью своих сенсоров нарастающий рев многотысячной толпы. Рев нарастал с каждой секундой. Нельзя было терять ни минуты, время было дорого.

Используя тонкую систему гидравлических механизмов, Аякс переместил емкость с мозгом в боевой корпус. Злость пульсировала в ткани мозга так, что электропроводящая жидкость вспыхивала голубоватыми искрами, нейроэлектронные соединения потрескивали в местах сочленения с мыслительными стержнями. Оружие пристегнуто. Он согнул мощные, снабженные различными полезными приспособлениями конечности. Все. Готово.

Титан шагнул на своих поршневых ногах и вышел через раздвижную дверь на балкон, окружавший промышленный павильон. Отсюда он взглянул на тенистые улицы города, затянутые дымом пожаров, бушевавших в разных частях столицы. Дым клубами поднимался к небу, а по улицам бежали толпы рабов, похожие на стаи тараканов. Был слышен треск разбивающегося плаза и грохот ломаемых транспортных средств. Хретгиры окончательно сошли с ума.

На площади Форума прогремел приглушенный большим расстоянием взрыв. Восставшие сумели овладеть и тяжелым оружием, вероятно, сняв его с уничтоженных ими роботов. Аякс зарядил свои силовые батареи, потом вошел в грузовой лифт, который опустил его на уровень первого этажа. Если осатаневшие хретгиры от злобы уничтожили его изваяние, то это будет очень печально. Да, пожалуй, из-за этого стоит расстроиться.

У основания холма неокимеки и охранные роботы образовали кольцо обороны. Они стреляли из огнеметов, направляя на людей мощные струи расплавленного металла. Невзирая на этот смертоносный поток, толпы рабов снова и снова бросались на неокимеков и роботов. Тела людей вспыхивали, как факелы, когда в них ударяла смертоносная струя, и падали черными обгорелыми кусками на плаз мостовой. Но черви шли и шли, волна за волной, презирая неминуемую смерть.

— Не стойте на месте, как трусы! — рявкнул на кимеков и роботов Аякс. — Что вы смотрите, как они нападают на вас, и не нападаете на них сами?

Это был риторический вопрос. Пристыженные неокимеки бросились вперед, текучий металл их конечностей принял форму смертоносного оружия. Им удалось проломить передние ряды атакующих людей, но роботы отошли назад и заняли линию обороны выше на склоне холма.

Аякс вскочил на летающую платформу, чтобы оттуда более эффективно управлять сражением. Используя разъемы, он соединил свои управляющие цепи с панелью управления платформы. Платформа понеслась над толпой, обходя взрывы и места пожаров. Продвигаясь в сторону площади Форума, Аякс очень злился оттого, что гладиаторская форма не позволяет ему с привычной легкостью управлять летающей платформой.

Сверху Аяксу было хорошо видно, как в сетке улиц мыслящие машины воздвигают оборонительные периметры. Он надеялся, что вот-вот толпы неорганизованных повстанцев распадутся и дрогнут. Только сегодня были убиты уже тысячи людей. Возможно, потеха только начинается.

Оставляя за собой длинные огненные хвосты, из фриза «Победа титанов» вылетели ракеты. Соединив и усилив разрешение своих оптических сенсоров, Аякс узнал человека, стоявшего на вершине гигантской резной каменной стены. Именно он запускал спрятанные в монументе ракеты. Это был не кто иной, как заговорщик, начальник строительной команды Иблис Гинджо! Не зря Аякс подозревал его!

С непередаваемым гневом смотрел Аякс на толпы неблагодарных тварей, которые с помощью тросов и небольших зарядов взрывчатки валили наземь колонны, поддерживавшие величественные статуи титанов. Ускорив движение платформы, Аякс увидел, что его исполинская статуя уже валяется на разбитых плитах площади. Черви издали громкий ликующий вопль. Из фриза вылетела еще одна грубо сработанная самодельная ракета.

Аякс увеличил скорость и обогнул фриз, решив подобраться к нему с тыла, из зоны, недосягаемой для ракет хретгиров. В этот момент гигантская статуя, изображавшая его собственное человеческое обличье, рассыпалась на множество мелких кусков и упала на площадь, как статуя свергнутого короля.

Аякс предвкушал, как он разом оторвет Иблису Гинджо все его конечности, наслаждаясь его предсмертными воплями.

Внезапно вся платформа с пьедесталами монументов развернулась, и из ее повернувшегося фасада вылетели ракеты, направленные на Аякса. Одна из них разорвалась в двигателе платформы, и все летающее сооружение с грохотом рухнуло на землю.

Титан тоже упал, сильно ударившись о плаз с громким стуком, напоминающим удар грома. Плаз разбился от тяжести поршневых ног и мощной брони, которой была прикрыта емкость с мозгом. От падения платформа взорвалась, и этот взрыв повредил пусковые установки, спрятанные в монументе.

Удар корпуса Аякса превратил камни мостовой в мелкую пыль. Интегрированные в корпус системы дали сбой, импульсы

в электронных схемах потеряли правильный ритм, нейроэлектронные схемы вырубились, потом снова включились, но функционировали уже неверно. Плавающий в электропроводящей жидкости защитной емкости мозг начал получать неправильную и искаженную информацию, поступающую по поврежденным стержням передачи мыслей. Аякс лежал среди развалин монументов, поваленных на землю неблагодарными людьми.

Он слышал, как Иблис выкрикнул команду, приказывая своим рабам навалиться на раненого титана. Ментальным усилием Аякс перезагрузил свои боевые схемы, воспользовавшись обходными шунтирующими цепями вместо поврежденных. Он сможет сражаться, если будет в состоянии подняться на конечности.

На него набросилась разъяренная толпа, но он разогнал ее одним взмахом своей боевой руки, а потом встал на свои мощные, хотя и несколько поврежденные, конечности. Сломанные ноги отказывались надежно держать его боевой корпус. Немного завалившись на один бок, он начал, не целясь, стрелять из огнемета. Струя пламени должна была отогнать повстанцев еще дальше.

Но вместо этого люди переползали через тела своих павших товарищей и упрямо продолжали подбираться к титану...

Прежде чем Аякс успел восстановить равновесие и заново настроить оптические сенсоры, чтобы ясно видеть происходящее, Иблис вывез из поврежденного фриза еще одну ракету и запустил ее вручную. Оставшись лишь с наполовину функционирующими системами, Аякс попытался уклониться от ракеты, но она все же попала в него и разрушила одну из шести его конечностей. Титан потерял равновесие и упал на мостовую, выбив в ней глубокую яму.

Древний воин взревел синтезатором голоса и переместил свое бронированное тело, увидев стоявшего на поврежденной стене Иблиса. Осатаневшие рабы носились среди обломков площади Форума, бросаясь на кимека, как мыши, пытающиеся свалить огромного дикого быка.

Аякс встряхнул всем своим неуклюжим громоздким телом, и черви посыпались с него. Он наступал на них, давил, рвал на части всякого, кто становился на его пути. Но чем больше людей он убивал, тем больше их нападало на него.

Они швыряли в кимека свои импровизированные маломощные гранаты и тяжелые предметы, стреляли в него из похищенных в арсенале ружей. Осатаневший от крови Аякс убил и искалечил сотни людей, но сам пока не получил никаких дополнительных повреждений. Однако он шатался просто от тяжести повисших на нем людей, которые расшатывали его, пользуясь отсутствием у него одной ходильной ноги.

Иблис продолжал отдавать команды со стены:

— Он убил миллиарды людей! Уничтожьте его!

Только миллиарды? Я уверен, что их было много больше.

Набрав максимум механической энергии, Аякс подмял под себя массу разъяренных людей и начал взбираться на высокую каменную стену, выставляя быстрые хватательные крюки и поддерживающие стержни из своих многофункциональных конечностей, которые продолжали работать вполне сносно. Иблис стоял на вершине стены и распоряжался дурацкими действиями рабов.

Пока Аякс взбирался на гребень стены, десятки рабов повисли на его корпусе в том месте, где он не мог достать их и причинить им вред. Титан принялся трясти одной из оставшихся конечностей, а остальные четыре использовал для продвижения.

Стоявшие сверху рабы начали бросать гранаты, которые, взрываясь у поверхности стены, выбивали из нее большие куски, лишая ноги титана необходимой опоры. Несколько сумасшедших повстанцев упали с его конечности, сметенные взрывной волной. Но их место тут же заняли другие.

Тело титана неуклюже раскачивалось из стороны в сторону, и все больше людей забиралось ему на спину, вооруженные резаками и сварочными аппаратами, с помощью которых они постепенно разрушали его конструкцию.

Прошло еще несколько секунд, и восставшим удалось повредить нейроэлектрические цепи и перекусить волоконные контрольные провода, идущие от емкости с мозгом к конечностям. Гигантское тело титана оказалось полностью парализованным. Аякс почувствовал, как его повалили на спину и поволокли вниз.

Он слышал крики боли, так как при своем падении он придавил сотню хретгиров, которые не успели отбежать в сто-

рону. Он обожал крики боли. Но теперь Аякс не мог двигаться и лежал неподвижно, как огромное парализованное ядом насекомое.

— Я титан! — взревел он.

Через свои рассеянные оптические сенсоры Аякс увидел, как предатель Иблис, бывший начальник строительной команды, стоя на плечах своих рабов, указывал обвиняющим жестом на головную пластину Аякса.

— Снимите с него защитный кожух, вот здесь!

Чувствительные стержни сообщили Аяксу, что люди сняли заслонку, прикрывавшую емкость с головным мозгом.

Торжествующе улыбаясь, Иблис взобрался на плечо дергающегося механического тела кимека и поднял импровизированную дубину. Улыбаясь, начальник строительной команды с силой опустил металлическую дубину на плазовый корпус емкости.

Он ударил еще раз, и еще, и еще, и бил до тех пор, пока не разбил емкость и не превратил мозг титана в массу расплющенного органического вещества, смешанного с электропроводящей жидкостью.

Придя в совершенную эйфорию от того, что он сделал, Иблис встал на тело убитого титана и громко закричал, не в силах сдержать переполнявшей его радости победы. Эта радость была выше пламени, которое продолжало пожирать город машин.

Вид гибели самого страшного и великого титана вызвал фурор в толпе. Весть о смерти титана распространилась по улицам с быстротой лесного пожара, и люди с еще большим пылом бросились истреблять все проявления и символы владычества роботов. Неокимеки и роботы-охранники в панике отступали при приближении повстанцев.

Вездесущему всемирному разуму Омниуса не оставалось иного выбора, как прибегнуть к решительным контрмерам.

Мы не можем, как Моисей, добыть воду ударом посоха по камню — во всяком случае, в промышленных масштабах.

Имперская экологическая экспедиция на Арракис, древний доклад (автор неизвестен)

Стояла страшная полуденная жара, привычная только для жителей Арракиса. Кочевники-дзенсунни завязали Аврелию Венпорту глаза покрытой пятнами тряпкой.

Люди пустыни точно так же не доверяли и Туку Кеедайру, торговцу плотью, и обращались с ним столь же недостойно. Венпорт, однако, решил, что ради выгодного вложения капитала можно и потерпеть нелюбезное обхождение. Чтобы добраться до этой богом забытой планеты, пришлось совершить утомительное пятимесячное путешествие с множеством остановок на таких же заброшенных планетах — а значит, надо было все рассмотреть как следует и любой ценой.

— Сейчас мы отправимся, — объявил наиб Дхартха. — Можете разговаривать, но будет лучше, если вы сведете разговоры к минимуму. Трата слов — это трата воды.

Венпорт чувствовал, что вокруг него находится масса людей. Они повели его вперед. Пришлось привыкать идти вслепую, и иногда Венпорт слишком высоко поднимал ноги, чтобы не оступиться на песчаной поверхности пустыни. Почва оказалась неровной, но скоро он привык и пошел более спокойно.

— Как насчет песчаных червей? — поинтересовался Кеедайр. — Не надо ли нам побеспокоиться...

— Мы за безопасной чертой. Черви здесь не появляются, — грубо ответил наиб Дхартха. — Горная цепь отделяет нас от большой пустыни, где обитает демон.

— Я не уверен, что так уж необходимо было завязывать нам глаза, — произнес Венпорт.

Дхартха был тверд. Он не привык, чтобы обсуждались его распоряжения.

— Это необходимо, потому что я так решил. Здесь никогда не было чужаков, даже тех, кто живет на этой планете. Никто не видел наших тайных троп. Мы не собираемся показывать чужакам наши карты.

— Естественно, я подчинюсь вашим правилам, — пробурчал Венпорт, — если вы действительно собираетесь предложить нам пряность.

Хотя джунгли Россака изобиловали неоткрытыми фармацевтическими средствами и мощными галлюциногенами, ни один из них не мог воспроизвести замечательный эффект меланжи. Венпорт чувствовал, что вещество стоит того, чтобы его исследовать, несмотря на расстояние, которое требовалось для этого преодолеть, и неудобства, которые приходилось терпеть.

За последние несколько месяцев Венпорт смог легко распродать весь груз пряности, доставленной Кеедайром, любителям острых ощущений, готовым отвалить за меланжу немыслимые деньги. Хотя Венпорт оставил себе половину прибыли, доход Кеедайра намного превысил выручку, которую он получил бы за партию самых лучших рабов. Поскольку торговец не потерял годовой выручки, он смог оставить в неприкосновенности свою драгоценную косу.

Венпорт споткнулся обо что-то твердое. Выругавшись, он едва не упал, но чьи-то сильные руки подхватили его, и он удержался на ногах.

— Когда ваши люди носили мне меланжу по одному мешку в день, погрузка корабля заняла целую вечность, — сказал Кеедайр. Его голос прозвучал в нескольких шагах впереди.

— Наиб Дхартха, я надеюсь, что в будущем мы сможем разработать более эффективную систему доставки, — заговорил Венпорт.

Если наиб не согласится, то придется запрашивать за пряность большую цену, но рынок все равно удержать удастся.

Они шли по пустыне уже несколько часов с завязанными глазами. Наконец дзенсунни остановились. По шуму и металлическому звону Венпорт определил, что пустынные люди откапывали из песка вездеход.

— Садитесь, — сказал наиб Дхартха, — но не снимайте пока повязок.

Венпорт и Кеедайр на ощупь забрались в машину, и она тронулась с места, трясясь на неровностях и тихо погромыхивая двигателем. Когда они проехали много километров, Венпорт по усилившейся прохладе понял, что они приблизились к гряде гор, протянувшейся по направлению к юго-западу. Конечно, если уж на то пошло, были способы выяснить точное место расположения отдаленного поселения. Можно было зашить записывающий трассу датчик в ткань куртки или в подошву ботинка.

Но сейчас у Венпорта были более важные заботы. Было такое ощущение, что сейчас им с Кеедайром не удастся ничего противопоставить желаниям этих решительных и суровых людей, которые контролировали всех, кто приезжал к ним, а заодно и решали, кого из них отпустить из пустыни живым.

Когда они начали подниматься по крутому склону, мотор вездехода натужно завыл, а скорость движения резко снизилась. Наконец водитель остановил машину, и дальше они снова пошли пешком. Проводники бережно вели своих гостей вокруг больших валунов и обломков скал. Наконец Дхартха сорвал с них повязки, и путники увидели вход в темную пещеру. Они остановилась в туннеле. Венпорт несколько раз моргнул, чтобы привыкнуть к свету, который шел от масляных ламп, укрепленных в стенах.

После того как он провел столько времени с завязанными глазами, Венпорту показалось, что у него обострились слух и обоняние. Теперь, оглядывая туннель, он улавливал присутствие множества обитателей этого пещерного поселения, чувствовал запах немытых тел и слышал звуки перемещавшихся в невидимых помещениях людей.

Проведя своих гостей в расположенные высоко в скалах комнаты, Дхартха угостил их едой — хрустящим хлебом, намазанным медом, и тонкими полосками сушеного мяса, замаринованного в меланжевом соусе. После этого они послушали музыку дзенсунни, сидя у костра, вокруг которого сидели люди и рассказывали друг другу истории на незнакомом Венпорту языке.

Позже наиб привел двух нетерпеливых визитеров на край скалы, которая выходила на бескрайний простор пустыни, покрытой бесчисленными дюнами.

— Я хочу кое-что вам показать, — сказал он, и по его лицу пробежала едва заметная тень. На темных щеках четко обозначилась еще более темная татуировка. Мужчины сидели, свесив ноги с края скалы. Кеедайр переводил взгляд с наиба на Венпорта, с нетерпением ожидая, когда же начнутся переговоры о деле, ради которого они сюда прибыли.

Наиб позвонил в маленький колокольчик, и вскоре по этому сигналу явился жилистый, худой и мускулистый старик, лицо его было туго обтянуто похожей на старый пергамент кожей. Волосы были длинными, белыми, но зато у него прекрасно сохранились почти все зубы. Как и у всех людей пустыни, белки глаз старика были окрашены в насыщенный синий цвет, который, как понял Венпорт, говорил о зависимости от меланжи. Глаза Кеедайра тоже успели прибрести такой же зловещий и странный оттенок.

Старик принес поднос с чем-то, похожим на темные вафли, нарезанные на ровные квадраты, покрытые густым липким сиропом. Старик протянул поднос Венпорту, который взял одну вафлю. Кеедайр взял еще одну, а наиб Дхартха — третью. Седовласый старик остался стоять, глядя на всех троих.

Из того, что уже успел заметить Венпорт, здесь женщины прислуживали мужчинам в противоположность тому, что было принято на его родном Россаке. Но, возможно, старые мужчины здесь тоже исполняли обязанности служанок.

Венпорт внимательно посмотрел на коричневый «хлеб» и откусил кусок. Еда, которую он ел здесь раньше, была сдобрена изрядной порцией меланжи, но эта вафля превзошла все его ожидания. Он ощутил удар по своим вкусовым сосочкам, рот буквально обожгло сильным вкусом корицы, которая огнем вспыхнула на языке. Он откусил больший кусок и сразу почувствовал, как по всему телу разлилась сила и ощущение полного благополучия.

— Замечательно! — воскликнул Венпорт. Он не заметил, как съел всю вафлю.

— Это свежая пряность, собранная в открытой пустыне только сегодня днем, — пояснил Дхартха. — Это более мощная пряность, чем та, какую вы пробовали в пиве или других блюдах.

— Совершенно превосходно, — сказал Венпорт. В его голове закрутились самые разнообразные коммерческие возмож-

ности. Кеедайр тоже быстро съел свою вафлю и удовлетворенно вздохнул.

Венпорт нутром чувствовал, что торговля пряностью будет очень и очень прибыльной, причем бóльшую ее часть он намеревался продавать аристократам Лиги Благородных. Для начала он решил составить Зуфе Ценва компанию во время ее следующего посещения Салусы Секундус. Пока она будет читать свои страстные лекции в заново отстроенном Доме парламента, Венпорт завяжет необходимые контакты, раздаст авансы и сделает намеки, распределит среди аристократов маленькие порции. Это займет время, но зато повысит спрос.

Он взял еще одну вафлю с подноса.

— Это именно то, что вы собирались показать нам, наиб Дхартха?

Татуированный вождь потянулся вперед и похлопал старика по тонкой, но мускулистой руке.

— Я хотел показать вам этого человека. Его зовут Абдель.

Наиб коротко поклонился, и старик поклонился ему в ответ, а потом отвесил еще более глубокий поклон двум сидящим гостям, которым его только что представили.

— Абдель, скажи нашим гостям, сколько тебе лет.

Жилистый старик заговорил высоким, но сильным голосом:

— Я видел, как созвездие Жука пересекает сторожевую скалу четырнадцать раз.

В растерянности Венпорт посмотрел на Кеедайра, который только пожал плечами. Наиб Дхартха решил дать пояснения:

— Это маленькое созвездие нашего неба. Оно ходит по небосклону взад и вперед в течение года и возле горизонта пересекает вершину одной спиральной скалы. Мы используем это созвездие для составления календаря.

— Взад и вперед, — повторил Кеедайр. — Вы хотите сказать, что это созвездие пересекает скалу дважды в год?

Наиб кивнул.

Венпорт быстро посчитал в уме.

— Он говорит, что ему сто пятьдесят семь лет.

— Почти так, — согласился Дхартха. — Люди здесь не наблюдают звезд и не считают до того, как им исполнится примерно три года, так что, возможно, ему сто шестьдесят стандартных лет. Абдель всю жизнь потребляет меланжу. Посмот-

рите, каким здоровым он остался. У него ясные глаза и острый ум. Возможно, что он проживет еще десятки лет, если будет продолжать регулярно есть пряность.

Венпорт был поражен до глубины души. Все слышали истории о средствах, продлевающих юность, о лечении, удлиняющем жизнь. Все это, как рассказывали, было придумано в Старой Империи, но было забыто после падения прежнего режима. Большая часть этих рассказов была не более чем легендами. Однако если старик говорит правду...

— У вас есть какие-нибудь доказательства? — спросил Кеедайр.

Тонкое лицо наиба потемнело от гнева.

— Я дал вам свое слово. Других доказательств не требуется.

Венпорт знаком посоветовал Кеедайру не настаивать. Учитывая свое самочувствие после приема меланжи, которая продолжала циркулировать в его крови, он был готов поверить старику и без доказательств.

— Мы проведем испытания этого средства, чтобы убедиться, что у него нет иных побочных эффектов, кроме синего окрашивания склер. Меланжа может стать товаром, который я включу в план своих продаж. Способны ли вы поставлять партии, достаточно большие для коммерческих целей?

Пустынный вождь значительно кивнул:

— Наши возможности огромны.

Теперь осталось только уточнить технические детали поставок. Венпорт собирался предложить часть оплаты в весьма необычной форме. Вода? Или, может быть, кочевники заинтересуются плавающими светильниками, изобретенными Нормой? Эти шары очень хорошо подойдут для освещения темных туннелей и пещер. Действительно, светильники будут здесь намного полезнее, чем кредитные билеты Лиги. На корабле, в космопорту Арракиса, у него было несколько светильников, которые он мог бы показать людям дзенсунни.

Протянув руку, он взял последнюю вафлю с подноса, который Абдель продолжал держать в руках. Венпорт заметил, что старик держит поднос очень твердо, без малейшей дрожи в пальцах. Еще один хороший знак, который заметил и Тук Кеедайр. Деловые партнеры понимающе кивнули друг другу.

Мой второй пилот постоянно думает о женщине человеческого рода, но пока это не отвлекает его от исполнения служебных обязанностей. Я внимательно слежу за ним во избежание неприятностей.

Севрат. Из журнала донесений Омниусу

«Дрим Вояджер» вошел в плотные слои земной атмосферы, возвращаясь домой после очередного путешествия за новыми данными для Омниуса. Прошло так много времени с тех пор, как Вориан в последний раз видел Серену Батлер... Кроме того, предстояла встреча с отцом, с которым надо было выяснить исторические расхождения, обнаруженные во время полета.

Готовясь к посадке, они с Севратом проверяли показания приборов, регистрирующих температуру поверхностного слоя корабельной обшивки. Хронометр «Дрим Вояджера» автоматически перешел на земное стандартное время.

Этот щелчок напомнил Вориану о том, что его отец также произвольно следовал в своих мемуарах предпочтительной для него версии изложения исторических событий. Титаны вовсе не были славными великодушными героями, какими вывел их Агамемнон на страницах своих воспоминаний.

Это Серена Батлер заставила Вориана открыть правду об Агамемноне. Интересно, думала ли она о нем во время его долгого отсутствия? Будет ли Серена теперь уважать его за изменение в мировоззрении? Или она все еще страдает по своему возлюбленному, по человеку, который стал отцом ее ребенка? Вор очень нервничал по этому поводу, терзаясь предчувствиями. В своей упорядоченной жизни он никогда еще не сталкивался с такой неопределенностью, как за последние несколько месяцев.

Должно быть, Агамемнон, как всегда, ожидает его в космопорту. Великое обещание, данное Вориану самым главным

из титанов — предоставление права стать неокимеком, расставшись с хрупким человеческим телом, — уже не казалось Вориану таким заманчивым, как прежде.

Вориан бросит вызов своему отцу, обвинит великого генерала в подтасовке фактов и искажении истории, в обмане собственного сына. Где-то в глубине души Вориана Атрейдеса теплилась надежда на то, что у титана найдется на это готовый, успокаивающий ответ, получив который Вор удовлетворится таким объяснением и вернется к прежней жизни доверенного человека.

Однако внутренний голос говорил ему, что Серена не ввела его в заблуждение. Многое он видел сам, он знал, как машины относятся к людям. Вор больше не мог притворяться, но не знал и что ему делать дальше. Он очень боялся возвращаться на Землю, хотя знал, что должен это сделать.

Конечно, Агамемнон заметит перемену в отношении к себе со стороны сына. К тому же Вориан знал, что генерал Атрейдес уже убил двенадцать своих предыдущих сыновей, которые его чем-то разочаровали.

— Что ты можешь сказать по этому поводу, Вориан? — Севрат прервал поток мыслей молодого Атрейдеса, когда они приблизились к космопорту города. — Я улавливаю неустойчивые данные и признаки какого-то физического хаоса.

Капитан-робот показал изображение крупным планом.

Вор был потрясен, увидев очаги пожаров, дым и разрушенные здания. На улицах кимеки и боевые роботы. По тем же улицам пробегают группы вооруженных людей. Сердце его забилось от эмоций, в природе которых он не смог сразу разобраться.

— Землю атаковала Армада Лиги?

Но даже вооруженный своим новым знанием, он не мог себе представить, чтобы рассеянные где-то в глубинах космоса свободные люди могли причинить такие разрушения самой сердцевине машинного Синхронизированного Мира. Омниус никогда не допустил бы этого!

— Сканеры не показывают присутствия вблизи Земли каких-либо человеческих космических кораблей или боевых судов, Вориан. Тем не менее внизу происходит какой-то военный конфликт.

Севрат выглядел не столько озабоченным, сколько озадаченным. Но по крайней мере он не пытался шутить по поводу происходящего.

Вориан настроил оптические сканирующие датчики, направленные на часть города, выступавшую в море, и нашел имение Эразма. Там он увидел огонь, разрушенные дома и статуи, сражения на улицах. Где Серена?

Медленно, очень неохотно он начал понимать, что произошло на Земле в его отсутствие. Люди сражаются с машинами! Сама идея потрясала основы, приводила в смятение мысли, которых он всегда избегал, так как это казалось ему нарушением верности по отношению к Омниусу. Как это вообще оказалось возможным?

Следящая станция «Дрим Вояджера» уловила единый тревожный сигнал, который всемирный разум использовал для экстренной связи с армией роботов. «Все мыслящие машины отзываются на оборонительные рубежи и боевые станции... мятеж людей разрастается... ядро Омниуса пока надежно защищено... во многих секторах ощущается нехватка энергии».

Вор посмотрел на ничего не выражающее зеркальное лицо капитана-робота. Объективы оптических сенсоров сверкали, как звезды.

— Это очень неожиданная ситуация. Наша помощь необходима.

— Согласен, — ответил Вориан. *Но на чью сторону надо встать мне?* Он никогда в жизни не ожидал, что будет испытывать столь противоречивые чувства. У него было два долга, которые разрывали его на части.

«Дрим Вояджер» подлетел к горящему городу. Рядом с виллой Эразма мыслящие машины организовали кордон, стараясь сдержать напор человеческой массы. Баррикады были воздвигнуты на том месте, куда он подъезжал в карете во время своих визитов к Эразму. Часть фасада была повреждена, но в целом вилла осталась нетронутой.

Надеюсь, что она жива.

Нисколько не расстроенный Севрат кружил над космопортом, выбирая место для посадки. Внезапно он резко поднял машину вверх.

— Наши посадочные площадки и корабли уже захвачены человеческими повстанцами.

Вор продолжал изучать творившийся внизу хаос.

— Куда еще мы можем приземлиться?

— Есть запасная посадочная площадка в старом космопорту на южной окраине города. Она цела, функционирует и находится в руках Омниуса.

Когда корабль подлетел к запасной площадке, Вориан увидел обугленные человеческие трупы и разбитые остовы мыслящих машин по всему периметру старого космопорта. У северных посадочных площадок шел яростный бой между неокимеками и бросавшимися в самоубийственные атаки людьми, вооруженными оружием, отнятым у роботов охраны.

Севрат переключил двигатели и электронное оборудование «Дрим Вояджера» в режим ожидания. Полдюжины вооруженных роботов бежали к площадке, готовые защитить приземляющийся корабль и драгоценные данные, находившиеся на его борту.

— Что мне надо делать, Севрат, как ты думаешь? — спросил Вориан с сильно бьющимся сердцем.

Севрат дал удивительно проницательный ответ:

— Я предлагаю использовать корабль для перевозки обороняющихся роботов в те места, где они больше всего нужны. Тебе же я предлагаю остаться на борту. Для тебя сейчас это самое безопасное место, Вориан Атрейдес.

Но в голове Вориана стучала одна мысль — разыскать Серену Батлер.

— Нет, старый железный умник, я могу помешать. К тому же системы моего жизнеобеспечения будут отнимать драгоценную для вас энергию. Оставь меня в космопорту, я как-нибудь позабочусь о себе.

Робот обдумал ответ Вориана.

— Как хочешь. Однако сложилась такая ситуация, что тебе лучше остаться незамеченным и не бросаться никому в глаза. Избегай ввязываться в сражение. Ты — ценный доверенный человек, сын генерала Агамемнона, но одновременно ты — человек. Ты рискуешь пасть жертвой обеих сторон.

— Я понимаю.

Севрат повернул к нему свое непроницаемое лицо.

— Береги себя, Вориан Атрейдес.

— И ты, старый железный умник.

Пока Вор торопливо спускался по трапу на испятнанную выхлопами космических кораблей площадку старого космопорта, мыслящие машины, передав сигнал тревоги, старались связаться с другими подразделениями боевых роботов. По взлетным площадкам бежали сотни людей. Мгновенно достигнув согласия, десяток солдат-роботов погрузились на борт «Дрим Вояджера», чтобы провести тактическое перераспределение сил.

Спрятавшись за старый вездеход, Вор внезапно ощутил свою полную уязвимость и беззащитность. Он видел, как «Дрим Вояджер» взмыл в воздух. Всего день назад они с Севратом играли в стратегические военные игры и болтали о пустяках. Но прошло всего несколько часов, и весь его мир вывернулся наизнанку.

Прорвав кордоны роботов у северных причальных доков, мятежные люди бросились в здания порта. Очевидно, Омниус решил сократить свои потери, оставив для сдерживания хретгиров всего несколько мыслящих машин. Вориан решил скорее искать убежища, ведь на нем была официальная форма доверенного человека, слуги Синхронизированного Мира. Не так уж много людей занимали столь высокие посты в иерархии мыслящих машин, и если повстанцы обнаружат его в таком виде, то просто разорвут на части.

Сотни мертвых человеческих тел устилали гудрон посадочных площадок. Подумав, Вор схватил за руки мертвеца одного с ним роста и телосложения и потащил его в тень между двумя горящими зданиями. Распрощавшись с частью своего прошлого, Вориан стянул с себя летную форму, в которой он столько лет летал на «Дрим Вояджере», и надел на себя одежду убитого.

Одетый в равную рубашку и грязные брюки, он выждал удобного момента и присоединился к потоку мятежников. С криками «Свобода!» и «Победа!» они врывались в здания космопорта. На их пути осталось всего лишь несколько боевых роботов.

Вор от души надеялся, что толпа не станет разрушать все строения и службы порта или суда роботов. Если руководите-

ли мятежа занимались планированием своих действий, то они должны были прежде всего позаботиться о своем бегстве за пределы Синхронизированного Мира.

Вор на мгновение поразился, поняв, что его представления о долге радикально изменились. Это обрадовало и испугало его одновременно. Он чувствовал, что покидает надежность машинного мира и уходит в неизвестность мира людей, к своим забытым биологическим корням. Но он понимал, что должен это сделать. Слишком многое узнал он за последнее время и смотрел теперь на мир совсем другими глазами. Вокруг него бушевали страсти. Рабы совершенно не заботились о последствиях своих разрушительных действий. Толпа была вооружен чем попало — здесь были самые примитивные дубины и сложные пушки с клеточным смещением, отнятые у боевых роботов. Повстанцы заложили зажигательные шашки в здания космопорта и убили убегавшего неокимека, который пытался спастись. Его убили из клеточной пушки, разрушив мозг в емкости.

Почувствовав себя в безопасности, Вор покинул космопорт. Он несколько раз присоединялся к другим мятежникам на мокрых улицах города. Он ничем не выделялся среди прочих оборванцев, но в отличие от них имел четкую цель.

Ему надо было во что бы то ни стало добраться до виллы Эразма.

В узких ущельях улиц, между горящими зданиями, темнота наступила раньше, чем спустились сумерки. Тьма была гуще, чем обычно, потому что Омниус отключил энергию в секторах города, захваченных людьми. Грозовые тучи нависали над домами, беременные дымом и дождем. Резкий ветер продувал насквозь жалкую одежду Вора, и его бил озноб.

Он надеялся, что Серена еще жива.

Группа решительных по виду рабов сломала железные ворота и проникла в здание. Разбитые остатки мыслящих машин были кучей свалены во дворе. Из услышанных разговоров Вориан понял, что был убит даже титан Аякс. *Аякс!* Вориан не поверил в это, но потом перестал сомневаться, что это так и было. В следующем квартале ярко горело какое-то здание, отбрасывая зловещие отблески на мокрую от дождя мостовую.

Даже после всего того, что Вориан узнал о преступлениях и злоупотреблениях первоначальных титанов, Вор испытывал невольную жалость к отцу. Если Агамемнон сейчас на Земле, то генерал кимеков, естественно, находится где-то в гуще бунта, стараясь его подавить. Несмотря на всю лживость историй и россказней Агамемнона, он все же был его родной отец.

Ускорив шаг, Вориан поспешил к вилле Эразма. Молодой Атрейдес устал, ноги его горели огнем. На площади перед главным домом группа разъяренных повстанцев пыталась преодолеть наспех возведенную баррикаду. Самые ожесточенные столкновения происходили в центральных кварталах города, но и здесь освобожденные рабы несли какую-то вахту, но Вориан не понимал, зачем им это нужно. Он попытался осторожно это выяснить.

— Мы ждем Иблиса Гинджо, — сказал один человек с жидкой бородкой. — Он хочет лично возглавить штурм этой виллы. Эразм все еще находится там, внутри.

Чтобы выразить свое презрение, мужчина яростно плюнул на землю, потом добавил:

— Женщина тоже там.

Вор почувствовал, что у него подкашиваются ноги. О какой женщине говорит этот человек? Может быть, о Серене?

Прежде чем он успел спросить об этом, из окон виллы раздалось несколько выстрелов. Оборонявшиеся роботы все еще лелеяли надежду разогнать толпу. Но повстанцы продолжали прибывать, постепенно сжимая вокруг виллы кольцо осады. Группа людей, одетых в грязную рабочую одежду, заняла стратегические позиции. Эти люди начали стрелять из самодельных ракетных установок, уничтожив пушки, установленные на крыше виллы.

Небольшой участок площади перед фасадом виллы был огорожен столбиками и натянутой между ними проволокой. Вокруг, как стражники, стояли какие-то люди... хотя скорее они были похожи на паломников, так как проволока была увешана цветами и светлыми ленточками. Охваченный любопытством, он подошел ближе и спросил об этом у пожилой сухопарой женщины.

— Это священное место, — ответила она. — Здесь погиб ребенок, а его мать дралась с чудовищем Эразмом. Серена.

которая помогла нам, благодаря которой нам стало чуть легче жить, эта святая женщина восстала на мыслящих машин и показала всем нам, что это возможно.

Чувствуя, что ему становится не по себе, Вориан начал выспрашивать подробности и узнал, что робот сбросил малыша с балкона и мальчик разбился насмерть.

Сын Серены. *Убит.*

— Что сталось с Сереной? — спросил Вориан, схватив старуху за руку. — Она невредима?

В ответ старая женщина только пожала плечами:

— Эразм забаррикадировался на вилле, и с тех пор Серену никто не видел. Прошло уже три дня. Кто знает, что происходит за этими стенами?

Толпа расступилась, уступая кому-то дорогу. Появился человек в потрепанной одежде, в черной рубашке и с повязкой начальника строительной команды на голове. За ним, словно это был выдающийся вождь, следовали двенадцать хорошо вооруженных людей. Он поднял в знак приветствия руки, и толпа ликующе начала выкрикивать его имя:

— Иблис! Иблис Гинджо!

— Я обещал вам, что это возможно! — крикнул он. — Я все это говорил вам!

Даже без механических усилителей его голос был мощным и одновременно удивительно теплым.

— Посмотрите, чего нам удалось добиться. Теперь мы должны закрепить еще одну нашу победу. Робот Эразм совершил преступление, поднявшее нас на восстание. Он не должен больше прятаться за стенами виллы — настало время наказать его!

Страстный голос этого человека произвел воспламеняющее действие на повстанцев. Люди начали выкрикивать клич мести — и Вориан не выдержал. Встревоженный, он тоже возвысил голос, желая быть услышанным:

— И найти мать! Мы обязательно должны ее спасти!

Иблис посмотрел на него, и взгляды двух мужчин встретились. Харизматический вождь помедлил долю секунды и поддержал Вориана:

— Да, спасите Серену!

Под командованием Иблиса толпа превратилась в организованное оружие, в молот, ударивший в окованные железом

ворота виллы. Люди вырывали оружие из рук роботов охраны, которых они победили. Это оружие было использовано для стрельбы по вилле, но скоро в ружьях закончились заряды, так в схватке оружие было повреждено. Тогда люди изготовили импровизированный таран и начали бить им в ворота, сгибая прочный металл, которым те были окованы. Снова и снова ударял таран в ворота, и они наконец поддались. С неба снова хлынул тяжелый маслянистый дождь.

Внутри виллы бронированные роботы попытались укрепить ворота. Вориан догадался, что большинство этих защитников были обычными перепрограммированными на военные цели домашними роботами, от которых вряд ли можно было ожидать долгого сопротивления.

Таран ударил еще раз, потом еще, промежуток между створками стал шире. Машины отступили, оставив поле боя.

Хотя Вориан не знал, как ему относиться к своему новому чувству к машинам, он не доверял и толпе освобожденных рабов. Им в действительности не было никакого дела до Серены, даже если это именно она высекла искру, воспламенившую бочку с порохом. Если же она останется здесь, то, несомненно, станет мишенью возмездия со стороны Омниуса.

Стоя под дождем и наблюдая эту сцену, Вориан Атрейдес выработал свой план действий. Он поклялся себе, что спасет Серену. Он выкрадет космический корабль и улетит с ней далеко отсюда, прочь из Синхронизированного Мира.

Да, он отвезет Серену на дорогую ее сердцу Салусу Секундус, даже если это будет означать, что он сам отдаст ее в руки ее утраченного возлюбленного.

Мы обязаны положить новую информацию на чашу весов и изменить наше поведение. Человека отличает одно примечательное качество — он выживает с помощью разума — как индивид, так и вид в целом.

Наиб Исмаил. «Плач дзенсунни»

Ссылаясь на самые древние поритринские законы, лорд Бладд потребовал для Бела Моулая жесточайшего наказания за совершенное им преступление. Большинство рабов получит амнистию, так как Поритрин нуждается в рабочей силе, но вождю мятежников не может быть и не будет прощения.

Исмаил тесно прижался к Алииду. Два мальчика-невольника искали друг у друга молчаливой поддержки в своем горе. Юных рабов увезли из каньона, где они делали мозаичное панно, и заключили в тюрьму для того, чтобы заставить их присутствовать при казни Моулая. В наказание за то, что они испортили картину, лорд Бладд решил отправить их на ту же работу и увеличить длительность рабочей смены. Но это должно было произойти только после того, как они увидят последствия безумного поступка Бела Моулая. Все рабы должны увидеть возмездие.

Голодные и измученные мальчики сбились в тесную кучку. Одежда их была рваной и грязной, от них исходил неприятный запах, так как у них уже много дней не было возможности помыться. Над ними издевались надсмотрщики:

— Если вы ведете себя как собаки, то и обращаться с вами будут как с собаками. Если вы будете вести себя как люди, то, возможно, и мы изменим свое отношение к вам.

В ответ Алиид только ругался сквозь зубы. Он был неукротим в своей ненависти к угнетателям.

Драгуны-гвардейцы провели закованного в цепи Бела Моулая по площади Старды к высокому помосту, на котором должна была состояться показательная публичная казнь. Толпа

оцепенела и замолчала. Моулаю сбрили черную бороду и волосы. На черепе и подбородке, там, где раньше были черные, как смоль, волосы, выступали белые уродливые пятна. Но глаза его продолжали пылать неугасимым гневом и верой. Этот человек не примирился с поражением восстания.

Грубо схватив вождя дженшиитов, одетые в золотые мундиры драгуны сорвали с Моулая всю одежду. Они бросили лохмотья с помоста, оставив Моулая совершенно нагим, наказывая его сначала стыдом. Рабы зароптали, но их предводитель стоял на помосте, по-прежнему гордый и спокойный. Ничто не могло его устрашить.

Над площадью эхом разнеся голос лорда Бладда:

— Бел Моулай, ты совершил тяжкое преступление против всех граждан Поритрина. В моей власти наказать всех мужчин, женщин и детей, принимавших участие в мятеже, но я проявил милость. Ты один понесешь наказание за свое отступничество.

Толпа тихо застонала. Алиид ударил кулаком по раскрытой ладони. Бел Моулай молчал, но само его молчание было красноречивее всяких слов.

Нико Бладд старался выглядеть великодушным.

— Рабы, если вы извлечете урок из сегодняшней казни, то, возможно, со временем снова станете вести полноценную жизнь рабов, чтобы оплатить свой долг перед человечеством.

Теперь рабы просто взвыли от негодования. Гвардейцы на всякий случай сомкнули ряды оцепления, покрепче уперши древки копий в землю. Исмаил понимал, что, несмотря на все свое недовольство, рабы потерпели поражение и были биты, во всяком случае, в этот раз. Они увидели своего вождя публично униженным — в кандалах, бритого и нагого. И хотя он так и не признал себя побежденным, его последователи и сподвижники потеряли все свое воодушевление. Искры мятежа погасли.

Бладд продолжал говорить:

— Древние законы жестоки, некоторые из них можно даже назвать варварскими. Но поскольку твои действия были нецивилизованными и варварскими, то и наказание за них должно быть адекватным.

Белу Моулаю не дали произнести последнего слова перед казнью. Драгуны выбили ему зубы молотом, а потом засуну-

ли ему в рот большие клещи. Моулай отчаянно сопротивлялся, но в глазах его была ненависть, а не страх. Клещами палачи вырвали у приговоренного язык и бросили окровавленный комок плоти в толпу рабов.

Потом топорами с алмазным напылением они отрубили преступнику руки и также швырнули их в отпрянувшую толпу. Из культей в воздух длинными фонтанами хлынула алая кровь. Раскаленными железными штырями палачи выжгли ему глаза. Только в этот момент Моулай застонал от боли, но нашел в себе силы подавить стон.

Ослепленный Моулай не знал, что делали дальше заплечных дел мастера до тех пор, пока они не накинули ему на шею петлю и не подвели его к особого рода виселице. Петля медленно затягивалась вокруг его шеи, сдавливая трахею, но не ломая позвонки. Моулай мучительно умирал от удушья, но было ясно, что, несмотря на свое положение и состояние, он был готов продолжать сопротивление, если бы у него появилась для этого хоть малейшая возможность.

Исмаила вырвало. Несколько мальчиков, рыдая, упали на колени. Алиид стиснул зубы, удерживая рвущийся из груди крик.

После казни Норма Ценва чувствовала в груди холодный ком. Она едва могла отвечать Хольцману, который с мрачным видом стоял рядом в своем лучшем белом костюме.

— Он сам навлек на себя такое жестокое наказание, разве нет? — говорил он. — Мы всегда хорошо обращались со своими рабами. Зачем Моулай замыслил злодейство против нас, почему хотел помешать войне с мыслящими машинами?

Глаза ученого горели, ноздри раздувались от праведного гнева. Он посмотрел на стоявшую рядом с ним маленькую женщину.

— Ну а теперь нам пора возвращаться к работе. Думаю, что рабы теперь будут вести себя по-другому.

В ответ Норма лишь отрицательно покачала головой:

— Репрессии по сути своей не мудры.

Она еще раз с ужасом посмотрела на содрогавшееся в агонии обезображенное тело, висевшее в петле под перекладиной виселицы.

— Лорд Бладд преуспел только в том, что сделал из этого человека мученика. Боюсь, что это еще не конец истории.

Машины обладают свойствами, которых никогда не будет у людей — бесконечным терпением и долговечностью, помогающей реализовать это терпение.

Файл из архива Омниуса

Хотя Эразм мобилизовал всех своих охранных роботов на защиту виллы, он понимал, что это только небольшая отсрочка. Страсть и натиск рабов удивили его, превзойдя все его самые смелые прогнозы.

Люди способны до бесконечности удивлять самый рациональный ум.

Рабы из грязных бараков были освобождены их братьями хретгирами и влились в ряды разъяренных повстанцев. Бунт распространился на столицу и другие города Земли. Вилла окружена и, несомненно, должна скоро пасть.

Опыты приводят иногда к неожиданным результатам.

Приняв свой самый устрашающий вид, разработанный специально для того, чтобы вызывать у людей кошмары, Эразм вышел на высокий балкон, с которого он сбросил ребенка. Его маска была сейчас похожа на выражение морд страшных чудищ, украшавших фасад виллы, но аналитический механический разум продолжал обрабатывать и оценивать поступавшую информацию. Не сделал ли он ошибку, убив маленького ребенка? Кто мог подумать, что такая банальная мелочь, как его смерть, приведет к такому беспорядку?

Я неправильно просчитал их реакцию.

Толпа внизу осыпала его проклятиями, некоторые рабы стреляли по балкону из легкого стрелкового оружия. Впрочем, этот огонь не приносил никакого вреда. Хуже было то, что некоторые из людей, вооружившись примитивным тараном, принялись ломать металлические ворота, и роботы охраны сдерживали этот натиск уже из последних сил и скоро,

видимо, сдадутся. Если мятежники ворвутся на виллу, то они — и в этом не могло быть никаких сомнений — уничтожат Эразма, так же как они убили Аякса и раздавили бесчисленное множество роботов и неокимеков. Эразм — их первая и главная цель.

В гуще толпы стоял суровый человек, явный харизматический лидер, который зажигал толпу своими речами. Лидер размахивал руками, страстно что-то говорил и, по всей видимости, оказывал на людей гипнотическое влияние. Когда он что-то кричал Эразму, толпа начинала вторить ему неистовым ревом.

После недолгой задержки робот обработал эту информацию и установил, что этот лидер — один из объектов его эксперимента по выявлению человеческой лояльности. *Иблис Гинджо.* По цепям искусственного мозга Эразма потекли импульсы. Он оценивал итог и устанавливал новые ассоциации.

Иблис был начальником строительной команды, одним из довольных жизнью доверенных людей. Однако он без колебаний поддержал мятеж, возможно даже, что он и стал его вдохновителем и организатором. Возможно, что своими смутными и неясными призывами к бунту Эразм сам спровоцировал такой поворот событий, гальванизировал начальника команды, и тот превратился в вождя восставших рабов. Но Эразм не ожидал такого монументального, такого неукротимого ответа людей.

Как бы то ни было, но Эразм отстоял свою правоту. Рядом с ним, на балконе, вился один из жучков всемирного разума. Независимый робот не счел нужным скрывать свое самодовольство.

— Омниус, все произошло именно так, как я предсказал. Даже наиболее доверенные люди в конце концов обратятся против тебя.

— Итак, значит, ты выиграл пари, — произнес в ответ Омниус. — И это очень и очень печально.

Эразм просканировал своими оптическими сенсорами пожары, полыхавшие в городе. Если бы у него была возможность объективно взглянуть на мятеж, то это стало бы захватывающим исследованием человеческой природы. Психология групп в условиях всеобщего потрясения всегда интересо-

вала Эразма, хотя такое изучение было скорее всего очень опасным.

— Да, это, конечно, весьма печально.

Ворота виллы наконец не устояли перед ударами тарана и раскрылись. Иблис рукой указал на них своим фанатикам, и толпа, как приливная морская волна, затопила роботов охраны, сметая их со своего пути.

Эразм понял, что пора уходить.

Зная ценность своих независимых мыслей и построений, робот не хотел, чтобы его уничтожили. Он представлял собой индивидуальность, гордую своими личными достижениями, возможно, у него была даже бессмертная душа. Он хотел продолжить свою работу, обобщить уроки, извлеченные им из этого миленького бунта.

Но для этого надо было немедленно бежать.

Рев толпы с каждой секундой становился все громче и громче. Было слышно, как рабы разрушают его красивый и уютный дом. У него было еще достаточно времени, чтобы спуститься на потайном лифте в подземный уровень, откуда шел скрытый подземный ход к близлежащим холмам, откуда можно было выйти прямо на берег моря.

Он поколебался, размышляя, стоит ли оставлять здесь Серену Батлер, но решил, что эта женщина и так прослужила ему достаточно долго. После того как он убил ее ребенка, она стала для него абсолютно бесполезной, не желая больше поставлять ему свежие интересные данные.

Смерть ребенка превратила Серену в дикое животное, она перестала бояться за свою жизнь. Она нападала на Эразма всякий раз, когда он подходил к ней даже с самыми ласковыми речами. В конце концов, хотя он несколько раз хотел просто убить ее, он не смог заставить себя этого сделать. Что само по себе заслуживало отдельного исследования. В конечном счете, он погрузил ее в медикаментозное оцепенение, запер в одной из своих лабораторий, так как не видел иной возможности укротить ее и заставить не нападать на себя. Теперь она находилась в кататоническом ступоре, но у Эразма не было времени выручать ее из этого состояния.

В опечатанной пещере, расположенной в высокой скале над белопенными волнами моря, у Эразма была наготове кос-

мическая шлюпка. В сопровождении одного из жучков Омниуса Эразм ступил на борт судна и взмыл в воздух ранним вечером. Над морем он развернулся и сделал круг над горящим городом.

— Все же ты глуп, Эразм, — проговорил Омниус с настенного экрана. — Тебе надо было дождаться нарастания битвы и переломить ее в мою пользу и в пользу моих мыслящих машин. Это все равно произойдет, и произойдет неизбежно.

— Возможно, это и так, Омниус, но я тоже оценил степень риска. Мне будет лучше вернуться в мое имение на Коррине и продолжить там эксперименты. Естественно, с твоего согласия.

— От тебя у меня одни неприятности, — сказал Омниус. Судно Эразма прибыло в один из отдаленных космопортов, который пока находился в руках мыслящих машин. — Но теперь нам больше, чем когда-либо раньше, надо учиться понимать наших врагов.

Эразм просмотрел базу данных в поисках небольшого корабля, находящегося в пределах досягаемости, на котором можно было бы проделать дальний путь до Коррина. Результатом всей его работы стал пока единственный надежный вывод: люди предсказуемы только в одном — в своей полной непредсказуемости.

Жизнь — это букет неожиданных ароматов. Иногда они нравятся вам, иногда — нет.

Иблис Гинджо. «Выбор полного освобождения»

Рабы ворвались на виллу злодея-робота, отметив свой успех настоящей оргией разрушения. Захваченный огнем их энтузиазма, Иблис стремительно повел небольшую группу по лабиринтам комнат и коридоров. Люди шли за ним как своеобразная рабочая команда, хотя эта работа приносила им куда большее удовлетворение.

— За Сереной! — крикнул он, понимая, что повстанцы хотели услышать именно эти слова. Люди подхватили клич.

В душе Иблису хотелось найти беззаботного Эразма, который столь буднично убил беспомощного ребенка. Хотелось ему также отыскать отважную мать, которая первая сразилась с мыслящими машинами. Если Иблису удастся освободить Серену Батлер, он сможет сделать ее символом, знаменем широкого движения против Омниуса. Скорее всего она находится здесь, в доме, если, конечно, она ее жива...

Мятежные толпы ворвались в главное здание, Вориан Атрейдес протолкался в первые ряды, подхваченный бушующим людским потоком. Бывшие рабы топтали роскошные ковры и ломали бесценные статуи. Вор бежал вместе с ними.

— Серена! — Его голос потонул в неистовом реве толпы.

Пока люди уничтожали дорогие безделушки, которыми окружил себя Эразм, Вориан бросился в любимую Сереной оранжерею.

— Серена! Серена!

Он перепрыгнул через распростертые на полу остатки разбитого робота, валявшиеся в коридоре. Бежавшие впереди него люди взломали тяжелую металлическую дверь кладовой и принялись расхватывать тяжелые инструменты, которые можно

было использовать как оружие. Вор пробился через эту толпу и схватил в кладовой длинный нож — оружие, больше подходившее для борьбы с людьми, а не с машинами — и побежал дальше, пока не добрался до запертой двери лаборатории. Он страшно боялся, что механический злодей успел поставить свой последний опыт — вскрыть Серену.

Остальные люди рассеялись по обширному имению. Вор пробирался через посты охраны, пункты обороны, пока не дошел до помещения, где содержались люди, предназначенные для опытов Эразма. По коридорам, пошатываясь, бродили освобожденные жертвы с впалыми щеками и тусклыми глазами.

Вориан скоро добрался до запертых камер. Он попытался открыть двери, но безуспешно. Сквозь маленькие круглые окошки он увидел множество людей, некоторые прижали лица к прозрачному плазу, другие безучастно лежали на холодном каменном полу. Серены среди них не было.

Под выключенным оком Омниуса Вориан нашел нужный рычаг и открыл замок камеры, освободив пленников. Когда бывшие пленники высыпали из тесной клетки, где они сидели, как стадо подопытных животных, Вориан протиснулся в их гущу и принялся звать Серену. Рабы хватали его за руки, щурясь от яркого света. Он не мог тратить на них время и продолжил поиск.

В задней комнате лабораторного корпуса, стерильном помещении, где были сложены зловещие хирургические инструменты, он наконец нашел лежавшую с закрытыми глазами на плазкретном полу Серену. Было такое впечатление, что она на какое-то время пробудилась от наркотического сна, приползла сюда и снова впала в беспамятство. Ее золотисто-белая одежда была испачкана и разорвана, на лице и руках были видны синяки и кровоподтеки. Она лежала как мертвая или как человек, который хочет умереть.

— Серена? — Он прикоснулся к ее щеке. — Серена, это Вориан Атрейдес.

С трудом открыв затуманенные наркотиками глаза, она сначала не узнала Вориана. Он увидел ее блуждающий взгляд и понял, что она плавает в безбрежном море галлюцинаций и

транквилизаторов. Эразм таким способом пытался держать ее под контролем. Наконец она прошептала:

— Я не ожидала снова увидеть тебя.

Он помог Серене встать на ноги и поддержал ее, так как ее качало, как сомнамбулу. В задней части сада все было залито кровью, но Вориану удалось найти в зарослях папоротника нетронутый фонтан с чистой водой. Он набрал в пригоршню воды и стал поить женщину. Серена жадно пила, стараясь стряхнуть с себя наркотический туман. Потом она оторвала кусок одежды, чтобы протереть лицо и руки.

Казалось, ей хочется только одного — повалиться на пол и погрузиться в благословенное забытье, но она воспротивилась этому желанию и со злостью ухватилась за стену, чтобы сохранить равновесие и удержаться на ногах.

— Почему ты здесь?

— Я пришел, чтобы увезти тебя на Салусу Секундус.

Ее прекрасные глаза, отуманенные ужасными снадобьями Эразма, оживившись, сверкнули.

— Ты бы смог это сделать?

Он кивнул, стараясь своей уверенностью вдохнуть в нее надежду, но в душе сомневаясь, что ему удастся снова отыскать «Дрим Вояджер».

— У нас мало времени, — сказал он.

Лицо Серены просветлело, в глазах появилось выражение силы и надежды.

— Салуса... мой Ксавьер.

Он нахмурился, услышав это имя, но потом сосредоточился на задаче, которую надо было решать немедленно.

— Прежде всего нам надо выбраться отсюда. На улицах очень опасно, особенно для нас.

Теперь, когда перед ней появилась четкая цель, Серена усилием воли собрала все свои силы в кулак. Когда он повел ее по коридору, навстречу им попался Иблис Гинджо. Горя от восторга и широко улыбаясь, начальник строительной команды встал в дверном проеме.

— Так вот вы где! Благословенная женщина, люди сбросили свои оковы, чтобы отомстить за вашего убитого ребенка.

Вор прикрыл рукой Серену, желая защитить ее от непрошеного почитателя.

— Мне надо немедленно вывести ее отсюда.

Он не привык, чтобы даже другое доверенное лицо оспаривало его решения, но вождь восстания не думал освобождать дорогу.

Как это ни странно, но Иблис гораздо больше верил в силу убеждения, чем в силу оружия.

— Эта женщина очень важна для продолжения революции. Подумайте о той боли, какую ей пришлось пережить. Вы и я — не враги. Мы должны объединиться, чтобы сбросить...

Голос Иблиса звучал так, словно он произносил речь перед толпой. Вориан вытащил из-за пояса нож и угрожающе поднял его.

— Раньше я мог стать вашим врагом, но теперь я вам не враг. Меня зовут Вориан Атрейдес.

Иблис недоверчиво взглянул на незнакомца.

— Атрейдес? Сын Агамемнона?

Лицо Вориана исказилось, но клинок в руке не дрогнул.

— Мне всю жизнь предстоит нести бремя этого имени. Для того чтобы искупить этот грех, мне надо увезти Серену в безопасное место. Скоро Омниус вызовет сюда подкрепление, и оно прибудет, даже если ему придется лететь с других планет Синхронизированного Мира. Не впадайте в эйфорию по поводу мимолетного успеха. Вы не представляете себе, на что способны мыслящие машины. Ваш бунт на Земле обречен на поражение.

Иблис, горячась и спеша, начал объяснять, что он задумал, как он желал, чтобы Серена одним своим присутствием вдохновляла революцию, которая, в конце концов, все равно сокрушит Омниуса.

— Вы можете сделать наше движение много сильнее. Серена Батлер и ее убитый ребенок будут побуждать остальных. Подумайте о том, чего мы сможем достичь.

В любое другое время Серена вняла бы такому страстному призыву и отдала бы все силы за освобождение страдающих людей. Это было частью ее характера, частью ее личности. Но убийство невинного Маниона погасило пламя страсти и чувство справедливости, убило не только ребенка Серены, но и часть ее души.

— Ваше дело правое, Иблис, — заговорила Серена, — но я изнемогла от всего того ужаса, который мне пришлось пережить. Вориан взялся отвезти меня на Салусу. Я должна увидеть своего отца и рассказать Ксавьеру, что произошло с его сыном.

Иблис взглянул в глаза Серены, и между ними словно пробежал электрический ток. Он ни за что не хотел лишаться Серены, она была необходима ему и его делу. Мысли его путались, надо было немедленно найти выход. В течение многих месяцев он готовил эту революцию, создал секретную организацию, но теперь он чувствовал, что не сможет добиться окончательного успеха без этой замечательной молодой женщины и всего, что она собой представляла. Он не сможет добиться от народа чувства необходимого религиозного возбуждения.

Темные глаза Иблиса вспыхнули. Он понял, как использовать изменившуюся ситуацию.

— Салуса, планета Лиги? Скажите мне, Атрейдес, как вы собираетесь покинуть Землю?

— Думаю, у меня есть способ это сделать. Я найду свой корабль «Дрим Вояджер». Но медлить уже нельзя.

Иблис в мгновение ока понял, что ему надо делать. Он осознал, что революцию придется вести долго, ее надо закончить на Земле и вне ее. Но тогда лучше руководить ею из другого места. Тогда он сможет следить, чтобы она, как пожар, перекидывалась с одной планеты на другую.

— В таком случае мы отправимся вместе. Я обращусь к представителям Лиги, попробую убедить аристократов прислать сюда необходимое подкрепление. Они должны помочь нашему делу!

В комнате рядом раздался треск ломаемой мебели, звон разбиваемого плаза и громкие торжествующие крики.

— Я провожу вас в безопасное место через толпы моих сподвижников. Они не задержат нас. — Иблис говорил очень резонно и весьма убедительно. — Вы не выйдете из этого здания без моей помощи.

Вориан посмотрел на него своими стальными серыми глазами. У него была только одна цель — увезти отсюда Серену. Он не хотел иметь ничего общего с этим смутьяном. Серена оперлась на плечо Атрейдеса. Она чувствовала прилив сил.

— Прошу вас, позвольте нам уехать. Я хочу покинуть Землю и забыть весь этот кошмар.

В дверях появились двое людей Иблиса. За ними протиснулись еще трое. Они смотрели на своего вождя, ожидая приказаний. Лидер должен был оставить вместо себя человека, который в его отсутствие продолжал бы раздувать пламя революции на Земле, пока он сам старался бы побудить к участию в ней остальное свободное человечество. Это должен быть верный и надежный человек.

Он сразу подумал о великане — посреднике и помощнике Экло — и о сети связей и сведений, которыми располагал когитор.

— Привезите ко мне Акима. Немедленно.

Оказавшись на площади перед фасадом разрушенной виллы, увидев Иблиса и обдумывая его предложение, Аким разрывался между своей человеческой наследственностью и служением когитору, которому он поклялся в верности.

— Ты не можешь и дальше сохранять нейтралитет, — заявил Иблис, — так же как и Экло. Вы оба должны помочь нам дойти в нашей борьбе до конца. Мне нужен человек, которому я мог бы доверить дело революции, а мне надо ехать в Лигу, добиваться от них помощи.

Аким был ошеломлен.

— На это могут потребоваться многие месяцы.

— Ровно столько, сколько летит корабль туда и обратно. — С этими словами Иблис доверительно положил руки на плечи рослого монаха. — Друг мой, однажды вы рассказали мне, как водили группу людей в рейды против мыслящих машин и даже сумели достичь в этом деле некоторых успехов. Помните, что сказал мне когитор — нет ничего невозможного.

Монах помолчал, собирая в кулак все свое мужество.

— Есть большая разница между руководством маленькой группой и властью над тысячами людей.

— В те дни, когда вы еще не увлекались семутой, вы не делали таких тонких различий.

— Семута не отупляет меня, она делает мой ум острее!

Иблис улыбнулся.

— Я хорошо умею подбирать людей и признаю ваши таланты. Есть и другие люди, которых я могу избрать, но только тебе, Аким, я могу полностью доверять. Кроме боевого опыта, ты обладаешь большой мудростью, которую ты почерпнул из общения с когитором. Ты — человек, который годится для такого дела, Аким.

Тот медленно и задумчиво кивнул, проникаясь важностью порученного ему дела.

— Да, Экло хотел бы, чтобы я занялся этим.

Перед отбытием Иблис привел Серену туда, где он хранил тело ее убитого сына. Он сохранял изуродованные останки маленького Маниона в одном из зданий на вилле Эразма и следил за его сохранностью даже во время самых бурных событий мятежа.

Теперь Серена стояла здесь, как статуя разгневанной богини, холодная и окаменевшая. Она протянула руку и прикоснулась к полимерной пленке, которая предохраняла от разложения восковое ангельское личико. Плотное покрытие поглотило тельце ребенка, как последствия убийства невинного младенца поглотили мыслящих машин.

— Ты законсервировал его?

— Это предохраняющий пакет, в который запечатывают тела умерших на работе рабов. — Иблис попросил женщину понять то, что он сделал. — Все должны знать, что здесь произошло, Серена. Они будут помнить твоего сына и все, что с ним связано. Мы построим в его честь величественный мемориал, сохраним его, как в мавзолее, чтобы все свободное человечество могло его видеть.

Он искоса посмотрел на Вориана Атрейдаса.

— Никогда не следует недооценивать значимости символов.

— Вы хотите построить гробницу? Иблис, тебе не кажется, что ты забегаешь вперед? — спросил Атрейдес, с трудом подавляя нетерпение. — Мятеж еще не закончился победой.

Серена взяла на руки пакет с ребенком. Он показался ей очень легким.

— Если мы возвращаемся на Салусу Секундус, то я хочу взять его с собой. Его отец заслуживает того, чтобы хоть один раз посмотреть на своего сына.

Прежде чем Вор успел возразить, заговорил Иблис.

— Каждый должен увидеть его! Это поможет нам убедить Лигу в необходимости оказать нам — на Земле — всяческую поддержку. Ты должна убедить их в такой необходимости, иначе будет слишком поздно. Если мы не получим помощи, то жертв будет намного больше.

Видя, насколько это важно для Серены, Вориан лишь расправил плечи и не стал возражать.

— Если мы сейчас же не поспешим, то опоздаем все, — сказал он.

Держа Маниона на руках, Серена выпрямилась.

— Теперь я готова. Идемте искать «Дрим Вояджер».

Существует бесконечное разнообразие отношений между машинами и биологическими объектами.

Запись в базе данных Омниуса

Вориан, Серена и Иблис, который сам вызвался лететь, нашли и захватили в имении Эразма пассажирский челнок. Они не стали ничего брать с собой. Только Серена взяла тело маленького Маниона. Пока повстанцы продолжали громить виллу, Вор и его спутники покинули невообразимый шабаш. Во время перелета они не заметили ни боевых роботов, ни воюющих неокимеков. Титанов вообще не было видно. Никто из них не объявился.

Маленькое судно плавно неслось над землей, направляясь к окраине города, где разрушения были минимальными. Во времена Старой Империи здесь, на пологих склонах холма, террасами располагались уютные дома и красивые сады. После победы мыслящих машин место это было покинуто и пришло в полное запустение. Остались только каменные остовы и железные ворота.

В своих мемуарах Агамемнон высмеивал мирские привычки и суету жителей Старой Империи, но теперь Вориан ставил и это утверждение под вопрос. Ему стало грустно и стыдно. Благодаря Серене он впервые обратил внимание на то, что в действительности происходит вокруг, в его голове появились беспокойные мысли. Было такое впечатление, словно перед ним внезапно открылась новая, незнакомая Вселенная.

Как удалось машинам столь многое от него скрыть? Или Вориан сам выбрал этот путь, предпочитая не видеть очевидного? Обширные исторические материалы всегда хранились в базах данных «Дрим Вояджера», но он ни разу не удосужился в них заглянуть. Он с готовностью принял точку зрения своего отца.

Он сказал Серене, что он нашел в истории, она горько улыбнулась одними углами губ.

— Значит, ты еще не безнадежен, Вориан Атрейдес. Тебе еще многое предстоит открыть уже как человеческому существу.

Впереди показались белое здание космопорта, ангары боевых машин, сенсоры сторожевых систем и тяжелые орудия. Вор передал знакомые позывные «Дрим Вояджера», и роботы охраны разрешили посадку маленького быстроходного судна.

Со всей возможной быстротой Вор ввел корабль в сухой док ангара и выключил все системы. Далеко впереди, среди грузовых причалов, подъемных кранов и цистерн с горючим, виднелись стоявшие у взлетных причалов космические корабли. Машинная ремонтная команда готовила один из кораблей к отбытию.

Серебристо-черный «Дрим Вояджер» тоже находился здесь, как и надеялся Вориан.

— Скорее, — сказал он и взял Серену за руку. Иблис побежал следом, не отставая, держа в руке пистолет — не слишком надежное оружие на случай, если охранные роботы вздумают их атаковать.

Вориан набрал код на внешней панели «Дрим Вояджера» и стремительно проник во входной люк.

— Ждите меня здесь. Если корабль на ходу, я сейчас же вернусь.

С Севратом он должен был разобраться сам.

Оказавшись внутри корабля, Вориан сразу же уловил жужжание мелких ремонтных машин, которые вставляли в гнезда новые блоки питания. Он не счел нужным приглушать свои шаги. Севрат так или иначе обнаружит его присутствие.

— Кажется, ты сломал судно, старый железный умник? — спросил Вориан. — И как ты полетишь без меня?

— Повстанцы обстреляли мой корабль, когда я доставил боевых роботов для пополнения. Один двигатель немного пострадал. Есть еще мелкие царапины на обшивке.

Робот двигал своими неподатливыми волокнистыми конечностями, настраивая параметры открытой системы. Оптические сенсоры были отрегулированы так, чтобы робот мог видеть в визир все детали механизмов.

Наконец робот заговорил:

— Я могу воспользоваться твоей помощью, Вориан Атрейдес. Один из ремонтных шмелей вышел из строя. Все пригодные чинят боевых роботов.

Вор понимал, что действовать надо быстро, промедление смерти подобно.

— Позволь, я взгляну.

— Я вижу, ты сменил свой гардероб, — сказал Севрат. — Когда восставшие рабы бегут по улицам, форма Омниуса резко выходит из моды?

Вориан не смог сдержать улыбки, несмотря на все свое напряжение.

— Люди разбираются в моде лучше, чем машины.

Он подошел ближе к своему механическому другу и внимательно посмотрел на небольшой шунт доступа на защищенной нижней панели корпуса робота. Хотя кнопка была прикрыта крышкой из текучего металла и защищена прочными волокнами, Вориан знал, что ему не составит никакого труда пережать канал поступления энергии, замкнуть преобразователь и парализовать робота-капитана.

Он порылся в карманах, словно что ища, и извлек оттуда мелкий инструмент.

— Сейчас посмотрю, что случилось со шмелем.

Вориан, притворившись неловким, покачнувшись, наклонился и тут же сделал молниеносное движение, зажав шунт в боку Севрата.

Робот дернулся всем корпусом и замер. Хотя Вориан знал, что это состояние машины обратимо и ее можно легко починить, он все же испытал укол стыда и вины.

— Прости меня, старый железный умник.

Он услышал за спиной шум и увидел Серену и Иблиса, которые вошли в кабину.

— Я же сказал, чтобы вы подождали.

Иблис шагнул вперед, к нему вернулась вся его самоуверенность. Он снова почувствовал себя командиром.

— Заканчивай работу. Уничтожь мыслящую машину.

Он приблизился к Севрату, держа в руке тяжелый металлический брус.

— Нет. — Разозлившись, Вориан встал между Иблисом и обездвиженным роботом. — Я сказал — нет. Не Севрата. Если вы хотите, чтобы я вывез вас отсюда, то помогите мне выгрузить его из корабля. Он больше не причинит никому никаких хлопот.

— Вы оба, перестаньте тратить время, — приказала Серена.

Иблис неохотно помог Вориану вытащить робота из корабля через боковой люк и положить его в распределительную топливную станцию. Капитан остался лежать там среди всякого хлама и остатков оборудования.

Вориан постоял несколько мгновений, глядя на свое отражение в зеркальной лицевой маске Севрата, вспомнив плоские шутки своего механического друга и те творческие военные игры, в которые они так часто играли вместе. Севрат за все время не сделал Вориану ничего плохого.

Но возрожденный к новой жизни Вориан Атрейдес должен вместе с Сереной Батлер остаться в рядах свободного человечества, какие бы воспоминания о прошлом его теперь ни мучили.

— Я вернусь, — прошептал он, — но я не могу знать, как сложатся обстоятельства, старый железный умник.

Иблис, устроившись возле иллюминатора, смотрел, как голубой шар родной планеты постепенно уменьшается в размерах и начинает исчезать из виду. Он думал о мировой революции, которую он зажег, и надеялся, что Аким справится с порученным ему великим делом и восстание закончится удачей. Может быть, опираясь на мудрость Экло, монах сможет обуздать насилие и организует разумную оборону от мыслящих машин.

Но в душе Иблис сомневался в успехе. Машины были очень могущественны, а планеты Синхронизированного Мира весьма многочисленны. Несмотря на громадную работу, которую он сделал, мятеж на Земле был обречен на поражение, если ему не удастся немедленно получить помощь от Лиги Благородных.

Люди оказались настолько глупы, что создали себе конкурентов с интеллектом, равным своему собственному. Но они ничего не смогли с этим поделать.

Барбаросса. «Анатомия восстания»

Языки пламени поднимались над величественными пустыми строениями, словно публичное оскорбление Золотому Веку титанов. Буйная человеческая толпа, осатаневшая от своего безумного освобождения, с воплями носилась по улицам, бросая в дома тяжелые камни и импровизированные гранаты.

Агамемнон кипел гневом, глядя на ужасные разрушения, уже причиненные восставшими монументам и величественным дворцам. Эти мерзавцы даже убили Аякса, хотя могучий титан, вероятно, взял немалую цену за свою жизнь. Еще одна серьезная потеря вслед за гибелью Барбароссы.

Черви! Варвары, которые не имеют ни малейшего понятия о свободе вообще и о свободе воли в частности. Они не знают, что такое цивилизация, и не способны на самоограничения. Они могут быть только рабами, и это для них очень большое благодеяние.

Генерал-кимек шествовал по улицам в своем мощном боевом облачении. Он расшвыривал людей, подбрасывал их в воздух, разбивал о стены. Некоторые, самые храбрые, пытались бить его острыми предметами, которые лишь скользили по его бронированному корпусу. Как жаль, что у него не было времени раздавить их всех.

Вместо этого Агамемнон спешил к расположенному поблизости космопорту, надеясь отыскать своего сына в этом немыслимом хаосе. Если эти насильники, эти мятежники уронили хоть один волос с головы Вориана — лучшего из тринадцати сыновей генерала, — то он устроит на Земле настоящую бойню, какой еще не видела мировая история. Он про-

верил сведения космопорта и узнал, что «Дрим Вояджер» приземлялся, причем по позывным его сына, правда, остальные сообщения были весьма противоречивыми.

Титан все еще не мог оценить истинные масштабы разгоравшегося восстания. В течение столетий никто не осмеливался бросить вызов владычеству мыслящих машин. Как могли разумные люди дойти до такой степени умопомешательства? Впрочем, все это не имеет ни малейшего значения. Пусть Омниус и его роботы сами разбираются со своими неприятностями.

Сейчас у него одна задача — найти сына. Это главное, это приоритет. Он надеялся, что Вориан не наделал глупостей.

Кимек ворвался на поле космопорта, и первое, что он увидел, были три пылавших грузовых корабля, их топливные отсеки и двигатели были взорваны саботажниками. Пожарные роботы пытались потушить пламя, чтобы не допустить его распространения.

Пришедший в неописуемую ярость титан по оплавленной взлетной полосе направился в док, где должен был ремонтироваться «Дрим Вояджер». Он с неудовольствием обнаружил, что корабля нет, улетел, стартовая решетка все еще была раскалена докрасна выхлопными газами. Включив теплочувствительные датчики, титан увидел след, оставшийся в атмосфере.

Расстроившись и удивившись, он нашел в доке Севрата, который лежал в безопасной зоне. Робот был обездвижен и лежал на спине, как большое беспомощное насекомое — парализованное скопление волокон, металла и пластика. Повстанцы атаковали Севрата, выключили его, но... почему-то не уничтожили.

Сгорая от нетерпения, Агамемнон активировал Севрата, сноровисто работая своими манипуляционными конечностями. Когда Севрат пришел в свое машинное сознание, он первым делом сориентировал свое тело, сканируя космопорт оптическими сенсорами.

— Где «Дрим Вояджер»? — грозно спросил титан. — Где мой сын? Он жив?

— Твой сын удивил меня в свойственной ему импульсивной манере. Он меня дезактивировал.

Севрат осмотрел зону запуска и немедленно сделал свой безошибочный вывод:

— Вориан, должно быть, захватил мой корабль. Он знает, как им управлять.

— Он оказался трусом? Мой родной сын?

— Нет, Агамемнон. Я думаю, что он примкнул к мятежникам и бежал отсюда вместе с другими людьми.

Робот заметил, что Агамемнон дрожит от гнева из-за такого предательства.

— Это очень нехорошая шутка, — добавил Севрат.

Придя в еще большую ярость, Агамемнон резко повернул свой боевой корпус и зашагал прочь. Рядом стоял боевой корабль с полным комплектом оружия и боеприпасов и пригодный для преследования и захвата. К кораблю уже бежали люди, стремившиеся тоже захватить его. *Можно подумать, что эти хретгиры способны распоряжаться столь сложной техникой.*

Агамемнон поднял одну конечность, снабженную пушкой, и выпустил из нее струю пламени, превратившего червей в мечущиеся по космопорту куски горящей плоти. Пройдя через несколько секунд мимо обугленных трупов, кимек подошел к кораблю-автомату. По команде Агамемнона хватательная рука корабля вытянулась из корпуса, чтобы захватить емкость с мозгом титана и отставить в сторону боевую форму. Системы корабля приняли емкость и установили мозг Агамемнона в контрольное гнездо.

Обтекаемый корабль показывал неплохую скорость, все орудия и пусковые установки были заряжены и готовы к бою. Конечно, у Вориана было преимущество в расстоянии, но «Дрим Вояджер» — тихоходное судно, предназначенное для дальних перелетов. Так что у Агамемнона были все шансы сократить расстояние.

Плавая в теплой электропроводящей жидкости, мозг привыкал к сенсорам корабля, связался с его мыслительными стержнями и адаптировался до тех пор, пока не ощутил корабль своим новым телом. Мысленно подпрыгнув в воздух на воображаемых ногах, Агамемнон запустил корабль и поднялся в воздух.

Набирая скорость, он бросился вслед за добычей.

* * *

Вориан Атрейдес знал тактику космических боев и умел уходить от противника, так как Севрат много раз позволял ему брать на себя управление кораблем. Но, покинув кипящую мятежом Землю, он впервые повел «Дрим Вояджер» один, оставив на Земле Севрата — своего давнего друга.

Он отбыл с Земли по прямолинейной траектории, которая должна была кратчайшим путем вывести их за пределы Солнечной системы. Вориан надеялся, что кислорода и прочих припасов на корабле хватит на то, чтобы обеспечить его и пассажиров в течение месяца, который необходим, чтобы добраться до Салусы Секундус. Во время лихорадочного бегства он не подумал о том, на сколько пассажиров рассчитан «Дрим Вояджер», но теперь надо было лететь, иного выбора уже не было.

Нервничая, Иблис Гинджо смотрел в иллюминатор, внимательно вглядываясь в бездну космоса. Он никогда раньше не видел этой впечатляющей картины. Его очень удивило, насколько огромной оказалась испещренная кратерами Луна, когда они пролетели мимо нее.

— Когда мы приблизимся к Салусе, — уверенно произнесла Серена, пристегнувшись к креслу, — то окажемся под защитой Лиги Благородных. Ксавьер прилетит за мной. Он всегда приходил ко мне на помощь.

«Дрим Вояджер» пересек орбиту Марса, потом нырнул в широкую щель в поясе астероидов. Вор набирал скорость, приближаясь к могучему гравитационному водовороту Юпитера. Капитан намеревался использовать гравитационное поле этой исполинской газообразной планеты для исправления траектории, для набора углового момента, чтобы вылететь в открытый космос, как камень из пращи.

Посмотрев в сенсор заднего вида, Вориан заметил длинный сигарообразный военный корабль, который в одиночку догонял «Дрим Вояджер» с такой скоростью, что приборы не могли точно определить его текущие координаты. Ни один человек не смог бы выдержать такого бешеного ускорения.

— Кажется, становится жарко, — произнес Вориан.

Серена удивленно взглянула на него.

— Мне кажется, что до сих пор тоже не было прохладно, — возразила она.

Вориан продолжал смотреть на приближавшийся военный корабль. Он знал возможности своего «Дрим Вояджера». Несколько месяцев назад, когда понадобился исключительный по хитрости тактический маневр, чтобы уйти от корабля Армады Лиги возле Гьеди Первой, Вориан не думал, что ему так скоро придется снова воспользоваться приобретенным тогда навыком, чтобы спастись бегством от мыслящих машин, которые воспитали, вырастили и... обманули его.

В прямом боевом столкновении его корабль не способен выдержать натиска даже небольшого перехватчика, но Вориан мог с помощью маневрирования долго уходить практически от любого преследования.

Впереди повисло огромное пятно Юпитера, диффузная сфера в пастельных тонах, покрытая клубящимися облаками и знаменитыми бурями, которые легко могли бы поглотить своими завихрениями планету Земля.

Проанализировав данные сенсоров, Вориан смог оценить технико-тактические характеристики преследовавшего их военного корабля. Не имея на борту значительного вооружения, «Дрим Вояджер» зато располагал большим запасом горючего, ресурсом двигателей и толстой броней. Нельзя было сбрасывать со счетов и смекалку самого Вориана. Возможно, он воспользуется своими преимуществами.

Догонявший корабль выпустил четыре кассеты ракет, но только одна попала в корпус «Вояджера» и взорвалась под его днищем. Ударная волна сотрясла весь корабль со звуком, похожим на вибрацию гонга. Приборы, однако, не зафиксировали сколько-нибудь заметных повреждений.

— Надо уходить, — запаниковал Иблис. — Он явно хочет поймать нас.

— Ты оптимист, — язвительно заметил на это Вориан. — Он хочет нас уничтожить.

— Не мешай ему, — сказала Серена нервничающему лидеру восстания.

Ожила система громкой голосовой связи корабля, и в динамиках раздался усиленный синтезатором голос, от которого Вориан внутренне похолодел.

— Вориан Атрейдес, ты нарушил свою клятву верности. Ты изменник, ты изменил не только Омниусу, но и мне. Отныне я не считаю тебя моим сыном.

Вориан с трудом сглотнул, прежде чем смог ответить:

— Ты учил меня пользоваться своим умом для принятия решений и применения моих способностей. Ты знаешь, что я узнал правду. Я открыл для себя то, что происходило в действительности и разительно отличалось от тех сказок, которые ты рассказал в своих мемуарах! Ты всю жизнь лгал мне!

В ответ Агамемнон выпустил по «Дрим Вояджеру» еще несколько снарядов, но, к счастью, промахнулся. Вориан выстрелил своими ракетами с разделяющимися боеголовками. Разрывы создали барьер на пути военного корабля, и ему пришлось изменить траекторию полета. Воспользовавшись этим, Вориан не стал тратить топливо и энергию на смену курса и маневры.

Вместо этого он направил корабль так, что «Дрим Вояджер» по касательной скользнул ближе к гравитационному полю Юпитера. Вориан включил двигатели на полную мощность, не думая о катастрофе или поломке. Если сейчас они не смогут ускользнуть, то излишняя осторожность не спасет их от Агамемнона.

Газовый гигант становился все ближе, маня их, как сирена, написанной по законам физики песней силы своего притяжения. Агамемнон выпустил еще одну кассету ракет, одна из которых взорвалась поблизости от двигателя.

Вориан чувствовал себя спокойно и уверенно. Ум его был занят исключительно действием. Сидевший рядом с ним Иблис посерел от страха и сильно вспотел. Вероятно, вождь восстания думал, что был бы в большей безопасности, если бы остался на Земле.

— Ему достаточно только повредить наш корабль, — сказал Атрейдес, холодно оценив ситуацию. — Если ему удастся вывести из строя наш двигатель хотя бы на несколько минут, то мы не сможем сойти с гиперболической орбиты. После этого Агамемнон спокойно отойдет в сторону и будет наблюдать, как мы начнем сгорать в атмосфере Юпитера. Ему очень понравится такая картина.

Серена изо всех сил вцепилась руками в подлокотники кресла.

— Значит, не дай ему вывести из строя двигатель, — сказала она, словно открывая глаза Вориану.

Пока кимек пытался расстрелять «Дрим Вояджер», Вориан выполнил новые расчеты. Используя бортовую рабочую компьютерную подсистему корабля, он быстро перепрограммировал навигационную карту. Заново запрограммированный корабль взревел двигателем и вошел в верхние слои тягучей атмосферы гигантской планеты, став на какое-то время заложником ее могучего притяжения.

— Что ты собираешься делать? — спросил Иблис.

— Делать будут небесная механика и законы физики. Если Агамемнон потрудится посчитать, то увидит, что надо делать ему. У «Дрим Вояджера» достаточно горючего и скорости, чтобы по касательной, как камень из пращи, вырваться из смертельных объятий гравитации Юпитера. Однако у маленького перехватчика — если, конечно, отец не прекратит погоню, — он взглянул на панель, — через пятьдесят четыре секунды исчезнет последний шанс уйти из поля притяжения планеты. После этого он по спирали войдет в атмосферу Юпитера и сгорит в его недрах.

Перехватчик продолжал преследование и неистовую стрельбу, но не смог причинить «Вояджеру» те повреждения, на которые рассчитывал Агамемнон.

— Он это знает? — спросила Серена.

— Мой отец знает. — Вориан дважды проверил навигационную карту с графиком траектории. — Если все будет так, как сейчас, то у него едва хватит горючего, чтобы вернуться на Землю. Если он будет лететь с такой скоростью еще десять секунд, то я сомневаюсь, что он сможет совершить на Земле мягкую посадку.

Иблис гневно раздул ноздри.

— Это еще бóльшая бессмыслица, чем дать проглотить себя облакам Юпитера.

В этот момент за их кормой военный корабль прекратил преследование и, развернувшись по крутой траектории, начал на полном ходу удаляться.

«Дрим Вояджер» пронесся над атмосферой, чертя брюхом по клубящимся облакам. Обшивка раскалилась от трения докрасна. Несколько мгновений спустя Вориан вывел корабль

на противоположную сторону планеты и ускорил движение, оторвавшись от эластической тяги гравитации, и по широкой дуге вылетел в открытый космос.

Настроив дальномерный оптический сенсор, Вориан убедился в том, что перехватчик вырвался из зоны притяжения Юпитера. Он видел, как преследователь возвращался к Земле курсом, который позволял сэкономить энергию и топливо.

Потом Вориан направил корабль к не слишком надежному убежищу Лиги Благородных.

Теперь, проиграв единоборство с сыном и зная, что Вориан станет помогать людям дикого типа в их борьбе, кипевший гневом Агамемнон принялся грустно размышлять. Горючего осталось слишком мало для настоящего ускорения, а это значит, что до Земли он доберется только после скучного длительного путешествия.

Однако по прибытии он выместит свое унижение на оставшихся на Земле беспокойных рабах. Они пожалеют о том дне, когда услышали безумный призыв к восстанию.

Аристотель изнасиловал разум. Он внедрил в господствующие философские школы привлекательную идею о том, что можно дискретно разделить разум и тело. Это совершенно естественно привело к таким распространенным заблуждениям, как, например, то, что природу силы можно понять без ее приложения, что радость можно полностью отделить от несчастья, что мир может существовать при полном отсутствии войн или что жизнь можно понять и в отсутствие смерти.

Эразм. «Корринские заметки»

Девять веков назад после развертывания в верховный господствующий интеллект компьютерный всемирный разум установил эффективный контроль над всеми кимеками, роботами и людьми Синхронизированного Мира. Омниус продолжал развертываться и расширять зону своего влияния, создавая все более изощренные сети своих воплощений или инкарнаций.

Теперь, когда по городам Земли начало распространяться удивительное по своей сути волнение, Омниус наблюдал все происходившее с помощью легиона своих всевидящих глаз — передающих наблюдательных камер. Видя, как сошедшие с ума повстанцы жгут дома и разрушают предприятия, всемирный разум осознал, что в его видении людей всегда было чреватое бедами слепое пятно.

Даже самым верным по видимости людям ни в коем случае нельзя доверять. Как выяснилось, Эразм был прав в своих утверждениях по этому поводу. Теперь этому умопомрачительному роботу пришлось бежать со своей разрушенной виллы, где его чуть не уничтожили толпы восставших рабов.

Омниус издал миллиарды приказов, наблюдая за действиями своих сил, он инструктировал своих роботов, побуждая их к концентрированным действиям против разбушевавших-

ся хретгиров. Уже убиты сотни тысяч рабов. Когда его роботы сокрушат последний очаг восстания, на повестку дня надо будет ставить вопрос о полном уничтожении рода человеческого.

Всю силу своего разнузданного вандализма мятежники, ведомые неукротимой ненавистью, направили против кимеков. Эти машины с человеческим разумом были, судя по оценкам Омниуса, весьма проблематичным и самым слабым звеном Синхронизированного Мира. Однако агрессивный человеческий мозг был очень полезен в тех ситуациях, где требовалась чрезвычайная жестокость и насилие такого уровня, который недостижим для мыслящих машин. Например, в такое время, как теперь.

Омниус передал экстренное распоряжение всем титанам, оставшимся вблизи планеты Земля, — Юноне, Данте и Ксерксу, а также Агамемнону, который в данный момент находился на пути к Земле после неудачной погони за сыном. Для подавления восстания им предписывалось принять те меры, которые они сами сочтут необходимыми.

Судя по прошлому опыту, можно было предположить, что титаны придут в восторг от такого распоряжения.

В скалистой пустыне на континенте, удаленном от места начала восстания, Юнона демонстрировала неокимекам методики пыток живых человеческих объектов. Ксеркс и Данте внимательно наблюдали за процессом, но сами пока в нем не участвовали.

Пока толпа неокимеков приглядывалась к каждому движению наставницы, эта последняя в сложном техническом облачении стояла на середине преподавательской арены. В пределах досягаемости грациозных металлических рук Юноны к двум столам были привязаны извивающиеся от боли тонкий молодой человек и женщина средних лет.

Сообщение от Омниуса пришло так внезапно и так сильно поразило принимающие системы Юноны, что ее хирургический манипулятор дрогнул и игла, которую она в это время вводила в мозг, сильно сместилась. Молодой человек затих. Либо он умер, либо впал в кому. Как бы то ни было, у Юноны не осталось времени выяснять, что именно с ним про-

изошло. Послание Омниуса потребовало от нее полной концентрации внимания.

— Мы должны немедленно отбыть отсюда, — объявила она наконец.

Быстрым движением Ксеркс всадил в грудь женщине несколько десятков игл. К тому времени, когда она перестала дергаться, кимеки уже с громоподобным стуком покинули учебный зал.

Быстрыми и ловкими движениями три кимека сменили свои предназначенные для пыток тела на воинские доспехи и отправились в самое пекло разгоревшегося бунта...

Они летели по небу, в котором метались языки пламени и клубились облака едкого черного дыма. Они приземлились на широкой площади, усеянной обломками зданий и заполненной кричавшими повстанцами. Пока толпа пыталась рассеяться, Юнона успела задавить своим раскаленным корпусом одиннадцать человек.

— Отличное начало, — похвалил ее Данте.

Когда на площади явилось трио титанов в сопровождении более мелких неокимеков, толпа принялась швырять в них камни. Юнона с похвальной быстротой ринулась вперед, разрывая на части всех попадавшихся ей навстречу людей. Ксеркс и Данте разделились. Каждый выбрал себе разные очаги сопротивления. Толпы людей попытались окружить кимеков, но гибридные существа легко отбрасывали их.

Никакое оружие, применяемое людьми, ни масса их тел — ничто не могло остановить решительных механических чудовищ. Улицы окрасились красным цветом крови, в воздухе повис непрерывный крик боли. Обонятельные сенсоры Юноны ощутили запах крови, и она усилила чувствительность, чтобы насладиться несравненным ароматом.

Ксеркс бросился в самую гущу хретгиров. Он все еще пытался доказать свою полезность.

Постепенно люди поняли бесплодность своих усилий противостоять кимекам, и Аким приказал им отступить. Повстанцы подчинились, очистив улицы, прежде чем по ним прошли кимеки, и укрылись в безопасных местах.

До заката солнца на Землю вернулся Агамемнон, как раз вовремя, чтобы тоже принять участие в молодецкой потехе...

Следя за происходящим через наблюдательные камеры, Омниус преисполнился уверенности в том, что мятеж скоро будет подавлен, так как он применил для этого адекватную силу. Для таких дел титаны подходили как нельзя лучше. Доверие и насилие. Какое интригующее и интересное соотношение существует между этими двумя феноменами. Когда-нибудь он с удовольствием побеседует на эту тему с Эразмом.

Извлекая новые уроки, результаты которых переполнили файлы земной инкарнации всемирного разума, Омниус пришел к выводу о необходимости полного физического уничтожения людей в Синхронизированном Мире. Омниус заставит этих хрупких созданий исчезнуть с лица земли. Раз и навсегда.

Согласно его расчетам, эта процедура не могла занять слишком много времени.

Если жизнь есть не что иное, как сон, то не является ли истина плодом нашего воображения? Нет! Следуя своим снам, мы творим собственную истину.

Легенда о Селиме, Укротителе Червей

Воздух и песок пахли пряностью, тело пахло пряностью... весь мир был пряностью!

Селим едва мог дышать или двигаться — волны меланжи заполняли поры кожи, ноздри, глаза. Он полз, пробираясь по ржавому от меланжи песку. Каждое движение давалось с неимоверным трудом, словно он плыл сквозь стекло. Он глубоко втянул воздух, надеясь, что вдохнет хоть немного свежести, но вместо этого в его легкие попал все тот же удушающий, отравленный корицей воздух. Он тонул в меланже.

Пустыня обращалась с меланжей, как со своей великой тайной. Только изредка происходили меланжевые взрывы, когда коричневатый порошок тучами выбрасывало из глубины песков на склоны дюн. Пряность — это жизнь. Черви испускали из своего нутра меланжевый дым.

Молодой человек двигался так, словно был поражен параличом, зрение его затуманилось. Оказавшись на дне глубокой впадины, он, кашляя, остановился, но воображаемые картины в его мозгу продолжали бушевать в сознании, как ревущая песчаная буря...

Песчаный червь давно исчез, скользнув между дюнами, оставив Селима там, где он упал. Старик пустыни мог сожрать своего упавшего наездника, но не сделал этого. Это не было случайностью. Сам Буддаллах привел сюда Селима, и он надеялся, что когда-нибудь поймет свое предначертание.

Он ехал на гигантском черве в течение многих часов через темную ночь, не выбирая дороги и не направляя червя в ка-

кое-то определенное место. Он чувствовал себя задумчивым, благодушным и спокойным... почти глупым.

Неожиданно червь наткнулся на место свежего меланжевого взрыва. Таинственные химические реакции, вызывающие увеличение давления в глубине песка под дюнами, перемешивающие и ферментирующие меланжу, достигали некоторой критической точки, когда давление становилось таким высоким, что верхние покровные слои песка не выдерживали, и происходил выброс столба песка и газа, смешанных с мощной свежей меланжей.

В темноте Селим не увидел султана этого взрыва и не успел приготовиться...

Встретившись с такой концентрацией меланжи, червь пришел в настоящее неистовство. Очевидно, ополоумевший от такого количества меланжи зверь катался по песку и бешено бился и извивался.

Захваченный врасплох этим явлением, Селим только крепче ухватился за палку и веревки. Червь так бил хвостом запятнанные меланжей дюны, что казалось, будто этот ставший пятнистым песок — злейший враг червя. Железная палка с крюком вылетела из тела червя, и выскочил клин, с помощью которого Селим раздвигал жесткие сегменты кожи.

Селим упал и так сильно ушибся, что у него не было сил даже крикнуть. Он был потрясен. Он видел, как чешуйчатый зверь катался под ним, перемешивая и взбаламучивая насыщенный пряностью песок, а потом стукнулся о влажную почву, свернувшись, чтобы смягчить удар.

Освободившись от Селима, червь нырнул в песок, зарывшись в глубину, словно хотел найти там еще больше меланжи. Селим бился и извивался в текучем песке и грязи, пытаясь удержаться на поверхности качающейся из стороны в сторону дюне. Песчаный червь рванулся вперед, словно снаряд, выпущенный в землю. Позади него взвились клубы песка и пряности, покрывая все толстым слоем ржавого порошка.

Селим начал задыхаться. От насыщенного отвратительного запаха он ощутил дурноту и попытался выплюнуть изо рта коричную сладость. Лицо и одежда его покрылись липкой пряностью. Он попытался оттереть глаза, но от этого порошок только глубже въелся в веки.

Наконец ему удалось встать, и он пощупал себе руки, ноги и ребра, чтобы убедиться, что все кости целы. Он был цел и невредим — еще одно чудо, происшедшее с ним.

И еще один таинственный урок, который решил преподать ему Буддаллах.

Освещенные лунным светом, все мягкие и маслянисто поблескивавшие дюны выглядели испятнанными кровью, пряность разлетелась во всех направлениях, словно повинуясь капризу шаловливого демона. Ничего подобного Селим не видел за всю свою жизнь.

Оказавшись неизвестно где, вдали от своего убежища — старой ботанической станции, Селим начал продвигаться по пескам. Он нащупал едва заметную тропинку, идя по которой, он нашел свое упавшее на землю снаряжение — металлическое копье и палку погонщика, наполовину ушедшую в песок. Если придет другой червь, надо приготовиться, чтобы оседлать его.

Пока он шел, ему казалось, что меланжа проникает в него все глубже с каждым шагом и с каждым вдохом. Глаза его были уже давно окрашены в синий цвет. Этот признак пристрастия к меланже он видел в зеркале на ботанической станции. Но сегодня впервые в жизни меланжа поглотила его целиком. Было такое впечатление, что голова плывет отдельно от тела.

Селим наконец добрался до вершины следующей дюны, но даже не понял этого до тех пор, пока не упал на мягкий песок на ее гребне и не начал кататься по песку, стараясь стряхнуть с себя прилипшую пряность, очистить от нее одежду и кожу. Мир вокруг него пришел в движение, распахнулся и... открыл перед ним чудесные таинства.

— Что это? — произнес он вслух, и слова эхом отдались в его голове.

Дюны двигались, как пенные волны давно забытого местными обитателями моря, они поднимались, разбухали, пенились и рассыпались в мелкий порошок. Черви плыли по этому пятнистому клочковатому океану — огромные обитатели пустыни, похожие на гигантских хищных рыб. Жилы пряности, по которым текла кровь пустыни, прятались под поверхностью пустыни, как прячутся кровеносные сосуды под по-

верхностью кожи. Пряность обогащала слои земли, создавая экосистему и поддерживая ее существование. В эту экосистему входили песчаный планктон, желатиновые песчаные форели и, конечно же, черви, известные под собирательным именем Шаи-Хулуд. Это не термин, обозначающий это создание, это не описание, это имя существа. Бога. Буддаллаха.

Шаи-Хулуд!

Потом Селим увидел своим внутренним взором, что пряность исчезает, утекает, похищается паразитами, которые выглядят, как... как межзвездные корабли, какие он видел в космопорту Арракис-Сити. Рабочие — чужестранцы с других планет и даже свои дзенсунни — прочесывали дюны, крали меланжу, забирали богатство Шаи-Хулуда и оставляли его задыхаться в сухом и безжизненном море. Тяжелогруженые корабли взмывали в воздух, улетая в открытый космос, оставляя молящих о милости людей с жалко протянутыми руками. Но вот вскоре после этого по пустыне проносится песчаная буря, взметая песок и низвергая его с неба. Песок засыпает людей и трупы песчаных червей. Никто не может остаться живым на этой планете. Арракис становится огромной плошкой с песком, невозмутимым и чистым.

Планета без червей, без людей... и без меланжи...

Селим очнулся и увидел, что он сидит на скрещенных ногах на гребне дюны, а голову ему печет яркое полуденное солнце. Кожа его покраснела от солнца и покрылась кровоточащими волдырями, обожженная знойным солнцем. Губы потрескались от жажды. Как долго сидит он здесь? Он подумал, что дольше, чем один день.

Он сделал усилие и попытался встать на ноги. Руки и ноги стали тугоподвижными, как заржавевшие дверные петли. Пряность по-прежнему покрывала его кожу и одежду, но действие ее прекратилось. Он так много узнал из своих видений, что этот кошмар выжег из крови всю пряность.

Селим покачнулся, но удержал равновесие. Ветер шептал ему в уши какие-то непонятные слова, срывая небольшие буруны песка с гребня дюны. Пустая и молчаливая, но не мертвая природа. В отличие от его видений.

Меланжа — это ключ к Арракису, к червям, к самой жизни. Даже вожди дзенсунни не знают всех хитросплетений этой

великой сети, но Буддаллах открыл эту тайну Селиму. Значит, именно в этом и состоит его предначертание?

Он видел чужестранцев, забирающих пряность и увозящих ее с Арракиса, лишая этот край его животворящей крови, высушивая его до смерти. Возможно, он видел правдивую картину или это было лишь предупреждение. Наиб Дхартха изгнал его в пустыню на верную гибель, но Буддаллах спас его по какой-то причине. Может быть, в видениях он указал Селиму эту причину?

Селим должен защитить пустыню и червей? Он должен служить Шаи-Хулуду? Он должен разыскать чужестранцев, которые хотят воровать меланжу с Арракиса?

Теперь, когда Бог коснулся его, у него нет другого выбора. Он должен найти этих людей — и остановить их.

На свете нет ничего более желанного, чем дом и живущие в нем родные люди.

Серена Батлер

Когда «Дрим Вояджер» приблизился к звездной системе Гамма Вейпин, системе Салусы Секундус, Серену Батлер начали раздирать противоречивые чувства. С одной стороны, она умирала от желания вернуться домой и увидеть Ксавьера Харконнена, но, с другой стороны, ее очень страшило то, что она должна будет ему рассказать.

Внезапно ее внимание привлек маленький ремонтный робот, машина размером с шмеля, который, выйдя из ниши в стене каюты, направился к панели управления, не зная, какие драматические изменения произошли на борту корабля. В его функции входило поддержание аппаратуры в рабочем состоянии. Гнев Серены обрел форму, она нашла подходящий объект. Женщина наступила на шмеля ногой и начала вдавливать его в металлический пол.

Маленький красный робот, автоматически избегая повреждения, начал дергаться, стараясь уползти в сторону, но Серена продолжала давить его до тех пор, пока кожух робота не треснул и из него, как кровь, не потекла на пол гелевая жидкость электронных контуров. Последний раз вздрогнув, маленькая машина перестала двигаться окончательно.

— Если бы уничтожение мыслящих машин всегда было таким простым делом, — мрачно произнесла Серена, представив себе, что на месте безвредного шмеля на полу лежит раздавленный Эразм.

— Это будет просто, если нам удастся мобилизовать на борьбу волю всей человеческой расы, — сказал Иблис Гинджо.

Хотя Иблис, как мог, утешал Серену в течение всего долгого пути к Салусе, она, как это ни странно, гораздо больше

доверяла Вориану. В ее распоряжении оказалось несколько недель для того, чтобы постепенно справиться с потрясением и горем, и общение с симпатичным молодым человеком в какой-то мере помогло ей. Вориан оказался благодарным слушателем. Иблис задавал массу вопросов об аристократах Лиги и о политике, в то время как Вориан больше внимания уделял людям, о которых хотелось поговорить самой Серене — о ее сыне, родителях и, конечно, о Ксавьере Харконнене. Когда Серена впервые рассказала Вориану о Ксавьере, молодой Атрейдес внезапно понял, что это и есть тот офицер Армады, с которым он столкнулся, когда они с Севратом летели с новыми данными Омниуса на Гьеди Первую.

— Мне... не терпится познакомиться с ним, — сказал Вориан, хотя в его голосе не было восторга по поводу предстоящего знакомства.

Серена рассказала своим спутникам о ее дерзком и плохо продуманном плане восстановления генераторов защитного поля на Гьеди Первой, который она привела в исполнение, пока представители Лиги в парламенте тратили время на пустые споры, оправдывая оттяжки и задержки.

— По крайней мере у мыслящих машин нет такой бюрократии, — сказал на это Иблис. — Ты сильно рисковала, зная, насколько неуклюжим, неповоротливым и нерешительным может оказаться твое правительство.

Серена задумчиво улыбнулась, показав спутникам былую силу своего характера.

— Я знала, что Ксавьер придет. Я знала, что он найдет возможность.

Вориану было больно, но он слушал, не перебивая, рассказы Серены о том, как она до сих пор любит Ксавьера, о помолвке, об охоте на вепря, об имении Батлеров, о гуманитарных миссиях Лиги, которые она организовывала и воплощала в жизнь. Она рассказывала и о военных талантах Ксавьера, о его инспекционных поездках на другие планеты и о том, как своими отчаянно-храбрыми действиями он спас Салусу Секундус во время нападения кимеков на Зимию. Испытывая внутреннюю неловкость, Вориан вспомнил совершенно иную версию этого поражения машин, изложенную в мемуарах отца. Агамемнон описывал это поражение в совершенно

иных выражениях. Но теперь Вориан понимал всю глубину склонности Агамемнона к лжи или по меньшей мере к сильным преувеличениям. Отныне он не мог верить ни одному слову, произнесенному или написанному отцом.

— Но, — сказала Серена и опустила голову, — я, и только я, виновата в том, что сама попала в плен, а мой экипаж был убит Барбароссой. Я виновата в том, что подвергала себя опасности на Гьеди Первой, даже не зная, что в это время я уже вынашивала ребенка Ксавьера. Мне не надо было дразнить Эразма, провоцируя его. — Она вздрогнула. — Я недооценила его способности к неоправданной и неосознанной жестокости. Как после этого Ксавьер сможет простить меня?

Иблис попытался успокоить Серену:

— Вориан Атрейдес и я расскажем Лиге Благородных, как машины обращались со своими рабами. Никто не посмеет ни в чем тебя обвинять.

— Я сама себя обвиняю, — возразила она, — и ничего не могу с этим поделать.

Вориан всей душой хотел ей помочь, но не знал, что надо говорить или делать. Он нежно коснулся ее руки, но она отвернулась. Вориан не мог примириться с мыслью, что он не тот мужчина, которого Серена хочет сейчас видеть рядом с собой.

Он завидовал неведомому Ксавьеру Харконнену и хотел заслужить свое собственное место в сердце Серены. Он покинул отца, отвернулся от всего, что знал в Синхронизированном Мире титанов и Омниуса. Но даже при всем этом он не имел права просить за это никакой эмоциональной платы.

— Если Ксавьер действительно таков, каким ты его себе представляешь, конечно, он простит тебя и примет с сочувствием и состраданием.

Видя выражение лица Вориана, Серена немного успокоилась.

— Да, он способен на это, но осталась ли я тем человеком, какого он знал?

Да, и более чем, подумал Вориан, но не сказал этого вслух.

— Скоро ты окажешься дома, — сказал он, видя, как в глазах Серены вновь вспыхнул огонь жизни. — Я уверен, что все будет хорошо, как только ты снова окажешься вместе с

ним. Но если тебе когда-нибудь потребуется человек, которому ты сможешь довериться, то я...

Голос его пресекся, и Вориан неловко замолчал.

Когда похищенный корабль приблизился к Салусе Секундус, сказочному миру, олицетворяющему свободное человечество, Вориан принялся рассматривать зеленые континенты, синие моря и венчики облаков в атмосфере. Сомнения его мало-помалу рассеялись, и хотя на сердце было все еще тяжело, он воспылал новыми надеждами. Действительно, внизу расстилался подлинный рай.

Иблис Гинджо тоже смотрел в иллюминатор. В мозгу он уже прокручивал разнообразные возможности. Внезапно он испуганно выпрямился.

— Нас встречает целая делегация! Посмотрите, впереди целая кавалькада скоростных военных кораблей!

— Видимо, сторожевой пикет обнаружил нас, когда мы входили в звездную систему, — сказала Серена. — Это тактические корабли, «Кинжалы», они базируются на планете, в Зимии.

Когда быстрые и маневренные суда салусанской милиции подошли к «Дрим Вояджеру», с них посыпались угрозы и приказания.

— На корабле противника, сдавайтесь. Стойте на месте и приготовьтесь к приему абордажного судна.

С «Кинжалов» было произведено несколько предупредительных выстрелов.

Вориан не делал никаких угрожающих движений, помня, как такие же корабли повредили его корабль на Гьеди Первой.

— Мы люди, бежавшие от Омниуса, и хотим мирно приземлиться, — передал Вориан. — Мы похитили корабль на Земле.

— Да, мы уже один раз это слышали, — насмешливо произнес в ответ один из пилотов, и Вориан вспомнил, что именно он и применил в свое время такую военную хитрость. — Почему бы нам просто не превратить вас в облако космической пыли?

«Кинжал» подлетел ближе и развернул орудийную башню.

— Возможно, вам будет интересно узнать, что на борту нашего корабля находится Серена Батлер, дочь вице-короля

Лиги. — Вориан мрачно усмехнулся. — Ее отец будет не очень доволен, если вы превратите ее в космическую пыль. То же я скажу и о Ксавьере Харконнене, невеста которого проделала такой путь только затем, чтобы встретиться с ним.

Серена решительно взяла в руку микрофон связи.

— Это правда. Я — Серена Батлер. Поскольку это корабль-робот, то я прошу дезактивировать разрушающее поле и позволить нам свободный проход, а потом отконвоировать нас в Зимию. Попросите вице-короля и терсеро Харконнена встретить нас в космопорте.

Наступила долгая тишина. Вориан представил себе, какие жаркие споры происходят сейчас на внутренних каналах армейской связи. Наконец в динамиках раздался голос командира эскадрильи.

— *Сегундо* Харконнен находится в инспекционной поездке и вернется через два дня. Он уже на пути в космопорт со своими гвардейцами. Следуйте за мной, но не отклоняйтесь от курса.

Вориан подтвердил получение приказа и озабоченно вздохнул. Теперь ему придется вести корабль самому, не рассчитывая на гелевые контуры машин А1. Компьютерные системы всегда приходили на помощь в экстремальных ситуациях, но теперь этого не будет. Приходилось рассчитывать только на собственное умение.

— Серена, Иблис, пристегните ремни безопасности и крепче держитесь.

— Какие-то проблемы? — спросил Иблис, уловив нотки неуверенности в голосе Вориана.

— Проблема одна — мне никогда не приходилось сажать корабль вручную.

Когда «Дрим Вояджер» вошел в атмосферу, его подхватили вихревые потоки, но корабль прорвался сквозь тонкий облачный покров и вышел в чистое синее небо. «Кинжалы» очень плотно шли рядом, едва не касаясь коротких крыльев корабля-робота. Теплые солнечные лучи, пробиваясь сквозь верхние иллюминаторы, ярко освещали кабину. На панелях и кронштейнах с приборами заплясали неровные прихотливые тени.

Вориан аккуратно посадил корабль на забитый другими кораблями причал. Несмотря на трудности, он блестяще

справился с управлением: Севрат мог бы гордиться своим учеником.

Воодушевленный удачной посадкой, Иблис Гинджо встал, как только стих шум двигателей.

— Наконец-то Салуса Секундус! — Он посмотрел на Вориана. — За спасение дочери вице-короля нас должны встречать с цветами и ковровой дорожкой.

Открыв люк и вдохнув воздух Салусы, Вориан попытался обнаружить разницу, ощутить ускользающий вкус воздуха свободы.

— Не жди дорожек и цветов, кажется, все будет совершенно по-иному.

Он увидел, что к кораблю направляется подразделение солдат с оружием на изготовку. Возле трапа солдаты выстроились в несколько рядов, блокируя выход. За одетыми в серебристо-золотые мундиры гвардейцами шли две устрашающего вида женщины в длинных черных платьях. У женщин были одинаковые, очень светлые волосы и необычно белая кожа.

Серена встала между двумя бывшими доверенными людьми Омниуса и, защищая их, взяла обоих за руки. Втроем они вышли наружу, на ослепительно яркий солнечный свет.

Держа наготове свое оружие, солдаты салусанской милиции почтительно обернулись в сторону высоких, мрачного вида женщин. Колдунья смотрела на прибывших так сурово и пронзительно, что напомнила Вориану незабвенных титанов.

— Вы шпионы Омниуса? — спросила она, делая шаг вперед.

Серена узнала колдунью с Россака, но поняла, что сама она за полтора года плена изменилась почти до неузнаваемости.

— Зуфа Ценва, мы же были подругами. — Голос ее дрогнул. — Я вернулась домой. Ты не узнаешь меня?

Колдунья окинула прибывшую женщину скептическим взглядом, потом по ее лицу пробежала тень крайнего изумления.

— Это действительно ты, Серена Батлер! Мы думали, что ты погибла на Гьеди Первой, вместе с Ортом Вибсеном и Пинкером Джиббом. Мы провели анализ ДНК крови, обнаруженной в разбитых остатках вашего штурмовика.

Зуфа подошла вплотную к молодой женщине, внимательно всматриваясь в ее черты и не обращая никакого внимания на ее спутников.

Серена собрала все свое мужество, чтобы скрыть печаль, охватившую ее.

— Вибсен и Джибб погибли, сражаясь с кимеками, я же была ранена и попала в плен.

Охваченный сильным чувством, Вориан не выдержал и тоже заговорил, стараясь поддержать Серену:

— Она стала рабыней на Земле у робота по имени Эразм.

Напряженный магнетический взгляд колдуньи обратился на Вориана.

— Кто ты?

Вориан понял, что не сможет солгать.

— Я сын титана Агамемнона.

Солдаты встрепенулись, крепче взявшись за оружие. Колдуньи тоже напряглись.

— Я воспользовался своим влиянием, чтобы пройти сквозь земную систему обороны Омниуса.

Вперед выступил Иблис. Глаза его горели огнем.

— Вся Земля охвачена восстанием! Люди освободились от своих машинных хозяев. Повстанцы убивают титанов и неокимеков, ломают роботов, уничтожают их предприятия. Нам нужна помощь Лиги...

Внезапно голос Иблиса превратился в нечленораздельный беспомощный писк, и он замолчал. Одновременно с этим Вориан почувствовал, что вокруг его горла затянулась невидимая петля, мешавшая дышать. Глаза колдуний загорелись дьявольским огнем. Они пытались силой своего разума проникнуть в сознание пришельцев и понять, кто они такие на самом деле. В воздухе, как густой туман, повисла подозрительность и нежелание верить этим двум мужчинам и Серене Батлер, которой мыслящие машины могли промыть мозги и заставить служить себе.

Внезапно концентрация колдуний нарушилась от какого-то внешнего потрясения. Вориан почувствовал, что снова может свободно дышать. Вице-король Батлер, постаревший за полтора года на десять лет, оттолкнул солдат и бросился к дочери, как дикий салусанский бык.

— Серена! О мое сладкое дитя! Ты жива!

Обе колдуньи отошли в сторону, понимая, что ничто не сможет остановить этого человека в его желании обнять горячо любимую дочь.

— Мое дитя, мое дитя, я не могу поверить в свое счастье!

Он держал Серену в объятиях, слегка покачивая ее, словно баюкал маленькую девочку, свою прежнюю дочку. Сама того не желая, Серена вдруг поняла, что беспомощно уткнулась в грудь отца и зарыдала как ребенок.

— Что они сделали с тобой? Что они сделали?

Но плачущая Серена не могла ничего ответить отцу.

Возлагая надежды на своих братьев, люди часто разочаровываются в них. В этом и состоит одно из главных преимуществ машин — надежность и отсутствие коварства. Хотя и в этом можно найти свои недостатки.

Эразм. «Рассуждение о мыслящих биологических объектах»

Успокоив Серену, отец торопливо увел ее из космопорта, сопровождаемый толпой лакеев и слуг.

— Сейчас самое лучшее для тебя место — это Город Интроспекции. Тебе надо побыть с матерью. Ты сможешь там спокойно отдохнуть, полечиться и прийти в себя.

— Я никогда больше не успокоюсь, — сказала она, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Где Ксавьер? Мне необходимо...

Манион с озабоченным видом похлопал Серену по плечу.

— Я отправил ему экстренный приказ досрочно вернуться из инспекционной поездки на оборонительный периметр. Он уже мчится домой и прибудет завтра рано утром.

Она с трудом сглотнула.

— Мне надо увидеться с ним сразу, как только он вернется. Там на корабле... наш сын... мне надо очень много...

Манион снова согласно кивнул, не поняв, что означало слово «сын» в устах Серены.

— Ни о чем пока не беспокойся. Многое изменилось, но главное, что ты снова дома, в безопасности. Все остальное не имеет никакого значения. Мама ждет тебя, с ней ты сможешь как следует отдохнуть. Все остальное может подождать и до завтра.

Серена оглянулась и увидела, как офицеры милиции берут под стражу Вориана Атрейдеса и Иблиса Гинджо. Она чув-

ствовала, что обязана сопровождать этих двух бывших доверенных лиц Омниуса, чтобы представить новому для них миру.

— Не будьте с ними жестоки, — сказала Серена, вспомнив суровый скептицизм колдуний. — Они никогда раньше не видели свободных людей. Кроме того, они оба обладают важной информацией.

Маниюн Батлер согласно кивнул:

— Их просто допросят. Лига может почерпнуть много полезного из того, что они расскажут.

— Я тоже могу помочь, — сказала Серена. — Я видела очень много ужасных вещей за время моего пленения на Земле. Может быть, сегодня вечером я вернусь и...

Вице-король шикнул на дочь.

— Всему свое время, Серена. Я уверен, что ты устанешь от наших вопросов, но тебе не надо спасать мир сегодня. — Он усмехнулся. — Все та же прежняя Серена.

Скоростной вездеход за какой-то час доставил их к тихим, уютным холмам в пригородах Зимии. Серена до боли хотела видеть свою родную планету по возвращении из страшного плена, но машина неслась на такой скорости, что все сливалось, и она не могла рассмотреть деталей.

Ливия Батлер в своей простой накидке настоятельницы ждала дочь у ворот. Она кивнула мужу. Глаза ее увлажнились при виде дочери. Она повела Серену по травянистым лужайкам в Интроспекции, в уютное помещение, с интерьером в приглушенных тонах, уставленное мягкой, удобной мебелью. Там она прижала Серену к груди, словно та опять стала прежней маленькой девочкой, которую надо баюкать на руках. Большие глаза Ливии наполнились слезами.

Теперь, когда Серена снова была со своими родителями, в безопасности и тепле, вся тяжесть упала с ее плеч и она почувствовала, что настало время сделать то, что было необходимо. Слабым дрожащим голосом она рассказала матери о маленьком Манионе и о том, как Эразм убил его, чем вызвал бунт, распространившийся по всей Земле.

— Прошу вас, мне надо видеть Ксавьера. — Лицо ее вспыхнуло. — А как Окта? Где моя сестра?

Ливия скорбно посмотрела на мужа, слова застряли у нее в горле. Наконец она проговорила:

— Очень скоро ты увидишь всех, мое дорогое дитя. Но сейчас тебе надо отдохнуть и набраться сил. У тебя впереди масса времени.

Серена хотела запротестовать, но сон сморил ее.

Новость, сообщенная по многим каналам связи, достигла Ксавьера, когда он возвращался из инспекционного полета по периметру обороны звездной системы Салусы. Каждое новое сообщение ударяло его, как током. Счастье, растерянность и отчаяние переполняли Ксавьера.

Он летел в «Кинжале» один, и у него было время подумать над тем, что он узнал. Ксавьер остро ощутил свое одиночество, когда приземлился в космопорту Зимии. Он вышел из судна на летное поле, освещенное мощными прожекторами. Было уже около полуночи.

Как могла выжить Серена? Он своими глазами видел обломки штурмовика в серых водах моря Гьеди Первой. В пятнах крови оказалась ее ДНК. Даже в самых своих отчаянных надеждах, даже во сне не мог Ксавьер представить себе, что Серена осталась живой. *Живой!* И беременной его ребенком.

И вот выясняется, что Серене удалось избежать смерти. Она вернулась домой. Но его сын — *их сын* — был убит чудовищной машиной.

Отходя от остывающего «Кинжала», Ксавьер не чувствовал запаха озона и других едких веществ, образовавшихся на корпусе во время прохождения разрушающего поля Хольцмана. Подняв голову, он увидел человека, который одиноко стоял на краю посадочной полосы; плечи человека были опущены, черты лица смыты сильным светом прожектора. Присмотревшись, Ксавьер узнал Маниона Батлера, вице-короля Лиги Благородных.

— Я так рад... что ты смог... — Манион Батлер был не в состоянии закончить фразу. Вместо этого он шагнул вперед и крепко обнял зятя, молодого офицера, который женился не на Серене, а на другой его дочери — Окте. — Серена отдыхает в Городе Интроспекции, — сказал Манион. — Она... она не знает ничего о тебе и Окте. Это очень деликатная ситуация, как на нее ни смотреть.

Казалось, несчастья высосали из Маниона Батлера всю его жизненную энергию. Он был безмерно рад, что дочь вернулась домой живая, но был сломлен известием о том, что с ней случилось, о том, как обращались с ней машины, убившие ее ребенка.

— Серена захочет узнать правду, — сказал Ксавьер, — и скоро она получит ее столько, сколько сможет перенести. Я приеду к ней завтра. Пусть сегодня она как следует выспится.

Поддерживая друг друга, мужчины направились от «Кинжала» к выходу из космопорта. Вице-король повел Ксавьера к мастерским, где при свете мощных ламп рабочие и техники продолжали, несмотря на поздний час, проверять прибывший корабль-робот. Серебристо-черный корабль такой конфигурации Ксавьер видел только однажды — это был собиравший синхронизирующие данные корабль, с которым он столкнулся возле Гьеди Первой и на борту которого находился человек, служивший мыслящим машинам. Тогда изменнику удалось уйти от расплаты.

— Серена сумела найти среди людей Земли своих союзников, — сказал Манион. — Эти два доверенных лица — люди, воспитанные мыслящими машинами. Она убедила их бежать вместе с ней.

Ксавьер нахмурился:

— Вы уверены, что они не шпионы?

Манион пожал плечами:

— Серена им доверяет.

— Полагаю, что этого достаточно.

Они вошли на борт «Дрим Вояджера», и Ксавьер почувствовал тяжесть в груди. Он знал, куда привел его Манион. Вся обстановка в кабинах корабля роботов отличалась утилитарными обтекаемыми формами, чистыми металлическими линиями и своеобразной нечеловеческой красотой, которую трудно было понять разумом.

— Мы не взяли отсюда мальчика, — сказал Манион. — Я велел дождаться тебя.

— Не знаю, стоит ли мне благодарить вас за это.

Манион открыл запечатанный шкаф, и из камеры холодильника хлынул поток ледяного воздуха. Ксавьер преодолел свое нежелание и наклонился к двери шкафа. Тело ребенка

было завернуто в темное плотное покрытие, перехваченное предохранительными кольцами, которые мешали рассмотреть контуры содержимого. Были видны только общие контуры того, что было некогда живым, трепещущим детским тельцем. Ксавьер прикоснулся к холодному конверту. Прикосновение было очень нежным — он не хотел тревожить вечный сон своего мальчика.

За его спиной, с трудом удерживая рыдания, сипло дышал Манион.

— Серена сказала... она сказала, что назвала малыша в мою честь Манионом.

Он не мог продолжать, и Ксавьер взял на руки плотный пакет, все, что осталось от ребенка, которого он никогда не видел и о котором не знал до того времени, когда стало поздно. Мальчик казался невероятно, немыслимо легким.

Ксавьер не знал, что сказать. Он молча вынес мертвого ребенка на свежий ночной воздух и понес домой. Первый и единственный раз в жизни Ксавьер Харконнен плакал и не стыдился своих слез.

Машины предсказуемы в своем поведении, но мы, кроме того, надежны. Напротив, люди меняют свои убеждения и изменяют своим обещаниям с замечательной — и тревожной — легкостью.

Эразм. «Диалоги Эразма»

Вориан Атрейдес сидел за большим полированным столом в комнате дознаний и ожидал встречи с толпой политических лидеров, у каждого из которых были свои вопросы и подозрения. Он надеялся, что сможет ответить на все вопросы и отвести все подозрения.

Иблиса Гинджо допрашивали отдельно. Лига уже отправила на Землю самый быстрый разведывательный корабль, чтобы убедиться в истинности сведений о восстании рабов.

Увидев столицу Лиги, Вориан был поражен до глубины души. В Зимии не было столь грандиозных монументов и дворцов, к каким он привык на Земле, а улицы показались ему какими-то хаотичными и неорганизованными. Но когда он увидел людей — людей в полном смысле этого слова — их одежду, цвет и выражение их лиц, то у него было такое ощущение, что он очнулся от долгой спячки. Призвав на помощь всю свою твердость, он решил искренне сотрудничать с Лигой, чтобы каким угодно способом помогать освобождению порабощенного человечества. Если, конечно, ему позволят в этом участвовать.

Для такого допроса Агамемнон — в этом не могло быть никакого сомнения — применил бы стимуляторы боли и изощренные орудия пыток. Для членов Лиги это было прекрасной возможностью получить из первых рук информацию об Омниусе. Представители Лиги сидели вокруг стола, стояли у стен. Аристократы смотрели на Вориана с любопытством, некоторые с ненавистью или негодованием.

Раньше Вориан гордился своим происхождением, введенный в заблуждение дутой славой Агамемнона и других титанов. Свободные люди, однако, имели другие взгляды на историю, как он надеялся, более соответствовавшие действительности.

Чувствуя себя очень неловко перед столь большим собранием неприязненно смотревших на него людей, Вориан стушевался. Ему очень хотелось, чтобы рядом была Серена. Он очень хотел, чтобы у нее все было хорошо. Соединилась ли она уже со своим Ксавьером Харконненом? Захочет ли она когда-нибудь снова видеть Вориана?

Не дождавшись, когда стихнет гул голосов в комнате дознаний, Вориан заговорил — медленно и тщательно подбирая и взвешивая каждое слово.

— Я не могу и не хочу просить снисхождения за свое поведение. Мое сотрудничество с мыслящими машинами определенно нанесло ущерб и боль народу Лиги Благородных. — Он оглядел зал, заглядывая аристократам в глаза. — Да, я служил доверенным лицом на корабле, собиравшем синхронизирующие данные Омниуса, его копии на планеты Синхронизированного Мира. Я воспитывался мыслящими машинами, меня учили их версии истории. Я почитал своего отца, генерала Агамемнона. Я думал, что он великий кимек.

В зале послышался негодующий ропот.

— Однако Серена Батлер открыла мне глаза. Она поставила под вопрос то, чему меня учили, и наконец я понял, что меня всю жизнь обманывали.

Для него было почти невозможно выговорить то, что он должен был теперь предложить. Это было окончательным предательством всего его прошлого.

Пусть будет так.

Он сделал глубокий вдох и продолжил говорить.

— Мое самое искреннее и истинное желание — это использовать все мои знания и умения — а также мою подробную информацию об организации деятельности мыслящих машин, чтобы помочь моим собратьям, человеческим существам, которые сейчас восстали против Омниуса на Земле.

В зале поднялся громкий шум. Представители парламента Лиги принялись обсуждать слова Вориана Атрейдеса.

— Я не доверяю любому человеку, который предает своего отца, — заявил один из представителей, высокий мужчина с рябым лицом. — Откуда мы можем знать, не представит ли он нам искаженные разведывательные данные?

Вориан нахмурился, услышав такое обвинение. Однако, как это ни удивительно, он получил поддержку с той стороны, откуда ее нельзя было, по его мнению, ожидать. С противоположного конца стола заговорила холодная и прекрасная Зуфа Ценва.

— Нет, он говорит правду. — Ее темные глаза пронзили Вориана насквозь, он не смог выдержать взгляд Зуфы дольше, чем несколько мгновений. — Если бы он посмел солгать, я бы сразу уловила это.

Один из следователей заглянул в свои записи.

— А теперь, Вориан Атрейдес, вы ответите на наши вопросы.

Разве существует бо́льшая радость, чем радость возвращения домой? Есть ли на свете память более живая, а надежды более яркие?

Серена Батлер

На следующее утро Серена проснулась с первыми лучами солнца. Она лежала в мягкой кровати. В комнате никого не было. Из невидимых динамиков звучала успокаивающая музыка, умиротворяли цвет стен и ненавязчивый аромат цветов. Много раз после смерти Фредо Серена навещала мать в Городе Интроспекции, и каждый раз ее умиляла тихая и уютная его атмосфера. Но проходило совсем немного времени, и ее начинала раздражать непрерывная медитация и размышления. Серена всегда предпочитала более активный образ жизни.

Стало совсем светло, и Серена быстро оделась. Вероятно, Ксавьер уже вернулся на Салусу. Короткий сон освежил ее, но на сердце давила свинцовая тяжесть, и Серена знала, что эта тяжесть не оставит ее до тех пор, пока она не увидит Ксавьера и не расскажет ему ужасную правду об их сыне. Несмотря на тяжкие душевные раны, она не собиралась снимать с себя ответственности.

До того как Город Интроспекции успел проснуться, Серена незаметно прошла к его окраине и нашла на стоянке маленькую машину. Она не захотела беспокоить мать. Преисполнившись решимости, Серена решила не отступать от задуманного. Прошло и так слишком много времени.

Серена села в кабину и привычными движениями завела двигатель. Она знала, куда надо ехать. Она выехала из Города Интроспекции через открытые ворота и направилась по шоссе к имению Танторов, где жил Ксавьер. Она надеялась застать его дома...

Эмиль Тантор сам открыл тяжелую дубовую дверь и в изумлении посмотрел на Серену.

— Мы были несказанно рады, услышав о твоем возвращении!

Его карие глаза остались такими же добрыми и теплыми, какими она помнила их.

Раздался собачий лай. Из дома выбежали серые овчарки и, пробежав мимо Эмиля, начали бегать вокруг Серены, приветственно виляя хвостами. Несмотря на все свои переживания, она не смогла сдержать улыбки. В фойе появился большеглазый мальчик.

— Вергиль! Как ты вырос!

Серена ощутила внезапный прилив печали. Как же долго ее здесь не было!

Прежде чем мальчик успел что-нибудь ответить, Эмиль жестом пригласил Серену в дом.

— Вергиль, уведи собак, чтобы эта бедная женщина могла успокоиться после всего, что ей пришлось пережить.

Он сочувственно улыбнулся Серене.

— Я не ожидал, что ты приедешь сюда. Не хочешь ли выпить со мной стакан утреннего чая, Серена? Люцилла всегда заваривает очень крепкий чай.

Она поколебалась.

— На самом деле мне нужен Ксавьер. Он еще не вернулся? Мне надо...

Странное выражение, появившееся на лице старика, остановило Серену.

— В чем дело? У него все хорошо?

— Да, да. С Ксавьером все в порядке, но... его здесь нет. Он поехал прямо в имение твоего отца.

Кажется, Эмиль Тантор хотел сказать что-то еще, но вовремя осекся.

Встревоженная его реакцией, Серена поблагодарила Эмиля и поспешила в машину, оставив старика стоять в дверях.

— Значит, я встречусь с ним там.

Вероятно, у Ксавьера были неотложные дела, которые они решали с ее отцом. Может быть, речь шла о помощи повстанцам на Земле.

Она поехала к родному замку на вершине холма, окруженному виноградниками и оливковыми рощами. Сердце ее

было готово выпрыгнуть из груди, когда она затормозила у главного входа. *Она дома.* Сейчас она увидит Ксавьера.

Остановив машину возле родника, она, едва переводя дыхание, подошла к двери. Глаза горели, ноги подкашивались. Она слышала, как в ушах отдавалось биение пульса. Сильнее чувства вины, сильнее страха перед тем, что надо сказать, было желание снова видеть возлюбленного.

Ксавьер открыл дверь раньше, чем она успела подойти к ней. Лицо его показалось ей ослепительным, как восходящее солнце. Он выглядел старше, сильнее и стал красивее, чем представлялся в воспоминаниях. Она готова была растаять.

— Серена! — выдохнул он, потом улыбнулся и раскрыл ей свои объятия. Спустя мгновение он неловко отстранился.

— Я знал, что ты в Городе Интроспекции, но не думал, что ты так быстро оправишься. Я вернулся среди ночи и... — Было такое впечатление, что он с трудом подыскивает подходящие слова.

— О Ксавьер, какое все это имеет значение? Я так хочу быть с тобой. Мне надо так много тебе рассказать.

Казалось, вся тяжесть невысказанного горя вдруг навалилась ей на плечи. Серена обмякла, голос ее дрогнул.

Он погладил ее по щеке.

— Серена, я уже знаю страшную новость. Мне сказали о... нашем сыне.

В его взгляде отразилась боль и печаль, но он сохранил твердость, с какой воспринял горестное известие.

Они вошли в фойе. Ксавьер продолжал держаться от Серены на расстоянии, словно встреча с ней была для него тяжелее, чем сражение со всеми мыслящими машинами Вселенной.

— Это было так давно, Серена. Все были уверены, что ты мертва. Мы нашли обломки твоего корабля, взяли на анализ кровь и подтвердили, что в ее клетках содержится твоя ДНК.

Она схватила его за руку.

— Но я выжила, любовь моя! Я все время думала только о тебе. — Она попыталась заглянуть в его глаза, чтобы прочитать ответ. — Только память о тебе позволила мне выстоять.

Он повернулся к ней. Его слова падали в ее сердце, как тяжелые камни.

— Теперь я женат, Серена.

Ей показалось, что у нее остановилось сердце. Она сделала шаг назад, наткнулась на столик, опрокинула его, разбив вазу со свежими розами, лепестки которых, как кровь, покрыли плитки пола.

Из главной гостиной послышались торопливые шаги. К ней метнулась маленькая большеглазая женщина с длинными волосами.

— Серена, о Серена!

Окта прижимала к груди какой-то сверток, но при этом умудрилась крепко обнять сестру.

Вне себя от радости, Окта встала рядом с мужем и сестрой, но, взглянув на обоих, она все поняла. Радость сменилась растерянностью и стыдом.

Сверток зашевелился в руках Окты и издал слабый писк.

— Это наша дочь Роэлла, — сказала Окта почти извиняющимся тоном и откинула полоску ткани, чтобы показать Серене личико ребенка.

Но перед глазами Серены мелькнуло другое видение. Искаженное ужасом лицо ее сына за секунду до того, как Эразм сбросил его с высокого балкона. Девочка Окты была очень похожа на маленького Маниона, она тоже была дитя Ксавьера.

Не веря своим глазам, обманутая в своих ожиданиях, Серена побежала к двери. Ее мир рушился. Она резко повернулась и бросилась прочь, как раненая лань.

Началом джихада послужила именно такая банальная история. Был убит ребенок. Осиротевшая и обезумевшая мать набросилась на машину, которая убила ребенка абсолютно бессмысленно, причем суть поступка и его жестокость ускользнули от механического сознания робота. Вскоре толпа перешла к насилию, которое теперь известно нам как джихад.

Примеро Файкан Батлер. «Воспоминания о джихаде»

Земля осталась горящим сердцем восстания, несмотря на отсутствие его харизматического лидера Иблиса Гинджо. Заброшенный судьбой в самый центр восстания, помощник когитора Аким изо всех сил пытался сохранить сопротивление и выработать план упорядочения неорганизованного сражения перед лицом нарастающего возмездия со стороны Омниуса.

Аким всегда был человеком мысли, раздумывающим над эзотерическими откровениями Экло за высокими монастырскими стенами. Он забыл, что значит иметь дело с разрушением и кровопролитием. У него были связи с сетью знакомых Экло, но среди них было мало воинов и бойцов. По большей части это были мыслители, которые, размышляя над проблемами, видели столько возможностей решения, что не могли действовать быстро. Сложившаяся ситуация отпугивала их и вообще была им не по силам.

Толпа начала управлять собой сама, не нуждаясь в вождях.

Изумленные и ошеломленные осознанием того, что они вдруг стали свободными после многих столетий рабства, повстанцы не ставили перед собой четко очерченных целей — ими двигала грубая, плохо осознанная и неуправляемая жажда мести. Вышедшие из-под контроля рабы не могли уже добровольно надеть на себя новое ярмо. Даже Иблис не строил далеко идущих планов. В городе продолжали бушевать пожары. Саботажники подрывали производственные и снаб-

женческие возможности Омниуса, уничтожая его предприятия. Варварство и вандализм распространились по всем континентам — от промышленных центров до самых глухих деревень.

Всемирный разум спустил с цепи своих кимеков, активировал войско боевых роботов. Вся планета превратилась в поле битвы, а вскоре после этого в гигантский склеп. Думающие машины не обладали свойством милосердия. Они не умели прощать.

Спущенные с поводка Агамемнон и его кровожадные кимеки входили в населенные пункты и ровняли их с землей. Впервые после свержения власти титанов всемирным разумом его преображенные бойцы были объединены разрушительным энтузиазмом мщения. Кимеки распыляли ядовитые газы, поливали людей кислотой, выжигали пламенем огнеметов.

Команды уничтожения, составленные из роботов, прочесывали все здания — от благоустроенных домов до примитивных убежищ и бараков. Они сжигали урожаи, склады продуктов. Даже тех, кто пережил эту бойню, ждала медленная смерть от голода в течение ближайших месяцев.

За каждого уничтоженного робота или убитого кимека люди должны были платить жизнями десяти тысяч заложников. Ни один человек не мог выжить в таких условиях. Да этого и не предполагалось.

Высоко в горах, в уединенном монастыре, башня когитора сотрясалась, как сотрясается в судорогах живое существо. От стен отлетали камни. На самом высоком уровне, где в предохраняющей емкости хранился мозг Экло, цвет наружных окон изменился от желтого до оранжевого.

Расстроенный Аким погрузил пальцы в электропроводящую жидкость, связав свои мысли с мыслями почитаемого им когитора.

— Я отправил им твое послание, Экло. Сюда идет титан Юнона. Она хочет говорить с тобой.

— Да, как она делала это много лет назад.

Желая положить конец кровопролитию, Экло попросил титанов о свидании, надеясь каким-либо образом образумить

их. Много лет назад, сам того не желая, Экло помог Юноне и ее товарищам титанам взять власть в Старой Империи. Пример мозга Экло, лишенного тела, послужил титанам вдохновляющим примером для их превращения в кимеков.

В те давно прошедшие дни на Земле жил один духовный человек по имени Арн Экло, философ и оратор, который впал в грех половой распущенности. Стыдясь самого себя, он познакомился с Квиной и ее метафизической школой. Эти философы желали устранить из жизни все отвлечения и соблазны, чтобы до предела развить в себе мыслительные способности. Физическое тело Экло, его низменные и мелочные желания стали не важными для него. Он понял их ничтожность в сравнении с возможностью раскрывать тайны Вселенной.

После этого речи его разительно изменились и по форме, и по содержанию, они стали более церебральными, и люди перестали их понимать. Последователи и ученики стали покидать Экло. Люди, которые платили ему деньги, стали нести убытки и поставили под вопрос пользу такого ума. Они тоже перестали понимать, что он говорил.

После этого настал день, когда Арн Экло просто исчез. Он и другие когиторы совместно задумали эпическое путешествие в ранее недоступные глубины духовного царства. Далеко за пределы оков бренной плоти.

С тех пор как ему сделали ту замечательную нейрохирургическую операцию, он прожил две тысячи лет, отделенный от слабостей и ограничений человеческого тела. Наконец-то в распоряжении его, Квины и других когиторов было столько времени, сколько нужно. Это был величайший дар, какой они могли получить. *Время.*

Аким прервал его размышления:

— Юнона пришла.

Из своей емкости, стоявшей на уступе каменной стены, когитор увидел, как боевая форма титана легко поднимается по крутому склону к башне монастыря.

— Передай Юноне следующее, — сказал Экло Акиму. Внизу послышался шум. Другие помощники бегом бежали по лестнице наверх, в башню. — Скажи ей, что нет ничего невозможного. Скажи ей, что любовь, а не ненависть отличает людей от других живых тварей. Не насилие...

Окна окрасились в кроваво-красный цвет. Сильный взрыв потряс башню до основания. Юнона подняла свою переднюю конечность с укрепленным на ней орудием и выпустила несколько снарядов по крепким монастырским стенам. Она стреляла до тех пор, пока башня не зашаталась и не рухнула.

Когда начал обваливаться потолок, Аким бросился вперед, чтобы прикрыть своим телом емкость с великим мозгом древнего когитора. Но в это время начали рушиться и стены, круша все, что было в башне...

После того как башня рухнула, превратившись в кучу битого камня и пыли, Юнона, пользуясь своими механическими руками, принялась рыться в куче, разгребая пыль, песок, камни и сломанную арматуру. Она ползала по развалинам, разбрасывая в стороны изуродованные мертвые тела монахов, пока не отыскала емкость. Мертвый монах Аким и прочная плексигласовая емкость предохранили древний мозг когитора от уничтожения, но емкость лопнула от падения с большой высоты и сильного удара. Голубоватая электропроводящая жидкость, капая, вытекала в грязь.

Юнона отшвырнула прочь безвольное, обмякшее, как тряпичная кукла, тело мертвого Акима, вытянула вперед руку из текучего металла и высунула из руки длинные хватательные пальцы, которыми извлекла из емкости морщинистую сероватую массу мозга когитора Экло. Юнона почувствовала едва заметное биение энергии трепещущего мозга.

Она решила послать когитора в его последнее путешествие, еще больше отдалить его от столь нелюбимой им плоти. Сжав пальцы, она превратила мозг в серую бесформенную массу.

— Нет ничего невозможного, — сказала она и пошла в город продолжать заниматься своим важным делом.

Не испытывая никаких эмоций, только сознавая необходимость как-то решить назревшую проблему, Омниус декретировал полное уничтожение человечества на Земле.

Команды роботов начали беспощадно воплощать в жизнь этот декрет, не встречая, впрочем, особого сопротивления. Кровопролитие, устроенное Аяксом на Валгисе во время восстания хретгиров, было не чем иным, как небольшой прелюдией к трагедии, разыгравшейся сейчас на Земле.

После того как всемирный разум решил, что не будет больше пользоваться человечеством на этой планете, он пришел к выводу, что то же самое надо сделать и на других планетах Синхронизированного Мира. Несмотря на тот факт, что именно люди создали мыслящие машины, Омниус полагал, что плохо управляемые биологические объекты причиняют больше хлопот, чем приносят пользы. Наконец он согласился с Агамемноном, который предлагал провести в жизнь такое решение уже много столетий назад. Омниус решил уничтожить человечество как биологический вид.

Оставшиеся в живых четыре титана, которым помогали неокимеки и специально модифицированные роботы, проводили месяцы, охотясь за людьми и уничтожая население Земли. На Земле не выжил ни один человек.

Кровопролитие было неслыханным, и большая его часть была бесстрастно зарегистрирована всевидящими наблюдательными камерами всемирного разума.

Поддержи своего брата, даже если он не прав.

Пословица дзенсунни

Насколько Селим лелеял в своей груди ненависть к наибу Дхартхе, настолько же лелеял он и любопытство. Ему очень хотелось узнать, как поживают люди его деревни. Хотелось знать, вычеркнули ли они его из своей памяти. Иногда, вспоминая их поступки, он приходил в ярость, но потом только улыбался. Буддаллах сохранил Селима живым, ниспослал ему чудесное видение и дал ему благословенную цель.

Все предыдущие поколения дзенсунни приспосабливались к жизни в пустыне. В такой враждебной природе было мало места изменениям или гибкости, поэтому повседневная жизнь кочевников год за годом оставалась прежней и однообразной.

Однако наблюдая жизнь своих бывших односельчан, он заметил, что теперь у наиба Дхартхи появились в жизни новые приоритеты. Племенной вождь разработал какую-то новую стратегию для поселения, для чего в открытую пустыню начали регулярно выходить большие группы людей. Эти разведчики и добытчики не собирали больше по кусочку всякий хлам и брошенную пришельцами технику. Теперь жители дзенсуннитской деревни спешили в пустыню с одной-единственной целью — собрать больше пряности.

Точно, как в его видении! Ночной кошмар начал сбываться; чужеземцы забирают с планеты пряность, чем непременно вызовут бурю, которая сметет с лица земли суровую безмятежность великой пустыни. Селим решил присмотреться и понять, что именно происходит, а уже потом он решит, что следует делать.

Осторожными шагами они выходили в открытую пустыню, быстро высылали разведчиков, которые находили места недавних взрывов меланжи, после чего туда отправлялась

команда сборщиков. Аккуратно вбив в песок металлические колья, они ставили палатки для защиты от зноя и ветра, а потом выставляли посты на вершинах для того, чтобы не пропустить приближения червя. После этих приготовлений они принимались собирать пряность, забирая ее из пустыни в гораздо больших количествах, чем могло понадобиться самому племени. Если видение Селима оказалось верным, то все это означало, что наиб Дхартха доставляет пряность в Арракис-Сити для ее вывоза на другие планеты за пределы Арракиса.

В своем кошмаре он видел, как открываются невидимые шлюзы, и песок гигантской волной засыпает народ дзенсунни, выметая одновременно Шаи-Хулуда! Надменный и амбициозный наиб Дхартха не понимает последствий своих действий для народа, для всей их планеты.

Селим осторожно приблизился к людям, чтобы посмотреть на них через мощную подзорную трубу, которую он нашел на заброшенной ботанической станции. Прищурившись, он смотрел в визир, узнавая людей, среди которых рос. Многие из этих людей когда-то были его друзьями, а потом осыпали его презрительными ругательствами.

Селим не видел Эбрагима среди жителей деревни. Возможно, его все же наказали за какое-то преступление, так как не оказалось поблизости Селима, на которого можно было бы свалить вину... Но Шаи-Хулуд всегда сотворит справедливость — так или иначе.

Злой наиб тоже был здесь, он выкрикивал распоряжения, направлял людей, которые, с мешками и контейнерами, выкапывали из песка пряность. С трудом уносили собранную пряность, так много ее было. Должно быть, Дхартха нашел где-то крупного заказчика.

Сначала Селим был зачарован, но потом пришел в гнев. Наконец он решил, что должен следовать за своим видением, за своим призванием, а заодно он должен свершить праведную месть.

Своим ультразвуковым молотком он воззвал к Шаи-Хулуду. Зверь, которого ему удалось вызвать, оказался сравнительно маленьким червем, но Селиму это было не особенно важно. Маленьким червем легче управлять.

Забравшись высоко на вынутый головной конец червя, Селим отважно выставил себя на всеобщее обозрение. Раздвинув сегменты кожи зверя, он направлял бег своего «скакуна», чудовищного создания, которое могло выжить только в самой отдаленной, самой засушливой пустыне. Он заставил зверя увеличить скорость, и тот с негромким шелестом понесся по океану песка.

Дзенсунни были очень осторожны и предпринимали все меры, чтобы песчаный червь не заметил их лагеря. Когда наступали сумерки и немного спадала дневная жара, люди покидали временный лагерь и шли к тем местам, где можно было собрать больше пряности.

Помня свое пророческое видение и ответив на зов свыше, Селим направил зверя к такому временному становищу.

Дзенсунни не спали. Эти люди всегда сохраняли бдительность. Дозорные объявили тревогу сразу, как только заметили приближение червя, но в этот момент уже ничего нельзя было сделать. Своим громовым низким голосом наиб Дхартха приказал сборщикам пряности разбегаться в разные стороны и искать убежища, кто где сможет. Люди рассыпались по дюнам, бросив палатки и упакованную в мешки пряность.

Используя палку для управления зверем и лопаточку для того, чтобы раздвигать сегменты, Селим твердо держал Шаи-Хулуда на нужном курсе. Возмущенный тем, что на нем едут верхом, червь трепетал от ярости, намереваясь атаковать хоть что-нибудь. Селиму пришлось сильнее воткнуть инструмент в нежную розовую плоть могучей твари, чтобы помешать ей проглотить всех его бывших односельчан.

Селим не хотел никого убивать, хотя, наверное, ему доставило бы удовольствие, если бы червь пожрал наиба Дхартху. Этого было бы больше чем достаточно. Селим выполнил бы завет Буддаллаха: воспрепятствовать планам наиба экспортировать огромные запасы пряности Шаи-Хулуда.

Жители деревни разбежались по песку, рассеявшись по дюнам. Они бежали неровными шагами, рассчитывая таким образом сбить со следа гигантского червя. Чудовище вломилось в брошенный лагерь, подняв тучу песка. В мгновение ока камуфляжная ткань палаток исчезла. Часть была смешана с песком, часть проглочена взбешенным зверем.

Потом зверь изогнул шею, повернул немного назад, проник на место, где лежала собранная пряность, и принялся ее пожирать. Он ломал контейнеры, рвал мешки и глотал упаковку целиком, уничтожив всякие следы долгой работы партии сборщиков пряности.

Стоя на безопасном расстоянии, жители деревни, возможно, включая и самого наиба Дхартху, столпились на дюне, готовые при первых же признаках опасности удариться в бегство. Но развернувшееся перед их глазами действо гипнотизировало, приковывало к месту. В развевающейся белой накидке, Селим стоял на спине червя. При всем желании односельчане не могли не увидеть его человеческого силуэта на спине покоренного демона.

Селим так хохотал, что едва не потерял контроль над страшным зверем. Он воздел руки в оскорбительном жесте. Он исполнил завет и волю Буддаллаха. На этот раз пряность была спасена.

Окончив это дело, Селим развернул червя и направился прочь, подальше от обескураженных людей, в открытую пустыню, оставив односельчан на развалинах их лагеря.

Отправляясь в обратный путь, Селим не забыл оставить на остатках лагеря две емкости с водой. Он сам мог восполнить запас на ботанической станции, а сборщикам пряности этой воды вполне хватит, чтобы выжить в пустыне. Своего поселения в скалах они достигнут утром, если будут беречь влагу.

На месте погрома он нашел неповрежденную упаковку пряности. Это было знамение. Он принял этот мешок как великодушный дар Шаи-Хулуда. Пряности в упаковке было больше, чем Селиму когда-либо приходилось видеть, но он не станет потреблять ее сам и никому не продаст. Нет, он напишет пряностью письмо на песке. Вернувшись на станцию, он тщательно обдумал свои дальнейшие действия, а потом снова выехал в пустыню.

На этот раз Селим отправился к становищу племени наиба Дхартхи на крупном черве. Он провел жаркий день в тени скал, а дальше отправился пешком, держась ближе к горной гряде. Он хорошо знал здесь все тропы и потайные дороги,

исходив их в детстве. Добравшись до удобной расщелины, он стал ждать наступления полной темноты, держа в руках заветный мешок с меланжей...

Когда настала глубокая ночь и на небо, словно ледяные мерцающие глаза, высыпали яркие звезды, Селим покинул свое убежище, отошел от скал и поспешил на открытую местность, где ветры разровняли гладкую песчаную площадку. Он сделает все, на что способен, причем сделает грандиозно. Сбив шаг, он прошел по полотну ровного песка, разбрасывая пряность так, чтобы получились закругленные буквы, похожие на пятна засохшей крови на поверхности песка.

Старая Глиффа научила его читать и писать, когда благоволила к нему, благоволила вопреки мнению других сельчан, включая отца Эбрагима и наиба Дхартху, которые недоумевали, какой прок от такого образования.

Селим постарался закончить работу до восхода второй луны. Ему потребовался целый час, чтобы написать три простых слова, на которые ушла почти вся пряность. Закончив работу, Селим снова укрылся в скалах. Можно было, конечно, поймать червя и сразу вернуться домой, но Селим решил дождаться рассвета.

После восхода солнца он увидел, как десятки и десятки людей с широко открытыми глазами и ртами выглянули из проемов пещер. Не веря своим глазам, люди переговаривались, обсуждая увиденное друг с другом. На выступе, выходящем на пустыню, сразу собралась довольно большая толпа. Он слышал приглушенные возбужденные голоса и не мог сдержать усмешки. Глоток меланжи сделал его настроение еще лучше.

Среди прочих людей выделялся своей статью и темными волосами крупный наиб Дхартха, который мрачно взирал на три слова, написанных меланжей на песке:

ЗДЕСЬ БЫЛ СЕЛИМ

Он мог бы написать больше, чтобы все объяснить людям, но Селим чувствовал, что такая таинственность не повредит. Наиб будет знать, что это он, Селим, тот человек, который оседлал червей, что это был он — тот человек, который сна-

чала просто показал свое искусство, а потом уничтожил лагерь сборщиков пряности. Буддаллах избрал Селима, и пусть теперь злой наиб пребывает в вечном страхе. Молодой человек забился глубже в расщелину и улыбнулся, с удовольствием ощущая на губах вкус пряности.

Отныне, с сего дня, все знают, что он жив, а наиб Дхартха понял, что теперь у него есть заклятый враг, который не простит его до конца дней.

Далеко идущие требования религии должны согласовываться с макрокосмическими потребностями самого малого сообщества.

Иблис Гинджо. «Ландшафт человечества»

Прошли недели после возвращения Серены. Одна разбитая жизнь сменилась другой разбитой жизнью. Серена мягко отклонила предложение отца вернуться к работе в парламенте Лиги. Теперь она предпочитала проводить все время в Городе Интроспекции, бродя среди его уютных, располагающих к тихому размышлению садов. Студенты, изучавшие философию, были склонны к уединению и не мешали ей.

Ее взгляды на войну, на Лигу и на саму жизнь претерпели драматические изменения, и теперь ей нужно было время, чтобы оценить свою новую роль во Вселенной и снова найти способ помогать нуждающимся. Она чувствовала, что теперь сможет сделать намного больше, чем раньше...

Истории о пленении Серены, об убийстве ее ребенка и о восстании на Земле быстро распространились по Салусе Секундус. По настоянию Иблиса Гинджо тело маленького Маниона было помещено в плазовый саркофаг и выставлено в Зимии. Этот мемориал служил символом миллиардов людей, павших от рук мыслящих машин.

Неутомимый оратор, Иблис потерял сон с тех пор, как прибыл в столицу Лиги. Ежечасно встречался он с разными делегациями, страстно описывая ужасы, переживаемые порабощенным человечеством, жестоких кимеков и Омниуса. Он делал это только для того, чтобы собрать воедино все силы Лиги и спасти человечество на Земле. Бежавший с Земли лидер восстания хотел, чтобы на Салусе его воспринимали как героя.

Этот самозваный представитель Серены, словно от первого лица, рассказывал о Синхронизированном Мире, поведал

миру леденящую душу историю о том, как бездушный робот убил невинного младенца и как отважная мать осмелилась первой поднять руку на мыслящую машину. Своей беззаветной храбростью эта женщина зажгла огонь восстания, которое парализовало земное воплощение Омниуса.

Пользуясь модуляциями своего сладкого голоса, Иблис сумел многих на Салусе убедить в своей искренности. Вообще-то в его стратегический план входило побудить Серену саму выступать с пламенными речами. Она была самым подходящим человеком для того, чтобы сделаться ядром, вокруг которого могли бы сомкнуться ряды восставших. Но Серена предпочла уединение, не зная о том, в какое знамя и символ превратилось само ее имя и образ.

Не получив Серену в союзники, Иблис решил взять дело помощи человечеству в свои руки и довести до конца, даже если для этого ему придется принимать самостоятельные решения от ее имени. Он не мог допустить, чтобы такая блестящая возможность пропала втуне. Он понимал, что если сумеет создать в Зимии благоприятное для себя общественное мнение, то получит в руки мощное оружие. Даже политики Лиги были готовы спасать восставших на Земле людей, но их решимость растворялась в бесконечных парламентских дебатах и обсуждениях, как и предупреждала его Серена.

Сейчас, придя на секретную встречу с офицером Армады, по требованию последнего, Иблис чувствовал себя неуверенно в тесном кабинете генерального штаба Армады. Очевидно, это здание служило когда-то старой военной тюрьмой, где допрашивали подозреваемых дезертиров. Свет проникал в помещение через узкие прямоугольные окна, и Ксавьер, меривший шагами кабинет, то и дело заслонял своей мощной фигурой и без того скудный свет.

— Расскажи мне, как ты стал начальником строительной команды, — потребовал офицер. — Ты был таким же привилегированным доверенным лицом, как Вориан Атрейдес, служил мыслящим машинам и получал удобства за счет страданий других людей.

Иблис сделал протестующий жест, притворившись, что принял слова офицера за шутку.

— Я много работал, чтобы заслужить привилегии и вознаграждения для моих верных рабочих. Мы все получали какие-то блага, — произнес Иблис.

— Некоторые из нас подозревают, что тебе очень удобно разыгрывать такой энтузиазм.

Улыбнувшись в ответ, Иблис развел руками.

— Ни Вориан Атрейдес, ни я не скрывали своего прошлого и даже не пытались этого делать. Но помните, что для получения максимума информации вам нужны люди, которые действительно знают, что делается внутри Синхронизированного Мира. Вы не найдете лучших источников информации, чем Атрейдес и я. Серена тоже знает очень много.

Иблис оставался совершенно спокойным и невозмутимым. Ему приходилось смотреть в глаза Аяксу и обманывать его, а уж этот страшный кимек был куда более умелым дознавателем, чем сегундо Ксавьер Харконнен.

— Лига сделает непоправимую глупость, если не воспользуется такой возможностью. — Подумав, Иблис добавил: — У нас есть средства помочь восстанию людей на Земле.

— Сейчас уже поздно говорить об этом. — Лицо сегундо стало суровым, он подошел вплотную к Гинджо. — Ты спровоцировал бунт, а потом оставил людей на произвол машин и кимеков.

— Я приехал сюда заручиться поддержкой Лиги. У нас нет времени на долгие споры, если мы хотим спасти уцелевших.

Лицо Ксавьера стало каменным.

— На планете Земля нет уцелевших. Ни одного.

Пораженный Иблис потерял дар речи. Прошло довольно много времени, прежде чем он смог снова заговорить.

— Но как это стало возможным? Улетая сюда на «Дрим Вояджере», я оставил вместо себя надежного человека, верного человека. Я полагал, что он...

— Достаточно, Ксавьер. — От тонированной стены донесся голос невидимого человека. — Всей этой крови и грязи хватит на то, чтобы утонуть в них. Давайте решать, что делать дальше, и не будем тратить время и силы на то, чтобы обращать против себя самые надежные источники информации.

Ксавьер вытянулся и посмотрел на темную стену.

— Как вам будет угодно, вице-король.

Стена поднялась и за ней открылась соседняя наблюдательная комната, в которой сидели с десяток мужчин и женщин, составлявших высший трибунал Лиги. У Иблиса Гинджо закружилась голова, когда в одном из мужчин он узнал вице-короля Маниона Батлера, а в другом — Вориана Атрейдеса.

Вице-король поднялся.

— Иблис Гинджо, вы видите перед собой членов специального парламентского комитета по расследованию ужасных событий на Земле.

Иблис не смог сдержать эмоций.

— Но истребление всего живого на Земле? Как такое стало возможным?

Ксавьер Харконнен сухо ответил на этот риторический вопрос:

— Как только ваш корабль прибыл сюда, командование Армады послало на Землю разведчиков. Через несколько недель пилот вернулся с ужасным рапортом. На Земле остались только мыслящие машины. Все повстанцы мертвы. Все рабы, все дети, все доверенные лица. Похоже, что их истребили еще до того, как вы прибыли на Салусу.

Вице-король активировал несколько настенных экранов, на которых появились леденящие душу кадры, горы изуродованных трупов, марширующие роботы и кимеки, истребляющие толпы окруженных ими людей. Появлялись все новые и новые изображения с жестокими подробностями.

— Земля, колыбель человечества, превратилась в огромное его кладбище.

— Слишком поздно, — пробормотал потрясенный Иблис. — Все эти люди...

Разговор прекратился, так как с улицы донесся мощный рев толпы. Люди скандировали: «Серена! Серена!» Иблис был еще больше поражен, услышав это имя.

— Иблис Гинджо, я никогда не найду подходящих слов, чтобы выразить благодарность вам и вашему другу за то, что вы спасли мою дочь, — сказал вице-король Батлер. — Но, к несчастью, человек, которого вы оставили вместо себя, оказался не на высоте положения.

Лицо Вориана Атрейдеса стало суровым.

— Никто не смог бы добиться успеха в такой ситуации, ни Иблис, ни я. Поражение восстания было лишь вопросом времени.

Лицо сегундо Харконнена исказилось от злобы.

— Вы утверждаете, что бесполезно сражаться с Омниусом и что любое восстание против него обречено на неудачу? Но на Гьеди Первой мы доказали, что это совсем не так.

— Я был на Гьеди Первой так же, как и вы, сегундо. Помните? Вы стреляли по моему кораблю и серьезно его повредили.

— Да, я помню, сын Агамемнона.

— Восстание на Земле стало великим примером, — сказал Вориан, — но его участниками были только рабы, вооруженные лишь ненавистью к мыслящим машинам. У них не было ни единого шанса на победу. — Он обернулся к членам специальной комиссии. — С другой стороны, Армада Лиги — это совсем иное дело.

Уловив возможность вставить свое слово, Иблис Гинджо загремел своим хорошо поставленным ораторским голосом.

— Да, посмотрите, чего смогла достичь толпа необученных и безоружных рабов, а теперь представьте, что смогла бы сделать хорошо вооруженная, обученная и слаженная армия.

Крики демонстрантов за окном стали громче. Иблис продолжил:

— Потери на Земле нельзя оставлять не отмщенными. Смерть внука вице-короля Батлера — вашего сына, сегундо Харконнен — не должна остаться безнаказанной!

Вориан между тем не мог оторвать взгляд от Ксавьера, стараясь смотреть на него как на храбреца, похитившего сердце Серены, а потом женившегося на ее сестре. *Я бы ждал ее вечно.*

Он внимательно прислушался к словам Иблиса Гинджо. Вориан недолюбливал предводителя повстанцев, так как ему не были вполне ясны его мотивы. Иблис был очарован Сереной, но это была не любовь. Тем не менее Вориан был согласен с оценками Иблиса.

Последний, увлекшись, начал говорить так громко, словно его пригласили сюда выступить перед членами парламентской комиссии, а не отвечать на ее вопросы.

— События на Земле — это временная неудача, ничто больше. Мы можем снова подняться, если у нас будет воля сделать это!

Некоторые представители Лиги были захвачены энтузиазмом Гинджо. Толпа на улице постепенно пришла в неистовое возбуждение. Появились стражи порядка, и стали слышны их усиленные динамиками голоса, призывавшие людей к спокойствию.

Вориан с интересом наблюдал, как Иблис по очереди посмотрел в глаза всем присутствующим, а потом уставил взор вдаль, словно он один что-то мог там видеть. Будущее? Произнося свою речь, Иблис выразительно жестикулировал.

— Люди Земли погибли, потому что я поднял их на сопротивление мыслящим машинам, но я не чувствую за это своей личной вины. Война должна была где-то начаться. Принесенные жертвы продемонстрировали величие человеческого духа. Подумайте о примере Серены Батлер и ее невинного дитя, что она пережила, но все же сумела выжить.

Вориан видел раздражение на лице Ксавьера Харконнена, но офицер смолчал.

Иблис улыбнулся и протянул вперед руки.

— Серена смогла бы сыграть выдающуюся роль в подъеме новой силы, которая сокрушит машины, если только она осознает свой могучий потенциал.

Теперь Иблис обращался только к Маниону Батлеру. Речь становилась все более пламенной.

— Другие могут не поверить, но именно Серена стала той искрой, от которой возгорелся огонь великого восстания на Земле. Ее ребенок был убит, и она подняла свою руку на мыслящие машины, и это видели все. Подумайте об этом! Какой это великий пример для всей человеческой расы.

Иблис шагнул ближе к членам трибунала.

— Все народы Лиги услышат о ее храбрости и прочувствуют ее боль. Они пойдут сражаться за ее дело и во имя ее, если им скажут сделать это. Они поднимутся со всей своей эпической силой на борьбу за свободу, пойдут в священный крестовый поход... начнут джихад. Послушайте, что происходит на улице — вы слышите, как они скандируют ее имя?

Вот оно, подумал Иблис. Он связал свое дело с религией, как советовал ему когитóр Экло. Не имело никакого значения, какой веры здесь придерживаются, какой богословской доктрины — главное заключается в пламенности, которую может обеспечить только убежденность. Если движение должно стать массовым, то оно должно затронуть человеческие эмоции, повести людей на битву без размышлений о неудаче и поражении, без опасений за свою жизнь и благополучие.

Выдержав долгую мучительную паузу, он добавил:

— Я уже распространил среди людей слово. Дамы и господа, здесь и сейчас мы полагаем основы чего-то большего, чем просто мятеж и восстание, мы полагаем нечто, отделяющее душу человечества от бездушных мыслящих машин. С вашей помощью это может стать победой, принесенной на крыльях человеческой страсти и... *надежды.*

Сами того не сознавая, люди создали оружие массового уничтожения, но это стало ясно им со всей очевидностью только после того, как машины захватили власть над всеми аспектами жизни человечества.

Барбаросса. «Анатомия восстания»

Красные от возбуждения парламентские представители Лиги шумно спорили между собой о последствиях геноцида на Земле. Серена с неподвижным каменным лицом сидела в зале, впервые, несколько недель спустя после возвращения домой, придя в зал заседаний. Однако ее присутствие никак не сказалось на скучных и однообразных дебатах.

— Борьба с Омниусом продолжается уже много столетий! — кричал патриарх Балута. — Нет никаких оснований делать что-то из ряда вон выходящее, о чем мы потом будем горько сожалеть. Я тяжело переживаю происшедшее кровопролитие, но реально у нас не было никакой надежды спасти погибавших на Земле рабов.

— Вы имеете в виду и таких рабов, как Серена Батлер? — со своего гостевого места подал голос Вориан Атрейдес, нарушив протокол и политическую традицию. — Я рад, что не все мы так легко сдались.

Ксавьер, нахмурившись, посмотрел в сторону Вориана, хотя подумал о том же. Он посчитал, что сын Агамемнона ведет себя бестактно, хотя сам чувствовал себя подавленным размеренным ритмом парламентских обсуждений. Если бы Серена была уверена в эффективной работе парламента, она ни за что не отважилась бы на полет на Гьеди Первую, тем самым принудив Лигу к непарламентским активным действиям.

Потом таким же громким голосом заговорил нынешний магнус восстановленной Гьеди Первой.

— Разве то обстоятельство, что нынешнее положение существует уже тысячу лет, означает, что мы должны безропотно привыкнуть к нему? Мыслящие машины уже проводят беспримерную эскалацию войны своими набегами на Зимию и Россак и своим вторжением на Гьеди Первую. Геноцид людей на Земле — это еще одна пощечина Лиге Благородных.

— Да, и это пощечина, которую мы не можем оставить безнаказанной, — произнес вице-король Батлер.

Теперь, согласно протоколу, в звукозаписывающий купол, установленный на подиуме для выступавших, вошел Ксавьер Харконнен. Проекционные экраны дублировали его изображение и речь. Решимость не отступать обозначила на его лице глубокие складки.

В амфитеатре, на месте, предназначенном для выдающихся гостей, сидел Иблис Гинджо, одетый в новенький костюм от лучшего салусанского портного.

Под сводами зала гремел голос Ксавьера. Он говорил командным голосом, каким обычно отдавал приказы на кораблях Армады.

— Мы не можем больше довольствоваться ответными реактивными войнами. Мы должны сами навязать мыслящим машинам бой во имя нашего с вами выживания.

— Вы предлагаете, чтобы мы стали такими же агрессивными, как машины? — воскликнул с четвертого ряда партера лорд Нико Бладд.

— Нет! — ответил Ксавьер рыжебородому аристократу и продолжил совершенно спокойным и твердым тоном: — Мы должны стать более агрессивными, нежели мыслящие машины.

— Это спровоцирует их на еще большие жестокости, — возопил граф-генерал Хагала, человек с бочкообразной грудью, одетый в красный китель. — Мы не можем так рисковать. На многих планетах Синхронизированного Мира людей больше, чем было убито на Земле. Я не думаю...

Зуфа Ценва, царственная в своей славе, перебила графа ледяным от презрения голосом:

— Тогда почему бы вам сразу не сдать свою планету Синхронизированному Миру, граф-генерал, если вы так дрожите

при одной мысли о сражении? Это избавит Омниуса от множества хлопот.

Серена Батлер встала, и в зале сразу наступила полная тишина. Она заговорила твердым уверенным тоном, но в голосе ее чувствовалась неподдельная страсть.

— Мыслящие машины никогда не оставят нас в покое. Заблуждается тот, кто думает по-иному. — Она окинула взглядом ряды сидящих в зале аристократов. — Вы все видели гробницу моего сына, убитого мыслящей машиной. Видимо, верно, что легче представить себе трагедию одного человека, чем трагедию миллиардов. Но этот ребенок лишь символизирует те ужасы, которые Омниус и его Синхронизированный Мир готовы навлечь на нас с вами. — Она подняла сжатый кулак. — Мы должны объявить крестовый поход против машин, начать священную войну, джихад во имя моего убитого сына Маниона. Пусть это будет джихад Маниона Батлера.

В поднявшемся шуме громко прозвучал голос Ксавьера Харконнена.

— Мы никогда не будем в безопасности, если не уничтожим их.

— Если бы мы знали, как это сделать, — жалобно произнес лорд Бладд, — то давно победили бы их.

— Но мы знаем теперь, как этого добиться, — произнес Ксавьер, и Серена кивком подтвердила его слова. — Мы научились этому за тысячу лет.

Он понизил голос, и в зале стало тихо. Присутствующие хотели послушать, что он скажет. Он вгляделся в лица и продолжил:

— Ослепленные новыми оборонительными системами Тио Хольцмана, мы забыли о старом и верном последнем решении всех проблем, которое существовало задолго до нашего рождения.

— О чем вы говорите? — спросил патриарх Балута.

Сидевший неподалеку Иблис Гинджо, скрестив руки на груди, многозначительно кивнул, словно знал, какой последует ответ.

— Я говорю об атомном оружии, — ответил Харконнен. Его слова упали в зал, разорвавшись, словно боеголовка запрещенного в незапамятные времена оружия. — Тотальная бом-

бардировка атомными зарядами. Мы можем стерилизовать Землю, превратить в пар каждого робота, каждую боевую машину, каждый гелевый контур.

Ропот-крещендо в зале перешел в неистовый рев. Громовым голосом Ксавьер бросил в зал свои заключительные фразы:

— Больше тысячи лет мы хранили у себя ядерные арсеналы. Но мы всегда считали это оружие последним средством — оружием Судного дня, предназначенным для уничтожения планет и всего живого на них. — Он ткнул пальцем в сторону сидевших в зале аристократов. — У нас достаточно боеголовок в арсеналах, но Омниус считает их пустой угрозой, потому что мы никогда не осмеливались их применить. Настало время преподнести сюрприз мыслящим машинам и заставить их пожалеть о своей беспечности.

Используя свое приоритетное право вице-короля, Манион Батлер перебил офицера:

— Машины взяли в неволю и мучили мою дочь. Они убили моего внука, носившего мое имя, они убили мальчика, которого не увидел ни я, ни его отец.

Некогда полный, а теперь сильно похудевший Батлер ссутулил плечи. Он плохо спал, и волосы у него были всклокочены.

— Эти проклятые машины заслуживают самого сурового наказания, какое только мы можем к ним применить.

Шум продолжался, и тут, ко всеобщему удивлению, Серена Батлер вышла к трибуне и встала рядом с Ксавьером.

— Теперь Земля — не более чем гниющий могильник. Ее топчут только мыслящие машины. Все живое на Земле уже убито. — Она перевела дыхание, ее синие лавандовые глаза сверкнули решимостью. — Что там сохранять? *Что мы там потеряем?*

Серена продолжала говорить, и ее слова дублировали мигавшие на стенах проекционные экраны.

— Порабощенное население Земли восстало, и машины убили его за это. Всех до единого! — Голос Серены гремел из каждого динамика в зале. — Допустим ли мы, чтобы это массовое убийство осталось без последствий? Сделаем ли мы вид, что все это ничего для нас не значит и вообще нас не касает-

ся? — Она застонала от негодования. — Или Омниус должен заплатить за это преступление?

— Но Земля — это колыбель человечества, место его зарождения, — простонал магнус Гьеди Первой. — Как можем мы даже помыслить о таком ее разрушении?

— Восстание на Земле послужит толчком к нашему джихаду, — возразила Серена Батлер. — Мы должны распространить весть об этом славном восстании по всем планетам Синхронизированного Мира. Может быть, нам удастся и на других машинных планетах зажечь огонь восстания, но сначала нам надо уничтожить Омниуса на Земле. И не важно, чего это будет стоить.

— Можем ли мы отказаться от такой возможности? — поддержал Серену Ксавьер Харконнен. — У нас есть атомное оружие. У нас есть новые поля Тио Хольцмана для защиты наших кораблей. У нас есть воля народа, который на улицах скандирует имя Серены. Во имя Бога, мы должны сделать что-то сейчас.

— Да, — произнес Иблис. Он не повысил голос, но его услышали, несмотря на шум, поднявшийся в зале. — Мы должны сделать это во имя Бога.

Представители Лиги были несколько напуганы и ошеломлены, но никто прямо не высказал своего несогласия. Наконец, после долгого молчания, вице-король Батлер потребовал, чтобы Лига Благородных приняла официальное решение по этому вопросу.

Начавшийся опрос закончился принятием решения без голосования ввиду полного одобрения.

«Итак, решено, что Земля, древняя колыбель человечества, станет первым могильным камнем на кладбище мыслящих машин».

Творчество движется своими, неисповедимыми путями.

Норма Ценва. Запись из неопубликованного лабораторного журнала

В лабораторной башне, окна которой выходили на широкую Исану, Норма Ценва, как обычно, сидела за своим заваленным бумагами лабораторным столом. Изобретенные ею плавающие светильники колыхались над ее головой, как диковинное украшение. Она не потрудилась выключить их, хотя солнце уже давно взошло. Она не хотела нарушать хода своих мыслей.

Она нажала кнопку небольшого, размером с ручку, проекционного механизма на покатом столе. Магнитные прозрачные листы с изображениями, подхваченные магнитным полем, плавно взлетели в воздух. Это было подробное изображение баллисты — самого большого военного корабля Армады Лиги.

Норма переключила режим работы проектора, и чертежи выстроились в комнате, образовав объемное изображение — уменьшенную копию баллисты. Затем Норма отделила от изображения одну палубу судна, и сама вошла в увеличенное голографическое изображение, этот выход она делала для того, чтобы рассчитать минимальный радиус для полного прикрытия корабля защитным полем.

Саванта Хольцмана не было. Он отправился на очередное общественное мероприятие, где будет, выказывая ложную скромность, упиваться празднованием своих научных достижений. В последнее время он работал с Нормой не больше часа в день, исключительно по утрам, а потом начинал готовиться к обедам, за которыми следовали вечерние банкеты в резиденции лорда Бладда. Иногда, возвращаясь с них, Хольцман рассказывал Норме об аристократах и политиках, с кото-

рыми он там познакомился. Делал он это, очевидно, с целью произвести впечатление на Норму.

Вообще-то она не возражала против такого уединения и работала одна, не жалуясь на тяготы. Хольцман оставил ее в покое, поручив рассчитать параметры полей для прикрытия самых крупных боевых кораблей Армады. Савант говорил, что у него нет времени заниматься этим самому, но он больше не доверял команде вычислителей.

Норма ощущала на своих плечах большой груз ответственности, так как знала, что Лига разослала призыв ко всем своим планетам — присоединиться к священной войне, армагеддону, который должен был начаться с удара по оплоту Синхронизированного Мира — по планете Земля. На Салусе Секундус уже собрался большой флот диверсионных кораблей, готовых стартовать.

Хольцман продолжал упиваться своей возросшей значимостью. Норме же казалось, что работа лаборатории должна говорить сама за себя, без всех этих рекламных глупостей. Но ей было не суждено понимать правила игры политических кругов, в которых вращался Хольцман, и она верила в то, что он делает это только затем, чтобы лучше обеспечить военные приготовления через контакты с влиятельными людьми.

В свободное время ее ум был занят некоторыми побочными проблемами, их деталями, и она, следуя своей внутренней логике искателя, старалась найти ответы на мучившие ее вопросы. Например, даже если удастся уничтожить земное воплощение Омниуса, то останутся другие копии всемирного разума на других планетах Синхронизированного Мира. Могут ли мыслящие машины пережить такую вещь, как психологический удар? По масштабам Омниуса одна планета не представляет собой достаточную мишень, достойную усилий цель. Но насколько реальна опасность, Норма сказать не могла — эта проблема настолько выбивала ее из колеи, что она не могла выполнить необходимых расчетов. Эти мысли, которые вспыхивали, как молнии, и точно также перескакивали от облака к облаку, только высвечивали новые возможности, говорили о возможности свежих идей.

По законам военного времени, которые лорд Бладд установил на планете после восстания Бела Моулая, Норма чувствова-

ла себя во все большей изоляции. Хольцман общался с ней очень мало. Два года назад, когда она впервые приехала сюда с Россака по его приглашению, он был для нее кумиром и образцом для подражания. Только постепенно до нее дошло, что, кроме простого признания ее таланта и использования его для достижения их общих целей, ученый в последнее время начал испытывать по отношению к ней некоторое раздражение.

Отчасти Норма и сама была виновата в этом. Ее постоянные предупреждения о непригодности модели сплавного резонансного генератора и об опасности взаимодействия защитного поля с лазерным лучом, естественно, настроили его против Нормы. Но со стороны саванта было несправедливо плохо относиться только потому, что она оказалась права. Тио Хольцман поставил свое «я» выше интересов науки.

Норма почесала свои редкие некрасивые волосы. Какое место в их работе вообще занимает человеческое эго? Уже в течение почти целого года ни одна его концепция не привела к созданию работающих конкретных моделей.

Напротив, в голове Нормы сейчас происходило оформление новой идеи, которая вполне могла бы вылиться в новый большой проект. Мысленно она уже видела соединение частей в целое, грандиозную конструкцию, которая может в будущем потрясти основы Вселенной. Но сейчас она не могла одним взглядом охватить все сопряженные с этим теории и уравнения. Для решения проблемы потребуются все ее силы и энергия, но, возможно, это изобретение поможет Армаде больше, чем персональные защитные поля.

Норма отодвинула в сторону голографическую проекцию баллисты и вышла из нее, обозначив голографическими маркерами места, на которых были прерваны ее вычисления. Теперь она могла направить свою сосредоточенность в другое русло и заняться делами поистине важными. Новая идея волновала ее гораздо больше, чем тривиальные расчеты защитных полей.

Вдохновение, как всегда почти мистическое, привело ее к открытию поистине революционных возможностей. Она почти физически могла видеть, как работает ее модель в исполинском, вселенском масштабе. По спине Нормы пробежал холодок предчувствия.

Хотя у нее в руках не было пока четкой теории о том, как будет работать эта идея, она кожей чувствовала, что прорывное уравнение поля Хольцмана можно использовать для чего-то гораздо более существенного и значительного. Пока ученый почивал на лаврах и упивался успехом, Норма решила попробовать пойти в другом направлении.

Видя, как эффект Хольцмана искажает пространство, создавая поле, она пришла к убеждению, что сама ткань Вселенной может быть свернута, при этом можно создать своеобразное короткое замыкание Вселенной. Если совершить такой подвиг, то можно будет путешествовать на огромные расстояния в мгновение ока, связывая две дискретные точки пространства вне зависимости от физического расстояния между ними.

Свертывание пространства.

Ей никогда не удастся развить столь грандиозный проект, пока Тио Хольцман ограничивает каждый ее шаг. Норме Ценва придется работать тайно...

Совершенно очевидно, что наши проблемы проистекают не из наших изобретений, но из того, как мы пользуемся нашими сложными игрушками. Трудности происходят не от конструкции и программного обеспечения, а от нас самих.

Барбаросса. «Анатомия восстания»

На протяжении тысячелетия человечество не собирало таких значительных и концентрированных вооруженных сил в одном месте. Планеты Лиги выделили для этих целей крупные и малые корабли из состава своих флотов: тяжелые линейные корабли, средние крейсеры, истребители, корабли сопровождения, сотни больших и малых челноков, тысячи «Кинжалов» и патрульных судов. На некоторых кораблях было столько атомных боеголовок, что их мощью можно было трижды уничтожить всю Землю.

Командование операцией было поручено сегундо Ксавьеру Харконнену; она была его детищем. Огромное количество судов, оружия, командиров всех рангов и солдат разных родов войск скопилось на орбите около Салусы Секундус в течение трех месяцев. Ремонтные рабочие гравировали на каждом корабле эмблему Лиги Благородных — раскрытую ладонь.

Оружейные заводы колонии Вертри, Комидера и Гъеди Первой работали на пределе своих возможностей в три смены. Такой график предстояло сохранить и после отбытия Армады, так как ожидалось, что флот понесет огромные потери, которые надо будет немедленно восполнять. Пополнения будут нужны все время, вплоть до окончания войны.

До отбытия объединенной Армады все планетарные вооруженные силы, не задействованные в экспедиционном корпусе, были приведены в состояние боевой готовности. Даже если атомный удар по земному воплощению Омниуса окажется успешным, это не давало гарантий от удара возмездия со стороны других его инкарнаций.

Уничтожение — полная аннигиляция земного Омниуса — было совершенно необходимо как сигнал поворотного пункта в затянувшейся войне. Много лет назад свободное человечество накопило огромные запасы атомного оружия, чтобы угрожать мыслящим машинам, но Омниус и генерал-кимек считали эти угрозы блефом Лиги. На Гьеди Первой и в других местах люди не применили это оружие Судного дня, таким образом, расписавшись в его полной неэффективности.

Теперь все должно было измениться.

Теперь Армада мстителей покажет врагу, что люди сняли с себя все моральные ограничения по отношению к машинам. Воздушные ядерные взрывы должны генерировать мощные электромагнитные поля, и эти мощные импульсы уничтожат сложные гелевые контуры мозга машин. Отныне Омниус будет бояться повторения ядерного всесожжения на других планетах Синхронизированного Мира. Радиоактивные осадки, демон из кошмарных фантастических историй древнего человечества, будут выпадать на поверхность планеты еще долгое время после окончания битвы, но со временем радиоактивность исчезнет и планета Земля, прародина человечества, снова станет обитаемой, но уже без мыслящих машин.

Корабли Армады понеслись к Земле на максимально возможной скорости. Путь должен был занять около месяца. Ксавьер с удовольствием изыскал бы способ сделать путь короче. Но даже фотонам, которые движутся с немыслимой световой скоростью, требуется какое-то время на перемещение между звездами.

Когда боевые корабли приблизились к Солнечной системе, сегундо Харконнен начал объезд кораблей, чтобы лично проинспектировать готовность людей и техники к боевым действиям. С мостиков кораблей он обращался к солдатам, воодушевляя их для предстоящей битвы.

Ожидание подходило к концу.

В этот момент приблизительно половина кораблей Армады была оснащена защитным полем, но атомное оружие находилось на борту как защищенных, так и не защищенных судов. Ксавьер хотел было подождать еще, но в конце концов решил, что дальнейшая задержка причинит вред больший, чем ожидаемая польза от установки защитных полей на все ко-

рабли. Кроме того, некоторые консервативно настроенные аристократы, прибывшие со своими отдельными флотами, высказывали скептическое отношение к непроверенной технологии. Эти лорды устанавливали вокруг своих планет и лун старые, проверенные разрушающие поля и не видели причин в данном случае отказываться от этого надежного средства. Они знали, что это было рискованно, но мирились с риском.

Ксавьер сосредоточился на том, чтобы психологически подготовить себя к битве до победного конца. После атаки на Землю всегда найдутся критики, которые не простят ему этого нападения. Все будут связывать с ним все неприятные стороны этой войны, но он не имеет права на этом основании отказываться от проведения операции. Достижение победы потребует практически полного уничтожения родового гнезда человеческой расы.

С таким ужасным пятном на репутации как сможет история не проклясть человека по имени Ксавьер Харконнен? Даже если машины будут уничтожены, ни один человек никогда не захочет жить на планете Земля.

За день до того, как Армада достигла орбиты Земли, Ксавьер вызвал на мостик своей флагманской баллисты Вориана Атрейдеса. Ксавьер не доверял бывшему пособнику Омниуса, но отделял свои личные чувства от дел службы, тем более когда речь шла о столь важном деле, как уничтожение мыслящих машин.

Ценность Вориана заключалась в его знании технических возможностей Омниуса.

— Никто другой не знает так много об армии роботов. Даже Иблис Гинджо не имеет той подготовки, какая есть у меня. Он был всего лишь начальником строительной команды. Кроме того, он предпочел остаться на Салусе.

Хотя колдунья с Россака подтвердила правдивость Атрейдеса, Ксавьер не мог отделаться от недоверия к сыну Агамемнона, который всю жизнь провел в услужении у мыслящих машин. Был ли Вориан умным шпионом или он действительно говорит правду и тогда его разведывательные данные просто бесценны и могут помочь найти уязвимые места в обороне Омниуса?

Вориана не раз тщательно допрашивали, его даже проверил врач, обладавший умением находить в организме имп-

лантированные шпионские приспособления. Все заявили, что Атрейдес чист. Но Ксавьер боялся, что умные машины предвидели такую проверку и имплантировали в мозг Вориана какой-нибудь миниатюрный прибор, который можно включить в критический момент и заставить этого человека совершить диверсию против Армады Лиги Благородных.

Серена сказала, что все люди должны быть освобождены от ига мыслящих машин. Она захотела, чтобы Ксавьер взял с собой этого человека и дал ему шанс. В душе она всегда хотела верить, что если человек один раз познал концепцию свободы и собственной индивидуальности, то он навсегда откажется от порабощения и выберет независимость. И когда Серена попросила его об этом, Ксавьер не смог отказать.

— Отлично, Вориан Атрейдес, — сказал он. — Я дам вам возможность доказать свою ценность, но только под строгим контролем. Вам будет отведен определенный коридор, и за вами будут все время наблюдать.

Вориан криво усмехнулся.

— Я с рождения привык, что за мной постоянно наблюдают.

Сейчас двое мужчин были одни на капитанском мостике флагманской баллисты. Ксавьер, сцепив руки за спиной, расхаживал по палубе, расправив плечи. Сквозь космическое пространство он смотрел на яркую желтую звезду, которая с каждой минутой становилась все ярче.

Вориан молчал, держа при себе свои мысли, и тоже смотрел на черноту космоса, усеянную яркими звездами.

— Никогда не думал, что вернусь сюда так скоро. Особенно в таком качестве.

— Боитесь, что ваш отец все еще здесь?

Молодой человек шагнул ближе к широкому иллюминатору и вгляделся в приближающийся силуэт голубой планеты.

— Если на Земле нет ни одного живого человека, то титанам нет особого смысла оставаться здесь. Возможно, их отправили на другие планеты Синхронизированного Мира. — Он поджал губы. — Надеюсь, что Омниус не оставил на Земле значительных сил неокимеков.

— А что в этом страшного? Нашей огневой мощи хватит на то, чтобы легко уничтожить и их.

Вориан искоса взглянул на Ксавьера.

— Страшное в этом то, сегундо Харконнен, что мыслящие машины и роботы предсказуемы, их поведение определяется заложенными в них программами. Мы знаем, как они будут реагировать. Кимеки, с другой стороны, непостоянны и изобретательны. Это машины с человеческим мозгом. Кто знает, что они могут сделать?

— Совсем как люди? — спросил Харконнен.

— Да, но со способностями причинять куда большие разрушения.

С мрачной усмешкой Ксавьер обернулся к своему спутнику.

— До скорой встречи, Вориан. — Они были молодыми людьми одного возраста, но за плечами у них был совсем не юношеский жизненный опыт. — После завтрашнего дня ничто во Вселенной не сравнится с нами по умению причинять разрушения.

Боевая группа Армады приблизилась к Земле, как неминуемый ураган. Пилоты заняли места в десантных кораблях на нижних палубах баллист. Крейсеры и истребители извергали из своего чрева эскадрильи «Кинжалов», бомбардировщиков и разведчиков. Патрульные корабли и поисковые суда произвели быструю рекогносцировку, подтверждая данные, представленные Вориаком Атрейдесом.

Колыбель человечества выглядела как зеленеющий шар, прикрытый неровной пленкой белых облаков. Ксавьер Харконнен во все глаза смотрел на этот замечательный мир, на эту великолепную планету. Даже зараженная машинами, она выглядела хрупкой, нежной и уязвимой.

Вскоре, однако, Земля превратится в обугленный, почерневший безжизненный шар. Несмотря на то что он сам убеждал скептиков и сомневающихся в необходимости этого удара, теперь Ксавьер не понимал, как он мог считать такую победу приемлемой.

Он глубоко вдохнул, не отводя глаз от планеты, которую видел нечетко за пеленой слез. Это был его долг.

Ксавьер передал приказ флоту:

— Начать полномасштабную атомную бомбардировку.

Технология должна была освободить человечество от жизненных тягот. Но вместо этого она создала новые.

Тлалок. «Время титанов»

Детекторы периметра земной обороны Омниуса зафиксировали приближение сил вторжения. Всемирный разум был немало удивлен отвагой дикого типа человека, а также большим числом и огневой мощью объединенного флота. В течение многих столетий хретгиры прятались за своими оборонительными системами, боясь высунуть нос в контролируемый машинами космос. Почему не было сделано ни одной компьютерной проекции сценария столь дерзкого нападения на Синхронизированный Мир?

На экранах и контактных терминалах, разбросанных по всему городу, были видны роботы, занимавшиеся ремонтом и устранением повреждений, причиненных восстанием рабов. Было бы неплохо обсудить положение с Эразмом, который, несмотря на все свои бесчисленные изъяны и пороки, казалось, единственный хоть немного понимал человеческую иррациональность. Но этот злосчастный противоречивый робот был вне пределов досягаемости, улетев на далекий Коррин.

Даже оставшиеся в живых титаны могли бы сослужить сейчас неплохую службу, но их послали на менее стабильные планеты, чтобы предупредить распространение бунта по Синхронизированному Миру. Таким образом, всемирный разум почувствовал себя покинутым и заброшенным.

Просмотрев данные сканеров, Омниус определил, что суда людей, по всей вероятности, загружены атомными боеголовками. Еще одна полная неожиданность! Он считал и пересчитывал вероятности и варианты, но все возможные сценарии кончались для него катастрофой. Он ощутил начальные про-

явления состояния, которое люди обозначают словами «потрясение от невероятного».

Он не мог не принять во внимание собственные проекции и решил отвечать на вторжение соответственно им. Земной Омниус запустил корабли-роботы на орбитальный кордон, чтобы обеспечить полную защиту ее периметра, чтобы помешать кораблям Лиги прорваться к поверхности Земли. На орбиту были запущены миллиарды наблюдательных камер, которые следили за развернувшейся схваткой со всех возможных точек обзора. Просмотрев пять тысяч моделей возможных сценариев, он пустил в ход один из них, тот, который был наиболее эффективным для действий флота роботов.

Но Омниус еще не знал о защитных полях Хольцмана.

Когда корабли-роботы начали обстреливать Армаду из орудий и запускать в нее поражающие ракеты, те просто отскакивали от линии передовых кораблей Армады и, улетая в открытый космос, взрывались там, не причиняя противнику никакого вреда.

Отойдя назад, корабли-роботы перегруппировались и стали ждать нового приказа, пока всемирный разум, напрягая свои гелевые контуры, изо всех сил старался осмыслить ситуацию.

Первые бомбардировщики хретгиров скользнули в атмосферу, сотня за сотней эти уродливые машины шли к поверхности планеты. Каждая из них несла на борту старинную атомную боеголовку.

Омниус сделал новые проекции. Впервые за все время его существования сложилась реальная вероятность его уничтожения.

Независимый и исполненный решимости, Вориан Атрейдес летел в маленьком, защищенном полем Хольцмана корабле, одном из салусанских «Кинжалов» с усиленным вооружением. На этом «Кинжале» не было атомного заряда — Ксавьер не настолько доверял Вориану, — но Атрейдес должен был выполнять патрульные и охранные функции, чтобы дать возможность кораблям с атомными боеголовками без помех выполнить их задачу.

Это в корне отличалось от тех функций, которые Вориан выполнял на борту «Дрим Вояджера».

Сегундо Харконнен вначале хотел задержать Вориана на борту флагмана, так как Атрейдес мог представить ценную тактическую и иную информацию о силах всемирного разума, но Вориан попросил разрешения лично участвовать в разгроме Омниуса. Как сын Агамемнона, Вориан уже представил исчерпывающую информацию о боевых машинах мыслящих машин, об их вооружении и оснащении. Теперь настало время применить эти знания в настоящем деле.

— Прошу вас, — сказал он Ксавьеру. — Я доставил вам Серену в целости и сохранности. Если у меня нет других заслуг, то воспользуйтесь хотя бы этой и разрешите мне участвовать в боевых действиях.

Напряженное выражение лица Ксавьера сказало Вориану, что суровый сегундо до сих пор любит Серену. Офицер повернулся спиной к Вориану, чтобы не показывать ему своих эмоций.

— Берите корабль. Будьте в самой гуще боя, но постарайтесь остаться в живых. Не думаю, что Серена перенесет еще и вашу гибель.

Это были первые добрые слова, которые Вориан услышал от этого загадочного человека, в первый раз кто-то сказал, что Серене есть до него, Вориана, какое-то дело, что он ей не безразличен.

Ксавьер обернулся через плечо и неуверенно улыбнулся.

— Не обмани мое доверие.

Вориан повернулся кругом, бросился в трюм баллисты и выбрал себе «Кинжал»...

Ударные силы флота Армады, сконцентрировавшись в гигантскую воронку, направились к центральному компьютерному комплексу. Машины бросались в самоубийственные атаки, стараясь отразить нападение, уничтожая сотни незащищенных бомбардировщиков, патрульных судов и «Кинжалов». Некоторые защитные поля не выдерживали нагрузки — либо из-за перегрева, либо из-за неправильной установки. Битва разгоралась, становясь все более яростной.

Вдруг, среди всей этой бешеной свалки, где каждый уже дрался за себя, как в уличной потасовке, Вориан увидел, как одинокий корабль мыслящих машин медленно, стараясь не привлекать к себе внимания, поднимается все выше и выше в

сопровождении большого количества автоматических судов. Одиночка уходил, не ввязываясь в столкновения с кораблями Армады.

Он явно старался ускользнуть.

Вориан прищурил свои серо-стальные глаза. В такие моменты, как сейчас, почему вдруг один робот уходит в космос? Омниус, должно быть, бросил в бой все свои резервы. Инстинкт подсказал молодому человеку, что на этого одинокого беглеца стоит обратить самое пристальное внимание.

Пытаясь сосредоточиться на развернувшейся вокруг битве, Вориан начал расчетливо стрелять по судам противника. Несколько кораблей-роботов превратились в пар от его точных попаданий, позволив еще четырем бомбардировщикам Армады выйти на цели.

Но Вориану не давала покоя мысль, что все это время выше него, в верхних слоях атмосферы, уходит по касательной траектории в открытый космос одинокий странный корабль, оставляя поле сражения. Что может планировать Омниус? Что несет этот корабль? Никто из прочих бойцов Армады не обращал ни малейшего внимания на это уходящее судно.

Вориан понимал, что должен что-то предпринять. Это было жизненно важно — он чувствовал это всем своим нутром.

Сегундо Харконнен дал ему строгий приказ сопровождать корабли с боеголовками до тех пор, пока они не сбросят свой смертоносный груз. Но в горячке боя ситуация может измениться непредсказуемым образом. Кроме того, он не машина, чтобы слепо следовать букве приказа. Он должен действовать по обстановке.

Продолжая наблюдать за судном, забирающим все выше в космос и пересекающем уже ионосферу, он вдруг понял, что это за корабль. Это судно, собирающее новые данные, это полная копия Омниуса Земли, мысли и данные всемирного разума к моменту начала атаки на Землю. Сюда включены все данные о восстании рабов и о решении уничтожить на планете всех людей.

Если эта информация попадет в другие воплощения Омниуса, то весь Синхронизированный Мир окажется предупрежден о том, что произошло на Земле. Другие воплощения

всемирного разума смогут приготовиться к возможному нападению Лиги.

Этого ни в коем случае не должно произойти.

— Возникла экстренная ситуация, и я должен что-то сделать! — передал он по личному каналу связи своему ближайшему соседу. — Я не могу позволить этому кораблю-роботу уйти.

Бросив бомбардировщики, которые он должен был прикрывать, он резко поднял свой «Кинжал» вверх, отклонившись от заданного ему курса.

— Что ты делаешь?

В брешь немедленно проник корабль-робот и открыл огонь по беззащитным судам Армады.

— Это судно с данными! Оно несет копию Омниуса! — Вориан продолжал стремительно удаляться от места боя, преследуя робота. Два судна Омниуса обрушились на корабли, которые теперь некому было защитить. Товарищи проклинали Вориана, видя, как роботы открыли огонь и начали уничтожать суда Армады. Но Вориан, стиснув зубы, продолжал лететь, зная, что его действия оправданны как морально, так и тактически.

Когда пилоты других кораблей увидели его быстрый отлет, они принялись кричать ему вслед:

— Трус!

— Предатель!

Вориан смиренно ответил:

— Я все объясню позже!

С этими словами он отключил канал связи, чтобы сосредоточиться на объекте своей погони. Его прежние связи с мыслящими машинами всегда будут вызывать у людей неприязнь и подозрения. Но сейчас его не занимала перспектива осуждения или плохого отношения, он должен был сделать свое дело, выполнить свой долг.

За несколько мгновений силы Омниуса сбили один из оставленных без присмотра бомбардировщиков, но в это время с баллисты прибыли другие корабли сопровождения, и другие бомбардировщики продолжали следовать своим курсом.

Открытое небо Земли было прочерчено ионизированными следами больших и малых судов Армады, с которых на

поверхность Земли сыпались похожие на кукурузные зерна атомные бомбы. Защитники Омниуса расстреливали их в воздухе, и радиоактивная пыль собиралась в воздухе большими облаками. Эта пыль нарушала работу детонационных механизмов и останавливала цепную реакцию.

Но даже и при этом некоторые заряды все же должны были достигнуть поверхности планеты.

В самый разгар битвы Омниусу удалось разработать жизнеспособную стратегию. Роботы — защитники Омниуса бросались в самую гущу скоплений судов Армады, которые атаковали Землю как туча смертельно опасных насекомых.

Для сегундо Харконнена стало со всей очевидностью ясно, что шанс уцелеть имеют только те корабли, которые защищены полем Хольцмана. Некоторые системы, правда, отказали, что привело к гибели нескольких защищенных судов. Но пути назад уже не было.

Двадцать самых крупных судов Армады повисли над Землей на стационарных орбитах, выпуская из своих трюмов одну за другой волны маленьких штурмовиков, опустошавших над континентами свои бомбовые отсеки с атомными зарядами. В то же время к Земле устремились пять ракетоносцев с управляемыми ракетами на борту. Большое рассеяние техники позволяло увеличить площадь поражения, и перекрывающиеся удары придали командующему уверенность в том, что все подстанции Омниуса будут все же уничтожены.

В последней отчаянной атаке возмездия снаряды А1 устремились к огромным баллистам. Бомбы с компьютерным разумом были нацелены строго на большие цели. Не обращая внимания на мелкие бомбардировщики и «Кинжалы», они обходили все ложные траектории и игнорировали все обманные маневры, призванные сбить с курса эти умные ракеты.

Ксавьер Харконнен стоял на мостике своего флагмана, прекрасно понимая, что его корабль является конечной целью выпущенных с Земли ракет. Крепко ухватившись за леера и мысленно вознося молитвы гению Тио Хольцмана, он передал по системе внутрикорабельной связи:

— Будем надеяться, что эти перекрывающие поля не подведут! Держитесь!

Шесть самоуправляемых ракет на почти световой скорости ударили в барьер Хольцмана, окружавший баллисту, и взорвались. Но сверкающее искрами поле выдержало.

У Ксавьера подогнулись колени от невероятного чувства облегчения. Команда ликовала.

Но находившиеся рядом баллисты, не имевшие защитного поля Хольцмана, так легко не отделались. Хотя линия баллист изрыгала море огня, чтобы сдержать натиск мыслящих машин, некоторым ракетам удалось прорваться сквозь заградительный огонь, испепелив все суда Армады, попавшиеся на их пути. Пострадала даже одна из защищенных баллист, так как в слоях поля оказались два уязвимых места, куда и ударили вражеские ракеты.

Одиннадцать из всех крупных судов были уничтожены, они просто перестали существовать, их экипажи были потеряны. Только восемь больших кораблей, каждый защищенный полем Хольцмана, остались целы. Большой процент флота Армады был уничтожен.

Потрясенный и уставший Ксавьер продолжал следить за разрушениями. Сжимая кулаки, он твердым голосом, чтобы вселить уверенность в подчиненных, отдавал приказы. Пальцы его, казалось, ощущали липкую кровь сотен тысяч солдат, уже погибших в этот ужасный день.

С тошнотворным гневом он увидел, как Вориан Атрейдес бежал с поля боя. В конце концов, этот ублюдок Агамемнона захватил с собой всего один «Кинжал», а у сегундо не было ни времени, ни наличных сил отвлекаться на преследование. На Салусе этот дезертир получит по заслугам. Если, конечно, он вернется. *Будь проклят этот предатель!* В конце концов Ксавьер оказался прав, что не доверял ему.

Мыслящие машины уничтожали один корабль Лиги за другим, но Ксавьер продолжал посылать вперед все новые и новые подразделения. Приложив столько усилий и понеся такие потери, он не мог, не имел права отступить. Неудача окажется банкротством человеческого духа и приведет к концу всякой человеческой свободы в Галактике.

В обороне машин на какой-то момент показалась брешь. Всего малая доля атаковавших судов Армады смогла прорваться к целям и сбросить на них свои ядерные боезаряды.

Раздались первые атомные взрывы.

* * *

Вориан рванулся вперёд и в сторону от сражения, не теряя ни на минуту из виду корабль с данными для всемирного разума. Ускорение прижало его к пилотскому креслу и вдавило щеки в зубы. Глаза заслезились, мышцы стали просто каменными. Но он и не думал сдаваться. Одинокий корабль Омниуса уже покинул земную атмосферу и удалялся от кораблей Армады.

Внизу на поверхности Земли начали рваться атомные бомбы, распускаясь в воздухе, как чудовищные, ослепительно яркие цветы, освещавшие небо зловещими отсветами, стерилизуя континенты и уничтожая все гелевые контуры роботов...

Вориан увеличил скорость «Кинжала», обдумывая, какую обманную тактику применить. Он знал, что капитан корабля — робот, не способный ни к каким импровизациям. Атрейдес хорошо знал способности машин к методичному воображению.

Оба корабля оторвались от охваченной битвой Земли. По всей поверхности уменьшающегося в размерах зеленовато-голубого шара продолжали разрываться вспышки, слепившие Вориану глаза. Должно быть, эта ядерная буря отвлекла внимание командиров Армады от его скромной персоны. Никто пока не понимал жизненной важности того, что он собирался сделать. Но погони за ним не было.

Корабль с данными начал забирать выше эклиптики, постепенно увеличивая скорость. Капитан-робот мог выдержать такое ускорение, которое убило бы любого живого человека. Тем не менее Вориан держался за преследуемым кораблем, временами находясь на грани потери сознания. Он едва дышал под действием страшной силы тяжести. «Кинжал» был более быстроходной машиной, чем корабль робота, и постепенно Вориан сокращал расстояние между ними. Руками, которые, казалось, весили по сотне килограммов, он направил на судно с данными свое бортовое оружие.

В битве за Землю Вориан испепелил несколько машинных кораблей, но этот он собирался только повредить. У этого гражданского судна была сравнительно тонкая броневая защита, как на «Дрим Вояджере». Он решил остановить вражеское судно, взять его на абордаж и перейти на его борт.

Как только неприятельское судно оказалось в пределах досягаемости орудий, но вышло за пределы Солнечной системы в кометное гало, на борту уходящего судна капитан-робот стал совершать совершенно предсказуемые маневры.

Вориан открыл огонь. Точными попаданиями он повредил выхлопные дюзы, и двигатель начал захлебываться от перегрузки. Если робот не найдет способы отвести лишнее тепло, то либо корабль взорвется, либо заглохнет двигатель.

Неприятельское судно по инерции двигалось вперед, постепенно теряя скорость. Вориан сделал по нему еще два предупредительных выстрела. Ударная волна сбила корабль робота с курса.

— Остановиться и подготовиться к захвату!

Робот ответил с удивительным для машины сарказмом:

— Я осведомлен обо всех естественных отверстиях человека. Поэтому я предлагаю тебе взять паяльник помощнее и засунуть его туда, откуда...

— Старый железный умник? — воскликнул Вориан. — Дай мне взойти к тебе на борт. Это Вориан Атрейдес.

— Это не может быть истиной. Вориан Атрейдес никогда не стал бы в меня стрелять.

Вориан передал на корабль Севрата свое изображение, нисколько не удивившись, что Севрат стал капитаном другого судна с данными. Омниус редко изменял своим привычкам. Овальное зеркальное лицо Севрата произнесло замысловатое ругательство, которым Вориан часто заканчивал проигранные им стратегические военные игры.

Вориан соединил свое судно с поврежденным кораблем робота. Осознавая риск, он вошел в чужой корабль через главный люк и по узкому коридору протиснулся на капитанский мостик.

Мое определение армии? Извольте, это банда прирученных убийц.

Генерал Агамемнон. «Мемуары»

Омниус наблюдал за происходившими на Земле событиями из глубины широко разветвленной цитадели своей власти. Его мобильные и стационарные камеры наблюдения фиксировали каждую грань отважного нападения людей. Было видно, что в сражении наступает перелом.

Омниус изучал траектории тысяч кораблей, подсчитывая, сколько из них уничтожили его боевые роботы.

Потери противника были огромны, но, несмотря на это, несколько атомных зарядов взорвалось на поверхности планеты.

Параллельно Омниус подсчитывал количество потерянных машинных судов. По отдельности эти корабли и машины были одноразовыми, и их можно было легко заменить, пользуясь запасами материалов и шаблонами конструкций. По счастью, корабль с новыми данными, ведомый Севратом, смог пробиться сквозь массу кораблей хретгиров и покинул пределы Солнечной системы. Важные наблюдения и данные, собранные на Земле, будут теперь в сохранности доставлены на другие планеты Синхронизированного Мира. Несмотря на необъятный объем памяти и вычислительные способности, Омниус не успел найти оптимального решения для выхода из кризиса до того, как в воздухе начали рваться атомные боеголовки. Ядерные взрывы порождали электромагнитные импульсы большой мощности, которые, как исполинские бичи, хлестали воздух и поверхность Земли. Распространяясь, энергетические волны уничтожали гелевые контуры сети и мозга мыслящих машин. Электронные схемы сгорали, как ветошь, пропитанная бензином, к которой поднесли горящую спичку.

Земной Омниус раздумывал над этой важной проблемой, когда мощная электромагнитная волна поглотила и его самого.

Раньше робот-остряк не имел при себе оружия. Однако Вориан на всякий случай захватил с собой электронный генератор волн, разрушающих гелевые контуры. Этот прибор был разработан специально для рукопашных схваток с мыслящими машинами.

— Итак, в конце концов ты все же вернулся ко мне, — произнес Севрат. — Тебе уже наскучили твои люди? Они не столь очаровательны, как я, правда? — Робот воспроизвел хриплый смех, столько раз слышанный Вориаком. — Ты слышал, что твой отец считает тебя изменником? Может быть, теперь ты чувствуешь свою вину за то, что обездвижил меня, украл «Дрим Вояджер» и...

— Нисколько, старый железный умник, — ответил Вориан. — Это была просто очередная игра, которую ты проиграл. Я не могу позволить тебе доставить данные к месту назначения.

Севрат снова имитировал смех.

— Ох уж эти люди с их вечными фантазиями.

— Тем не менее мы упорствуем в нашем безнадежном деле. — Вориан поднял оружие. — И знаешь, иногда мы побеждаем.

Севрат начал возражать:

— Ты был моим другом, Вориан. Ты помнишь все мои шутки? Так вот, я приготовил тебе еще одну. Если сделать кимека из мозга мула, что сто...

Вориан выстрелил. Дуги статического электричества повисли в воздухе, как тонкие веревки, охватив гибкий корпус Севрата, его органо-полимерную кожу и армированные волокна. Робот дернулся, словно в эпилептическом припадке. Вориан настроил прибор так, чтобы парализовать передаточные механизмы, но оставить в неприкосновенности ядро искусственного мозга. Это было бы равносильно убийству, а у Вориана не поднялась рука уничтожить своего старого друга.

— Оставь свою шутку при себе, дружище, — сказал Атрейдес, — и прости.

Севрат стоял, застыв на капитанском мостике, а Вориан принялся обыскивать корабль. Наконец он нашел запечатанную желатиновую сферу с полным воспроизведением каждой мысли земного Омниуса до самого момента начала атаки Армады.

Держа поблескивающий шар с данными, Вориан бросил прощальный взгляд на обездвиженного старого друга, а потом оставил корабль, задраил снаружи люк и отвалил от борта. У него опять не поднялась рука уничтожить корабль, который уже не представлял никакой угрозы человечеству.

Вориан направил «Кинжал» к Земле, оставив беспомощный корабль мыслящей машины вечно дрейфовать в вакууме космического пространства. Со временем корабль переместится в объятые вечным холодом глубины Солнечной системы и навеки потеряется в пыли кометных хвостов.

Битва закончилась. Пока Земля сгорала в дьявольском атомном огне, Ксавьер Харконнен собрал остатки своего флота. Потери были огромны, они намного превосходили самые пессимистичные ожидания и расчеты.

— Нам потребуются месяцы только для того, чтобы переписать имена всех тех, кто пожертвовал жизнью ради сегодняшней победы, кварто Паудер, — сказал Ксавьер своему адъютанту. — И намного больше времени, чтобы их оплакать.

— Все корабли и постройки противника уничтожены, сэр, — доложил в ответ Паудер. — Мы поразили все цели.

— Да, Джеймис. — Ксавьер не чувствовал никакого подъема, только глубокую печаль. И гнев на Вориана Атрейдеса.

Когда сын Агамемнона наконец вернулся к Земле, Ксавьер послал ему навстречу эскадрилью «Кинжалов» с приказом доставить труса на флагман под усиленной охраной. Харконнен выключил защитное поле, чтобы корабль Вориана можно было провести на баллисту. Пилоты хотели расстрелять Вориана, как только его корабль окажется в зоне огня, но Ксавьер запретил им это.

— Мы отдадим мерзавца под суд Военного трибунала за трусость или за измену.

Сегундо Харконнен прошел в причальный док нижнего уровня баллисты, куда вносили прибывшие суда с помощью

козловых кранов и крючьев, управляемых вручную операторами.

Худощавый темноволосый Вориан смело вышел из своего потрепанного судна, вид у него был на удивление торжествующим. Каков, однако, наглец! Пилоты в форме Армады быстро обыскали Вориана. Изменник был раздражен тем, что у него отобрали какой-то пакет и личное оружие.

Как это ни поразительно, но лицо его осветилось улыбкой, когда он увидел Ксавьера.

— Итак, земной Омниус уничтожен? Атака оказалась успешной?

— В этом нет вашей заслуги, — ответил Ксавьер. — Вориан Атрейдес, я приказал заключить вас под стражу до нашего возвращения на Салусу Секундус. Там вы предстанете перед трибуналом Лиги по обвинению в трусости.

Однако молодой человек нисколько не испугался. Не веря своим ушам, он указал рукой на отобранный у него пакет, который держал теперь один из пилотов.

— Может быть, мы предъявим трибуналу и это?

Глаза Вориана сохраняли настороженное выражение, но он улыбался, видя, как Ксавьер разворачивает плазовую упаковку и достает из нее металлический шар, сделанный из желатинозного серебра.

— Это полная копия Омниуса, — сказал Вориан. — Я перехватил и нейтрализовал корабль с новыми данными, который был уже готов ускользнуть из Солнечной системы.

Он пожал плечами;

— Если бы я позволил ему уйти, то все другие воплощения всемирного разума получили бы точные разведывательные данные о нашей атаке. В обмен на наши ужасные потери Омниус не потерял бы ничего, зато все другие воплощения всемирного разума узнали бы о полях Хольцмана и о нашей тактике. Вся операция потеряла бы всякий смысл. Но я остановил корабль с этими данными.

Пораженный Ксавьер во все глаза уставился на Вориана. Поверхность шара оказалась податливой и легко прогибалась под пальцами, словно он был сделан из живого материала. Никто в Лиге даже подозревать не мог о таком сюрпризе. Одно это оправдывало проведение всей гигантской операции и мас-

совые, ни с чем не сравнимые потери. Если, конечно, Вориан говорит правду.

— Уверен, что офицеры разведки разберутся с этим. — Ксавьер просиял. — Не говоря уже о том, — добавил он, изогнув бровь, — что Омниус оставил нам при этом очень ценный залог.

Потрепанный объединенный флот Лиги отбыл из Солнечной системы, избавленной от смертоносных мыслящих машин.

Вориан бросил прощальный взгляд на раненую Землю, вспоминая роскошную зеленовато-голубую планету с мягкими ландшафтами и кудрявыми облаками. Когда-то это был сказочно красивый мир, колыбель человечества, образчик естественного чуда.

Но в тот момент, когда Ксавьер отдал приказ Армаде взять курс домой, планета представляла собой лишь нагромождение радиоактивного пепла. Пройдет еще много времени, прежде чем на ней снова появится жизнь.

Логика, действующая в конечных системах, не обязательно действует в бесконечной Вселенной. Теории, как и живые существа, не всегда сопоставимы.

Эразм. Секретные записи (из базы данных Омниуса)

Вилла робота на Коррине была почти точным слепком своего земного прототипа. Жилые и лабораторные комплексы были построены по проектам, созданным творческим воображением Эразма. Бараки рабов за высоким домом были окружены высокими песчаниковыми стенами, железными воротами и колючей проволокой под током.

Получился очень уютный дом. Эразм сгорал от желания снова начать работу.

Огороженный загон изобиловал людьми, приблизительно тысячью живых тел, выполняющих рутинные обязанности и потеющих под жаркими лучами красного гиганта, огромного солнца, которое занимало полнеба, напоминая большое кроваво-красное пятно. Был знойный и душный день, но рабы не жаловались и не отдыхали, зная, что робот накажет их, если они вздумают бросить работу или пожаловаться на невыносимые условия труда.

Думающий робот, настоящий эрудит, наблюдал за повседневной деятельностью рабов, стоя на смотровой площадке башни в южном секторе своего имения, это было его любимое место. Внизу, в загоне, два старика не выдержали палящего зноя и упали от теплового удара. Один из их товарищей бросился им на помощь. Итак, Эразм насчитал три наказуемых нарушения: два человека уклонялись от работы, а третий играл роль доброго самаритянина. Причины уклонения не имели никакого значения.

Эразм заметил, что рабы приходят в состояние крайнего возбуждения, когда он немедленно не реагирует на их прегре-

шения дисциплинарными мерами. Он находил забавным, когда среди них нарастали страх и предчувствие наказания. Чем больше они волновались, тем больше ошибок совершали. Человеческое поведение было одинаковым везде — и на Земле, и здесь, на Коррине. Эразм был рад, что может практически без перерыва возобновить свои интереснейшие исследования.

Он нажал кнопку пуска на автоматическом оружии, установленном на башне, и наугад выстрелил по бараку, убив и ранив десятки рабов. Охваченные растерянностью и паникой рабы попытались рассеяться, но им было некуда бежать. Заборы были высоки и оплетены колючей проволокой под высоким напряжением. Некоторые рабы укрылись за своими живыми товарищами, чтобы спастись от пуль, другие притворились мертвыми или спрятались за тела убитых. Эразм продолжал стрелять, но на этот раз делал это так, чтобы ни в кого не попасть.

Да, какое счастье, что он может снова приступить к своим исследованиям. Ему еще так много надо узнать.

Он перестал стрелять и выждал час. Люди снова начали двигаться в своем загоне, но на этот раз с большей опаской, чем раньше. Они оттащили в одну сторону тела убитых и сбились в кучу, не понимая, что происходит. Некоторые из них начали открыто проявлять свою непокорность, что-то крича и грозя кулаками роботу. Установив прицел, Эразм расстрелял их одного за другим, наблюдая, как новые жертвы корчились на земле. Даже самых храбрых из людей можно легко превратить в кровоточащих и несущих всякую ерунду глупцов.

— Вижу, что ты снова принялся за свои игрушки, — послышался голос корринского Омниуса с левого настенного экрана башни Эразма.

— Все, что я делаю, я делаю с определенной целью, — ответил Эразм. — С каждым разом я узнаю все больше и больше.

Корринский Омниус не знал, какую злую шутку сыграли пари Эразма и тест на верность с его земным воплощением. Эразм извлек необходимый урок из вспышки восстания, которое он непреднамеренно вызвал, но полученные данные

породили массу новых вопросов. Эразм не хотел, чтобы всемирный разум уничтожил всех людей, провел геноцид всех человеческих пленников Синхронизированного Мира — даже если бы для этого пришлось утаить важную информацию для себя.

Даже если бы пришлось *лгать*.

Очаровательная перспектива. Эразм не был приучен мыслить такими категориями.

Главные ворота открылись, и охранные роботы вытащили из барака убитых рабов и втолкнули в загон новую партию рабов. Один из новоприбывших, высокий человек с желтоватым лицом, внезапно извернулся и набросился на одного из роботов, ухватился за его волокнистые структуры и попытался разрушить его защитный контур. Обдирая в кровь пальцы, человек выдернул из робота пучок подвижных компонентов. Робот пошатнулся. Два других робота навалились на человека, и последовала короткая схватка. Один из роботов протянул вперед руку и погрузил стальные пальцы в грудную клетку. Затрещали ребра, хрящи и грудина, и через секунду робот вырвал из груди человека трепещущее сердце.

— Все они не более чем тупые животные, — насмешливо объявил Омниус.

— Животные не умеют плести заговоры, замышлять бунты и обманывать, — ответил на это Эразм. — Эти рабы больше не кажутся мне покорными. Я обнаруживаю семена бунта даже здесь.

— Никакой бунт не будет успешным на Коррине, — произнес голос Омниуса.

— Никто не может знать всего, дорогой Омниус, — даже ты. Вот почему мы должны всегда оставаться любопытными. Я могу оценить поведение толпы, но для меня остается загадкой поведение каждого данного человека. Я никогда не знаю, что он сделает в следующий момент. Это в высшей степени дерзкий вызов нашему машинному разуму.

— Самоочевидная истина заключается в том, что люди представляют собой клубок противоречий. Никакая модель не может надежно описать их поведение.

Эразм посмотрел на бараки рабов.

— Однако они все же являются нашими врагами, и мы должны научиться понимать их. Только так мы сможем обеспечить наше господство.

Робот ощутил внутри себя странный всплеск сенсорной стимуляции. Гнев? Подавленность? Подчиняясь внезапному импульсу, он сорвал небольшой колокол, висевший под шатром башни, и швырнул его на пол. Колокол издал неприятный звук. Робот определил этот звук как противный.

— Зачем ты сломал колокол? — спросил Омниус. — Я никогда не видел, чтобы ты раньше совершал такие бессмысленные поступки.

Эразм продолжал анализировать свои ощущения. Ему приходилось видеть, как люди совершают подобные поступки, подчиняясь всплеску эмоций, и устраивают полный беспорядок по этой причине. Однако, со своей точки зрения, Эразм не испытал никакого удовлетворения.

— Это был один из моих экспериментов.

Эразму предстояло еще многое постичь в процессе поиска знаний о сути человеческой природы, каковые он намеревался использовать в качестве трамплина, пользуясь которым машины смогут безмерно увеличить свою сложность и достичь зенита своего существования. Своими сильными стальными пальцами он ухватился за перила башни, выломал кусок и бросил его на землю.

— Я все объясню тебе позже.

Понаблюдав еще немного за поведением рабов, Эразм снова обернулся к экрану.

— Будет не мудро истреблять людей. Вместо этого их надо жестокими мерами принуждения загнать под ярмо и сломить их волю и способность к сопротивлению.

Всемирный разум, которому дебаты с Эразмом всегда доставляли истинное удовольствие, испытал настоящую радость, найдя изъян в его рассуждениях.

— Но если мы так поступим, Эразм, то не изменим ли мы этим то фундаментальное свойство людей, которое ты так ревностно стремишься изучать? Не повлияет ли в данном случае наблюдатель на исход опыта?

— Наблюдатель всегда влияет на исход опыта. Но я бы предпочел немного изменить объект исследования, нежели

уничтожать его. Я приму окончательное решение в зависимости от того, как будут вести себя корринские рабы.

Помолчав, Омниус наконец изрек:

— Я не понимаю тебя, так же, как не понимаю людей.

— Я знаю, Омниус, и в этом всегда была твоя главная слабость.

Робот с вожделением посмотрел на бараки и загон, откуда охранные роботы продолжали вытаскивать раненых и трупы убитых. Эразм думал о том, сколь многим замечательным вещам научился он у этого интереснейшего биологического вида и сколько нового он еще откроет, если ему предоставят такую возможность. Коллективная жизнь этих существ висит над темной бездонной пропастью на тонкой нити, и Эразм попробует поддержать их. Он не сдаст людей так легко.

Он вдруг обнаружил, что за время его отсутствия на светлой стороне виллы родились еще две пары близнецов. Как всегда, перед ним была масса открытых возможностей.

Человеческая жизнь — не предмет торга.

Серена Батлер

В ознаменование горькой атомной победы в битве за Землю на планетах Лиги было устроено торжество в честь героев и трогательная панихида в память погибших.

Поврежденные в сражении тяжелые корабли отстали, но скоростные разведчики и корабли связи первыми вернулись на Салусу Секундус, принеся с собой весть о победе и известие, что встречать придется поредевший в боях флот.

Но земной Омниус был уничтожен, и мыслящие машины понесли громадный урон. Люди торжествовали победу.

Стоя на открытой арене под знойными лучами солнца, Вориан Атрейдес ощущал, как противный липкий пот течет по спине под парадной формой. Невзирая на погоду, люди хотели видеть его и сегундо Ксавьера Харконнена в полной форме при всех регалиях. Ксавьер стоял рядом, спокойно взирая на толпу, которую в этот момент тщетно призывали к тишине вице-король Батлер и Серена.

Два человека — помирившиеся за время долгого пути с Земли на Салусу Секундус — стояли по стойке «смирно» на высокой трибуне вместе с другими важными особами. Иблис Гинджо, разодетый в шелка и бархат, гордый от сознания своей значимости, тоже был здесь, на трибуне для почетных и высокопоставленных гостей.

— За руководство нашими объединенными силами в экспедиции на Землю, за достижение эпохальной победы над мыслящими машинами, — сказал вице-король Батлер, высоко подняв ленту с медалью, — за принятие трудных решений и преодоление всех тягот и потерь я награждаю парламентской почетной медалью нашего самого выдающегося воина, сегундо Ксавьера Харконнена. Это наивысшая награда, кото-

рой мы можем его удостоить, и вручаем ее с нашей сердечной благодарностью.

Триста тысяч присутствующих разразились оглушительными ликующими кликами. В битве за Землю многие из этих людей потеряли своих детей, друзей и родителей. В наступившей тишине Вориан вспомнил, сколько бойцов Армады пало во время атомной стерилизации планеты. Боковым зрением он видел, как влажно блеснули глаза Ксавьера Харконнена, когда вице-король прикрепил к его груди медаль и надел ленту на его склоненную шею. Скоро начнутся новые битвы, новые столкновения с мыслящими машинами.

Серена взяла в руки вторую медаль, непохожую на первую.

— Следующим мы воздадим честь более несчастливому герою, человеку, воспитанному мыслящими машинами и не видевшему их преступлений. Но он увидел правду и связал свою судьбу со свободным человечеством. Жизненно важная информация о тактике мыслящих машин на Земле, которой он поделился с нами, помогла обеспечить нашу победу. В горячке боя его способность быстро мыслить помешала Омниусу бежать, чем сорвала его коварные планы и обеспечила человечество незаменимым инструментом для успешного продолжения борьбы.

Улыбнувшись Вориану, Серена вышла вперед. Он высоко поднял голову.

— Мы не только награждаем Вориана Атрейдеса медалью за образцовую службу, но также жалуем ему звание терсеро — высокое звание Армады Лиги.

По команде в воздух поднялась эскадрилья старинных самолетов и с ревом пронеслась над головами присутствующих. Гордые собой техники и историки восстановили старые боевые машины для сегодняшнего торжественного действа. Ксавьер и Вориан отсалютовали пилотам, а те покачали крыльями, пролетая над трибуной. Толпа разразилась громоподобными аплодисментами и криками ликования.

Иблис Гинджо, наслаждаясь своим высоким статусом, протиснулся к героям и обратился к толпе через громкоговорители:

— Эти чудесные пилоты — будущие воины джихада. У мыслящих машин нет шансов устоять перед ними!

С озабоченной улыбкой Серена приколола наградные ленты на мундиры множества других награжденных героев. Она была погружена в мысли о прошлом и о тех неимоверных тяготах, с которыми еще придется столкнуться человечеству. Теперь она казалась сильнее, чем раньше, но на лице ее сохранялось отчужденное выражение.

Вориан искоса взглянул на Ксавьера, и по его покрасневшему лицу понял, что сегундо Харконнен до сих пор любит Серену и испытывает мучительную боль от того, что они никогда не будут вместе. Но даже женитьба Ксавьера на Окте давала Вориану мало шансов завоевать сердце Серены. Он вспомнил то время, когда впервые увидел ее на вилле Эразма, какой красивой и сильной она тогда была, какой непокорной. Теперь она пережила ранний период своего горя, преодолев такой страшный внутренний кризис, который способны преодолеть лишь немногие сильные натуры. В Серене чувствовалась теперь другая, внушающая трепет, сила.

Закончив вручение наград, Серена покинула трибуну. Перед тем как уйти, она подошла к Вориану и Ксавьеру. В ее голове созрел какой-то план, которым она хотела с ними поделиться.

— Мне нужно поговорить с вами обоими. — Ее жесткие глаза были безмятежно ясными, голос не оставлял места возражениям. — На заходе солнца приезжайте в Город Интроспекции.

Обменявшись удивленными взглядами, оба одновременно кивнули.

Два бывших врага обедали вместе, наслаждаясь салусанским ширазом и обходя в разговоре темы, которые камнем давили им на плечи. Никто из них не догадывался, что хотела сказать им Серена.

Когда небо окрасилось оранжевыми и розовыми красками заката, оба офицера Лиги направились к холмам и вошли в высокие ворота тихого имения. По территории ходили обитатели города, зажигая светильники на внешних стенах.

Серена уже ждала их, и Вориан отметил, что она помолодела и выглядит посвежевшей. Сердце его сильно забилось от волнения.

— Спасибо за то, что вы пришли.

Она взяла их за руки и повела по выложенной камнями тропинке в открытый сад.

— Здесь мы сможем поговорить без помех. В самом деле, я нахожу это место полным великих возможностей, но без интриг и политики. Здесь я могу делать то, что должно быть сделано.

На центральной площадке, окруженной искусно подстриженными самшитами, стоял маленький фонтан. Вода стекала из высокого бассейна на каменный выступ, с которого попадала в другой бассейн. Насекомые и лягушки уже начали свой ночной концерт, разыгрывая свои любовные симфонии.

У края бассейна стояли три стула, повернутых к маленькому искусственному водопаду. Вориану стало интересно, стоят ли эти стулья здесь для тех, кто хочет поразмышлять в тишине, или Серена специально принесла их сюда для намечавшейся встречи. Серена сложила руки на коленях, а оба гостя неловко устроились по обе стороны от нее.

Сначала Серена посмотрела на Вориана. Прошла, казалось, целая вечность с их первой встречи на вилле робота. Вориан был тогда надменным субъектом, гордым своим привилегированным положением доверенного лица мыслящих машин. Внешне он с тех пор совершенно не изменился. Это был все тот же красивый и сильный молодой человек.

Напротив, лицо Ксавьера пересекали морщины, делавшие его старше. Этот еще молодой человек успел пережить потрясения и трагедии, и Серена испытывала к нему сочувствие. Прошли годы с тех пор, как они любили друг друга на лугу, и казалось, что все это происходило в какой-то другой жизни. Да и они сами стали совсем другими людьми.

Произошло так много событий, много миллионов жизней было потеряно. Но она и эти люди остались живы.

Настало время сказать им нечто важное.

— Я знаю о ваших ко мне чувствах, но вы оба должны забыть о любви ко мне, — сказала она. — Мы находимся на пороге войны, какой еще не бывало в истории.

Она поднялась и встала у края бассейна, не отрывая взгляд от обоих мужчин.

— Но вы оба должны оказать мне услугу. Каждый свою.

В ее глазах сверкнула решимость.

— Пойдите в военный музей Лиги и изучите звездную карту Синхронизированного Мира; несоюзных планет и планет Лиги. На этой огромной карте вы найдете только две планеты, которые удалось отвоевать у мыслящих машин. Это Гьеди Первая и Земля. Они не должны стать последними.

На фоне сгущающейся темноты свет фонарей на стенах периметра, казалось, становился ярче с каждой минутой. Уединенный участок с миниатюрным водопадом оставался в тени. Успокоились даже лягушки и насекомые, словно и они, прислушиваясь к ночным шорохам, ждали какой-то опасности.

— Ксавьер, Вориан, вы оба должны целиком и без остатка посвятить себя битве, — сказала Серена. — Сделайте это для меня.

Голос ее был словно холодный ветер, подувший из бездонных глубин Галактики. Вориан понял, что ее страсть не умерла, просто теперь она была направлена на куда более величественную цель.

— Наш джихад — правое дело, и зло — мыслящие машины — должно пасть, не важно, какой крови это будет нам стоить. Завоюйте все планеты, все без исключения — одну за другой. Для человечества и для меня.

Ксавьер торжественно кивнул и повторил слова, услышанные им от Иблиса Гинджо:

— Нет ничего невозможного.

— Во всяком случае, для нас троих, — сказал Вориан. В глазах у него защипало, но он улыбнулся женщине. — А в особенности для тебя, Серена Батлер.

Словарь Батлерианского джихада

Абдель — старик дзенсунни с Арракиса.

Агамемнон — один из первоначальных титанов, генерал-кимек, отец Вориана.

Аким — человек, ухаживавший за когитором Экло.

Александр — один из первоначальных двадцати титанов.

Алиид — юный поритринский раб, друг Исмаила.

Аллойглас — прозрачный твердый материал, часто применялся в качестве брони.

IV Анбус — несоюзная планета.

Арков Релл — почетный член парламента Лиги Благородных.

Армада — Армада Лиги.

Армада Лиги — космический военный флот, созданный для обороны Лиги Благородных.

Арракис — пустынная несоюзная планета.

Арракис-Сити — главный космопорт и город Арракиса.

Атрейдес Вориан — сын Агамемнона, воспитанный на Земле мыслящими машинами.

Аякс — кимек, считался самым жестоким из двадцати первоначальных титанов.

Баззелл — несоюзная планета, знаменита месторождениями камней су.

Балисет — древний музыкальный инструмент, изобретенный во времена расцвета империи.

Баллада долгого пути — старые легенды и песни, рассказывающие о раннем исходе человечества и о сопротивлении во время начала правления титанов.

Баллиста — самое крупное космическое судно в составе салусанской милиции.

Барбаросса — один из первоначальных титанов, программист агрессивных компьютерных систем.

Батлер Ливия — мать Серены, настоятельница Города Интроспекции.

Батлер Манион — вице-король Лиги Благородных.

Батлер Манион — сын Серены Батлер и Ксавьера Харконнена, внук вице-короля Маниона Батлера.

Батлер Окта — младшая сестра Серены Батлер.

Батлер Серена — дочь вице-короля Маниона Батлера.

Батлер Фредо — младший брат Серены, умер от болезни крови.

Бекка Финита — сестра Города Интроспекции.

Бладд, лорд Нико — лидер Поритрина.

Бладд Саджак — первый поритринский лидер, законодательно утвердивший рабство на Поритрине.

Бладд Фаво — предок Нико Бладда.

Бладд Фриго — предок Нико Бладда.

Буддаллах — таинственное божество дзенсуннийской религии.

Буддислам — основа религии дзенсунни и дзеншиитов.

Вабалон — цветная раковина, обитающая на Баззелле.

Валгис — планета Синхронизированного Мира. Место первого восстания хретгиров.

Вейоп — дедушка Исмаила.

Веннорт Аврелий — россакский бизнесмен, друг Зуфы Ценва.

Вепрь — дикий кабан, который водится на Салусе Секундус.

Вибсен Орт — престарелый космический ветеран, старый офицер Армады, начальник экспедиции Серены на Гьеди Первую.

Вице-король — правитель Лиги Благородных.

Внутренняя гвардия Гьеди Первой — силы местной обороны на планете Гьеди Первая.

Восстание хретгиров — первое восстание порабощенных людей против гнета мыслящих машин, но в особенности против кимеков. Главные события восстания развертывались на Валгисе. Восстание было жестоко подавлено Аяксом.

Всемирный разум — всеохватывающая компьютерная система.

Ганнем Рикс — второй пилот работорговца Кеедайра.

Геката — одна из первоначальных двадцати титанов, возлюбленная Аякса, отказалась от звания титана и бежала из Империи незадолго до захвата власти Омниусом.

Гелевые контуры — сложные жидкокристаллические структуры, лежащие в основе нервных сетей мыслящих машин.

Геома — могущественная колдунья, одна из учениц Зуфы.

Гиназ — планета Лиги Благородных, большая часть поверхности покрыта водой. Население живет на рассеянных островах единственного архипелага.

Гинджо Иблис — харизматический начальник рабочих команд Земли.

Глиффа — старуха с Арракиса, мачеха Селима.

Город Интроспекции — монастырско-религиозный и философский квартал Салусы.

Грогипетский — вычурный архитектурный стиль Старой Империи.

Гьеди Первая — планета Лиги Благородных, богатая полезным ископаемыми, обладающая развитой промышленностью. Правитель — магнус.

Гьеди-Сити — главный промышленный и административный центр Гьеди Первой.

Данте — один из первоначальных титанов, специалист бюрократических уловок.

Двадцать титанов — группа военных вождей, захвативших власть в Старой Империи.

Дворец парламента — правительственное здание в Зимии.

Джибб Пинкер — посланник с Гьеди Первой.

Дзенсунни — буддисламская секта, как правило, ее последователи миролюбивы.

Дзеншииты — буддисламская секта, более воинственная, чем секта дзенсунни.

Драгуны — гвардейский корпус на Поритрине.

«Дрим Вояджер» — корабль, доставлявший новые данные воплощениям Омниуса. Капитан — Севрат.

Дхартха наиб — вождь племени дзенсунни на Арракисе.

Железная тыква — россакский сорт тыквы.

Жук — созвездие, видимое с Арракиса.

Занбар — планета Лиги Благородных. Известна своим невольничьим рынком.

Зимия — культурный и административный центр Салусы Секундус.

Икс — планета Лиги Благородных.

Исана — главная река Поритрина.

Йейтер Вильгельм — исходное человеческое имя титана Барбароссы.

Йо Амия — рабыня, кухарка в имении Эразма.

Кайтэйн — периферийная планета Лиги Благородных.

Каладан — океаническая несоюзная планета.

Камио — колдунья Россака, одна из учениц Зуфы Ценва.

Кварто — четвертый по рангу офицерский чин Армады Лиги.

Квина — когитор, обитавший в Городе Интроспекции.

Кеедайр Тук — тлулаксианский работорговец и торговец человеческими органами.

Кимек — «машина с мозгом человека», отделенный от человеческого тела мозг, помещенный в механический корпус.

«Кинжал» — небольшое быстроходное космическое боевое судно на вооружении Армады Лиги.

Кирана III — планета Лиги Благородных.

Клубни — съедобные клубни с Поритрина.

Когитор — отделенный от тела головной мозг; подобно кимеку, занимался решением сложных эзотерических вопросов.

Колония Вертри — промышленно развитая передовая планета Лиги Благородных.

Комидер — промышленно развитая планета Лиги.

Комната Зимнего Солнца — помещение в замке Батлера.

Коррин — планета Синхронизированного Мира.

Крализек — название последнего сражения добра и зла, предсказанное буддисламом.

Ксеркс — кимек, один из двадцати титанов, ответственный за захват власти машинами.

Летающая баржа — медленно передвигающийся цеппелин, транспорт, распространенный на Поритрине.

Лига Благородных — правительство свободного человечества.

Линне Серена — вымышленное имя, которым Серена Батлер пользовалась после своего пленения.

Магнус — титул политического правителя Гьеди Первой.

Манреса Бовко — первый вице-король Лиги.

Махмад — сын наиба Дхартхи.

Мич, примеро Ваннибал — командующий салусанской милицией.

Молочный жук — съедобное паукообразное Хармонтепа.

Моулай Бел — дзеншиитский религиозный лидер.

Мул — вьючное животное Земли.

Мыслительные стержни — сенсоры, используемые кимеками.

Мыслящая машина — собирательное наименование для обозначения роботов, компьютеров и кимеков, ополчившихся против человечества.

Наблюдательные камеры — подвижные электронные глаза и уши всемирного разума.

Наракобе Питкерн — военный теоретик Лиги.

Нейроэлектроника — сложные и тонкие механизмы, используемые для изготовления роботов.

Неокимек — позднее поколение кимеков; созданы из людей, добровольно служивших Омниусу.

Несоюзные планеты — периферийные планеты, которые формально не присоединились к Лиге Благородных.

Омниус — компьютерный всемирный разум, контролирующий деятельность всех мыслящих машин.

О'Мура Нивни — один из основателей Лиги Благородных.

Оптические нити — сложные оптические сенсоры, используемые роботами.

Паристил — металло-полимерный сплав, используемый для возведения тяжелых конструкций.

Парламент Лиги — правительственный орган Лиги Благородных.

Пармантье — планета Синхронизированного Мира.

Пархи Юлиана — исходное человеческое имя титана Юноны.

Патерсон Бригит — инженер команды Серены Батлер.

Паудер Джеймис — служащий салусанской милиции, позже адъютант Ксавьера Харконнена.

Песни Долгого Пути — устная история дзенсунни.

Пинкнон — планета Лиги Благородных.

Плавающий светильник — подвижный источник света, питаемый остаточной энергией поддерживающего его поля.

Планеты Лиги — планеты, подписавшие хартию Лиги Благородных.

Пласкрет — строительный материал.

Платинум — река на Пармантье, где водится первоклассный лосось.

Подвеска — уничтожающее силу земного притяжения действие, основанное на эффекте поля Хольцмана, модифицированном Нормой Ценва на Поритрине.

Полый орех — россакский орех, используется для изготовления резных поделок.

Помощники — монахи, обслуживающие когитора.

Поритрин — планета Лиги Благородных, родина Тио Хольцмана.

Примеро — офицерское звание высшего ранга в Армаде Лиги.

Реликон — планета Лиги Благородных.

Ретикулус — когитор.

Рико — служащий салусанской милиции.

Ришез — планета Лиги Благородных.

Россак — планета Лиги Благородных — родина колдуний, источник множества разнообразных растительных лекарственных средств.

Руция — россакская колдунья, одна из учениц Зуфы.

Салуса Секундус — главная планета Лиги Благородных.

Салусанская милиция — территориальные войска, расквартированные на Салусе Секундус.

Светящаяся панель — долговременный стационарный источник света.

Севрат — независимый робот, капитан «Дрим Вояджера».

Сегундо — офицерское звание второго ранга в Армаде Лиги.

Сексто — офицерское звание шестого ранга в Армаде Лиги.

Селим — молодой изгнанник из племени дзенсунни. Жил на Арракисе.

Сенека — планета Лиги Благородных, характерна своей едкой атмосферой. Правитель — патриарх.

Силин — россакская колдунья, одна из учениц Зуфы.

Синхронизированный Мир — совокупность планет, находящихся под властью Омниуса.

Скурос Андрей — настоящее человеческое имя титана Агамемнона, которое он носил во времена Старой Империи.

Сларпон — чешуйчатый зверь; водится на Россаке.

Совет лордов — правительственный орган Поритрина.

Соуки — несоюзная планета, источник рабов.

Старда — речной порт, главный город Поритрина.

Старый железный умник — прозвище, данное Ворианом Атрейдесом Севрату.

Статические гробы — транспортные системы, позволяющие перевозить усыпленных рабов живыми на дальние расстояния.

Сторожевая скала — горная страна на Арракисе.

Сук, доктор Раджид — изобретательный военный хирург времен Батлерианского джихада.

Суми, магнус — избранный правитель Гьеди Первой.

Таина — двоюродная сестра Исмаила, жительница хармонтепской деревни.

Тамерлан — один из первоначальных двадцати титанов.

Танзеруфт — отдаленные районы пустыни Арракиса.

Тантор Вергиль — сводный младший брат Ксавьера Харконнена.

Тантор Луцилла — мачеха Ксавьера Харконнена.

Тантор Эмиль — отчим Ксавьера Харконнена.

Текучий металл — металлический сенсорный материал, применяющийся для изготовления кожи роботов.

Терсеро — офицерское звание третьего ранга в Армаде Лиги.

Тирбес — россакская колдунья, одна из учениц Зуфы.

Титаны — тираны, которые совершили переворот в Старой Империи и взяли в ней власть.

Тлалок — один из первоначальных титанов. Провидец, вдохновивший на восстание остальных титанов.

Тлулакс — несоюзная планета в системе Талим. Известна как центр работорговли и торговли биологическими материалами.

Тлулаксы — народ Тлулакса, известные работорговцы и торговцы человеческой плотью.

Укротитель Червей — титул, который присвоил себе Селим.

Уларда — планета Синхронизированного Мира.

Файкан — примеро Джихада.

Фреер Охан — человек, начальник строительной команды рабов на службе мыслящих машин.

Хагал — планета Лиги Благородных, известна своими полезными ископаемыми. Правитель — граф-генерал.

Харконнен Катарина — мать Ксавьера, убитая мыслящими машинами близ Хагала.

Харконнен Ксавьер — офицер салусанской милиции и Армады Лиги.

Харконнен Пирс — старший брат Ксавьера, убит мыслящими машинами близ Хагала.

Харконнен Ульф — отец Ксавьера, убит мыслящими машинами близ Хагала.

Хармонтеп — несоюзная планета, главный центр работорговли.

Хольцман Тио — гениальный поритринский изобретатель.

Хретгир — презрительная кличка «человеческого червя».

Ценва Зуфа — могущественная колдунья Россака.

Ценва Норма — страдающая карликовостью дочь Зуфы Ценва, математический гений.

Чендлера пистолет — огнестрельное оружие, стреляло кристаллическими стрелами.

Черепаховые жуки — сладкие съедобные насекомые. Водятся на Хармонтепе.

Чири кварто — служащий салусанской милиции.

Чусук — планета Лиги Благородных, знаменита своими музыкальными инструментами.

Чусук Эми — великий композитор поздней эпохи Старой Империи.

Шайтан — Сатана.

Шаккад — химик Старой Империи по прозвищу Мудрый, первым исследовал свойства арракисской пряности.

Шеол — место пребывания навечно проклятых в дзенсуннийской религии, подземное царство невообразимого ужаса.

Штурмовик — судно среднего класса в составе Армады Лиги.

Эббин — мальчик, раб на Поритрине.

Эбрагим — бывший друг Селима, предавший его.

Эказ — несоюзная планета.

Экло — земной когитор.

Электропроводящая жидкость — голубая питательная жидкость, поддерживающая жизнедеятельность когиторов и кимеков.

Юнона — женщина-кимек, одна из первоначальных титанов. Возлюбленная Агамемнона.

Яйца кара — съедобные яйца болотной птицы Хармонтепа.

Янг, кварто Стефф — офицер салусанской милиции.

Ярдин — несоюзная планета.

Основные планеты

Лига Благородных	*Синхронизированный Мир*	*Несоюзные планеты*
Балут	Альфа Корвус	IV Анбус
Чусук	Бела Тегез	Арракис
Гьеди Первая	Коррин	Баззелл
Гиназ	Земля	Каладан
Хагал	Икс	Эказ
Джанкшн	Пармантье	Хармонтеп
Кайтэйн	Квадра	Соуки
Кирана III	Ришез	Тлулакс
Комидер	Уларда	Ярдин
Пинкнон	Валгис	
Поритрин	Валлах IX, VII, VI	
Реликон	Йондайр	
Рос-Джал		
Россак		
Салуса Секундус		
Сенека		

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Герберт Брайан, Андерсон Кевин
Дюна: Батлерианский джихад

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Подписано в печать 04.05.08.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 39,48.
С.: ЗБФ. Доп. тираж 1000 экз. Заказ № 885.
С.: ЗБФ-2. Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 885

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Это — «ДЮНА».

САМАЯ ПРОСЛАВЛЕННАЯ САГА ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ.

Вы читали сериал «Дюна»? Конечно!

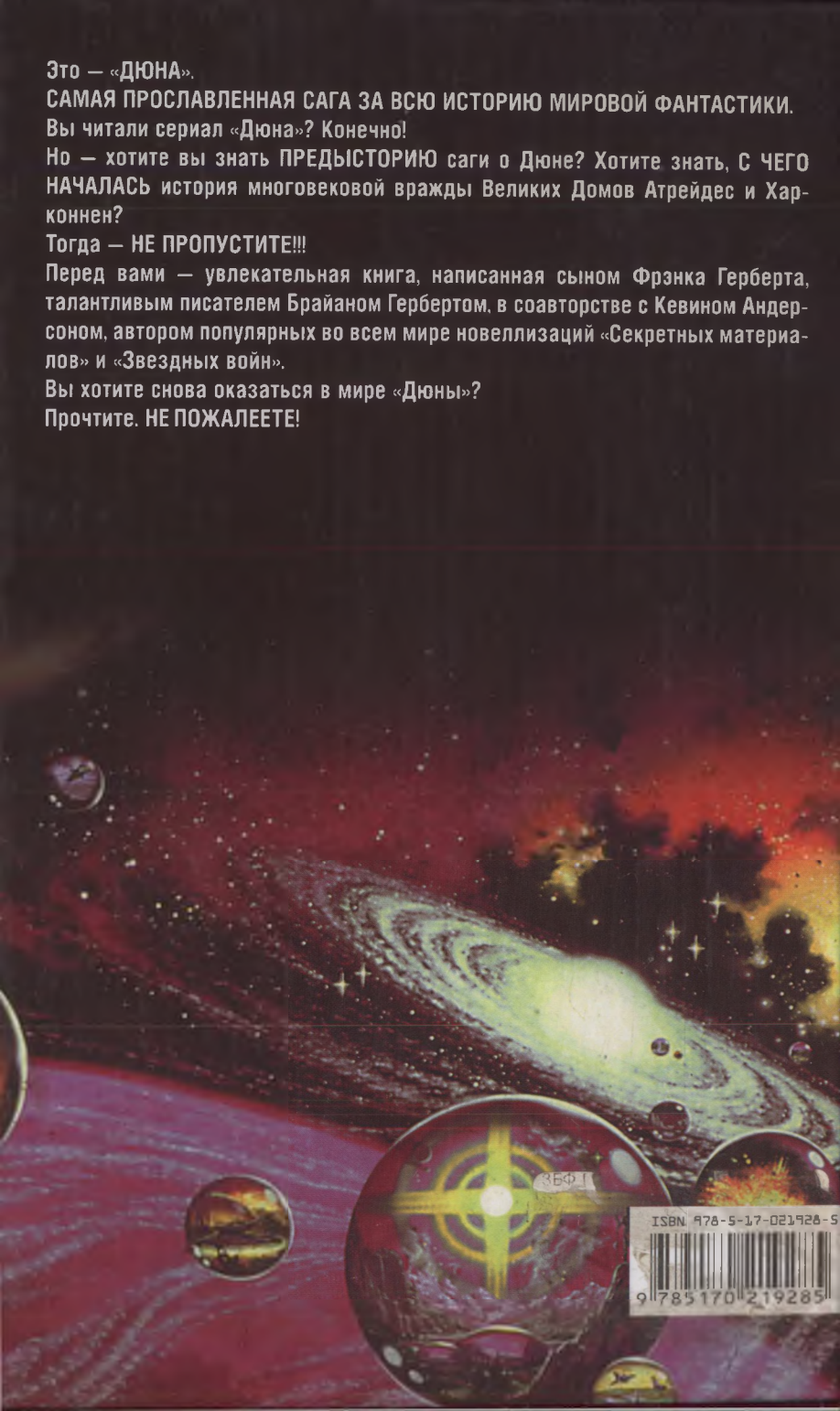
Но — хотите вы знать ПРЕДЫСТОРИЮ саги о Дюне? Хотите знать, С ЧЕГО НАЧАЛАСЬ история многовековой вражды Великих Домов Атрейдес и Харконнен?

Тогда — НЕ ПРОПУСТИТЕ!!!

Перед вами — увлекательная книга, написанная сыном Фрэнка Герберта, талантливым писателем Брайаном Гербертом, в соавторстве с Кевином Андерсоном, автором популярных во всем мире новеллизаций «Секретных материалов» и «Звездных войн».

Вы хотите снова оказаться в мире «Дюны»?

Прочтите. НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!



ISBN 978-5-17-021928-5